

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Princeton University Library

32101 051671616

*Restored through
a grant from*

The Bunbury Company

ВИЛЛА АЛЬБЕРТИ

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ .

ДЛЯ

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ПЕРЕЛОМА

ВЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ XIV—XV СТОЛѢТІЯ .

КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛѢДОВАНІЕ

Александра Веселовскаго.

Veselskij

МОСКВА

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

1870.

«E mi dolgo soprattutto che presso noi sieno così scarse le monografie o gli studi speciali sulle epoche, e sugli scrittori. I nostri concetti sono vasti, inadeguati alle nostre forze, e più volentieri mettiamo mano a lavori di gran mole, da cui non possiamo uscir con onore, che a lavori ben circoscritti e ben proporzionati a nostri studi. Così niente abbiamo ancora d'importante su nessuno de' nostri scrittori, e abbiamo già molte storie della Letteratura.»

Francesco De Sanctis.

«Послѣ 1378-го года, послѣ Петрарки и Бартоло, итальянскія гусударства вышли изъ страшной эпохи великаго междоусобицѣ, эпохи партій и тиранновъ, и вступаютъ въ новый періодъ, который зовется періодомъ великаго раскола, а вамъ болѣе извѣстенъ, какъ пора кондоттьеровъ. Наемники наводняютъ страну, солдаты всѣхъ націй ее опустошаютъ, и народъ бѣжитъ въ страхъ передъ лицомъ предводителей, Нѣмцевъ, Провансальцевъ, Англичанъ, которые кичатся названіемъ враговъ Бога и человѣчества. За ними слѣдуютъ туземные кондоттьеры, въ тысячу разъ болѣе ужасные, потому что, номадные синьоры, они бросаются на осѣдлыхъ, иногда заодно съ плебсомъ, иногда въ союзъ съ партіями, снова вызывая къ жизни старую вражду гвельфовъ и гибеллиновъ.—Италія растерзана вдоль и поперекъ.—Нѣтъ эпохи болѣе кровавой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе блестящей, исполненной столько битвъ и переворотовъ, болѣе трагической, изумляющей неожиданностями: отъ 1378 до 1450 года, въ теченіе 70 лѣтъ, т. е. двухъ поколѣній, литература отсутствуетъ, поэзія безмолвна и философское движеніе остано-

3129
935
963

лось; политика бессознательна, никто не наследует Данте, св. Томъ Аквинату, Толомею Луккскому; кажется, войны, возстанія и перевороты до того часты, что не даютъ времени читать и мыслить, и вы готовы сказать, что народъ падаетъ, еслибы въ самой силѣ его анархіи не чувствовалась жизненная крѣпость, способная вынести всякую борьбу*).

Изученію этого періода посвящена наша книга.

Сужденіе Феррари не стоитъ одиноко. Раньше его, характеризую послѣдніе годы четырнадцатаго столѣтія, Аммирато исполненъ священнаго ужаса: вся Европа страдаетъ зловѣщимъ недугомъ, который не минуетъ Италіи; ея литературныя преданія забыты, искусство падаетъ. Стоитъ взять въ руки громоздкія энциклопедіи Квадрио, Крешимбени, Тирабоски, Жейгене, чтобы убѣдиться въ этомъ во-очію: всего нѣсколько именъ, безъ связи и значенія, Колуччіо Салутати и Луиджи Марсили, нѣсколько дантовскихъ лекторовъ, затѣмъ поборники начинающагося классическаго просвѣщенія, Аретинъ, Поджіо и др.; Альберти и Буркьелло, Фео Белькари и Джусто деи Конти, нѣсколько раньше ихъ вымирающій родъ поэтовъ, которые продолжаютъ лирическую традицію Петрарки. Бездушная библиотечная эрудиція Mehus'a прибавляетъ ко всему этому нѣсколько мелкихъ именъ и библиографическихъ подробностей, но возвести къ какому нибудь жизненному принципу этотъ тусклый періодъ итальянскаго развитія ему не удастся, не смотря на значительность собранныхъ матерьяловъ. А между тѣмъ этотъ періодъ возбуждаетъ вопросы, на которыхъ не можетъ не остановиться вниманіе историка. Позади его блестящее развитіе *итальянской* литературы съ именами Данте, Петрарки и Боккаччо; впереди *латинская* эрудиція Медичисовъ и золотая пора классическаго Renaissance. Между ними должны быть связующія нити, отношенія причины и слѣдствія, посредствующія фазы развитія. Renaissance Медичисовъ явилось не вдругъ, не во всеоружіи Минервы, оно выросло постепенно, оно приготовлено; точно также итальянское литературное преданіе должно было уступать постепенно, защищая

*) Giuseppe Ferrari Corso sugli scrittori politici italiani, стр. 152—3.

свои очаги подъ знаменами великихъ народныхъ поэтовъ. Откуда вышла эта потребность перемѣны, какими путями, она проходитъ къ осуществленію, какая борьба должна была происходить между старыми и новыми началами, — все это тайна переходной эпохи, эпохи борьбы и страданій между двумя побѣдными кликами, которые когда-то тамъ раздавались и теперь раздадутся здѣсь, на сторонѣ новыхъ началъ. Съ этой точки зрѣнія мы посмотрѣли на періодъ, надъ которымъ Феррари пролилъ столь горькія слезы. Разумѣется, какъ и всякая переходная эпоха, онъ не блещетъ великими именами; но развѣ это даетъ право сказать, что литература молчить, поэзія нѣмотствуетъ? Великіе люди являются обыкновенно въ концѣ развитія символическимъ выраженіемъ принципа, побѣдно прошедшаго въ жизнь (Данте, Петрарка, Боккаччо); за ними толпа подражателей, набожно хранящихъ ихъ память, разбрелась по сжатому полю и собираетъ забытые колосья, думая что дѣлаетъ дѣло; и въ то же время новые сѣятели вышли на свѣжую ниву, приготавливая будущую жатву и торжество новаго принципа, воплотить который снова суждено великому человѣку будущаго. Такова въ нашъ періодъ противоположность *дантовской и классической* школъ, — противоположность иногда сплывающаяся, потому что не ограниченная одною теоріей, но перешедшая въ жизнь, потому что иногда люди разныхъ партій вышли изъ одного прошлаго, и не всѣ одинаково умѣли отъ него отрѣшиться и одинаково страстно отдаться привлеченіямъ новизны. Оттого и на людяхъ и на всѣхъ явленіяхъ переходной эпохи одинъ и тотъ же смѣшанный колоритъ непримиренныхъ противоположностей, неразрѣшенныхъ противорѣчій, гдѣ свѣжія краски легли на старый грунтъ, и, на оборотъ, въ подбѣлкѣ, обличающей самое современное происхожденіе, иногда объявится черта, напоминающая старое доброе время.

Современные итальянскіе критики обыкновенно обходятъ молчаніемъ эту пограничную полосу въ исторіи своей литературы, или отдѣлываются отъ нея немногими словами. Причина тому отчасти въ недоступности матерьяловъ, большею частью покоящихся въ пыли библіотекъ и, можетъ быть,

въ особенностяхъ литературныхъ теорій, господствовавшихъ въ Италіи за послѣднее время. Въ стремленіи объяснить ея исторію послѣдовательнымъ проявленіемъ *одного культурнаго принципа* не чувствуется ли отголосокъ тѣхъ политическихъ надеждъ, которымъ суждено было такъ долго не осуществиться? Для писателей неогвельфской школы напр., съ Джьоберти во главѣ, вся итальянская культура построена на христіанской идеѣ, все что въ ней великаго и изящнаго должно быть отнесено на счетъ христіанства. Критики старой либерально-агитаторской партіи, вродѣ Сеттембрини, весь смыслъ итальянскаго развитія сводятъ наоборотъ къ протесту противъ папства во имя свободы и національнаго единства, во имя началъ, ведущихся отъ языческаго Рима, противъ христіанскихъ. Точно также для Кардуччи вся исторія итальянской мысли представляется одною сплошною *реставраціей*, весь прогрессъ состоитъ въ возвращеніи къ прошлому, къ антику. Ему говорить, что неумѣренная страсть къ древности людей XV и XVI столѣтій была несвоевременна, что она прервала національное преданіе въ литературѣ и искусствѣ, помѣшавъ ихъ органическому развитію. «Я, какъ итальянецъ, не могу даже допустить сомнѣнія относительно того, было ли полезно или нѣтъ для оригинальности европейскихъ литературъ, что сохранились и были найдены вновь памятники греческой и римской древности; что касается до тѣхъ, которые утверждаютъ, что научное движеніе XVI вѣка было несвоеременно и выходило изъ колѣнъ народныхъ преданій, то я это рѣшительно отрицаю. Въ переворотахъ средневѣковой Италіи все было реставраціей, по крайней мѣрѣ все, что дѣлалось и чувствовалось—ощущалось какъ реставрація. Данте вѣровалъ въ возстановленіе, когда бы то ни было, римской имперіи съ Цесаремъ на Капитоліи, и писалъ по-латыни; по-латыни писалъ и Петрарка въ ожиданіи, что латинскій языкъ станетъ гражданскимъ языкомъ обновленной Италіи, и страстными желаніями предупреждая республику Сципіоновъ. Хронисты XIII вѣка называютъ Флоренцію дочерью Рима, рассказываютъ, что она построена Цесаремъ по образцу Рима, въ феодалахъ Фьезоле, враждебныхъ республикѣ, видятъ потомковъ Катилины,

принявшихъ отъ него по наслѣдству непріязнь къ сенату; именитые роды въ первой старинной чертѣ города кичатся чистотою римской крови, такъ что Полиціанъ имѣлъ нѣкоторое основаніе назвать Флоренцію городомъ Меонійскимъ (μαεονία) и выразиться о ней, какъ Катуллъ о современномъ ему Римѣ, что въ нее цѣликомъ перенесены Аѳины. Если жители Павіи вплоть до конца прошлаго столѣтія праздновали Боэцію, какъ святому, если Мантуя считала святымъ своего Вергилія, чеканя монету съ его изображеніемъ, украшая имъ свои свободныя знамена и въ праздникъ Св. Павла воспѣвая гимнъ, въ которомъ апостолъ язычниковъ проливалъ слезы на гробницѣ поѣта; если наконецъ Данте, отвѣчая повѣрію своего времени, помѣщалъ въ раю Траяна, — что удивительнаго въ попыткѣ Фичина вставить въ обиходъ католической обѣдни нѣсколько фразъ Платона? Когда Помпоній Летъ изъ любви къ римской древности, которой онъ посвятилъ свободолюбивый и гордый духъ и обѣдную жизнь, измѣнилъ въ языческія христіанскія имена членовъ своей академіи, если велъ счисленіе времени по календарямъ и въ годовщину основанія Рима простирался ницъ вмѣстѣ съ своими передъ статуей Ромула Квирина, — развѣ не было все это слѣдствіемъ, если хотите фантастическимъ, но все же слѣдствіемъ того, что итальянское возрожденіе было освящено во имя античнаго Рима, съ того самаго дня, какъ въ виду города апостоловъ и мучениковъ брешьянскій монахъ воззвалъ къ народу: возстановимъ капитолій, возобновимъ сенатъ, всадниковъ, консуловъ и трибуновъ. Такимъ образомъ классическое движеніе XV вѣка выходитъ непосредственно изъ политическаго движенія XII стол., т. е. изъ протеста римскаго туземнаго принципа противъ германскаго феодальнаго и противъ папства». *)

Въ главныхъ положеніяхъ нельзя не согласиться съ этимъ широкимъ синтезомъ итальянскаго развитія. Въ извѣстныхъ границахъ принимаемъ его и мы. Фердинандъ Вольфъ, — кото-

*) G. Carducci, введеніе въ его изданіе итальянскихъ стихотвореній Полиціана (Firenze, Barbèra) стр. X—XII.

раго предилекціи романтической школы увлекли къ изученію испанской драмы и старофранцузскаго эпоса и удалили въ той же мѣрѣ отъ занятій итальянской литературой, былъ не далеко отъ того же мнѣнія. Итальянцы представлялись ему эпигонами римской цивилизаціи, они ее продолжаютъ, не оригинальны какъ всякіе продолжатели; въ самыхъ раннихъ ихъ произведеніяхъ онъ не прочь подглядѣть извѣстнаго рода манерность, отсутствіе наивности—общіе признаки всякой эпохи упадка. Такимъ образомъ промежутокъ между языческимъ Римомъ и христіанской Италіей исчезаетъ, или лучше сказать нѣтъ ни того ни другаго, а есть *одинъ* организмъ, живущій цѣлые вѣка и изживающійся иногда до неузнаваемыхъ послѣдствій, подъ впечатлѣніемъ разныхъ случайностей и постороннихъ началъ. Та же идея *одного организма* лежитъ и въ основаніи книги Burkhartd'a, Die Cultur der Renaissance in Italien, если мы точно поняли ея общее направленіе. И для Burkhartd'a Италія есть главнымъ образомъ страна классическихъ преданій, въ жизни, литературѣ и искусствѣ; эти преданія онъ противопоставляетъ понятіямъ и цивилизаціи сѣвера; носителями этихъ преданій для него являются безразлично Данте и Петрарка, ученые XV, литераторы XVI вѣка; иногда онъ готовъ заглянуть и по ту сторону Данте и въ знакомыхъ Ліудпранда отыскать черты тѣхъ вполне сложившихся характеровъ, которыми люди итальянскаго Renaissance такъ рѣзко отличаются отъ своихъ сѣверныхъ сверстниковъ. Отъ Ліудпранда легко взойти еще выше, на встрѣчу римской древности, которая никогда не умирала, относительно которой все позднѣйшее развитіе Италіи легко можетъ представиться одною перемежающеюся реставраціей. По слѣдамъ Burkhartd'a, пользуясь его выводами, мы снова пришли къ тезису Кардуччи.

Что такое огульное опредѣленіе по необходимости ступаетъ всѣ частные процессы исторической жизни—понятно само собою; но оно не разрѣшаетъ и вопроса, который его вызвалъ и насъ интересуетъ въ особенности. Кардуччи отрицаетъ несвоевременность, ненаціональность и относительный вредъ классическаго возрожденія XV—XVI-го вѣковъ, на

томъ основаніи, что вся итальянская цивилизація не что иное какъ вѣковое возрожденіе. Намъ стало быть придется отказаться отъ обычнаго опредѣленія «Renaissance», какъ эпохи отмѣченной усиленнымъ возвращеніемъ къ латинской древности; или, если удержать эту характеристику, отъ которой не откажется и Кардуччи, отрицать основной классическій принципъ, лежащій въ основаніи всей итальянской культуры и дающій намъ ключъ къ ея уразумѣнію. Вѣрнѣе всего придется сознаться, что опредѣленіе вѣрно въ томъ и другомъ случаѣ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ явленія, которыя оно берется объяснить, въ высшей степени раздѣльны, своеобразны, отличны другъ отъ друга, иногда другъ другу противоположны. Вопросъ, очевидно, былъ дурно поставленъ, если мы могли придти къ такому двучичному результату.

Что итальянская культура вышла главнымъ образомъ изъ туземныхъ классическихъ началъ, въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Иногда можетъ казаться, что они забыты или отгѣснены на задній планъ, чтобы заявить снова свою неисчерпаемую жизненность при первомъ удобномъ случаѣ, какъ было напримѣръ въ XI вѣкѣ; но ихъ присутствіе продолжаетъ ощущаться, хотя и глухо, въ самые темные періоды исторіи. Что римское литературное преданіе сохранялось въ грамматическихъ школахъ Италіи въ VII—VIII столѣтіяхъ и позже, доказано теперь до очевидности трудами Озанама и Гизебрехта, причемъ не мѣшаетъ сличить рецензію Палермо на книгу послѣдняго. Стихи Альфана, Гуайфера и т. п. прямо указываютъ на незабытые классическіе образцы; въ пѣсни стражей города Модены во время осады его Венграми (904 г.) и тому подобныхъ произведеніяхъ, обнародованныхъ Дюмерилемъ, отзывается то же поэтическое преданіе, уже лишенное школьнаго характера, хотя и не вполне народное. Но мы вправѣ предположить и послѣднее, хотя благодаря методу, котораго до сихъ поръ держались при изданіи памятниковъ средневѣковой латинской поэзіи, мы не можемъ доказать это удовлетворительнымъ количествомъ фактовъ. Du Meril, Schmeller, Grimm, Wright, Haupt и другіе, шедшіе по ихъ слѣдамъ, ограничиваются большею частью

VIII

воспроизведеніемъ старинныхъ сборниковъ, или сами собираютъ по разнымъ рукописямъ, этнографическое опредѣленіе которыхъ всегда трудно, а этнографическое распредѣленіе заключающагося въ нихъ матеріала почти никогда невозможно. Такимъ образомъ мы не въ состояніи услѣдить, что въ нихъ принадлежитъ классической традиціи каждаго народа и сохранились-ли латинскіе образцы той народно-поэтической дѣятельности, которая въ Италіи должна была предшествовать итальянской поэтической школѣ.

Какъ бы то ни было латинская традиція должна была сильно держаться въ обществѣ и народѣ, когда въ началѣ X-го вѣка панегиристъ Беренгара могъ сказать о себѣ, что на его стихи никто не обращаетъ вниманія, потому что и въ городѣ и въ деревнѣ нѣтъ ни одного, кто не могъ бы сложить такихъ же. Церковь относилась ко всему этому отрицательно; въ Италіи она никогда не играла той образовательной роли, какую принимаетъ на сѣверѣ; сильное преданіями классической образованности общество стояло выше ея во многихъ отношеніяхъ. Оттого она оппозируетъ его стремленіямъ къ родной старинѣ, какъ впоследствии объявитъ себя противъ начинающейся итальянской литературы, противъ Данте и Боккаччо, и если блестящая декорація Renaissance XV—XVI-го вв. увлечетъ ее на время въ лицѣ нѣкоторыхъ великихъ папъ, то и въ этомъ случаѣ честь почина остается за обществомъ. Мы не можемъ не привести по этому поводу отзыва Ваттенбаха о панегиристѣ короля Беренгара: «былъ ли сочинитель духовное лицо, или человѣкъ свѣтскій, изъ его труда не видно; во всякомъ случаѣ онъ обязанъ своимъ образованіемъ не церкви, а какому нибудь изъ тѣхъ грамматиковъ, которыхъ дѣятельность въ Италіи никогда не прекращалась. Заслуга Вильгельма Гизебрехта въ томъ, что онъ въ первый разъ доказалъ, какъ эти школы въ Италіи всегда продолжали существовать, распространяя между свѣтскими людьми такую степень образованности, о какой по ту сторону Альповъ не имѣли понятія. Въ Италіи, говоритъ Випонъ въ XI столѣтіи, вся молодежь ходитъ въ школу, и только въ Германіи считаютъ ненужнымъ и неприличнымъ обучать мальчика,

если онъ не назначается въ духовное званіе. Итальянскій ла-
иѣ читалъ *Виргилія* и *Горація*, но книгъ не писалъ, между
тѣмъ какъ духовенство погружено было въ невѣжество или
слишкомъ отдано политикѣ, чтобы принимать участіе въ на-
учныхъ стремленіяхъ времени. Отсюда объясняется недоста-
токъ литературной производительности и бѣдность наличной
литературы, между тѣмъ какъ съ другой стороны (панегиристъ
и нѣсколько позже *Лиудпрандъ*) поражаютъ насъ богатствомъ
классической учености и большою стилистическою опытно-
стью, особенно въ стихосложеніи, которое было главнымъ
предметомъ школьнаго преподаванія. Потому что отдѣльныя
личности изъ духовнаго званія не прочь были вкусить за-
претнаго плода, хотя духовенство было противъ всего этого
движенія, въ которомъ не безъ причины признавало языче-
скій элементъ. Наука въ Италіи никогда не была въ услуженіи
у церкви; она была самостоятельна, хотя почти исключитель-
но формальна и потому непроизводительна. *)

Позднѣйшее развитіе итальянской жизни, выразившееся
впервые самостоятельно въ движеніи городовъ, разрѣшило
эту непродуктивность, принявъ въ плоть и кровь заложен-
ное въ ней культурное начало. Не даромъ итальянскіе го-
рода впервые берутъ лѣтопись изъ рукъ церковныхъ людей:
въ этомъ уже чувствуется потребность народнаго самосозна-
нія. Въ послѣдующемъ призваніи итальянскаго языка къ ли-
тературному гражданству опять выразилась та же потреб-
ность: латинская рѣчь выродилась до неузнаваемости, до
формъ новаго организма, который, разъ окрѣпнувъ, вступаетъ
въ права стараго и во владѣніе его умственнымъ наслѣд-
ствомъ. Если въ Италіи этотъ лингвистическій переворотъ
совершился позднѣе чѣмъ въ другихъ романскихъ земляхъ,
напр. во Франціи, то это ничего другаго не доказываетъ,
какъ только то, что здѣсь самый организмъ былъ живучѣе,
его разложеніе медленнѣе; если переворотъ совершается пре-
имущественно въ городахъ, т. е. въ томъ свѣтскомъ обще-
ствѣ, которое бережетъ латинское культурное преданіе въ

*) W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 2 из. стр. 202.

оппозиціи съ церковью, то и новая литература, ея выражающая, по необходимости должна пойти по слѣдамъ этого преданія. Мы теперь въ средѣ самаго блестящаго, *городского* періода итальянской исторіи; это вмѣстѣ съ тѣмъ и самая блестящая пора ея литературы. Говоря о ея началахъ обыкновенно слишкомъ долго останавливаются на трубадурахъ и поэтическомъ вліяніи сицилійскаго двора, забывая, что всякая литература, если она живуча, выражаетъ собою прежде всего народное содержаніе, въ богатствѣ котораго Италіи отказать нельзя; что изъ средне-итальянской полосы, стало быть изъ той, гдѣ классическая почва должна была сохраниться всего цѣльнѣе, доходятъ до насъ и самые совершенные образцы этого перваго періода поэтическаго творчества, если не самые ранніе. Последнее обстоятельство можетъ быть совершенно случайно, какъ съ другой стороны относительно поздній разцвѣтъ тосканской литературы легко отнести къ той живучести римскаго культурнаго начала, которая помогла намъ объяснить сравнительно позднее появленіе итальянскаго языка среди романскихъ. Мы позабываемъ, наконецъ, тотъ фактъ, что лучшіе выразители этого перваго движенія итальянской мысли совершенно сознательно стоятъ на классической почвѣ: мы говоримъ не только о Петраркѣ и Боккаччо, но и о самомъ Данте. На него обыкновенно смотрять, какъ на представителя среднихъ вѣковъ, разумѣется итальянскихъ; но въ темномъ лѣсу папства и императорства, мистическихъ видѣній и схоластическихъ отвлеченностей онъ первый избралъ себѣ проводникомъ Виргилія, когда Jean de Meung еще довольствуется Bel Accueil'емъ и Dame Oiseuse. — Чтобъ не развлекаться частностями, стоить только бросить взглядъ на наличный литературный матеріалъ эпохи трехъ великихъ флорентійскихъ поэтовъ, чтобы поразиться ея эпигоническимъ характеромъ и общими чертами сходства съ ея великой римской предшественницей. Тѣ же пробѣлы и недостатки и тѣ же преимущества. Тамъ и здѣсь совершенное отсутствіе серьезнаго народнаго эпоса и драмы; даже мистерія является въ Италіи позднѣе чѣмъ въ другихъ странахъ; за то лирика, раннее развитіе исторіографіи, и са-

тирический родъ, столь свойственный римскому генію (*satira quidem tota nostra est. Quintil.*), выражается въ своеобразной формѣ новеллы и *cantare di piazza*, которая нигдѣ не достигаетъ такого блестящаго развитія, какъ въ Италіи. О произведеніяхъ церковной словесности или навѣянныхъ церковью мы разумѣется умалчиваемъ, какъ о неидушихъ къ дѣлу; за всѣмъ тѣмъ матеріаловъ сравненія остается на столько, что основной римскій типъ старой итальянской литературы ясенъ станетъ каждому, кто потрудится пойти далѣе вопроса о вліяніяхъ, которыми, какъ извѣстно, глубоко почвы никогда не взрываютъ.

За тѣмъ въ концѣ XIV-го вѣка какой-то перерывъ. Слышится испуганный голосъ: великій Панъ умеръ! Это плачь Саккетти на смерть Боккаччо:

Ora è mancata ogni poesia
E vote son le case di Parnaso...
Come deggio sperar che surga Dante,
Che già chi il sappia legger non si trova?...
Sonati sono i corni
D'ogni parte a ricolta:
La stagione è rivolta:
Se tornerà non so; ma credo tardi. *)

Но оно никогда не вернется. Нѣсколько десятковъ лѣтъ пройдетъ глухо, какъ будто въ приготовленіи, и за тѣмъ новая литература классическаго Renaissance явится на смѣну старой. Она пишетъ по-латыни, и если спускается къ народной рѣчи, то подъ условіемъ соблюденія классическаго декорума. Въ ея усиленномъ зазываніи къ римскимъ литературнымъ образцамъ, въ щеголяніи цicerоновской фразой и античнымъ котурномъ развѣ не чувствуется что-то искусственное, изысканное? Мы далеко ушли отъ наивныхъ восторговъ старыхъ итальянскихъ поэтовъ передъ чудесами

*) «Теперь исчезла всякая поэзія и опустѣли палаты Парнаса. Какъ мнѣ надѣяться, что возстанетъ Данте, когда нѣтъ никого, кто-бы съумѣлъ истолковать его? Уже рога протрубили сборъ и время пошло на склонъ; вернется-ли оно не знаю; думаю что не скоро».

классической древности, которые открылись имъ впервые: но и самые поэты забыты; выработанная ими литературная традиція отодвинута на задній планъ; чистота итальянской рѣчи, надъ созданіемъ которой они такъ трудились, испещрена латинскими конструкціями и новыми словопроизведеніями на латинскій ладъ. Дѣло въ томъ, что самыя понятія измѣнились, общественныя и государственныя, и вмѣстѣ съ ними перемѣстился и центръ мысли. Городской строй, до толѣ высшее выраженіе народнаго самосознанія, начинаетъ понемногу уступать новому государственному принципу, сначала на сѣверѣ Италіи, на послѣдокъ и въ Тосканѣ. Старая итальянская литература была выраженіемъ этого народнаго самосознанія; очень естественно, что она не можетъ удовлетворить потребностямъ новаго строя, который обходитъ народъ, развиваясь на обломкахъ его свободныхъ учреждений, и начинаетъ искать себѣ новаго выраженія, несвязаннаго съ подозрительными преданіями старины. Тутъ латинская литература и латинскій языкъ являлись сами собою: если во времена панегириста Беренгара народъ еще признавалъ ихъ своими, то съ тѣхъ поръ они успѣли переродиться для него въ итальянскую рѣчь и литературу итальянскихъ классиковъ, и въ XV—XVI-мъ вѣкахъ латинская древность казалось ему, если не вовсе чужою, то все-же древностью, которой смыслъ ему не ясенъ, языкъ не понятенъ. Все это представляло очень удобное орудіе для мысли, которая пожелала-бы выйти изъ заповѣдной послѣдовательности народнаго развитія и оборвать нить государственныхъ преданій. Такъ оно и случилось, разумѣется не такъ сознательно, какъ мы это представляемъ, но несомнѣнно тѣми же путями. Новая латинская литература Возрожденія становится литературою кружка, журнальной партіи, если возможно здѣсь такое приложеніе термина; вскорѣ ею воспользуются новыя политическія стремленія дня: она дѣлается придворною, изолируется отъ народнаго движенія, оттого она искусственна. Вмѣсто того чтобы продолжать народно-литературную традицію, послѣдовательно выработавшуюся изъ классическихъ основъ, она непосредственно предлагаетъ намъ

классическіе образцы и ихъ рекомендуетъ для подражанія. Это напоминаетъ приемы французскаго псевдоклассицизма; оттого и здѣсь такая же непродуктивность. Обратимся къ сравненію, которое послужило намъ въ другой разъ, и сопоставимъ наличный литературный матеріалъ эпохи Renaissance съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи выработано предъидущимъ періодомъ: насъ поразитъ бѣдность творчества. Бембо продолжаетъ Петрарку, новеллисты идутъ по слѣдамъ Боккаччо, Пульчи и Аріосто воспроизводятъ стиль старо-итальянскихъ народныхъ рассказчиковъ, историки XVI-го вѣка могутъ указать на своихъ предшественниковъ въ XIV-мъ вродѣ Дино Компаньи, хотя нельзя отрицать, что въ смыслѣ вещественнаго обогащенія исторической и философской мысли латинское Renaissance принесло свою долю пользы. За то въ литературѣ намъ предлагаютъ ложно-классическій эпосъ, который только талантомъ Тассо спасенъ отъ забвенія; ложно-классическую драму Сенеки и бѣлый стихъ, назначенный удалить народную риему; комедія плетется по слѣдамъ Теренція, сатира и эпистола—по слѣдамъ Горация; за тѣмъ—море эклогъ, георгики, передѣланныя во всѣхъ стиляхъ описательнаго рода, и т. д. Таково общее впечатлѣніе литературы Renaissance, между миссой и скоромной новеллой серьезно трактованной о возвращеніи къ Гречамъ и Латинамъ.

Если мы хорошо свели счеты, то сомнѣніе, возбужденное вопросомъ Кардуччи, разрѣшается удовлетворительно въ обѣ стороны. Да, и тамъ и здѣсь была реставрація: но итальянская литература золотой поры (*buon secolo*) была отчасти *органическимъ продолженіемъ* римской, народнымъ развитіемъ ея началъ, видоизмѣненныхъ условіями исторіи, тогда какъ Renaissance XV—XVI вѣковъ была предвзятымъ *искусственнымъ воспроизведеніемъ* тѣхъ-же началъ на почвѣ кружка и партіи, дѣломъ выбора и сознанія, и на сколько искусственнымъ, на столько ненароднымъ. Какимъ образомъ одно направленіе замѣнилось другимъ, какія были причины, вызвавшія замѣну, условія, при которыхъ она совершилась, переломъ въ понятіяхъ, политическихъ идеяхъ и вкусахъ общества, который ею отмѣченъ,—вотъ вопросы, обратившіе на себя

наше вниманіе. Разрѣшенію ихъ отчасти посвящена эта книга. Разумѣется, мы должны были ограничиться однимъ эпизодомъ длинной исторіи, эпизодомъ до сихъ поръ никѣмъ не разработаннымъ: мы хотѣли посмотрѣть, какъ у самаго входа въ великій мавзолей дантовскаго періода начинается молодая жизнь, какъ новое поколѣніе неудержимо вторгается, громко заявляя свою программу и требуя себѣ мѣста на солнцѣ, когда старое съ виду еще стоитъ крѣпко, и, кажется, одному вѣщему сердцу поэта можетъ почудиться, что палатамъ Парнаса грозитъ запускѣніе, и великое начинается становиться прошлымъ.

Романъ, открытый нами въ рукописи риккардіанской библіотеки, написанный въ первыхъ годахъ XV-го столѣтія, но представляющій событія конца XIV-го, богатствомъ указаній на историческія личности, которыя въ немъ выведены, и своими разговорами, характеризующими содержаніе общественной мысли, давалъ намъ готовые рамы для изслѣдованія, сообщая ему можетъ быть нѣсколько искусственное единство. Стоило только слѣдовать его указаніямъ, развивая ихъ свидѣтельствами другихъ фактовъ, печатныхъ и рукописныхъ, чтобы придти къ довольно полной картинѣ общественнаго броженія во Флоренціи послѣднихъ годовъ XIV-го столѣтія. Разумѣется многія стороны должны были остаться нетронутыми, по крайней мѣрѣ недостаточно освѣщенными по самой ограниченности рамки: такъ мы принуждены были обойти послѣднихъ петраркистовъ, народные повѣсти, приготавливающія въ этомъ періодѣ разцвѣтъ чисто-итальянскаго эпического жанра, котораго высшимъ выраженіемъ явится Orlando Furioso. Но мы не хотѣли дать полнаго изслѣдованія и не могли, еслибы и хотѣли, при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было монографій по этой эпохѣ, при необходимости, въ которую здѣсь поставленъ изслѣдователь, обращаться за каждой мелочью почти исключительно къ рукописному матеріалу, котораго богатство силамъ одного лица одолѣть невозможно. — Въ выборѣ романа руководною нитью для изслѣдованія была еще и случайность: предлагаемая книга вышла первоначально въ *Scelta di curiosità letterarie inedite*

o rare dal secolo XII al XVII, издающейся въ приложеніи къ *Collezione di opere inedite o rare* и т. д., предпринятомъ королевскимъ итальянскимъ обществомъ для изданія старыхъ текстовъ. Самыя условія изданія таковы, что воспроизведеніе этихъ текстовъ является главною задачею, а изслѣдованія, ими вызванныя, допускаются единственно какъ комментарий. Такимъ образомъ и наша книга явилась комментариемъ къ роману, что обусловило нѣкоторую статистическую мелочность изысканія, которая легко можетъ показаться излишнею и бесполезною, а намъ казалась необходимою, если сравнительной исторіи литературы суждено когда-нибудь сдѣлаться въ Россіи самостоятельной наукой, а не вѣчно побираться по задачъ европейской. На сколько мы сами сдѣлали въ смыслѣ этой самостоятельности — судить не намъ. Мы пожалуй не прочь покаяться, что не были очень бережливы относительно примѣчаній, но просимъ не смотрѣть на нихъ, какъ смотрятъ часто, т. е. какъ на излишній балластъ, предназначенный свидѣтельствовать объ учености автора. Самый предметъ изслѣдованія, до тѣхъ поръ никѣмъ не затронутый литературно, опредѣлилъ его способъ: не только въ первый разъ приходилось собирать матерьялъ, разбросанный по рукописямъ и брошюрамъ, напечатаннымъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и потому рѣдкимъ, какъ рукописи, но этотъ самый матерьялъ надо было сначала приготовить критически: потребовались сличенія, повѣрка свидѣтельствъ; явились спорные вопросы, которые необходимо было порѣшить, чтобы не заложить себѣ дальнѣйшаго пути въ изслѣдованіи. Въ этомъ смыслѣ наши примѣчанія не только служатъ поясненіемъ текста, но въ собственно критическомъ отдѣлѣ нашей книги въ нихъ лежитъ главная документальная часть труда. Многіе вопросы, которые могли быть только затронуты въ общемъ изложеніи, разработаны въ примѣчаніяхъ подробнѣе, потому что намъ не хотѣлось пропустить ни одной, хотя-бы мелкой, черты романа, отъ которой могли ожидать отвѣта, и желали возможно полно изчерпать культурное содержаніе памятника. Такимъ образомъ можно было надѣяться, что изъ мелочей и подробностей построится довольно полная характе-

ристика вѣка и періода *), хотя для характеристики частныхъ, напр. дѣйствующихъ лицъ нашего романа, изъ которыхъ инныя выходятъ въ первый разъ на сцену литературной исторіи, матерьяловъ представлялось иногда не на столько, чтобы позволить намъ пойти далѣе фактическаго очерка—какъ ни искусительно представлялась порой возможность обобщенія.

Въ изложеніи мы задались мыслью по возможности сохранить самый ходъ изслѣдованія, чтобы читатель могъ объ руку съ нами пройти по тому же пути сближеній и наведеній, по которому прошли и мы, и такимъ образомъ провѣрить нашъ критическій методъ. Очень можетъ быть, что отъ этого пострадала цѣльность впечатлѣнія, что обнаруживая подмостки и кладку камней, мы помѣшали добытымъ результатамъ сложиться въ полный культурный образъ. Разумѣется, мы старались удовлетворить и этому требованію, на сколько оно соединимо съ первымъ.

Если книга написана нами впервые по-итальянски, **) то никакъ не потому, чтобы у насъ мы не рассчитывали найти специалистовъ, которые произнесли бы надъ ней должный судъ и осужденіе, но потому что для того и другаго у нихъ не было бы въ рукахъ актовъ процесса. Нашъ романъ изданъ по рукописи, матерьялы изслѣдованія и приложенные къ нему документы всѣ большею частью рукописные, и я не могъ надѣяться, чтобы русскій ученый отправился во флорентійскія бібліотеки повѣрять подлинность моихъ цитатъ и выводовъ. А между тѣмъ, какъ всякому автору, мнѣ хотѣлось имѣть критика.

Появленіе книги на русскомъ языкѣ вызвано не ея вну-

*) Обращаемъ между прочимъ вниманіе читателя въ V-ой главѣ на характеристику литературныхъ партій въ концѣ XIV и началѣ XV в., въ связи съ дантовскимъ вопросомъ, исторія котораго, сколько намъ извѣстно, еще не была рассказана въ этой послѣдовательности и въ этомъ направленіи.

**) Она вышла въ 1866—8 годахъ въ Болонѣ у Романьоли, въ 4 томахъ, подъ общимъ заглавіемъ: *Il Paradiso degli Alberti, ritrovi e ragionamenti del 1389, romanzo di Giovanni da Prato, dal codice autografo e anonimo della riccardiana, a cura di Alessandro Wesselofsky.*—Изъ нихъ два тома текста и два изслѣдованія и приложеній подъ другимъ заглавіемъ: *Il Paradiso degli Alberti e gli ultimi trecentisti, saggio di storia letteraria italiana per Alessandro Wesselofsky.*

тренней цѣнностью и не спросомъ, а формальностью, сопряженною съ полученіемъ ученой степени въ русскомъ университетѣ. Тѣмъ не менѣе я позволилъ себѣ отнести къ ней какъ къ новому изданію, «исправленному и дополненному». Воспроизвестъ текстъ романа я разумѣется не могъ, точно также какъ и документы, которые представлялись слишкомъ громоздкими. Изъ нихъ я удержалъ только параллельныя цитаты тѣхъ мѣстъ нашего романа и текста Чьони, который доказываютъ плагиатъ послѣдняго. Въмѣсто письма Колуччіо Салутати къ маркграфу моравскому я напечаталъ, какъ образецъ его эпистолярнаго стиля, другое неизданное его письмо къ боснійскому царю по поводу битвы на Косовомъ полѣ: оно можетъ заинтересовать русскаго читателя, хотя и не представляетъ новыхъ фактическихъ данныхъ для исторіи сербскаго погрома. — Въ самомъ текстѣ изслѣдованія произошли перемѣны: такъ III глава написана на-ново, послѣдняя значительно дополнена, V измѣнена въ томъ смыслѣ, что вмѣсто пространныхъ извлеченій изъ неизданной поэмы Джованни ди Герардо предложена ея подробная парафраза, что дало возможность остановиться долѣе на ея поэтической экономіи и историческомъ значеніи ея аллегорій. Только нѣкоторыя, самыя замѣчательныя мѣста переведены нами, какъ вообще переведены подъ строкою всѣ итальянскія цитаты, встречающіяся въ текстѣ изслѣдованія: работа довольно затруднительная и всего менѣе удовлетворяющая насъ самихъ, не смотря на значительность потраченныхъ усилій. Это понятно будетъ всякому, кому случалось передавать содержаніе стихотворнаго отрывка, въ особенности лирическаго, гдѣ прелесть стиха и требованія риѣмы допускаютъ иногда повторенія, немислимые въ прозѣ, и скрываютъ бѣдное развитіе мысли, которая обнажается, какъ скоро удалена оболочка поэтического слова. — Вообще-же во всѣхъ главахъ и въ примѣчаніяхъ къ нимъ, отнесенныхъ подъ одной нумераціей въ конецъ книги, развиты неясные намеки, прибавлены нѣкоторыя новыя подробности (напр. въ IV главѣ, въ отдѣлѣ майскихъ празднествъ), исправлены частности и недосмотры, неизбежныя при удаленіи автора отъ мѣста изданія; и вездѣ,

XVIII

на сколько возможно, вопросы поставлены общѣе, горизонтъ взять шире, чтобы тѣмъ яснѣе выдѣлить смыслъ того развитія, которое, иначе поставленное, могло-бы показаться слишкомъ мелочнымъ. Мы желали-бы надѣяться, что отъ этого книга выиграла, хотя и не скрываемъ отъ себя, что слѣды черновой, приготовительной работы остались на ней слишкомъ замѣтны. Но мы поминаемъ увѣщательныя слова философіи къ Боэцію, книгу котораго не разъ перечитывали вдумчивые люди изображаемой нами эпохи: кто хочетъ засѣять непочатое поле, пусть очиститъ его напередъ отъ кустарника и сорной травы; пусть серпомъ подрѣжетъ терніе;—только тогда Церера взойдетъ новымъ плодомъ:

Qui serere ingenuum volet agrum
Liberat arva prius fruticibus,
Falce rubos filicemque resecat,
Ut novâ fruge gravis Ceres eat.

Виноваты-ли мы, что намъ досталось такое непочатое поле, а жатвы некогда было дожидаться, потому что въ дѣлѣ историческихъ обобщеній, какъ и въ исторіи, жатва зрѣетъ не годами, а поколѣніями.

Совіевка, 14 Августа 1869 г.

I.

ИСТОРИЯ КНИГИ.

Въ 1796 году докторъ Гаэтано Чьони, членъ Флорентійской академіи, издалъ во Флоренціи, но подъ ложнымъ указаніемъ Амстердама, такъ называемыя новеллы Джиральдо Джиральди. Въ предисловіи онъ сообщалъ, что нашелъ ихъ въ числѣ рукописей, которыя приобрѣлъ «тому назадъ пять лѣтъ». Рукописи, — продолжалъ онъ, — «были писаны большею частью рукою какого-то Винченцо Джиральди, и заключали выдержки изъ греческихъ, латинскихъ и тосканскихъ авторовъ, а также нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ имъ въ разныхъ братствахъ, къ которымъ онъ принадлежалъ. Въ заголовкѣ этихъ аскетическихъ дискурсовъ онъ прописалъ когда, по какому случаю и въ какомъ братствѣ они были произнесены; отмѣченные имъ года были между 1570 и 1590 или немного позже. Въ этомъ-то разнообразномъ матеріалѣ нашелъ я, въ связкѣ бумагъ, немного потерпѣвшей отъ времени, и эти новеллы, которыя въ началѣ не зналъ кому приписать, при совершенномъ отсутствіи какого-бы то ни было указанія на автора; съ своей стороны я не могъ полагать, чтобы онѣ принадлежали самому Джиральди, какъ по различію стиля, такъ и потому что на рѣчахъ, о которыхъ выше говорилось, онъ обыкновенно выставлялъ свое имя. Какъ-бы для того чтобы еще больше подкрѣпить мою догадку, въ концѣ связки отыскалась еще одна новелла, отдѣльная отъ предыдущихъ, которую Джиральди очевидно не захотѣлъ соединить съ прочими, потому что она была его сочиненія, и какъ всегда — помѣчена его именемъ. *Это навело меня на мысль, что онъ только переписалъ остальные;* и такъ какъ внимательный пересмотръ привелъ меня къ заключенію, что онѣ относятся къ buon secolo, по крайней мѣрѣ гораздо древнѣе переписчика, то я и снялъ съ нихъ копию съ большимъ трудомъ, не столько по причинѣ почерка, вездѣ дурнаго,

иногда неразборчиваго до крайности, сколько потому что бумага мѣстами такъ протерлась и пострадала отъ времени и чернилъ, что разобрать письмо было въ высшей степени затруднительно. Кромѣ того многіе листы были оторваны, а другихъ неоставало вовсе, что и произвело тѣ пропуски, какіе попадаются въ предисловіи (proemio) и въ новеллахъ второй и седьмой.

Этимъ впрочемъ не ограничились изслѣдованія издателя. Продолжая рыться въ оставшихся у него рукописяхъ, Чьони отыскалъ небольшой сборникъ въ четвертую долю листа, разнообразнаго содержанія, въ которомъ, кромѣ поэмы Боккаччо объ Африкѣ и Мензолѣ, не полной, но хорошаго стараго письма, какъ мнѣ сдается конца XIV вѣка; кромѣ нѣсколькихъ замѣтокъ о св. Андреѣ Корсини, о Санъ-Заноби, объ Аенинскомъ герцогѣ, о происхожденіи черной и бѣлой партій, и нѣкоторыхъ другихъ статей по химіи и астрологіи, нашлась новелла съ такимъ заглавіемъ: *Favola composta per Giraldo Giraldi nel tempo della moria nell'anno 1479*. Прочтя ее, я увидѣлъ, что она тождественна съ той, которая въ копіи Винченцо Джиральди стоитъ четвертой. Я принялся тщательно свѣрять копію съ оригиналомъ и нашелъ лишь небольшія отличія, да и тѣ незначительныя и не заслуживающія вниманія: развѣ только то одно, что гдѣ у переписчика стояло *fosse, avesse, prendesse* и т. п., тамъ у автора постоянно *fussi, avessi, prendessi* и т. п., безразлично для трехъ лицъ прошедшаго subjunctivi, въ чемъ я счелъ за лучшее послѣдовать автографу. Теперь я больше не сомнѣвался, что авторъ новеллы и есть этотъ самый Джиральдо Джиральди, тѣмъ больше что та новелла, которая носитъ его имя, и въ настоящемъ изданіи помѣщена четвертой, — автографъ и какъ будто первый очеркъ набросанный авторомъ, что очевидно изъ поправокъ, содѣланныхъ имъ, какъ во время сочиненія, такъ и послѣ. Издатель вѣрилъ въ возможность существованія подлинника всѣхъ новеллъ, «писаннаго рукою самаго автора»; еслибъ этотъ подлинникъ найденъ, онъ помогъ бы на полнить тѣ пробѣлы въ копіи Винченцо, «какіе видны въ предисловіи (proemio) и во второй и седьмой новеллахъ».

Что касается до метода, котораго онъ держался при изданіи новеллъ, Чьони сообщаетъ, что онъ старался сохранить «тѣ различія, хотя бы и самыя мелкія, какія представляетъ снимокъ въ сравненіи съ автографомъ». «Такимъ образомъ я вездѣ слѣдовалъ копіи Джиральди младшаго, оставляя ее только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ могъ воспользоваться подлинникомъ. Я впрочемъ не считалъ

дозволеннымъ по ореографіи оригинальной новеллы исправлять правописаніе другихъ, и потому оставилъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представлялись въ полномъ спискѣ Винченцо Джиральди».

Наконецъ, чтобы удовлетворить любопытству ученыхъ, или скорѣе чтобы отдалить всякую возможность подозрѣнія, Чьони помѣстилъ автографъ новеллы Джиральдо Джиральди въ Риккардіанскую бібліотеку, «не столько изъ преданности къ ея именитому обладателю, сколько по старой дружбѣ съ ея ученымъ бібліотекаремъ, аббатомъ Франческо Фонтани».

Мы сочли необходимымъ для цѣли нашего изслѣдованія сообщить in extenso выдержки изъ предисловія, помѣщеннаго въ заголовкѣ перваго изданія новеллъ. Это пригодится намъ въ послѣдствіи.

Кажется, что въ пору ихъ перваго обнародованія новеллы Джиральди не возбудили никакого подозрѣнія относительно ихъ подлинности. Напротивъ, Альберти упомянулъ ихъ въ своемъ Dizionario Enciclopedico, и если графъ Антонъ Франческо Борromeo, говоря о нихъ въ своемъ Catalogo de' Novellieri Italiani стр. 38, 39 (Bassano 1805) какъ будто сомнѣвается, не скрылся ли самъ Чьони подъ вымышленнымъ именемъ Джиральди, это сомнѣніе выражено такъ осторожно и стороной, что не бросало никакой тѣни на доброе имя Чьони. Другое дѣло Гамба (Serie de' testi di lingua, Milano 1812 p. 522): подозрѣніе графа Борromeo становится для него вполне дознаннымъ фактомъ, т. е. что Чьони и есть настоящій авторъ новеллъ, которыя онъ выдалъ за произведеніе Джиральди Старшаго.

Въ виду подобныхъ подозрѣній молчаніе Чьони кажется намъ по крайней мѣрѣ страннымъ: онъ даже какъ будто доволенъ обвиненіями въ подлогѣ, и его самолюбіе пріятно щекочуть похвалы, которыя расточаютъ ему за искусство, съ какимъ онъ «схумѣлъ усвоить себѣ манеру и элегантную простоту нашихъ старыхъ разскащиковъ». Мы привели слова Гамбы.

Когда израсходовалось первое изданіе новеллъ и издателю вздумалось сдѣлать другое, онъ обратился къ Чьони съ просьбой вывести его изъ затруднительной неизвѣстности, въ которой онъ находился вслѣдствіе разнаго рода слуховъ, возбужденныхъ его книгой. Чьони ничего не отвѣтилъ ему на этотъ запросъ; вмѣсто того онъ предложилъ издателю нѣсколько другихъ новеллъ, *извлеченныхъ изъ другихъ рукописей*. Новеллы эти, говорилъ онъ, «хотя и не носятъ имени Джиральди и отличаются инымъ стилемъ, тѣмъ не менѣе могутъ быть присоединены при перепечаткѣ

прежнихъ»; за тѣмъ слѣдовало извиненіе автора, что недостатокъ «свободнаго времени не позволяетъ ему приложить къ новелламъ какія-бы то ни было объяснительныя примѣчанія, какъ историческія, такъ и касающіяся языка». Такъ говоритъ Avviso въ началѣ втораго изданія (стр. X), гдѣ между прочимъ указывается, что вторая изъ вновь приложенныхъ новеллъ, подписанная буквами F. V., можетъ быть сочиненія Франческо Берни, *и что такъ какъ всѣ остальные отличаются каждая особымъ стилемъ, то возможно предположеніе, что и принадлежатъ онѣ различнымъ авторамъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти предположенія, въ особенности касающееся второй новеллы, были внушены издателю самимъ Чьони; это доказывается между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что передъ означенной новеллой помѣщено письмо къ Аньоло Довиціо, который былъ другомъ Берни, и что самое письмо подписано начальными буквами F. V.

Четыре года спустя по выходѣ втораго изданія новеллъ въ 1819 году, Антоніо Бенчи написалъ о нихъ критическую статью, въ *Антологіи* (1823 іюль XXXI). Упомянувши о сужденіяхъ графа Борромео и Гамбы, онъ объявляетъ себя ихъ сторонникомъ: Чьони человѣкъ отъ природы веселый, любитъ поострить въ пріятномъ обществѣ и не прочь отъ шутокъ; онъ и прежде забавлялся тѣмъ, что поддѣлывался подъ слогъ писателей XVI-го вѣка и т. п. Въ концѣ концовъ только четвертая новелла въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ Джиральди, такъ какъ её можно видѣть въ рукописи Риккардіанской библіотеки, всѣ-же остальные должны быть приписаны самому Чьони. Бенчи останавливается нѣкоторое время на разсказѣ объ амурныхъ приключеніяхъ Марсиліи, какъ передаетъ ихъ настоящій Джиральди, и за тѣмъ дѣлаетъ обзоръ остальнымъ новелламъ, которыя относитъ на счетъ подложнаго. «Во второй новеллѣ (которую Чьони прервалъ по срединѣ, дабы подумали, что она въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ Джиральди, и что пропускъ находится въ рукописи), во второй новеллѣ напротивъ цѣломудренная жена проводитъ сладострастнаго негодяя. Въ третьей воспроизведена любовная исторія Франчески да Римини. Затѣмъ, слѣдомъ за четвертой новеллой, принадлежащей, какъ замѣчено, настоящему Джиральди, помѣщены пять другихъ новеллъ, въ которыхъ дурные нравы постоянно охаяны, хотя иногда на нихъ-то и основано то привлеченіе, которое по мнѣнію автора новеллы должны были оказывать на читателя. Пора бы намъ отказаться отъ этой привычки: намъ

нужны книги болѣе чистой нравственности, здороваго содержанія, чтобы умъ могъ воспринимать мысли, ведущія къ тому общественному состоянію, которое желается, и само собою пагубливое отродье, потворствующее бездѣлю. Самъ подложный Джиральди (потому что развѣ только за эту фикцію добрый и милый Чьони заслуживаетъ укора) почувствовалъ, какая насущная необходимость въ обновленіи даже новеллъ, присоединивъ въ этомъ новомъ изданіи четыре новеллы безупречнаго содержанія,—за что мы приносимъ ему нашу искреннюю благодарность. Отличаясь шутливымъ умомъ, Чьони разнообразилъ стиль каждой изъ этихъ четырехъ новеллъ, иногда приближаясь къ Боккаччо, иногда подражая другимъ и выдавая вторую за сочиненіе Берни. Онъ любитъ скрывать свое имя на всевозможные лады, и намъ пріятно смотрѣть, какъ онъ поддѣляется подъ наивную болтовню нашихъ праотцевъ, которую безъ сомнѣнія хотѣлъ переразнить въ новомъ введеніи, приложенномъ къ новымъ новелламъ. Вотъ что тамъ читается: «Conciossiachè, dove la retta ragione fievole e fiacca diviene, null'altro che un animal bruto rimane, sendo la differenza fra noi e loro solamente nel ragionevole. Perchè da' sommi filosofanti è stato detto l'uomo essere un animale ragionevole, laddove gli altri animali non ragionevoli ma bruti sono chiamati». Намъ хотѣлось бы посмѣяться такъ, какъ смѣялось Чьони, когда онъ писалъ эти великолѣпные доводы, которыми полны наши древнія хартіи.

Хотѣлось бы посмѣяться и намъ, если возможно еще смѣяться въ виду такого ненужнаго богатства ошибокъ и мистификацій; но на этотъ разъ въ насъ возбуждаетъ смѣхъ лишь невинное заблужденіе Бенчи. Тѣ четыре новеллы, исполненныя нравственности, за которыя онъ благодаритъ Чьони, до такой степени ему не принадлежать, что онъ читается буквально въ одной старой рукописи, судьбы которой мы готовимся изучить; между тѣмъ какъ въ числѣ предъидущихъ, показавшихся наивному Бенчи не со всѣмъ приличными, легко выберется та или другая, на которую Чьони могъ бы предъявить съ большимъ основаніемъ свои авторскія права. Что касается до разнообразнаго стиля, будто отличающаго вновь приложенныя новеллы, то подходящаго къ стилю Боккаччо, то къ манерѣ Берни, мы склонны видѣть въ этомъ по меньшей мѣрѣ иллюзію Бенчи, къ которой привели его обоюдо-острыя слова издателя, упомянутыя выше. На самомъ же дѣлѣ эти новеллы отлиты въ одну и ту же форму, изобличаютъ одну и ту же руку, при-

надлежать одному и тому же автору, который или самъ изобрѣлъ ихъ, или только записалъ въ рукописи, указанной нами. Точно также падаетъ предположеніе, будто Чьони задумалъ въ предисловіи къ новымъ новелламъ скаррикатурить слогъ старыхъ итальянскихъ рассказчиковъ: читатель убѣдится въ этомъ самъ, когда прочтетъ воспроизведенный со страницъ древней рукописи тотъ самый отрывокъ, который цитуетъ Бенчи въ доказательство сатирическихъ цѣлей Чьони.

Въ томъ же самомъ 1823 году Чьони представилъ изданныя имъ новеллы на соисканіе преміи академіи della Crusca. Это уже равнялось признанію.

Продолжая библиографію критическихъ отзывовъ, вызванныхъ нашею книгой, укажемъ здѣсь въ порядкѣ времени на статью Джиральдо Джиральди, помѣщенную въ *Bibliografia Pratese* (Prato 1844 1 №139) и ограничивающуюся воспроизведеніемъ предъидущихъ сужденій ¹⁾. Надо полагать, что мнѣніе о подлогѣ и объ авторствѣ Чьони было довольно общее и установившееся въ литературныхъ кружкахъ, когда составленъ былъ тотъ родъ протокола, который читается на листѣ, нарочно приложенномъ къ рукописи подлинной новеллы Джиральдо Джиральди, помѣщенной самимъ Чьони въ Риккардіанскую библіотеку съ цѣлью сдѣлать ее доступною публикѣ. Рукопись эта на бумагѣ помѣчена номеромъ 713 ²⁾ и сопровождается слѣдующимъ извѣщеніемъ, *Notizie preliminari*, которое мы воспроизводимъ.

«Это автографъ четвертой изъ новеллъ Джиральдо Джиральди, помѣщенной на стр. 33 ихъ второго изданія, напечатаннаго во Флоренціи въ 1819 году, съ ложнымъ указаніемъ Амстердама.

«Нечего распространяться объ этихъ новеллахъ. Каждый можетъ прочитать въ предисловіи къ нимъ, что ему интересно узнать. Имя настоящаго ихъ автора ни для кого болѣе не тайна съ тѣхъ поръ какъ Гамба въ своей *Bibliografia dei Novellieri italiani* (Firenze 1835 р. 55) открылъ его имя и докторъ Газтано Чьони самъ призналъ ихъ за свои, за исключеніемъ впрочемъ настоящей, которую всякій безъ сомнѣнія признаетъ не только подлинникомъ, но и автографомъ.

«Присоединю къ этому, что настоящая рукопись была передана въ Риккардіанскую библіотеку, какъ сообщается издателемъ въ предисловіи къ изданію 1819 года, но что, когда за послѣдовавшей смертію ученаго библіотекаря, аббата Франческо Фонта-

ни, Чьони вздумалъ ее розыскивать, она оказалась ненаходимою. Прошло нѣсколько лѣтъ и рукопись считалась затерянной и можетъ быть похищенной, когда въ прошедшемъ юнѣ я пріобрѣлъ отъ наслѣдника Фонтани манускрипты, принадлежавшіе покойному аббату, и, къ моему счастью, открылъ между ними и настоящую новеллу, которую мой бѣдный другъ, человѣкъ безупречной нравственности, взялъ къ себѣ на домъ, вѣроятно за тѣмъ, чтобы подвергнуть ее критическому разсмотрѣнію, и не успѣлъ возвратить ее на прежнее мѣсто, когда его застала смерть. Я захотѣлъ удостовѣриться въ фактѣ и въ тождественности рукописи и немедленно отнесъ ее къ моему другу доктору Чьони подъ предлогомъ попросить его, не можетъ ли онъ дать мнѣ относительно ея какія нибудь указанія. Онъ тотчасъ же призналъ рукопись, и нечего говорить какую радость онъ обнаружилъ при видѣ дорогаго для него предмета, который столько лѣтъ считалъ потеряннымъ. Мой старый почтенный другъ, сохраняющій,—не смотря на преклонный возрастъ 86-ти лѣтъ,—живость духа и свѣжесть ума, какой мы позавидовали бы въ 25-ти лѣтнемъ юношѣ, мой почтенный другъ показалъ мнѣ при этомъ случаѣ свой собственный экземпляръ изданія 1819 года, въ которомъ онъ отмѣтилъ подъ каждой новеллой имена друзей, внушившихъ ему содержаніе каждой изъ нихъ. Въ припискѣ къ настоящей новеллѣ онъ замѣчалъ, что ея автографъ, положенный имъ въ Риккардіанскую бібліотеку, къ несчастію, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не могъ быть въ послѣдствіи найденъ, и пожелалъ чтобы подъ этою замѣткой я самъ написалъ извѣстіе о счастливой и неожиданной находкѣ.

«Онъ повторилъ мнѣ, что напрасны были его прилежныя старанія собрать какія-бы то ни было свѣдѣнія о Джиральдо Джиральди, настоящемъ авторѣ этой новеллы, и что ему ничего не удалось прибавить къ тому, что уже сказано было въ предисловіи. И мнѣ также не удалось открыть это имя ни въ одной біографіи или литературной исторіи, такъ что становится вѣроятнымъ предположеніе, что отъ него ничего не сохранилось для потомства, кромѣ настоящей новеллы.

«Теперь я велѣлъ ее приличнымъ образомъ переплести, и, возвращенная мною наслѣднику Фонтани, она снова займетъ свое прежнее мѣсто въ Риккардіанской бібліотекѣ и по прежнему будетъ доступна публикѣ. Рекомендую ея теперешнему ученому

и трудолюбивому библиотекарю сохранность этой драгоценной рукописи».

Флоренция, 14 сентября 1846 г.

G. M

già B. P.

Очень вѣроятно, что заглавныя буквы, выставленныя въ концѣ, должны означать: Giuseppe Molini, già bibliotecario Palatino (Джузеппе Молини, бывшій библиотекарь Палатинской библиотеки).

Въ 1852 году Франческо Бонаини читалъ въ Флорентійской академіи dei Georgofili похвальное слово Чьони (Elogio del dottor Gaetano Cioni, Firenze, tipografia Galileiana, 1852), но мы узнали о немъ слишкомъ поздно и когда невозможно было достать экземпляра. Оттого мы не можемъ сказать, на сколько въ ней подвинуть вопросъ насъ занимающій.

Сорокъ одинъ годъ спустя послѣ критической статьи Антоніо Бенчи, Джовамбаттиста Пассано воспроизвелъ въ своихъ *Novellieri italiani in prosa indicati e descritti* (Milano, Schiepati, 1864) сужденія Альберти, графа Борромео, Гамбы и Антоніо Бенчи, не присоединивъ къ нимъ никакого собственнаго заключенія. Мы не знаемъ поднималъ ли послѣ того кто нибудь вопросъ о новеллахъ Джиральдо Джиральди; думаемъ что нѣтъ.

Прежде чѣмъ перейти къ критическому разсмотрѣнію рукописи, которую предполагаемъ изучить, считаемъ нужнымъ сопоставить здѣсь тѣ немногія свѣдѣнія, какія объ этомъ предметѣ сообщаетъ намъ самъ издатель.

Прежде всего, говоря объ изданіи 1796, онъ сообщаетъ, что заимствовалъ свои новеллы изъ собственноручной копіи Винченцо Джиральди, которою вездѣ руководился въ установленіи печатнаго текста, за исключеніемъ впрочемъ того отрывка, гдѣ онъ могъ обратиться къ подлинной новеллѣ Джиральдо Джиральди. Дальше сообщается, что этому Джиральдо Джиральди съ большою вѣроятностью можетъ быть приписано сложеніе и другихъ новеллъ, которыя Винченцо только переписалъ; что наконецъ нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что когда нибудь отыщется и подлинная рукопись новеллъ Джиральдо Джиральди, которая поможетъ наполнить пробѣлы текста въ рукописи Винченцо.—Что касается до новеллъ присоединенныхъ въ изданіи 1819 года, Чьони говорилъ, что онѣ не принадлежатъ Джиральди и должны быть приписаны различнымъ авторамъ.

II.

ИСТОРИЯ РУКОПИСИ.

Работая во Флорентійскихъ библіотекахъ надъ собираніемъ матеріаловъ для литературной исторіи Италіи въ послѣдніи десятилѣтія XIV вѣка, я случайно попалъ, слѣдуя указанію Келлера въ его *Romvart*, на одну рукопись Риккардіанской библіотеки, помѣченную въ ея рукописномъ каталогѣ № 1280 и такимъ общимъ опредѣленіемъ: *Romanzo e novelle* (Романъ и новеллы). Рукопись въ листъ, сборная, писана на бумагѣ и судя по письму принадлежитъ послѣднимъ годамъ XIV вѣка или первой четверти послѣдующаго столѣтія. Въ началѣ сборника помѣщена легенда св. Плаутиллы и Домитиллы, за которой слѣдуетъ словословіе въ стихахъ (*laude*) въ честь послѣдней святой; *) за тѣмъ идетъ романическій рассказъ, неполный въ началѣ, хотя кажется можно сказать безъ ошибки, что недостаетъ лишь немногаго. Писанъ онъ рукой отличной отъ той, которая начертала легенды, но всё же современной ей; рукопись безъ всякаго сомнѣнія автографъ, такъ какъ она представляетъ частныя поправки, поправки и варианты, вписанные той же рукой между строкъ либо на поляхъ; рассказъ не конченъ и прерывается на половинѣ фразы: *A cui il maestro così graziosissimo rispondea:...* Это даетъ намъ нѣкоторое право предположить, что нашъ романъ никогда не былъ оконченъ и не получилъ отъ автора послѣдней отдѣлки, потому ли что смерть воспрепятствовала окончанію, или автору надобла начатая работа.—Прибавимъ ко всему этому, что большая часть рукописи испещрена на поляхъ примѣчаніями Антона Маріи Сальвини (1653—1729), состоящими иногда въ выпискѣ и объясненіи замѣчательныхъ словъ и оборотовъ встрѣчающихся въ текстѣ. Очевидно, онъ пользовался имъ съ лексическою цѣлью.

Когда я въ первый разъ принялся разбирать Риккардіанскую рукопись, я случайно наткнулся въ ней на новеллу, поразившую

меня своимъ сходствомъ съ какой-то другой, которую казалось я гдѣ-то видѣлъ въ печати. Чѣмъ дальше шло чтеніе и чѣмъ пристальнѣе оно становилось, тѣмъ сильнѣе росла эта увѣренность; пока наконецъ, послѣ цѣлаго ряда необходимыхъ справокъ, мнѣ удалось открыть въ сборникѣ новеллъ, напечатанныхъ съ именемъ Джиральдо Джиральди, ту самую новеллу, которая оставила мое вниманіе при чтеніи рукописи. Сходство было такое очевидное, что мысль о связи печатнаго текста съ рукописнымъ являлась сама собою: тѣ же самые обороты, одинъ стиль, наконецъ однѣ и тѣ же слова, только что иное слово казалось въ печати подновленнымъ, переложеннымъ въ лексическія формы болѣе близкія къ намъ, иное было выкинуто, другое приставлено, какъ будто затѣмъ, чтобы округлить рѣчь по стилистическимъ расчетамъ. Но это были исключенія: въ большинствѣ случаевъ сходство оказывалось *дословное*. Этого было достаточно, чтобы побудить къ дальнѣйшимъ сравненіямъ: путь былъ указанъ и сравненія напрашивались сами собою. Когда съ каждой новеллой, какая открывалась въ риккардіанскомъ текстѣ, являлись новыя черты тождества съ рассказами обнародованными Чьони, очень естественно было явиться вопросу: въ какихъ отношеніяхъ находятся эти послѣдніе къ нашей рукописи.

Въ разрѣшеніи этого вопроса приходилось на первый разъ отправиться отъ показаній самого Чьони и принять на вѣру сообщенныя имъ палеографическія данныя. Что такое въ самомъ дѣлѣ риккардіанская рукопись? Списокъ ли это, сдѣланный рукою Винченцо Джиральди? Но почеркъ нашего манускрипта можетъ быть отнесенъ по меньшей мѣрѣ къ первымъ годамъ XV-го вѣка, а младшій Джиральди жилъ въ концѣ XVI-го; не говоря уже о томъ, что въ Палатинской библіотекѣ (теперь присоединенной къ національной) находятся подъ №№ Е, 5, II, 17 и 21, 4, 1064 автографы Винченцо Джиральди, не представляющіе никакого сходства съ почеркомъ нашей рукописи. Прибавимъ къ этому, что въ ней какъ нарочно недостаетъ первыхъ четырехъ новеллъ, которыя Чьони воспроизвелъ въ своемъ изданіи будто бы по списку Винченцо Джиральди. Разумѣется подобное соображеніе, поставленное само по себѣ, не имѣетъ особеннаго вѣса: въ нашей рукописи недостаетъ первыхъ листовъ (или м. б. одного перваго); кромѣ того нѣсколько другихъ выпало въ срединѣ, такъ что всегда возможно предположеніе, что недостающія четыре новеллы утратились изъ риккардіанскаго списка лишь

въ недавнее время, и что Чьони могъ пользоваться имъ въ болѣе сохранномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ онъ дошелъ до насъ.

За отстраненіемъ этой гипотезы является другая: если наша рукопись не списокъ сдѣланный Винченцо, то не есть ли она тотъ подлинникъ Джиральдо Джиральди, при помощи котораго, еслибы онъ былъ найденъ, Чьони надѣялся пополнить пробѣлы своего изданія? Но и противъ этой гипотезы поднимаются всякого рода невозможности. Прежде всего палеографическія: наша рукопись автографъ, точно такъ же какъ автографъ та новелла Джиральдо Джиральди, которая сохраняется подъ № 713 въ Риккардіанской библіотекѣ, куда, какъ мы видѣли выше, помѣстилъ ее самъ Чьони. Простое сличеніе обѣихъ рукописей достаточно для того, чтобы убѣдить всякаго, что принадлежать онѣ двумъ различнымъ рукамъ, и что между почерками той и другой разстояніе по крайней мѣрѣ восьмидесяти лѣтъ. Кромѣ того мы видѣли, что въ нашемъ манускриптѣ отсутствуютъ, кромѣ первыхъ трехъ, еще четвертая новелла изданія Чьони, та самая, которая въ риккардіанской рукописи 713 помѣчена именемъ Джиральдо Джиральди: отсутствіе въ высшей степени странное, если послѣ всего сказаннаго было бы еще возможно допустить, что наша рукопись и есть утраченный подлинникъ Джиральдо Джиральди. А мы только-что показали, что это палеографически немислимо.

Какъ бы то ни было, и какъ ни подозрительны являлись намъ до сихъ поръ черты сходства между текстомъ Чьони и нашимъ рукописнымъ, всего этого еще недостаточно, чтобы очернить память издателя и возбудить противъ него обвиненіе въ плагиатѣ. На столько мы можемъ сказать съ достовѣрностію, что наша рукопись не тождественна съ автографомъ Винченцо Джиральди, на который ссылается Чьони; еще менѣе вѣроятности, чтобы она была тѣмъ подлинникомъ новеллъ Джиральдо Джиральди, который, по мнѣнію издателя, когда нибудь еще найдется. Все это не исключаетъ третьей возможности: наша рукопись можетъ быть совершенно самостоятельна, отлична отъ двухъ искомыхъ и древнѣе чѣмъ та и другая. Старшій Джиральди могъ воспользоваться ею, извлечь изъ нея тѣ новеллы, какія болѣе приходились ему по вкусу, перемѣшать ихъ съ другими своего собственного изобрѣтенія, и потомъ расположить по своему, вложивъ ихъ въ уста общества, которое, убѣжавъ отъ чумы, постигшей Флоренцію въ 1478 и 1479 годахъ, коротало рассказами скуку невольнаго изгнанія. При такомъ построеніи фактовъ, толь-

но этотъ послѣдній замыселъ пришлось бы приписать воображенію старшаго Джиральди, что заставляетъ предполагать и автографъ его новеллы, сочиненной во время чумы 1479 года (*nel tempo della moria nell'anno 1479*) и еще болѣе тѣ слова печатнаго введенія къ новелламъ (2-ое изд., стр. 2), гдѣ писатель объявляетъ себя современникомъ описываемыхъ событій и соучастникомъ въ томъ обществѣ рассказчиковъ, которое онъ самъ выводитъ на сцену. «Il quale», говоритъ онъ о себѣ, «siccome quello che più degli altri giovane era, e che di imparare suto sono sempre desideroso, quanto allora udii, a memoria del ricevuto piacere, avvisai di raccogliere ed iscrivere, non con quel purgato ed isquisito stile in che detto fu, ma con tale che al mio debole ingegno potesse convenire».*) Такое признаніе автора нисколько не противорѣчитъ предположенію, высказанному выше касательно отношеній старшаго Джиральди къ новелламъ нашей рукописи. Не надо забывать, что литературные нравы нашихъ предковъ были гораздо покладистѣе, понятія о литературной собственности шире: пользованіе чужимъ добромъ для своихъ собственныхъ цѣлей, въ особенности когда дѣло шло о новеллахъ, хроникахъ, историческихъ разсказахъ и т. п. никому и въ голову не приходило называть плагиатомъ. Такъ весь наличный капиталъ апологовъ, нравоучительныхъ изрѣченій и т. п., унаслѣдованный средними вѣками отъ Востока и классической древности, переходилъ безпрепятственно отъ одного моралиста къ другому, иногда безъ имени, часто безъ указанія источника. Такъ Джіованни Виллани безнаказанно переписывалъ Малиспини, даже не называя его, а другой Малиспини, гораздо болѣе поздній, изъ числа своихъ 200 новеллъ 93 заимствовалъ изъ *Cent nouvelles nouvelles*, другія изъ Діаны Монтемайора, нѣкоторыя изъ иныхъ источниковъ; и всѣ эти новеллы разсказываются у него обществомъ дамъ и кавалеровъ, будто бы убѣжавшихъ въ окрестности Тревизо отъ чумы, которая свирѣпствовала въ Венеціи въ 1580 году. Не даетъ ли это намъ поводъ предположить нѣчто подобное относительно заимствованія старшимъ Джиральди новеллъ изъ нашей рукописи, которыя онъ только расположилъ по своему усмотрѣнію?

Но прежде всего замѣтимъ слѣдующее. Еслибы писатель послѣднихъ годовъ XV-го столѣтія задумалъ воспользоваться фактомъ чумы, либо какимъ нибудь другимъ *современнымъ* событіемъ, и въ его рамки поставилъ общества рассказчиковъ, изъ каковыхъ бы другихъ, болѣе древнихъ источниковъ (въ данномъ случаѣ наша

рукописи) онъ ни заимствовалъ свои рассказы, нѣтъ сомнѣнiя, что онъ вложилъ бы ихъ въ уста *современныхъ событiю* личностей, которыхъ либо назвалъ по имени, если напр. событiе было въ самомъ дѣлѣ историческое, а не изобрѣтенное, либо далъ-бы имъ выдуманныя прозвища, какъ то и сдѣлалъ Челіо Малиспини. Еслибъ наконецъ въ древнемъ сборникѣ новеллъ, или романѣ, котораго содержаніе онъ экскерпировалъ, ему встрѣтились лица названныя по имени, и эти лица были историческія и ему хорошо извѣстныя, мы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать, что онъ не сдѣлалъ-бы оплошности перенесши ихъ вмѣстѣ съ новеллами, которыя они рассказываютъ, въ среду событiй, которыхъ они не могли быть свидѣтелями, потому что умерли лѣтъ 80 тому назадъ. А между тѣмъ въ такой именно необъяснимой оплошности пришлось-бы обвинить Джиральдо Джиральди, если разъ признать за доказанную связь новеллъ, ходящихъ подъ его именемъ, съ текстомъ нашей рукописи,—связь, которую отрицать невозможно и которая становится намъ все яснѣе. Забывая впередъ къ тому, что будетъ подробнѣе развито въ четвертой главѣ, мы можемъ теперь-же сообщить, что нашъ текстъ представляетъ нѣчто въ родѣ романа, или лучше рядъ новеллъ, слабо соединенныхъ общими дѣйствіемъ и перемежающихся разговорами, которые велись въ окрестностяхъ Флоренціи на исходѣ XIV-го вѣка. Самъ авторъ ихъ записавшій, тогда еще безбородый юноша, *) говоритъ о себѣ, что принималъ участіе въ этихъ разговорахъ вмѣстѣ со многими другими лицами, которыми гордилась тогда Флорентійская республика и флорентійскій университетъ (studio). Между ними были Колуччіо Салутати, Луиджи Марсили, Алессандро дельи Алессандри, Алессандро ди саръ Ламберто, Франческо Ландини Сіесо (слѣпой) или degli Organі (органистъ); Марсиліо ди Санта Софія, родомъ изъ Падуи, знаменитый медикъ, какой-то Бiаджіо Сернелли, веселый разсказчикъ и нѣкоторые другіе, о которыхъ здѣсь не упоминаемъ, чтобы имѣть возможность поговорить о нихъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Что скажемъ мы, если съ нѣкоторыми изъ этихъ личностей мы встрѣтимся снова, какъ будто какимъ-то чудомъ, въ обществѣ Джиральдо Джиральди, во время флорентійской чумы 1478-го года? Бiаджіо Сернелли все тотъ-же вѣчный разсказчикъ, какимъ былъ въ 1389-мъ году—потому что къ этому времени мы относимъ дѣйствіе описанное въ нашемъ романѣ; упоминается какой-то мессеръ Алессандро, Франческо Сіесо (Члони печатаетъ: сіесо,

какъ будто дѣло идетъ о нарицательномъ, а не о прозвищѣ), умершій въ 1397 году, все еще играетъ въ 1478, и ему, неизвѣстно какимъ образомъ, еще вторятъ двѣ красивыя дѣвушки (*due vez-zosissime pulcellette*), напѣвая балладу совсѣмъ не похороннаго свойства. И какимъ образомъ могъ принимать участіе во всѣмъ этомъ «божественный маэстро и отецъ намъ мессеръ Марсиліо, который своимъ высокимъ человѣколюбіемъ и чуднымъ искусствомъ помогать до сихъ поръ своимъ несчастнымъ братьямъ и гражданамъ» (*il divino maestro e padre nostro messer Marsilio, il quale con somma pietà coi suoi miracolosi argomenti gl'infelici frategli e cittadini suoi ha fino ad ora aiutato*)? Марсиліо да Санта Софія умеръ въ 1405 или самое позднее—въ 1411 году. Ужъ не говорить-ли Джиральди про какого-нибудь другаго Марсиліо, какъ тонкимъ образомъ заставляетъ насъ предполагать издатель, цитую отрывокъ изъ *Consiglio della peste* Марсилія Фицина? (См. 2-е изд. Чьони стр. 136, 3; 137—8).

Какъ-бы то было, мы спрашиваемъ себя: есть-ли какая возможность предположить въ концѣ XV-го вѣка такое забвеніе недавно отошедшихъ свѣтилъ флорентійской исторіи, которое позволило бы туземному автору перенести ихъ безнаказанно, хотя-бы даже безсознательно, въ коловоротъ современной жизни, и перенести такъ, чтобъ другіе его не остановили и онъ самъ того не замѣтилъ? Мы этому не вѣримъ, точно такъ же какъ не вѣрится намъ, чтобы послѣ усилій Пульчи, Полициано и Лоренцо Медичи, возстановившихъ упавшій блескъ итальянской рѣчи, ея творческая сила была такъ слаба и ничтожна, что могла возбудить въ писателѣ желаніе порыться въ древнихъ рукописяхъ, не за тѣмъ только, чтобы извлекать изъ нихъ новеллы и повѣсти, потому что такое дѣло было въ порядкѣ вещей (вспомнимъ передѣлки, *rifacimenti*, Мольцы, Сансовино и др.), но чтобъ подсмотрѣть въ нихъ тотъ или другой красивый оборотъ рѣчи, особенность выраженія, хорошо звучащій періодъ и затѣмъ вставлять эти отрывки мозаичной работой въ свой собственный текстъ, гдѣ покажется пригоднѣе. Между тѣмъ нѣчто подобное замѣтно на текстѣ, приписываемомъ Джиральди: первыя строки введенія къ новелламъ носящимъ его имя не что иное, какъ частью дословное повтореніе, частью передѣлка начальныхъ строкъ третьей книги нашего романа *); остальная часть введенія, разумѣется, говорить о другомъ, о заговорѣ Падци (*tradigione di quelli de' Pazzi*), о чумѣ и другихъ тому

подобныхъ матеріяхъ, которыя очевидно не стоятъ въ необходимой связи съ главной цѣлью введенія и въ рукописномъ текстѣ не находятъ ничего себѣ соответствующаго. Другой примѣръ подобнаго рода представляетъ намъ наша вторая книга (стр. 82—3 воспроизведеннаго нами риккардіанскаго текста). Приближаясь съ своимъ обществомъ къ городу Поппи, графъ Карлъ приказываетъ Джинджикіо, своему сокольничему (*suo dilettevole istozziere*), отправиться впередъ, чтобы приготовить имъ веселый ужинъ. «*Prestissimo dette le brevi parole, non altrimenti ch'un velocissimo vento, Gingichio verso Poppi sparì, per tale forma e maniera, che non altrimenti pareva volontà ferventissima di prestissimamente fare l'imbasciata al cavallo ch'a lui. Perché con un piacevolissimo motto il conte Carlo soggiunse: Dê, vedi com'è quanto buono e presto famiglio è il nostro veloce Gengicchio, pure che a lui comandato gli sia materia lietissima da godere e senza fatica a' ingrassare* »¹⁾). Надо полагать, что эта послѣдняя острота графа Карла должна была особеннымъ образомъ понравиться Джиральди, если онъ нашелъ нужнымъ повторить ее почти тѣми же словами въ заключеніи своей 9-й новеллы (стр. 135, 2-го изданія), гдѣ все общество хвалитъ Мессера Никколайо за великолѣпный ужинъ, который онъ для нихъ приготовилъ, а тотъ шуточно отвѣчаетъ: «*Amici e compagni miei, me commendare non dovete, ma bensì apertamente conoscere quanto buono e presto famiglio è il nostro Gingichio, purchè a lui comandata materia lietissima di godere gli venga, e senza fatica ingrassare* »²⁾). Есть ли какая возможность допустить въ писателѣ XV-го вѣка такого рода филологическую аффектацію, такое исканіе словъ, достойное развѣ какого нибудь завзятаго академика прошлаго вѣка?

Соображенія, представленныя нами до сихъ поръ, отправлялись почти исключительно отъ разбора новеллъ, содержащихся въ первомъ изданіи Чьони. Въ результатъ этого разбора получились нѣкоторыя сомнѣнія, которыя полезно будетъ формулировать яснымъ образомъ, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. И такъ намъ показалось въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы автору, жившему въ XV вѣкѣ, могли быть приписаны тѣ грубые историческіе промахи, та необъяснимая игра чужими фразами, въ которой намъ приходится теперь обвинять Джиральдо Джиральди или кого другаго, кто былъ компиляторомъ новеллъ, напечатанныхъ Чьони. Чья-же тутъ была вина?

Разсмотрѣніе четырехъ новеллъ, присоединенныхъ къ второму изданію Чьони, приведетъ насъ къ разрѣшенію вопроса. Первая изъ нихъ адресована въ предшествующемъ ей безымянномъ посвященіи «почтенному во Христѣ отцу и магистру брату Луиджи Марсили, славному богослову» (Al reverendo in Cristo padre e maestro frate Luigi Marsili teologo prestantissimo), вторая Мессеру Аньоло Довиціо (A messer Agnolo Dovizio) съ почитательнымъ письмомъ, которое помѣчено: «Римъ, 30-го Ноября 1552-го года» (di Roma, a'30 di Novembre 1552) и потомъ заглавными буквами имени и фамиліи писавшаго: «вашъ Ф. Б.» (il vostro F. B.), которыя издатель толкуетъ такъ: Francesco Berni (стр. 199 и XI предислов., изд. 2-е). Третья новелла рассказываетъ о похожденияхъ Бонифація; четвертая о несчастной любви Кателлины. Изъ этихъ четырехъ новеллъ вторая положительно не принадлежитъ Джиральди, потому что подписана 1552 годомъ, а извѣстно что Джиральдо Джиральди писалъ въ 1478—9 годахъ. Что касается до другихъ, то и онѣ вѣроятно не принадлежатъ ему, какъ-то заставляютъ предполагать увѣренія Чьони, что *извлекъ онъ эти новеллы изъ другихъ рукописей, и хотя онѣ и не носятъ имени Джиральди и по слогу отличны отъ его собственныхъ, все-же заслуживали быть присоединенными къ ихъ новому изданію* (le quali per quanto non portano il nome del Giralardi e sieno di dettatura diversa, pure potevano aggiungersi in una ristampa, 2-a ed. Avviso p. X). Каково было бы наше удивленіе, еслибъ всѣ эти новеллы мы встрѣтили отъ слова до слова въ той самой рукописи, откуда, какъ было указано, заимствованы нѣкоторыя изъ повѣстей, помѣщенныхъ въ первомъ изданіи Чьони подъ именемъ Джиральдо Джиральди? А между тѣмъ дѣло обстоитъ именно такъ: первая новелла изъ присоединенныхъ во 2-мъ изданіи отвѣчаетъ 2-й рукописнаго текста; посвященіе обращенное къ Луиджи Марсили и предшествующее новеллѣ въ книгѣ Чьони, не что иное какъ отрывокъ изъ разсужденія графа Карла и самаго Марсили, которое въ рукописи онъ предпосылаетъ своему разсказу, между тѣмъ какъ въ печати этотъ самый разсказъ передается ему другимъ⁹⁾. Вторая новелла Чьони соответствуетъ седьмой нашей рукописи; третья третьей, а четвертая восьмой. Само собою разумѣется, что письму къ Аньоло Довиціо въ рукописи не встрѣчается ничего соответствующаго, потому что писана она въ началѣ XV-го столѣтія, между тѣмъ какъ письмо помѣчено 1552-мъ годомъ. Какъ-бы то ни было,

былъ ли Франческо Берни его предполагаемымъ авторомъ (дальше мы увидимъ, что это хронологически невозможно) или кто другой, какимъ образомъ могъ онъ написать Аньоло Довиціо, «что и ему, какъ Мессеру Джіованни Боккаччю, *пришла фантазія писать новеллы*» (*è montato il grillo di scrivere novelle*), когда новелла, выдаваемая имъ за свою, была совсѣмъ написана, лѣтъ за сто передъ нимъ, и *тѣми-же самыми словами*. Какъ видно во всемъ этомъ есть страшная запутанность и странныя совпаденія, которыя даютъ поводъ задуматься. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что нѣсколько разсказовъ нашей рукописи встрѣчаются передѣланные въ новеллахъ Джиральди, и, какъ такія, воспроизведены Чьони въ его первомъ изданіи; мы замѣтили, что передѣлка была сдѣлана такъ оплошно, сопровождалась такими историческими недоразумѣніями, что отнести ихъ на долю писателя XV-го вѣка оказалось нравственно невозможнымъ. Теперь мы видимъ другія новеллы, которыя также заимствованы изъ нашей рукописи, по крайней мѣрѣ онѣ читаются въ ней наряду съ прежними, и онѣ опять же воспроизведены во 2-мъ изданіи Чьони, на этотъ разъ безъ имени Джиральди, но съ такими же промахами, какъ и прежде: вспомнимъ только новеллу, приписанную Берни. Намъ становится ясно, что одна и та же не совсѣмъ умѣлая рука заправляла той и другой передѣлкой: разумѣется не рука Джиральди, но кого нибудь другаго, который явился послѣ Джиральди, послѣ Берни и Довиціо и могъ безнаказанно воспользоваться ихъ именами для своихъ собственныхъ цѣлей, въ литературномъ смыслѣ не совсѣмъ честныхъ. Не рука ли это самого Чьони?

Это сомнѣніе, если только еще есть возможность сомнѣваться, перейдетъ для насъ въ полнѣйшую увѣренность, когда мы сравнимъ внѣшній видъ и степень сохранности нашего текста съ тѣмъ, что о воображаемой рукописи Винченцо Джиральди пишетъ Чьони (стр. XVII предислов. ко 2-му изданію). Описывая эту рукопись, онъ сообщаетъ между прочимъ, что снялъ съ нея копію съ нѣкоторымъ усиліемъ, «не столько вслѣдствіе почерка, вездѣ дурнаго, иногда плохаго до крайности, сколько потому что бумага такъ порвалась и поистерлась отъ времени и дѣйствія чернилъ, что разобрать фразу было въ высшей степени трудно. Кромѣ того я нашелъ, что нѣкоторые листы были переставлены, другихъ не доставало, что и объясняетъ пробѣлы встрѣчающіеся въ введеніи и во II и VII новеллахъ». ¹⁰⁾ Все это можетъ быть сказано тѣми же самыми словами и о нашей рукописи, такъ

же порванной и поистершейся и представляющей пробѣлы въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыя указываетъ Чьони. Правда, въ рукописномъ текстѣ нѣтъ ничего похожаго на 2-ую новеллу перваго изданія, потому что она присоединена была передѣльвателемъ (rifacitore), который такъ и нашелъ ее неполной въ какомъ нибудь другомъ сборникѣ и въ этомъ видѣ перепечаталъ, либо сочинилъ ее самъ и нарочно не кончилъ, чтобы, какъ пишетъ Бенчи, «заставить повѣрить, что она въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ Джиральди и оказалась неполною въ подлинникѣ» (per far credere che fosse del Giralaldi e che l'originale mancasse). А что на это онъ былъ способенъ, лучше всего доказываетъ его VI новелла, которой отвѣчаетъ 9-ая нашей рукописи, гдѣ она является вполнѣ оконченной, какъ оконченною представляетъ ее и печатный текстъ, потому что тамъ и здѣсь рассказъ заключается одними и тѣми же словами: «da messer Lippo con gran tenerezza ed amore fu ricevuto» (108 стр. 2-го изд.); только что въ послѣднемъ случаѣ передѣльватель нашелъ нужнымъ придать рассказу воображаемый видъ подлинности, присоединивъ къ нему длинное разсужденіе (стр. 108—10); которое онъ обрываетъ на срединѣ фразы, какъ будто нашелъ его именно въ этомъ видѣ. — Но обратимся къ VII-ой новеллѣ печатнаго изданія (стр. 111—117 2-го изд.): на ней мы лучше всего познакоимся съ манерой работать плагиатора и убѣдимся, что тотъ, кто такимъ образомъ могъ обходиться съ лежавшимъ передъ нимъ рукописнымъ матеріаломъ, способенъ былъ и на тѣ историческіе недосмотры и несообразности, на которыя мы указывали выше. Седьмой новеллѣ Чьони отвѣчаютъ въ нашемъ текстѣ 5 и 6 новеллы, обѣ неполныя и разбитыя. Первая рассказываетъ о смѣхотворныхъ приключеніяхъ аптекаря Онофріо (Nofri speciale) въ Вѣнѣ; начинается словами: E'fu in questi tempi uno giovane nostro fiorentino.... Se tu il vuoi vedere, va domane damattina a udire messa in duomo, e lui vedrai и т. п.; и останавливается на вопросѣ: Son'eglino de'famigli del duca? Конца не достаетъ. У второй, рассказывающей о путешествіи Берто и Морэ ко двору Венгерскаго короля, не достаетъ напротивъ начала (начин. [non] ci à credito, se non chi è delli scopatori и т. д.), и хотя она полна въ концѣ (riprendere la stoltizia de'compagni poco intendenti e pratici. E così finio il Sonaglino la sua novella con molte risa di chi quella udia), представляетъ кое-какіе пробѣлы въ срединѣ разсказа, гдѣ часть листа, оторванная съ краю,

унесла съ собой нѣсколько словъ: *fol recto.... dentrovi la sua cappellina di notte con non molta pecunia*, e saliti a cavallo preson il camino verso Bologna, e giunti finalmente..... ono a riposarsi, dicendo..... e accozzandosi insieme con More e Berto, e ciascuno le sue fatiche dicendo, finalmente il vetturale diliberò co'lloro girne in Ungheria. E riposatosi la notte, fatto la ragione coll'oste, la mattina si misono in cammino» и т. д.; *fol. verso: chè saremo (te)nuti da tutta la vicinanza belli mocciconi..... sog (iugne?)ndo il v(etturale)..... mio*, ben sapete che Berto favella..... fra nuove ginee disse l'... o..... troverovvi uno b..... l'isola и т. д. Затѣмъ, начиная съ слѣдующаго листа, разсказъ уже идетъ не прерываясь до самаго заключенія новеллы. Интересно теперь посравнить, что сдѣлалъ изъ всего этого плагиаторъ. Передъ нимъ былъ текстъ разбитый, въ разныхъ мѣстахъ испещренный пробѣлами, и ему не удалось разобрать въ немъ отрывки двухъ различныхъ новеллъ, съ разными дѣйствующими лицами и именами и различнымъ содержаніемъ. Не долго думая, онъ изъ этихъ двухъ новеллъ сдѣлалъ одну, какъ только могъ лучше, измѣнивъ имя Морэ, который выведенъ на сцену въ нашей 6-й новеллѣ, въ Ноэри, который дѣйствуетъ въ пятой; къ несчастію для самого себя онъ позабылъ вытянуть бѣлую нитку, обнаруживающую швы наживо стачанной работы, *сохранивъ съ дипломатическою точностью пробѣлы и опущенія, встрѣченныя имъ въ нашей рукописи*, которыя напрасно надѣялся прикрыть другими вымышленными пробѣлами, какъ-то сдѣлалъ въ новеллахъ 2-й и 6-й съ цѣлью доказать подлинность своего текста. Такъ онъ началъ свою 7-ую новеллу съ отрывочной фразы, которой начинается 6-ая новелла нашего текста (..... *E non ci ha credito se non chi è degli scorporatori*), и затѣмъ продолжаетъ ее выписывать вплоть до перваго пробѣла, который мы въ ней указали, только что, по своему обыкновенію, онъ расширилъ его, заставивъ предположить его гораздо болѣе чѣмъ онъ есть на дѣлѣ, побуждаемый къ тому опять же какими-то плагиаторскими соображеніями и вовсе не соображеніями литературнаго свойства. Вотъ какъ разставленъ у него этотъ пробѣлъ: «*dentrovi la sua cappellina di notte, con non molta pecunia; e saliti a cavallo verso Bologna presono il camino..... giunti finalmente..... si fermarono a riposarsi dicendo..... la ragione con l'oste и т. д.*» Подобнаго рода фантастическій пробѣлъ, ни на что другое не указывающій, какъ на желаніе прикрыть под-

логъ, представляетъ намъ еще слѣдующая страница по изданію Чьони (стр. 114 2-го изд.): a dormire n'andarono..... voi non potete vedere il re così tosto, гдѣ въ рукописи нѣтъ никакого признака опущенія, и разсказъ идетъ не прерываясь, какъ то покажетъ слѣдующее сличеніе: *andarono a posarsi. Venuto dapoi la mattina disse More al parente suo: «Giovanni mio, noi ci strugiamo di vedere i're; dê, fa che noi il veggiamo—or dove istà egli?» Giovanni presto diceva: Voi nol potete così tosto vedere* и т. д.— Дойдя до середины нашей новеллы, гдѣ, какъ мы выше замѣтили, на оборотной сторонѣ листа снова начинается небольшой пробѣлъ въ соотвѣтствіе съ замѣченнымъ нами fol. recto, плагиаторъ воспроизводитъ эти опущенія, разумѣется не съ тою дипломатическою точностью, какую мы въ правѣ ожидать отъ подобнаго рода изысканій, и позволяя себѣ отступить отъ подлинника: *Mais! che da tutta la vicinanza belli moccioni saremmo tenuti e balordacci..... vedete che Berto favella.....* Затѣмъ, вмѣсто того чтобы слѣдовать за рукописью, гдѣ за послѣднимъ пропускомъ разсказъ не прерывается до самаго конца, онъ вдругъ перескакиваетъ къ нашей 5-ой новеллѣ и беретъ изъ нея отрывокъ, который вѣроятно долженъ изобразить собой новый пробѣлъ въ его воображаемой рукописи:..... *messa in duomo, e il vedrete; imperocchè suo costume è il di delle feste stare in chiesa all'uffizio divino* и т. д. (въ ркп. *Se tu il vuoi vedere va domane damattina a udire messa in duomo, e lui vedrai, imperò ch'è suo costume* и т. д.), тогда какъ въ нашемъ подлинникѣ новелла эта не представляетъ никакихъ пропусковъ въ началѣ и читается безъ перерыва, только что въ концѣ кое-чего недостаетъ. И этотъ недостатокъ сохранилъ плагиаторъ, но по обыкновенію не могъ удержаться, чтобы не прибавить своего: въ рукописи новелла кончается вопросомъ: *Son egliño de'famigli del duca?.....*, въ текстѣ Чьони: *Sono egliño de'famigli del re? Alla fe'di Dio che e' non.....* За тѣмъ конца нѣтъ ни тамъ ни здѣсь; только въ текстѣ Чьони еще слѣдуетъ за неконченной новеллой пространное разсужденіе въ томъ же родѣ, какъ и помѣщенное за VI новеллой Джиральди и вѣроятно того же происхожденія: оно очевидно принадлежитъ плагиатору, передѣлавшему разсказы нашей рукописи, и въ самой рукописи нѣтъ ничего, что бы ему соотвѣтствовало. 41)

Мы надѣемся, что указанныя критико-дипломатическія соображенія, примѣненные нами къ разбору нашего текста, разъяснили

до очевидности тотъ фактъ, что передѣлыватель новеллъ, напечатанныхъ въ обоихъ собраніяхъ Чьони, долженъ былъ по необходимости пользоваться романомъ риккардіанской рукописи № 1280. Выше мы пытались доказать, что этимъ передѣлывателемъ не могъ быть Джиральдо Джиральди; теперь становится ясно, что онъ долженъ былъ существовать лишь въ извѣстномъ отдаленіи отъ XVI-го вѣка, *чтобы позволить себѣ написать подъ именемъ Франческо Берни, умершаго въ 1536 году, то посвяtitельное письмо, которое помѣчено 1552 годомъ.* Въ этомъ пренебреженіи хронологіи мы узнаемъ тотъ же не критическій приѣмъ, которымъ дѣйствующія лица нашего романа перенесены черезъ пространство нѣсколькихъ десятилѣтій къ флорентійской чумѣ 1478-го года, которой мотивированы новеллы перваго собранія Чьони. Если къ этому единству приѣма присоединить то обстоятельство, что какъ эти новеллы, изданныя подъ именемъ Джиральдо Джиральди, такъ и рассказы, присоединенные ко второму изданію, очевидно заимствованы изъ одного источника, и этотъ источникъ—наша рукопись,—то ничего другаго не остается заключить, какъ только то, что передѣлыватель тамъ и здѣсь былъ одинъ и тотъ же, и мы не видимъ возможности ни на кого другаго обрушить эту роль, какъ на самаго Чьони. Предположить во всемъ этомъ плагиатъ Винченцо Джиральди и посредничество его списка, просто немыслимо. Мы видѣли выше, что описаніе этого воображаемаго списка, представленное Чьони, совпадаетъ до мелочей съ внѣшнимъ видомъ и опущеніями нашей рукописи; стало быть, если удержать показаніе Чьони, придется предположить, что, измѣняя во многомъ составъ и внутреннее расположеніе нашего оригинала, Винченцо въ другихъ случаяхъ ограничился его фотографическимъ воспроизведеніемъ, и какъ нарочно тамъ, гдѣ рукопись представляла всего болѣе неполноты и пробѣловъ. Намъ кажется по крайней мѣрѣ, что если Винченцо Джиральди существовалъ на самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ Чьони и какъ доказывается между прочимъ его произведеніями, сохранными въ Палатинской библіотекѣ, и если бы онъ принялся за передѣлку стараго текста, онъ поступилъ бы какъ всѣ прежніе *rifascitori* въ хорошемъ смыслѣ этого слова, въ родѣ Мольтцы и другихъ: онъ подновилъ бы текстъ въ лексическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, но разумѣется не воспроизвелъ бы его пробѣловъ и уберегся бы отъ историческихъ несообразностей. — Изъ всего этого мы въ правѣ заключить, что предполагаемый списокъ Винченцо Джиральди и есть наша Риккар-

діанская рукопись, и что, такъ какъ послѣдняя принадлежитъ первымъ годамъ XV-го столѣтія, то *Винченцо Джиральди переписчикъ новеллъ*, ходившихъ до сихъ поръ подъ именемъ его однофамильца, никогда не существовалъ, потому что Чьони цитуетъ его подъ 1570—90 годами; и что, однимъ словомъ, подъ именемъ Винченцо Джиральди скрылся не кто иной, какъ самъ Чьони.

Такимъ образомъ всѣ догадки, высказанныя Гамбой и Бенчи относительно авторства Чьони, подтвердились теперь прочными фактическими доказательствами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ догадкахъ многое придется измѣнить, по крайней мѣрѣ иначе формулировать. Чьони не сочинилъ новеллы, какъ думали до сихъ поръ его критики, слѣдовательно и не могъ разнообразить ихъ стиль, подражая въ одной Боккаччо, въ другой другимъ новеллистамъ; онъ просто воспроизвелъ рассказы нашего романа. Можетъ быть, онъ показался ему болѣе разбитымъ и въ большемъ беспорядкѣ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; или онъ не далъ себѣ труда разглядѣть его внутреннюю связь и оцѣнить его историческое значеніе, и задаться такой работой считалъ потерей времени: какъ бы то ни было, онъ извлекъ изъ него однѣ новеллы, оставивъ въ сторонѣ всѣ разговоры и 'разсужденія, которыя ихъ связываютъ и въ историко-литературномъ смыслѣ представляютъ всего болѣе интереснаго матеріала. Такъ онъ опустилъ всю первую книгу, потому что въ ней ему не встрѣтилось ни одного рассказа, а во второй не воспользовался первой новеллой, которая могла ему показаться черезъ-чуръ длинной и немного скучной. За исключеніемъ этой, онъ не пропустилъ ни одной и всѣ включилъ въ свое собраніе; но, такъ какъ жатва представлялась не слишкомъ обильная, онъ къ этимъ новелламъ присоединилъ другія (отвѣчающія первымъ 5-ти и 8-й новелламъ 1-го изданія), которыя извлекъ изъ другихъ источниковъ, печатныхъ либо рукописныхъ—во всякомъ случаѣ не изъ нашей рукописи, хотя частые пробѣлы, встрѣчающіеся въ ней, могутъ дать поводъ къ сомнѣнію, что первоначально и эти прибавочные рассказы могли въ ней заключаться. Но простое сравненіе количества пробѣловъ и странства, ими занимаемаго, съ количествомъ и протяженіемъ добавочныхъ новеллъ, достаточно, чтобы удалить подобное сомнѣніе. Остается, стало быть, предположить, что компиляторъ почерпнулъ эти другіе рассказы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, и было бы въ высшей степени интересно узнать, откуда именно онъ ихъ заимствовалъ и какимъ образомъ передѣлалъ. Несмо-

тра на всѣ наши старанія, наши поиски въ этомъ отношеніи не привели къ желаннымъ результатамъ. Замѣтимъ только здѣсь, что первая новелла изъ присоединенныхъ Чьони напоминаетъ своимъ общимъ содержаніемъ 2-ю новеллу VIII-го дня Декамерона¹²⁾, что третья¹³⁾ взята быть можетъ изъ комментарія Боккаччо на Божественную Комедію, какъ то замѣтили другіе и намекнулъ самъ издатель (примѣчаніе къ III новеллѣ стран. 145, 2-го изданія). Что касается до пятой новеллы Чьони¹⁴⁾, то относительно ея необходимо справиться въ *Domenichi, Delle donne illustri* и у Ариосто въ его *Orlando*, тамъ, гдѣ онъ «превознесъ чистоту своей Изабеллы, окруживъ ее тѣми же самыми обстоятельствами, какими Джиральди непорочность своей Костанцы ди Розелло» (*ha fatto risaltare l'onestà della sua Isabella colle stesse circostanze, colle quali il Giraldi rileva la castità della sua Costanza di Rosellò*). Это—заключеніе самого Чьони, и нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы онъ не почерпнулъ своей новеллы именно изъ этого источника. Наконецъ свою четвертую новеллу онъ списалъ съ разсказа Джиральдо Джиральди, единственнаго, который можетъ быть ему приписанъ съ полной достовѣрностью, потому что сохранился въ автографѣ риккардіанской библіотеки подъ N 713. Изъ того-же разсказа перенялъ онъ и мотивъ чумы 1478-го года, которымъ воспользовался по примѣру Боккаччо, Малеспини и другихъ разсказчиковъ, поставивъ его во главу угла своего перваго изданія, сдѣлавъ его центромъ, вокругъ котораго удобно группировались всѣ новеллы, какія ему только удалось собрать. Какъ неосмотрительно онъ поступалъ при ихъ выборѣ, какъ безсознательно относился къ историческимъ промахамъ, которые оттого происходили, всё это мы видѣли выше. Что касается до прибавленій ко второму изданію, то здѣсь исчезла всякая идея о цѣльности замысла, мотивъ чумы отошелъ въ сторону, уступивъ мѣсто апокрифическимъ письмамъ къ Луиджи Марсили и Аньоло Довиціо, на которыя, нельзя сказать, чтобы было потрачено много изобрѣтательности, потому что онѣ не даютъ даже того искусственнаго единства, которое мотивъ чумы вносилъ въ новеллы перваго собранія.

Чтобы привести въ ясность частичные результаты, которые выдались намъ въ продолженіи нашихъ розысканій, считаемъ не бесполезнымъ представить здѣсь сравнительную таблицу новеллъ, содержащихся въ обоихъ изданіяхъ Чьони, съ разсказами, вставленными въ нашъ романъ.

1-ое издание Чьони				Романъ ркп. Риккард. 1280
Введение (Proemio)	—	—		Отрывокъ введенія къ 3-й книгѣ романа, который мы напечатали по риккардіанскому списку.
Новелла 1-я	—	—	—	?(Слич. Боккаччо Decamerongioro. VIII, nov. 2).
Новелла 2-ая (неконченная)				?
Новелла 3-я	—	—	—	?(Комментарій Боккаччо къ Divina Commedia).
Новелла 4-ая	—	—	—	Съ автографа Джиральдо Джиральди въ риккард. ркп. 713.
Новелла 5-ая	—	—	—	?(Доменики).
Новелла 6-ая	—	—	—	9-ая нашего романа.
Новелла 7-ая	—	—	—	5-ая и 6-ая романа
Новелла 8-ая	—	—	—	?
Новелла 9-ая	—	—	—	4-ая новелла нашего романа и отрывокъ 2-ой книги.

НОВЕЛЛЫ ПРИСОЕДИНЕННЫЯ ВО

2-мъ изданіи Чьони:

Письмо къ Луиджи Марсили—Отрывки разсужденій графа Карла и Луиджи Марсили, которые въ романѣ предшествуютъ слѣдующей новеллѣ.

Новелла 1-ая — — — 2-ая романа.

Письмо къ мессеру Аньоло Довиціо (изобрѣтеніе Чьони).

Новелла 2-ая — — — 7-ая нашей рукописи.

Новелла 3-я — — — 3-я рукописи.

Новелла 4-ая — — — 8-ая рукописи.

За разборомъ рукописи и ея отношеній къ печатному тексту должна была бы слѣдовать ея исторія, подобно тому, какъ въ предъидущей главѣ была предложена нами исторія книги. Та, которую мы теперь предлагаемъ, будетъ по необходимости коротка. Когда вопросъ о степени подлинности новеллъ, приписываемыхъ Джиральдо Джиральди, былъ въ полномъ разгарѣ, наша рукопись была недоступна для публики, потому что еще находилась въ рукахъ Чьони. Такимъ образомъ, въ какой мѣрѣ была недоступна сама рукопись, въ той же мѣрѣ затруднено было для занимающихся ея изслѣдованіе и невозможно сравненіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ печатномъ каталогѣ риккардіанскихъ руко-

писей, изданномъ бывшимъ библіотекаремъ Лами, нашъ романъ еще не помѣченъ. Какимъ путемъ проникъ онъ потомъ въ Риккардіану, этого мы не знаемъ съ достовѣрностью, точно такъ же какъ не знаемъ, не рукой ли Чьони сдѣлана надпись, которая теперь читается на бѣловомъ листѣ, предшествующемъ первой страницѣ текста: *Romanzo, forse del Boccaccio*. Можетъ быть ея владѣтель передалъ ее аббату Фр. Фонтани за одно съ автографомъ Джиральдо Джиральди, о которомъ нѣсколько разъ говорено выше.

Въ *толковомъ описаніи риккардіанскихъ рукописей* (Illustrazioni dei Codici Riccardiani), сдѣланномъ библіотекаремъ докторомъ Луиджи Риголи (рукопись находится въ настоящее время въ Риккардіанѣ), нашъ романъ уже помѣченъ на стр. 969 подъ N 1280 и вызвалъ нѣсколько строкъ толкованія, которыя мы выписываемъ: *«Vita sanctae Domitillae etc. Deinde occurrit narratio fictitia, ut videtur, antiqui auctoris autographi, sed incipit mutila his verbis:tade a suoi discepoli non lasciar che la pace e la caritate etc. Cod. chart. in fol sec. XV in principio, cum notulis mss. Ant. M. Salvini. Constat foliis scriptis: vita S. Domitillae 18, et dicta narratio 108»*. Рукописный каталогъ Риккардіанской библіотеки, въ который вошли всѣ послѣдующія приобрѣтенія, еще не помѣченныя въ печатномъ описаніи Лами, ограничивается голословнымъ указаніемъ: *Cod 1280, Romanzo e novelle*. Отсюда въ 1841 году заимствовалъ его Адальбертъ Келлеръ и записалъ въ своемъ *Romvart, Beiträge zur Kunde mittelalterlich. Dichtung aus italienischen Bibliotheken* (Mannheim, Bassermann 1844, стр. 99): *«1280 Papierhs. fol. Romanzo e novelle»*; очевидно онъ не пошелъ дальше каталога и не подвергъ рукописи новому изслѣдованію. — Сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, одного Трукки можно заподозрить въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ нашей рукописью и съ отношеніями ея къ тексту Чьони. Правда, онъ не цитуетъ еѣ, не приводитъ номера, которымъ она отмѣчена, не говоритъ въ какой библіотекѣ находится, въ Риккардіанской или какой другой, и скрываетъ заглавіе книги, въ которой, по его словамъ, отчасти воспроизведено ея содержаніе. Надо полагать, что и просмотрѣлъ онъ еѣ наскоро, потому что, напавши въ ней случайно на имя Гвидо ди мессеръ Томмазо даль Паладжіо, онъ на основаніи одного этого факта поспѣшилъ признать его за автора всего романа. Въ самомъ дѣлѣ, въ изданныхъ имъ *Poesie italiane inedite di dugento autori* (Prato Guasti 1846, vol. 2-o), говоря на стр. 231 объ этомъ Гвидо, онъ называетъ его *«filosofo distinto, e dottissimo nelle storie antiche, come si dimostra in un libro da lui com-*

posto, pieno di massime di profonda filosofia politica e morale, e ricco di notizie preziose sulle antiche origini etrusche ed italiche; il qual libro in parte si trova a stampa, ma sotto altro nome, e parte inedito. Ebbe particolar amicizia con Antonio degli Alberti, altro distinto poeta del suo tempo e coi gentili principi di Battifolle, signori di Casentino» (15). Все это какъ нельзя лучше согласуется съ нашимъ текстомъ; но что еще болѣе подтверждаетъ тождество нашей рукописи съ цитуемой у Трукки—это біографія мессера Франческо дельи Органи, которую издатель сообщаетъ на 152 стр. того же тома, и гдѣ цѣликомъ вставленъ отрывокъ изъ III-й книги нашего романа. «Dell'autore di queste ballate, пишетъ Трукки о Франческо Ландини, celebre musico e poeta così ragiona Guido del Palagio; suo amico, nel libro da me altrove citato (т. е. въ біографіи Гвидо на стр. 231 того же тома): «*Fioriva in quel tempo Francesco degli Organi, musico teorico e pratico (mirabil cosa a ridire!) il quale cieco quasi a natività, si mostrò di tanto intelletto divino, che in ogni parte più astratta mostrava le sottilissime proporzioni de'suoi musicabili numeri, e quelle con tanta dolcezza col suo organo praticava, che (cosa non credibile pure a udirla!), non ostante questo, egli con ogni artista e filosofo disputava, non tanto nella sua musica, ma in tutte le arti liberali, perchè di tutte quelle in buona parte erudito si era*». (16) Сравните съ этимъ первыя страницы третьей книги нашей рукописи, книга III стр. 3—4 нашего изданія: «*Fioriva ancor in que' tempo Francesco delli Organi musico teorico e pratico, mirabil cosa a ridire: il quale cieco quasi a natività si mostrò di tanto intelletto divino, che in ogni parte più astratta mostrava le sottilissime proporzioni de'suoi musicabili numeri, e quelle con tanta dolcezza col suo organo praticava, ch'è cosa non credibile pure a udilla. E non istante questo elli con ogni artista e filosofo ciò disputando, non tanto della sua musica, ma in tutte l'arti liberali, perchè di tutte quelle in buona parte erudito si n'era*». Тождественность того и другаго текста очевидна, только что Трукки измѣнилъ его слегка, подновивъ мѣстами.

Послѣднее указаніе на нашу рукопись, какое намъ привелось видѣть, было въ рукописныхъ прибавленіяхъ къ каталогу риккардіанскихъ манускриптовъ, посланныхъ на итальянскую выставку 1860-го года. Тамъ между прочимъ встрѣчалась такая помѣтка: «*Leggenda di S. Domitilla e Romanzo originale, cod. originale in fol S. XIV*». (?) Послѣ этого не знаемъ, говорилось ли когда нибудь о нашей рукописи.

III.

РОМАНЪ.

Рукопись въ настоящемъ своемъ видѣ начинается отрывкомъ, тѣмъ самымъ, который въ своемъ описаніи приводитъ Риголи, хотя впрочемъ онъ разобралъ его не 'совсѣмъ' правильно:..... *tade a' suoi disciepoli non lascid (Rig. lasciar) che la pace e la caritate e lo insieme amarsi.* Намъ кажется, что ближайшія изъ недостающихъ словъ возстановить легко: (in или per eredi) *tade a'suoi disciepoli* и т. д.. Опираясь на примѣръ Спасителя, завѣщавшаго Своимъ ученикамъ только миръ и милосердіе и взаимную любовь, авторъ объясняетъ намъ побудительныя причины своего труда: «Посему, слыша эти божественныя велѣнія и увѣщанія, рѣшился и я посвятить святой дружбѣ остатокъ (*dubiosissimo gesto*) моихъ дней, думая что не могу употребить ихъ на лучшее». Это главный поводъ къ задуманному труду: вторымъ является горячее желаніе послужить, на сколько достанетъ силъ, процвѣтанію и возвышенію отечественнаго языка по слѣдамъ трехъ флорентійскихъ вѣнчанниковъ¹⁾), которые преимущественно его возвысили и облагородили, за которыми онъ самъ слѣдуетъ почтительно и съ такимъ же постоянствомъ, съ какимъ ученые мореплаватели руководятся въ своихъ путешествіяхъ полярной звѣздой. Пусть, наконецъ, будетъ извиненіемъ его труду другое желаніе, постоянно его осаждающее: послужить на удовольствіе своимъ соотечественникамъ, гражданамъ великаго и святаго города, тѣмъ въ особенности, которые, воспитанные въ свободныхъ искусствахъ, все свое старанье и время отдали на то, чтобы управлять республикой (*della nostra santa repubblica*), охраняя еѣ прекрасную (*dolcissima*) свободу. Женщинамъ также дается участіе въ его замыслѣ: съ ранней молодости, какъ и теперь, онъ всегда старался быть имъ пріятнымъ въ чемъ нибудь, если не во всемъ; пусть прочтутъ онѣ въ его трудѣ, что покажется имъ болѣе назидательнымъ и интереснымъ: это помо-

жетъ имъ скоротать время; иной разъ бездѣлье порождаетъ скуку. Потому-то я и намѣренъ — продолжаетъ авторъ обращаясь къ своимъ друзьямъ — отдаться съ рвеніемъ вашему желанію (какъ видно нашъ романъ и задуманъ былъ по просьбѣ друзей), возлагая свою надежду на Того, Кто человѣческую природу, поправную, испорченную, вверженную въ вѣковое изгнаніе за грѣхи прародителя, спасъ пречистой Своею кровью, заслугами Котораго люди становятся выше ангеловъ, становятся богами.

Это чисто христіанское воззваніе не мѣшаетъ автору черезъ двѣ страницы призвать къ себѣ поэтическую помощь Олимпа. Изложивъ главные причины, побудившія его предпринять трудъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ о стилѣ и изложеніи. О строгомъ ораторскомъ стилѣ, объ *oratoria gravezza*, ему нечего думать: по его мнѣнію онъ приличнѣе историкамъ. То же самое надо сказать и о поэтической формѣ, потому что задача его не чистая комедія, завершающаяся веселой катастрофой, не героическая трагедія ¹⁸⁾ со смертью королей и паденіемъ могущественныхъ царствъ, не строгая сатира, то сильно, то слегка бичующая нравы. Онъ предоставляетъ себѣ попеременно пользоваться каждою изъ трехъ формъ, повѣствуя о томъ, о чемъ говорилось и разсуждалось въ кружкѣ его друзей, когда убѣгая томительнаго бездѣйствія — непріятеля нашего ума и вообще всякой добродѣтели — они проводили время то въ веселыхъ спорахъ, то разсуждая о какомъ нибудь полезномъ вопросѣ, либо декламируя въ защиту воображаемаго дѣла, либо въ разсказахъ, исполненныхъ поэтическаго вымысла. Такъ и теперь, если иногда, покидая серьезный вопросъ, авторъ перейдетъ къ чему нибудь веселому и вызывающему на смѣхъ, онъ сдѣлаетъ это не безъ цѣли: смѣхъ возстановитъ напряженныя вниманіемъ силы, подобно тому какъ подъ раскаленнымъ солнцемъ Эіопіи освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ шербетъ (*non altrimenti che appresso gli Etiopi sotto l'ardente sole faccia i dolcissimi e freschi guilebbi*). Затѣмъ ничего не остается, какъ только припомнить старый поэтический обычай (*poetico costume*), и если авторъ вмѣстѣ съ Калліопой не поетъ поэтическихъ похвалъ Аполлону, за то въ прозѣ онъ призываетъ божественную Талію къ себѣ на помощь: пусть умолитъ своихъ божественныхъ сестеръ, Дельфійское божество и Минерву, вооруженную шлемомъ и щитомъ, да благословятъ они его начинаніе.

«Cominciando col nostro navilio, da piacevolissimi zeffiri mosso verso la plaga orientale, navicando l'altissimo pelago ab antico

Tusco pomato, a mano manca lasciando insieme e dietro per lunghissimo tratto l'isole Baleari con Corsica e Sardinia» и т. д.— такъ начинается авторъ свой разсказъ, перенося насъ прямо in medias res, на фантастическомъ кораблѣ, въ воображаемое путешествіе. Въ средніе вѣка, особливо въ Италіи, это былъ одинъ изъ ходячихъ, если и не самыхъ употребительныхъ литературныхъ приѣмовъ: мы склонны видѣть въ этомъ случайную подробность классической поэзіи, ставшую общимъ мѣстомъ, въ которое удобно укладывались всѣ географическія и археологическія свѣдѣнія, какими только хотѣлъ похвастать передъ своими слушателями авторъ, почерпнувшій ихъ изъ средневѣковой тератологіи либо изъ недавняго знакомства съ классической древностью. Какъ у Овидія Медея, несясь по воздуху, по необходимости минуетъ цѣлый рядъ мѣстностей, Пеліонъ, Отриду, Идейскій лѣсъ (Met. VII, 350 sqq.) и т. д., такъ и нашъ писатель оставляетъ за собой Балеарскіе острова и несется по Средиземному морю (ab antico Tusco pomato), уже безъ всякой необходимости, а вслѣдствіе чисто риторическаго расчета. Корсика и Сардинія напоминаютъ ему Римлянъ и Карфагенянъ, въ чудной Тринакрии дымящаяся Этна даетъ ему поводъ поговорить о хромомъ Вулканѣ, Аретуза—о рѣкѣ Алфеѣ, которая, по старому повѣрью, скрывшись въ Греціи, будто бы проходитъ подъ Адриатическимъ моремъ и снова показывается на свѣтъ въ этомъ источникѣ. Частыя землетрясенія въ Сициліи объясняются дѣйствіемъ горячихъ и холодныхъ паровъ, которые извергаетъ почва; но поэтический вымыселъ, прикрывающій философское, нравственное и естественно-историческое содержаніе, говоритъ намъ о земнородныхъ гигантахъ, на которыхъ обрушены три мыса и которые безпрестанно выбиваются изъ подъ гнѣта. Такъ самъ авторъ толкуетъ намъ значеніе мифа, и мы еще не разъ встрѣтимся съ подобной эзегезой. А между тѣмъ корабль несется дальше и представляются все новые матеріалы для назиданія: Сиракузы, Катанія, Пелоръ, Мессина, Скилла и Харибда, древній Кротонъ въ развалинахъ, башни когда-то знаменитаго Таранта, Илирійскій заливъ и Греція, теперь опустѣлая (già desolata), съ ея граціозными островами. У автора начинается понемногу настраиваться чувствительная струнка при видѣ этого разрушенія; христіанскіе и языческіе мотивы сплетаются незамѣтно: жизнь пройдетъ, какъ прошло это прошлое, а для итальянца вся древняя жизнь начинала понемногу выясняться, какъ его собственное, родное

прошлое. И вотъ изъ волнъ пространнаго моря поднимаются горы—это Критъ. Авторъ сходитъ на берегъ. «О почтенная древность—воскликаетъ онъ—начало нашего общественнаго бытія, начало религіи безчисленныхъ боговъ! Не отсюда ли изгнанный сыномъ Сатурнъ скрылся въ Лаціумъ, гдѣ первый научилъ жителей земледѣлію? Не отсюда ли идетъ родъ многочисленныхъ небожителей? И онъ принимается смотрѣть на величественные храмы, когда-то посвященные Зевсу, на лабиринтъ, построенный Дедаломъ, отъ котораго осталось одно имя да пепелъ. О жалкое заблужденіе смертныхъ, думающихъ создать постоянное изъ преходящаго, когда всякое бытіе минуетъ и вѣчна одна только добродѣтель! Къ чему служить поднимать къ небу гордыя башни, величественные дворцы, въ ожиданіи оставить по себѣ вѣчную славу? Развѣ нѣтъ передъ нами примѣра Вавилона? И попавши разъ въ колею ученыхъ сравненій, авторъ не щадитъ ни садовъ Агасвера, ни роскоши Дарія, ни храма эфесской Діаны. Цѣпь сравненій протягивается въ Италію: Помпей, Лукуллъ, Гортензій, Неронъ, Калигула проходятъ передъ нимъ поочередно, всѣ съ тою же скорбною повѣстью о преходимости всего земнаго. Кто проникся смысломъ поэтическаго міа о Сатурнѣ,—говоритъ авторъ,—тотъ не станетъ этому удивляться. Рассказываютъ, что у Сатурна было много дѣтей, и всѣхъ онъ пожиралъ, только четверо спаслось: Юпитеръ, Юнона, Нептунъ и Плутонъ. Если разрѣшить поэтическую мглу, окружающую сказаніе, то Сатурнъ означаетъ время или вѣчность; дѣти имъ пожранныя—всякое вещественное бытіе въ подлунномъ мірѣ, созданное во времени и потому смертное и преходящее; тѣ же четверо, которые избѣжали общей участи, не что иное какъ четыре стихіи: Юпитеръ—огонь, Юнона—воздухъ, Нептунъ—вода, Плутонъ—земля. Они одни не знаютъ себѣ конца.

Съ тяжелымъ чувствомъ какого-то гнетущаго фатума сходитъ путешественникъ въ свою ладью. Эолъ посылаетъ ему попутный вѣтеръ, и онъ пускается далѣе, раздумывая о людской судьбѣ. Внезапно рядомъ съ нимъ ему слышится голосъ: «Чего-ты задумался? За чѣмъ дремлютъ твои силы? Развѣ ты не видишь, гдѣ ты? Развѣ не узнаешь пути? Проснись и отбрось отъ себя нерадѣніе, которое мѣшаетъ тебѣ идти. Неужели хочешь ты проплыть это море какъ человѣкъ плотскій и неразумный? Время проходитъ, берись же наконецъ за весла и въ добрый часъ продолжай свой путь, который только теперь тебѣ удастся, и мо-

жетъ быть никогда болѣе. Развѣ не знаешь ты изъ источника латинскаго правоученія (*dal morale fonte latino*), что все наше не намъ принадлежить, и наше одно только время? Какъ человѣкъ, пробужденный отъ глубокаго сна внезапной опасностью, тревожно оглядывается ища себѣ выхода и объясненія, такъ и съ нашимъ путникомъ. Онъ былъ одинъ въ ладѣ, у руля; между тѣмъ голосъ слышался ему ясно, слова четко отчеканились въ памяти. Откуда они? Ему приходитъ на мысль разсказъ Платона о домашнемъ геніи Сократа, вызвавшемъ объясненія Апулея; но зачѣмъ обращаться къ языческому суевѣрію, когда святая римская церковь, это пространное море мудрости и истины, научаетъ насъ, что у каждаго человѣка есть свой ангелъ-хранитель, данный ему на совѣтъ и на стражу, и злой ангелъ—на искушеніе: та же доктрина, какую отчасти развилъ и божественный Платонъ (*la quale dottrina in buona parte è dal divino Platone detta e narrata*) «О моя святая охрана!» говоритъ ободрившійся путникъ. «Какой ты мнѣ совѣтъ подаешь, куда ведешь меня? Умоляю тебя именемъ творца, который создалъ тебя столь прекраснымъ и далъ мнѣ въ спутники: отзовись мнѣ, какъ прежде, не оставляй совѣтомъ и руководствомъ». Едва произнесены эти слова, какъ отвѣтъ уже готовъ въ глубинѣ сознанія (*senti' nel profondo del mio intelletto così sinceramente per lui a me rispondere e parlare*). «Я знаю склонность, вселенную въ тебя творцемъ, подъ вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ и ихъ сочетаній», говоритъ тайный голосъ: «оттого я и приготовилъ тебѣ эту ладью. Не бойся, бодро слѣдуй за твоею звѣздой и ты достигнешь великой цѣли; мужайся, потому что я буду постоянно съ тобою. Вскорѣ мы увидимъ Родосъ, знаменитый въ продолженіи столькихъ столѣтій воинскимъ и морскимъ дѣломъ, прославленный нѣкогда ораторскимъ искусствомъ». И попутный вѣтеръ поднимается снова и несетъ ихъ къ Родосу, освященному теперь именемъ Іонна Крестителя, какъ замѣчаетъ авторъ, и далѣе къ древнему Кипру. Здѣсь фантазія автора окончательно прикована воспоминаніями, которыя не покидаютъ его до самаго конца первой книги. «Не здѣсь ли, какъ разсказываютъ древнѣйшія исторіи, была Венера царицей», спрашиваетъ онъ своего вѣрнаго спутника, «не здѣсь ли властвовала она съ своими сыновьями?»¹⁹⁾ Утвердительный отвѣтъ наводитъ его на цѣлый рядъ соображеній и вопросовъ, открывающихъ поэтическую истину подъ ея прекраснымъ покровомъ (*il misterio poetico sotto il*

leggiadro velame). «Почему имя Венеры, Кипрской царицы, дано благому свѣтилу третьей сферы? Зачѣмъ названа она дочерью Зевса? Зачѣмъ матерью Купидона, рожденнаго отъ незаконнаго союза съ Марсомъ? Почему нашъ божественный Мантуанецъ сдѣлалъ ее матерью Энея? И почему враждебной Юнонѣ по причинѣ Троянцевъ? Отчего, наконецъ, помѣщена она въ Кипръ, а не въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ? Разсмотрѣвъ все это, я получилъ такое наслажденіе, что показался бы очень скупымъ, еслибъ не подѣлился имъ съ вами, милые друзья мои». Слѣдующіе за тѣмъ отвѣты на предложенные вопросы представляютъ любопытный матеріалъ для исторіи міеологической экзегезы, какъ она тогда понималась, когда въ основу всего клался евгемеристическій принципъ, и существующій міеъ выводился изъ него путемъ аллегоріи, астрологическихъ соображеній и философскаго толкованія. Венера, напр., оказывается въ самомъ дѣлѣ царицею Кипра, красивой и милостивой; ея царствованіе было безконечнымъ праздникомъ, рядомъ постоянныхъ удовольствій; понятно, что послѣ ея смерти люди перенесли ея имя на планету третьей сферы, какъ по причинѣ ея красоты, такъ и потому, что ея вліяніе на людей было того же характера, и еще по укоренившемуся вѣрованію, что души умершихъ переносятся на звѣзды. — Что Венера именуется дочерью Юпитера—это объясняется свойствомъ планеты Юпитеръ вселять въ людей; находящихся подъ ея вліяніемъ, страсть къ роскоши, роскошь есть источникъ всякаго удовольствія, что и выражено въ поэтической генеалогіи. — Купидонъ названъ сыномъ Марса и Венеры, потому что когда обѣ планеты соединяются, какъ говорятъ математики, то въ результатъ получается соединеніе удовольствія и распри. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Cupido какъ не нескромное вожделѣніе, сопровождаемое разнообразными и всегда новыми безпокойствами, какъ напр. въ любовникахъ несносная ревность, жалобы и попреки, перемежающіеся замиреніями и веселымъ смѣхомъ. Такимъ же образомъ истолкованъ замысль Virgilія; если у него Венера является матерью Энея, то и это не безъ причины: въ своей божественной поэмѣ онъ хотѣлъ представить Энея типомъ совершеннаго человѣка (l'uomo perfetto), постоянного въ добродѣтели, какія бы гоненія не воздвигала на него вражда Юноны, мягкаго, терпѣливаго, человѣчнаго съ своими спутниками, милостиваго къ подданнымъ—качества, необходимыя въ особенности для политической жизни, приписываемыя вліянію

планеты Венеры при посредничествѣ Юпитера. Вотъ почему и названъ онъ сыномъ богини, которой враждебна Юнона, вотъ почему вражда Юноны переносится и на Энея. Эней стремится къ Лавиніи, т. е. къ высшей добродѣтели (*la quale per la somma virtù con laudabile fama s'intende*); ничто такъ не препятствуетъ чело-вѣку въ этомъ стремленіи, какъ привязанность къ земнымъ бла-гамъ, Юнона же въ представленіи язычниковъ была богиней этихъ благъ и царствъ.^{*)} Аллегорія, какъ видно, переносится на почву, гдѣ мы болѣе или менѣе уже переступаемъ за мифологи-ческую черту. Слѣдующее толкованіе отличается болѣе философ-скимъ складомъ. Вопросъ: почему Венера приурочена къ Кипру? Отвѣтъ: какъ чело-вѣкъ представляетъ собой микрокосмъ, въ ко-торомъ сердце вмѣстѣ съ печенью является центромъ, источни-комъ, откуда разливается кровь и всюду разносится жизнь, по-чему и любовь въ сердцѣ имѣетъ свое начало,—такъ поэтический вымыселъ, подражая природѣ, помѣстилъ Венеру и ея Кудипона и Амура на Кипрѣ, какъ въ сердцѣ микрокосма. И въ доказа-тельство этого толкованія, авторъ пускается въ географическія подробности, которыя должны уяснить, что Кипръ въ самомъ дѣлѣ сердце земли, точно такъ какъ религіозно-настроенное воображеніе средневѣковаго чело-вѣка въ Іерусалимѣ искало зем-наго пупа. Выйдя изъ Сиріи, завернувъ къ Гангу и Аравію, онъ длиннымъ рядомъ именъ доходитъ до Геркулесовыхъ стол-бовъ и надъ однимъ изъ геркулесовскихъ мѣровъ пробуетъ ту самую экзегетическую методику, съ которой мы уже не разъ имѣли случай познакомиться.

Такимъ созерцаніемъ онъ приготовилъ себя къ посѣщенію острова, куда геній его сопровождаетъ. Богатые храмы, театры и башни, царскіе покои; въ садахъ плескъ фонтановъ, лиліи и фіалки и богатство красотъ такое, что казалось, будто въ зелени играютъ, бѣгаютъ и смѣются игривые духи. Воздухъ полонъ аромата, птичьимъ щебетомъ лѣсъ, и на лугу играютъ граці-озные звѣри.

E rimbombava tutta quella valle
D'acque e d'augelli, ed eran le sue rive
Bianche, verdi, vermiglie, perse e gialle:

Rivi correnti di fontane vive
Al caldo tempo su per l'erba fresca,
E l'ombra folta, e l'aure dolci estive:

Poi quando'l verno l'aer si rinfresca
Tepidi soli, e giochi e cibi, ed ozio
Lento ch'e semplicetti cori invesca *)
(Petrarca, Trionfo d'Amore).

Какъ удачно посвятили это мѣсто Венерѣ божественные поэты, восклицаетъ нашъ поэтъ и принимается описывать это Regno d'Amore, подобно Френци (Quadriregio), Брунетто Латини (Tesoretto) и позднѣе Полициану (Giostra), снявшему планъ своего любовнаго царства съ эпиталямій Клавдіана и Сидонія Аполлинарія. Еще новая черта, изъ классическихъ источниковъ перешедшая въ приемы средневѣковой реторики.—Передъ авторомъ обширный амфитеатръ, очевидно предназначенный не столько для мужественныхъ игръ Марса, сколько для нѣги и удовольствія. Богатые мраморные бассейны, сосуды изъ тонкаго алебастра и драгоценныхъ камней наполнены дорогими ароматами. Посреди амфитеатра фонтанъ чуднаго устройства: три ступени ведутъ со всѣхъ сторонъ къ круглому бассейну, края котораго украшены изваяніями и драгоценными камнями; его прозрачная вода отражаетъ небо; изъ нея поднимается изумрудная колонна съ коринтской капителью (capitello di varie e leggiadrissime foglia in molta ricchezza formato); на капители золотая ваза, поверхъ которой, на базѣ изъ восточнаго сапфира, изображеніе Киприды, изваянное изъ огненнаго рубина такъ красиво, что ни Фидій, ни Поликлетъ не въ состояніи были бы сдѣлать подобное. Надъ всѣмъ этимъ навѣсъ на восьми колоннахъ, украшенныхъ по капителямъ изображеніями золотыхъ львовъ, изъ которыхъ струится вода съ такимъ пріятнымъ журчаніемъ, что поневолѣ заслушаешься. Верхняя часть навѣса представляетъ разныя хитрыя архитектурныя выдумки: тутъ всякіе звѣри, голуби, посвященные богинѣ любви, сложенные изъ жемчуга, и посреди пламени, искусно сдѣланнаго изъ рубина, Купидонъ обнаженный и крылатый, съ лукомъ и колчаномъ, наполненнымъ золотыми стрѣлами, увѣнчанный бѣлыми и алыми розами. Поэтъ останавливается на атрибутахъ того поэтическаго символизма, которыми средніе

*) «Вся долина оглашалась журчаніемъ водъ и пѣніемъ птицъ; она всѣхъ цвѣтовъ—бѣлаго, зеленаго, краснаго, синяго, желтаго; въ жаркую пору ручьи изъ живыхъ ключей бѣгутъ по свѣжей травѣ, густѣетъ тѣнь и мягко ласкаютъ лѣтніе вѣтерки. Когда же зима охладитъ воздухъ и солнце перестанетъ палить, тогда тамъ игры и пиры, и тихое бездѣлье, привлекающее простодушное сердце».

вѣка окружали бога любви. Лукъ и стрѣлы были его всегдашними принадлежностями. Такъ въ XII вѣкѣ изображаютъ его *Carmina burana*:

Inter hec aspicitur
Citheree natus,
Vultus est sidereus
Vertex est pennatus,
Arcum leva possidet
et sagittas latus (стр. 164).

Такъ въ поэмѣ *Intelligenza* богъ любви (*il Deo d'amore*) держитъ въ правой рукѣ копье (*ne la destra mano un dardo*), и у Петрарки Амуръ является

un garzon crudo
Con arco in mano, e con saette a' fianchi *)
(*Trionfo d'Amore*)

Иногда этотъ символизмъ усложненъ, различаются золотыя и свинцовыя стрѣлы, какъ напр. въ *Энеидѣ* Фельдеке 264, 18—265, 4:

Du hâst dicke wol gesehen
Wie der hêre Amor stêt..
Ein buhsen hât er an der hant,
In der ander zwêne gêre..
Ein gêr is von golde,
Des phleget her alle stunde.
Swer sô eine wunde
Dâ mite gewinnet,
Vil starklich er minnet
Und lebet mit arbeite.
Neheiner unstâticheite
Ne darf man in ziên.
Der ander gêr is blien:
Von deme tûn ich dir kunt:
Swer dâ mite wirdet wunt
In sin herze enbinnen,
Der is der rechten minnen
Iemer ungehôr sam.
Her hazet unde is ir gram.

*) Жестокосердый мальчикъ съ лукомъ въ рукѣ и стрѣлами при бедрѣ.

swaz sô von minnen geschicht,
Des ne lustet in niht *)

Какъ въ нашемъ разсказѣ онъ изображенъ среди рубиноваго пламени, такъ въ другихъ случаяхъ факель, символъ Гименея, переносится на Амура, напр. у графа von Kirchberg (Hagen. 1, 24 a), der wilde Alexander ib. 365 a, и въ Wigalois'ъ 26, 11 — 13 (ein strale von golde Het er in der zeswen hant *In der andernl einen brant*); либо на Венеру (Konrad Trojanerkrieg: *ein viurîn facke âne rouch*): потому что въ понятіи нѣмецкаго Minne Венера, Гименей, Амуръ и Купидонъ какъ-то сливались, и Купидонъ могъ являться богиней, какъ у Suchenwirt'a 30, 161: *vrow Vênus und vrow Chupîdô*, или у Ulrich'a von Eschenbach, Alexander, листъ 4: *vrouwe Amor was dâ nicht laz*. Все это обнаруживаетъ на сѣверѣ классическое преданіе, значительно болѣе заглухшее подъ вліяніемъ новой символики, чѣмъ на югѣ, гдѣ оно было народное, не исключительно литературное, и потому могло сохраниться до мелочныхъ поэтическихъ подробностей, запомнить голубей, посвященныхъ Венерѣ, и задуматься надъ поэтическимъ смысломъ бѣлыхъ и алыхъ розъ. Въ старой литературѣ сѣвера, навѣянной классическими образцами, мы съ этими символическими подробностями встрѣчаемся рѣдко: Чосеръ въ *Knights tale* заимствовалъ ихъ изъ Тезейды Боккаччо.

Что слѣдуетъ тотчасъ, познакомить насъ съ другими образцами этихъ классическихъ *réminiscences*. Выше мы видѣли, какъ выработался и какъ перешелъ въ общее мѣсто мотивъ путешествія. Описаніе не менѣе того подавалось на топики, представляя столь же широкія границы, среди которыхъ удобно вращалось самое разнообразное содержаніе. Извѣстны въ древности описанія Ахиллова и Геркулесова щитовъ, вызвавшій подражаніе Виргилія (Ном. II. XVIII, 478 sqq.; Hesiod. Scut. Herc.; Virg. Aen. VIII, 626 seqq.); дворецъ славы и палата сновъ у Овидія, извѣстность котораго въ средніе вѣка уступала развѣ одному Виргилію, могли непосредственно послужить примѣромъ для средневѣковыхъ поэтовъ. Какъ Одо въ своемъ Ernestus стр. 322—23 описалъ

*) Ты часто видѣлъ, какова фигура великаго Амура: у него въ одной рукѣ сосудъ, въ другой два копья. Одно золотое; его онъ всегда употребляетъ: кого оно ранитъ, тотъ сильно любитъ и живетъ въ мученіи, и его нельзя обвинить въ непостоянствѣ. Другое копьѣ свинцовое; о немъ я скажу тебѣ, что кого оно угодитъ въ сердце, тотъ никогда не бываетъ послушенъ истинной любви, но ненавидитъ и не терпитъ ея, и ему неспріятно все, что изъ-за нея творится.

жилище снова, подражая Виргилию, такъ явились, эксплуатируя тотъ же самый стилистическій приемъ, цѣлые ряды описаній въ родѣ Чосерова *House of fame*, *Temple of glass Pavés'a* и т. п. Поле вымыслу отводилось огромное, воображаемые дворцы мебелировались всею древностью, какая оказывалась налицо, затѣями средневѣковаго ума; стѣны вызывали на фрески, и художнику свободно было населять ихъ по усмотрѣнью группами несчастныхъ любовниковъ, героями, философами и т. п. Можетъ быть, что традиція образовательныхъ искусствъ, на сколько она сохранилась въ средніе вѣка, не осталась безъ вліянія на этотъ литературный приемъ, хотя во многихъ случаяхъ пришлось бы признать за болѣе вѣроятное обратное заимствование. Какъ на помпейскомъ шлемѣ найдены были рельефы съ изображеніемъ троянскихъ событій (O. Iahn *Aus der Alterthumswissenschaft* стр. 287), такъ въ Ингельстеймскомъ дворцѣ изображены герои древности отъ Нина до Карла Великаго; исторія Пирама и Тисбе, рѣзанная на слоновой кости средневѣковымъ мастеромъ, упоминается Lersch'омъ (*Rhein. Jahrbücher*, II, 123, Wackernagel *Litt. Gesch.* стр. 95); похождения Медии вытканы были на коврѣ французской работы (Pfeiffer. *Fr. Zur deutschen Litteraturgeschichte* стр. 11), точно такъ же какъ подвиги Геркулеса (*Fr. Michel Recherches sur le commerce des étoffes de soie*, 2, 397). Параллельно этому встрѣчаемъ во французскомъ и нѣмецкомъ Эректѣ описаніе конской сбруи, на которой изображены были *daz lange liet von Trojá*, приключенія Дидоны и Энея, точно такъ же какъ на покрывалѣ о которомъ говоритъ Heinrich von dem Türlin въ *Krone* 529, гдѣ кромѣ того можно было видѣть Лавинію и т. п. Въ *Flore* 1587—1643 упоминаются изображенія суда Париса, похищенія Елены; шапка молодого Гельмбрехта вышита и того богаче. Полнаго значенія достигаетъ этотъ описательный мотивъ, когда помимо описанія онъ служитъ какой-нибудь другой предвзятой цѣли. Такъ утраченный для насъ *Umbehang Bligger'a von Steinach* представлялъ рядъ картинъ, выведенныхъ на коврахъ искусною женскою рукою. Такъ сводъ и стѣны дворца Мадонны *Intelligenza* покрыты фигурами Париса и Елены, Поликсены и Ахиллеса, Дидоны и Энея, Изотты и Тристана—«*е chi mai 'nnamorò per tempo, o tardo*», и рядомъ съ ними исторія Цесаря, Александра и Троянскія дѣянія. Мы только упоминаемъ объ изображеніяхъ Дантовскаго пургаторія въ поученіе кающимся душамъ и о скульптурахъ на вратахъ

дворца Венеры въ Giostra Полиціана (lib. I st. 97—119), давшихъ Рафаэлю сюжетъ Галатеи. Въ House of fame Чосера, вызвавшемъ въ XV вѣкѣ подражаніе Hawes'a, поэтъ перенесенъ въ стеклянные хоромы, на стѣнахъ которыхъ писаны золотомъ всѣ легенды Овидія и Виргилія. Орелъ поднимаетъ его въ надзвѣздное пространство, на неприступную ледяную гору ⁴¹⁾, передъ храмъ славы, построенный изъ берилла, съ блестящими окнами. Вся южная сторона покрыта именами знаменитыхъ людей, но эти надписи постоянно таютъ на солнцѣ, и только тѣ, что со стороны сѣвера, остаются цѣлы. На башенкахъ стоятъ Орфей, Аріонъ, съ ними тысячи музыкантовъ, заклинатели, магики, пророки. Звуки роговъ, флейтъ и свирѣлей разносятся по воздуху. Онъ входитъ въ залу, украшенную золотомъ и перлами; два ряда колоннъ тянутся отъ дверей; около нихъ стоятъ на пьедесталахъ великіе историки и поэты; выше всѣхъ Горацій, Титъ Ливій, Даретъ, Гвидо Колонна, Готфридъ Монмутскій; Овидій на мѣдномъ пьедесталѣ, Стацій на пьедесталѣ, окрашенномъ кровью тигровъ. Въ концѣ ряда на тронѣ изъ карбункула сидитъ Слава, «великая и доблестная царица», кругомъ нея толпа герольдовъ, и слышится божественная мелодія: это играетъ Калліопа и ея сестры. Фрески, надписи, боги и герои Греціи и Рима группируются вокругъ трона, какъ будто ведутъ къ нему, развивая одно и то же содержаніе славныхъ подвиговъ и великихъ дѣлъ, и между ними много пустаго мѣста, которое поэту вольно наполнить, если ему придетъ на мысль разставить границы своего труда.

Оставляя въ сторонѣ другія сравненія, которыхъ можно бы собрать множество, замѣтимъ, что кѣ подобной стилистической уловкѣ прибѣгнулъ и нашъ авторъ при описаніи палатъ богини Венеры: такъ можно было бы назвать всю вторую половину первой книги. Вслѣдъ за чуднымъ фонтаномъ, передъ которымъ мы его оставили, его вниманіе привлекаютъ фрески на стѣнахъ амфитеатра. Всѣ онѣ, разумѣется, имѣютъ отношеніе къ одному и тому же предмету—торжеству любви—и авторъ проходитъ мимо нихъ, толкуя ихъ содержаніе, иногда забывая совершенно, что передъ нимъ все же одна только картина: тогда фрески становятся для него живыми, изъ писанныхъ садовъ Сарданапала доносится нескончаемая мелодія, перлы и рубины горятъ, будто съ небомъ состязаются въ блескѣ стѣны его дворца. Осмотръ начинается съ лѣвой стороны: здѣсь всѣ прелести Вавилоніи,

Медіи и Персіи (*tutte le dilizie di Babilonia, di Media e di Persia*), Семирамида и Сарданапалъ, Саломонъ и Александръ Македонскій, Юлій Цесарь и Клеопатра, Тиберій, Калигула и Неронъ. Авторъ не хочетъ оставаться долѣе на этихъ соблазнахъ: зачѣмъ говорить о прелюбодѣйствахъ безчисленныхъ языческихъ боговъ? Кто не слыхалъ про Юпитера и Данаю, Марса и Венеру, про Вакха и Ариадну? Все это изображено на лѣвой сторонѣ; правая представляетъ образы добродѣтельной любви, которую авторъ понимаетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ: здѣсь счастливыя супружества, но здѣсь же и примѣры святой дружбы, Низъ и Эвріалъ, Сципіонъ и Лелій, Волумній и Лукуллъ, Дамонъ и Питіасъ рядомъ съ Марціей и Катонемъ, Юліей и Помпеемъ, Августомъ и Ливіей. Царство любви простирается наконецъ еще далѣе, становится какою-то философіей исторіи, обусловливая такія ея явленія, гдѣ мы всего менѣе ожидаемъ встрѣтиться съ ея руководящимъ началомъ. Выше личной любви и дружбы поставляется любовь къ родинѣ, какъ двигающій принципъ исторіи, и она находитъ себѣ мѣсто въ царствѣ кипрской богини. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ понялъ свою задачу гораздо общѣе, чѣмъ напр. Петрарка въ своемъ *Trionfo d'Amore*, все еще стоящемъ на точкѣ зрѣнія Капеллана Андрея и трубадуровъ. Когда онъ поднимается по роскошной лѣстницѣ, невообразимый свѣтъ поражаетъ его, такъ что первое время онъ ничего не видитъ отъ удивленія. Образы древнихъ царствъ проходятъ передъ нимъ: Ассирійское, Персидское, Израильское, Аѳины и Спарта. «Какую великую любовь къ родинѣ я здѣсь увидѣлъ!» восклицаетъ авторъ. Римская исторія начинается у него, какъ у всѣхъ средневѣковыхъ хроникеровъ, съ Трои, долго останавливается на похищеніи Сабинянокъ, на изгнаніи Тарквинія, на Горациѣ и Камиллѣ; подвиги Марцелловъ и Метелловъ ее завершаютъ. Пойди онъ далѣе въ своихъ цитатахъ, онъ не позволилъ бы себѣ того восклицанія, которымъ оканчивается рядъ его историческихъ видѣній. «О счастливая римская республика! Чудная милость Создателя! Когда я созерцалъ безчисленное множество людей, движимыхъ любовью къ отечеству (*amatori della patria*), такое сладкое чувство наполнило мою душу, что я не въ состояніи его выразить..... Итакъ, вотъ эта послѣдняя въ ряду имперій, самая пространная и могущественная, созданная такою кровью, такою доблестью и мужествомъ, такой безконечной любовью къ отечеству. Италія можетъ по праву гор-

диться ею. Теперь видно, какія разнообразныя желанія вселяетъ любовь въ смертныхъ, къ какимъ различнымъ цѣлямъ направляетъ. Все на свѣтѣ движется любовью (Dante: *L'amor che muove il sole e l'altre stelle*), только что невѣжество и страсти чаще увлекаютъ человѣка къ дурной любви, отчего происходятъ убійства, грабежи, пожары и прелюбодѣянiе. Пусть только ядовитая похоть, не знающая мѣры, покорится руководству разсудка! Благое свѣтило Венеры вселяетъ повсюду чувство радости и наслажденiй, и люди всегда бы питали горячую любовь къ родинѣ, роднымъ и друзьямъ, ко всему божескому и человеческому, еслибъ не препятствовала тому злая похоть. И авторъ снова задумывается надъ существомъ любви всё совершающей, снова прислушивается къ голосу своего гения: «Я хорошо знаю, какія разнообразныя и новыя мысли возбудило въ тебѣ всё тобою видѣнное», говоритъ ему тайный голосъ. «Оттого тебѣ необходимо прежде всего точно узнать, что такое любовь вообще, какiе ея бываютъ виды и какъ одинъ изъ нихъ заслуживаетъ похвалы, другой порицанiя и отверженiя. Разсмотрѣвъ это, мы съ болѣшимъ удовольствiемъ отдадимъ наше время на рассказы, новеллы и разговоры, въ удовольствiе и пользу небольшого кружка хорошихъ друзей». И еще призвавъ автора къ сосредоточенiю, гений начинаетъ развивать ему теорiю любви, по Данте, Платону и Аристотелю. Снова толкуются аллегорически старыя миѣы: почему напр. *Амуръ* названъ сыномъ Эреба и Ночи, или Юпитера и Венеры; лѣвая и правая сторона амфитеатра съ изображенiями различныхъ проявленiй любви объясняются сами собою.

«Вернувшись наконецъ къ своей ладѣ, чтобы плыть впередъ по другимъ волнамъ, собравши разсѣянныя силы моей фантазiи, одушевленный горячимъ желанiемъ постоянно стремиться къ святой любви», — такъ кончаетъ авторъ свое аллегорическое странствованiе по царству Венеры. И вдругъ вокругъ него все исчезло: ни ладьи, ни острова любви, ни поучительныхъ фресокъ амфитеатра; онъ одинъ въ своей уединенной комнатѣ. Какъ это все случилось? Неужели всё это была одна иллюзiя? Однако онъ все это видѣлъ своими глазами, слышалъ и осязалъ. Гдѣ же было его тѣло, потому что человѣку немыслимо совершить подобное путешествiе въ естественныхъ границахъ дня? Полный недоумѣнiя поэтъ смиряется передъ высшею волей, которая попустила совершиться необъяснимому, въ немъ пробуждается религиозное чувство, и послѣднiя страницы первой книги наполнены

изліяніями противъ тѣхъ, кто не вѣритъ ничему, чего они сами не видѣли и не осязали, кто ограничиваетъ наше существованіе землею и не допускаетъ будущаго возмездія. Оставимъ ихъ въ покоѣ, этихъ невѣрующихъ, а сами обратимся къ небесному милосердію съ молитвой, чтобы будущія бесѣды съ вами, милые друзья мои, прошли также счастливо какъ и настоящая.

Книга вторая.

Слѣдующая книга переноситъ насъ въ комнату автора. Онъ всё еще подъ впечатлѣніемъ прошлаго, но его вниманіе понемногу переносится къ другимъ предметамъ: не даромъ въ введеніи къ своему роману онъ обѣщалъ, что не будетъ придерживаться исключительно одного стиля. Выше мы имѣли дѣло съ видѣніемъ и аллегоріей, теперь мы спускаемся на землю, къ живымъ людямъ и прислушиваемся къ ихъ разговору. Вслѣдъ за видѣніемъ новелла, какъ за *Divina commedia* Декамеронъ. Правда, авторъ остается еще нѣкоторое время въ колеѣ своихъ историческихъ воспоминаній и философскаго созерцанія, но онъ болѣе и болѣе специализируетъ то и другое. Еще недавно его занимали судьбы всей Италіи, теперь онъ ограничивается Тосканой, поетъ про доблести древнихъ Этрусковъ, равно славныхъ какъ мудростью, такъ и торжественной обрядностью своей религіи (*Tuscia* отъ *thus*). Это даетъ поводъ перейти къ религіозному значенію Тосканы во время болѣе близкое къ автору. Не отсюда ли вышли многіе духовные ордена? Не здѣсь ли мѣсто покаянія Ромуальда, киновія Джьованни Гвальберта въ Валломброзѣ, знаменитый госпиталь Альтопашьо? Не здѣсь ли св. Францискъ удостоился принять стигматы на свое святое тѣло? Не отсюда ли начался орденъ *di santa Maria de' Servi*? Воспоминанія сосредоточиваются самымъ опредѣленнымъ образомъ вокругъ тосканскихъ Апеннинъ и на высотахъ Казентино. «Почему я хочу, дорогие друзья мои, прежде чѣмъ пойти далѣе, рассказать вамъ, какъ въ моей юности, въ обществѣ людей мнѣ близкихъ и благосклонныхъ я съ умиленіемъ посѣтилъ прекрасныя и плодоносныя высоты нашихъ Апеннинъ, гдѣ лежатъ святыя обители Франциска, Ромуальда и Джьованни Гвальберта, и какіе мудрые разговоры и веселыя новеллы я слышалъ тогда въ Поппи, управляемомъ именитымъ въ Италіи родомъ; въ которомъ рыцарскія качества чудно соединяются съ высокою добротою и всякою доблестью».

«Уже быстрая колесница кудряваго Аполлона миновала созвѣздіе Овна и Тельца, такъ сладко обольстившаго Европу, и его блестящіе кони воспламеняли Кастора и Поллукса» (Близнецы) — такъ начинается авторъ разсказъ о своемъ хожденіи по святынямъ Тосканы. Обстановка совершенно весенняя: свѣжая зелень лѣса и птичій щебетъ, цвѣты и мягкій воздухъ, располагающій къ наслажденію и любви. Среди всего этого движется по высокому хребту Апеннинъ общество странниковъ, возвращающихся съ богомолья. Виды открываются на ту и другую сторону обширные, на Средиземное море (Tireno o uoi Tusco) и на Адриатику; за ней видны высокія Паннонскія горы, знаменитый Дураццо и весь Иллирійскій заливъ до Венеціи, богатой водами. Плодоносные холмы Падуи виднѣются вдаль и даютъ автору поводъ разговаривать съ однимъ изъ своихъ спутниковъ: Лодовико Бунцакерино самъ родомъ изъ Падуи, авторъ нашелъ въ ней вторую родину, когда обучался въ ней свободнымъ наукамъ, у нихъ естественно явились общія воспоминанія, похвалы Франческо да Каррара чередуются съ мнѣніемъ объ основаніи города Антеноромъ, и они долго бы толковали въ томъ же тонѣ, еслибы въ пору не замѣтили ихъ отсутствія и не попросили отложить разсужденія до другаго времени. Присоединившись къ обществу, они вмѣстѣ спускаются съ горъ въ долину Арно, ѣдутъ вдоль красиваго берега рѣки, гдѣ въ сосѣдствѣ Прато Веккіо двѣ высокія горы поднимаются по ту и другую сторону. Порчьяно и Ромена остались по правую руку, и уже близокъ Поппи, когда графъ Карлъ, владѣтель города, желая достойнымъ образомъ завершить день, поручаетъ своему сокольничему Джинджиккіо поспѣшить впередъ и приказать сенешалу, чтобъ онъ приготовилъ ужинъ на лугу повыше моста, гдѣ, пробываясь промежъ дикихъ скалъ, Арно течетъ съ пріятнымъ журчаніемъ. Между тѣмъ, какъ общество продолжаетъ свой путь, коротая время въ веселыхъ разговорахъ (*dilettevoli novellette*), солнце уже успѣло оставить позади двухъ своихъ коней, третій выбивается изъ силъ и четвертый готовъ повлечь за собою огненную колесницу къ закату. Путники поравнялись съ Борго алла Коллина, когда увидѣли вдаль другую толпу, направлявшуюся имъ на встрѣчу: это былъ графъ Симонъ, племянникъ графа Карла, и съ нимъ общество дамъ. Послѣ веселыхъ привѣтствій съ той и другой стороны, графъ Симонъ началъ говорить такъ — мы предоставляемъ здѣсь автору самому себѣ.

«Я не берусь рѣшить, какое изъ двухъ обществъ можетъ позавидовать другому въ удовольствіяхъ дня; но еслибы за вами не было того преимущества, что вы посѣтили и видѣли святыя мѣста, я осмѣлился-бы утверждать, что позавидуете вы скорѣе, чѣмъ мы. Только что уѣхали вы этимъ утромъ, не прошло много времени, и мы едва успѣли отслушать обѣдню въ Чертомонда и добратъ до луга, какъ завидѣли вдаль большую толпу всадниковъ. Подойдя ближе, чтобы разглядѣть общество приближавшееся къ намъ съ пѣснями, мы прежде всѣхъ признали наемщика Біаджіо Сернелло, и вокругъ него нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые помирали со смѣха. Мы вышли посмотреть на большую дорогу, а они тѣмъ временемъ подъѣхали, сошли съ коней, начались поклоны и поздравленія. Когда мы спросили, какое счастливое обстоятельство (*qual graziosa ventura*) занесло ихъ сюда и кого намъ за это благодарить, Біаджіо тотчасъ же отвѣчалъ: Ходкость (*ventura*²²) этихъ коней привела насъ и благодарить слѣдуетъ ихъ хорошо подкованныя ноги. И отвѣтивъ такимъ образомъ, онъ быстро измѣнилъ свое лицо, которое изъ худощаваго сдѣлалось у него полнымъ, точъ въ точъ Алессандро дelli Алессандри, и онъ началъ говорить его голосомъ, сопровождая себя его жестами: «Добраго здоровья всей веселой компаніи. А на васъ, графъ Симонъ, я не надивлюсь, вы будто и не узнаете вашего Алессандро. Кстати, гдѣ графъ Карлъ? Намъ признаться сильно хотѣлось бы узнать, поживется ли намъ въ Поппи также хорошо, какъ графу Карлу?» Тутъ онъ замолчалъ, и такъ какъ Алессандро всѣмъ намъ былъ хорошо извѣстенъ, мы пришли въ такое же изумленіе, въ какое знаменитая Цирцея привела Улисса, когда въ сосѣдствѣ древней Гаэты она обратила его спутниковъ въ звѣрей. Такъ среди хохота и удивленія продолжали мы слушать его рассказы о флорентійскихъ дѣлахъ и о другихъ государствахъ Италіи, все время въ лицѣ вашего Алессандро; потомъ, измѣнивши лице на подобіе вашего, графъ Карлъ, онъ самъ принялся отвѣчать Алессандро, такъ сходно, что еслибъ я его только слышалъ, а не видѣлъ и не зналъ продолокъ, положительно принялъ бы за васъ, да и всѣ другіе, тамъ бывшіе, сдѣлали бы то же самое. Пока мы стояли въ удивленіи, онъ уже успѣлъ отдать приказъ, чтобы все общество направилося къ Поппи; потомъ, взявши меня за руку, обратился ко мнѣ, будто къ Алессандро: «О Алессандро, вамъ не трудно ли взбираться?» и тутъ же, отвѣчая себѣ въ лицѣ Алессандро, прибавилъ: «Графъ,

мнѣ столько же нуженъ отдыхъ, какъ дикой козѣ, хотя я и полонъ. Тронемтесь же въ путь, прежде чѣмъ не наступилъ жаръ». Такъ пройденъ былъ мостъ и мы взобрались на крутизну, среди веселыхъ разсказовъ, а онъ продолжалъ представлять то одного, то другаго, и мы къ удивленію не замѣтили трудности пути. Среди такого веселья добрались до города и, войдя въ замокъ, провели нѣсколько времени на лугу въ тѣхъ же забавахъ и за завтракомъ, при чемъ Біаджіо постоянно распоряжался въ лицѣ васъ, графъ Карлъ, такъ что мы и не пили ничего кромѣ того, что онъ самъ хотѣлъ и заказывалъ, говоря, что такую компанію надо же угостить корсиканскимъ виномъ, которое, какъ самъ онъ забавно объяснилъ, будто бы послано ему въ подарокъ мессеромъ Пьеромъ Гамбакорти.*)

Когда такимъ образомъ оконченъ былъ завтракъ, онъ же распорядился приготовленіями къ обѣду, и мы всѣ повиновались ему съ удивительной готовностью, какъ будто это были вы сами; только что за удивленіемъ слѣдовалъ новообразимый, неподражаемый смѣхъ. Обѣдъ прошелъ такъ весело, что и не описать, потому что все время за приборомъ Біаджіо говорили невидимые графъ Карлъ и Алессандро.....

«Вы этого человѣка уже давно знаете, какъ онъ забавенъ и приятенъ въ обществѣ; оттого я и не распространяюсь, вы все это лучше представите себѣ, чѣмъ я съумѣю передать вамъ. И такъ пообѣдавши и отдохнувъ отъ впечатлѣній дня, мы тотчасъ же, какъ видите, рѣшились отправиться къ вамъ, чтобы разсказать все, что вы слышали, и кстати сообщить, что сегодня вечеромъ Гвидо ди мессеръ Томмазо и Андреа Бетти придутъ въ Поппи, на пути къ святымъ мѣстамъ, которыя думаютъ посѣтить, какъ и вы это сдѣлали. Это свѣдѣніе вѣрное, его передали намъ Біаджіо и его спутники, а Біаджіо нарочно былъ посланъ впередъ, чтобы васъ объ этомъ предупредить. Посудите, какое удовольствие васъ сегодня ожидаетъ: Гвидо и Андреа, именитые граждане, и съ ними такіе пріятные собесѣдники, какъ Біаджіо и Маттіо.

«Такъ сказалъ графъ Симонъ, и графъ Карлъ съ веселымъ видомъ отвѣчалъ, обращаясь къ нему и къ благороднымъ дамамъ:

«Что до меня, я сильно завидую вамъ во всемъ, что вы видѣли и слышали отъ нашего забавника Біаджіо..... И такъ въ добрый часъ отправимся къ нимъ поскорѣе». Сказавши это, онъ при-

*) Историческое лице, упомянутое здѣсь для шутки. Gambacorti, *подкашивающій ноги*, удачный эпитетъ вина.

шпорилъ свою лошадь, и всѣ мы послѣдовали его примѣру; на пути наказано было Андреоло Дандоло изъ Венеціи, юношѣ хорошаго рода и добрыхъ нравовъ, услужливому и учтивому, чтобы въ сообществѣ одной изъ графинь, какую онъ изберетъ, онъ пропѣлъ одну изъ тѣхъ сициліанскихъ канцонетъ, которымъ научился отъ Франческо ди Ванноццо. Онъ такъ и сдѣлалъ, выбравъ себѣ Маргариту, красивую и граціозную дочь графа Карла; пѣніе сокращало и безъ того короткій путь, между тѣмъ какъ жалостныя слова и сладкій напѣвъ говорили, какое великое зло не любить, когда мы любимы, и какое торжество для горячихъ любовниковъ—любить и быть любимымъ. Всѣ хвалили мѣткія слова и не менѣе того мелодію, пѣвцевъ и автора. Тѣмъ временемъ мы были уже въ сосѣдствѣ Чертомондо у Кампальдино, гдѣ Джинджикіо вмѣстѣ съ вѣрнымъ Дамо все самымъ роскошнымъ образомъ приготовилъ на зеленой лужайкѣ. Неподалеку оттуда шутникъ Біаджіо вмѣстѣ съ Маттіо и надоедливымъ Тонэ переряжены были въ могущественныхъ влѣстителей, съ толпой почетныхъ слугъ и конюшихъ, точно Карлъ I, король Іерусалима и Сициліи, когда онъ посѣщалъ столицу апостоловъ. Выступивъ немного впередъ, не покидая царской роли, онъ милостиво принялъ графа Карла, взявъ его за руку и съ серьезнымъ и вмѣстѣ привѣтливымъ видомъ сказалъ: «Добро пожаловать, нашъ добрый графъ Карлъ и все общество»; и когда тотъ хотѣлъ наклониться до земли, прибавилъ: «Встаньте». И къ удивленію всѣхъ онъ продолжалъ съ нимъ говорить, разсуждая не о чемъ иномъ, какъ объ интересахъ великихъ державъ и имперій, такъ что никто другой, какой бы властью и какимъ умомъ онъ ни обладалъ, не сдѣлалъ бы лучше его. Пока мы веселились такимъ образомъ, показалось вдали общество Гвидо; шутники отправились къ нимъ на встрѣчу, будто придверники, жезлоносцы и служители его величества короля, которые хотятъ узнать, кто такіе всадники и какой случай привелъ ихъ сюда. Гвидо и Андреа, не предупрежденные о шуткахъ Біаджіо и удивленные присутствіемъ такого знатнаго общества, тотчасъ же сходятъ съ коней и направляются впередъ, потомъ останавливаются, ожидая, чтобъ графъ Карлъ далъ имъ какое нибудь объясненіе, а пока не рѣшаются ни идти впередъ, ни возвратиться. Тогда Біаджіо сказалъ громкимъ голосомъ: «Пойдите скорѣй и приведите къ ногамъ моимъ вотъ этихъ двухъ, потому что они жестоко провинились передъ престоломъ, придя раньше ужина». Служители

идутъ тотчасъ же, едва удерживаясь отъ смѣха, и хватаютъ обвиненныхъ, которые еще не знаютъ, въ чемъ дѣло, и не могутъ придти въ себя отъ изумленія. Но тутъ Гвидо вспоминаетъ, что въ обществѣ присутствуетъ Бιάджіо. Это его продѣлки, говоритъ онъ, смѣясь; и когда оба плѣнника начинаютъ просить о помилованіи, всѣ разразились такимъ страшнымъ смѣхомъ при видѣ забавнаго короля, что никто изъ присутствующихъ долгое время не могъ ничего сказать, ни сдѣлать. Почему, простивши виновныхъ, король тотчасъ же распорядился, чтобы двое изъ его служителей начали танцовать съ дамами подъ звуки арфы, и, когда всѣ другіе разсѣлись, танцы начались къ великому удовольствію зрителей.

«Уже сынъ Латоны съ двадцатью своими прислужниками (Горами), поджидая остальныхъ четырехъ, спѣшилъ по нашей гемисферѣ, чтобы съ огненной колесницей погрузиться въ великія волны Испаніи, и въ прохладныхъ тѣняхъ майской зелени мягкій зефиръ умѣрялъ знойный день, когда по окончаніи веселой пляски графъ Карлъ началъ говорить такимъ образомъ: «Вы видите, что до ужина еще времени остается много; не захотите ли вы, милые Гвидо и Андреа, рассказать намъ какуюнибудь хорошую новеллу; въ этихъ горахъ намъ рѣдко приходится слышать чтонибудь подобное, и потому вашъ рассказъ будетъ намъ великой утѣхой». Такъ въ первый разъ данъ поводъ къ новелламъ, которые проходятъ черезъ весь романъ, отъ разныхъ рассказчиковъ и съ разнымъ содержаніемъ, иногда являясь какъ прикладъ и доказательство какогонибудь общаго мѣста, тронутаго въ разговорѣ, иногда просто чтобы пополнить свободное время, когда до ужина еще далеко, а бездѣлье возбуждаетъ опасенія. На первый разъ новелла рассказывается по поводу спора, который завязался между графомъ Карломъ и Гвидо объ относительно большей древности Прато Веккіо и Прато Піаццанезе. Гвидо защищаетъ послѣднюю, и какъ не повѣрить ему, когда въ рассказѣ, который приводится въ подтвержденіе, судьбы Трои и Улисса связаны съ основаніемъ города приключеніями Мелиссы, наполненными сказочными чертами? Содержаніе этой новеллы мы передали при другомъ случаѣ ²³⁾ и еще вернемся къ нему въ другомъ мѣстѣ этой книги съ нѣкоторыми новыми подробностями. Пока замѣтимъ, что она представляетъ собой хорошій, развитый до новеллы, образецъ тѣхъ многочисленныхъ сатъ, которые въ представленіи средневѣковаго итальянца плодились въ развалинахъ его городовъ, пуская корни въ такую

глубокою древность, гдѣ имъ нельзя было не встрѣтиться съ Греками и Латинами. Мелисса, къ судьбамъ которой привязано начало Прото, является въ самомъ дѣлѣ дочерью хитроумнаго Одиссея; Цирцея изъ ревности къ отцу обращаетъ ее въ ястреба, и только въ концѣ длиннаго ряда перипетій она снова принимаетъ человѣческій образъ. Между тѣмъ какъ большая часть общества приходитъ въ умиленіе отъ разсказа Гвидо, одинъ графъ Карлъ протестуетъ противъ его главныхъ положеній. Зачѣмъ смѣшивать исторію съ поэтическимъ вымысломъ? (*vogliate le storie non mescolare colli velami poetici*) спрашиваетъ онъ. Если греческіе и латинскіе поэты разсказываютъ, какъ Цирцея обратила въ животныхъ спутниковъ Улисса, то понимать это слѣдуетъ въ нравственномъ смыслѣ, т. е. что они обращались въ звѣрей на столько, на сколько плотская сторона поборола въ нихъ разумную; потому что гдѣ отсутствуетъ разумъ, тамъ остается одно безсмысленное животное. Почему и теперь можно сказать о человѣкѣ преданномъ сладострастію, что онъ обратился въ кролика, голубя либо воробья; о хитромъ—что онъ сталъ лисою, о гордомъ—что онъ левъ, и тому подобное. Споръ готовъ завязаться, ибо оказалось невозможнымъ допустить, чтобы человѣкъ, устроенный по подобію Божію, обернулся звѣремъ, душа человѣка безсмертна и нетлѣнна и т. п.; но тутъ подѣхали верхомъ нѣсколько служителей и объявили, что прибыли Луиджи Марсили, также отправлявшійся на поклоненіе и сошедшій пока у церкви въ Чертомондо; вскорѣ явился и самъ маэстро Луиджи и ему, какъ духовному лицу, извѣстному своей ученостію и святой жизнью, поручается разрѣшить споръ. «Дѣло извѣстное и ясное, говоритъ онъ, что поэты подъ оболочкой вымысла и метафоры скрываютъ иногда полезное и пріятное поученіе; иногда имъ нравится смѣшивать исторію съ вымысломъ, смотря по своей задачѣ и матеріи. Вымыслы такимъ образомъ бываютъ самые разнообразныя. Теперь вы меня спрашиваете о знаменитой волшебницѣ Цирцѣ; вотъ что я вамъ на это отвѣчу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Цирцея была великая и знаменитая волшебница, и это не басня, и не поэтическій вымыселъ, а настоящая истина, и ученѣйшими и достовѣрными писателями было доказано, что люди могутъ обращаться въ животныхъ. Но такъ какъ часто случается, что вопросъ плохо поставленный даетъ поводъ людямъ сомнѣваться и отрицать то, что допустить необходимо: я въ настоящемъ случаѣ сообщу вамъ мнѣніе самаго славнаго авторитета,

какимъ можетъ гордиться нашъ орденъ (*il più famoso, che la nostra religione abbia*), и такимъ образомъ обойду всякій споръ и препирательства, какія во многихъ возбуждаетъ сомнительный вопросъ. И такъ нашъ отецъ и учитель Августинъ, по поводу такого же сомнѣнія, говоритъ, что человѣку невозможно обратиться въ животное, но что дьявольское наважденіе такъ сильно, что себя самому ты кажешься животнымъ, и у тебя даже развиваются инстинкты той или другой породы; да и тѣмъ, кто на тебя смотритъ, ты на самомъ дѣлѣ представляешься животнымъ, хотя разсудокъ или лучше разумная душа осталась у тебя неизмѣнной,—а она-то и есть существо человѣка. Такъ разсказывается объ Апулеѣ, что онъ изъ человѣка обратился въ осла, и, не смотря на эту иллюзію, разсудокъ у него былъ тотъ же нетлѣнный и неизмѣнный. Почему человѣкъ никогда не можетъ обратиться въ животное, хотя несомнѣнно, что по дьявольскому наважденію онъ можетъ казаться звѣремъ. Вотъ ясное разрѣшеніе вашего сомнѣнія, которое вы такъ разумно поставили и мнѣ предложили».

Всѣ похвалили слова маэстро и у всѣхъ явилось желаніе, чтобы въ подтвержденіе ихъ онъ самъ что нибудь разсказалъ. Сначала онъ отказывается подъ тѣмъ предлогомъ, что предпринялъ путешествіе вовсе не для удовольствія, а для покаянія и поклоненія, и ему не къ лицу развлекаться, если бы не просьбы общества и не надежда, что изъ его разсказа другіе могутъ извлечь себя поученіе. Такъ мотивируется слѣдующая новелла о томъ, какъ Михаилъ Скоттъ, знаменитый магикъ временъ Фридриха II Гогенштауфена, обольстил своимъ бѣсовскимъ искусствомъ рыцаря Ольфа. Мы думаемъ возвратиться къ содержанію этой новеллы впослѣдствіи, когда укажемъ на ея предполагаемый первообразъ и на значеніе ея суевѣрной обстановки; потому-то мы здѣсь на ней и не останавливаемся, какъ вообще, передавая въ широкихъ чертахъ содержаніе нашего романа, мы предположили распространиться только о тѣхъ, которыя не дадутъ намъ повода вернуться къ нимъ въ слѣдующихъ главахъ, точно такъ же какъ о тѣхъ новеллахъ, которыя не представляли намъ матеріала для особаго историко-сравнительнаго изученія.

Оживленный ужиномъ слѣдуетъ за разсказомъ: дамы сидятъ за особымъ столомъ, за другимъ Марсили, графъ Карлъ, Гвидо и Андреа, за третьимъ графъ Симонъ съ братьями и остальная часть общества. За ужиномъ танцы, пѣсни и разговоры. Марсили призываетъ графа Карла поблагодарить Господа за то физиче-

ское, нравственное и матерьяльное благосостояніе, которымъ онъ владѣть съ избыткомъ. Причину послѣдняго онъ главнымъ образомъ находитъ въ дружественно-покорныхъ отношеніяхъ графа къ флорентійской республикѣ; не говоря уже о томъ, что гдѣ мужество соединено съ милосердіемъ, благочестіемъ и справедливостью, тамъ крѣпко стоитъ и государство. Оттого властитель долженъ относиться къ подданнымъ, какъ добрый отецъ семейства къ своимъ дѣтямъ и т. п. Послѣднія слова какъ будто предвѣщаютъ дальнѣйшее разсужденіе на ту же тему. Общество между тѣмъ успѣло удалиться съ луга, гдѣ становилось прохладно, взобраться, при свѣтѣ факеловъ, въ гору и посѣтить монастырь, лежавшій у самыхъ воротъ города, гдѣ аббатъ встрѣчаетъ ихъ со свѣчами, въ сопровожденіи всей братіи. Когда, наконецъ, добрались до замка и дамы разошлись на ночлегъ по своимъ комнатамъ, мужчины еще остаются вмѣстѣ, чтобы воспользоваться присутствіемъ ученаго маэстро и затронуть какой нибудь серьезный вопросъ. Это поручается графу Симону, который до тѣхъ поръ еще не вмѣшивался въ разговоры, и онъ предлагаетъ рѣшить: какое правленіе лучше, — то ли, которое поручено одному лицу, или многимъ, какъ мы это часто видимъ? Вопросъ, занимавшій средневѣковыхъ политическихъ теоретиковъ, начиная отъ Сигьера, и завѣщанный ими публицистамъ возрожденія. Видно разрѣшеніе Марсили, какъ передаетъ его намъ романистъ, удовлетворило немногихъ, а въ XVI-мъ вѣкѣ были новыя причины имъ еще менѣе удовлетвориться. Пока мы на немъ успокоиваемся: «Рѣшеніемъ маэстро остались довольны внимательные и благосклонные слушатели; когда же пришло время спать, всѣ разошлись по приготовленнымъ для нихъ комнатамъ, каждый въ отличномъ расположеніи духа. Такъ кончился этотъ веселый день, и всѣ на слѣдующее утро продолжали счастливо начатое путешествіе».

Книга третья.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, авторъ въ началѣ третьей книги снова возвращается къ своимъ друзьямъ и снова затрогиваетъ тѣ чувства, которыя побудили его къ труду, какъ онъ прежде объяснилъ въ своемъ введеніи. «Часто случается, что, сообщая друзьямъ объ испытанномъ удовольствіи, мы ощущаемъ его въ другой разъ съ не меньшей силой, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; потому что всякое наслажденіе тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ участниковъ »); оттого я показался бы самъ себѣ неблагодар-

нымъ, еслибъ не сообщилъ вамъ, сердечные друзья мои, то, что я слышалъ отъ славныхъ мужей,—неблагодарнымъ къ ихъ памяти и къ вамъ, которыхъ ихъ дивныя рѣчи и рассказы могутъ развеселить и наставить. Не судите ихъ по моему неизящному слогу, но по тому, какъ они произнесены были въ дѣйствительности. О какъ трудно и не подъ силу передать всѣ ихъ остроумныя изрѣченія, божественныя жесты, игривыя шутки и чудную рѣчь! Поймите это и, извинивъ меня, постарайтесь восполнить вашимъ божественнымъ умомъ, что передать у меня не хватаетъ силъ. Въ твердой надеждѣ на это, я стану продолжать начатую повѣсть».

Во Флоренціи между тѣмъ прослышали о возвращеніи нашихъ путниковъ, въ особенности Біаджіо и Маттіо, общей потѣхи всего города; о томъ, какъ удалась поѣздка, какъ весело прошло время въ Поппи. Дни были праздничные, въ городѣ довольство, потому что годъ былъ хлѣбный, никакихъ слуховъ о войнѣ и торговля дѣла шла отлично. Очень естественно, что въ общественной жизни все это должно было отразиться веселымъ настроеніемъ, что граждане часто сходились, устраивались пиры и посидѣлки. Такъ и дражайшему отцу Колуччіо, канцлеру нашему, пришло на мысль собрать у себя за обѣдомъ нѣсколько именитыхъ мужей, Флорентійцевъ и другихъ, случайно находившихся во Флоренціи, медиковъ, артистовъ: между ними Марсиліо ди Санта Софія, Біаджіо изъ Пармы, Луиджи Марсили, маэстро Грація, Франческо дельи Органи. Въ назначенный день они приняты были радушно, съ обиліемъ яствъ и дорогихъ винъ, какъ того требовало время; и когда кончился обѣдъ и затихла музыка и пѣніе Франческо и его товарищей, Колуччіо обратился къ гостямъ съ такою рѣчью: «Не знаю и не съумѣю благодарить васъ за вашу внимательность и удовольствіе мнѣ доставленное; только объ одномъ рѣшусь вамъ напомнить, чтобы вы соблаговолили отужинать со мною сегодня вечеромъ, потому что таковъ въ это время флорентійскій обычай, и намъ слѣдуетъ его сохранять и чтить, ибо хорошій укоренившійся обычай равносителенъ положительному закону». Всѣ согласились съ нимъ и, проведя еще нѣкоторое время въ веселыхъ разговорахъ, разошлись по домамъ, и Колуччіо проводилъ ихъ недалеко. Когда онъ возвращался одинъ, съ нимъ повстрѣчался мессеръ Антоніо ди мессеръ Николайо делли Альберти, который прогуливался съ пріятелями. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ обратился къ Колуччіо съ такою рѣчью: «я не сомнѣваюсь, почтенный отецъ, что сегодняш-

нимъ утромъ много удовольствія и утѣшенія принесло вамъ сообщество столь именитыхъ мужей, богослововъ и философовъ, которымъ равно доступны и открыты ученія какъ нравственной, такъ и натуральной философіи. Я, признаться, вамъ завидую и сильно желалъ бы, чтобы вы когда нибудь посѣтили мой Парадизо, гдѣ намъ будетъ спокойнѣе и пріятнѣе чѣмъ въ городѣ; васъ же прошу такъ устроить, чтобы и они прибыли вмѣстѣ съ вами. Вы знаете, какъ тамъ хорошо, и какъ въ одномъ мѣстѣ соединены всѣ удовольствія и удобства, какихъ только можно пожелать». Колуччіо эти слова пришли по сердцу, и онъ такъ отвѣчалъ кавалеру: «Мессеръ, ручаюсь вамъ, что я еще никогда не получалъ такого утѣшенія, какъ отъ лицезрѣнія и разговоровъ столькихъ заслуженныхъ мужей; и всего болѣе скажу это о Біаджіо изъ Пармы и объ его доказательствахъ въ пользу согласія религіи со всей метафизической и натуральной философіей; чѣмъ онъ доставилъ такое удовольствіе Маэстро Лунджи, который ему противорѣчилъ, что, по его собственному признанію, онъ такого никогда не испытывалъ. Я ничего не говорю вамъ о другихъ, потому что всѣ вынесли одно и то же впечатлѣніе. Итакъ въ добрый часъ, не захотите ли вы отужинать съ нами? Кстати поговоримъ о предлагаемой прогулкѣ въ Парадизо».

«Я къ несчастію не могу принять вашего предложенія—отвѣчалъ Антоніо,—потому что у меня, по случаю праздниковъ, ужинаютъ сегодня нѣсколько знакомыхъ; но вы хорошо сдѣлаете, если послѣ вашего ужина придете всѣ вмѣстѣ въ мой садъ прохладиться и заодно порѣшить о нашей прогулкѣ». На томъ покончили и разошлись, и когда позднѣе у Колуччіо собрались его гости и Біаджіо успѣлъ всѣхъ насмѣшить, передразнивая на этотъ разъ то маэстро Біаджіо, то маэстро Марсиліо, хозяинъ начинаетъ держать рѣчь о доблестяхъ семейства Альберти, и въ особенности мессера Николайо дельи Альберти, покойнаго отца Антоніо. За тѣмъ предложеніе посѣтить послѣдняго въ его домѣ является само собою, и всѣ отправляются къ нему; а Антоніо уже вышелъ къ нимъ на встрѣчу со своими гостями и ждетъ на площади Перуѣцци. Мы не останавливаемся на описаніи дома и сада, ни на новыхъ проказахъ Біаджіо; подъ конецъ вечера, когда Антоніо повторилъ свое приглашеніе посѣтить Парадизо, выборъ дня порученъ, по общему голосу, канцлеру Колуччіо, и тотъ назначилъ слѣдующій, рано утромъ. Такимъ образомъ дѣйствіе романа переходитъ на виллу Альберти и въ ней остается до конца, по крайней мѣрѣ, до кон-

ца нашей рукописи; и такъ какъ тамъ сосредоточивается большая часть общества, выведеннаго нашимъ романистомъ, и разсказывается большая часть новеллъ, мы едвали сдѣлали дурной выборъ, перенеся на романъ, который авторъ оставилъ безъ титула, названіе виллы и ея хозяина.

Слѣдующее утро уже застаётъ насъ въ деревнѣ: Антоніо съ братьями встрѣтили гостей и всѣ вмѣстѣ отслушали обѣдню въ домашней часовнѣ; затѣмъ все общество располагается у фонтана, подъ тѣнью сосенъ, гдѣ приготовлены богато украшенные скамьи и на ставкѣ вазы серебряныя и другія, съ виномъ и плодами; птицы поютъ на верху кипарисовъ и пиній, рѣдкіе звѣри гуляютъ по лужайкамъ, и Франческо сладко играетъ на своемъ органѣ. Вскорѣ являются и дамы, съ ними нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ людей. Сдѣлавъ въ началѣ общій поклонъ и за тѣмъ каждому маэстро отдѣльно, онѣ приближаются, и одна изъ нихъ начинаетъ держать такую рѣчь: «Почтенные отцы и наставники, такъ какъ вамъ заблагоразсудилось посѣтить эти страны—за что мы вамъ особенно благодарны,—окажите намъ милость, примите насъ въ ваше общество, чтобы мы могли утѣшиться, слушая ваши рѣчи, и унести съ собою полезное и благое поученіе». Такъ вносится въ разговоры женскій элементъ и тотчасъ же принимаетъ въ нихъ участіе. Когда дѣвушки и молодые люди начинаютъ плясать, отцы и матери обступили ихъ и любятъ; это даетъ поводъ Алессандру ди сэръ Ламберто, подыгрывавшему танцамъ на гитарѣ, раздуматься объ относительномъ преимуществѣ отеческой и материнской любви къ дѣтямъ. Самъ Алессандро защищаетъ первую, но одна изъ присутствующихъ дамъ беретъ отстаивать права женщинъ и дѣлаетъ это съ такимъ успѣхомъ, что маэстро Біаджіо, которому поручено разрѣшить споръ, не можетъ съ нею не согласиться.

Къ несчастію здѣсь въ рукописи выпало 10 листовъ: чувствительный пропускъ, впрочемъ не нарушающій значительно цѣльности разсказа. Гости только-что удалились, чтобы отдохнуть, пока пройдетъ полуденный жаръ; для нихъ приготовлены прохладныя комнаты, богато убранныя, «dove molte gabbiette piene d'uccelletti si erano, facendo uno leggiadro cantare, che sì per la frescura che quivi si era, come per l'ornamento di capoletti e draperie, pareva una più giocondissima primavera che mai per alcuno di loro veduta si fosse» (листь 62 verso, in fine). Слѣдующій за тѣмъ листъ помѣченъ 72-мъ и прямо начинается разсказомъ маэстро Марсilio:

«Questo udito il maestro Marsilio così rispondea». Мы считаемъ себя вправе предположить, что опущено немного, что первый день на виллѣ еще продолжается, и разговоры и рассказы велись на тему, затронутую въ послѣднемъ спорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, защищая выше преимущество материнской любви, Никколоза привела примѣръ молодой и красивой женщины, родомъ издалека, которая по смерти мужа не только-что осталась при дѣтяхъ, но покинула свое отечество—Грецію, родителей, братьевъ и сестеръ, все свое имѣніе, и, исполняя обѣщаніе, данное мужу—отвезти дѣтей на его родину, съ какими могла собрать пожитками и прахомъ мужа—прибыла въ Поппи въ Казентино. Такъ какъ все это передается Никколозой лишь въ немногихъ словахъ, Бιάджіо проситъ ее рассказать о томъ подробнѣе, когда представится случай; и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что на недостающихъ въ рукописи листахъ помѣщался, между прочимъ, и обѣщанный рассказъ о женской доблести вродѣ собранныхъ Доменики (*La nobiltà delle donne*) и Кастильоне (*Cortegiano lib. III* сс. XXII—XLIX). Можетъ быть также и послѣ этого разговоръ не выходилъ изъ той же общей колеи, распространяясь отъ родительской любви на отношенія мужчины и женщины,—любимую тему для разсужденій, когда въ нихъ участвовали дамы: вспомнимъ хоть тѣ *question d'amore* и загадочные *motetti*, которые описываетъ Франческо да Барберино (*Del reggim. e dei costumi delle donne, parte XVIII—XIX*), или *Arrêts d'Amour* Марціала Парижскаго, либо *Les droits nouveaux* Кокильера. Если такъ, то мы можемъ только сожалѣть объ ихъ уtratѣ; намъ остаются неизвѣстными эротическія теоріи, современныя романисту, и мы поневолѣ принуждены ограничиться тѣми общими философскими положеніями, которыя высказаны имъ въ аллегоріяхъ первой книги. А что тема разговоровъ продолжала быть по прежнему эротической, доказывается между прочимъ и тѣмъ, что новелла, которую непосредственно за пропускомъ рассказываетъ Марсilio, опять-таки вертится вокругъ вопроса любви, на преимуществѣ естественной или родственной привязанности передъ нравственной, основанной на чувствѣ благодарности и тому подобныхъ соображеніяхъ. Укажемъ, наконецъ, еще на одну подробность, которая по необходимости должна была найтись на утраченныхъ страницахъ III-й книги: изъ дальнѣйшаго хода романа видно, что наше общество успѣло конституироваться, выбрать изъ среды себя предсѣдателя, который мѣняется изо дня въ день, руководить пре-

ніями и выборомъ новеллъ. Объ этомъ въ предшествующемъ разсказѣ нѣтъ ни слова, издѣсь намъ кажется необходимымъ отнести на счетъ пропуска умолчаніе, которое иначе было бы необъяснимо.

На слѣдующихъ страницахъ мы попытаемся перевести новеллу Марсиліо и за ней, непрерывая контекста, разсказъ Біаджіо, чтобы дать понятіе какъ объ изложеніи нашего автора, такъ и о разнообразномъ характерѣ новеллъ, вставленныхъ въ романъ. Это, съ одной стороны, приведетъ насъ къ концу третьей книги и позволить при передачѣ четвертой ограничиться самыми общими очертаніями.

«Услышавъ это, маэстро Марсиліо такъ отвѣчалъ: Я согласенъ вамъ тотчасъ повиноваться и кстати разрѣшить сомнѣніе касательно одного событія, приключившагося въ моемъ отечествѣ, когда тамъ свирѣпствовалъ звѣрскій и кровожадный тиранъ Аццолино да Романо, властитель Падуи, Вероны, Брешии и многихъ другихъ городовъ Ломбардіи и Тревизской марки. Онъ, по просьбѣ своего казначея, котораго любилъ, общалъ освободить отъ смертной казни одного изъ двухъ осужденныхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ просилъ о пощадѣ того лица, кому всего болѣе обязанъ: а одинъ былъ его отецъ, другой воспитатель и наставникъ во всякой добродѣтели. Вы услышите этотъ замѣчательный случай и за тѣмъ произнесите о немъ ваше рѣшеніе.

«Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, какихъ знаменитыхъ мужей, замѣчательныхъ по своимъ добродѣтелямъ, произвело семейство да Каррара: въ особенности по своимъ благодѣяніямъ къ друзьямъ и служителямъ, которыхъ они всегда берегли и поддерживали; не такъ какъ обыкновенно дѣлають господа, которыхъ лучше назвать тиранами, — что взводитъ различныя обвиненія на престарѣлаго служителя, если у него есть какой нибудь достатокъ, съ цѣлью засадить его въ тюрьму, обобрать и подѣ конецъ убить. Потому-то это семейство по природѣ, привычкамъ и преданію всегда и передъ всѣми другими одарено было, кромѣ другихъ добродѣтелей, милосердіемъ, обходительностью и щедростью. Я о немъ многое могъ бы поразсказать, но въ настоящее время перейдемъ къ тому, что я общалъ сообщить вамъ.

«Былъ въ этомъ семействѣ одинъ кавалеръ, по имени мессеръ Марсиліо il Vecchio (Старшій) да Каррара, человѣкъ очень добродѣтельный, котораго всѣ любили за его благоразуміе и мужество и вмѣстѣ боялись. Путешествуя въ юности къ святымъ мѣстамъ съ цѣлью посѣтить гробъ Господень, пройдя Славонию и идя заливомъ, онъ остановился отдохнуть близъ Рагузы; слу-

чилось, что за тѣмъ же пристали на галіотъ какіе-то корсары и, сойдя на берегъ, тутъ же предлагали для продажи большую часть своего товара, кому что понадобится. Между прочимъ былъ у нихъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, котораго они желали продать, выдавая его за Валаха и своего раба ²⁵). По ихъ словамъ, онъ уже нѣсколько лѣтъ съ ними въ этихъ сторонахъ, потому Марсиліо заговорилъ съ нимъ, и какъ наружность его понравилась и онъ показался ему способнымъ, жалость взяла Марсиліо, онъ купилъ его за 50 дукатовъ и увелъ съ собою, поручивъ его обученіе своему спутнику-врачу. Чрезъ какой нибудь мѣсяцъ прибыли они въ Фамагосту на Кипрѣ; пока экипажъ здѣсь отдыхалъ, самъ кавалеръ былъ принятъ и чествуемъ однимъ богатымъ падуанскимъ купцомъ, по имени Уголино Скровиньо. Этотъ Уголино началъ разспрашивать мессера Марсиліо, кто этотъ ребенокъ, и тотъ все ему рассказалъ, какого онъ замѣчательнаго ума, какой послушный, и что онъ самъ намѣренъ усыновить его, если онъ будетъ продолжать вести себя по прежнему. Разсуждая о качествахъ ребенка, мессеръ Марсиліо и Уголино признали за лучшее оставить его здѣсь, какъ изъ желанія добра ему самому, такъ и потому, чтобъ онъ не былъ помѣхой во время путешествія сухимъ путемъ. Такъ кавалеръ и сдѣлалъ, поручивъ его Уголино съ такою любовью и нѣжностью, какъ будто онъ былъ его собственный сынъ. Онъ присоединилъ къ этому, что думаетъ отлучиться на долго, имѣя намѣреніе подробно осмотрѣть мѣста, гдѣ Христосъ жилъ, училъ и совершалъ чудеса и знаменія; отсюда отправиться въ Дамаскъ, и потомъ въ Аравію на Синайскую гору, гдѣ почіетъ тѣло св. Екатерины; затѣмъ въ Александрію и Каиръ, чтобъ посмотрѣть на великолѣпіе султана и чудеса Египта; и наконецъ съ караванами въ Мекку: такъ что по его разсчету онъ долженъ былъ провести въ дорогъ по крайней мѣрѣ два года. Потому-то онъ и просилъ Уголино обучить мальчика краснорѣчію и мудрости и выразилъ желаніе, чтобы въ случаѣ, еслибъ онъ самъ умеръ во время путешествія, извѣстная часть его состоянія досталась его пріемышу, что онъ и подтвердилъ подлиннымъ завѣщаніемъ. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, онъ покинулъ Фамагосту и отправился въ путь, оставивъ мальчика въ добрый часъ (*con buona ventura*), снабженнаго въ изобиліи всѣмъ, что только могло ему понадобится. Уголино обходился съ нимъ какъ съ сыномъ, обучалъ его латинскому языку, которому мальчикъ еще прежде положилъ хорошее основаніе, потомъ греческому, такъ что онъ

въ скоромъ времени успѣлъ въ краснорѣчїи и практическомъ знакомствѣ со многими языками—неслыханная вещь въ эти лѣта! Ко всему этому онъ сдѣлался лучшимъ счѣтчикомъ (*il più pronto aritmetico*) на островѣ Кипрѣ, такъ что всѣхъ приводилъ въ изумленіе. Года чрезъ два Уголино вмѣстѣ съ Бонифаціемъ (такое имя дано было мальчику) отправился въ Никозію, гдѣ у него были дѣла съ королемъ и старые счеты, которые необходимо было свести. Бонифацій успѣвалъ въ этомъ такъ быстро, что удивленный король задумалъ отнять его у Уголино, чѣмъ и сдѣлалъ; при чемъ Уголино объяснилъ, откуда у него мальчикъ, чей онъ, и что онъ не перечить королевскому желанію, лишь бы его Величество соблаговолило отдать его мессеру Марсилію, когда тотъ воротится. У короля было нѣсколько сыновей; между ними одинъ по имени Гуго, юноша большого ума и однихъ лѣтъ съ Бонифаціемъ. Мальчики вскорѣ свыклись и полюбили другъ друга, потому что у того и другаго была склонность къ однимъ и тѣмъ же занятіямъ, и они, обучаясь взаимно, скоро преуспѣли во всѣхъ наукахъ, почему Бонифацій и у короля пользовался особенною милостію. Проживая въ Кипрѣ, онъ изучилъ нравы Сирійцевъ, арабскій языкъ и другіе, и на всѣхъ говорилъ какъ на своемъ; и какъ при этомъ онъ былъ великодушенъ и щедръ по своему состоянію, всѣ его уважали, любили и почитали. А между тѣмъ изъ подарковъ, которые ему дѣлалъ король, изъ назначеннаго ему мессеромъ Марсилію и приобрѣтеннаго собственною смѣтливостію, онъ успѣлъ уже составить себѣ состояніе въ нѣсколько тысячъ дукатовъ. Пока онъ находился при королѣ, слѣдя за новыми, сводя старые счеты, и все большаго заслуживая въ глазахъ его расположенія, мессеръ Марсилію, покончивъ свои странствованія, прибылъ въ Александрію и, намѣреваясь пробраться въ Каиръ, задумалъ послать за Бонифаціемъ. Бонифацій, которому хотѣлось исполнить это желаніе, попросилъ отпуска у короля, объяснивъ, что ему слѣдуетъ повиноваться всему, что прикажетъ его добрый отецъ и наставникъ. Королю не хотѣлось съ нимъ разстаться, онъ отпустилъ его нехотя, и то подъ условіемъ, чѣмъ Бонифацій вернется при первой возможности. Такъ уѣхалъ онъ изъ Кипра съ богатыми подарками отъ короля и его сыновей, въ особенности Гуго, который любилъ его болѣе, чѣмъ самого себя; съ этими богатствами онъ прибылъ въ Александрію, гдѣ нашелъ мессера Марсилію, встрѣтившаго его съ такою нѣжностію, какъ будто своего сына. Не долго позамѣшавши, они отправи-

лись въ Каиръ, гдѣ мессеръ Марсиліо былъ въ дружбѣ съ однимъ изъ важныхъ эмировъ (amiragli) Султана, почему онъ былъ принятъ съ почестью, и пребываніе ихъ тамъ было пріятное и вѣсть полезное. Бонифаций хорошо зналъ языкъ страны, и, при отличной репутаціи мессера Марсиліо, почти всѣ коммиссіи Генуэзцевъ, Венеціанцевъ и почти всѣхъ христіанъ перешли въ его руки; а такъ какъ они пробыли тамъ два года, завѣдуя кромѣ того дѣлами Кипрскаго короля и мессера Уголино Скровиньо, то богатство Бонифация возрасло до 30 тысячъ дукатовъ; пока наконецъ вслѣдствіе хорошихъ отношеній, въ которыхъ онъ состоялъ со всѣми, и большая часть дѣлъ, какія были у Султана съ купцами, не перешли въ его завѣдываніе. — Случись тогда, что у мессера Марсиліо явилось желаніе вернуться къ себѣ на родину. Видя, что Бонифацию не скоро развязаться съ дѣлами, онъ рѣшилъ оставить его, пока всего не покончить, сказавши ему напередъ такіа слова: «Сынъ мой, я рѣшился дать тебѣ въ супруги, если ты самъ того пожелаешь, мою племянницу, рожденную отъ моей сестры и мессера Филиппа Даль Денте, которую, ты знаешь, я люблю какъ свою дочь: потому что, оставшись безъ отца и матери, она въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ воспитывалась у меня въ домѣ при своей теткѣ и моей женѣ. Почему я хочу, чтобы ты исполнилъ мое желаніе, живъ ли останусь или умру. Только постарайся, какъ можно скорѣе, освободиться отъ дѣлъ и пріѣзжай въ Падую, гдѣ съ Божьею помощью я тебя дождусь». Юноша отвѣчалъ ему со слезами умиленія на глазахъ: «Отецъ мой, владыка и благодѣтель! Благодарю васъ за все, что вы сказали; всякое ваше слово для меня законъ, и я ничего не сдѣлаю противъ вашего желанія. Вамъ остается только приказать, и все будетъ исполнено». Не долго мѣшкая, мессеръ Марсиліо отправился въ путь въ Александрію, изъ Александріи на галерѣ въ Венецію, изъ Венеціи въ Падую, гдѣ онъ нашелъ въ странѣ иной порядокъ вещей, чѣмъ въ какомъ ее оставилъ: потому что суровый тираннъ Аццолино ди Романо завладѣлъ ею и сдѣлался ея повелителемъ, къ великому ущербу Падуанцевъ и большому неудовольствію мессера Марсиліо. Считаая для себя не вполне безопаснымъ оставаться здѣсь вслѣдствіе подозрительности, жестокости и ярости тиранна, онъ рѣшился отправиться на нѣкоторое время въ Англію, пока Господь не устроитъ все иначе. Такъ онъ и сдѣлалъ, доставивъ своимъ отъѣздомъ не меньшее удовольствіе себѣ, чѣмъ Аццолино, который смотрѣлъ на

него недружелюбно, зная его за человѣка мужественнаго. На слѣдующій годъ Бонифацій, покончивъ всѣ свои дѣла, изъ Каира черезъ Александрію задумалъ отправиться въ эти страны, держа путь на Кипръ, гдѣ присталъ у Фамагосты, чтобы повидать Уголино Скровиньо, который встрѣтилъ его радостно; затѣмъ заѣхалъ въ Никозію посѣтить его величество, которому принесъ богатые дары, равно какъ и Гуго, своему товарищу и синьору, и другимъ братьямъ. Тутъ онъ прожилъ два мѣсяца къ великому удовольствію короля и вообще всего двора; затѣмъ, когда ему показалась пора, онъ оставилъ ихъ, провожаемый величайшими почестями и всякими пожеланіями и, сѣвши на корабль въ добрый часъ, прибылъ въ Венецію. Здѣсь онъ узналъ, что мессера Марсиліо не было въ странѣ; это было ему очень непріятно и онъ почти рѣшился отправиться къ нему въ Англію, еслибъ не удержало его желаніе исполнить волю Марсиліо касательно предложеннаго брака. Потому онъ поѣхалъ въ Падую, гдѣ семействомъ ди Каррара былъ принятъ такъ радушно, что и рассказать трудно; и увидѣвши здѣсь невѣсту, которой было четырнадцать лѣтъ, остался очень доволенъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ властителя, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, принялъ его милостиво и показалъ большое удовольствіе, спрашивая его о разныхъ вещахъ. Бонифацій на все находилъ отвѣтъ и, приказавъ принести разные драгоценности и богатые украшенія, предложилъ ихъ въ даръ, который Аццолино принялъ благосклонно. Въ скоромъ времени между ними установились столь близкія отношенія, что не проходило часу, чтобы Бонифацій не былъ позванъ къ Аццолино, который повѣрилъ ему свой бюджетъ (*suo stato*), свои доходы и расходы, наконецъ изъявилъ желаніе, чтобы онъ управлялъ тѣмъ и другимъ, и сдѣлалъ его главнымъ распорядителемъ своего сокровища (*generale governatore e tesoriere di ciò che possede*). Не прошло года, какъ Бонифацій честными и позволенными средствами увеличилъ доходы, сокративши расходы, какіе казались ему вредными и бесполезными, за что Аццолино любилъ его больше, чѣмъ кого либо изъ своихъ приближенныхъ. Пребывая въ этомъ благополучіи и устроивъ свадьбу, Бонифацій ничего другаго не желалъ, какъ увидѣть мессера Марсиліо; а такъ какъ самъ онъ не могъ оставить Падуи, то и задумалъ послать къ нему, увѣщевая его возвратиться и успокоивая разными доводами. Разузнавши всѣ обстоятельства, мессеръ Марсиліо рѣшился вернуться; хотя подозрѣніе и не покидало его, но жела-

нѣ повидать Бонифація взяло верхъ, и онъ скоро прибылъ въ Падую.

Прибывши и повидавши Бонифація, онъ отправился къ синьору Аццолино, который на этотъ разъ принялъ его благосклоннѣе обыкновеннаго. Такъ прожилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ большею частью на виллѣ Каррара, прїѣзжая въ Падую какъ можно рѣже, чтобы не подать подозрѣнія и самому не имѣть повода подозрѣвать. Случилось между тѣмъ, что къ синьору дошли слухи о какомъ-то заговорѣ, составленномъ противъ него; тирану тотчасъ-же пришло на мысль: кто могъ затѣять это дѣло, какъ не мессеръ Марсилио? Такъ онъ порѣшилъ въ самомъ себѣ, велѣлъ схватить Марсилио и, посадивъ его въ тюрьму, готовился его казнить. Бонифацій, когда узналъ это, былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ и сильно кручинился самъ съ собою: ему казалось, что онъ причина бѣды, постигшей мессера Марсилио, потому что по его же уговорамъ онъ вернулся изъ Англіи. Желая спасти его, онъ отправился къ Аццолино, рыдая и умоляя, чтобы по крайней мѣрѣ была пощажена жизнь мессера Марсилио. Синьоръ выслушалъ его съ недовольнымъ видомъ, ограничиваясь косвенными отвѣтами и смотря на него изъ-подлобья; но Бонифацій, у котораго страхъ уступилъ передъ любовью къ своему доброму воспитателю, не переставалъ осаждать Аццолино просьбами съ такою страстностью и настойчивостью, что ничего подобнаго не случалось видѣть. Пока все это дѣялось, до Аццолино дошли еще слухи о другомъ заговорѣ въ Веронѣ, будто бы мессеръ Маффео изъ маркизовъ да Санъ Бонифаціо стоитъ во главѣ его и хочетъ овладѣть городомъ; почему, велѣвъ схватить виновнаго и тайно привезти въ Падую, онъ посадилъ его въ тюрьму, обрекая его на смерть вмѣстѣ съ мессеромъ Марсилио; но прежде намѣревался хорошо розыскать дѣло, чтобы совершенно увѣриться въ своихъ врагахъ. У Бонифація между тѣмъ не было другой мысли, какъ только о спасеніи мессера Марсилио, котораго онъ каждый день навѣщалъ въ тюрьмѣ, постоянно его утѣшая. Однажды, отправившись къ нему, онъ нашелъ его спящимъ; не желая его будить, онъ принялся утѣшать маркиза Маффео, говоря ему, чтобы онъ надѣялся, что, коли нѣтъ за нимъ вины, онъ и не умретъ; потому пусть съ терпѣніемъ переноситъ невзгоды. На это маркизъ отвѣчалъ: «Я не знаю, родился ли человѣкъ несчастнѣе меня, по многимъ и многимъ причинамъ. Еще ребенкомъ я лишился отца и матери, остался богатымъ наслѣдникомъ; воспользовавшись моею молодостию

стью, у меня отняли большую часть моего достоянія; наконецъ я женился и нѣсколько лѣтъ прожилъ съ женой, не имѣя дѣтей. Я сильно любилъ ее. Случилось потомъ, что, родивши ребенка, она умерла въ родахъ, оставивъ меня въ сильномъ горѣ. Мальчикъ росъ, подавая большія надежды, и уже достигъ десятилѣтняго возраста, когда разъ на дорогѣ въ Пескьеру разбойники напали на меня, убили двухъ изъ моихъ служителей, ограбили меня и оставили тяжело раненаго, а ребенка увели съ собою. Такъ, хотя и раненый до смерти, я остался въ живыхъ и не получалъ потомъ никакихъ извѣстій о моемъ сынѣ, которому было бы теперь двадцать лѣтъ. Затѣмъ новый рядъ несчастій; теперь престарѣлаго я вижу себя въ тюрьмѣ, безъ всякой надежды на лучшее, кромѣ надежды на скорую смерть. Посуди же самъ, могу ли я утѣшиться; одно меня нѣсколько поддерживаетъ, — моя невинность». Бонифацій, который все это замѣчалъ, началъ припоминать что-то будто сквозь сонъ, и у него внезапно явилась увѣренность, что это могъ быть его отецъ. «Мессеръ, — сказалъ онъ, — еслибъ вы увидѣли вашего сына, признали-ли бы вы его? На что тотъ быстро отвѣчалъ: «Не думаю; развѣ только, увидавъ его голымъ, призналъ бы его по родинкѣ, которая у него ясно видна на лѣвомъ плечѣ»? — «А какая она?» спросилъ Бонифацій. — «Небольшое пятно, величиною съ ноготь; на немъ волосы, потому что его мать, будучи беременной, испугалась зайца, оно тутъ и отразилось, какъ она сама намъ сказала». — Бонифацій, у котораго былъ именно такой знакъ, когда выслушалъ рассказъ маркиза, не сомнѣвался болѣе, что онъ его сынъ. Между тѣмъ проснулся и мессеръ Марсиліо и, увидавъ своего питомца, былъ этимъ очень утѣшенъ. «Мессеръ», спросилъ его Бонифацій, «не слыхали-ли вы когда, кто былъ мой отецъ и откуда?» — «Что ты хочешь этимъ сказать, Бонифацій?» сказалъ кавалеръ: «ты мнѣ сынъ, котораго я нѣжно люблю, и я не думаю, чтобы у тебя былъ другой отецъ; я, по крайней мѣрѣ, такого не знаю». Тогда, обратившись къ тому и другому и указывая на маркиза, Бонифацій сказалъ: «Вотъ мой родной отецъ»; и тотчасъ, снявши одежду, показалъ родимый знакъ, который былъ у него на лѣвомъ плечѣ. Мессеръ Маффео, когда увидѣлъ это и слышалъ къ тому рассказъ Марсиліо, какъ было дѣло, ощутилъ такое удовольствіе, что отъ прилива нѣжныхъ чувствъ упалъ безъ сознанія и, поддерживаемый Бонифаціемъ, оставался въ этомъ положеніи нѣсколько часовъ, такъ что ужъ начали сомнѣваться, не умеръ ли онъ, и, только побрызгавъ ему въ лицо холодною водою, привели его въ себя.

«Слава тебѣ Господи,—сказалъ онъ очнувшись,—теперь, если назначено мнѣ умереть, я спокойно отдамъ свою душу, послѣ того какъ по Твоей милости я сподобился найти и увидѣть моего дорогаго сына. И васъ, мессеръ Марсиліо, я несчетно благодарю за всѣ благодѣянія, какія вы ему оказали». И оба, смотря на него, сладко плакали. Тогда, не мѣшая, Бонифацій рѣшился отправиться къ Аццолино, и бросился ему въ ноги, рыдая. «Что это за новости, Бонифацій?» спросилъ его Аццолино въ сильномъ недоумѣніи.— «Господинъ мой», отвѣчалъ Бонифацій,— «вы можете сдѣлать меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, ибо я нашелъ сегодня роднаго отца. Потому, принявъ во вниманіе, что у меня два отца—одинъ по своимъ благодѣяніямъ, другой по рожденію, и тотъ и другой почтенные мужи,—окажите мнѣ милость, освободите того и другаго, т. е. мессера Марсиліо и мессера Маффео; мнѣ кажется, что, если вы это сдѣлаете, для меня не будетъ высшаго счастья и лучшей награды». Аццолино пожелалъ узнать обо всемъ въ подробности и не могъ не подивиться на счастливую игру случая; затѣмъ онъ такъ отвѣчалъ Бонифацію: «Бонифацій, я такъ люблю тебя, что, желая тебѣ угодить, готовъ поступить отчасти противъ моей совѣсти, хотя оба они заслуживаютъ жестокой смерти. Пойди, выбери себѣ одного изъ нихъ, потому что я прощаю его; но смотри, выбери того, кого ты разумнымъ образомъ выбрать долженъ, по мѣрѣ того, кому ты больше обязанъ. Если же выборъ твой окажется неразумнымъ, я обещаю тебѣ казнить обоихъ въ твоёмъ присутствіи. И болѣе, подъ страхомъ моей немилости, не говори мнѣ объ этомъ дѣлѣ». Бонифацію такое рѣшеніе показалось въ высшей степени жестокимъ: онъ и къ синьору не хотѣлъ болѣе приставать, чтобы не вышло хуже, и самъ не зналъ, что выбрать и на что рѣшиться. Такъ прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ онъ снова прибѣгнулъ къ Аццолино.—Теперь я обращаюсь къ вамъ, почтенные отцы и милые братья, и къ вамъ, благородныя дамы: какой бы вы дали совѣтъ, еслибъ случилось, что Бонифацій къ вамъ за нимъ обратился?

Прослушавъ рассказъ маэстро Марсиліо и заключеніе его новеллы, всѣ задумались надъ ней, и всѣмъ этотъ случай показался занимательнымъ и вмѣстѣ трогательнымъ. Но такъ какъ онъ обѣщалъ вызвать длинные споры и опроверженія, положено было отложить его до болѣе удобнаго времени; кстати не далеко было и до ужина. Потому на совѣтъ (*consiglio*) рѣшено отправиться ужинать, прослушавъ еще одну новеллу, и Джиневра, по опре-

дѣленію предѣдателя (proposto) и его совѣта, поручила разсказать ее Біаджіо Сернелли; но тотъ отказывался, отшучиваясь на всѣ лады и говоря: «Какъ осмѣлюсь я сказать либо разсказать что нибудь въ присутствіи столь важныхъ и именитыхъ мужей и господъ? Разумѣется, я ничего не скажу, и вамъ придется по справедливости извинить меня въ этомъ». А все общество смотрѣло на него улыбаясь, ожидая услышать отъ него что нибудь забавное и веселое, пока наконецъ Джиневра не замѣтила ему: «Біаджіо, Біаджіо, дѣлай, что тебѣ приказано, иначе тебѣ придется раскаться въ твоихъ грѣхахъ». Сказавши это, она замолчала, улыбаясь. Увидѣвши, что ему нельзя отдѣлаться отъ новеллы, Біаджіо началъ такъ: «Почтенные отцы, наставники и господа, мнѣ такъ понравилась новелла о мессерѣ Марсиліо да Каррара, что я ни о чемъ другомъ не могу и думать, какъ о ней, и ничего не въ состояніи разсказать, если напередъ не услышу, что случилось съ тѣми двумя почтенными кавалерами, отцами мужественнаго Бонифація, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, кого изъ нихъ надлежало ему разумнымъ образомъ выбрать и спасти». За тѣмъ, обращаясь къ маэстро Марсиліо: «Маэстро», — добавилъ онъ — «случай, вами разсказанный, по истинѣ занимателенъ, и о немъ можно поспорить; а пока соблаговолите разсказать, каковъ былъ конецъ этихъ мужественныхъ людей (principi): этимъ вы всѣхъ насъ удовлетворите». Услышавъ это, маэстро Марсиліо тотчасъ отвѣчалъ: «Біаджіо, я намѣренъ исполнить твою просьбу, потому что новелла безъ опредѣленнаго заключенія оставляетъ слушателей какъ будто въ ожиданіи; оттого я скажу тебѣ, какъ счастливо распорядилась судьба относительно обоихъ узниковъ. Случилось, что Миланцы и Мантуанцы со многими другими сосѣдами составили оборонительную лигу противъ Аццолино, въ то самое время, какъ оба кавалера были въ тюрьмѣ; собрали много военнаго люда и приверженцевъ; Аццолино, какъ только прослышалъ объ этомъ, тотчасъ же двинулся на нихъ съ войскомъ и, будучи разбитъ на голову, раненый въ свалкѣ копьемъ въ ногу и взятый въ плѣнъ, ни за что не хотѣлъ лѣчиться. Такъ жестокій тиранъ и умеръ, семидесяти лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе чего Падуа и другіе города, бывшіе въ его власти, освободились, оба плѣнныхъ кавалера получили свободу, и Бонифацію не было больше необходимости выбора: такъ славно разрѣшилась ихъ судьба. — Ты видишь Біаджіо, я поспѣшилъ удовлетворить тебя; теперь твоя очередь разсказать новеллу и твоими веселыми прибаутками завершить

нашъ день. Итакъ безъ долгихъ разговоровъ исполни что тебѣ приказано». Услышавъ это, Бιάджіо поблагодарилъ маэстро въ немногихъ словахъ и такъ началъ свой рассказъ:

«Всякому наблюдавшему хорошо извѣстно, веселые друзья мои, какое множество замѣчательныхъ людей произвело наше отечество по всѣмъ отраслямъ наукъ, какъ высокихъ, такъ и низкихъ. Но о нихъ я пока умолчу, желая напомнить только объ одномъ изъ нихъ, — о которомъ и будетъ рассказъ — прославившемся въ своемъ искусствѣ, хотя многіе называютъ его не искусствомъ а поношеніемъ. Причина тому жалкіе дармоѣды, безстыжіе и безнравственные, занимающіеся имъ не съ цѣлью забавы и развлечения, какъ бы ожидать слѣдовало, но за тѣмъ, чтобы издѣваться, насмѣшничать и безобразничать словами и тѣлодвиженіями, на извращеніе нравовъ и всякаго хорошаго обычая. Такихъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, бить, топить и выживать, а не принимать у себя и выслушивать, хотя они сами даютъ себѣ почетное прозвище потѣшныхъ людей (*uomini di corte*), но обыкновенно и по настоящему зовутся шутами. — Итакъ былъ одинъ нашъ гражданинъ, человѣкъ съ умомъ и хитроватый, который съ малыхъ лѣтъ любилъ посѣщать дворы, по имени Дольчибене: кавалеръ не такой ледащій, какъ иные, сдѣланные кавалерами изъ за какой нибудь похлебки, но удостоенный рыцарскаго званія Карломъ Луксембургскимъ, королемъ Римскимъ, который даровалъ ему привилегію и сдѣлалъ царемъ надъ всѣми потѣшниками. Это былъ человѣкъ красивый собою, здоровый и ловкій, хорошій музыкантъ и отличный игрокъ на органахъ, на лютнѣ и другихъ инструментахъ. Прослышалъ онъ о славѣ и величіи мессеровъ Бернабѣ и Галеаццо Висконти, объ ихъ великолѣпномъ дворѣ въ Миланѣ, и задумалъ отправиться туда покормиться (*civilizzare sua vita*). Такъ онъ и сдѣлалъ. Тамъ его хорошо приняли за его умѣлость, прекрасныя канцоны, которыя онъ самъ слагалъ въ стихи и самъ же клалъ на музыку, за что получалъ множество подарковъ отъ благородныхъ людей и синьоровъ, находившихся въ то время при дворѣ. Такъ въ довольствѣ и забавахъ проживалъ веселый Дольчибене. Случилось, что въ томъ же году прибылъ въ Миланъ другой такой же потѣшный человѣкъ, по имени мессеръ Меллонъ далла Понтенара, красивый, гордый на видъ, рослый и плечистый, который сначала сошелся съ Мессеромъ Дольчибене; но потомъ, когда оба они были приняты въ число придворныхъ людей, они начали бранить другъ

друга и колоть словами. Мессеръ Меллонъ сказалъ о Дольчибене, что у него фizioномія труса, что ему лучше бы вернуться во Флоренцію и жевать тамъ салатъ, чѣмъ говорить о честныхъ рыцаряхъ. Мессеръ Дольчибене, который былъ надмѣненъ, въ особенности когда представлялся случай это удачнымъ образомъ показать, отвѣчалъ: «Мессеръ Меллонъ, вы говорите какъ неучъ; бьюсь объ закладъ, что вы поѣли слишкомъ много рыбы на вашей Понтенарѣ, и что голова у васъ набита клеемъ; оттого-то вы такое животное и негодный человѣкъ—что я всегда готовъ доказать съ оружіемъ въ рукахъ». Мессеръ Меллонъ, у котораго самолюбія было не менѣе и котораго кромѣ того подзадоривали многіе изъ придворныхъ, рѣшился отвѣчать, что онъ готовъ сдѣлать опытъ и доказать противнику, что онъ лжетъ, что онъ пустой болтунъ и негодяй; онъ такъ и сдѣлалъ въ присутствіи обоихъ синьоровъ и многихъ рыцарей и конюшихъ. Синьорамъ понравилась эта выходка двухъ сумашедшихъ, и они позволили себѣ лишь самымъ умѣреннымъ образомъ отговаривать ихъ отъ дурачества; а тѣ давай еще болѣе храбриться. Почему Мессеръ Бернабб началъ говорить такъ: «Мессеръ Дольчибене, вы хотите поддержать вашу честь, въ чемъ я вамъ совершенно сочувствую и готовъ снарядить васъ и взять на себя всѣ расходы». Услышавъ это, мессеръ Галеаццо сдѣлалъ подобное же предложеніе мессеру Меллону. И оба противника пуще прежняго начали воевать на словахъ, прося синьоровъ и вообще всѣхъ, чтобы имъ назначено было мѣсто и время для дуэли. Такъ и сдѣлали: назначили мѣсто и день на св. Михаила, что 8-го Мая, такъ что у нихъ было впереди 18 дней, въ теченіе которыхъ каждый изъ нихъ могъ снабдиться всѣмъ нужнымъ. Затѣмъ оба бойца поспѣшили снарядиться, и каждый, задумавшись надъ тѣмъ, что они сдѣлали, счелъ себя не совсѣмъ благоразумнымъ. «Эхъ Дольчибене, что ты это надѣлалъ? говорилъ Дольчибене самъ съ собою. «Ты издѣваешься и колешь всѣхъ и каждого твоими шутками и прибаутками, а теперь самъ подалъ поводъ надсмѣяться надъ тобою всякому, кто только это увидитъ, услышитъ либо узнаетъ. Подумай только, какой опасности подвергаетъ тебя твоя глупость? Ты знаешь, что мессеръ Меллонъ человѣкъ сильный, ловкій и храбрый, и знаешь также, что, если у него нѣтъ причины драться съ тобой, то у тебя и подавно. Что изъ всего этого выйдетъ? Или вы другъ друга убьете, либо онъ тебя или ты его; кто кого—это еще подлежитъ сомнѣнію, а всякій надъ вами поостритъ и насмѣется, назоветъ васъ обоихъ великими дурнями и, чай, недо-

ждется великолѣпнаго зрѣлища. Что ты на это скажешь, несчастный, глупецъ, простофія? Ты издѣвался надо всѣми, а теперь посмотри, какъ за твою глупость всѣ надъ тобою станутъ издѣваться. Такія мысли приходили въ голову Дольчибене; онъ горевалъ о своемъ неблагоразуміи, и чѣмъ ближе подходила развязка, тѣмъ яснѣе являлось сознаніе его ошибки, и онъ плакалъ. И съ мессеромъ Меллономъ происходило нѣчто подобное, и ему казалось, что онъ выбралъ дурной путь, а признаться въ томъ не хотѣлось, чтобы не вышло хуже, потому что Дольчибене онъ считалъ за человека сильнаго и мужественнаго. Такъ поджидали они срока, хотя каждый изъ нихъ храбрился и показывалъ видъ, что дуэль ему ни по чемъ. Въ назначенный день толпы народа сошлись на площади вокругъ огороженнаго пространства, чтобы посмотреть на жестокую свалку. Мессеръ Дольчибене явился отлично вооруженный, въ сопровожденіи кавалеровъ и конюшихъ мессера Бернаббъ, поджидая мессера Меллона и умиленно прося Господа, чтобы по его милости мессеръ Меллонъ не явился къ дуэли, обѣщая, если это устроится, посѣтить святыя мѣста. Пока онъ давалъ эти обѣты, мессеръ Меллонъ уже явился на площади, почетно сопровождаемый служителями мессера Галеаццо и совсѣмъ готовый къ битвѣ. Тутъ два кавалера, завѣдывавшіе полемъ, совершили нѣкоторые обряды и, взявши съ обоихъ бойцевъ клятву, что они сражаются за правду, уже готовились бросить на поле перчатку, чтобы подать знакъ къ нападенію, когда мессеръ Дольчибене, быстро сообразивъ свое положеніе и какъ помочь своей глупости, такъ заговорилъ: «Почтенные рыцари, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ прежде, чѣмъ начать сражаться. Такъ какъ я ни мало не сомнѣваюсь, что одинъ изъ насъ по меньшей мѣрѣ погибнетъ, если не оба, — мнѣ хочется, чтобы на смертный случай и для спасенія нашихъ душъ онъ меня простилъ; я ему отвѣчу тѣмъ же, поцѣловавшись». Рыцари отвѣтили, пусть дѣлаютъ какъ хотятъ. Тогда мессеръ Дольчибене, какъ былъ въ каскѣ, приблизился къ своему противнику и, приподнявши забрало, началъ говорить такъ тихо, что никому, кромѣ его, не было слышно: «Кажется мнѣ, что мы большіе дураки, подвергая себя смерти ради удовольствія этихъ господъ. Что до меня, то я раскаялся и не желалъ бы подвергаться этой опасности. Не знаю, какъ вы? Мессеръ Меллонъ отвѣчалъ тотчасъ же: «И я думаю также, да только поздно мы спохватились». «Вовсе не поздно, лишь бы захотѣть», быстро отвѣчалъ Дольчибене. А тотъ ему: «Я хочу, клянусь Богомъ, лишь бы поскорѣе, передъ Богомъ

хочу, и готовъ въ томъ поручиться передъ вами, чѣмъ угодно». — «Такъ дѣлайте же благословясь, что я стану дѣлать», говоритъ Дольчибене. «Разумѣется, я готовъ», весело отвѣчаетъ Меллонъ. Тутъ они быстро поцѣловались въ знакъ того, что будутъ вѣрно соблюдать данное другъ другу слово. Между тѣмъ какъ толпы зрителей въ тишинѣ ожидали жестокой стычки, и уже брошена была перчатка, мессеръ Дольчибене, стоявшій на одномъ концѣ поля съ копьемъ въ рукахъ, помахалъ имъ нѣсколько разъ и, дотронувшись остриемъ земли и тотчасъ же приподнявъ его, бросилъ его далеко отъ себя. Мессеръ Меллонъ, который видѣлъ это, сдѣлалъ то же самое. За тѣмъ, взявши сѣкиру и сдѣлавъ ею нѣсколько взмаховъ, какъ будто готовясь къ нападенію, Дольчибене и ее бросилъ; и мессеръ Меллонъ повторилъ его движеніе. Потомъ, схватившись за мечи и выпадая другъ противъ друга, они показывали видъ, что рубятъ и колютъ, и въ этомъ прошло довольно времени; наконецъ, бросивши мечи на землю и взявъ въ руки кинжалы, они нѣсколько разъ схватывались, впрочемъ не трогая другъ друга, между тѣмъ какъ всѣ кругомъ дивились, и мессеръ Бернаббъ заключилъ: «Посмотрите на этихъ сумасшедшихъ, того и гляди, что пойдутъ въ рукопашную». Такъ продолжали они морочить долгое время, пока не бросили и кинжаловъ, точно такъ же какъ поступили и съ другимъ оружіемъ, и, разойдѣсь каждый къ своему посту, обернулись другъ къ другу задомъ и съ громкимъ хохотомъ хлопнули себя по обнаженному тѣлу, отчего произошелъ словно взрывъ бомбарды, такъ какъ тотъ и другой были люди полные и дебелие. — Когда всѣ увидѣли, что ихъ морочатъ, въ особенности синьоры, они такъ сказали: «Такъ вы такъ-то издѣвались надъ нами? Смотрите, не пришлось бы вамъ поплатиться». — «Вы это напрасно говорите», отвѣчалъ мессеръ Дольчибене: «мы только платимъ вамъ нашимъ товаромъ и всегда готовы услужить, еслибъ вы требовали большей платы, лишь бы вы насъ держали въ холѣ». Мессеру Бернаббъ и мессеру Галеаццо уловка потѣшниковъ, чтобъ избѣжать опасности, показалась очень искусной, и они захотѣли подробно узнать, какъ было дѣло и кто изъ нихъ помогъ бѣдѣ, которую они было приготовили себѣ своей неразсудительностью. Мессеръ Меллонъ все имъ разсказалъ, и всѣ удивились быстрой и веселой сметкѣ Дольчибене и всѣ его хвалили. — Видите ли, почтенные отцы, какъ быстро и ловко потѣшникъ Дольчибене вымогъ себя изъ бѣды, какъ хитро и забавно, такъ что никому и въ голову не придетъ въ подобномъ случаѣ, — не то чтобы сдѣлать». — И Біаджіо замолчалъ.

Когда онъ кончилъ разсказъ, всѣ среди веселаго смѣха принялись хвалить, кто Бιάджіо за его новеллу, кто хитрость мессера Дольчибене. Разсуждая о нихъ, такъ сказалъ Алессандро: «Я сильно желалъ бы узнать, что было больше: неразуміе ли Дольчибене, когда онъ позволилъ себя вовлечь изъ-за ничего въ столь опасное дѣло, или быстрая находчивость, которою онъ спасъ себя въ крайнемъ случаѣ: потому что какъ первый поступокъ кажется мнѣ столь нелогичнымъ, что и малый ребенокъ его бы не сдѣлалъ, такъ второй является достойнымъ самаго остраго и находчиваго ума. Что мы на все это скажемъ?» Быстро отвѣтилъ на эти слова предсѣдатель: «Что до меня, Алессандро, я не желалъ бы, чтобы покойникъ Дольчибене провелъ насъ своими штуками, тѣмъ болѣе, что ужинъ уже готовъ и день склоняется. Потому лучше оставить разсужденія и заняться болѣе важнымъ дѣломъ». Онъ только-что сказалъ это, какъ двѣ дѣвушки начали пѣть, приглашая всѣхъ ужинать, и всѣ, поднявшись, направились къ другой части роши, гдѣ приготовлены были богато убранные столы; и когда подано было умыть руки, всѣ съ удовольствіемъ сѣли за ужинъ, съ множествомъ разнообразныхъ и роскошныхъ блюдъ, подъ звуки пѣсенъ и музыки. По окончаніи пира, убраны были столы, и дѣвушки и молодые люди пустились въ хороводъ (*ballo tondo*), при чемъ то одинъ, то другой пѣлъ игривыя пѣсни; такимъ образомъ веселое общество еще долгое время наслаждалось вечернею прохладой. Когда же пришло время пойти отдохнуть, маэстро Луиджи такъ началъ говорить: «Вы видите, съ какимъ удовольствіемъ мы провели этотъ день, благодаря разсказамъ и веселымъ разговорамъ; а все это произошло отъ того, что у насъ заведенъ былъ порядокъ, который помогъ намъ безъ скуки и усталости скоротать время. Постараемся завести такой же порядокъ и на завтрашній день; потому ялагаю съ себя мое званіе и передаю его вамъ или кому другому, кому вы назначите передать, принося вамъ глубокую благодарность за честь, оказанную мнѣ во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ (*in tutti i vostri processi*)». На это всѣ ему отвѣчали въ одинъ голосъ: «Маэстро, вы управляли и руководили нашимъ обществомъ такъ хорошо и къ такому общему удовольствію, что мы хотѣли бы надѣяться, что такъ оно будетъ и впредь. Почему мы просимъ васъ, пока мы здѣсь, взять на себя трудъ управлять и руководить нами, къ несомнѣнной пользѣ насъ всѣхъ». Такъ отвѣчалъ на эти слова маэстро Луиджи: «Что касается до меня, я рѣшилъ, что дѣло общее должно и дѣлаться

общими силами; потому я прошу васъ позаботиться о немъ и приступить къ выбору». На это былъ одинъ отвѣтъ: пусть самъ онъ распорядится, какъ найдетъ лучшимъ. Тогда, взявши тросточку и вручивъ ее маэстру Марсиліо, маэстро Луиджи ему сказалъ: «На завтра должность ваша, а вамъ въ товарищи я назначаю Никколозу и маэстро Грація». Всѣ остались довольны, говоря что лучшаго выбора нельзя было сдѣлать; такъ порѣшивши, всѣмъ показалось, что уже пора отдохнуть, и всѣ разошлись въ веселомъ настроеніи, ожидая слѣдующаго дня».

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

«Уже бѣлокурая Аврора успѣла покинуть объятія своего милаго любовника», когда маэстро Марсиліо и маэстро Біаджіо вмѣстѣ съ остальнымъ мужскимъ обществомъ снова сошлись въ саду у фонтана. День начинается мессой, какъ и прежній, и такъ какъ еще рано, и дамы не успѣли подняться, Марсиліо предлагаетъ заняться въ ихъ отсутствіи какимъ нибудь серьезнымъ разговоромъ. Маэстро Грація уже выбралъ тему: «какимъ образомъ рождается человѣкъ, и какимъ путемъ дѣлается разумнымъ?» и въ него вселяется разумная душа, чѣмъ наконецъ онъ становится по смерти тѣла». Вопросъ разрѣшаетъ Колуччіо¹, но Марсиліо ставитъ его еще шире, о назначеніи человѣка вообще, и маэстро Луиджи замѣчаетъ: «У васъ такая привязанность къ вашему Аристотелю, что вамъ не приходитъ на мысль обратиться къ нашимъ богословамъ, которые, какъ вамъ хорошо извѣстно, гораздо дальше пошли въ изслѣдованіи этой матеріи». И онъ дополняетъ по своимъ богословамъ аргументацію Біаджіо.

Между тѣмъ показались и дамы, и въ двери дома кто-то постучался снаружи, спрашивая дома-ли мессеръ Антоніо; оказалось, что это были Бартоломмео дель Антелла и Джіованни деи Риччи; они спозаранку отправились изъ Антеллы и, разговорившись по дорогѣ объ искусственномъ проведеніи водъ, захотѣли взглянуть на фонтанъ, недавно устроенный мессеромъ Антоніо въ его саду. Молодой хозяинъ принимаетъ ихъ радушно; гости извиняются, что потревожили своимъ приходомъ общество, и готовы удалиться, чтобы не мѣшать удовольствію; но маэстро Марсиліо удерживаетъ ихъ властью, данною ему, какъ предсѣдателю, и тѣ, понявъ въ чемъ дѣло, согласны повиноваться. Снова посыпались шутки Біаджіо и Маттіо, и послѣдній рассказываетъ здѣсь первую изъ тѣхъ отрывочныхъ новеллъ (5-я въ итальян. текстѣ), о

которыхъ говорено было во 2-й главѣ. Слѣдующій за тѣмъ, также отрывочный разсказъ (6 новелла итальян. текста), очевидно развивается ту же тему, что и предъидущій: и тамъ и здѣсь комизмъ основанъ на грубой непонятливости и недоразумѣніяхъ самаго случайнаго свойства; и хотя вторая новелла разсказывается какъ-то Соналино, о которомъ до тѣхъ поръ не было рѣчи, — мы думаемъ, что въ рукописи выпало здѣсь не болѣе листа, гдѣ Соналино долженъ былъ въ первый разъ выйти на сцену и, прислушавшись къ разсказу Маттіо, предложить и свою повѣсть на тотъ же самый сюжетъ. Все общество смѣялось: *«e così finì il Sonaglino la sua novella con molte risa di chi quella udì»*.

Слѣдующая за тѣмъ новелла вызвана болѣе серьезнымъ споромъ: соловей, подлетѣвшій на близкое разстояніе къ Франческо, какъ будто за тѣмъ, чтобы прислушаться къ его игрѣ, вызываетъ вопросъ о степени сметливости и ума, отличающей одно животное отъ другаго. Въ спорѣ принимаютъ участіе Алессандро, Соналино и Біаджіо. Колуччіо разрѣшаетъ его, возведя его къ философскому принципу, и новелла Алессандро о мадоннѣ Риччярдѣ не что иное какъ прикладъ, съ цѣлью подтвердить, что въ животныхъ, выражаясь обыкновеннымъ языкомъ, есть только инстинктъ и нѣтъ разума (*che nelli animali bruti è natura, comunemente parlando, e non v' è arte nè ingegno*). Мадонна Риччярда оказывается изъ семейства Риччи, это даетъ поводъ послѣ обѣда между прочими разговорами попросить Джіованни деи Риччи разсказать какую нибудь новеллу, и онъ разсказываетъ о Кателлині и объ Аньелло Страмаццанили, прося общество, услышавши, рѣшить, кто изъ двухъ отличился большимъ мужествомъ и рѣшимостью. Между тѣмъ солнце начинаетъ пригрѣвать, и все общество расходится на покой; и снова, какъ утромъ, дамы замѣшались въ своихъ комнатахъ, а мужчины, сошедшись послѣ отдыха, снова пользуются случаемъ, чтобы поговорить не столько объ общихъ и пріятныхъ предметахъ, сколько о частномъ и полезномъ. На этотъ разъ предметъ разговора подалъ Біаджіо: какими честными путями добываются деньги и зачѣмъ такъ преслѣдуется и осуждается ростовщичество? Отвѣтъ Бартоломмео разбираетъ вопросъ по пунктамъ, съ схоластическою аргументаціей и частыми ссылками на Политику Аристотеля.

Музыка и пѣніе смѣняютъ разговоръ, грозившій принять слишкомъ спеціальный характеръ. Кстати явился какой-то скоморохъ, назвавшій себя Пеллегрини, изъ Неаполя; онъ только-что при-

былъ во Флоренцію и, услышавши объ обществѣ, собравшемся у мессера Антоніо, не преминулъ завернуть на виллу, гдѣ всѣхъ забавляетъ своими штукаами, ломаясь и играя ножами и шпагами. Слѣдующая за тѣмъ новелла Франческо, о Бонифаціо Уберти, послѣдняя въ романѣ, очень естественно переносится въ Сицилію, «потому что мессеръ Пеллегрино случайно прибылъ сюда изъ Сицилійскаго королевства, гдѣ онъ вѣроятно ее слышалъ, и можетъ поправить меня, если я въ чемъ нибудь ошибусь». Эта новелла, какъ и нѣкоторыя изъ предъидущихъ, завершается вопросомъ къ обществу, которой изъ трехъ выведенныхъ дамъ Бонифацій болѣе всего обязанъ, и бесѣда кончается выборомъ Колуччіо въ предсѣдатели на слѣдующій день; Анджелика и Біаджіо назначены ему въ помощь.

Книга пятая.

Въ послѣдней части романа мы болѣе не встрѣчаемъ новеллъ, потому что отъ всей 5-й книги сохранилось лишь нѣсколько листовъ, а авторъ привыкъ отводить на рассказы средину дня, предоставляя своему обществу заниматься по утрамъ, т. е. пока дамы еще не пришли, вопросами болѣе серьезнаго свойства. Эти вопросы и на этотъ разъ дошли до насъ. Маэстро Марсильо интересуется началомъ Флоренціи, и маэстро Луиджи возводитъ его къ Римлянамъ, по слѣдамъ старыхъ итальянскихъ хроникеровъ, указывая на древность сохранившихся памятниковъ, описаніе которыхъ не представляетъ впрочемъ ничего новаго для историка искусствъ, ссылаясь вмѣстѣ съ первыми историками эпохи возрожденія на Саллюстія и Цицерона и объясняя маэстру Біаджіо названіе Флоренціи по Плинію и Птоломею. «Маэстро, все, что вы сказали, мнѣ очень понравилось», замѣчаетъ ему Джіованни деи Риччи, «и не походить на тѣ сновидѣнія, которыя многіе въ своемъ невѣжествѣ выдавали намъ за исторію: напротивъ, все это правдоподобно, ясно и подлинно. Объ одномъ только хотѣлъ бы я васъ разспросить, съ вашего позволенія: кѣмъ была разрушена Флоренція,—Аттилой или кѣмъ другимъ, и точно ли Аттилу надо принимать за Тотилу, или какъ иначе? Потому что объ этомъ мнѣ привелось услышать странныя мнѣнія. Будьте добры сообщить намъ ваше, и вы доставите всѣмъ намъ большое удовольствіе». Такъ отвѣчалъ на это благосклонный маэстро.....»

Мы уже сказали, что на этихъ словахъ рукопись обрывается.

IV.

ОБЩЕСТВО ВИЛЛЫ ПАРАДИЗО.

Дѣйствіе романа, котораго содержаніе мы передали въ короткихъ чертахъ, относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ четырнадцатаго вѣка, какъ мы постараемся доказать вполнѣ. Это родъ Декамерона или Кэнтерберійскихъ разсказовъ: рядъ новеллъ, переплетающихся философскими разговорами, что-то среднее и переходное между жанромъ Боккаччо и веселою новеллою четырнадцатаго вѣка, что смѣется ради смѣха и разсказываетъ для разсказа, и учеными преніями въ монастырѣ Санъ Спирито и первымъ лепетомъ возрожденія: какъ вообще вся эпоха, отъ смерти Боккаччо до побѣды Козьмы Медичи не что иное, какъ постепенное замираніе и постоянное зарожденіе, въ политикѣ и въ литературѣ. Вымираетъ итальянскій языкъ, только-что получившій права литературнаго гражданства, и обновляется латинскій; падаютъ народныя надежды партіи Чомпи (Ciompi), и въ то же время побѣда мелкихъ цеховъ (arti minori) готовитъ путь для принципата; вымираетъ національная литература, чтобы уступить мѣсто придворной поэзіи и уединенному философствованію избранныхъ умовъ, которые начинаютъ сторониться отъ *probanum vulgus*, собираясь подъ крылья княжескаго меценатства, вскорѣ пріобрѣтшаго смотрѣть на нихъ, какъ на предметы роскоши. Однимъ словомъ, на сколько пріобрѣталось съ одной стороны, на столько утрачивалось съ другой: возстановлялись упорнымъ трудомъ дѣдовскія преданія античнаго міра, забытыя въ теченіи столькихъ вѣковъ національнаго развитія, и въ то же самое время упускалась изъ-подъ ногъ эта національная почва,—такъ что самая культура возрожденія носить скорѣе универсальный, чѣмъ итальянскій отпечатокъ. Кто желаетъ проникнуть во внутренній смыслъ такъ называемаго возрожденія XV и XVI-го столѣтій, тому необходимо постоянно держать на памяти эту двѣйную точку зрѣнія—существенныхъ

потерь и казовыхъ приобретений. Тѣ, которые до сихъ поръ занимались исторіей этого культурнаго переворота, какъ напр. Роско (Roscoe), воспѣвали взапуски его заслуги, въ самомъ дѣлѣ великія, не обращая вниманія на недостатки, которые кажутся намъ еще большими. Они изобразили намъ вѣкъ старшаго Козимо и Лоренцо il Magnifico золотымъ вѣкомъ, снова даровавшимъ міру античную образованность Грековъ и Латинянъ; между тѣмъ съ него же начинается политическое паденіе Италіи, а политическое паденіе всегда сопровождается упадкомъ литературы. Они называли его вѣкомъ Медичи, какъ будто съ нихъ началось возрожденіе, между тѣмъ какъ они были только продолжателями его, вмѣнявшими себѣ всѣ его заслуги, не принявъ отвѣтственности за дурныя стороны. Какъ мы сказали выше, переходъ совершился тихо и незамѣтно: въ той мѣрѣ, какъ падала прежняя свобода и самостоятельность *народнаго* развитія, возвышалась на ихъ плечахъ классическая образованность принципата, такъ что время отъ 1378 до 1434 года представляетъ непрерывную постепенность упадка и прогресса.

Народное движеніе, руководившее войной противъ папской курии и приверженцевъ Григорія XI, поддерживая власть Восьми Святыхъ (Otto santi) противъ вѣроломныхъ происковъ гвельфской партіи, пришло къ непредвидѣнному разрыву въ двойственной революціи 1378-го года. Какъ будто всѣ перенесенныя оскорбленія, всѣ жалобы скопившіяся за долгое время противъ надмѣнной олигархіи, болѣе вѣка управлявшей судьбами страны,—какъ будто все это внезапно и во очію предстало сознанию народа, окрѣпшаго въ борьбѣ противъ громовъ Авиньона. Первый ударъ вышелъ изъ средняго класса, изъ такъ называемыхъ мелкихъ цеховъ (arti minori); ихъ вожди, люди гвельфской партіи, хотѣли воспользоваться движеніемъ для своихъ расчетовъ, и вѣроятно пришли бы этимъ путемъ къ новой олигархіи, которая была бы не лучше прежней и заставила бы пожелать ея возврата. Это была собственно буржуазная революція, съ ея обычными иллюзіями и свойственнымъ ей недостаткомъ характера. Вспыхнувшій одновременно плебейскій бунтъ Чомпи сообщилъ ей большій толчекъ. Ея коноводы, Медичи и Альберти, не принимали во вниманіе народъ, или если и рассчитывали на него, побуждая его требовать правъ, какъ они сдѣлали относительно мелкихъ цеховъ, которыхъ защитниками себя провозгласили,—во всякомъ случаѣ смотрѣли на него какъ на орудіе къ достиженію собственныхъ

цѣлей, хотя бы эти цѣли были противны интересамъ помогающихъ. Они забывали при этомъ, что у народа были свои особыя серьезныя причины на жалобы: старые долги ждали отплаты, прежнія обиды просили возмездія. Очень понятно, что онъ не былъ расположенъ упустить удобный случай и возсталъ на самомъ дѣлѣ, требуя себѣ участія въ правленіи и политическихъ правъ, въ которыхъ ему до тѣхъ поръ отказывали: потому что въ республиканской Флоренціи, какъ вообще во всѣхъ средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ, свобода всегда была свободою для немногихъ и никогда не распространялась на всю массу. Движеніе было быстрое, неодолимое; буржуазная революція думала сначала опереться на народную, но въ непродолжительное время была смята ею. Сальвестро деи Медичи и Бенедетто дельи Альберти не только что не въ силахъ ею управлять, но едва успѣваютъ удержаться на поверхности великаго демократическаго потока, быстро разливагося во всѣ стороны: потому ли что у нихъ не стало умѣнья воспользоваться обстоятельствами, чтобы пройти къ власти на плечахъ плебса, или народъ еще не готовъ былъ склониться подъ благое ярмо, которое впоследствии назовется медіцейскимъ принципатомъ. Какъ бы то ни было, Медичи устраниются еще лѣтъ на пятьдесятъ; между тѣмъ, представленныя самимъ себѣ и безъ вождя, Чомпи принуждены уступить: не потому чтобы они были слабы, но за недостаткомъ средствъ и удобнаго случая. Буржуазная революція торжествуетъ, и въ результатъ ея получается тотъ родъ политическаго компромисса, гдѣ, за исключеніемъ старой олигархіи Альбици, осужденныхъ на изгнаніе, всѣмъ классамъ общества дано участіе, даже Чомпи, впрочемъ такъ, что обѣщанія были щедрѣ исполненія, *con lunghe promesse e coll'attendere corto* (Dante), какъ большею частію случается съ партіями нравственно-побѣжденными. Какъ бы то ни было, въ исторіи флорентійской свободы это былъ единственный періодъ, когда *весь народъ* пользовался представительствомъ въ правленіи и общими правами безъ изъятія какого бы то ни было класса гражданъ. Впрочемъ политическіе компромиссы рѣдко бываютъ долговѣчны: это союзъ между живыми и мертвыми, между тѣми, кто не хочетъ упасть и тѣми, кто желаетъ возвыситься; рассчитанные на то, чтобы удовлетворить тѣхъ и другихъ, они въ сущности никого не удовлетворяютъ. Такъ оно оказалось и теперь: между тѣмъ какъ изгнанные Альбици строятъ ковы противъ флорентійской коммуны въ союзъ съ церковью

и Катериной Сиэнской, партія Чомпи, недовольная сдѣланными ей незначительными уступками, продолжаетъ волноваться внутри, въ заговоръ съ ересями и протестуя съ толкомъ Фратичелли; и въ то же время мелкіе цехи и средній классъ, въ рукахъ котораго находилась власть, не могутъ успокоиться при мысли, что имъ приходится дѣлить ее съ народомъ, и жалуются, что уступокъ ему сдѣлано слишкомъ много. Наконецъ всѣ начинаютъ понемногу приходить къ сознанію, что отъ переменъ никому не сдѣлалось лучше, что могущество Альберти, ставшихъ теперь главами республики, не менѣе тягостно, чѣмъ олигархія Альбицци, не будучи одѣта даже тѣмъ вышнимъ блескомъ славы, какимъ сѣмьѣли окружить себя послѣдніе,—а онъ такъ привлекателенъ въ глазахъ народа. Въ такихъ обстоятельствахъ, среди общей усталости и послѣ безплодныхъ попытокъ къ лучшему устройству государства, нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ стремятся къ новой переменѣ, ищутъ себѣ выхода, хотя бы даже къ прежнему порядку вещей, который теперь тѣмъ менѣе возбуждалъ опасеній, чѣмъ болѣе грозъ сулило настоящее. Таково было состояніе умовъ, что явился человекъ съ талантами старшаго Козимо деи Медичи, Флоренція тогда же отдалась бы подъ ярмо принципата, чтобы найти въ немъ желанный миръ. Но политическіе таланты встрѣчаются рѣже, чѣмъ обыкновенно думаютъ; а въ то время въ нихъ чувствовался особенный недостатокъ. Когда не представлялось этого средства спасенія, не было другаго выбора, какъ обратиться къ прошлому и снова призвать къ власти олигархію гвельфской партіи. Вслѣдствіе этого Альберти были изгнаны въ 1387 году, и возвратившіеся Альбицци продолжали, какъ прежде, руководить судьбами страны. Выѣстъ съ ними обновились и на время снова вошли въ силу всѣ старыя преданія флорентійской культуры: олигархически-исключительныя въ политикѣ, въ литературѣ и въ искусствѣ идущія по слѣдамъ Данте, Джьотто и ихъ школы, въ религіи преслѣдующія тотъ смѣшанный идеалъ, полусвѣтскій и полу-духовный, колеблющійся между традиціоннымъ уваженіемъ къ церкви и желаніемъ религіозной автономіи для республики, котораго лучшимъ осуществленіемъ представляется намъ типъ флорентійскаго теолога, *teologo del Comune*. Такимъ образомъ политическая и умственная жизнь Флоренці казалось снова вошла въ свою обычную колею, хотя не на долго: цѣльность, однажды нарушенная, никогда болѣе не восстанавливается, потому что съ одной стороны всегда явятся желанія

перемены, новшества, между темъ какъ съ другой обновляются старыя распри и притязанія, которыя уже давно казались замиренными. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что латинская литература церкви продолжаетъ свои нападенія противъ народно-флорентійской постической школы; изъ этой послѣдней развивается на нашихъ глазахъ другая,—она печется о классическомъ пуризмѣ, предпочитая итальянскому языку, едва успѣвшему сложиться, латинскую рѣчь, напрасно стремящуюся къ чистотѣ ципероновской фразы. Между всѣми тремя начинается борьба, которая не сосредоточена теперь, какъ во времена Данте, около вопроса о преимуществѣ одного языка передъ другимъ: времена измѣнились, иные церковные писатели пишутъ теперь болѣе чистымъ и изящнымъ итальянскимъ слогомъ, чѣмъ послѣдователи дантовской школы. Вопросъ теперь о преимуществѣ принциповъ, между христіанскими идеями, дававшими содержаніе средневѣковой культурѣ, и языческими, начинавшими оживать, направляясь къ тому изумительному развитію, котораго въ послѣдствіи имъ суждено достигнуть подъ покровительствомъ Медичи. Церковь усилленно работаетъ въ это время надъ своимъ собственнымъ обновленіемъ, надъ преобразованіемъ монастырскаго общежитія; съ ней работаютъ мистики и святая Катерина Сіенская; понятно, что христіанскія идеи не могли не найти въ ней защитницы; и въ то же время современные писатели указываютъ намъ въ классической школѣ на замѣтное пристрастіе къ буквѣ язычества, на античное поклоненіе тѣлесной красотѣ, исключаящее духовную, на извѣстное равнодушіе въ вопросахъ вѣры, недалекое отъ того, чтобы предпочесть изящные образы языческаго Олимпа красотамъ христіанскаго рая. Еще нѣсколько лѣтъ, и родились Беато Анджелико и Паоло Уччелло: одинъ въ высшей степени мистикъ, другой классикъ и реалистъ; тотъ—послѣдній эпигонъ христіанскаго искусства въ идеальномъ значеніи слова; этотъ—представитель новыхъ художественныхъ стремленій, начинающихъ вдохновляться образцами древности. Такимъ образомъ внутренний антагонизмъ, раздѣлившій все общество на два лагеря, противоположные другъ другу въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ, выразился окончательно въ двухъ школахъ,—традиціонно-церковной и классической, которыя представляютъ собой крайнія стороны оппозиціи: одна вдохновляется церковью, которая ищетъ обновиться изъ своихъ собственныхъ началъ; другая вырастаетъ на лонѣ мелкой буржуазіи, политически-индиффе-

рентной, безъ власти и славнаго прошедшаго, которая позже провозгласитъ водвореніе Медичи. Между той и другой—партія богатыхъ горожанъ, *grassi popolani*, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась власть, преслѣдуетъ чисто флорентійскія преданія, въ управленіи государственными дѣлами и въ религіи, въ литературѣ и искусствѣ,—преданія Данте и Джьотто, на сколько то и другое возможно при измѣнившихся условіяхъ культуры; и въ то же время политическая жизнь плебса ограничивается площадными свалками; его религіознымъ требованіямъ удовлетворяютъ Фратичелли, какъ и доминиканскіе мистики Германіи, опирающіеся на демократію; литературнымъ — народные пѣвцы, столь поэтически описанные въ *Gisberto d'Amascona*, и народные рассказы, *cantari di piazza*, въ которыхъ даже талантъ Пуччи не успѣлъ стусевать своеобразный колоритъ, обличающій ихъ происхожденіе. Будущность историческаго и литературнаго развитія, разумѣется, не здѣсь: народъ еще не начиналъ жить самостоятельно; церковь уже отжила—и ея дѣятельность въ прошломъ. Интересъ настоящаго и вниманіе историка сосредоточивается пока на тѣхъ сторонахъ движенія, которыя въ специально-литературномъ смыслѣ мы назвали *дантовской* и *классической* школой, и которыя, сойдясь лицомъ къ лицу, выражаютъ собою дѣятельныя политическія силы дня. Къ нимъ мы вернемся въ послѣдствіи; пока не можемъ не замѣтить богатства интеллектуальной жизни; отличающаго эту эпоху, хотя въ ней болѣе надеждъ и движенія партій, чѣмъ настоящаго творчества. Таковъ всегда характеръ эпохъ переходныхъ, болѣе приготавливающихъ, чѣмъ производящихъ; въ этомъ смыслѣ намъ кажется слишкомъ строгимъ приговоръ Аммирато, когда, разсуждая о послѣднихъ годахъ XIV-го столѣтія, онъ взводитъ на нихъ всевозможныя вины: отсутствіе литературной и художественной производительности, воинскую дисциплину, обращенную въ разбой, и безконечное зло, уготованное безъ надежды на что-либо лучшее ²⁶).

Таково было положеніе дѣлъ, когда наступилъ 1389-й годъ: снова царилъ Гвельфская олигархія и казалось, порядокъ, вернулся съ нею, хотя вниманіе страны было непріятнымъ образомъ отвлечено жестокою войной между Висконти и Каррара и несчастными обстоятельствами, въ какихъ находилась тогда Италія. Казалось, нельзя было оставаться спокойнымъ и не испытать на себѣ отраженія золъ, когда вся Европа стонала подъ вліяніемъ роковаго созвѣздія вѣка, *malvagio influsso di quel secolo*, какъ пишетъ Амми-

рато о 1387-мъ годѣ. «Апостольскій престолъ зараженъ расколомъ; его истинная глава осквернена звѣрскою яростью, которая берега Генуи покрыла тѣлами многихъ кардиналовъ, выброшенныхъ въ море. Имперія томилаcь подѣ слабоумнымъ правленіемъ Венцеслава, который вскорѣ послѣ того низверженъ курфирстами съ высоты своего величія—примѣръ рѣдкій въ исторіи. Французское королевство, долгое, время управляемое ребенкомъ, истощенное тяжкими налогами, отданное солдатскому своеволію, готовилось на сыновьяхъ короля испытать силу ядовъ, приготовленныхъ Валентиной Висконти, невѣсткой короля, бичемъ Франціи и теткой несчастныхъ мальчиковъ. Въ Неаполѣ дряхлая королева—почти единственный потомокъ славнаго короля Роберта и стараго короля Карла, знаменитыхъ правителей—задушена; ея преемникъ и убійца погибаетъ отъ меча въ Венгріи, гдѣ двѣ королевы томятся въ плѣну, и одна изъ нихъ убита. Въ Кастиліи царствуетъ родъ дона Генриха Бастарда, собственною рукой умертвившаго роднаго брата, короля донъ Педро, который извелъ многихъ своихъ братьевъ и потому не безъ причины получилъ названіе Жестокаго. Ни Арагонія, ни королевство Португалія не могутъ похвалиться болѣе благодушными монархами: тамъ одновременно царствуютъ два Петра, оба одинаково удостоившіеся прозвища Жестокихъ; тамъ кровь и прелюбодѣяніе, насиліе и другія преступленія, и мерзость порока не смягчена никакимъ проблескомъ добродѣтели. Одинъ король Наваррскій, обремененный всѣми возможными пороками, сожженъ; не спокойны ни Англія, ни Шотландія; однимъ словомъ, ни одного члена христіанской республики, который не былъ бы боленъ или зараженъ: почему нельзя удивляться, что и Флорентійская республика, терзаемая столькими бурями, то предводителями гвельфской партіи (*capitani di parte*), то бунтомъ Чомпи, то возвратившимися изгнанниками, не находила себѣ покоя »²⁾). А между тѣмъ, не смотря на все это, или лучше—по этой самой причинѣ, потому ли, что постоянная политическая дѣятельность не давала умамъ заснуть, возбуждая въ нихъ энергію и производительныя силы духа,—флорентійская республика процвѣтала, и Маккьявелли могъ не безъ основанія указать своимъ современникамъ на пятьдесятъ лѣтъ, слѣдующихъ за 1381-мъ годомъ, какъ на время достойное ихъ особеннаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на не совсѣмъ удобныя политическія обстоятельства, флорентійская коммуна продолжала въ это время разрастаться, присоединя къ себѣ по-

степенно Ареццо, Пизу, Кортону, Ливорно и Монтепульчяно; старыя литературныя преданія еще не забыты, хотя и ослабѣли отъ соприкосновенія съ новыми, и замѣчательные люди являются по всѣмъ отраслямъ искусства. Такимъ образомъ, пока держалась свобода, Флоренція, казалось, молодѣла и крѣпла въ виду опасностей, какъ бы не грозили онѣ бѣдой, и жизнь продолжалась такая же веселая и полная удовольствій, какъ будто ничего не бывало. Такою изображаетъ ее нашъ авторъ, говоря о 1389-мъ годѣ: «Въ этотъ счастливый годъ городъ былъ полонъ празднествъ и веселья; именитые граждане, правители республики, довольны въ расчетѣ на прочный миръ; и для купцевъ время стояло благоприятное; почему рабочій и мелкій людъ, которому не предстояло особыхъ расходовъ и налоговъ, радовался тѣмъ болѣе, что и годъ былъ урожайный, и всѣ охотно собирались поспрашивать и повеселиться, и часто устраивались роскошные пиры»²⁹).

Въ первыхъ числахъ Мая³⁰) 1389 года, въ хорошій весенній день, праздничное общество поднималось на крутыя высоты тосканскихъ Апеннинъ. Это—общество нашего романа, и цѣль путешествія опредѣляется не столько удовольствіемъ, сколько благочестивымъ желаніемъ посѣтить мѣста, освященные памятью свв. Франциска, Ромуальда, Джіованни Гвальберта (*i santissimi luoghi predetti di Francesco, di Romualdo e di Giovanni Gualberto*)³¹). Точь въ точь какъ въ Кэнтерберійскихъ рассказахъ, и тамъ и здѣсь время коротается въ новеллахъ и разговорахъ. Послѣ небольшого перевала въ аббатствѣ города Поппи, гдѣ ихъ принимаютъ радушно, всѣ начинаютъ спускаться въ цвѣтушую долину Флоренціи, названную такъ издревле въ предзнаменованіе ея быстрого разцвѣта³²), чтобы продолжать тамъ прерванные бесѣды то въ домѣ Мессера Колуччіо Салутати, то за городомъ, на виллѣ Парадизо, съ друзьями хозяина Мессера Антоніо дельи Альберти. На пути общество растетъ, понемногу прибываютъ новые люди, мужчины и женщины, большею частью Флорентійцы, «именитые граждане, правители республики», то есть тѣ, что захватили власть послѣ переворота 1387 года: Колуччіо Салутати и Луиджи Марсили, Гвидо ди Мессеръ Томмазо и Джіованни деи Риччи,—этихъ именъ пока довольно для опредѣленія ихъ политической и литературной окраски. Но нѣтъ недостатка въ представителяхъ и другихъ частей Италіи: тутъ есть Падуанцы и Венеціанцы, представители Пармы и Неаполя; и общество все растетъ, и вмѣстѣ

съ нимъ растетъ и матеріалъ новеллъ,—онъ обнялъ весь полуостровъ, заглядываетъ въ его закоулки, въ исторію и домашній бытъ его муниципіевъ. Оттого часты воспоминанія о замѣчательныхъ людяхъ и историческихъ событіяхъ, современныхъ и прошлыхъ, въ разсказѣ или по какому другому поводу, который представится въ разговорѣ. И прошлому отведено даже больше мѣста, чѣмъ настоящему: оно простирается до Гвельфовъ и Гибеллиновъ и до стараго блаженнаго времени свевской династіи.

Такъ о *Пьеро Гамбакорти*, вѣститель Пизы, мы узнаемъ по поводу корсиканскаго вина, присланнаго имъ въ подарокъ; о немъ говорится, какъ о человѣкѣ еще живущемъ: въ самомъ дѣлѣ, онъ умираетъ только въ 1392 году подъ кинжалами убійцъ, подосланныхъ Яковомъ д'Аппьяно.— Въ разговорѣ объ искусственномъ проведеніи водъ поминается какой-то маэстро *Бонаверре*,—современникъ или нѣтъ—это изъ текста не совсѣмъ ясно,—искусный въ нахожденіи водныхъ жилъ, которыя онъ открывалъ и угадывалъ съ такимъ же умѣньемъ, съ какимъ иной астрологъ разсчитываетъ восхождение и захождение звѣздъ на небесной тверди²²).—*Франческо ди Ваноццо*, котораго канцону рекомендуютъ спѣть кому нибудь изъ общества, былъ поэтъ родомъ изъ Вероны, современникъ событіямъ, описаннымъ въ нашемъ романѣ, и уже преклонныхъ лѣтъ въ 1374—1387 годахъ: о немъ писали Джіованни Агостини и Шипіоне Маффеи; а Томмазо, Соріо, Читтаделла, Сагрето и Гріонъ издали нѣкоторые изъ его стихотвореній²³).

Покуда о современникахъ, о которыхъ заходитъ рѣчь въ нашемъ романѣ; но за тѣмъ воспоминанія ведутъ насъ еще дальше, охватывая всю исторію и все протяженіе Италіи: тутъ *Улиссъ* и *начала города Прато*, *Катилина* и *Флоренція*, *Паоло Дугумаро*, по прозванію *dell' Abbaco*, извѣстный математикъ XIII вѣка, и графъ *Гвидо Гверра*, императоръ *Фридрихъ II* и *Михаилъ Скоттъ*, магъ и астрологъ; *Аццолино да Романо*, *Марсиліо старшій* (il Vecchio) *да Каррара*, *Маффео* изъ маркизовъ Санъ *Бонифацио*, и падуанскія семейства *Даль-Денте* и *Искровинья*. *Бернабдъ* и *Галеаццо Висконти* являются судьями въ комической дуэли между двумя шутами, мессеромъ *Дольчибене* (около 1350 года) и мессеромъ *Меллонъ делла Понтенара*; а король Петръ, *Piero cavaliere di Lisa*, выведенъ на сцену въ новеллѣ о *Бонифации Уберти*. Въ Неаполѣ мы знакомимся съ *Кателлиной* (Catellina), женой *Филиппелло Бариле*, влюбленной до безумія въ *Аньелло Страмаццафилли*, и съ королемъ *Карломъ Вторымъ*, по прозванію *Ciotto*; родомъ изъ Падуи

братъ Бартолино, знаменитый музыкантъ, котораго мадригалъ (madriale) предлагается между прочимъ для пѣнія ³⁴). Доля Флоренции на этой переключкѣ не менѣе обширная: на нѣкоторыя имена намъ уже пришлось указать, говоря о другихъ мѣстностяхъ; но за Бонифаціемъ Уберти и мессеромъ Дольчибене слѣдуютъ еще какіе-то *Морэ и Берто*, *Нюфри* (Nofri speciale), *Лано делла Кроче*, продавецъ олея, и вмѣстѣ съ тѣмъ провіантскій приставъ (ufficiale di grascia) и капитанъ компаніи Орто Санто Микеле (capitano della compagnia d'Orto santo Michele); монна *Риччяярда*, дочь *Руджьеро старшаго деи Риччи* (Ruggiero il vecchio de 'Ricci), замужемъ за *Микеле Пилестри*, сватающая свою дочь за *Липпоццо Гречи*; наконецъ поминается разъ *Пьеро ди Филиппо*, «который, какъ вамъ извѣстно, былъ въ то время самый именитый гражданинъ нашей республики» ³⁵). Его, стало быть, уже не было въ живыхъ,—потому что иначе какъ же понимать выраженіе: въ то время, in quelli tempi?—и мы думаемъ, что это никто другой, какъ *Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци*, «мудрый, славный и великій гражданинъ, какимъ когда-либо могла гордиться его страна» ³⁶), сложившій голову на плахѣ въ 1379 году. Это прямо указываетъ, что дѣйствіе нашего романа не можетъ восходить раньше этого года. Если, съ другой стороны, принять въ расчетъ, что Пьеро Гамбакорти еще былъ въ живыхъ, когда происходили собранія, описанныя нашимъ авторомъ, ясно будетъ, что онѣ должны были имѣть мѣсто между 1379 и 1392 годомъ, когда убитъ былъ Гамбакорти. Таково приблизительное хронологическое опредѣленіе, выясняющееся изъ новеллъ и иныхъ историческихъ воспоминаній, какія попадаются въ разговорахъ: къ болѣе точнымъ результатамъ въ этомъ отношеніи мы придемъ въ послѣдствіи, когда переберемъ одно за другимъ всѣ лица, которые принимали въ этихъ разговорахъ дѣятельное участіе.

Какого характера были эти бесѣды? Мы это отчасти уже знаемъ: нашъ романъ относится къ переходной литературной порѣ, стоя и въ формальномъ и въ историческомъ отношеніяхъ на перепутьи между конкретною новеллою XIV-го вѣка и отвлеченно-философскими преніями позднѣйшаго Renaissance. Здѣсь еще рассказываютъ и болтаютъ, но еще больше толкуютъ, поднимая тонкіе вопросы и выставляя на видъ богатство античной науки, недавно приобрѣтенное. «Великое море Ливіева краснорѣчія» (il gran mare della eloquenzia di Livio tuo Padovano), Овидій «*nel suo Metamorfoscose*» ³⁷), Апулей и бл. Августинъ, свв.

отцы церкви и Божественная Комедія,—вотъ съ какими богатырскими доспѣхами въ рукахъ ратуютъ другъ противъ друга ученые собесѣдники. И женщины принимаютъ участіе въ ихъ спорахъ, хотя еще рѣдко. Средневѣковой человѣкъ, какъ извѣстно, не слишкомъ-то любилъ разсуждать съ женщиной, слѣдуя въ этомъ ученію философа (т. е. Аристотеля) въ первой книгѣ Политики, гдѣ онъ говоритъ, что совѣтъ женщины большой силы не имѣетъ (*che'l consiglio della femmina è di piccolo valore*), потому что ея темпераментъ по преимуществу флегматическій.³⁹⁾ Нѣсколько стиховъ второй главы перваго посланія апостола Павла къ Тимоѳею только помогли развить этотъ взглядъ и, своеобразно понятые и узко истолкованные, легли въ основаніе средневѣковаго ученія о женщинѣ. Предоставляя совершеніе молитвы мужескому полу, апостолъ Павелъ прибавляетъ: «Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ. Женѣ же учить не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ, но быти въ безмолвіи». Если одинъ итальянскій правоучитель XIV в. понимаетъ все это дословно и въ простотѣ сердца прилагаетъ эти слова къ стоянію въ церкви, то онъ самъ не прочь отъ вывода, что «мудрая и неговорливая жена есть Божій даръ и благополучіе»⁴⁰⁾. Отсюда уже не далеко до требованія женской молчаливости вообще, которая надолго становится непрѣмѣннымъ догматомъ средневѣковой житейской мудрости. Такъ еще въ XIII вѣкѣ Egidio Romano утверждаетъ, что «неговорливость и ровность—великое украшеніе женщины»⁴¹⁾, и Франческо да Барберино переводить это наставленіе въ стихи: *)

Femina ch'è gran parliera
Tenuta è matta, e leggiera:
Dunque in ciò sie temperata,
E serai d'onor pregiata⁴²⁾

Мы, разумѣется, не ожидаемъ ничего подобнаго отъ нашего романиста. Пора новеллы освободила женщину отъ древнихъ узъ, въ которыхъ держали ее условія средневѣковой семьи; что не удалось трубадурамъ феодальной эпохи, которые ее слишкомъ изолировали, поставивъ на пьедесталъ, то сдѣлала буржуазная новелла—и женщина начинаетъ разсуждать. Правда, и у нашего автора про-

*) «Болтливая женщина считается сумасбродной и вѣтряной: потому будь въ этомъ умѣренна, и будешь въ почетѣ».

рывается иногда сужденіе, «что мужчина по своей природѣ существо болѣе совершенное, чѣмъ женщина», и у собесѣдниковъ его романа замѣтна старая закваска, и они, пока дамы еще не встали или не выходили изъ своихъ комнатъ пользуются случаемъ, чтобы, оставивъ забаву новеллы, перейти къ болѣе серьезнымъ и полезнымъ вопросамъ⁴²). За то, если представится вопросъ, возбуждающій болѣе обще-человѣческій интересъ, какъ напр. любовь и т. п., тутъ, само собою разумѣется, женщины принимаютъ участіе. Спрашивается напр.: чья любовь сильнѣе, отца или матери къ своему ребенку? Мужчины рѣшаютъ въ пользу перваго, женщины въ пользу второй; онѣ отдаютъ себя на судъ «молодой и достойной дамѣ» (*una venerabile e giovane donna*), которая находилась въ обществѣ, «большаго ума и пріятнаго обращенія» (*di grande intelletto e di costume molto gentile*), по имени Коза: ее онѣ въ одинъ голосъ просятъ отвѣчать на доводы мужчинъ (*tutte vogliose dissono che le piacesse rispondere alle dette ragioni*). И она отвѣчаетъ и выходитъ побѣдительницей до такой степени, что внушаетъ къ себѣ уваженіе маэстровъ и докторовъ, присутствующихъ на бесѣдѣ. Даже старый маэстро Біаджіо крутитъ головою: «Клянусь пречистой Дѣвой Маріей, — говоритъ онъ, — я не воображалъ, чтобы флорентійскія дамы были такъ хорошо знакомы съ нравственной и естественной философіей и такъ ловко владѣли логикой и риторикой, какъ теперь я въ томъ убѣдился». — «Маэстро», — скромно отвѣчаетъ дѣвушка, — «флорентійскія дамы стараются, на сколько есть силъ, такъ говорить и дѣлать, чтобы тотъ, кто пожелалъ бы ихъ обмануть, не могъ бы одну вещь выдать за другую. Вы же, которому и книги въ руки и у котораго навѣрное нѣтъ желанія обмануть насъ, скажите намъ всю правду, чтобы всѣ мы могли на томъ успокоиться». ⁴³)

Эта мадонна Коза, изящная и философствующая, не можетъ не возбудить въ насъ большаго интереса. Женщины выбираютъ ее своимъ адвокатомъ, мужчины качаютъ головою, съ удивленіемъ внимая ей рѣчамъ. Это какая-то Викторія Колонна, явившаяся слишкомъ рано, чтобы встрѣтиться съ Микель-Анджоло; вмѣсто него она находитъ себѣ поклонника въ Джіованни Содерини: потому что изъ многихъ Никколозъ (*Cosa* есть уменьшительное отъ *Niccolosa*), какія считаются во Флоренціи XIV-го вѣка, наша, по всей вѣроятности, тождественна съ той *nobile giovane detta Cosa*, въ которую Джіованни (Nanni) Содерини влюбился «въ цвѣтущее время своей юности» (*nel verde tempo di sua buona gioventù*), а маэстро Симо-

не Сердини изъ Сіены воспѣтъ въ одной изъ своихъ канцонъ, играя созвучными *Cosa* и *cosa* (вещь, предметъ) *):

Dê, dimmi s'ella è donna, iddea o sole:
Tu vederai l'aspetto alto e gentile
E'l suo pavoneggiar d'un ricco passo;
Tu vedrai *Cosa* pura e *Cosa* umile,
Un ragionar modesto, e tai parole
Che spezzерiano ogni più duro sasso.
Vedrai quella onestate e'l portar basso
L'occhio discreto, e ciò per non far noia
Al sol, cui saria poca ogni sua luce. **)

Теперь намъ становится понятна двойственная игра словъ въ балладѣ, которую двѣ дѣвушки поютъ на бесѣдахъ въ Парадизо, съ такою пріятностью и такими ангельскими голосами, что не только присутствующіе мужчины и женщины подходятъ ближе, но видно было, какъ даже птицы, сидѣвшія на кипарисахъ, подлетѣли, и ихъ щебетъ сдѣлался чаще и нѣжнѣе **). Вотъ слова баллады: **)

Orsù gentili spirti ad amar pronti,
Volete voi vedere il *Paradiso*?
Mirate d'esta *Cosa* il suo bel viso.
Nelle sue santi luci arde e sfavilla
Amor vettorioso che divampa
Per dolcezza di gloria chi la mira,
Ma l'alma mia, fedelissima ancilla,
Piatà non trova in questa chiara lampa
E null'altro che lei ama e disira.
O Sacra Iddea, al tuo servo un po' spira
Mercè: mercè sol chiamo, già conquiso:
Dê, fallo pria che morte m'abbia anciso **)

*) «Скажи мнѣ, женщина ли она, богиня или солнце? Ты увидишь ее, милую, гордую, плавно выступающую; увидишь это чистое и смиренное созданіе (или Никколозу), услышишь ея скромную рѣчь и слова, которые, кажется, расторгли бы самый твердый камень; увидишь, какъ она застѣнчиво и стыдливо опустила глаза, чтобы не обидѣть солнца, у котораго не достало бы свѣта соперничать съ нею».

**) «Вы, милые духи, склонные къ любви, хотите ли увидѣть рай? Поглядите на это прекрасное чело (или прекрасное чело этой Никколозы). Въ ея святыхъ очахъ горитъ побѣдный Амуръ, сладко воспламеняющій всякаго, кто на нее смотритъ. Но душа моя, ея вѣрнѣйшая прислужница, не находитъ сожалѣнія въ этомъ свѣтилѣ, хотя она никого другаго не любитъ и не желаетъ. О святая богиня, будь благосклонна къ твоему рабу: я побѣжденъ и прошу только состраданія. Окажи его мнѣ прежде, чѣмъ постигла меня смерть».

А разговоры между тѣмъ продолжаются, переходя на другія темы, напр. «обладають ли одни животныя большею долею ума и художественной способности (*arte e ingegno*), чѣмъ другія» ⁷⁷⁾, или «какими честными способами приобрѣтаются деньги, и почему лихоимство не только осуждено нашею церковью, но вообще всякой другой религіей» ⁷⁸⁾—гдѣ отвѣтъ и самый ходъ разсужденія представляютъ сколокъ съ извѣстныхъ положеній св. Θомы Аквинскаго объ этомъ предметѣ ⁷⁹⁾. Иногда вниманіе обращается на вопросы инаго свойства: «какимъ образомъ заражается человѣкъ и какимъ путемъ становится существомъ разумнымъ, какъ и когда въѣдряется въ него разумная душа, и что дѣлается съ нею послѣ того, какъ смерть постигнетъ тѣло». Мы пріятно поражены, что отвѣтъ на эти гаданія не что иное, какъ парафраза извѣстныхъ дантовскихъ стиховъ (*D. C. Purg. XXV, 37—108*), въ которыхъ Стацій разъясняетъ сомнѣнія поэта:

Come si può far magro
Là dove l'uopo di nutrir non tocca?

Сохранены даже самыя слова божественнаго поэта: *natural vasello, sangue perfetto, spirito nuovo, virtù informativa* и т. п., и цитруется цѣлый стихъ, впрочемъ съ нѣкоторыми отличіями отъ принятаго текста, гдѣ стихъ 103 читается такъ:

Quindi parliamo e quindi ridiam noi,
между тѣмъ какъ нашему романисту слышалось:
Quindi piagnamo, quindi ridiam noi ⁸⁰⁾.

Это не единственная дантовская реминисценція нашего автора: въ аллегорическомъ введеніи къ бесѣдамъ Парадизо онъ не позабылъ привести нѣсколько стиховъ изъ Чистилища, какъ рѣшающіе въ вопросѣ о существѣ любви. Надо полагать, что въ концѣ XIV-го вѣка дантовское преданіе было еще достаточно сильно, если слѣды его встрѣчаются такъ повсюдно, на всякой страницѣ, куда ни глянешь. Новая наука классическаго Возрожденія едва успѣла выясниться и обособиться, и ея критеріи приобрѣсть ту силу и то исключительное вліяніе на литературныя идеи времени, какого они достигаютъ въ послѣдствіи; Божественная Комедія оставалась пока единственной поэтической энциклопедіей, обнимавшей все тогдашнее знаніе, какое выразилось въ семи свободныхъ искусствахъ и въ философіи св. Θомы Аквинскаго. Понятно, что ученые и неучи продолжали по прежнему обращаться къ ней, какъ къ ссылочной книгѣ: такъ Анджело Торини въ своемъ *Breve*

racoglimento del dispregio dell' umana condizione nostra, оконченомъ въ 1374 году, цитуетъ нѣсколько разъ «il nostro poeta Dante», и когда начинаетъ говорить о тайнахъ зачатія и рожденія, не минуетъ дантовскихъ словъ: *virtute informativa, naturale vassello, virtù del generante* и т. п. ¹¹⁾. Нѣтъ сомнѣннй, что все это ученія Суммы, но истолкованныя Данте людьми четырнадцатаго вѣка. Въ трактатѣ Джіованни ди Герардо да Прато, *Trattato d'una angelica cosa mostrata per una divotissima visione*, эти дантовскія воспоминанія сказываются еще яснѣе; не говоря о литературной формѣ *видѣннй*, освященной примѣромъ великаго поэта, о молитвенныхъ обращеніяхъ въ *terza rima*, вставленныхъ въ рамку прозы, всякій разъ, когда дѣло коснется отвлеченныхъ вопросовъ, когда то поднятыхъ Божественною Комедіей, авторъ трактата очевидно находится подъ ея вліяніемъ. Такъ въ главѣ о рожденіи человека слова Данте воспроизводятся и толкуются, хотя онъ самъ и не названъ, при чемъ интересно сличить, какъ, рассматривая одинъ и тотъ-же вопросъ, авторъ нашего романа и Джіованни ди Герардо сходятся другъ съ другомъ, какъ будто другъ другу подражаютъ, такъ что легко можетъ родиться сомнѣніе, что между ними связь болѣе близкая, чѣмъ та, какую даетъ поводъ предположить единство источника, откуда оба заимствовали ¹²⁾. Пока мы ограничимся лишь общимъ указаніемъ сходства, которое во всякомъ случаѣ служить доказательствомъ, что оба автора находились подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же литературныхъ понятій, вращаясь въ одинаковомъ литературномъ кружкѣ, каковы напр. бесѣды описанныя въ нашемъ романѣ, гдѣ дантовскія преданія хранились въ чистотѣ, и вопросы, томившіе средне-вѣковое любомудріе, еще продолжали служить темой для разговоровъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны поднимаются вопросы болѣе реальнаго характера и болѣе отвѣчающіе интересамъ дня. Такъ уже новымъ классическимъ направлениемъ отзывается археологическая задача, предлагаемая маэстромъ Марсіліо: о происхожденіи и началѣ Флоренціи; и рядомъ съ нею старая тема—о предназначеніи человека (*quale è il fine e la felicità dell' uomo*)—разбирается сначала по Этикѣ и Политикѣ Аристотеля и по ученію отцевъ церкви. Иногда разговоръ приметъ случайно болѣе практическій оборотъ, когда кто нибудь предложитъ разсмотрѣть, «какое правленіе лучше—то ли, которое въ рукахъ одного, или многихъ, какъ мы это обыкновенно видимъ; другими словами—что предпочтительнѣе: хорошій ли правитель,

или хорошій законъ?» *) И всѣ принимаютъ участіе въ спорахъ и рассказываютъ другъ другу новеллы въ подтвержденіе своихъ доводовъ, выбравши напередъ одного изъ своихъ, который руководилъ-бы бесѣдой, какъ въ Декамеронѣ каждый изъ собесѣдниковъ по очереди председательствуетъ веселымъ обществомъ, назначая, кому говорить, и опредѣляя содержаніе повѣстей. Здѣсь у мѣста указать на одно характеристическое отличіе Декамерона отъ нашего романа: если легко было рассказывать, то разсуждать приходилось трудно на языкѣ, который, успѣвъ задолго передъ тѣмъ выработать поэтическій стиль и недавно повѣствовательный, въ философскомъ разсужденіи еще продолжалъ чувствовать себя неловко и безпомощно, связанный путями латинской рѣчи, которая въ средніе вѣка, казалось, исключительно овладѣла областью отвлеченнаго мышленія. Оттого такая темнота и спутанность въ собственно философской части, въ разсужденіяхъ нашего романа, тогда какъ его рассказы движутся свободно и слогъ въ нихъ ясенъ; оттого такое торжество, когда въ разсмотрѣніи какой нибудь отвлеченной истины чувствуется, что побѣждена неподатливость языка, еще слишкомъ конкретнаго и не приспособленнаго къ выраженію философскихъ умозрѣній. «Признаюсь, я никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо въ столь немногихъ словахъ такъ полно и удовлетворительно разъяснилъ такую высокую и трудную матерію, и не воображалъ, чтобъ было возможно сказать все это такъ кратко и вмѣстѣ такъ хорошо и очевидно, какъ я это слышалъ. Теперь мнѣ ясно, что флорентійскій языкъ на столько выработанъ и богатъ, что на немъ можно говорить, спорить и разсуждать о самыхъ абстрактныхъ и глубокомысленныхъ вопросахъ, и я охотно вѣрю въ то, что говорятъ о вашемъ Данте, поэтѣ-теологѣ, что онъ столько высокихъ научныхъ истинъ одѣлъ покровомъ своего поэтическаго вымысла. Я постараюсь познакомиться съ нимъ ближе, отцы мои, и думаю его себѣ усвоить, а пока сильно жалѣю, что не сдѣлалъ того раньше». **) Это слова Падуанца, одного изъ главныхъ собесѣдниковъ нашего романа; но и самъ авторъ съ неменьшимъ восторгомъ говоритъ о новой силѣ родного языка, когда въ самомъ началѣ объясняетъ, что поводомъ его труда было «горячее желаніе, постоянно меня побуждающее, всѣми силами послужить къ возвышенію и облагороженію дорогаго отечественнаго языка, хотя его достаточно возвысили и облагородили три флорентійскіе вѣнчаные поэты, за которыми я почтительно слѣдую, какъ

ученые мореходы руководятся въ плаваніи полярною звѣздою»¹⁵). За латынью церковной схоластики и за «*parleure delitable*» Брунетто Латини, подѣлившихъ между собою область средне-вѣковой прозы, итальянскій языкъ рождался для науки, благодаря тремъ флорентійскимъ вѣнцамъ (*le tre corone fiorentine*) и въ особенности Боккаччо: такъ послѣ церкви и имперіи явилась городская коммуна. Велика должна была быть радость, когда родной языкъ объявился настолько обильнымъ и гибкимъ, чтобы попытаться осилить и дать народное выраженіе самымъ отвлеченнымъ порывамъ мысли; какъ велико было счастье людей, почувствовавшихъ себя свободными подъ покровомъ хорошихъ законовъ, оставивъ позади себя идеалъ хорошаго правителя и всѣ прелести средневѣковаго общественнаго уклада. Но это счастье и радость не долговѣчны: уже латинскій языкъ начинаетъ воскресать изъ-подъ пыли древнихъ рукописей, въ медицин-скихъ садахъ; блестящій, обогащенный цѣлыми вѣками классическаго преданія, онъ готовится подкосить жизненную нить молодого итальянскаго языка, который съ высоты Боккаччо быстро упадетъ до безобразнаго стиля Франческо Колонна, стиля двуполога, который нельзя назвать итальянскимъ, но еще менѣе латинскимъ: символическое изображеніе новаго принципа, вырастающаго чужденнымъ растеніемъ на развалинахъ граждан-ской свободы. Въ стилѣ нашего романа чувствуется издалека приближеніе этого переворота: итальянская фраза потеряла свою прежнюю крѣпость и разлагается подъ вліяніемъ латинской; латинскія слова начинаютъ переводиться въ итальянскую форму путемъ чисто-литературнаго, искусственнаго процесса, не имѣю-щимъ ничего общаго съ тѣмъ органическимъ разложеніемъ и творчествомъ вмѣстѣ, которое вывело изъ латинскаго языка богатство романскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ не только въ отношеніи культурномъ и литературномъ, но и со стороны слога нашъ романъ является выраженіемъ одной изъ тѣхъ переходныхъ эпохъ, которыя интересны для насъ не столько сами по себѣ, по своему внутреннему характеру, сколько по тому, что прошедшее встрѣчается въ нихъ съ будущимъ, котораго сѣмена здѣсь вырѣвываютъ на почвѣ, приготовленной разложе-ніемъ предъидущей «лоры»: эпохи неопредѣленной, незакончен-ной, лишенной оригинальности, безъ формы и стиля, необ-ходимое соединеніе между «*disjecta membra*», между будущимъ, которое зачинается, когда прошедшее еще не отжило.

Первая изъ литературныхъ академій XV-го вѣка, если можно назвать ее такъ официально, открыла свои засѣданія лѣтъ тридцать спустя во Флоренціи, въ монастырѣ Санъ Спирито. Очень вѣроятно, что они развились изъ интимныхъ бесѣдъ Луиджи Марсили и его друзей въ томъ же самомъ монастырѣ,—бесѣдъ, которыя, по его собственному признанію, принесли такую пользу Колуччіо Салутати; во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что эти бесѣды предшествовали академическимъ, точно такъ же, какъ тѣ непринужденныя собранія на виллѣ Парадизо, которыхъ въ академическомъ характерѣ никто не заподозритъ. Съ тѣхъ поръ литература стала дѣломъ болѣе серьезнымъ, латинскій языкъ болѣе классическимъ; пренія обратились въ диспуты, въ какое-то священнодѣйствіе, съ замѣтнымъ привкусомъ педантизма «Каждый день устраивались тамъ (въ монастырѣ Санъ Спирито) ученые диспуты; на стѣнѣ либо на колоннѣ вывѣшивался тезисъ, о которомъ въ этотъ день слѣдовало разсуждать. Спорящіе собирались постоянно и въ большомъ числѣ; между ними болѣе всего отличался Джіанноццо (Manetti), противъ доводовъ котораго никто не могъ устоять» ⁵⁶); сюда приходили Никколò Никколи, Роберто деи Росси, Леонардо Бруни и другіе представители перваго періода *классическаго* Renaissance. Мы уже въ центрѣ новаго литературнаго движенія; но когда въ послѣдствіи мы узнаемъ отъ Леонардо Аретино, что онъ обязанъ Колуччіо Салутати главнымъ поощреніемъ въ своихъ занятіяхъ латинскою литературой ⁵⁷); когда, съ другой стороны, Никколи и Роберто деи Росси вмѣстѣ съ какимъ-то Ioannes Laurentius представляются намъ учениками Луиджи Марсили ⁵⁸),—мы не можемъ не заключить, что все это новое движеніе, котораго дѣятелями они являются, приготовлено другимъ, болѣе раннимъ, гдѣ классическія идеи еще умѣрялись довольно сильнымъ итальянскимъ преданіемъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ Луиджи Марсили и Колуччіо Салутати и къ собраніямъ, на которыхъ тотъ и другой предсѣдательствовали въ садахъ Парадизо, среди новеллъ и разговоровъ, между Данте и классиками, приготовляя почву для ученыхъ созерцаній въ Санъ Спирито. Разсмотрѣнный съ этой точки зрѣнія, нашъ романъ привлекаетъ насъ не своими новеллами, вставленными въ него мозаичною работою—намъ попадались новеллы болѣе изящныя и острыя—и не философскими разсужденіями, но своимъ историческимъ характеромъ, который даетъ ему очень опредѣленное мѣсто въ интеллектуальномъ развитіи Италіи. Лица Декамерона

либо вымышленны, либо скрываются под вымышленными именами; здѣсь, напротивъ, читатель перенесенъ сразу въ среду людей, еще живущихъ, или которые жили и были дѣятельными гражданами своей страны, которыхъ имена и поступки намъ хорошо извѣстны, отъ которыхъ, наконецъ, дошли до насъ труды, свидѣтельствующіе объ ихъ умственной силѣ. Такимъ образомъ нашъ романъ представляется не лишнимъ памятникомъ флорентійской культуры конца XIV-го вѣка и духовнаго развитія людей, которыми она преимущественно держалась. Съ ними намъ теперь предстоитъ познакомиться, на сколько позволятъ скудные матеріалы; почти на всѣхъ лицахъ намъ доведется прочесть печать двойственности, расторженности, переходности, которою мы отличили всю эпоху.

Прежде всѣхъ выступаетъ характеристическая фигура *Колуччіо Салутати* (1330+1406, 4-го мая), который въ романѣ является уже канцлеромъ республики (съ 25 апрѣля 1375 года): «росту болѣе чѣмъ средняго, нѣсколько сгорбленный, съ широкимъ костякомъ; цвѣтъ лица у него почти бѣлый, лице круглое съ широкими выдающимися скулами и нижней губой, немного выступающей впередъ; онъ произноситъ слова скромно и медленно и съ виду нѣсколько суровъ и мраченъ; но когда разговорится—становится веселымъ»; «такова сила его рѣчей и уговоровъ, что, кажется, онъ хочетъ взять не столько убѣжденіемъ, сколько силою то, о чемъ просить»⁸⁹). Колуччіо былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые свято берегли литературное преданіе трехъ флорентійскихъ коронъ, защищая его отъ нападковъ новой школы, начинавшей почерпать свое вдохновеніе исключительно изъ латинскаго классическаго источника. Ему первому мы одолжены идеей критически сличить Дантовскія рукописи, которыя все болѣе и болѣе искажались въ рукахъ невѣжественныхъ переписчиковъ, съ цѣлю возстановить изъ нихъ подлинный текстъ; еще юношей, онъ находился въ перепискѣ съ Петраркою и по его смерти употребилъ всѣ усилія, чтобы спасти отъ забвенія его «божественную Сципиаду» (*divinam Scipiadem*). Онъ могъ еще лично знать Боккаччо, тогда уже дряхлаго и болѣзненнаго. Какой грустной торжественности исполнено его письмо къ другу Луджи Марсили въ Парижъ, гдѣ онъ оплакиваетъ смерть двухъ великихъ поэтовъ: послѣдній прощальный привѣтъ великой литературѣ, которая уходила, не оставивъ послѣ себя никого, кто-бы достойнымъ образомъ продолжалъ ее. Потому что—странное дѣло—тотъ, кто

признавалъ себя ея преданнѣйшимъ ученикомъ, уже отдаляется отъ нея, самъ того не замѣчая. Въ его признаніи болѣе сыновней любви къ славному прошлому, чѣмъ серьезнаго желанія преслѣдовать то національное преданіе, которое собственно и сдѣлало флорентійскую поэтическую школу столь блестящею; если онъ идетъ по ея стопамъ, то развѣ въ несовсѣмъ удачныхъ попыткахъ возстановить чистоту классической рѣчи, — попыткахъ, которыя составляли только часть ея программы. Въ этой односторонности выбора слышится что-то новое: Колуччіо не пишетъ по-итальянски или пишетъ рѣдко и безъ стили; большая часть его произведеній на латинскомъ языкѣ, въ которомъ онъ достигъ искусства и изящества удивительнаго для того времени, такъ что его не даромъ прозвали обезьяной Цицерона, *scimmia di Cicerone*. «Великимъ подражателемъ античныхъ поэтовъ» (*grandissimo imitatore degli antichi poeti*) называетъ его Филиппо Виллани; онъ прилѣжно разыскиваетъ рукописи классиковъ, сличаетъ ихъ, примѣняя къ ихъ изученію только-что зародившееся искусство филологической критики: такъ онъ предлагалъ нѣсколько поправокъ къ письмамъ Цицерона *Ad familiares* и *ad Atticum*, и намъ извѣстны его сомнѣнія о трагедіяхъ, обыкновенно приписываемыхъ Сенеке. Если бы кто захотѣлъ провести болѣе твердую черту соединенія между нимъ и кѣмъ нибудь изъ трехъ великихъ флорентійскихъ поэтовъ, то пришлось бы остановиться развѣ на одномъ Петраркѣ, въ которомъ всего менѣе народно-итальянскаго развитія и всего болѣе латинскихъ предилекцій. Такъ продолжателемъ Петрарки и называетъ его Франческо ди Фіано, когда, побуждая его воспѣть громкія дѣянія современниковъ, онъ видитъ въ немъ единственную надежду музъ, ихъ единственную славу и украшеніе: «Одинъ ты изяществомъ твоей пѣсни въ состояніи дать заслуженнымъ людямъ почетное имя и безсмертіе. Ты одинъ въ нашемъ вѣкѣ обильный источникъ *латинскаго краснорѣчія* во всѣхъ родахъ изящнаго слова: его струями долгое время напоенные разцвѣтаютъ умы итальянскихъ юношей. Тебя слушая, тебя читая, заучивая знаменитыя пѣсни Пирра, нашъ умъ гордится тобою и славится: потому что, благодаря высокому дару совершенства, ниспосланному тебѣ небомъ, восполнена утрата столькихъ поэтовъ, и дивная прелесть твоего необычайнаго духа утѣшаетъ насъ на краю могилы, вызывающей нескончаемыя слезы, *нашего божественнаго Петрарки*. Когда такимъ образомъ, ты одинъ въ наше время достойно владеешь обиліемъ

звучнаго слова и полною струей героической пѣсни, не попусти твоему свѣтлому дару заглухнуть въ бездѣйствіи» ⁶⁰). Мы не знаемъ, послушался ли Колуччіо добраго совѣта пріятеля—поискать вдохновенія въ событіяхъ современной исторіи, «полной разнообразныхъ дѣлій, прекрасныхъ подвиговъ, превратностей судьбы, не минующихъ ни что великое, и назидательныхъ примѣровъ, каждый день обновляющихся» ⁶¹). Мы знаемъ только, что, когда онъ принимается воспѣвать римскія войны Пирра, царя Эпирскаго, онъ очевидно не выходитъ изъ колеи, намѣченной Африкой Петрарки, которая представляется ему божественнымъ произведеніемъ, *opus divinum*, какъ божественнымъ, *divinum*, казался ему слогъ боккачьевскаго *De Genealogia Deorum*. Въ этомъ литературномъ сужденіи нѣтъ ничего удивительнаго, точно такъ же какъ и въ томъ предпочтеніи, которое Колуччіо отдавалъ Инвективѣ Петрарки на клеветника медика, передъ Филиппиками и рѣчами Цицерона противъ Верреса и Катилины. Тутъ причиной и любовь, которая соединяетъ его съ тремя великими Флорентійцами, побуждая разглашать повсюду ихъ славу и распространять творенія ⁶²), но и болѣе того особыя условія времени. Вспомнимъ, что классическія знанія еще слабы, новый критерій вкуса и стиля, которому предстояло изъ нихъ выработаться, по необходимости еще шатокъ и не успѣлъ установить ни образцовъ для подражанія, ни мѣрки для сравненія. Таково вообще всякое занятіе въ началѣ: оно принимается медленно, ощупью, понемногу одолевая затрудненія, скользя по поверхности и не проникая въ глубь; и чѣмъ больше препятствій, которыя приходится побѣдить, тѣмъ сильнѣе и громче естественное чувство побѣды. Оттого удивляются Цицерону; но еще болѣе цѣнятся тѣ, которымъ удалось приблизиться къ нему,—а такими должны были казаться Петрарка и Боккаччо. Этого наивнаго удивленія не могли простить Колуччіо позднѣйшіе пуристы XV-го вѣка, и они подвергли общему презрѣнію и почитателя, и предметы его культа. Каковы бы ни были, судя по этому, первые опыты классической науки, которые вышли изъ несовсѣмъ прозрачнаго источника и не успѣли установить надлежащаго филологическаго критерія, все же ихъ вліяніе на общество было велико въ эту пору. Болѣе тѣсное и постоянное знакомство съ древними авторами по необходимости проводило въ умы міръ новыхъ идей, расширяло политическій, религіозный и литературный кругозоръ, ограниченный до тѣхъ поръ всякаго рода предразсудками, наслѣдіемъ

среднихъ вѣковъ. Конечно, обстоятельства благопріятствовали такому перевороту: папы живутъ изгоями въ Авиньонѣ, императоръ—по ту сторону Альповъ; при всемъ томъ за римскими историками и ораторами нельзя не признать значительнаго участія въ освобожденіи итальянской мысли. Когда у Ливія приходилось читать о славныхъ вѣкахъ римской свободы, притязанія римской куріи должны были казаться тѣмъ унизительнѣе, и Кола ди Ріенцо могъ возстать, полный республиканскихъ воспоминаній, и Колуччіо выразиться въ письмѣ къ папѣ, что «свободу церкви надлежитъ соблюдать такъ, чтобы отъ того не потерпѣла естественная свобода народовъ» ⁶³). Иной разъ римскія дѣянія повѣствуютъ ему о доблестяхъ предковъ, какая слава сопровождала ихъ оружіе, какъ они ратовали въ защиту «своей Италіи»: и вотъ идея *единой Италіи* рождалась изъ необходимости «возстановить родовую мощь крови, чтобы изгнать чуждые народы, сидящіе посреди Авзоніи, не мирные, но беспокоящіе ее бѣдственной войною. Опуская все, что объ этомъ можно бы сказать, и переходя къ заключенію нашего письма, мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ и необходимымъ для спасенія, чтобы не только Тоскана, но вся Италія соединилась съ вами (т. е. Римлянами) въ федераціи, какъ члены со своей главою. Какою показала бы тогда Италія, такъ устроенная и соединенная! какою могущественною!» ⁶⁴)—Политическая наука рождается въ Италіи вмѣстѣ съ эрудиціей; Колуччіо былъ первый ученый, ставшій канцлеромъ большой итальянской республики. До него—клерики и церковные люди; послѣ него—Леонардо Аретино, Поджіо, Марсуппини и, не говоря о другихъ, Маккьявелли. Если у Джіанѣ Галеаццо Висконти въ самомъ дѣлѣ сорвалось слово по поводу писемъ Салутати, что онѣ приносятъ ему болѣе вреда, чѣмъ тысяча флорентійскихъ всадниковъ,—онѣ вѣроятно не столько имѣли въ виду личность, сколько цѣлую систему, которую она выражала ⁶⁵).

Человѣкъ съ характеромъ и убѣжденіями Колуччіо былъ *Луджи Марсили* (+ 21 Августа 1394 года) «великій теологъ и блестящій ораторъ», какъ называетъ его нашъ романъ ⁶⁶). Онъ былъ еще ребенкомъ, когда какой-то родственникъ, добрый человѣкъ, свелъ его къ Петраркѣ, который съ перваго разу возложилъ на него большія ожиданія. Такимъ образомъ и на него упалъ умирающій лучъ великаго дантовскаго періода. Вступивъ юношей въ орденъ Св. Августина, онъ учился въ Падуѣ и потомъ въ Парижскомъ университетѣ, гдѣ удостоился степени доктора бого-

словія, всюду стараясь соединить свои спеціальныя занятія съ занятіями изящной литературой. Въ этомъ онъ только слѣдовалъ совѣту, данному ему Петrarкой, «что богослову полезно, кромѣ богословія, знать еще много другихъ вещей, а если была бы возможность, то и всѣ». Оттого ученія Августина, Іеронима, Іоанна Златоуста и Амвросія мирились въ немъ съ языческою мудростію, съ Цицерономъ и Virgilіемъ: а мы видѣли, какъ сильно это должно было отразиться на обновленіи идей. Марсили былъ столь свѣдушъ въ перипатетической философіи ⁶⁷⁾, что Petrarca могъ надѣяться, что изъ него выйдетъ въ послѣдствіи опытный боецъ противъ заблужденій Averroэса и его учениковъ, которые надоѣли Petrarckъ по горло. Трудно сказать, какъ исполнилъ эти ожиданія Марсили: по крайней мѣрѣ, по возвращеніи его во Флоренцію, мы застаемъ его въ садахъ Парадизо въ мирной бесѣдѣ бокъ-о-бокъ съ маэстро Марсilio ди Санта Софія, однимъ изъ самыхъ рьяныхъ поборниковъ аверроистической философіи въ Падуѣ ⁶⁸⁾. Во Флоренціи около Марсили тотчасъ же собирается кружокъ; у него много знакомствъ; онъ былъ краснорѣчивый и остроумный собесѣдникъ; молодежь толпится вокругъ, полная жажды знанія, чтобы послушать его бесѣды, которую онъ удачно пересыпаетъ многочисленными цитатами изъ классиковъ. Это первообразъ тѣхъ ученыхъ сборищъ въ Санъ Спирито, о которыхъ мы говорили выше. Обыкновенными собесѣдниками были Никколò Николи, Роберто деи Росси, и Колуччіо Салутати, хотя человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ, рѣдко когда отсутствовалъ. У него была какая-то лихорадочная страсть поговорить и поучиться, въ высшей степени характеризующая время. Марсили жилъ по ту сторону Арно, и идти къ нему приходилось долго; когда случалось, что Салутати не заготовилъ напередъ матеріала для разговоровъ, долгая дорога помогала ему въ бѣдѣ: онъ назначалъ себѣ рѣку межей или мильярнымъ столбомъ, пройдя который вплоть до жилища Марсили надлежало сосредоточить мысль исключительно на вопросахъ и задачахъ, которые слѣдовало предложить въ тотъ день. За то впереди какая масса удовольствій и назиданій! «Когда я бывалъ у него, я на цѣлые часы продолжалъ разговоръ, и не смотря на то всякій разъ уходилъ неудовлетворенный, потому что никогда не могъ вполне насытиться бесѣдой съ столь великимъ мужемъ. Какая сила, Боже милосердый, какое обиліе въ сужденіяхъ, какая обширная память! Онъ не только владѣлъ

всѣми знаніями, приличными духовному сану, но и тѣми, которыя мы по обыкновенію называемъ языческими. Цицеронъ, Виргилій, Сенека и другіе античные писатели не сходили у него съ устъ; онъ не только приводилъ ихъ мнѣнія и мысли, но часто самыя слова, такъ что казалось, онъ говоритъ свое, а не чужое. Никогда мнѣ не случилось сказать ему что-нибудь, чтò бы не было ему извѣстно: онъ все зналъ, все помнилъ. Я, напротивъ, многое отъ него слышалъ и многому научился, а въ иныхъ вещахъ, возбуждавшихъ мое сомнѣніе, онъ подкрѣпилъ меня своимъ мнѣніемъ» ⁶⁹). Жаль, что отъ всѣхъ этихъ разговоровъ до насъ не дошло ничего, кромѣ немногихъ извѣстій, которыя принадлежатъ позднѣйшей порѣ и теперь значительно подтверждаются свидѣтельствомъ нашего романа ⁷⁰): все это было бы крайне интересно для характеристики времени и тѣхъ двухъ личностей, въ которыхъ лучше всего выразились его двойственныя стремленія. Колуччіо и Марсили какъ будто созданы понимать другъ друга: тотъ и другой — люди переходной эпохи, истые итальянцы; историческіе предразсудки и преданія дантовскаго періода умѣрялись въ нихъ новыми требованіями жизни, въ особенности знакомствомъ съ классиками, которые помогли имъ отчасти освободиться отъ средневѣковой исключительности въ политикѣ и религіи. Если о Колуччіо мы позволили себѣ выразиться, что онъ былъ первый ученый между государственными людьми, то о Марсили мы готовы повторить то же самое, ограничиваясь кругомъ специально религіозныхъ вопросовъ. Онъ былъ представителемъ того равнодушія, или лучше сказать того свободного отношенія къ дѣлу религіи, которое мы выше называли *богословіемъ флорентійской коммуну*, *teologia del commune*. Въ то самое время, какъ Салутати защищаетъ права народа противъ притязаній церкви, Марсили отстаиваетъ самостоятельность національной церкви на перекоръ соблазнамъ Авиньона. Извѣстно его «Посланіе противъ пороковъ папскаго двора» ⁷¹); принимаясь комментировать сонеты Петрарки, онъ выбираетъ тѣ три, въ которыхъ авиньонская курія является не въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ ⁷²), и въ его объясненіи знаменитой канцоны *Italia mia* болѣе космополитическихъ вздоховъ Петрарки и патріотическихъ соображеній Колуччіо, чѣмъ обыкновенно мы вправе ожидать отъ духовнаго лица ⁷³). Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если у флорентійскихъ гражданъ онъ пользовался хорошей славой, и они употребляютъ его въ по-

сольствахъ и политическихъ переговорахъ и отдаются ему на судъ въ дѣлѣ посланниковъ антипапы Климента, а въ 1389 году просятъ его къ себѣ въ епископы письмами, особо для того изготовленными къ Бонифацію IX ¹⁴).—Что Марсили не былъ мистикомъ и понималъ науку не въ смыслѣ среднихъ вѣковъ, которые заключили ее въ монастырь, вдали отъ общества живыхъ людей, лучше всего доказываютъ темныя обвиненія, возводимыя на него противной стороною, которая коммуна старается съ него снять ¹⁵), и которымъ объясненіе мы думаемъ найти въ слѣдующемъ сонетѣ Анджело Торини, посланномъ Луиджи Марсили, «*mandato a maestro Loygi Marsilij*: ^{*})

La scienza per virtù non è aprovata
Se non da chi la'tende; e gl'ignoranti
Non posson, come sono donne e infanti,
La pregiare o può esser commendata.

Onde color che se l'anno aquisitata
Si den guardare, e non esser zelanti
A tal sesso, ma uomini costanti
Essa mostrare, da cui fia esaltata.

Et pertanto veder mi spiace molto
Tenere donne o in chiesa o concestoro
Da facundi in virtù religiosi;

Nè credo che'l valor sommo raccolto
Per Agustin, Geronimo e Gregoro
Per questo usar li fesse sì famosi.

Non a'visto qual d'esto oprar si carica
L'ozio religioso del Petrarca? ¹⁶)

Нѣтъ ли здѣсь косвеннаго удара на бесѣды въ монастырѣ Санъ Спирито (in chiesa) и на другія дружескія сходы (o concestoro),

^{*}) «Наука цѣнится настоящимъ образомъ лишь тѣми, кто ее понимаетъ; а невѣжды, каковы женщины и дѣти, не могутъ понять ея достоинствъ. Потому кто владѣеть ею, долженъ быть остороженъ и не радѣть для прекраснаго пола, а поставить себѣ за правило раскрывать ее лишь тѣмъ, кто можетъ ее возвеличить. Оттого мнѣ очень непріятно видѣть, что духовныя лица, добродѣтельныя и краснорѣчивыя, принимаютъ женщинъ въ церкви или на дому. Не думаю я, чтобы Св. Августинъ, Иеронимъ и Григорій прославились такими дѣйствіями; а ты развѣ не знаешь, какъ они тяжело отразились на святомъ уединеніи Петрарки?»

въ которыхъ женщины и юноши (donne e infantì) могли принимать участіе, и гдѣ во всемъ блескъ должна была выказываться обширная богословская и другая эрудиція нашего маэстро Луиджи? Людямъ вѣрующимъ такая секуляризація науки должна была казаться богопротивной: ее слѣдовало объявлять только людямъ опытнымъ и серьезнымъ (uomini costanti), отъ этого она только выиграетъ, а не метать еѣ передъ невѣждами (ignoranti), каковы женщины и дѣти: духовному лицу это неприлично. Набожность Анджело Торини была стариннаго закала: онъ человѣкъ прошлаго, отчасти имперіалистъ, но еще скорѣе человѣкъ церковной партіи и немного ханжа; онъ пишетъ *Краткое размышленіе о Божьихъ благодарностяхъ* ¹¹⁾, которое посылаетъ съ посвятителнымъ советомъ почтеннымъ отцамъ на Монте Уливето: *)

Vattene a Monte Bene, ove congiunta
Troverai insieme in carità perfetta
L'eccelsa compagna quivi colletta,
Della qual mia frequenza è or disgiunta
Con mie pena.....

Онъ, стало быть, пріятель монаховъ и честнаго отца донъ Джіованни делле Челле, ордена Валломбросы, который побудилъ его написать «краткій трактатъ о бѣдственной долѣ человѣка», и посвятить его «мудрому и благородному Карлу, графу ди Баттиолле, изъ именитаго рода графовъ Гвиди, своему лучшему другу». Изъ самаго заглавія ясно аскетическое содержаніе: отправившись отъ словъ бл. Августина въ Soliloquium: «Господи, дай мнѣ познать самого себя, дабы я могъ познать Тебя», мы приходимъ, по слѣдамъ автора, къ необходимости самопознанія, имѣя въ виду наше ничтожество и безпомощность, и что сами по себѣ мы не имѣемъ и не можемъ достигъ блага или добродѣтели, ни даже представить себѣ, если Господь не сподобитъ, и лишь на сколько сподобитъ ¹²⁾.

Выше мы указали въ нѣсколькихъ словахъ на попытки религіознаго обновленія путемъ мистицизма, которыя начинаютъ обнаруживаться въ послѣднихъ годахъ XIV-го вѣка: это періодъ, когда въ Италіи процвѣтали блаженный Лоренцо да Рипафратта и св. Кіара Гамбакорти, св. Катерина Сіэнская и бл. Джіованни

*) «Ступай въ Монте Бене, гдѣ найдешь собравшееся вкупѣ высокое общество, полное истиннаго милосердія, отъ котораго, къ сожалѣнію, я отдаленъ теперь».

Доминичи. Вспомнимъ, что и въ Германіи это вѣкъ Таулера и Эккарта, доминиканскихъ мистиковъ и Братъевъ свободнаго духа: проявленіе вообще не новое, возводимое до персидскихъ Суфи, но всегда свидѣтельствующее объ извѣстной общественной усталости, которая ищетъ призрачнаго отдыха. Такъ и теперь, на межѣ новаго столѣтія и грядущей культуры возрожденія, общество упустило изъ рукъ нить средневѣковаго преданія и волнуется, сѣлаясь захватить ее снова и добывая прежняго покоя. Но это оказывалось невозможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ единство умственнаго и общественнаго развитія было потревожено разными вѣшними вліяніями и политическими перемѣнами, какія привела съ собою сама исторія. И вотъ въ то время, какъ одни лихорадочно схватываются за дѣдовское наслѣдье, ища своими мистическими порывами вдохнуть въ него новую жизнь и примѣнить къ новымъ потребностямъ,—другіе мужественно идутъ на встрѣчу принципамъ, которымъ принадлежитъ будущее. Блаженный Джованни Доминичи еще разъ собираетъ въ своей *Regola del governo di cura familiare* ¹⁹⁾ наставленія средневѣковыхъ нравоучителей и пишетъ посланія къ Бартоломмеа дельи Альберти, исполненныя самою возвышенной мистики. Другіе трудятся надъ преобразованиемъ монастырскаго общежитія, и сіэнская святая странствуетъ по Италіи, проповѣдуя нравственное исправленіе, призывая въ одно и то же время къ крестовому походу и къ миру, во имя «Исуса сладчайшаго, Исуса любви» (*Gesù dolce, Gesù amore*). И между тѣмъ, какъ такимъ образомъ обновляются идеалы прошлаго, иной процессъ обновленія готовится на сходкахъ въ Санъ Спирито, гдѣ «*quolibeta fratrum*» уже начинаютъ отметаться, какъ никому не нужное орудіе ²⁰⁾). Самъ Луиджи Марсили безсознательно содѣйствуетъ этому отверженію, хотя по другимъ сторонамъ его дѣятельности мы могли бы заключить противное: онъ человѣкъ переходной поры, а переходныя эпохи всегда безсознательны, потому что еще наканунѣ выбора, еще въ исканіи принципа, когда общество сбилось съ стараго пути и не успѣло рѣшиться на новый, очень естественно, что оно колеблется и долго стоитъ на распутіи, пытая то тотъ, то другой путь, будто въ боязни дурно выбрать, если рѣшится слишкомъ быстро. Оттого мы видимъ, что молодые люди выносятъ изъ бесѣдъ Марсили наученія древности и образцы классическихъ авторовъ, которые помогутъ имъ сдѣлаться въ слѣдующемъ столѣтіи главными проводниками языческой эрудиціи, и въ то же время читаемъ въ

высшей степени набожныя письма того же Марсили къ Гвидо ди мессеръ Томмазо, въ которыхъ онъ доказываетъ ему, что о смерти и потерѣ вещественныхъ благъ нечего заботиться, когда духовное благо упрочено (*mostrandogli che la morte e la perdita de' beni temporali non sono da curare se lo spirituale bene sta fermo*), иной разъ спрашиваетъ, «въ состояніи ли мы сами судить, достойны ли мы ненависти или любви» и т. п. ⁸¹⁾. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени знаменательно для характеристики религіознаго броженія умовъ въ концѣ XIV-го вѣка собраніе нѣзидательныхъ писемъ донъ Джіованни делле Челле и Луиджи Марсили къ Гвидо ди мессеръ Томмазо, къ Донато шорнику, къ сэръ Лапо Маццей, флорентійскому нотаріусу и др. ⁸²⁾. Всѣ они написаны въ подобномъ же стилѣ: любопытный памятникъ этой разносторонней цивилизаціи, которой предстоялъ выборъ между вѣрованіями прошлаго и надеждами будущаго. Въ нашемъ романѣ мы встрѣчаемъ образцы того и другаго, — рядомъ съ друзьями Колуччіо и Марсили — знакомыхъ Джіованни делле Челле и Анджело Торини. Мы говоримъ о Гвидо ди мессеръ Томмазо и графъ Карлъ ди Поппи.

Гвидо ди мессеръ Томмазо ди Нери ди Липпо дель Паладжіо былъ, по словамъ Поджіо, человѣкъ великой святости жизни, а Микеле ди Ноффи дель Джіоганте ⁸³⁾ называетъ его «знаменитымъ флорентійскимъ гражданиномъ, которому не найдешь подобнаго; мужество соединялось въ немъ съ добротой и милосердіемъ; онъ былъ богатъ земными благами и большой милостинникъ, къ тому же честный гражданинъ, потому что кто умѣетъ управлять деньгами, тотъ съумѣетъ управлять и всѣмъ другимъ». Съ этою репутаціей человѣка набожнаго и сердобольнаго и съ его дружескими отношеніями къ донъ Джіованни ⁸⁴⁾ очень хорошо согласуется свѣдѣніе, которое мы о немъ имѣемъ, будто онъ возстановилъ и устроилъ монастырь св. Франциска делла Риформа, на взгорьѣ по дорогѣ къ Фьезоле, приходившій въ ветхость ⁸⁵⁾. Это не мѣшало ему быть политическимъ дѣятелемъ и хорошимъ патріотомъ. Возведенный въ рыцарскій санъ сначала партіей Чомпи, а потомъ республикой (18-го Октября 1378 г.), онъ нѣсколько разъ былъ посылаемъ ею по разнымъ порученіямъ. Такъ мы встрѣчаемъ его вмѣстѣ съ Ліонардо ди Николѣ Фрескобальди, посланниками къ намѣстнику короля Карла въ Ареццо, «чтобы удалить оттуда отрядъ графа Альбериги ди Барбіано и другой подѣ начальствомъ Виллануччо, которые находились

тогда въ этомъ городѣ, предавая его грабежу; въ 1385-мъ году онъ вмѣстѣ съ Джіованни деи Риччи, докторомъ, посланъ къ Карлу ди Дураццо; въ 1389 въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя со стороны Флоренціи заключили пизскую лигу; въ 1391—2 онъ въ Генуѣ устраиваетъ миръ между Флорентійцами и Висконти; въ 1395 онъ опять идетъ посломъ къ Conte di Virtù, а три года спустя къ Венеціанцамъ. Въ 1388, 1390 и 1395 годахъ онъ занимаетъ должность одного изъ *dieci di ballia*, а въ маѣ и юнѣ 1394 г. избранъ въ *gonfaloniere di giustizia* ⁸⁶). Онъ умеръ 25-го Августа 1399-го года: «1399, 25 Augusti, decessit Guido Domini Tomasi pop. s. Michaelis Bisdomini. Sepultus fuit in ecclesia Annuntiate» ⁸⁷); и чувствовалъ себя уже слабымъ и хворымъ (*corpore languens*), когда 14-го числа того же мѣсяца онъ сдѣлалъ завѣщаніе, «*suum nuncupativum testamentum, quod dicitur sine scriptis*», по которому назначалъ вѣчныя милостыни, а первые доходы въ продолженіи извѣстнаго времени обращалъ на поправки и передѣлки своего любимаго монастыря во Фьезоле ⁸⁸). Какимъ онъ былъ отличнымъ гражданиномъ—лучше всего доказываютъ замѣчательныя слова, произнесенныя имъ при заключеніи мира съ Висконти: «когда стали говорить о сохраненіи мира и договаривавшіеся выразили мнѣніе, что для того необходимо каждой сторонѣ представить вѣрныхъ поручителей, Гвидо съ удивительнымъ величіемъ души отвѣчалъ: лучшимъ ручательствомъ пусть будетъ мечъ, такъ какъ Джіованни Галеаццо испыталъ наши силы, а мы испытали его» ⁸⁹). Въ этихъ словахъ такъ и слышится гордое и великодушное сердце златовласой красавицы, которую онъ такъ любилъ: «*magnanimo, possente core altero, E disdegnoso e fero*» ⁹⁰). Эта красавица была его дорогая Флоренція.

Гвидо былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Робертомъ и Карломъ, графами Баттифолле и Поппи, и мы уже имѣли случай указать выше, какъ съ послѣднимъ изъ братьевъ его связывала общая пріязнь къ донъ Джіованни делле Челле. Въ то время, когда происходили сборища въ Парадизо, описанныя нашимъ романистомъ, графа Роберта уже не было въ живыхъ (†1374—5), и Гвидо воспоминаетъ съ сожалѣніемъ его веселое общество, когда онъ такъ отвѣчалъ графу Карлу, просившему его рассказать какую нибудь новеллу: «увѣряю васъ отъ чистаго сердца, что нигдѣ мнѣ не приводилось слышать столько великолѣпныхъ, забавныхъ и пріятныхъ разсказовъ, какъ когда еще живъ былъ

мужественный и блестящій братъ вашъ, графъ Робертъ, счастливой памяти, славный и наученный во всякой добродѣтели. И сами вы, вѣроятно, не позабыли, какъ часто случалось, что солнце успѣетъ нѣсколько разъ пройти весь звѣздный поясъ зодіака,— а мы все еще тѣшимся и забавляемся въ веселомъ Прато Веккіо, и такъ не одинъ день» ^{*)}). Робертъ былъ любителемъ литературы, поддерживая писменную корреспонденцію съ Петраркой, который хвалитъ его за латинскій стиль; онъ самъ былъ отчасти поэтомъ и большой приверженецъ флорентійской республики, которая не разъ поручала ему начальство надъ своей собственной милиціей. Видно, графъ Карлъ открыто принималъ политическую программу своего брата, когда Луиджи Марсили въ нашемъ романѣ могъ похвалить его за то, что онъ заслужилъ расположеніе «нашей флорентійской республики, не иначе на тебя взирающей, какъ на своего дорогаго, добраго, единственнаго сына, постоянный источникъ радости, свою надежду и утѣшеніе»: между тѣмъ какъ его сосѣди, т. е. гибеллинскіе феодалы, которые не желали мира съ горожанами, истреблены и разграблены въ наказаніе за гордость и хищность, «и ихъ могущество пришло къ концу до такой степени, что они съ яростью видятъ свои обстоятельства разстроеными, самихъ себя обнищалами» ^{**)}). Анджело Торини былъ такимъ образомъ правъ, когда, воспѣвая великое благоразуміе обоихъ братьевъ, побуждающее ихъ повиноваться всякому желанію республики, онъ обращался къ нимъ съ слѣдующимъ сонетомъ: ^{*)})

Non credo che que'nobili gemelli
Poluce e Castor, cui cantando tanto
Esaltano i poeti, in nessun canto
Aggiungano al valore de'due fratelli

Ruberto e Carlo; i cui costumi belli,
Li abiti onesti, umil, benigni quanto

^{*)} «Касторъ и Поллукъ, которыхъ поэты такъ величаютъ въ своихъ пѣсняхъ, ни въ какомъ отношеніи не сравниются доблестями съ двумя братьями Робертомъ и Карломъ. Своими изящными нравами, скромнымъ и благодушнымъ обращеніемъ, они заслуживаютъ большей славы—на сколько позволяетъ христіанская религія. Какъ солнцу врожденъ свѣтъ, такъ имъ всякія добродѣтели, изъ которыхъ двѣ всего необходимѣе для преуспѣванія: любить другъ друга и благоразумно слѣдовать желаніямъ великой коммуны, которая ихъ усыновила и отчески любить. Потому пусть слѣдуютъ ей, а не какой нибудь партіи».

A'magnanimi cede i'rito santo,
Mertan più gloria che non fero quelli.

Et qual nel sole innato è lo splendore,
Tal è in costoro ogni virtù; ma sole
Due son necesse aumentare li stati:

Caritate intra se, e con amore
Guardarsi, e con prudenza ciò che vole
Il gran Comun seguir, che li à adottati

Per suoi figliuoli, e qual padre gli affetta:
Ma seguan lui, e non nulla sua zetta *).

Графы Баттиолле представляют собою въ буржуазномъ обществѣ Парадизо замокъ рядомъ съ коммуною, феодальное преданіе, но уже съ гвельфскимъ оттѣнкомъ, замѣтно смягченное сосѣдствомъ свободнаго города. Кромѣ графа Карла, властителя Поппи (signore di Poppi), о которомъ только-что была рѣчь *), мы знакомимся еще съ дочерью его *Маргаритой*, замужемъ за Альдобрандино Аріосто изъ Феррары, и племянникомъ *Симономъ*, сыномъ графа Роберта, пріятеля Петрарки: всѣ той гвельфской вѣтви графовъ Гвиди, которые, отдѣлившись при первомъ Симонѣ ди Поппи отъ гибеллинской политики Гвидо Новелло, становятся въ послѣдствіи самыми вѣрными союзниками флорентійской республики, для ея судьбу. Послушать нашего графа Симона, какъ онъ тихо да мирно разсуждаетъ съ горожанами о лучшемъ образѣ правленія, поневолѣ признаешь въ немъ потомка того Гвидо Гверра **), который въ 1208 даровалъ знаменитую конституцію своимъ подданнымъ въ Viscontado di Valdambra; **)) только этотъ потомокъ сталъ демократичнѣе и ощутилъ не себя прогрессъ цѣлыхъ столѣтій. Мы чувствуемъ, что оставили далеко позади себя «ядовитыя распри гвельфовъ и гибеллиновъ» ***); ссылки на божественное право стали теперь невозможны, и феодалъ начинаетъ разсуждать. Сначала онъ считаетъ «возможнымъ положительно утверждать, что правленіе многихъ есть лучшее и болѣе безопасное»; если тотчасъ послѣ этого онъ приходитъ къ противоположному заключенію, что «правленіе хорошаго властителя, который можетъ предусмотрѣть всѣ случайности, лучше и вѣрнѣе» ****)—это не старый гибеллинскій отголосокъ и не крикъ побѣжденной партіи, какъ у Антоніо дельи Альберти, призывавшаго на Флоренцію судьбу Помпея въ Тессалии; не дантовское

rémiscence, какъ часто у Савиоццо, а скорѣе безсознательное повтореніе средневѣковой политической доктрины, никогда не понимавшей свободы саму въ себѣ, но всегда внѣшнимъ образомъ, вѣчно опирающуюся на одинъ изъ символическихъ мечей свѣтской или духовной власти. На эти мечи еще продолжали ссылаться люди, когда вѣра въ нихъ уже стала дѣломъ прошлаго, и ея мѣсто заняла привычка. Такъ Анджело Торини привѣтствуетъ отъ имени Флоренціи прибытіе папы Урбана V и въ то же время взываетъ къ Карлу IV, «sommo monarca, Cesare dignissimo»⁸⁹); если графъ Симонъ беретъ въ споръ сторону имперской политики, онъ точно также отдается этой безотчетной косности мысли, которую одѣваетъ въ формулы обычной логики. Но съ нимъ можно уже спорить, и онъ легко убѣждается, если кто нибудь счумѣетъ доказать противное. Въ обществѣ горожанъ онъ легко встрѣтитъ человѣка, который разовьетъ ему тезисъ стараго Сигьера, что хорошіе законы лучше хорошаго правителя,—того самаго Сигьера, который въ Парижѣ былъ наставникомъ Данте и въ дантовскомъ разъ помѣщенъ рядомъ съ Альбертомъ Великимъ и Томой Аквинатомъ. Роль оппонента принимаетъ на себя богословъ коммуны Луиджи Марсили. О многихъ правительственныхъ формахъ писали великіе философы, говорить онъ, и безъ сомнѣнія нѣтъ ничего лучше и совершеннѣе, чѣмъ правленіе благодушнаго и справедливаго монарха, не подчиненнаго никакимъ законамъ, потому что всѣ они у него въ сердцахъ. Его можно уподобить доброму отцу семейства, который управляетъ своими дѣтьми болѣе въ виду ихъ пользы, чѣмъ для своей собственной. Другая форма государственнаго устройства та, гдѣ рядятъ многіе,—это правленіе хорошаго закона, потому что ему должны одинаково подчиняться всѣ правящіе, на какой-бы высокой степени они ни стояли; ихъ отношенія подобны отношеніямъ жены къ мужу, который хотя и глава жены, все-же не можетъ относиться къ ней какъ къ рабѣ, но тотъ и другой призваны жить по законамъ брака. Наконецъ третья форма правленія, тиранническая, приравнивается къ отношеніямъ господина къ своему рабу.—Возвращаясь послѣ общаго обозрѣнія снова къ монархіи, Марсили приступаетъ къ ней съ самыми идеальными требованіями: монархъ долженъ превосходить всѣхъ другихъ людей добродѣтелями души и тѣла и, по словамъ Аристотеля, обладать скорѣе божественными, чѣмъ человѣческими совершенствами. Въ такомъ только случаѣ онъ достоинъ своего

званія; если нѣтъ въ немъ требуемыхъ добродѣтелей или онъ предался порокамъ, онъ не монархъ, а скорѣе тиранъ. Графу Симону вольно изъ всего этого заключить, что правленіе праведнаго монарха есть лучшее; но, такъ какъ подобные божественные люди встрѣчаются рѣдко, то въ высшей степени опасно отдаться подъ власть одного, принимая особенно въ расчетъ, что люди непостоянны и съ годами измѣняются. Вспомнимъ римскую исторію: самый счастливый и совершенный изъ римскихъ императоровъ Октавіанъ Августъ былъ извѣстный мучитель и убійца не только вообще гражданъ, но своихъ защитниковъ и приверженцевъ. О Тиберіи, Калигулѣ и Неронѣ нечего и говорить. Скажемъ-ли мы, что подъ властью такихъ правителей имперія могла существовать? Развѣ это справедливые монархи? Римская имперія оттого и погибла, что не управлялась ни хорошими государями, ни хорошими законами ¹⁰⁰). Выборъ между тѣмъ и другимъ ясенъ для Марсила, и онъ дѣлаетъ его не обинуясь: хорошіе законы найти не трудно, справедливаго государя почти невозможно ¹⁰¹). Бесѣды въ Парадизо являлись такимъ образомъ мирнымъ поприщемъ, на которомъ принципы новаго права сходились съ отголосками стараго, и феодализмъ сливался съ коммуной, и слово заступало мѣсто меча.

Между этими людьми, толкующими о дѣлахъ и политикѣ, казалось-бы нѣтъ мѣста человѣку, котораго по самой природѣ его мы сочли-бы нелюдимомъ. Слепой отъ рожденія, живаго ума, отчасти поэтъ и слегка ученый, впрочемъ въ старинномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ Данте и *quadrivium*, но прежде всего замѣчательный музыкантъ: мы говоримъ о Франческо Ландини (1325+1397), по прозванію *Cieco* (слѣпой) или *degli Organi* (*Organista*) ¹⁰²). Онъ родился во Флоренціи отъ отца Якова, живописца; онъ былъ еще ребенкомъ, когда оспа (*subito morbo di vaiolo*) лишила его зрѣнія и заставила обратиться внутрь самого себя. Міръ звуковъ и думъ одинъ остался открытымъ для незрячаго, и вотъ нашъ Франческо становится вдумчивымъ и музыкантомъ. Филиппо Виллани рассказываетъ о немъ, что, «выйдя изъ младенческаго возраста, лишенный зрѣнія и уже сознавая все бѣдствіе слѣпоты, чтобы какой нибудь забавой облегчить ужасъ вѣчной ночи, онъ началъ по-ребячески пѣть; въ послѣдствіи, когда выросъ и сталъ понимать сладость мелодіи, принялся пѣть по ученому (*secondo l'arte*), сначала безъ аккомпанимента (*prima con viva voce*), но потомъ и аккомпанируя себя на струнныхъ ин-

струментахъ и на органѣ. Такъ развиваясь одиноко, онъ научился играть на разныхъ инструментахъ, а иные изобрѣлъ самъ, «никогда имъ не видѣнные», между которыми былъ одинъ, названный имъ *сиреной* (*segena*), по причинѣ нѣжнаго звука ¹⁰³⁾. Современники удивлялись тонкому искусству, съ которымъ онъ по частямъ разбиралъ органъ, «составленный изъ столькихъ трубочекъ, такъ хитро устроенный внутри, сложенный изъ столь разнообразныхъ частей», и потомъ, настроивши, снова приводилъ въ прежній порядокъ. На этомъ инструментѣ онъ былъ великій искусникъ: «и не бесполезно будетъ узнать, что никто никогда лучше его не игралъ на органѣ; почему въ послѣдствіи, съ общаго согласія всѣхъ музыкантовъ, уступавшихъ ему пальму первенства, его величество король Кипрскій публично короновалъ его въ Венеціи лавровымъ вѣнкомъ, какъ въ былое время цесари вѣнчали постова». ¹⁰⁴⁾

Франческо былъ также поэтъ, хотя съ этой стороны онъ, кажется, не заслужилъ особенной извѣстности. Виллани говоритъ о немъ, что онъ въ совершенствѣ изучилъ грамматику и діалектику и упражнялся въ поэтическомъ искусствѣ, въ метрахъ и вымыслахъ, и многія очень хорошія стихотворенія написалъ итальянски. Отъ всего этого до насъ дошло лишь очень немного, такъ что легче встрѣтить въ старинныхъ рукописяхъ имя Франческо, какъ слагателя музыки на чужія слова ¹⁰⁵⁾, чѣмъ его собственныя поэтическія произведенія. Всего сохранилось отъ него нѣсколько любовныхъ балладъ ¹⁰⁶⁾, латинскія вирши, обращенныя къ Антоніо Риевано *di Vado* въ защиту Оккамовой логики—родъ дантовскаго видѣнія, полное дантовскихъ отголосковъ; другіе стихи тоже латинскіе, имъ же самимъ переложенные на итальянскій языкъ, на тему о непостоянствѣ всего земнаго ¹⁰⁷⁾; наконецъ отвѣтъ на сонетъ Франко Саккетти, тоже въ формѣ сонета и съ соблюденіемъ тѣхъ же рیمъ, въ которомъ онъ проситъ его разъяснить: *)

Se pèr segno mirar, che dal ciel vegni,
Dover tosto finir e'l monte e'l piano
Pensar si può. ¹⁰⁸⁾.

Такимъ образомъ Франческо представляется намъ скорѣе мыслителемъ, увлекающимся философскими отвлеченностями, которыя онъ любитъ переводить въ стихи, чѣмъ поэтомъ по приз-

*) «Можно ли по небесному знаменію судить, что скоро всему конецъ, горамъ и долинамъ?»

ванію, и нашъ романистъ очень удачно его характеризуетъ, называя его музыкантомъ теоретикомъ и практикомъ (*musico teologo e pratico*), который не только до тонкостей владѣлъ отвлеченнымъ ученіемъ о музыкальныхъ размѣрахъ и съ великою пріятностью прилагалъ его на дѣлѣ, но еще вступалъ въ пренія съ любимымъ артистомъ и философомъ не объ одной музыкѣ но и о всѣхъ свободныхъ искусствахъ, потому что обо всѣхъ онъ имѣлъ хорошія свѣдѣнія ***). Христофоръ Ландино, известный комментаторъ Данте, прадѣдъ котораго приходился братомъ нашему Франческо, не иначе о немъ отзывается въ элегіи, написанной въ его похвалу:

Sed nec tu fueras una contentus in arte
Cum posses veterum dogmata nosse patrum,
Nam solers rerum causas penitusque repostae
Naturae occultas tendis inire vias;
Et quod terrenis oculis vidisse negatum est,
Cernere mente parens Calliopea dedit.

Точно также въ своей Апологіи Данте и Флоренции (*Apologia nella quale si difende Dante e Firenze da' falsi calunniatori*) онъ называетъ Франческо «ученымъ въ филосоіи, ученымъ въ астрологіи, но ученѣйшимъ въ музыкѣ» (*non indotto in Filosofia, non indotto in Astrologia, ma in Musica dottissimo*). Такое сопоставленіе музыки съ астрологіей не безынтересно для характеристики времени: это все еще точка зрѣнія средневѣковаго *quadrivium*, какъ и раздѣленіе музыки на практическую и теоретическую, замѣченное нами въ нашемъ романѣ **). Первая отвѣчаетъ тому, что обозначалось средневѣковымъ терминомъ *cantus*, въ отличіе отъ собственно *musica*, которая только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ входила въ составъ *quadrivium* вмѣстѣ съ ариеметикой, геометрией и астрономіей. Такая систематизація знанія, сопоставляющая музыку съ науками точными, имѣла для средневѣковаго человѣка метафизическій смыслъ, который мы теперь въ состояніи лишь смутно ощущать. Музыкантъ-теоретикъ долженъ былъ излагать соотношенія своего искусства съ ариеметикой, съ гармоніей небесныхъ свѣтилъ и законами акустики; отъ него ожидалось знаніе звуковъ съ ихъ интервалами, ихъ мѣрой и созвучіемъ, родами и видами. «Наука эта была въ большой чести въ среднихъ вѣкахъ, равно какъ и въ древности, и не было сколько нибудь замѣчательнаго человѣка, который бы не

сдѣлалъ ея предметомъ внимательнаго изученія. О ней говорили какъ о занятіи, развивающемъ духъ и способствующемъ благочестію вслѣдствіе ея участія въ торжественности христіанскихъ церемоній. Бозцій помѣщаетъ ее въ числѣ тѣхъ четырехъ наукъ, безъ помощи которыхъ невозможно достигнуть истины, а св. Исидоръ говоритъ, что не менѣе заслуживаетъ порицанія незнающій музыки, чѣмъ тотъ, кто не умѣетъ читать: потому что безъ нея ни одна наука не можетъ достигнуть совершенства. Съ воображеніемъ, расположеннымъ ко всему тайному и сверхъестественному, средневѣковой челоуѣкъ страстно отдавался занятію, раскрывавшему ему широкіе горизонты мистицизма. Вмѣстѣ съ Цицерономъ въ сновидѣніи Сципіона онъ всюду чаялъ какую-то гармонію: въ міровомъ устройствѣ, въ смѣнѣ временъ года, въ соединеніи души съ тѣломъ. Изучая музыку, онъ надѣялся усовершенствоваться въ грамматикѣ и риторикѣ: писатель обращался къ ней за наставленіями, какъ звучнѣе расположить свои періоды, ораторъ искалъ въ ней интонаціи голоса, какія приличны каждой части рѣчи. Все это ученіе, переданное древностію Бозцію, Донату и Бедѣ Достопочтенному, воспроизводится потомъ отъ IX-го до XIII вѣка въ трудахъ Алкуина, Одона Клунийскаго, Ноткера, Регинона de Prum и другихъ схоластиковъ. ¹¹¹) Разумѣется, схоластики и мистики одѣли его въ обычный символическій покровъ: музыка явилась образомъ церкви; четыре основныхъ тона—это четыре стихіи макроkozма, четыре темперамента челоуѣка, четыре времени дня и года, четыре Евангелія,—и Marchettus изъ Падуи приходилъ въ священный восторгъ передъ чуднымъ древомъ музыки: какъ прекрасно, въ какихъ численно правильныхъ разстояніяхъ расположены его вѣтви; его цвѣты—мелодіи, плоды—гармоніи, вызрѣвающія изъ звучнаго цвѣта.

На рубежѣ XIV-го столѣтія, когда Возрожденіе готовилось преобразить старые критеріи науки, Колуччіо Салутати еще повторяетъ слова св. Исидора, что «*sine musica nulla disciplina potest esse perfecta*» ¹¹²), въ письмѣ къ флорентійскому епископу, рекомендуя ему Франческо Сіесо. Кажется, что поле музыки стало даже шире, распространившись на область медицины: такую силу жизненности продолжаетъ еще обнаруживать схоластическое преданіе. «Мы охотно вѣримъ, пишетъ онъ, что музыка, самое пріятное занятіе для людей, изобрѣтена была, чтобы веселить духъ и успокоивать грусть нашего сердца. Она одна, разумно соразмѣряя нашъ голосъ (*perspicaci moderatione*

distinguens), устроила такъ, что онъ представляется нашему слуху не только понятнымъ, но и благозвучнымъ; она озарила грамматику, смягчила суровость діалектики и сообщила неописанную сладость цвѣтамъ риторики. Такимъ образомъ, привлекая умы къ созерцанію красоты, она первая прилежно изслѣдовала соотношеніе чиселъ и, измѣряя голосъ, какъ твердыя тѣла; можно сказать, достигла пониманія тонкостей геометріи. Что до медицины, назначенной для сохраненія и лѣченія тѣла, какъ могла-бы она безъ помощи этой науки созерцать состояніе членовъ и ту гармонію, которая, говорятъ, присуща смертнымъ? О ней утверждаютъ также, что, наблюдая движеніе небесныхъ свѣтилъ, чтобы раскрыть дивные законы небеснаго устройства (*perfectum concentum supernae machinae*), она первая пришла къ опредѣленію разстоянія, качества и самой природы небесъ, откуда впоследствии вышла наука о свѣтилахъ, или, по крайней мѣрѣ, сообщилися послѣдней болѣе блескъ. Наконецъ и у древнихъ она была въ такомъ уваженіи, что сложилась басня объ Орфѣѣ и Амфіонѣ, какъ они звуками кифары двигали камни, скалы, деревья и горы, останавливали рѣки; объ Аріонѣ, какъ среди волнъ помощью дельфиновъ онъ избѣжалъ козней пиратовъ. Но зачѣмъ припоминать басни, когда Священное Писаніе повѣствуетъ намъ о кифарѣ Давида, изгнавшей демона, соблазнявшаго царя? Въ такой чести было это искусство издавна у людей, что на царскихъ пирахъ оно было дорогимъ гостемъ и язычниками освящено особенно на служеніе божеству, какъ и теперь еще по обычаю истинной религіи. Тѣхъ, кто имъ занимался, языческое суевѣріе причислило къ богамъ; но и среди насъ они пользуются немалымъ почетомъ, потому что помощью ихъ смягчаются суровые нравы народа, сладость мелодіи чаще привлекаетъ къ служенію Богу: такъ что, кажется, между мудрыми людьми не пройдетъ ни одного пиршества, которое-бы не украшалось игрой музыкантовъ» (15).

Въ обществѣ Парадизо эта роль отдана Франческо; при звукахъ его органа всѣ развеселяются, молодые люди пляшутъ и поютъ, старики подтягиваютъ басомъ; иногда во все это вмѣшивается какъ будто доля того чудеснаго, которое въ древности дало содержаніе баснѣ объ Аріонѣ и дельфинахъ. Когда Франческо попросили сыграть на своемъ органѣ, увидѣли странное явленіе: «потому что едва раздались первые звуки, какъ всѣ птицы примолкли и, какъ будто изумленные, подлетая ближе и

ближе, долгое время прислушивались; за тѣмъ стали пѣть снова съ удвоенной силой и неизъяснимою прелестью, особенно одинъ соловей, который на разстояніи локтя подлетѣлъ къ Франческо и его органу». ¹¹⁴⁾ Было много наивной поэзіи въ этихъ повѣрьяхъ среднихъ вѣковъ, въ гармоніи музыки видѣвшихъ символическое выраженіе міровой гармоніи; въ этомъ смыслѣ мы готовы повторить о Франческо, что онъ продолжалъ средневѣковую традицію, что его наука была наука Данте и квадривія.

До сихъ поръ мы говорили подробнѣе, на сколько позволяли скудные свѣдѣнія, какія возможно было собрать, о нѣкоторыхъ изъ личностей, сошедшихъ въ сады Парадизо: потому что онѣ сравнительно представляютъ болѣе значенія, и мы владѣемъ большимъ количествомъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ дѣятельности, и потому еще, что въ нихъ яснѣе отражается, что всего болѣе интересуется насъ въ этой эпохѣ: разнообразное броженіе социальныхъ и литературныхъ идей, отличающее послѣдніе годы столѣтія. Но кругомъ нихъ группируются другіе люди, Флорентійцы и пришлые съ разныхъ концовъ Италіи, можетъ быть, не менѣе интересные для насъ, но о которыхъ мы или слишкомъ мало знаемъ, или знаемъ ихъ только какъ людей дѣловыхъ, политическихъ дѣятелей, не будучи въ состояніи оцѣнить ихъ участія въ умственномъ движеніи страны. Такимъ исключительно политическимъ дѣятелемъ былъ *Джіованни деи Риччи* (родившійся около 1330 года отъ Руджіерино ди Нери деи Риччи и Александры ди Лапо деи Росси): его долгая жизнь была однимъ нескончаемымъ рядомъ посольствъ. Въ 1367 г. онъ былъ въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ въ Витербо къ папѣ Урбану V, чтобы заключить союзъ противъ Бернабб Висконти; въ 1384 присутствуетъ во Флоренціи при заключеніи лиги съ гражданами Перуджіи, Пизы и Лукки. Въ томъ же самомъ 1384 году «мессеръ Ринальдо Джіанфиляцци, Джіованни деи Риччи и Андреа Бетти, любезные флорентійскіе граждане, ходили въ октябрѣ мѣсяцѣ отъ флорентійской коммуны къ сирѣ ди Суссу, и ихъ путешествіе принесло хорошій плодъ по милости Божіей, которая ясно обнаружилась во всемъ этомъ дѣлѣ: потому что сказанные мессеръ Ринальдо и Бетти составили условіе и договоръ съ означеннымъ сиромъ ди Суссу, который держалъ городъ Аренцо за исключеніемъ крѣпости, державшейся короля Карла; вслѣдствіе чего 17 сентября онъ

сдѣлать городъ Ареццо «флорентійской коммуны» ¹¹⁵). Выше мы видѣли того-же Джіованни деи Риччи вмѣстѣ съ Гвидо ди мессеръ Томмазо посланниками къ Карлу Дураццо въ 1385 году ¹¹⁶); къ нему-же онъ отправленъ въ слѣдующемъ году, чтобы поздравить его съ коронаціей. Въ 1387 г. онъ является отъ квартала Санъ Джіованни въ числѣ трехъ гражданъ, выбранныхъ отъ cadaго квартала для участія во временномъ правительствѣ (balla) ¹¹⁷). «Въ началѣ новаго 1389-го года, на два первые мѣсяца котораго избранъ гонимоньеромъ di giustizia Никколò Манетти, Флорентійцы снова вошли въ сношеніе съ Болонцами и, научившись отъ Conte di Virtù искусству притворяться, послали къ нему Лунджи Гвиччардини и кавалера Джіованни деи Риччи, чтобы выразить свое удовольствіе касательно его падуанской побѣды, какъ они сдѣлали это относительно веронской, и вмѣстѣ сказать, что они не могли отвѣтить его посланникамъ по вопросу о лигѣ, потому что не договорились съ союзными республиками, но что теперь они на нее готовы для общей защиты. Графъ показавъ видъ, что это его въ высшей степени радуетъ, хотя впоследствии и ничего между ними не состоялось, когда онъ началъ выговаривать себѣ очень выгодныя условія, не желая воздержаться отъ вмѣшательства въ итальянскія дѣла по сю сторону Модены и Секкиа. Это не помѣшало ему обнадеживать на словахъ посланниковъ, а тѣ принимали ихъ за чистую монету; такъ онъ задерживалъ ихъ къ немалому ущербу республики, которая вынуждена была въ апрѣлѣ снарядить новыхъ посланниковъ, кавалеровъ Герардо Буондельмонти и Лодовико Альберготти съ наказомъ, вмѣстѣ съ Гвиччардини и Риччи отправиться къ графу и добиться отъ него толку. Но и они, будто очарованные графомъ, не возвращались, какъ было имъ наказано и писано, такъ что синьорія увидѣла себя въ необходимости лишить ихъ власти и званія посланниковъ» ¹¹⁸). Такое положеніе вещей, гдѣ обѣ стороны обмѣнивались притворными увѣреніями дружбы, не могло долго продолжаться, чтобы рано или поздно не прійти къ разрыву. Такъ и случилось. Еще разъ мы находимъ нашего Риччи въ 1389 году посланникомъ при папскомъ дворѣ съ поздравленіемъ Бонифацію IX по случаю его возвышенія на престолъ; въ 1391 онъ уже является вмѣстѣ съ Ринальдо Джіанфиляцци представителемъ республики въ отрядѣ Арманьяка, находившемся на жалованьи Флорентійцевъ въ войнѣ противъ Джіованъ Галеаццо. Оба попадаютъ въ плѣнъ по-

слѣ бѣдственнаго пораженія Арманьяка подъ стѣнами Александріи; Джіанфильянци вскорѣ выкупленъ, тогда какъ Риччи, «отправленный плѣнникомъ въ Павію по распоряженію графа di Virtù, лично ему непріязненнаго вслѣдствіе дошедшихъ до него слуховъ, будто онъ слишкомъ свободно говорилъ о немъ во Флоренціи, осужденъ былъ въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ оплакивать въ заключеніи рѣзкость своихъ выраженій и получилъ свободу не за меньшій выкупъ, какъ за семь тысячъ флориновъ золотомъ». Республика заплатила за того и другаго; и какъ горячо она приняла къ сердцу дѣло Джіованни деи Риччи, тому свидѣтельствомъ письмо Колуччіо Салутати къ графу di Virtù, котораго подателемъ былъ почтенный отецъ, братъ Грація, ордена св. Августина, одинъ изъ собесѣдниковъ нашего романа ¹¹⁹⁾. Письмо отъ 6-го сентября 1392-го года, а въ 1395 Риччи снова идетъ посломъ къ тому-же Джіованни Галеаццо, вмѣстѣ съ Донато Аччяйюли и Гвидо дель Паладжіо. Въ 1400 онъ умираетъ отъ чумы. Онъ былъ судьей, т. е. законовѣдомъ, почему въ современныхъ записяхъ носитъ постоянно титулъ доктора. Надо полагать, что должностныя занятія и постоянныя посольства не оставляли ему слишкомъ много свободного времени для поэтическихъ созерцаній, хотя заключительные стихи «поучительной канцоны» (*canzon morale*), написанной имъ въ честь какой-то Лизабетты ¹²⁰⁾, даютъ поводъ предположить, что это не единственный его опытъ, и что онъ написалъ нѣсколько другихъ канцонъ: *)

Canzone, al tuo fattor quanto *altra mia*
Grata, del mio voler più non ti parlo.

Стихотвореніе выдержано въ торжественномъ стилѣ: обожаемая женщина является второй Діаной, Божьимъ ангеломъ, непорочной красавицей, священной нимфой, приводящей въ трепетъ всякаго, кто ее видитъ подъ покрываломъ; самые образы покрывала и храма и характеръ полуаскетическаго обожанія легко наводятъ на мысль, что любимая женщина заперлась въ монастырь, или авторъ поклонялся ей издалека, на почтительномъ разстояніи, какъ недостойный рабъ (*servo indegno*), окружая ее какимъ-то религіознымъ ореоломъ. Такого забавника, каковъ былъ

*) «Канцона, милая моему автору болѣе, чѣмъ какая либо изъ моихъ, я не распространяюсь съ тобой о моихъ желаніяхъ».

Антонио Пуччи, все это, разумеется, должно было поражать съ другой стороны, и духовныя красоты дамы мессера Джіованни деи Риччи представляться ему въ очень матерьяльныхъ образахъ: въ сравненіи съ ними всѣ прелести Франціи не что иное, какъ пустяки,

..... e'costumi di Francia
Tutti sono una ciancia ¹³¹⁾.

Между безчисленными «Докуками» (Noie), вызывавшими демократическую насмѣшку Пуччи, этотъ отвлеченный культъ женщины долженъ былъ показаться ему странною вещью, и нѣтъ ничего удивительнаго въ попыткѣ привести его къ болѣе реальнымъ и человѣческимъ размѣрамъ.

Андреа Бетти (иначе Minerbetti) мы уже видѣли между «любезными флорентійскими гражданами», которые въ 1384 г., при участіи Джіованни деи Риччи, устроили дѣло о покупкѣ Аренцо. Тѣ-же самые Андреа и Риччи были въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ въ 1389 году къ папѣ Бонифацію IX. Свѣдѣнія о другихъ его политическихъ миссіяхъ находятся въ *Memorie storiche di ser Naddo*, у Аммирато (I. XVI) и у пріориста Ридольфи. Такъ въ 1392 г. онъ и Гвидо ди мессеръ Томмазо заключили союзъ съ пизанской коммуной ¹³²⁾; въ 1393 «Флоренція отправила послами въ Перуджію Гвидо ди мессеръ Томмазо (del Palagio) и *Андреа ди Никколѣ Бетти* (Minerbetti) вслѣдствіе просьбы гражданъ водворить между ними согласіе, что и удалось къ великой похвалѣ сказанныхъ посланниковъ» ¹³³⁾ Андреа былъ изъ «десяти» (dei dieci) въ 1386, 1388, 1390, 1393, 1395 и 1396 годахъ, и гонфалоньеромъ въ 1387 и 1394. Флорентійская исторія (*Istoria fiorentina*) Маркіонне ди Коппо Стефани показываетъ намъ *Андреа ди Никколѣ Бетти* въ числѣ li due dieci della Mercatanzia въ 1381 году, и въ томъ же году въ числѣ de' sette della Mercatanzia ¹³⁴⁾. Болѣе мы о немъ ничего не знаемъ, только что нашъ романъ заветъ его почтеннымъ гражданиномъ, *spettabile cittadino*, при случаѣ, когда онъ и Гвидо ди мессеръ Томмазо ходили на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ тосканскихъ Апеннинъ. ¹³⁵⁾

Если выше мы знакомились съ политическими дѣятелями, то о *Бартоломмео дель Антелла* нашъ романъ отзывается, что его «профессія была скорѣе духовная, чѣмъ политическая», почему ему и поручается отъ общества изложить свое мнѣніе о лихоимствѣ, «ибо это вопросъ на столько-же политическій, на

сколько въ своихъ крайнихъ основаніяхъ затрогивающій интересы католической религіи » ¹²⁰). Бартоломмео ди Симоне дель Антелла былъ священникъ и плебанъ прихода С. Маріа дель Антелла; изъ той оригинальной породы духовныхъ лицъ, которыя, какъ мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, начинаютъ вырабатываться въ эту пору, успѣвая примирять притязанія церкви съ льготами коммуны и иногда между тѣми и другими выгородить и себѣ завидную часть, какъ напр. стало съ нашимъ Бартоломмео. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны результаты его посольства въ 1398 году: отправленный республикой къ гражданамъ Перуджіи и папѣ Бонифацію IX, чтобы быть посредникомъ ихъ несогласій, онъ очень счастливо исполнилъ свое порученіе: при этомъ случаѣ выхлопоталъ у папы позволеніе обложить податью духовенство, чтобы съ ея помощью наполнить казну, истощенную войною съ Джіованни Галеаццо Висконти, но не позабылъ изъ этой мѣры исключить флорентійскаго епископа и самую себя ¹²¹). Не смотря на то коммуна не уставала хвалить его честность и добродѣтельную жизнь и нѣсколько разъ обращалась въ письмахъ къ папскому двору, когда въ 1380 году зашло дѣло о предоставленіи ему мѣста каноника при флорентійскомъ соборѣ, гдѣ тогда, за смертью Пьетро Руспи, открылась ваканція ¹²²); и въ 1392 она снова жалуется папѣ за оскорбленія, которымъ подвергся Бартоломмео, будучи посланникомъ ¹²³).—Онъ умеръ 15 марта 1407 г., по обыкновенному численію.

Имя *Алессандро дельи Алессандри* само по себѣ представляется намъ хронологическимъ указаніемъ. Алессандро ди Никколò ди Уго дельи Альбицци, отъ матери Титы ди Алессандро Буондельмонти, былъ уже въ 1359 г. въ возрастѣ способномъ къ отправленію общественныхъ обязанностей: въ этомъ году онъ принимаетъ участіе въ комиссіи для выработки законовъ, назначенныхъ ограничить роскошь женскихъ нарядовъ. Въ 1360 г. онъ былъ пріоромъ, въ 1365 гонфалоньеромъ. Разойдись по причинѣ экономическихъ недоразумѣній со своими родственниками, онъ въ 1372—3 году сталъ искать и получилъ позволеніе отделиться отъ нихъ и принять для себя и своихъ потомковъ фамилію *Алессандри*. Въ 1375 году онъ посланъ съ порученіемъ въ Болонью, въ 1376 во второй разъ избранъ пріоромъ. За принятіе этихъ должностей онъ былъ обложенъ въ 1377 году пеней въ 3000 флориновъ золотомъ, потому что на него все еще продол-

жали смотрѣть, какъ на принадлежащаго къ семейству Альбицци, которому по закону воспрещенъ былъ доступъ къ общественнымъ должностямъ; но, перенеся свое дѣло на судъ подесты, онъ былъ оправданъ. Въ революцію Чомпи его домъ разграбили и сожгли, и, по странной игрѣ случая, въ то время, какъ горѣлъ его домъ, тотъ-же самый народъ увлекъ его на площадь Синьории, чтобы здѣсь возвести въ достоинство рыцаря¹³⁰). Когда онъ отклонилъ эту почесть, исходившую, казалось ему, изъ рукъ слишкомъ низкихъ, то въ отмщеніе за отказъ его объявили *манатомъ*, что равнялось исключенію изъ магистратуры¹³¹). По сверженіи правительства черни онъ возстановленъ былъ во всѣхъ правахъ и въ 1385 году избранъ синдикомъ для заключенія союза съ Болоньей, Перуджіей, Пизой, Сіэной и Луккой, противъ шаякъ наемниковъ¹³²). Онъ умеръ отъ чумы въ 1400 году.

Въ обществѣ, столь напряженно занятомъ войною и озабоченномъ внутреннимъ устроеніемъ, каково описанное нами, шутка и смѣхъ были потребностью и скорѣе становятся искусствомъ, которое пріятно веселить умы, развлекаая ихъ всякими хитрыми выдумками и новостями отъ нескончаемой дѣловой скуки. Отсюда въ эту пору развитіе новеллы, возбуждавшей громкій хохотъ на городскихъ посидѣлкахъ; отсюда типъ забавника, «*piacevole cittadino*», и эти непереводимые *nuovi uoteni*, какъ называетъ ихъ Саккетти: выдумщики, у кого на умѣ вѣчно какая нибудь новая шалость, новая острота; kurtzweilige Phantasierer зоветъ ихъ одинъ нѣмецкій Schwanck¹³³). Что въ нихъ являлось искусствомъ, по крайней мѣрѣ самобытнымъ, неподдѣльнымъ юморомъ, то въ шуткахъ выработалось въ ремесло, и за него платили. Такими шутами были Стекки и Мартеллино, выведенные у Боккаччо, извѣстный Гонелла и тѣ шуты, которые постоянно находились на жалованьи флорентійской синьории; мессеръ Дольчибене и Меллонъ делла Понтенара въ четвертой новеллѣ нашего романа, хотя о первомъ говорится, что онъ былъ кавалеръ не такой лядашій, какъ иные, сдѣланные кавалерами изъ-за какой нибудь похлебки¹³⁴); наконецъ, по всей вѣроятности Биндо, родомъ изъ Фучекіо около Флоренціи, что находился при дворѣ мессера Бернаббѣ, гдѣ только и зналъ, что ѣсть да паясничать¹³⁵), и тотъ Неаполитанецъ по имени *Пеллерино*, выдающій себя за «кавалера, недавно произведеннаго его величествомъ королею Владиславомъ», какъ Дольчибене, удостоился принять тоже

звание изъ рукъ Карла Луксбургскаго. Съ фокусами Пеллегрино мы знакомимся подробно въ IV-й книгѣ романа. Онъ только-что прибылъ во Флоренцію и, узнавъ о веселомъ обществѣ, собравшемся на виллѣ Альберти, является туда. Въ началѣ неузнанный, онъ вмѣстѣ съ другими любителю ловкостью Маттіо, но потомъ самъ расхотѣлся и начинаетъ вертѣться колесомъ ¹³⁶) съ такой быстротой, что не только не видать было, чтобы онъ дотронулся земли, но казалось, что молнія движется въ воздухѣ. Затѣмъ, «велѣвъ принести столы, онъ выдѣлывалъ на нихъ такіе штуки, будто у него кости и нервы гнутся, какъ иная хорошая упругая веревка; или принимается играть ножами и саблями, вращая между ними тѣло, такъ что никому и вѣрить не хотѣлось, чтобы тутъ не было дьявольскаго наважденія» ¹³⁷). Все это напоминаетъ представленія Боккачи на палубѣ корабля, уносящаго сподвижниковъ Бальдо въ макароническомъ эпосѣ Теофило Фолленго ¹³⁸). Мессеръ Антонио такъ доволенъ проворствомъ Пеллегрино, что велитъ принести одно изъ своихъ платьевъ (palandra) и проситъ его носить изъ любви къ себѣ (per nostro amore), скинувъ охабень, frigione, только скрывающій его рыцарское званіе ¹³⁹).

Отъ шута, buffone, по ремеслу слѣдуетъ отличать веселаго собесѣдника, piacevole cittadino, который смѣшнить не по прозеccии. Piacevole fiorentino называется Антонио Пуччи въ новеллѣ Саккетти, гдѣ другіе флорентійскіе шутники, piacevoli uomini di Firenze, какіе-то Джироламо и Герардо, красильщикъ Цакkelло и Джіованни ди Ландонцо дельи Альбици, играютъ съ нимъ злую шутку ¹⁴⁰). *Алессандро ди сэръ Ламберто* ди Неро Камби († 1395), знакомый намъ по садамъ Парадизо, былъ не менѣе дѣловымъ человѣкомъ, чѣмъ всѣ другіе: въ 1364, 1371 и 1383 годахъ онъ былъ пріоромъ, въ числѣ шестнадцати gonfalonieri delle compagnie въ 1365, 1368, 1377 и 1386 г. и изъ числа двѣнадцати buonomini въ 1366, 1372 и 1385; а Саккетти нашелъ умѣстнымъ назвать его веселымъ человѣкомъ, piacevole cittadino, «который умѣлъ играть на многихъ инструментахъ и пѣть, всегда водился съ потѣшными людьми, nuovi uomini, и охотно держалъ съ ними дружбу» ¹⁴¹). Его вилла Schifanoia одна изъ тѣхъ, которую посетило общество боккачьевскаго Декамерона; но и самаго названія достаточно для характеристики хозяина ¹⁴²).

Но кто болѣе всѣхъ заставлялъ хохотать общество Парадизо, былъ такъ сказать его душою,—это *Біаджіо Сернелли* или пол-

нѣе: Біаджіо ди саръ Нелло ди Гетто да Монтекукколи, изъ фами-
ліи, что впослѣдствіи назвалась Нелли, изъ цеха розничныхъ
торговцевъ, merciaio († 19 Декабря 1398 г.)¹⁴³). Онъ былъ извѣ-
стенъ своими ꙗцеціями, такъ что разсказъ о нѣкоторыхъ его
выходахъ графъ Симонъ могъ заключить такими словами, обра-
щенными къ обществу: «Вы знаете этого человѣка, какой онъ шу-
тникъ и забавникъ; оттого я не стану вамъ много про него раз-
сказывать, потому что вамъ легче будетъ все это вообразить, чѣмъ
мнѣ удачно передать»¹⁴⁴). Иногда ему придется фантазія предста-
вить въ словахъ, тѣлодвиженіяхъ и даже въ лицѣ, которое онъ
изъ худого дѣлать полнымъ, людей всѣмъ хорошо извѣстныхъ,
графа Карла напр. или Алессандро дельи Алессандри, и онъ дѣ-
лаетъ это такъ искусно, что присутствующіе начинаютъ вѣрить
въ чары волшебницы Цирцеи, обратившей гдѣ-то около древней
Гааты спутниковъ Одиссея въ звѣрей¹⁴⁵). Иной разъ онъ взду-
маетъ костюмироваться и явится къ маэстро Марсиліо въ скром-
ной одеждѣ человѣка, пришедшаго попросить его о лѣкарствѣ
для больного брата; и ему такъ хорошо удастся его роль, что
даже послѣ того, какъ онъ откроется, долгое время «маэстро не
можетъ наглядѣться на него отъ удивленія»¹⁴⁶). Въ другомъ
мѣстѣ романа мы встрѣчаемъ «забавнаго Біаджіо, шутника Мат-
тіо и надоедливаго Тонэ», облеченныхъ «въ одежды великихъ
и могучихъ властелиновъ, съ прислужниками и конюшими впе-
реди себя, точно Карлъ Первый, король Іерусалима и Сициліи,
когда онъ посѣщалъ столицу апостоловъ»¹⁴⁷). Кто такой этотъ
Matteo—мы навѣрное не знаемъ. Можетъ быть Маттео ди Лан-
доццо дельи Альбицци, по прозванію Массалео¹⁴⁸), пріятель то-
го Піеро ди Филиппо дельи Альбицци, на котораго мы встрѣти-
ли намекъ въ нашемъ романѣ? Саккетти говоритъ про него, что
онъ былъ человѣкъ веселаго характера, «fu d'una piacevole con-
dizione»¹⁴⁹). Тонэ, очевидно, уменьшительное отъ *Antonio*¹⁵⁰).
Между неизданными стихотвореніями Антоніо Пуччи намъ попал-
ся «Sonetto d' Antonio detto andando al Paradiso degli Alberti, per-
chè uno Matteo suo amico l'avea invitato ch' andasse a bere co' lui». Сонетъ не даетъ никакого объясненія относительно Маттео; но,
если такимъ образомъ мы встрѣчаемъ его и Антоніо Пуччи въ
садахъ Парадизо, не даетъ ли это поводъ заключить, что Тонэ
и Маттіо, являющіеся вмѣстѣ въ нашемъ романѣ, тождественны съ
друзьями сонета? Намъ пріятно предположить, что въ литератур-
номъ кружкѣ Салутати и Марсили нашлось мѣсто и для «флорен-

тійскаго весельчака, большого разскащика въ стихахъ», ¹⁵¹⁾ ка-кимъ былъ Антоніо Пуччи.

О нѣкоторыхъ другихъ лицахъ разговора, которыхъ нашъ рома-нистъ по необходимости коснулся лишь въ общихъ чертахъ, мы не можемъ представить даже подобной догадки. Такъ мы по-неволѣ принуждены ограничиться относительно мадонны *Ник-колозы* тѣми немногими предположеніями, какія сообщили выше, и точно также мало можемъ сказать о *Джиневрѣ*, дочери мессе-ра Николая и сестрѣ Антоніо дельи Альберти, и объ *Анджели-кѣ*, которой, наравнѣ съ маэстро Біаджіо Пелакани, вручается въ концѣ IV-й книги романа предсѣдательская власть на слѣдующій день ¹⁵²⁾.—Какому-то *Сональино* приписывается въ нашемъ ро-манѣ одна неполная новелла; онъ былъ вѣроятно изъ флорентій-скаго семейства Сональини, хотя можетъ быть и не тотъ Барто-ло Сональини, о комъ разсказываетъ CXLIV новелла Саккет-ти ¹⁵³⁾.—Свѣдѣнія о собесѣдникахъ не. Флорентійцахъ собрать бы-ло тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе относительно ихъ представлялось рукописнаго матерьяла. Такъ о Пеллегрини мы ничего не знаемъ кромѣ того, что сообщаетъ о немъ нашъ текстъ. Какой-то *Ан-дреоло Дандоло* «юноша не менѣ замѣчательный своими нрава-ми, чѣмъ благородствомъ происхожденія, пріятный и любезный, изъ знаменитаго города Венеціи», выводится только разъ на сце-ну совершенно случайно, когда кто-то изъ общества проситъ его спѣть «одну изъ тѣхъ хорошенькихъ сицильянскихъ канцо-нетъ, которымъ онъ научился отъ Франческо Ванноцци» ¹⁵⁴⁾. Болѣе извѣстенъ *Лодовико Буццакарини*, «благородной падуанской кро-ви» ¹⁵⁵⁾. Онъ былъ сынъ Арколано ди Патаро и Мабиліи (No-bilia) ди Франческо Манфреди изъ Фаенцы. Въ 1392 году онъ уже называется *licentiatus in jure civili*; въ 1404 г. послѣ долгой и кро-вопролитной битвы при Сильяно, гдѣ Падуанцы были разбиты на голову, онъ попалъ въ плѣнъ къ Малатестѣ ди Римини и отправленъ въ Венецію. Возвращенный впослѣдствіи своему повелителю да Каррара, онъ послѣ паденія Падуи вступаетъ въ подданство венеціанской республики и сдѣланъ ея военачаль-никомъ (capitano); въ этой должности онъ беретъ Шибеникъ (Sebenico), хотя намъ кажется вѣроятнымъ, что въ войскѣ онъ занималъ въ то время лишь второстепенный постъ ¹⁵⁶⁾. Когда императоръ Сигизмундъ, негодуя на потерю Задра (Zara) и Дал-маціи, перенесъ оружіе въ Фріули и требовалъ свободного пе-рехода черезъ венеціанскія владѣнія, Венеціанцы отказали ему

въ этомъ и послали Буццакарини укрѣпить границу противъ наступавшихъ Венгерцевъ; завладѣвъ Фріули въ 1412 году, они его же назначили провіантмейстеромъ (*provedditore del camp*) вмѣстѣ съ Барбоне Морозини и нѣкоторыми другими, которые сожгли и опустошили все кругомъ въ видахъ защиты. Подобную должность принялъ на себя Буццакарини въ 1413 г. въ Тревизо, когда венеціанскій дожъ приказалъ Тревизцамъ обнародовать перемиріе, состоявшееся между Венеціей, римскимъ королемъ и Венгріей. Но его горячая любовь къ родинѣ, поработанной Венеціанцами, уже готовила ему бѣдственный конецъ: онъ былъ замѣшанъ къ заговорѣ Марсіліо да Каррара, послѣдняго претендента на падуанское владычество; Марсіліо взятъ и казненъ въ Венеціи, и вмѣстѣ съ нимъ подверглись той-же участи Лодовико и его сынъ (1433 г.). Не одна любовь къ родинѣ руководила Лодовико въ этомъ предпріятіи, но и родственная связь съ Марсіліо черезъ Фину Буццакарини, сестру его отца Арколано, замужемъ за Франческо да Каррара,—это объясняетъ его приверженность къ дому прежнихъ падуанскихъ властителей ¹⁵⁷). Не объяснитъ-ли изъ подобныхъ соображеній присутствіе Лодовико въ обществѣ графовъ Карла и Симона на высотахъ Казентино въ 1389 году, къ ту самую пору, когда Франческо Старшій да Каррара уже тоился въ плѣну, а Флорентійцы успѣли наконецъ прозрѣть двуличную политическую игру Висконти и начинаютъ принимать серьезное участіе въ дѣлѣ Франческо Новелло? Хотя были и другія причины, которыя могли дѣйствовать на него притягательно, такъ какъ сестра его Маргарита съ 1381 года была замужемъ за Робертомъ Новелло, сыномъ графа Карла ди Поппи ¹⁵⁸). Такимъ образомъ родственныя отношенія поддерживали въ немъ несчастную приверженность къ интересамъ да Каррара, привлекая его въ Тоскану, гдѣ Флоренція съ каждымъ днемъ открытѣе становилась средоточіемъ политическихъ агитацій изгнанниковъ: за каждымъ новымъ оборотомъ падуанскаго дѣла здѣсь начинали слѣдить зорче; смуты, возбужденныя Висконти, находили на берегахъ Арно менѣе сочувственный отголосокъ. Не мудрено, что все это могло отразиться и на обществѣ нашего Парадизо, и оно наполняется бѣглецами съ сѣвера, людьми, уходившими отъ преслѣдованій той или другой изъ боровшихся партій. Такимъ представляется намъ, хотя еще молодой, Лодовико Буццакарини; мы не рѣшаемся сказать тоже объ Андреоло Дан-

доло, но положительно о Марсилио ди Санта Софія, одномъ изъ падуанскихъ профессоровъ, введенныхъ нашимъ романистомъ въ общество Альберти. Говоря о множествѣ ученыхъ людей, которыми украшалась тогда Флоренція, онъ указываетъ между прочими на «отличнаго и знаменитаго теолога и математика маэстро Грація, таланта скорѣе божественнаго, чѣмъ человѣческаго». «Въ то-же время», пишетъ онъ далѣе, разсуждая на ту же тему, «вызванъ и избранъ былъ профессорами и надзирателями (*ufficiarii*) нашей студіи (*studio*) маэстро Марсилио да Санта Софія Падуанецъ, человѣкъ замѣчательной учености въ физическихъ наукахъ, и не только въ медицинѣ, своемъ главномъ занятіи, но вообще во всѣхъ свободныхъ искусствахъ по заслугамъ извѣстный и знаменитый. Точно также и по тому же поводу былъ тамъ и маэстро Биаджіо изъ Пармы, универсальный философъ и математикъ, равнаго кому не было въ то время» ¹⁵⁹). Съ этими лицами намъ придется теперь познакомиться.

Маэстро Грація, теологъ и математикъ, несомнѣнно тождественъ съ маэстро Грація Кастеллани, Тосканцемъ, ордена св. Августина, котораго имя часто встрѣчается въ математическихъ рукописяхъ XIV—XV вв., наряду съ самыми замѣчательными математиками стараго и новаго времени ¹⁶⁰). Грація деи Кастеллани, отправленный въ 1396 г. вмѣстѣ съ Андремъ Бондельмонти къ венгерскому королю Сигизмунду, вѣроятно одно и то же лицо, хотя ему и не дается титула маэстро ¹⁶¹); въ краткомъ посольскомъ наказѣ отъ 4-го февраля 1400 г. упоминается, наоборотъ, «маэстро Грація, посланникъ къ папѣ», безъ прописанія его фамиліи ¹⁶²). Въ томъ же 1400 году письмомъ отъ 1-го декабря флорентійская коммуна обращается къ генералу августинскаго ордена, поручая ему монастырь Санъ Спирито, «бѣдный братіей, оставленный учащимися», гдѣ необходимо преобразовать студію (*studium reformatum*), а также прислать туда учениковъ и монаховъ въ достаточномъ числѣ, людей честныхъ и ученыхъ; при этомъ случаѣ коммуна рекомендуетъ вниманію генерала «отца провинціала и магистровъ Лаврентія Ринуччини и Грацію Кастеллани» (*patrem provincialem atque magistros Laurentium de Rinuccinis et Gratiam de Castellanis*) ¹⁶³). Въ письмѣ флорентійской синьории къ Галеаццо Висконти отъ 1392 года податель его титулуется *venerabilis pater frater Gratia ordinis heremitarum, sacrae theologiae magister et provincialis minister provinciae pisanae* ¹⁶⁴). Мы не думаемъ, чтобы послѣдняя подробность могла помѣшать намъ

признать и въ этомъ Грація того-же Грацію деи Каstellани другихъ свидѣтельствъ, тѣмъ болѣе что оба они одновременно являются монахами ордена св. Августина, магистрами теологіи и посланниками флорентійской синьоріи.

Большею извѣстностью пользовался въ свое время *Марсиліо* изъ Падуй, изъ семейства *Санта Софія*, о которомъ Савонарола пишетъ, что не только между христіанами, но и между варварами оно было извѣстно, что оно произвело безчисленное множество знаменитыхъ докторовъ медицины, и всѣ дѣти мужскаго пола, какія въ немъ рождались, были посвящаемы этой наукѣ. На Марсиліо смотрѣли какъ на какое-то научное чудо, и таково было въ самомъ дѣлѣ его знаніе, что въ Парижѣ онъ вызвался публично спорить на всякую тему, какая ему будетъ предложена, по медицинѣ или по свободнымъ искусствамъ. Въ послѣднюю болѣзнь Джіанѣ Галеаццо онъ былъ позванъ, и, говорятъ, его стараніями была продолжена жизнь умирающаго; сообщая этотъ фактъ, Гаттинара называетъ Марсиліо «знаменитѣйшимъ человѣкомъ и мудрѣйшимъ медикомъ падуанскимъ, который въ это время считался лучшимъ и ученѣйшимъ врачомъ въ цѣломъ свѣтѣ». Въ архивѣ города Удинѣ существуетъ документъ, по которому капитаны и совѣтъ города поднесли ему въ даръ серебряный позолоченный поясъ, вѣсомъ въ 30 унцій, за излѣченіе рыцаря (miles) Федериго да Саворньяно. Это значительно видоизмѣняетъ свидѣтельство Фація, написавшаго о Марсиліи, что его величайшая слава состояла не столько въ практической медицинѣ, сколько въ теоретической, что и побуждало итальянскіе университеты въ запуски стараться о привлеченіи его на свои кафедры. Такъ уже въ 1367 году мы находимъ его въ Падуй причисленнымъ къ коллегіи медиковъ и профессоромъ падуанскихъ школъ, хотя мы и не въ состояніи опредѣлить—за сколько времени передъ тѣмъ онъ къ нимъ приписанъ. Достоверно то, что, начиная съ этого года и во всѣ послѣдующіе его имя встрѣчается постоянно въ актахъ коллегіи, и ни одинъ памятникъ не даетъ повода предположить, что онъ оставилъ Падую раньше 1389 года. Въ 1387 г. онъ во всякомъ случаѣ былъ еще тамъ, когда въ присутствіи маэстро Біаджіо изъ Пармы удостоилъ степени доктора извѣстнаго Антонія, сына Чермизоне. Но въ концѣ апрѣля 1389-го года, потому-ли, что смуты на его родинѣ, роковымъ образомъ замѣшанной въ несчастную войну съ Джіованни Галеаццо Висконти, побудили его искать себѣ другаго покровителя, или его слишкомъ

открытое пристрастіе къ непріятелю сдѣлало для него пребываніе въ Падую опаснымъ, во всякомъ случаѣ въ Падую его уже не было,¹⁶²⁾ такъ что онъ не могъ даже присутствовать при частномъ испытаніи сына своего Вильгельма на степень доктора. Гдѣ онъ находился въ эту пору — о томъ дошедшіе до насъ документы ничего не говорятъ; намъ кажется вѣроятнымъ, что къ этому времени слѣдуетъ отнести его поѣздку во Флоренцію,—но подождемъ результата дальнѣйшихъ сличеній прежде, чѣмъ сказать это утвердительно. Что главная причина его удаленія была слишкомъ откровенная приверженность къ интересамъ Висконти, и что по возвращеніи къ власти Франческо Новелло въ 1390 г. онъ долженъ былъ поплатиться, вмѣстѣ съ своими сыновьями, изгнаніемъ и конфискаціей имущества,—доказываютъ и тѣ милости, которыми впослѣдствіи осыпалъ его Джіованъ Галеаццо, и самыя условія мира, заключеннаго между воюющими сторонами въ Генуѣ, въ январѣ 1392 года: здѣсь Висконти постарался особой статьей выговорить Марсилію съ сыновьями возвращеніе милости ихъ повелителя и утраченныхъ ими гражданскихъ и имущественныхъ правъ.¹⁶³⁾ Воспользовавшись этимъ, Марсиліо въ томъ же году возвращается въ Падую, гдѣ 16 Сентября 1392 г. представляется въ коллегію медиковъ съ просьбой о вторичномъ принятіи его въ свои сочлены. Въ этомъ званіи мы встрѣчаемъ его еще въ 1393 году. Неизвѣстна причина, заставившая его перейти въ Павію, точно такъ же какъ неизвѣстенъ съ точностію годъ перехода; знаемъ только, что онъ долженъ былъ совершиться ранѣе 1399 года, когда университетъ былъ перенесенъ изъ Павіи въ Пьяченцу, и вмѣстѣ съ нимъ переселился и маэстро Марсиліо съ жалованьемъ бѣльшимъ передъ всѣми другими профессорами. Очень можетъ быть, что его побудили къ тому усиленные просьбы его щедрога покровителя Висконти, по смерти котораго, въ 1402 г., онъ, по всей вѣроятности, тотчасъ же перешелъ въ Болонью, гдѣ ему поручили утреннія чтенія по ординарной кафедрѣ практической медицины, до тѣхъ поръ предоставленной исключительно болонскимъ гражданамъ. Здѣсь онъ и умеръ въ 1403 либо 1404 году, какъ думаютъ нѣкоторые, или въ 1405, если вѣрить лѣтописцамъ Форли,¹⁶⁴⁾ а по Портинари—въ 1411 г.¹⁶⁵⁾ Онъ похороненъ въ церкви св. Франческо.

Гораздо затруднительнѣе согласить между собою разнообразныя, часто противорѣчивыя свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о *Biad-
gio di Pelicani* изъ Пармы; въ особенности касательно времени,

когда онъ призванъ былъ читать въ томъ или другомъ изъ итальянскихъ университетовъ.¹⁶⁹) Между тѣмъ это вопросъ въ высшей степени интересный для насъ, по скольку съ нимъ связанъ другой вопросъ хронологическаго свойства: о времени, къ которому слѣдуетъ отнести бесѣды, описанныя въ нашемъ романѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ романистъ называетъ себя ученикомъ Биаджіо, когда тотъ училъ въ Падуѣ. «Находясь съ своей любезной и благородной компаніей (*dolcissima e magnifica compagna*) на высахъ Апеннинъ, этомъ хребтѣ Италіи, посреди двухъ столь славныхъ морей, Адриатическаго и Тирренскаго или Тосканскаго» (*altissimi gioghi e dosso d'Italia in mezzo da due tanto famosi mari Adriano e Tireno o vuoi Tusco*), онъ любовался великолѣпными видами, раскрывавшимися передъ нимъ по ту и другую сторону: видѣлъ вдали «высокія Паннонскія горы» (*li altissimi monti Raponii*), «знаменитый Дураццо и весь Иллирійскій заливъ, вплоть до чудной, многоводной Венеціи» (*insieme col famoso Durazzo con ogni Ilirico seno infino nella aquosa e miracolosa Vinegia*). «И между тѣмъ какъ я продолжалъ такимъ образомъ любоваться и не могъ насытить жаднаго взора (это говоритъ о себѣ самъ авторъ), Лудовико Буццакарино, изъ благороднаго падуанскаго рода, находившійся въ числѣ другихъ въ любезномъ мнѣ обществѣ, обратился ко мнѣ съ такими словами: «Чего ты смотришь и что созерцаешь? Узнаешь-ли ты плодоносные Евганскіе холмы, гдѣ въ былое время ты получалъ такое утѣшеніе? Посмотри, какими граціозными устроила ихъ природа! Нечего удивляться, что благоразумный Антеноръ избралъ ихъ своимъ послѣднимъ мѣстопробываніемъ и гробницей: все полезное, пріятное и необходимое для человѣческихъ потребъ находится тамъ въ совершенствѣ. Потому ты можешь быть увѣренъ, что не безъ великой и очевидной причины древніе жители Падуи выбрали веселаго Вакха главнымъ покровителемъ своей республики, подобно тому, какъ храбрые Римляне воинственнаго Марса, котораго избралъ и славный флорентійскій народъ по примѣру своихъ отцевъ. Подумай хорошенько обо всемъ этомъ и ты увидишь, какими преимуществами обладаетъ мое дорогое отечество. Мнѣ доставляетъ удовольствіе поговорить съ тобой о немъ, чтобы такимъ образомъ обновить въ тебѣ память пріятнаго для тебя прошлаго».

«При этихъ словахъ какая-то сладость внезапно наполнила мое сердце и я такъ отвѣчалъ ему:

«О мой добрый другъ, никогда не искоренится у меня изъ сердца сладость той хорошей, святой дружбы, какую я нашелъ въ тебѣ и въ твоёмъ, столь тобою любимомъ, отечествѣ, благодаря тѣмъ милымъ и добрымъ людямъ, равно дорогимъ для тебя и для меня. Эту дружбу я всегда твердо хранилъ на глубинѣ души. И какъ мнѣ не любить его, какъ не считать своимъ вторымъ отечествомъ? Вспоминать и говорить о немъ составляетъ мнѣ всегда величайшее утѣшеніе; но, такъ какъ теперь не стало-бы времени наговориться о немъ вдоволь, лучше оставимъ это до болѣе удобнаго случая: потому что таково одно величіе благороднаго принца Франческо Перваго да Каррара, что рассказать и описать его дѣянія могло-бы только великое море краснорѣчія твоего падуанскаго Ливіа».

«Только-что я сказалъ это, какъ онъ замѣтилъ мнѣ, весело улыбаясь:

«Твое славное отечество дало тебѣ твое первое существованіе; но это, которое ты любишь называть своей второй родиной, даровало тебѣ второе, равное первому, когда ты здѣсь проводилъ время въ занятіяхъ свободными искусствами. Не здѣсь-ли, какъ ты самъ хорошо помнишь, услыжалъ ты отъ твоего втораго учителя, Біаджіо изъ Пармы, таинства матери природы и распозналъ ихъ значеніе? Здѣсь раскрылись передъ твоею страстною жаждой знанія движенія сыновей Латоны, планеты и неподвижныя звѣзды, свойства воздуха отъ подлуннаго пространства до нѣдръ земли, и какъ въ средней полосѣ различныя пары, поднимаясь и скопляясь отъ сильнаго холода, орошаютъ, а иногда и бремятъ землю водой и снѣгомъ, инеемъ, росой и градомъ. Здѣсь показаны были тебѣ до очевидности причины вѣтровъ и страшныхъ землетрясеній, кометъ, бѣгущихъ среди жаркихъ и сухихъ паровъ, зароженіе грома и молніи. Я не стану напоминать тебѣ объ остальныхъ вопросахъ; умолчу о силахъ души, объ intellectum possibile и agens, о доказательствахъ метафизики, о полезныхъ и вмѣстѣ изящныхъ выкладкахъ перспективы,—потому что все это ты самъ хорошо знаешь, и мнѣ нечего объ этомъ распространяться». ¹⁷⁰⁾

Надо, стало быть, опредѣлить съ точностью, когда Біаджіо читалъ въ Падуѣ. Положительно извѣстно, что въ 1374—8 годахъ онъ былъ еще въ Павіи, гдѣ преподавалъ философію и логику, какъ видно изъ указа графа di Virtù къ подестѣ, референдарію, совѣтникамъ (savi) и казначеителю павійской коммуны о томъ,

чтобы немедленно выплаченъ былъ маэстру Біаджіо Пелакани изъ Пармы остатокъ жалованья, «ut possit deinde facere facta sua». Приказъ отъ 4-го октября 1378-го года и послѣднее требованіе уплаты, дабы маэстро могъ свободнѣе отдаться своему дѣлу, вѣроятно всею объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что ему надо было поспѣть въ Болонью къ началу новаго академическаго года. Въ самомъ дѣлѣ, съ 1378 по 1382 г. мы застаемъ его въ Болоннѣ читающимъ астрологію; въ 1383 онъ соединяетъ съ этимъ философію, какъ и въ 1384 году, когда 21 мая даетъ обѣщаніе перейти въ Падую и продолжать тамъ свои чтенія по тому и другому предмету въ теченіи четырехъ лѣтъ. По истеченіи срока, лѣтомъ 1388-го года, онъ снова возвращается въ Болонью къ открытію курсовъ въ томъ же самомъ году. Молчаніе о немъ университетскихъ регистровъ и всякихъ другихъ памятниковъ послѣ этого года заставляетъ Афф и Колле предположить, что къ этому времени слѣдуетъ отнести то путешествіе Біаджіо въ Парижъ и пребываніе его въ этомъ городѣ, о которомъ онъ самъ говоритъ въ заключительныхъ словахъ своего трактата о вѣсахъ: «Ad instantiam amicorum ego Blaxius Lombardus de Pelacanis de Parma, dum Parisiis me visitabant, volui aliqua dubia super tractatum de ponderibus inquirere, et illa quaestionibus de corollariis posse meo declarare». Пеццана отвергаетъ это предположеніе, какъ неимѣющее достаточныхъ основаній: изъ списковъ профессоровъ Павіи и Пьяченцы и разбора нѣкоторыхъ рукописныхъ сочиненій Біаджіо онъ вывелъ, что въ первомъ изъ этихъ городовъ онъ преподавалъ въ 1389, 90, 91, 93, 94, 95 и 97 годахъ и въ 1399 былъ уже въ Пьяченцѣ, куда въ ту пору былъ перенесенъ университетъ. Отсюда для него возможно только одно заключеніе, что, начиная съ 1389 года, Біаджіо постоянно находился въ Павіи, и что, если у насъ не достаетъ о немъ свѣдѣній за нѣкоторые промежуточные годы (1392, 96 и 98), тому единственною причиною утрата соответственныхъ регистровъ. Но если путешествіе Біаджіо въ Парижъ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, то надо-же его приурочить къ какому нибудь времени, и въ этомъ отношеніи 1389 годъ не представляетъ никакихъ особыхъ трудностей сравнительно съ другими, потому что какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ годахъ онъ одинаково былъ занятъ чтеніями. Замѣтимъ кстати, что о пребываніи его въ Павіи въ 1389 году мы имѣемъ лишь косвенныя свѣдѣнія, такъ какъ въ Registro delle Bollette

павійскаго университета значитса единственно, что въ 1391 и 1393 годахъ онъ преподавалъ тѣ же предметы, какіе и въ 1389, и съ тѣмъ же жалованьемъ; при чемъ всегда возможно предположеніе, что онъ оставался тамъ не въ теченіе цѣлаго года и могъ выгадать время для поѣздки въ Парижъ. Какъ бы то ни было, въ маѣ 1389 года онъ могъ находиться во Флоренціи, въ садахъ Альберти. Выше мы уже имѣли случай предварительно отнести къ этому году событія, описанныя въ нашемъ романѣ; къ нему сходятся всѣ свѣдѣнія, какія мы могли собрать о дѣйствующихъ въ немъ лицахъ: и исчезновеніе Марсиліо изъ Падуи въ послѣднихъ числахъ апрѣля, и многія другія, которыя, сопоставленныя нами въ концѣ этой главы, выведутъ наше предположеніе изъ ряда сомнительныхъ. Не находится-ли это флорентійское путешествіе Біаджіо въ связи съ его поѣздкой въ Парижъ, гдѣ по просьбѣ друзей, *ad instantiam amicorum*, онъ продолжалъ ученые диспуты, начатыя въ садахъ Парадизо? Или, если вмѣстѣ съ Пеццаной отрицать эту поѣздку и придерживаться единственно того извѣстія, что въ 1389 году онъ училъ въ Павіи,—присутствіе его во Флоренціи въ маѣ того же года съ нимъ легко согласимо: онъ точно также могъ отправиться въ Павію въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, какъ прежде 21-го мая 1384 года изъ Болоньи могъ дать обѣщаніе явиться читать въ Падую къ празднику св. Луки.

Въ Пьяченцѣ Біаджіо читалъ нравственную и естественную философію и астрологію. Когда въ 1404 г. университетъ былъ снова переведенъ въ Павію, онъ продолжалъ тамъ свои лекціи по нравственной философіи и астрологіи, присоединивъ къ нимъ впослѣдствіи математику, вплоть до 1407 года, когда венеціанское правительство вызвало его въ Падую, гдѣ онъ и пробылъ до 1411. Въ этомъ году онъ былъ отставленъ по причинѣ неспособности къ преподаванію, какъ выражается декретъ, и потому что у него не было слушателей, но вѣрнѣе всего по причинѣ его характера суроваго и неуживчиваго и того грубаго упрямства, съ какимъ онъ отказывался удовлетворить желанію своихъ учениковъ частными занятіями, дѣлая изъ своей науки какую-то тайну¹¹⁾. Это напоминаетъ намъ анекдотъ, рассказанный о немъ Франческо Прендилакка въ жизнеописаніи Витторино да Фельтрѣ. Мы знаемъ ученаго; анекдотъ познать насъ съ человѣкомъ. Былъ въ то время въ Падую Біаджіо Пелагани, человѣкъ до крайности скупой, но знаменитый и, мож-

но сказать, единственный въ ту пору въ математическихъ наукахъ, который изъ жажды прибыли давалъ частные уроки у себя на дому. Къ нему отправился Витторино и, увидѣвъ что безъ денегъ Біаджіо не сталъ-бы его учить, недовольный его грубостью и надменностью, рѣшился учиться самъ и столько успѣлъ, благодаря своему таланту, и при своемъ прилежаніи такъ далеко ушелъ въ математикѣ, постоянно читая и размышляя, что безъ всякой помощи сдѣлался въ ней ученѣйшимъ. Говорять, когда слухи о томъ дошли до Пелакани—такъ какъ имя Витторино уже начало становиться извѣстнымъ—онъ не мало огорчился изъ зависти, потому-ли что увидѣлъ его болѣе ученымъ, чѣмъ онъ самъ, или раскаиваясь въ своей скупости, побудившей его упустить такого ученика, отъ котораго онъ сталъ-бы знаменитѣе и возбудилъ-бы къ себѣ большее удивленіе, образовавши въ столь малое время такого совершеннаго воспитанника. Онъ хорошо понималъ, что многіе, привлеченные славой Витторино, пошли-бы къ нему въ науку за большія деньги. Витторино все это было передано, и онъ обыкновенно подшучивалъ надъ скупостью Біаджіо: «какъ благодаренъ я Пелакани, говорилъ онъ, что онъ хотя разъ пожелалъ быть щедрымъ и даромъ научить меня математикѣ?»¹¹²). Нашъ романистъ, которому Біаджіо былъ хорошо знакомъ еще съ Падуй, дополняетъ этотъ интимный рассказъ разными характеристическими подробностями о Біаджіо, о его странностяхъ и угловатыхъ манерахъ и разговорѣ съ легкимъ отбѣнкомъ педантизма: все это рисуетъ намъ Біаджіо какъ живое лицо. Нѣсколько флорентійскихъ дамъ просятъ принять ихъ въ общество; чтобы повеселить его, Луиджи Марсили поручаетъ Пелакани отвѣчать дамамъ отъ лица всѣхъ. «Надо знать,—говоритъ авторъ, обращаясь къ дорогимъ друзьямъ,—надо хорошо знать характеръ маэстро Біаджіо, чтобы совершенно понять его нравы и обычаи. Маэстро Біаджіо—человѣкъ замѣчательной учености, какъ отчасти вы это слышали выше, и не только въ естественной и нравственной философіи, но и во всѣхъ отрасляхъ математики остроуменъ, логиченъ, реалистъ болѣе чѣмъ кто либо другой, и не прочь отъ софистическихъ ухищреній, гдѣ того потребуетъ споръ. Кромѣ того онъ отличный богословъ, съ такой обширной и свѣтлой памятью, какую трудно себѣ представить; онъ такъ привыкъ къ лекціямъ, особенно по естественной философіи, что всякій самый трудный вопросъ ставить, толкуетъ и разъясняетъ не имѣя передъ собой

книги. Вотъ каковы его достоинства. Съ другой стороны я не думаю, чтобы можно было найти человека съ здоровымъ разсудкомъ, менѣе его смыслящаго въ дѣлахъ политическихъ или общественныхъ и особенно въ краснорѣчіи. Вотъ почему и вздумалось маэстро Луиджи, чтобы повеселить компанію, поручить ему отвѣтъ граціознымъ дамамъ. Послушайте, какъ онъ это сдѣлалъ, какъ неподражаемо краснорѣчиво. Когда послѣ долгихъ отгибиваній онъ увидѣлъ, что ему все-же придется отвѣчать, онъ ничего другаго не сказалъ, какъ только: «O bone, o bone dominæ meae?», и затѣмъ поклонился почти до земли; а такъ, какъ голова у него было обнаженная, маленькая и отъ старости почти лысая, и самъ онъ ростомъ малъ и худощавъ, то онъ производилъ впечатлѣніе помѣшаннаго. Смотрятъ дамы, какъ онъ стоитъ колѣнопреклоненный, не произнося ни одного слова болѣе, и дивятся. Только одна изъ нихъ, дочь именитаго мессера Николая, по имени Джиневра, бойко и шутиливо подошла къ нему и, взявши его за руку и приподнявъ, сказала такія слова: «Мы много благодарны маэстро Біаджіо за его отвѣтъ; онъ зоветъ насъ своими мадоннами, но мы хотимъ быть его послушными дочками, лишь-бы заслужить ваше общество»¹¹³⁾.

Отставленный отъ падуанскаго университета, Біаджіо возвратился на родину, въ то время подвластную феррарскому маркизу Никколò д'Эсте, и здѣсь продолжалъ свою учительскую дѣятельность до самой смерти, постигшей его 23 апрѣля 1416 года. Онъ оставилъ по себѣ славу замѣчательнаго математика, — торжественная надпись, украшающая его гробницу, называетъ его *Arcadicum numen venerabile vatum, suae studiorum aetatis Apollo, gloria philosophum, astriloquus*. Онъ занимался также медициной, но въ ней, по отзыву его ученика Антоніо Гвайнеріо, былъ на столько слабъ, какъ иная глупая служанка.¹¹⁴⁾

Мы перебрали одно за другимъ всѣ дѣйствующія лица нашего романа, предоставивъ себѣ поговорить послѣ всѣхъ объ *Антоніо дельи Альберти*, радушномъ хозяинѣ, собиравшемъ все это общество въ своей прекрасной виллѣ *Парадизо*. Мы сдѣлали это не безъ намѣренія: не потому чтобы онъ былъ средоточіемъ, душею этого общества, или его жизнь была интереснѣе другихъ, но потому что она полна событіями, хронологически опредѣлимыми, которыя помогутъ намъ съ точностью приурочить событія нашего романа; не говоря уже о томъ, что ея разнообразіе по-

служить намъ окончательной характеристикой этой поры перехода и нравственныхъ колебаній, какія обыкновенно встрѣчаются на границѣ двухъ различныхъ культурныхъ эпохъ. Погляди-те на Альберти: богатый человѣкъ и почтенный гражданинъ, онъ сегодня гостепріимный хозяинъ въ садахъ Парадизо, завтра купецъ въ Брюгге, сегодня мистикъ вмѣстѣ съ св. Бригиттой, завтра человѣкъ имперской партіи, отщепившійся отъ церкви; за тѣмъ онъ въ Римѣ кающимся грѣшникомъ, профессоромъ въ Болоньи, и вѣчнымъ заговорщикомъ, пока живетъ въ изгнаніи. Тако-во было глубокое броженіе самого общества, неуспѣваго еще сформулировать себѣ соціальнаго идеала, въ соотвѣтствіи съ новыми потребностями жизни. На практикѣ Италія, первая между всѣми націями, вышла изъ темныхъ затворовъ среднихъ вѣковъ, отрехшись отъ папы и императора; въ теоріи, мы это замѣтили выше, тотъ и другой идеалъ оставались нетронутые, какъ высшее выраженіе права; разумѣется, это были пустые ку-миры, противъ которыхъ протестовала самая жизнь, но все-же кумиры, къ которымъ люди продолжали прибѣгать болѣе по ста-родавнему преданію, чѣмъ съ искреннею вѣрой, покрывая ихъ торжественнымъ авторитетомъ то, что исторія начинала разрѣ-шать практически, ихъ неспросясь. Между тѣмъ какъ никто бо-лѣе не боялся двухъ традиціонныхъ мечей, они существовали еще въ доктринѣ, потому что новая еще не явилась ей на смѣ-ну; а человѣку трудно обойтись безъ формулы, которая успокои-ла-бы его призракомъ законности, избавила отъ необходимости считаться порознь съ каждымъ жизненнымъ явленіемъ, отыски-вая его абсолютный смыслъ и относительное значеніе. Оттого въ концѣ XIV вѣка поэтъ, современный описаннымъ нами собы-тіямъ, наивнымъ образомъ заставляетъ Италію сожалѣть объ от-сутствіи императора: *)

Piangane Italia, priva di tal duce:
Qual fu dotata di due luminari,
Principiò dare e accendere la lucie:
Or sol lo spirituale in lei rilucie.

Отсюда множество канцонъ къ императору, мода на нихъ продолжается болѣшую часть слѣдующаго столѣтія; отсюда-же

*) «Пусть плачетъ Италія, лишенная такого вожда: въ былое время она одаре-на была двумя свѣточами, отъ нея исходилъ свѣтъ; теперь только духовная власть ей присуща».

сонеты къ папѣ и безкончныя увѣщанія къ преобразованію церкви, которая оттого должна стать выше и могущественнѣе. И въ то время, какъ такимъ идеальнымъ образомъ превозносится императоръ и зовется новымъ цесаремъ, «Cesar novello», коммуна не думаетъ уступать ему и упрямо защищаетъ свои права; воззванія къ церковной реформѣ слышатся всюду, а между тѣмъ ея первыя попытки выйдутъ не изъ общества, а изъ монастырей и религіозныхъ орденовъ, съ расколомъ Fraticelli и доминиканскими мистиками. Реформаторы—не граждане коммуны: они живутъ внѣ ея, они вѣчно кочуютъ, какъ св. Катерина; они въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ коммуной, какъ сіэнская святая, или изъ нея изгнаны, какъ Фра Джіованни Доминичи, или кончаютъ жизнь на кострѣ, какъ миноритъ фра Микеле. Очевидно, общество, такъ восторженно взывающее къ церкви и имперіи, перестало искренно вѣрить въ то и другое, потому что теперь вся жизнь на сторонѣ коммуны и той теологіи здраваго смысла, которая представлялась эманципаціей отъ Рима, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ свобода коммуны была протестомъ противъ имперской прерогативы. Съ типомъ флорентійскаго теолога мы познакомились въ Луиджи Марсили, истолкователѣ *Italia mia*: мы видѣли, какъ свободно онъ нападалъ на безобразія папской курии. Въ то самое время, какъ папы еще продолжаютъ проповѣдывать крестовый походъ и св. Катерина Сіэнская странствуетъ по Италіи, воспламеняя умы къ дѣлу среднихъ вѣковъ, донъ Джіованни делле Челле, пріятель Марсили и Гвидо ди мессеръ Томмазо, пишетъ къ какой-то Домитиллѣ, отговаривая ее отъ хожденія къ святымъ мѣстамъ, убѣждая ее всякими практическими доводами, между прочимъ, «что діаволъ никогда не слышалъ проповѣди, болѣе ему пріятной, чѣмъ проповѣдь странствованія»¹⁷⁵). Въ другой разъ тотъ же Джіованни, когда принимается толковать о догматѣ съ дровяникомъ Томмазо изъ толка Fraticelli, выходитъ окончательно изъ предѣловъ вѣры и богословскихъ соображеній, выражаясь такимъ образомъ: «Къ чему тебѣ знать, былъ-ли Иисусъ Христосъ бѣденъ или богатъ, если ты вѣруешь, что Онъ твой Спаситель, твой Искупитель, твоя пища, твое богатство и награда? Этого достаточно для твоего спасенія. Я совершенно вѣрю, что Христосъ былъ бѣденъ, и за это готовъ бы пойти въ огонь, еслибы не было другихъ препятствій; впрочемъ покоряясь тому, что объ этомъ учитъ святая мать католическая и апостольская церковь. Но еслибъ кто другой ска-

залъ мнѣ: «я вѣрю, что у Иисуса Христа была собственность», — я отвѣтилъ бы: «ты такъ и вѣрь; что мнѣ за дѣло, еслибы ты даже вѣрилъ, что Онъ не истинный Богъ и не истинный человѣкъ? Твоя ересь мнѣ повредить не можетъ». Понятно, что Fraticelli, твердо стоявшіе на почвѣ богословскаго пренія, нашли въ этомъ поводъ обвинить флорентійскихъ учителей, и въ особенности самаго Джіованни, въ излишнемъ страхѣ человѣческомъ и недостаткѣ вѣрности (*rosa fedeltà*). «Я увѣренъ», — пишетъ Томмазо къ донъ Джіованни, — «что ты и многіе изъ твоихъ умалчиваете истину изъ страха людскаго и плотскаго. Дай Господи, чтобы учителя цѣлаго свѣта доказали намъ, что намъ не слѣдуетъ поступать такъ, — отъ многихъ бѣдъ они бы насъ избавили; но когда всѣ флорентійскіе маэстро собрались по приказу синьоринъ въ San Piero Scheraggio, епископъ просилъ ихъ и велѣлъ просить, чтобы они не вступали въ споръ; они такъ и разошлись, не сказавъ ни слова. Еслибъ они обладали истиной, то навѣрно поглотили бы насъ, потому что они ничего другаго не ищутъ..... Послушай, что говоритъ блаженный Августинъ и что написано *extra de haeresibus*: кто не отвращаетъ другаго отъ заблужденія, когда можетъ, доказываетъ тѣмъ, что самъ заблуждается. Правда, ты говорилъ, что приходилъ разъ пятьсотъ, чтобы исправить насъ, такъ какъ убѣжденъ, что мы заблуждаемся; но у тебя нѣтъ любви ни къ Богу, ни къ ближнему, и ты не любишь католической вѣры: для какой нибудь твоей духовной дочери ты нѣсколько разъ пришелъ-бы во Флоренцію, а не для вѣры. Мало въ тебѣ вѣрности (*rosa se' fedele*)» ¹¹⁶). — Присоедините ко всему этому съ каждымъ днемъ усиливающееся вліяніе классическихъ занятій, расширявшихъ поле науки и нравственности, дотолѣ исключительно занятое церковью и схоластическимъ преданьемъ, — и вы увидите ясно, къ какому выходу направлялась эта теологія здраваго смысла. Уже во время нашего романиста Ринуччини указывалъ на людей, рьяныхъ противниковъ дантовскихъ ученій, предпочитавшихъ Варрона отцамъ церкви и, разумѣется, не останавливавшихся на этомъ въ своихъ вовсе нехристіанскихъ предилекціяхъ. «О божественной философіи они выражаются, что Варронъ написалъ самымъ изящнымъ слономъ много книгъ о поклоненіи языческимъ богамъ, и хвалятъ его непомѣрно, втайнѣ предпочитая его учителямъ нашей католической религіи, и осмѣливаются говорить, что тѣ боги болѣе истинны чѣмъ наши, и не помнятъ чудесъ нашихъ святыхъ». Ясно, что обстоятельства времени благопріятствовали не

столько реформъ и возстановленію церкви, сколько болѣе полному освобожденію въ смыслѣ религіозномъ, приготовляющему индифферентизмъ и невѣріе слѣдующаго столѣтія. Если попытка Fraticelli не удалась, то потому, что они не нашли болѣе въ умѣхъ той первобытной жажды вѣры, той потребности вѣрить, безъ которой не минуетъ костра даже Джироламо Савонарола.

Когда такимъ образомъ общество еще занято трудной работой новыхъ критеріевъ жизни и искусства, и прежніе критеріи еще продолжаютъ владычествовать надъ умами,—что удивительнаго, если человѣкъ является порою расторгнутымъ, растеряннымъ между тѣмъ и другимъ противоположнымъ направленіемъ,—если, подавленный необходимостью выбора, онъ не въ силахъ на чемъ нибудь остановиться, чѣмъ нибудь успокоиться? Въ страстномъ движеніи практической жизни всѣ эти противоположности болѣе или менѣе ступшеваны, между ними устанавливается искусственное равновѣсіе, оттого онъ не такъ сильно ощущаются; наконецъ практическій человѣкъ главнымъ образомъ рассчитываетъ ближайшую цѣль и средства, и ему рѣдко досугъ подумать о критеріи, о нравственномъ мѣрилѣ своихъ дѣйствій. Но если у него отнята возможность живой дѣятельности, если всѣ пути къ ней заложены политикой непріязненной партіи, либо изгнаніемъ, какъ то и другое случилось съ нашимъ Антоніо: тогда понятно, что человѣкъ ищетъ прилѣпиться къ какому нибудь символу, хотя бы обветшалому, который представлялъ бы его право, его законныя надежды; тогда начнутся слегка риторическія воззванія Антоніо Альберти къ новому цесарю (*Cesare novello*) и мистическіе восторги, приведшіе его въ общество св. Бригитты и вызвавшіе грустные слова его отвѣтнаго сонета къ Франко Саккетти: что стремится къ гибели, кто обращаетъ свои помысленія на земныя блага. «*Messer Antonio mio*», писалъ ему Саккетти: *).

Messer Antonio mio, quanto più penso
Al viver de'mortali, più mi pare

*) «Мой мессеръ Антоніо, чѣмъ болѣе я размышляю о людской жизни, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что иные сами причиняютъ себѣ большія затрудненія, чѣмъ приноситъ имъ судьба.—Кто колеблется между той и другой стороною, кто хочетъ все подчинить своей волѣ, и чтобы свѣтъ обстоялъ, какъ имъ нравится, а небо было-бы къ нимъ благосклонно.—Какой трудъ и какую работу задавали себѣ многіе, и какъ много и различно говорили,—кто за лиліи съ полосой въ гербѣ, кто за лиліи безъ полосы. Что выйдетъ изъ этой упрямой распри?»

Che più fatica molti si san dare
Ch'a lor non vien per fortunato offenso.

Chi combatte tra l'uno e l'altro senso,
E chi vuol volontà sua donna fare,
Chi vuol che'l mondo stia come gli pare
E chi vuol che'l ciel volga a suo compenso.

Quanta fatica e quanto greve affanno
S'han dato molti, e che diverso bello
Di lingue fatto s'è per ogni scanno,

Chi per gli gigli ch'han sopra il rastello,
E chi per quelli che senz'essa stanno:
Ora che n'è di sì aspro duello? """)

Мессеръ Антонио отвѣчаетъ ему на тѣ же примы: *)

Come spirito costretto a dar responso,
Vivo fonte gentil del bel parlare,
Non sa nè puo vostro ingegno cessare
Di mostrar saver più quant'è più immenso.

Il labor de'mortal per voi contenso,
Che spesse volte indarno in loro appare,
Quanto più volontario è'l disiare
Fuor di ragione, tant'è or maggior censo.

E se le nostre cose termin hanno,
Siccome pinge in fin vostro pennello,
Chi spera più in lor, segue suo danno.

Ma perch'lo saprei pria cangiar il vello
Che risponder a que'che mosso m'hanno,
Ringrazio il vostro stil legiadro e bello. """)

*) «Живой источникъ краснорѣчія, твой умъ, какъ духъ приневоленный къ отвѣту, не знаетъ и не можетъ перестать выказывать свое знаніе тѣмъ болѣе, чѣмъ оно безконечнѣе.—Людскія волненія, о которыхъ ты говоришь, часто оказываются напрасными, и чѣмъ произвольнѣе выражается иногда неразумное желаніе, тѣмъ оно выше становится.—Но если все земное должно имѣть конецъ, какъ изображаетъ въ концѣ твоя кисть,—кто болѣе возлагаетъ на него надежды, идетъ къ своей гибели.—Но мнѣ скорѣе выродиться, чѣмъ сумѣть отвѣтить тѣмъ, кто вызвалъ меня; потому я благодарю тебя за твои милыя и прекрасныя слова».

Антонио ди Николайо ди Якопо дельи Альберти родился около 1358 года, какъ явствуетъ изъ духовнаго завѣщанія (codicello) его отца отъ 26-го января 1375 года: изъ него видно, что въ то время ему не было 18-и лѣтъ. ¹⁷⁹⁾ Онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда въ 1378 году партія Чомпи возвела его въ должность рыцаря золотой шпоры (cavaliere a spron d'oro), чтобы такимъ образомъ почтить въ немъ память отца, «мужа честнаго и правдиваго», какъ называетъ его Аммирато ¹⁸⁰⁾, у гроба котораго пятьсотъ нищихъ проливали слезы. Надо полагать, что эта репутація популярности перешла отъ отца на сына, котораго мы встрѣчаемъ снова въ 1382 году, когда ему поручено было возвести въ рыцарскій санъ Роберта Кампорени, подесту Флоренціи. Съ политическимъ направленіемъ Альберти мы впрочемъ уже знакомы: мы видѣли ихъ въ числѣ главныхъ руководителей той оппозиціи противъ гвельфскихъ олигарховъ, которой результатомъ было изгнаніе Альбицци; видѣли, какъ они опирались на народъ, пока считали это нужнымъ для достиженія своихъ цѣлей, чтобы потомъ обратиться противъ него, когда, недовольные сдѣланными имъ уступками, Чомпи потребовали дальнѣйшихъ. Такъ въ 1382 году мы находимъ нашего Антонио во главѣ своихъ сродниковъ и многочисленныхъ приверженцевъ въ борьбѣ съ плебсомъ, *popolo minuto*, лишеннымъ въ предъидущемъ году всякаго участія во власти распоряженіями временнаго правительства (*balla*), гдѣ участвовалъ между прочимъ и нашъ Антонио ¹⁸¹⁾, и теперь поднимавшимся снова въ надеждѣ взять перевѣсъ ¹⁸²⁾. Въ сентябрѣ 1383 г. онъ былъ въ числѣ флорентійскихъ банкировъ, ставшихъ поручителями за венеціанскую республику передъ Генуей въ точномъ исполненіи условій, постановленныхъ на третейскомъ судѣ (*lodo*) въ Туринѣ, за два года передъ тѣмъ, касательно прекращенія войны, приведшей въ изнеможеніе обѣ воюющія стороны. Это была для Альберти самая цвѣтущая пора, завершившаяся государственнымъ переворотомъ 1387 года, когда противная имъ партія была возвращена изъ изгнанія, и наоборотъ изгнано все семейство Альберти, за исключеніемъ немногихъ; въ числѣ послѣднихъ были и сыновья мессера Николайо ¹⁸³⁾. Приговоръ состоялся 5-го либо 6-го мая, а въ ноябрѣ того-же года нашъ Антонио уже находился по торговымъ дѣламъ въ Брюгге, откуда шлетъ письмо, писанное 26-го ноября (*fatta di XXVI di Novembre*) во Флоренцію, къ какому-то Нико-

ло ди Лука; другое письмо, писанное 9-го мая 1388-го года, съ небольшой припиской отъ 21-го числа, адресовано тому же Никколò ди Лука и Сандро ди Боно, также изъ Брюгге ¹⁸⁴⁾. Изъ всего этого мы, кажется, можемъ заключить, что оба эти года его во Флоренціи не было, потому ли что къ тому принуждали его коммерческія дѣла, или онъ счелъ за лучшее держаться вдалекѣ отъ политическаго поприща, находившагося тогда въ рукахъ людей враждебныхъ его партіи; и что наконецъ во Флоренцію онъ возвратился только въ 1389 году, когда вмѣстѣ съ Никколò ди Микеле ди Ванны Каstellани былъ избранъ уффиціаломъ монетнаго двора (*uffiziale della Zecca*) на шесть мѣсяцевъ, начиная съ 28 мая ¹⁸⁵⁾, и камераріемъ (*camerario*) того же двора на слѣдующее полугодіе (*init. die XXVIII mensis Novembris dicti anni*). Въ этомъ году Антоніо женился, какъ рассказываютъ намъ историческіе записки сэръ Наддо: «замѣтъ, что 20-го дня іюня 1389 г. мессеръ Томмазо или Мазо ди Лука дельи Альбицци, который сдѣлался и былъ сдѣланъ рыцаремъ въ Германіи, устроилъ въ монастырѣ Санта Кроче праздникъ своего посвященія, прекрасный и торжественный, со многими ратными людьми; былъ и турниръ, т. е. многіе держали поле, только никто не явился на вызовъ. Въ тотъ же день мессеръ Антоніо ди мессеръ Николайо дельи Альберти отпраздновалъ свадьбу въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ, въ окрестностяхъ Флоренціи, что зовется Парадизо, и невѣстой была дочь мессера Томмазо дельи Обицци, бывшая въ первомъ бракѣ за именитымъ человѣкомъ....., съ которымъ она прожила всего шесть мѣсяцевъ» ¹⁸⁶⁾. Мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ о Бартоломмеѣ дельи Обицци, «женщинѣ почтенной, всѣми уважаемой и богобоязненной» (*donna lodabile, ontevole molto e timorata di Dio*), какъ выражаются о ней однѣ древнія современные записки; пока замѣтимъ роковое совпаденіе двухъ праздниковъ, изъ которыхъ одинъ открыто стелется на площади, среди триумфальныхъ процессій и трубныхъ звуковъ, а другой притаился скромно на загородной виллѣ. Дѣло въ томъ, что положеніе Антоніо, послѣ изгнанія его сторонниковъ и торжества Альбицци, было въ самомъ дѣлѣ исключительное: его только-что терпѣли; онъ, разумѣется, не могъ водить дружбу съ враждебной ему партіей, которая если продолжала его шадить, то потому, что обаяніе его личныхъ заслугъ было слишкомъ велико въ массахъ, его богатства щедро расточались на пользу республики ¹⁸⁷⁾, и

память отца еще продолжала жить въ народѣ; наконецъ у него еще были связи. Однимъ словомъ, время, когда можно будетъ избавиться отъ него, казалось, еще не настало, а, можетъ быть, и самъ Антоніо отдалялъ его, благоразумно держась въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ, чтобы не колоть глаза. Въ противномъ лагерѣ работали для того же удаленія; да и съ другой стороны, добиваться должностей въ такихъ обстоятельствахъ значило бы содѣйствовать величію Альбицци и гибели своихъ. Такъ случилось напр. въ 1393 году, когда, назначенный въ число двѣнадцати *buonomini*, Антоніо долженъ былъ принять участіе въ временномъ правительствѣ (*ballia*), избранномъ на общемъ народномъ собраніи (*parlamento generale*) подѣ предложомъ преобразования разныхъ должностей, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сосредоточить власть въ рукахъ Мазо дельи Альбицци и его сообщниковъ. Самыя строгія мѣры временнаго правительства были обращены на всѣхъ приверженцевъ партіи Риччи, и Антоніо пришлось равнодушно смотрѣть, какъ осуждались на изгнаніе многіе изъ близкихъ ему, тогда какъ другіе были лишены права занимать какія-бы то ни было муниципальныя должности; и развѣ только личнымъ снисхожденіемъ къ нему можно объяснить, если въ пользу его самого и его братьевъ было сдѣлано исключеніе изъ строгихъ положеній закона. Само собою разумѣется, эта любезность враждебной партіи не доходила до того, чтобы открыть ему доступъ къ политической дѣятельности: это лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что имя столь именитаго и уважаемаго гражданина продолжаетъ отсутствовать въ административныхъ спискахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ Альберти только въ тѣхъ должностяхъ, къ которымъ ему невозможно было преградить пути, потому что на нихъ избирались по жребію; за то за нимъ нѣтъ ни одной претуры, ни одного посольства ему не поручено, потому что въ этихъ случаяхъ рѣшалъ не жребій, а избраніе; а избраніемъ руководили Альбицци.

Когда такимъ образомъ для него сдѣланы невозможными общественная дѣятельность и общественныя почести, становится понятна въ нашемъ Антоніо сосредоточенность, побуждавшая его искать уединенія въ прелестной виллѣ, неподалеку отъ Флоренціи, за воротами С. Никколò, по дорогѣ къ *pian di Ripoli* (*Piano a Ripoli*): мѣсто и зданіе обширное, красивое и пріятное, съ лоджіями, навѣсами, садами и многими другими

хитростями, почему оно и названо было *Парадизо* ¹⁰⁰). Ту-же этимологию повторяет современник фра Маттео, ордена св. Бригитты: и для него название Парадизо пошло «отъ красоты и украшеній на зданіяхъ и въ садахъ, какіе тамъ были, и отъ плотскихъ удовольствій, которыми пользовались тамъ свѣтскіе люди» ¹⁰¹). Здѣсь Антоніо проводилъ время въ невольномъ, но почтенномъ досугѣ (*onestissimo ozio*), забавляясь поэзією по слѣдамъ Данте и Петрарки, которыхъ былъ далеко не дюжиннымъ подражателемъ; здѣсь, вѣроятно, въ обществѣ избранныхъ умовъ, продолжавшихъ собираться вокругъ него, написаны были и его *Historia illustrium virorum* и *Contenzioni amatorie* ¹⁰²), теперь одинаково потерянные; и ничто не мѣшаетъ предположить, что мысль того и другаго труда зародилась впервые на бесѣдахъ, которыя тамъ происходили и только частью дошли до насъ на страницахъ нашего романа ¹⁰³). Общество и разговоры, мы видѣли, были самые разнообразныя: мужчины и женщины, дѣловые люди и ученые, различные интересы и противоположныя точки зрѣнія. Такимъ образомъ буря политической жизни, отъ которой убѣгалъ Антоніо, доносилась до него по слухамъ, будто смягченный далью отголосокъ: онъ только нравился и не поражалъ болѣе. Здѣсь мессеръ Антоніо могъ пѣть тѣ-же хвалы своему милому деревенскому уединенію, какія впослѣдствіи Леонъ Баттиста Альберти вложилъ въ уста мессеру Джовинаццо: «Господи, да это настоящій рай! И, что всего лучше, ты можешь на виллѣ избѣгнуть шума, возни и бѣготни города, площади, *palazzo de'signori*. На виллѣ ты можешь скрыться, чтобы не видѣть тѣхъ мерзостей, обмановъ, того количества негодныхъ людей, что въ городѣ постоянно шныряютъ у тебя передъ глазами, постоянно осаждая тебя своей болтовней, слѣдя за тобой шагъ за шагомъ, крича и голоса по городу, будто бѣшеные, ужасные звѣри. Какое блаженство жить въ деревнѣ! какое неизвѣданное счастье!» ¹⁰⁴).—Собравшись утромъ, все общество Парадизо отправлялось въ часовню помолиться; тамъ ожидалъ ихъ капелланъ, и всѣ набожно слушали обѣдню ¹⁰⁵); но затѣмъ перебирались на зеленый лугъ, или подъ тѣнь пиній (*giardino delli abeti*), вокругъ фонтана, обычнаго сборнаго мѣста итальянскихъ новеллистовъ. Здѣсь уже разложены богатые ковры, рядомъ буфетъ или поставецъ (*dirizzatoio*), гдѣ въ серебряныхъ вазахъ дорогое вино и заморскія лакомства, также свѣжіе плоды, вишни, дыни и росистыя фиги; слуги подаютъ холодную воду, неви-

данные звѣри бѣгаютъ по лугу, и пѣвіе птицъ на верху пиній, елей и кипарисовъ переносятъ васъ въ какой-то земной рай (si che ciascuno di loro essere istimava nel più bel paradiso)¹⁹⁾. Къ утощеніямъ примѣшивались забавные рассказы, танцы и пляски; однимъ словомъ, всѣ тѣ плотскія удовольствія, въ которыхъ укорялъ свѣтскихъ людей строгій фра Маттео. Флорентійская жизнь была въ то время болѣе праздничная и веселая, чѣмъ теперь¹⁹⁸⁾: чтобы составить себѣ понятіе о ней, стоить только почитать новеллистовъ, многочисленные сассе и madriali и аллегорическіе рассказы въ стихахъ, вродѣ *La battaglia delle belle donne* Саккетти, *Il Giuoco d'amore*, *Il Pome del bel fioretto* и т. п., которые подъ причудливымъ покровомъ иносказанія скрываютъ прочное историческое ядро, предлагающее очень положительные матеріалы для характеристики тогдашнихъ свѣчаевъ и обычаевъ. Въ одной баллатѣ (*ballatetta*) Франко Саккетти общество беззаботныхъ весельчаковъ (*cacciapensieri*) собирается лѣтомъ на высокой Мариньоль (Marignolle sovrana, неподалеку отъ Флоренціи, гдѣ находилась вилла Саккетти, впоследствии принадлежавшая Пандольфини), и только съ приближеніемъ снѣжной зимы, скрывающей прекрасную зелень и цвѣты, собирается назадъ во Флоренцію, повѣсивъ голову (*a testa china*) и горюя о прошлыхъ удовольствіяхъ^{*)}:

Sempre danze e rigoletti,
Con diletto e gioi'ciascuno:
Vecchi come giovanetti,
Non è differente alcuno.
Siamo cento e siamo uno
In un animo e volere.
Ciascun gridi per godere
E muoia chi non vuol cantare!
D'amor suoni e vaghi canti
Et in ballo e fuor di ballo;
Donne e donzelle avanti

*) «Вѣчно пляски и хороводы; веселятся безъ разбору, старые и молодые, душа въ душу, сто человѣкъ будто одинъ. Пусть голосить всякій въ свое удовольствіе, и умереть, кто не хочетъ пѣть.—Любовные звуки и сладкія пѣсни, за пляской и безъ пляски: женщины и дѣвушки поютъ безъ перерыва, одна кончила, другая уже заводитъ,—все ради веселья. Разсудокъ и скромность мы оставили позади, за высокими стѣнами Флоренціи; намъ нечего бояться, что воры отнимутъ у насъ то или другое. Такъ проводимъ мы время лучше, чѣмъ и сумѣю рассказать».

Cantan dolce senza fallo;
E non fanno intervallo,
Chè, come l'una ha cantato,
L'altra ha tosto incominciato,
Sol per gioco e festa dare.

Il senno e la contenenza
Lasciam dentro all'alte mura
Della città di Fiorenza,
Sì che non ci sia paura
Che compagna o gente fara
Cel possa rubare o tôrre.
Così nostra vita corre,
E me'ch'io non vi so contare ¹⁸⁸)

Большой поводъ къ увеселеніямъ представляли годовичные и храмовые праздники, а также урочныя хожденія по святымъ мѣстамъ, освященнымъ памятью національныхъ святыхъ. Таково было хожденіе графа Карла и его общества къ святилищамъ тосканскихъ Апеннинъ, опредѣлявшееся на столько-же набожными цѣлями, на сколько цѣлями удовольствія и развлеченія: необходимое условіе, которому пришлось подчиниться даже такому духовному лицу, какъ Луиджи Марсили, почему заурядъ съ прочими и онъ вынужденъ разсказать новеллу.— Тамъ, гдѣ народу собиралось много, какъ бывало на большихъ церковныхъ годовщинахъ, тотчасъ-же устраивалась ярмарка, пріѣзжали купцы и скоморохи, и цѣль хожденія быстро забывалась среди любви и смѣха, для соображеній совершенно иного характера. Одна современная стихотворная повѣсть (poemetto) разсказываетъ намъ о посѣщеніи города Прато по случаю годового празднества, когда тамъ выставлялся на поклоненіе народу поясъ Богородицы (Cintola della Vergine): она въ высшей степени интересна по характернымъ свѣдѣніямъ, какія сообщаетъ объ этихъ народныхъ гульбищахъ, въ которыхъ религіозный элементъ сливался съ свѣтскимъ.

Дѣло было въ Августѣ (—Сентябрѣ), или, по ученому выраженію автора, въ ту пору, когда Фебъ въ своемъ быстромъ бѣгѣ уже успѣлъ посѣтить большую часть небесной храмины Дѣвы: *)

Avea di Febo già il veloce corso
Cierco di Virgo le case celeste
La maggior parte col suo fiero morso;

*) Уже Фебъ въ своемъ быстромъ бѣгѣ посѣтилъ большую часть небесной храмины Дѣвы, и не только во Флоренціи, но и во всѣхъ мѣстностяхъ, ей

Quando nel Fior de' fiori, ove richieste
Son le sant'are co' fumanti fuochi
Ne'tempi eletti delle sante feste,

Non che dentro le mura, ma ne' lochi
Qua' sottoposti sono a sua franchezza,
Si veggiono adornar d'onesti giochi;

Perchè, venuto'l tempo il qual s' apprezza
Veder mostrare in Prato la cintura
Di quella iddea ch'avanza ogni bellezza,

(La cui virtù mostrata oltr'a misura
Fu sì accetta al sommo criatore
Che'n lei rinchiuso si fe' criatura)

Onde gran parte con contrito core
Con umiltà si muovon per vedere
Quelle relique che cinse il Signore,

E altri molti vi van per piacere,
E chi per mercatare a quella fiera
Di panni o di bestiamе o d'altro avere;

Allor commosso da divina spera
In cor mi posi con la mente accorta
Donare all'alma la indulgenza intera.

Perchè, avanti che Febo la scorta
Faccia, mi mossi senz'alcuna guida,
Movendo i passi arrivai alla porta.

L'ottava spera ove Leda s'annida
Era ripiena di lumi e splendori,
La figlia di Latona ancor par'rida;

подвластныхъ, дымилась праздничные алтари и устраивались игры. Близилось время, когда въ Прато показываютъ поясъ пречистой Дѣвы, столь угодной Создателю, что заключившись въ ея утробѣ Онъ вочеловѣчился; и многіе съ покаяннымъ и смиреннымъ сердцемъ собирались посмотреть на святыню, опоясавшую Бога; а иные шли ради удовольствія или за тѣмъ, чтобы торговать на ярмаркѣ скотомъ, тканями и другимъ добромъ. Побуждаемый высшей силой вздумалъ и я приобрести полное отпущеніе грѣховъ, и прежде чѣмъ взошло солнце, безъ проводника отправился въ путь. Восьмая сфера, гдѣ гнѣздится Леда, была полна свѣта, и дочь Латоны (луна) еще улыбалась въ небѣ, когда я пришелъ

Perchè piaciuto non era a'maggiori
Mandare i famigliari a diserrare
Le porti per le qua'si passa fuori:

Onde posto a seder sul limitare
Tutto pensoso la gota appoggiando
Sopra'l sinistro braccio ad aspettare.....

Между тѣмъ онъ слышитъ, какъ отворились городскія ворота, и
входить въ городъ вмѣстѣ съ своимъ молодымъ спутникомъ,
котораго необычайная красота привлекаетъ всѣ взоры *):

E quando i raggi tiepidi scherzando
Cominciarno asciugar la moll'erbetta,
Avanti che'l valor venga mostrando,

Arrivamo al castel; al qual con fretta
Entrati ci drizamo inver la pieve,
Quivi prendendo l'acqua benedetta.

E, dopo il dir d'alcuna orazion brieve,
Per riposarci, chè n'aveam mestiero
Chè non usato affanno par più grieve,

Movemmo i passi verso un monistero
Dove raccolti fummo con gran festa
Da bianche ninfe portanti il vel nero.

Quivi assestati con la sacra giesta
Ci fu trovata molta confezione
Da quelle ch'a servirci null'aresta.

къ воротамъ; и такъ какъ начальникамъ города не заблагоразсудилось велѣть
отворить ихъ, то я съѣхъ въ отдаленіи, задумчиво подперевъ голову лѣвой
рукою».

*) «Когда теплые лучи начали осушать росу съ мягкой травы, прежде чѣмъ
проявить всю свою силу, мы прибыли къ замку и постѣпили въ церковь,
откуда, доставъ святой воды и постѣ краткой молитвы, направились къ мона-
стырю отдохнуть, потому что отдыхъ тѣмъ необходимѣе, чѣмъ непривычнѣе
трудъ. Здѣсь насъ приняли радушно бѣлыя нимфы подъ чернымъ покрываломъ
(монахини доминиканскаго ордена), усадили и не уставали угощать насъ. Послѣ
завтрака мы снова пошли въ церковь, потому что было время показывать на-
роду святыню, и, стоя на площади, мы увидѣли ее въ рукахъ священника,
при звукахъ музыки и сладкомъ пѣніи».

Po'riposati e fatta collezione
Ritornammo alla pieve, chè mostrare
La santa orliqua n'era la stagione;
E'n sulla piazza stando a riguardare
Quella vedemmo in man del sacerdote
Mostrar con suoni e con dolce cantare.

Мужчины и женщины толпятся вокругъ красиваго юноши; почему, во избѣжаніе какихъ-либо неудовольствій (per non aver scorno), оба спутника возвращаются въ монастырь; но здѣсь толкотня кругомъ ихъ становится еще сильнѣе: толкуются и пробираются впередъ тѣ, отъ кого всего менѣе того ожидаешь: *)

Ma poi che dentro a quel fumo serrati,
In una loggia presso al parlatoro,
Fummo con altri alla mensa assettati.

Chi avesse veduto il concestoro
Di quelle ninfe accolte per vedere
Costui, e la quistion ch'era tra loro!

Però che tutte non potean capere
A quella finestrella, onde con ira
Si sospigean facendosi cadere;

E tanto furiosa fu la tira
Che si graffiaron l'una e l'altra il viso
Pel superflo calor che'n lor s'aggira.

La gelosia ch'io avea si voltò in riso
Veggendo la gran zuffa e'l gran romore;
Con maraviglia le miravo fiso.

*) «Въ лоджіи, рядомъ съ приѣмной, насъ вмѣстѣ съ другими усадили за столъ. Посмотрѣлъ бы тогда кто нибудь на этихъ нимоъ, какъ онѣ толпились, чтобъ поглядѣть на него, какой между ними поднялся споръ, потому что всѣмъ негдѣ было помѣститься въ окошкѣ, и онѣ толкали другъ друга съ гнѣвомъ, падали и царапали другъ другу лицо—такъ воспламенила ихъ излишняя любовь.—Эта свалка и шумъ обратили въ смѣхъ мою ревность; я дивился на нихъ, но потомъ началъ грозно: Вы, посвятившія свое сердце Діанѣ,—что побуждаетъ васъ повиноваться тому, кто властвуетъ третьимъ небомъ? (т. е. Венерѣ). Къ чему мучите вы другъ друга? Гдѣ ваше воздержаніе и скромность? Гдѣ взаимная любовь? Въдь вы зовете другъ друга сестрами. Гдѣ обѣщанная вами непорочность? Эти слова утишили ихъ рвеніе, и онѣ удалились не говоря ни слова, иная смущенная, иная побѣжденная любовью».

Ma poi rivolto con fiero tenore
Incominciai: O donne ch'al servire
Diana avete sottomesso il core!

Dê qual cagion vi fa tanto ubbidire
A quel che'l terzo ciel à in podestade,
Che l'una l'altra facciate languire?

Ov'è vostra astinenza e l'onestade?
Ov'è l'amor? Voi vi chiamate suore:
Ov'è vostra promessa castitade?

Queste parole attutaro il loro amore (sic);
Onde senza pigliare alcuna scusa
Ciascuna si partì con gran dolore,

Qual da vergogna e qual d'amor confusa.

Приключенія обоихъ путешественниковъ на возвратномъ пути во Флоренцію, если можно, еще курьознѣе. Прибывъ въ Сесто, они видятъ окруженнаго толпою скомороха (*giocolare*), который рассказываетъ въ началѣ одну изъ новеллъ Боккаччо и затѣмъ начинаетъ показывать фокусы и хвалиться своей ловкостью, проделками и искусствомъ, болѣе чѣмъ подозрительнаго свойства,— все это за тѣмъ, чтобы привлечь къ себѣ юношу, котораго красота возбудила въ немъ нечистыя мысли. Мы приводимъ здѣсь весь этотъ отрывокъ, интереснѣйшій по многимъ бытовымъ указаніямъ: такъ между прочимъ мы узнаемъ изъ него, что въ XIV—XV вв. новеллы Боккаччо, и вообще новеллы, рассказывались на площадяхъ, тогда какъ *cantari di piazza* можетъ быть произносились на распѣвъ, какъ и теперь еще легенды и отрывки изъ народныхъ книгъ. — На нѣкоторыхъ другихъ бытовыхъ аллегоріяхъ, нескромно протягивающихся черезъ все содержаніе роменно, мы не останавливаемся, какъ на недущихъ къ дѣлу *).

Era già il sole all'occase vicino
Forse a due ore, quando manifesto
Molta gente vedemmo in sul cammino

*) Уже до заката оставалось часа два, когда мы увидѣли толпу народа на дорогѣ въ виллу, что зовется Сесто: она окружила человека почтенной наружности, двѣтистой рвчи, котораго смущенное лицо свидѣтельствовало, что философія воспитала его въ своей школѣ: такимъ благовоспитаннымъ онъ ка-

D'una villetta, che si chiama Sesto:
Questi avien fatto tutti un cerchio intorno
A un che più ch'altro uom parea onesto.

L'aspetto suo e'l suo parlare adorno,
La testa in cui ogni altra fantasia
Chiaro pareo che facesse soggiorno,

Sembianti dava che filosofia
Allevato l'avesse in la sua scuola:
Tanto pareo pien di cortesia.

Costui seguendo con sua dolcie mola,
Per dar contentamento a'circustanti
Ch'attenti stavan senza far parola,

Incominciò: *«Come voi tutti quanti
Innarrar udisti il Boccaccio poeta (sic)
Che per sue gran virtù fe' libri tanti;*

*Fra'quali una novella vaga e lieta
M'occorre raccontar, ch'è delle ciento
Delle qual tutta Italia n'è repleta»*.

*Ciascuno di noi a udire era attento,
Quando del prete e della Belcolore
La storia disse col proprio argomento,*

*E con quelle parole che l'autore
In sul suo libro poetando scrisse
Co'propri punti e col proprio tenore.*

заялся. Все стояли кругомъ, внимая въ молчаніи, когда, чтобы потѣшить слушателей, онъ началъ такъ: «Вы все слышали про поэта Боккаччо, что написалъ столько хорошихъ книгъ; теперь я расскажу вамъ одну веселую и хорошую новеллу, изъ числа тѣхъ ста, которыми полнится Италия». Каждый изъ насъ слушалъ внимательно, когда онъ рассказывалъ исторію про священника и Бельколоре, всю какъ есть, и тѣми же словами, какими поэтически написалъ ее авторъ. Кончивъ новеллу, онъ на томъ не остановился и, схвативъ за руку моего спутника, сказалъ такіа слова: «какая счастливая звѣзда привела тебя въ эти страны, которыя сдѣлаются для тебя столь дорогими, что ты благословишь день и часъ твоего прибытія? Потому что еще не было ни одного тебѣ, подобнаго, кто-бы не постарался угодить мнѣ во всемъ. Погоди немного, я покажу тебѣ такіа диковинки, что ты на меня не удивишься. Сколько разъ поблагодаришь ты Зевса за такого друга, когда увидишь исполненнымъ на дѣлѣ, что я обещаю тебѣ. Впервые, если случайно полюбится кто нибудь

Finita la novella, non s'affisse,
Ma, distesa la man, pel braccio prese
Il mio compagno, e ta' parole disse:

Dè qual ventura t'à in questo paese
Guidato, che ti fia ancor sì caro
Che ne benedirai il giorno e'l mese?

Perchè nessun tuo par ma'fu sì avaro
Che non desiderasse di piacermi
Disponendosi a ciò senza riparo.

E però intendo ch'alquanto ti fermi;
E io ti mostrerò cose sì nove
Che mirar ti farò solo in vedermi.

Dè, quante volte ringrazierai Giove
Che t'ha conciesse sì fatta amistanza,
Quando vedrai quel ch'io dico per prove.

Prima s'adivenisse ch'un' amanza
A'begli occhi piacesse, come avviene,
Sol nello'ngengo mio prendi speranza:

Pistole comporrò con ta'catene
Ch'arebbon forza di pigliare il core
D'un tiglio o d'orso o'n cui più durezza ène.

E se si diletta il tuo valore
Andar di notte o portar il coltello,
Sempre sicur sarai da ogni rettore:

Perchè nessun sì fiero entra novello
Ch'io nol corrompa col mio dolce stile,
Sì operar so bene il mio zimbello.

Or, perchè aperto veggi se sottile
È'l mio ingegno per isperienza —,
Voltato a un garzon con atto umile

твоими прекрасными очами, какъ часто бываетъ, надѣйся на мой умъ: я стану сочинять для тебя такія письма, что въ ихъ сѣти попадется даже сердце тигра или медвѣдя. Еслибъ ты захотѣлъ гулять ночью и носить оружіе, тебѣ нечего будетъ бояться ректора: потому что нѣтъ такого яраго новичка, котораго я не обошелъ бы моими сладкими рѣчами: такъ ловко я ловлю ихъ на приманку. Но ты тотчасъ увидишь, какой я искусникъ». И, обратившись пріятливо къ одному мальчику, онъ сказалъ: «принеси пожалуйста два чистыя стакана, такъ чтобы всѣ видѣли, и одинъ пусть будетъ полонъ воды». Когда тотъ принесъ ихъ,—«смотрите всѣ», сказалъ онъ и, взявъ въ руки склянку какой-то чудной

Disse: «Ti priego che nella presenza
Di tutti rechi due bicchier lavati,
Che l'un sia pien d'acqua senza fallenza».

E que'che'ntese, tosto gli ha recati;
Et egli, avendo un ampolluza in mano
D'un perfetto liquor, disse: «Ognun guati».

E sopra'l volto versato pian piano
Quant' una lagrimetta del licore,
Mescolando col pien, si fe' trebbiano

Di tanto chiaro e perfetto colore,
Ch'appena credo fosse più perfetto
Quei ch'alle noze fecie il Redentore.....

Продолжая далѣе въ томъ же стилѣ онъ *)

Colle man proprie una mosca prese
E tosto l'annegò con gran tormento;

E questo fatto a ciaschedun palese
In sua virtù la fece ritornare,
Tal che subitamente a volar prese.

«Or non intendo quì più prove fare,
Però chè'l tempo è brieve; e, se'n piacere
T'è di voler la mia usanza pigliare,

жидкости, осторожно влилъ въ стаканъ каплю, которая, смѣшавшись съ водою, обратила его въ вино Треббьяно, такого чистаго и прозрачнаго цвѣта и т. д.

*) «Взявъ руками муху и потопивъ ее сначала въ глазахъ у всѣхъ, онъ оживилъ ее тотчасъ, такъ что она принялась летать. «Больше показывать тебѣ я теперь не стану, потому что нѣтъ времени; но если ты заблагоразсудишь остаться со мною, ты каждый день узнаешь тысячи подобныхъ фокусовъ, цѣлебныя силы всѣхъ травъ и таинства природы. Потому я прошу тебя не отказываться отъ счастья, посылаемаго тебѣ Богомъ. Гдѣ найдешь ты вѣрнаго человѣка, котораго друзья такъ часто просили-бы къ себѣ въ крестныя отцы? Рѣшайся-же, благородный юноша: сжалишься-ли ты надо мною, или останешься непреклоненъ къ моимъ достоинствамъ, столь ясно обнаруженнымъ? Никто до сихъ поръ не устоялъ противъ Бальдо—не знаю будешь ли ты столь жестокимъ къ себѣ, что не пожелаешь имѣть меня твоимъ пѣстуномъ.—То мое имя, а отца звали Микеле».

Miglia' potrà'ne ogni giorno vedere,
E sì d'ogni erba ogni somma virtute
E natural segreti in prove vere.

Adunque i'priego te che non rifiuti
Quella ventura, che Iddio ti concede,
Qual fia cagion di tua somma salute.

Qual troverrà' tu mai il qual di fede
Fusse quant'io dagli amici richiesto
A figliuol battezzar per loro merzede?

Che farai dunque, o giovinetto onesto?
Sarai di me piatoso o starai saldo
Veggendo il mio valor sì manifesto?

Nessun potè mai riparare a *Baldo*;
Non so se ti sarai tu sì crudele
Che mi rifiuti per tuo manovaldo:

Quello è il mio nome, e'l padre fu *Michele* ⁽¹⁾)

Но пора намъ оставить ярмарочныя сцены и безстыдныя кривлянья фигляра и перейти къ майскимъ празднествамъ, поэтическому обычаю итальянскихъ и въ особенности тосканскихъ деревень. Въ XVI-мъ вѣкѣ упоминаетъ о нихъ въ Мантуѣ макароническая поэма Теофило Folengo. Въ первый день Мая всѣ садятъ передъ своими жилищами высокія деревья и вѣтви, получающія названіе отъ мѣсяца. Народъ ходитъ по улицамъ за телѣгами, которыя возятъ быки, увѣнчанные и украшенные длинными фестонами изъ розъ. На телѣгахъ вороха зелени, померанцевыхъ, миртовыхъ, лавровыхъ листьевъ, стебли майорана и розмарина; тутъ всякаго сорта тополи, дубъ, вязъ и плющъ; къ нимъ привѣшены разныя бездѣлушки и украшенія, тонко сдѣланныя изъ бумаги, и вѣтеръ свободно играетъ ими, перебрасывая во всѣ стороны. Поверхъ всего, мальчикъ съ повязанными глазами и лукомъ въ рукѣ изображаетъ крылатаго купидона; онъ мететь стрѣлы во всѣ стороны. Толпа молодыхъ дѣвушекъ, убранныхъ цвѣтами, провожаетъ шествіе; онѣ несутъ въ корзинахъ янца и поютъ, ходя по городу ⁽²⁾). Нѣчто подобное сообщаетъ и Полидоръ Виргилій, изъ Урбино, хотя съ меньшими подробностями: и у него молодежь обоюго пола выходитъ въ поле на первое Мая съ плесками, собираетъ зеленныя вѣтви, которыя разставляются передъ жилищами, и всякій считаетъ долгомъ въ тотъ день

носить какую нибудь вѣточку или траву: иначе онъ подвергается опасности быть погруженнымъ въ воду ¹⁹⁹). Свѣдѣнія о подобныхъ-же празднествахъ въ Тосканѣ восходятъ къ еще болѣе ранней порѣ. Флорентійскіе историки повѣствуютъ, что еще въ первыя времена республики праздновались во Флоренціи и ея области *майскія календы* (*calen di maggio*) и съ ними возвратъ весны, пѣснями и музыкой, плясками и пиршествами. Когда въ XIII вѣкѣ Adenes li Rois посѣтилъ Тоскану, эта поэтическая обрядность должна была сильно поразить его воображеніе, если онъ счелъ нужнымъ упомянуть о ней въ своемъ романѣ *Cléomadés*. Прибывъ въ одинъ тосканскій замокъ, Chastiau noble, принадлежавшій царю Кормону, герой романа открываетъ въ немъ прекрасную залу, гдѣ на столѣ изъ слоновой кости и хрусталя, покрытомъ бѣлой вышивной скатертью, были приготовлены яства и вино въ золотыхъ чеканныхъ сосудахъ. Таковъ былъ давній обычай въ этомъ замкѣ, что два раза въ году дѣлались такія приготовления: въ Маѣ, потому что въ этомъ мѣсяцѣ завелъ ихъ первый ихъ учредитель, и въ Іюнѣ, когда бываетъ привольно гулять по саду. Въ продолженіи этихъ двухъ мѣсяцевъ каждый вечеръ уставляли столъ всякими яствами и питіями и затѣмъ уходили послѣ того какъ ихъ священники благословятъ все принесенное. Таково было чествованіе Мая и Іюня: Мая за его красу (*joliveté*), Іюня за его плодородіе. На другой день, помолившись своимъ богамъ (Тоскана представляется еще страшною языческою), всѣ возвращались, царь Кормонъ отвѣдывалъ кушанья и вина, за нимъ его приближенные, и тогда начинался праздникъ и веселье, гремѣла музыка, не было такого инструмента, который не нашелъ бы здѣсь своего представителя—и авторъ принимается перечислять ихъ во всей подробности ²⁰⁰). Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ случаѣ раздавались и такъ называемые *taggi* (старо-прованс. *kalenda maia*), народныя канцоны, имѣвшія отношеніе къ весеннему празднику, либо нарочно слагавшіяся поэтами въ народномъ стилѣ,—ихъ ранніе образцы представляютъ стихотворенія Гвидо Кавальканти, Соццини и Анджело Полиціано,—и какъ на улицахъ Мантуи должны были красоваться зеленые вѣтви, въ Тосканѣ *maio* ²⁰¹), которыя крестьяне садили передъ дверьми своихъ возлюбленныхъ, а иногда носили по городу, украсивъ ихъ свѣжими вѣнками, яркими лентами и даже небольшими подарками ²⁰²). Еще и теперь въ тосканской кампаньѣ живетъ весенній обрядъ *maio* и *taggio*, къ

нему присоединяется иногда представлѣніе какой-нибудь изъ народныхъ героико-комическихъ драмъ, также слывущихъ подъ именемъ *Maggi*, впрочемъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти представлѣнія правильно приурочены къ мѣсяцу Маю: въ такомъ случаѣ пьеса обыкновенно открывается стихами въ похвалу цвѣтущаго времени года. Другое названіе для нихъ— *Giostre* (турниры), потому ли что сраженія и воинскія игры составляютъ ихъ довольно обыкновенное содержаніе, или, можетъ быть, онѣ были когда-то настоящими турнирами ***). Во всей этой пестрой обрядности множество знаменательныхъ чертъ, ведущихъ отъ языческой старины: мѣсяцъ Май, приводившій за собою весну, очевидно представлялся какимъ-то торжественнымъ праздникомъ любви, побѣдою творческой силы природы надъ зимнею мощью, изгнавшею-было веселье съ высокой Мариньолы (*Marignolle sougana*). Мы припоминаемъ по этому поводу, что первый день Мая былъ посвященъ Римлянами Благой богинѣ, *Vona Dea, Maia*, съ именемъ которой соединяется понятіе о ростѣ, обилии. Ея постоянный эпитетъ въ римскихъ молитвахъ, *Maia Vulcani*, ближе опредѣляетъ ея существо какъ богини земли, которую весною оплодотворяло живительное начало огня (Вулканъ). Интересно, что въ нарѣчіяхъ средней Франціи *mai* называется боярышникъ (*alba spina, aubepine, Hagedorn, Weissdorn*), играющій большую роль въ индоевропейскихъ мифахъ о снесеніи небеснаго огня. Испанское *majuela*, плодъ боярышника, можетъ быть этимологически связано съ *mayo, mayuelo*—майское древо, итальянскимъ *maggio* (сл. *Poema di Alexandro, copla 604: Decien que avle Ector plantado mal mayuelo*); старочешское названіе для мѣсяца Мая, *trnорuk*, стоитъ очевидно въ связи съ тѣмъ-же рядомъ представлений; въ обрядахъ римской свадьбы употреблялись факелы, сдѣланные изъ боярышника, эротическое значеніе котораго становится яснымъ изъ той роли, какую онъ игралъ въ майскихъ празднествахъ Флоры. *Floralia*, продолжавшіяся отъ 28-го Апрѣля по 3 Мая, представляются намъ главнымъ прототипомъ итальянскихъ *Maggi*. Онѣ сопровождались весеннимъ разгуломъ и шумнымъ весельемъ (сл. старофранц. *mai—joi, plaisir*; старонѣм. *meienbaere — dem Mai entsprechend, freudenreich*): яркаго цвѣта одежды и блескъ освѣщенія были ихъ необходимой принадлежностью, точно также какъ мимы, гдѣ женскія роли противъ обыкновенія и только на этотъ разъ исполняемы были танцовщицами: среди танцевъ онѣ по требо-

ванію публики сбрасывали верхнюю одежду и оставались такимъ образомъ болѣе или менѣе обнаженными. Въ циркѣ гоняли зайцевъ и козъ; бросали въ народъ горохъ и бобы,—всѣ пускались подбирать ихъ, суетясь и толкая другъ друга; или устраивался бѣгъ изъ людей, несущихъ цѣпты, преимущественно розы. Если мы прибавимъ къ этому еще ту подробность, что перваго Мая римская молодежь ходила за городъ набирать зеленыхъ вѣтвей и украшала ими двери родныхъ и людей почтенныхъ лѣтъ,—мы нашли почти всѣ элементы итальянскихъ *taggi*, въ особенности древнѣйшихъ, съ образцами которыхъ мы тотчасъ познакомимся ²⁰⁴). Въ ихъ первобытномъ эротическомъ характерѣ, кажется, невозможно усумниться. Такъ представилъ дѣло и авторъ нашего романа, перенесъ веселое общество Парадизо въ первые дни Мая, «когда нѣжные зефиры и прозрачный воздухъ манятъ къ наслажденіямъ любви все живущее на землѣ и въ небѣ: почему высокіе холмы и тѣнистые лѣса одѣваются свѣжею листвою и пестрыми пахучими цвѣтами; на смѣющіеся луга высыпали безчисленные звѣри, и въ густыхъ вѣтвяхъ порхаютъ и покоются птицы, ища любви» ²⁰⁵). Описаніе Кипра и дворца Венеры въ первой книгѣ романа, правда—немного растянутое, вмѣстѣ съ фресками, изображающими античныхъ любовниковъ, и разсужденіями о тройственной любви Аристотеля—не что иное, какъ введеніе къ послѣдующимъ майскимъ сценамъ, въ аллегорическомъ стилѣ, какъ того требовалъ литературный вкусъ того времени. Это, разумѣется, не отнимаетъ отъ нихъ характера реальности. И въ *Giucoso d'amore* Джованни да Прато аллегоріи не менѣе: Касторъ и Поллуксъ означаютъ тамъ мѣсяцъ Май, какъ и въ нашемъ романѣ ²⁰⁶), любовь обратилась въ *Dio Cupido*, и вообще мифологическихъ прикрасъ вдоволь; а между тѣмъ подъ этимъ чуждымъ покровомъ, этимъ «*velame dei versi strani*», мы встрѣчаемъ живыхъ людей и крестьянскія клички: *Tancia*, *Rubino* и *Fiammetta* и *Diamante*, *Viola*, *Lisa* и *Stella*, *Cosa* и *Costanza*, *Ginevra*, *Elèna* и *Tulla*, *Gigi*, *Papi* и *Smeraldo*, *Perino*, *Vezzino* и *Dueri*, *Alessandro*, *Berto* и *Rinieri*. И все это поетъ, пляшетъ, играетъ въ жмурки (*mosca cieca*), и даже устраивается казовой турниръ. Однимъ словомъ—настоящій майскій праздникъ, какъ, можетъ быть, онъ на самомъ дѣлѣ справлялся въ старой Флоренціи, только-что аллегорическій покровъ, на него наброшенный, слегка замаскировалъ его реальность, перенесъ его внѣ условій времени и пространства въ какое-

то фантастическое царство любви, гдѣ все какъ будто красивѣе, дворцы болѣе изящной архитектуры, луга зеленѣе, любовники влюбленнѣе и смѣлѣе страсти *)).

Non tiepido pensier v'è l'ragione,
Non freddo core ozioso e lento,
Non tema, non pensier di riprensione.

Quivi è i sollazzi, quivi è ardimento,
Quivi è l'air benigno pien di riso,
Quivi sospir d'amore e buon talento;

Quivi le trezze d'or ragliono el viso
Di ciascuna donzella innamorata:
Ch' i'per me non so altro paradiso.

Кажется, самъ авторъ находится подъ обаяніемъ этого чуднаго видѣнія: любовники, бродящіе по лѣсу съ пѣснями, кажутся ему влюбленными птичками, которыя собрались въ стаи и пѣніемъ выражаютъ пылкія желанія своего сердца (*l'ardor del cuore*); въ голосъ cadaго ему слышатся слова: *amore, amore*; иной разъ они представляются ему тысячью блестящихъ духовъ (*sfavillanti spiriti*) съ золотыми крыльями, что въ сладострастномъ желаньи любятъ другъ на друга, какъ на свое отраженіе (*con dolce disio fanno di se spera*). Въ яркомъ свѣтѣ стоитъ вся окрестность: **)

I pini e faggi, gli alberi e l'alloro,
L'erbe e fioretti, le campagne e'sassi
Lustravan forse più ch'altro tesoro.

Небо и земля, самый воздухъ какъ будто отражаютъ повсюду разлитое счастье: ***).

Ridea il cielo, perchè raggia il giorno,
Ridea la prateria,
Ridea l'aere benigno, pien di sono,
.

*) «Здѣсь мысль не сдержана, нѣтъ сердца вялаго и недѣятельнаго, нѣтъ боязни укора: здѣсь разгулъ наслажденія, благорастворенный воздухъ полонъ смѣха, любовныхъ вздоховъ и готовности любить; въ золотыхъ кудряхъ свѣтится лицо каждой влюбленной дѣвушки. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю другаго рая».

**) «Сосны, букъ и лавръ, трава и цвѣты, луга и утесы свѣтились больше всякаго сокровища».

***) «Смѣялось небо въ блескѣ дня, смѣялся дугъ и благорастворенный воздухъ, полный звуковъ..... Какъ хорошо это синее небо!..... Такого воздуха не было и въ Тулѣ, она не была столь зеленая и цвѣтущая».

Chè c'è sì bello l'aire cilestrino:

Sì benigno aere mai non ebbe Tile,
Nè sì fiorita fu, nè pien di fronde.

Это какой-то пьяный восторгъ любви, точно сонъ весенней ночи, съ красками болѣ яркими и формами болѣ фантастическими, чѣмъ въ дѣйствительности, но все же коренящійся въ той же реальной почвѣ и легко приводимый къ ея размѣрамъ, если удалить тотъ излишекъ томительнаго желанья и неосуществимыхъ грезъ, которымъ ничто не отвѣчаетъ въ жизни и только сновидѣнія даютъ какую-то призрачную состоятельность.

Посреди прекрасной долины, орошаемой небольшой рѣчкой, возвышается великолѣпный замокъ; внутри его зелень и цвѣты, пинии и мирты; надъ входомъ изображеніе Амура, устроенное съ такимъ хитрымъ искусствомъ, что, кажется, онъ произносить слова помѣщенной сверху надписи: Здѣсь царить любовь, когда кругомъ господствуетъ смерть (*Quivi amor regna, quand'altrove è morte*). Вступивъ во внутренность зданія, вотъ что тамъ видятъ авторъ: *)

Inanzi mi vedea a poco a poco
Ridere una pianura in vaghi fiori
Co'leggiadre fontane in ogni loco.

Il guardo, il veder, i'rosso, i santi odori,
Gli ermellini e'conigli e'vagli vai,
I rucelletti, l'erbe, gli sprendori

Faceano il santo loco ch'io trovai
Arder d'amore: ov'io nel dolce rezzo
Isfavillar vedea i santi mai.

Quiv'era ninfe e giovinetti in mezzo,
Pirramo e Tisbe nell'età fiorita
Parieno, e'l bel Narcisso in tal fu sezzo.

*) «Передо мною понемногу раскрылась смѣющаяся поляна, покрытая красивыми цвѣтами, съ прекрасными фонтанами повсюду. Здѣсь богатство красокъ и благовопія; здѣсь горностаи, кролики и бѣлки; ручьи и трава—все въ какомъ-то чудномъ свѣтѣ, будто любовью горитъ вся окрестность. Въ тѣни блестятъ майскія вѣтви; здѣсь нимфы и съ ними юноши, они напоминаютъ цвѣтущую юность Пирама и Тисбе, и красавецъ Нарциссъ былъ тамъ послѣднимъ. Въ глѣсу толпы прекрасныхъ любовниковъ ведутъ райскую жизнь; дѣвушки и юноши обнимаются и вдыхаютъ..... Одни забавляются на лугу и поютъ любовныя пѣсни,

In questa selva che quiv'era sita
Vidi le gregge innamorate e belle
U'paradiso far di questa vita:

Quivi abbracciar vedea le donzelle,
Sospirar e baciare i giovinetti
E morder nel bel sen le lor mammelle.

Tal sopra'l verde co'molti diletti
Cantavan canzonette innamorate
Tenendo le lor guance fra lor petti;

Altr'erano al ballar tutte infiammate:
Chi sollazzava tra gigli e viole,
E tal le chiome d'oro scapigliate;

Ta'ride, e qual si cruccia con parole,
E poi con un baciare àn fatto pace;
Chi scherza: e tal'è che all'amor si duole;

Altr'era che l'amor par ben verace
Perchè rapia il suo sommo disiro,
Sè voltolando fra l'erbette giace.

Il tempo vago e'l ciel tutto zaffiro,
E gli useletti in su le verdi fronde
Facieno un paradiso più ch'empiro.

Nitide, fresche, dolci e leggiadre onde
Da una parte di quella foresta
Vediesi: ch'un be'rio sì la circonde.

Ai, quanta ricca e trionfabil festa
Vedea, chè dillo giammai non potria
Nèmmaginare alcun dentro a sua testa!

I'vidi apresso *una fonte giulla*
Ch'era formata di fine alabastro;
Le sponde eran be'gradi ch'ella avia:

склонивъ голову на грудь милой; другіе отдались страстной пляскѣ; кто играетъ среди лилій и фіалокъ и всклокочилъ золотыя кудри; одинъ смѣется, другой жалуется, и миръ тотчасъ же заключенъ поцѣлуемъ; кто шутить, кто кручинится на любовь, а другому она высшее блаженство, потому что онъ ея добился и нѣжится въ травѣ. Прекрасная погода, синее небо и пѣніе птицъ на зеленыхъ вѣтвяхъ дѣлали изъ всего этого какой-то неземной рай. Свѣтлыя, холодныя, прекрасныя волны потока окружали съ одной стороны лѣсъ. Какое великолѣпное зрѣлище мнѣ тутъ представилось, его ни передать, ни вообразить никому ни удастся! Я увидѣлъ прекрасный фонтанъ изъ тонкаго *алебастра*, окра-

E sopra quelle sponde cerchia un nastro
Di fin'oro, zaffini e diamanti,
Chè a pur seren non iscintillò mai astro.

F com'facieno i compassi davanti,
E spiritelli parton le tarsale,
Raggiono in foco, parlen vivi santi.

*D'otto facce formal'è tal effie,
Una colonna d'ore per suo centro
Facea quelle facce sì giulle;*

E in mezzo d'ognuna (io in vago cho impentro)(sic)
*Eran fieri animali in bel tesoro
Ornati tutti intorno, fuori e dentro.*

*'N sulla colonna ch'io v'ò detto d'oro
Otto lioni istanno in vaga vista
Che verson aqua giù in quel lavoro;*

*Sopra lor dosso giace un' altra lista
Di foglie di smeraldo tanto fino
Ch'ogni altro verde perdeva la vista:*

*Vener tagliata v'è sù d' u'rubino,
Di perle coronata co'suoi figli.
Intorno per quell'aire cilestrino*

Fiori, rose, viole e freschi gigli
Uscivan del fogliame di smeraldo:
Qual eran gigli bianchi e tai vermigli.

Quivi scherzar con amoroso caldo
Vedea i giovinetti e le fantine
Col core allegro, dilettrato e baldo. ²⁰⁷⁾

ины его шли ступенями осмигранника; полоса чистаго золота вьется по нимъ съ узорами изъ яхонтовъ и алмазовъ блестящихъ, какъ ни одна звѣзда не блеститъ въ ясномъ небѣ. Тамъ, гдѣ сходятся стороны осмигранника, причудливыя изображенія раздѣлили узоры, гора словно въ огнѣ; каждая сторона украшена чудными фигурами животныхъ. Посреди всего поднимается золотая колонна, на ней восемь львовъ, изъ которыхъ струится вода; на ихъ спинахъ, на капители изъ изумрудныхъ листьевъ образъ увѣнчанной Венеры и ея сыновей, изваянный изъ рубина; крутомъ него изъ листьевъ выходили розы, фиалки, бѣлыя и алыя лиліи.—Тутъ я увидѣлъ юношей и дѣвушекъ; они рѣзвились, полныя веселья и желанія».

«Эй молодцы, красныя дѣвушки», — кричитъ Смеральдо, — эй Лиза, Танчія, Віола, Рубино! давайте играть здѣсь въ этихъ цвѣтахъ! Всякій прячется по лѣсу такъ, чтобъ Рубино его не видѣлъ — потому что его очередь искать. «Условія такія: кого перваго найду, тотъ на плечахъ донесетъ меня до фонтана. Я завязываю глаза, пусть всякій прячется». Такъ говоритъ Рубино и, снявъ покрывало съ груди Стеллы, завязалъ имъ лице и бѣлокурые волосы. Одинъ забился сюда, другой туда; иной смѣется и рѣзвится, увѣнчавъ цвѣтами голову, другой повалился въ зелень, чтобы скрыться отъ солнечныхъ лучей. Плутая промежъ цвѣтовъ, полный тайнаго желанія, Рубино находитъ въ кустъ розъ и фіалокъ Танчію, и игра въ прятки становится подъ конецъ настоящимъ *Giucoso d'amore*. А между тѣмъ на лугу затѣялось новое удовольствіе: *)

*I'mi rivolsi tutto grolioso,
E vidi più di mille be'corsieri
Apparecchiati, e ciascun ben voglioso;*

*Con ciascun era valletti e scudieri
In su palafren 'canidi e lattati,
E par guardargli ciascun volentieri.*

*Egli erano in ricchezza sì addobbati
Ch'arien tolto la vista al gran tesauero
Degli orti d'Ansüero sì pregiati ***).*

*La metà tutta sì raggiava in auro (sic),
I lor divisa spinte di perle
Di seta verde più di fronda del lauro (sic);*

*Quest' eran ricche gioie sì a vederle,
Che'namorar farieno i marmi e sassi;
Pure a pensar dunque a si presso averle?*

*L'altra metà insino a terra a'passi
Di seta bianca più che latte o neve
Era coverta come a ciascun fassi:*

*) Я обернулся и увидѣлъ множество великолѣпныхъ скакуновъ, при каждомъ изъ нихъ конюшіе и прислужники верхомъ на коняхъ бѣлыхъ какъ снѣгъ. Всѣ они одѣты такъ богато, что передъ ними померкли бы сокровища Агасверовыхъ садовъ. Одни блестяли въ золотѣ, ихъ девизъ выпитъ перлами по зеленому, какъ лавръ, шелку; и поглядѣть на нихъ — казалось, влюбился-бы камень, не то чтобы имѣть ихъ такъ близко около себя. — Другіе были одѣты въ длин-

Spiriti di rubin volando leve
Tutti occupavan la canida veste
Sì gentilmente, ch'a dir fora greve.

Объ партіи съѣхались, 'веселье идетъ повсюду (*standosi tutti in questa lieta cura*), хохотъ и пляска подъ звуки свирѣлей и трубъ (*cennamelle e trombetti*); вдругъ одна дѣвушка заговорила нѣжнымъ, свѣжимъ голосомъ (*con voce dolce, angelica e pura*): *)

«Odi, per Dio, quel ch'è ben aspirare:
A caval, a caval, dolce brigata!
Però che'l tempo fugge;
Ch'avendo il tempo, aspettando si perde».
Detto così i'senti' stormeggiare
D'infiniti tormenti, che mi strugge
Il cor per un disio che or m'inverde:
Uscir vedergli fuor nel campo verde
Ch'amando lor valletti e scudieri
Perin, Vezzino e Dueri.
«Suona trombetta tua omai a raccolta»!
Traran, traran: e traca gente molta;
Chi grida, e tal dimanda suo signore,
L'altro sospinge e passa borbottando.

И всѣ начинаютъ суетиться и снаряжаться, поднялась суматоха, кого толкнуть, кому достанется палкой; кто-то кричитъ: «Оставь его, онъ полуумный» (*Lassal gir, ch'egli è matto*). Но наконецъ все приходитъ въ порядокъ, всѣ сѣли на коней и начинается *giostra*. **)

Ogni schiera per se colla suo guida
Si trasse da l'un lato
Prendendo ciascheduno uno dardo in mano:

ныя шелковые одежды, бѣлье снѣга и молока, вышитыя рубинами, будто огненные духи летаютъ по бѣлому полю.—Такъ хорошо, что и рассказать трудно».

*) «Знаешь ли, что хорошо-бы теперь сдѣлать? На коней, на коней, веселая братія: время летитъ, а мы тратимъ его въ ожиданіи». Только-что сказаны были эти слова, какъ я услышалъ звуки многихъ инструментовъ, и во мнѣ самомъ загорѣлось желаніе посмотреть, какъ они выѣдутъ на зеленый лугъ, зовя своихъ служителей и конюшихъ, Перино, Вещино и Дуэри. «Протруби сборъ», слышится голосъ,—и всѣ бѣгутъ: одинъ кричитъ, другой ищетъ своего господина, третій толкается и ворчитъ».

**) «Объ партіи со своими бождами разѣхались: у всякаго въ рукахъ копьё; всѣ веселы, отъ великолѣпна одеждъ; лугъ кажется какимъ-то раемъ. Неподалеку,

Ciaschedun nel suo cor ben par che rida,
Tanto è ricco e addobbato
Ch'un paradiso pare il verde piano.
Apresso qui e non troppo lontano
In fra due pini posta era chintana,
Gentile e non villana,
D'un cerchietto di perle per grillanda.
L'una brigata ch'è dall'una banda
Cominciò un drappel su per lo prato
E a giucar co' loro cavagli e dardi.
Giovane e bello col viso rosato,
Isnello e destro più che leonpardi,
Guidava questa bianca compagna;
Quell'altra verde, sì ricca e giulla,
Un altro giovinetto
Che creatura par di paradiso.
Veggendo giovineza trionfare,
Tutti già a cerchiare
Si avien la campagna
La candida compagna stormeggiando:
Pifferi gl'an sonando—e trombettini
Tronano: trini, trini;
Tamburi ancora grande istormo feno,
Bubbù, per quel sereno:
Sì ch'ognun mostra festa quanto puote.
Or pensa dolci note,
Quanti sospir d'amore,
Quanti dolci disiri i'lor concetto
Ch'andar facieno a ciaschedun cori,
Gustando tal diletto,
A rimirar ne'visi gli sprendori!

между двух сосенъ, повѣшена была цѣль въ изящной гирляндѣ изъ перловъ. Бѣлая партія начала гарцовать по лугу, пробуя лошадей и копыя; ея предводительствовалъ красивый, румяный юноша, быстрый и ловкій какъ леопардъ; другой юноша велъ зеленыхъ. Они объѣхали лугъ, бѣлая партія съ музыкой. Играютъ флейты, трубы и барабаны; всякій веселится какъ можетъ. Сколько тутъ милыхъ рѣчей, любовныхъ вздоховъ и желаній, возбужденныхъ зрѣлищемъ такой красоты!—Когда всѣ наѣздили въдоволь, оба юноши, руководивше тою и другою партіей, обратили взоры къ соснамъ (гдѣ была цѣль): кони играютъ подъ ними, звеня колокольцами; кто охорашивается, кто поправляетъ золотые

Poi ch'era l'una e l'altra compagna,
Preson sommo diletto
Inghirlandare il prato a lor piacere,
Standosi tutti in vita giulla,
L'uno e l'altro valletto
Che guidavan la festa in lor dovere,
Volsono in verso i pini il lor vedere,
In salti sollazzando i lor cavagli;
E stormo di sonagli
Che triumfar farieno il paradiso.
Qual poi s'assetta, e chi si to'dal viso
Le chiome bionde che mostran fil d'oro,
Forbendosi il sudor leggiadramente.
Poi assettato l'uno e l'altro coro
I'senti'dire: «O giovane ridente,
Corri gentile e fiero alla ghirlanda:
Cominciate, ch'amor si te'l comanda».
Sanza dire o tardare
Presta si mosse e fuggì come vento,
Il dardo suo ben seppe inghirlandare:
Onde gran grida senza restamento
Si si levar fra la lieta brigata.
Ghirlanda alta assettata
Si fe'sanza indugiare:
Gentil poi a spronar ebbe il cavallo;
E già non corse in fallo—questa volta
Ridea la gente molta,
A gara ciaschedun correr vola,
Ciascuna più giulla
Correndo (va) per lo prato fiorito.
Sanza pregare o'nvito
Ognun corre e festeggia,

гудри, набѣжавшіе на лицо, и отираетъ потъ. Когда всѣ изготовились, я услышалъ, какъ одна дѣвушка сказала: «О цвѣтущій юноша, скачи смѣло къ гирляндѣ; начинайте всѣ, Амуръ вамъ такъ повѣлѣваетъ». И, не говоря ни слова, она пустилась, быстрая какъ вѣтеръ, копые попало въ цѣль, и ликующіе крики поднялись со всѣхъ сторонъ. Тотчасъ же снова повѣсили гирлянду. Джентиле прищпорилъ лошадь и также не промахнулся. На этотъ разъ поднялся общій смѣхъ, всѣ впуски принимаются скакать по цвѣтущему лугу, въ непринужденномъ весельи оглашая воздухъ пѣснями. Здѣсь показали себя бойцы Амура: кто смѣется и поетъ и

L'aer sonando per diversi suoni,
Mostrando quivi amore i suo'campioni:
Ta' ride e canta, sollazza e vagheggia
D'amor chieggendo i doni
A chi lieto ode, ma'l viso rosseggia.

Sollazzando così co'lieto core,
Ginevra prestamente
Molti chiamò della vaga brigata
E disse: «Voi cui arde amore
Ascoltate al presente:
Ch'a petto vo'rompiate una fiata».
Gran copia di bigordi apparecchiata
Da'lor valetti fur, vaghi e giulli;
Mostran servire a dii,
Tanti presti, puliti e volentieri.
Dice Ginevra: «O Luigi, o Rinieri,
Correte insieme per amor di Tulla,
E Alessandro e Berto per Elena».
Or che più dire vo'vi? Ogni fanciulla
Quel dolze vagheggiare in vita mena,
Chè cominciar lo stormo a mano a mano:
Qual rompe, e qual correa pel verde piano,
Tal s'apparecchia e ride
E pien d'amor pensa furarsi un'amanza;
Altri fe'mossa, chè'l compagno il vide
Accennare e trillare ver lui la lanza,
Sicchè per forza poi incontra volaro.

забавляется, испрашивая даровъ любви, и его слушаютъ весело, хотя лицо и горитъ стыдливый румянцемъ.—Между тѣмъ какъ всѣ веселятся такъ усердно, Джиневра быстро позвала кое-кого изъ общества и сказала: «Вы, старающіе любовью, послушайте меня и сразитесь разъ». Множество копій заготовлено ихъ служителями, веселыми и расторопными; они служатъ своимъ господамъ такъ охотно, какъ будто какимъ-то богамъ. «Вы, Лунджи и Риньери»,—повторяетъ Джиневра,—сразитесь ради любви къ Туллѣ, а Алессандро и Берто—ради Елены». Что сказать вамъ болѣе? Тутъ всякая дѣвушка наслаждается жизнью. И бой мало-по-малу затѣвается: кто нападаетъ, другой скачетъ по зеленому полю, третій еще готовится и смѣется, разсчитывая похитить насильно любовь; яной уже двинулся и товарищъ видѣть, какъ онъ намѣтилъ на него копьѣ—и оба сразились. Здѣсь никто не скупится на удары: ломаютъ копья, кони гнутся отъ ихъ натиска, на лугу идетъ жестокий бой. Пылая любовью къ Еленѣ, которая была съ нимъ рядомъ, Алессандро похищаетъ ее, цѣлуетъ въ бѣлую шею

Quivi nessun avaro
In correre e spezzare,
I bigordi piegar ne'lor corsieri.
Ai quanti colpi fieri—lì fu pel prato.
Alessandro infiammato
D'Elena bella ch'a sè presso avia
Corse, e sì la rapia,
E'l viso sì le mettea fra'l suo seno;
Bacia il collo sereno
Per lo prato fuggendo
Verso il palazzo, infiammando d'amore.
L'altre fanciulle e donzelle con ardore
Cominciaro a gridar tutti ridendo:
E a'più arde il core
Cenni d'amor l'uno all'altro faccendo.

Мы очевидно имѣемъ здѣсь дѣло съ майскимъ потѣшнымъ турниромъ, giostra, болѣе примитивнаго характера, чѣмъ тѣ *giostre*, иначе называемые *taggi*, которые еще до сихъ поръ въ употребленіи въ тосканской деревнѣ и теперь не что иное какъ драматическія пьесы, разыгрываемыя народомъ, но уже очевидно сочиненныя, заимствованныя изъ литературнаго источника. Въ нашей джострѣ, наоборотъ, подъ реторическою оболочкой, наброшенной поэтомъ, чувствуется болѣе коренной типъ; ея содержаніе, очевидно, болѣе народное, отзывающееся самобытностью обычая, какъ крестьянская игра въ прятки, которая ей предшествуетъ, или баллаты и *rigoletti*, слѣдующіе за ней въ поэмѣ. На общую связь праздника съ римскими флораліями мы указали выше; здѣсь мы хотѣли-бы, въ видѣ опыта, распространить сравненіе на смежныя миѣическія области, чтобы не упустить, по возможности, ни одной аналогіи. Въ числѣ майскихъ обрядовъ, ведущихся въ Германіи, преимущественно по Рейну, въ Швейцаріи, Баваріи, Штиріи и въ былое время въ Швеціи, извѣстенъ миѣическій бой лѣта и зимы, которыхъ представляютъ переодѣтые парни; иногда за ними слѣдуетъ ихъ войско, тоже принимающее участіе въ битвѣ. Лѣто обыкновенно въ зеленомъ костюмѣ изъ свѣжихъ вѣтвей и цвѣтовъ,

и принимается скакать по направленію къ замку; увидѣвъ это, другія дѣвушки провожаютъ ихъ смѣхомъ и криками; у всѣхъ загорѣлось сердце, и они дѣлаютъ другъ другу знаки любви.

плюща или барвинка (иногда просто въ рубахѣ); зима окутана
мохомъ и соломой, или вообще въ теплой одеждѣ. Не напоми-
наетъ-ли это двѣ противоположныя толпы зеленыхъ и бѣлыхъ
всадниковъ, на какія раздѣлилась наша итальянская *giostre*?
И въ Швеціи деревенская игра лѣта и зимы, въ разсказѣ Олая
(*Olaus Magnus*), также принимала всѣ формы роскошнаго турнира,
въ соответствии съ болѣе развитыми потребностями городского
быта. Если, по замѣчанію Я. Гримма, праздники Остары, пере-
шедшіе теперь на Пасху, соприкасаются во многихъ отношеніяхъ
съ празднествами мая и встрѣчи весны, то и здѣсь снова пред-
ставляется интересное совпаденіе: потому что, какъ первобытныя
giostre, въ смыслѣ потѣшныхъ игръ, турнировъ, выродились
впослѣдствіи въ драматическія представленія, — такъ нѣмецкіе *Ost-
terspiele*, родъ средневѣковой драмы, находятъ свой первообразъ
въ народной игрѣ, описанной въ плясовой пѣсенкѣ (*Sommer und
Tanzlied*) миннезингера Goeli: въ пору, когда начинаютъ зеленѣть
луга и сады, выступаетъ Friedeboltъ съ товарищами, воору-
женные длинными мечами, и предлагаютъ исполнить *österspiel*, та-
нецъ съ мечами, въ которомъ участвовали 12 человекъ, при чемъ
одинъ изъ пляшущихъ представлялъ лѣто, побѣждавшее зиму.
Присоедините ко всему этому, что на старо-французскомъ языкѣ
may означало, между прочимъ, родъ турнира¹⁰⁹). — Какую бы цѣну
ни давали этимъ сопоставленіямъ, онѣ, кажется, объясняютъ намъ
значеніе старыхъ *giostre*, вродѣ описанной въ *Giucoso d'amore*,
на переходѣ отъ чисто-миѣическаго обряда, продолжавшаго рим-
скія флораліи, къ позднѣйшей формѣ майской драмы. Во всякомъ
случаѣ это были традиціонныя игры, полныя стараго обрядоваго
смысла, которыми народъ издавна праздновалъ возвратъ весен-
ней поры; и еще въ XIII-мъ вѣкѣ *Folgore da San Geminiano*
даетъ своей Веселой компаніи (*Brigata spendereccia*), въ числѣ
другихъ совѣтовъ, какъ лучше пользоваться каждымъ мѣсяцемъ
въ году, практическое наставленіе: въ маѣ запастись рысистыми
конями, пестрыми тканями и узорчатыми покрывалами, щитами
на подобіе *турнирныхъ*: «фіалки и розы и множество цвѣтовъ
пусть ослѣпляютъ каждаго; пусть ломаются копы, и съ балконовъ
и изъ оконъ летятъ внизъ гирлянды, а вверхъ померанцы; пусть
дѣвушки и юноши пѣлуются въ уста и ланиты, и разговоръ
идетъ лишь про любовь и наслажденіе». Все какъ въ нашей поэмѣ;
только-что авторъ *Giucoso* присоединилъ къ этому нѣсколько
искусственный тонъ разсказа, ему исключительно свойственный,

и форму аллегоріи и видѣнія, свойственную литературнымъ вкусамъ его времени. Позже явится Лука Пульчи, и въ его рукахъ народная *giostra* приметъ оттѣнокъ рыцарскаго романа; у Полиціано она становится придворною; и тотъ и другой уже воспѣваютъ ее въ октавахъ, сдѣлавшихся любимымъ размѣромъ описанія и разсказа, тогда какъ нашъ авторъ еще продолжаетъ держаться старой терцины, и, только переходя къ изображенію игръ и турнира, его стихъ обращается къ болѣе лирическому складу, болѣе быстрому и развязному, въ соотвѣтствіи съ быстро мѣняющимся темпомъ дѣйствія. Вотъ, между прочимъ, какъ описываетъ онъ хороводъ (*rigoletto*, *ballo tondo*), который дѣвушки затѣяли около фонтана: (*) ~

Una fra l'altre in piè si fu levata,
Dappoi ch'ebbe baciato un giovinetto
Che'n fralle braccia la tenea serrata,
E disse: «Su, facciamo un rigoletto»!
Non dopo molto spazio
In un pratel fiorito
Ov'era mille useletti in sulle fronde
Con gradi d'un topazio
Di perle e d'or guernito
Ch'una chiara fontana si circonde,
Vidi venire all'onde
Giovinetti e fantine
A fare un ballo tondo
Lieto, ricco e giocondo.
Non parlen cose umane, anzi divine:
Ond'io stava a vedere
Fuor di me quasi pel sommo piacere.

Scender da'rami
Una pioggia di fiori:
Parlen perle, zaffiri e diamanti.
«Dov'è quel che tanto ami
E per lui senti ardori?»

*) «Одна изъ нихъ встала, поцѣловавъ напередъ обнявшаго ее юношу, и сказала: «давайте водить хороводъ». Прошло не много времени, какъ на цвѣтущей лужайкѣ, гдѣ кругомъ въ вѣтвяхъ пѣли птицы, у прозрачнаго фонтана, котораго топазовые края украшены были золотомъ и жемчугомъ, я увидѣлъ, какъ дѣвушки и юноши начали водить веселый, роскошный хороводъ. Они казались скорѣе небесными, чѣмъ земными созданіями, и я смотрѣлъ на нихъ внѣ себя

Dicea l'una coll'altra. Quivi avanti
Lustrano i raggi santi,
Ride l'aere sereno
Per loro dolze parlare,
Ridere e sollazzare.

.....
Io, che attento stava
A veder quelle stelle
Che rotando se'n van pel dolze rezzo,
Fiso sì le mirava
Più ch'altre cose belle
E senti'dire a una ch'era in mezzo:
«Vedi, ch'io ti tramezo
Se presta tu non canti:
Or su, non indugiare!»
Presta volle cantare
Per non perder colui ch'avea davanti,
E cantò sì vezzosa,
Ch'ogn'alma cruda diverria piatosa.

Le parole e'l suo dire
Mostra quant'è gran pena
In amar cosa che da lei si fugge:
«Ben saria il me'morire
Ch'essere in tal catena
Dove segno d'amore il cor ti strugge,
E por la pianta all'ugge
Che sì consuma amore.
Ai quanto gran peccato
Sì fa chi è amato

отъ наслажденія. Дождь цвѣтовъ посыпался съ деревьевъ, словно перлы, яхонты и алмазы. «Гдѣ тотъ, кого ты такъ любишь и по комъ пылаешь?» пѣла одна дру-гой—и небо свѣтится, и воздухъ смѣется отъ ихъ сладкихъ рѣчей, смѣха и забавъ.... Когда, не спуская глазъ, я смотрѣлъ на эти свѣтила, вращавшіяся передо мною въ тѣни, я слышалъ, какъ кто-то сказалъ одной изъ среды ихъ: «Смотри, я тебя оставлю, если ты тотчасъ-же не начнешь пѣть. Не медли больше». —И она тотчасъ же начала пѣть, чтобы не потерять того, кто былъ передъ нею, и пѣла такъ сладко, что смягчилась бы всякая загрубѣлая душа. Она говорила, какое великое горе любить того, кто избѣгаетъ любви. «Лучше умереть, чѣмъ носить такіа цѣпи, когда сердце изнываетъ любовью, какъ растеніе блекнетъ въ тѣни. Въ великомъ грѣхѣ повиненъ—кто любимъ отъ всего сердца

A non amar chi l'ama di bon core! ²¹⁹)
Ome, merze i'chiamo
A chi fedele e puro servir bramo».

Poi che'l pietoso sono
Ebbe lieta finito,
Mosse vezzosa reverentemente,
E disse: «A te la dono,
Ermellina, a partito
Che canti tu come suo 'dolcemente».
E ella similmente
Co'r riverenzia bella
Dicendo: «È villania
Disdir cosa che sia
Amor di gentil donna o di donzella:
Io canterò a onore
D'ogni fedele amante e gentil core».

Voce chiara e soave
Da sua bocca amorosa,
Che moveria ad amor gelida pietra,
Tosto mosse; nè avara
Mostrò in alcuna cosa
Che gentil dama si scosti o s'arrettra.
Omai chi'l cor no'spetra
Ad amar chi'l disira,
Bassili(s)co istimare
Si può, nè non operare (?),
Ch'ancide co'suoi occhi quando mira:
Ma poi in lor vecchiezza
Piangon mal conosciuta giovinezza.

и не любить въ свою очередь! Пусть сжалятся надо мною тотъ, кому я готова служить вѣрно и неизмѣнно». — Кончивъ свою жалобную пѣснь, она пошла скромная, изящная. «Теперь твоя очередь, Эрмеллина, — сказала она, — ты поешь такъ сладко». И та отвѣчала на ту-же тему, граціозно поклонившись. «Не хорошо отвергать любовь дамы или дѣвушки; я стану пѣть въ честь всякаго вѣрнаго любовника и любящаго сердца». Ея звучный, нѣжный голосъ воспламенилъ бы къ любви холодный камень, когда она доказывала, что благородной дамѣ не слѣдуетъ быть въ чемъ-бы то ни было скупой или строгой: кто не смягчитъ своего сердца и не подлюбитъ вздыхающаго по немъ, того можно назвать василискомъ, убивающимъ своимъ взоромъ, на кого онъ посмотритъ. Но придетъ старость, и ему же самому придется плакать о томъ, какъ плохо онъ воспользовался молодостью.

Ciò che (ella) dicia
Nell'amoroso tono
Si è mostrar, quanta grol(i)a à due amanti
Ch'abbin vista giulla
E faccin di sè dono,
Ch'amor di lor triunfando si vanti.
O dolci baci santi,
O tremoli sospiri,
O dolce mormorare,
Amoroso abbracciare!
Quando l'un l'altro dice: «Or che pur miri?»
—Miro i begl'occhi e i'riso—
Mettendo poi fra le mammelle il viso.

—Non più, non più—dicea,
—Diviso d'esto mondo—
L'anima mia ridea,
E lo spirto giocondo
Più non spirava per la gran vittoria;
Sospesa è la memoria
Per lo intelletto fiso.
Dê, fugga dunque amore
Chi non à gentil core,
Perchè non merta (aver) quel paradiso.
Io per me il vo'seguire
Sperando un po'pietà anzi il morire.

Слѣдуютъ въ томъ же родѣ еще нѣсколько баллатъ и любовныхъ разговоровъ, которые авторъ заканчиваетъ гимномъ къ «пре-
лестнымъ созданіямъ того неба, гдѣ развѣваются золотыя кудри
Венеры» (*gentil creature di quel cielo dove Venere rota il suo
scin d'oro*): подъ звуки віолы его поетъ одинъ изъ присутствующую-

За то,—говорила она дальше въ любовной пѣснѣ,—какова слава прекрасныхъ любовниковъ, которые отдались другъ другу: ими гордится торжествующій Амуръ.—
Какіе поцѣлуи и робкіе вздохи, тихій говоръ и объясненія, когда одинъ говорить другому: что ты такъ смотришь?, а тотъ отвѣчаетъ: смотрю я на твои прекрасныя очи, — и прячетъ лицо на груди милой. — Я не хочу другой жизни, говорила она дальше,—и моя душа смѣялась, духъ замиралъ въ чувствѣ победы, и настоящее отнимало память. Пусть бѣгаетъ любви, у кого нѣтъ любящаго сердца: онъ не достоинъ такого рая. Что до меня касается, я ничего другаго не желаю, надѣясь, что надо мной смилуются прежде чѣмъ я умру».

щихъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе усѣлись кругомъ и съ боковъ, чтобы прислушаться къ чудной пѣснѣ:

A seder sì ponea lieto e attento

Per udir quel bel canto innamorato¹¹¹).

Если мы не ошиблись, говоря о реальномъ содержаніи аллегорическихъ поэмъ, едва ли кто-нибудь поставитъ намъ въ упрекъ обширныя извлеченія, которыя, заведя насъ въ сторону, заставили на нѣкоторое время позабыть общество, собравшееся въ садахъ Парадизо. Эти цитаты казались намъ необходимыми и возбуждающими интересъ, не столько потому, что самый роemetto остается до сихъ поръ неизданнымъ, и не по отношенію къ его автору, о которомъ намъ придется говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ, сколько по матерьяламъ къ характеристикѣ майскихъ празднествъ, вызывавшихъ въ садахъ Альберти веселыя пѣсни и баллады, философскія разсужденія и любовныя новеллы. На эти майскіе обычаи указываетъ, кажется, и Колуччіо Салутати въ одномъ мѣстѣ нашего романа, гдѣ, приглашая гостей къ себѣ на ужинъ, онъ говоритъ, что «таковъ въ эту пору флорентійскій обычай, который намъ слѣдуетъ хранить и соблюдать, потому что хорошее, укоренившееся обыкновеніе равносильно положительному закону». Нѣкоторыя выраженія романиста и слова мессера Антоніо даютъ поводъ къ тому же заключенію¹¹²). Замѣтимъ кстати, что любовь составляетъ главное содержаніе какъ романа, такъ и поэмы: опѣнивъ и взвѣсивъ что такое любовь вообще, романистъ предполагаетъ разсмотрѣть «ея различныя и противоположныя виды, и на сколько одинъ изъ нихъ достоинъ самыхъ высокихъ похвалъ, тогда какъ другой заслуживаетъ всякаго порицанія и хулы, на посрамленіе неводержности и порока. Разсмотрѣвъ и разузнавъ все это, мы съ тѣмъ бѣльшимъ удовольствіемъ станемъ проводить наши дни въ потѣшныхъ декламаціяхъ, полезныхъ и пріятныхъ разсужденіяхъ, разсказахъ и новеллахъ»¹¹³). Сообразно съ этимъ намѣреніемъ, дающимъ понятіе объ общемъ планѣ романа, онъ начинается фантастическимъ путешествіемъ въ царство богини Венеры, чтобы очутиться вслѣдъ за тѣмъ въ садахъ Парадизо; точно также и автора роemetto мы встрѣчаемъ вначалѣ одинокаго и задумчиваго, заблудившагося въ глухой долинь, будто Данте въ знаменитомъ темномъ лѣсу (*selva oscura*); и только «побѣдный и священный властелинъ» (*trionfante e sagro sire*) Амуръ выводитъ его оттуда къ шумному человѣческому веселью;

хотя и тамъ воспоминанія Овидія и тому подобныхъ классическихъ чтеній дѣйствуютъ на него съ такою силой, что въ образъ живыхъ людей ему продолжаютъ чудиться Пирамъ и Тисбе и Нарциссъ. Нѣчто подобное случалось порой и съ Антонио Пуччи, который впервые даровалъ права художественнаго гражданства народному романтическому разсказу (*cantare di piazza*); когда съ головой, наполненной мотивами *chanson de geste* и *Reali di Francia*, ему приходилось заглянуть въ сады Альберти, куда призывалъ его попитьвать пріятель Маттео; его воображеніе рисовало тамъ короля Артура съ его паладинами и другими образами рыцарскаго романа. *)

Matteo, i'arrivai al *Paradiso*
Credendo teco alquanto far dimoro;
Non ti trovai, pensai che'n *Purgatorio*
Tu fussi secondo mi'aviso.

Dentro passammo; e riguardando fiso
l'vidi il re Artù con altri in coro:
Dell' altra parte vidi star coloro
Ch'aquistar fama qui per non diviso.

Apresso vidi li dodici segni
Per li qua'passa tutto l'anno il sole
Che ci governa con superiori segni:
Vidi camere e sale ove si suole
Goder per que' che ne son fatti degni;
E perchè te non vidi, ancor mi dole.

Ver'è che con parole
Un prete a farci onor fu molto fiero,
Ma colle chiavi non v'era san Piero.²¹¹⁾

Приведенный сонетъ Пуччи, который мы печатаемъ въ первый разъ, если не подтверждаетъ окончательно предположенія, сдѣланнаго нами вначалѣ этой главы относительно Тони и Мат-

*) «Маттео, я прибылъ въ Парадизо (Рай), рассчитывая побыть съ тобою немного; не найдя тебя, подумалъ, что ты еще находишься въ Чистилищѣ (*Purgatorio*).—Взойдя туда, я увидѣлъ короля Артура вмѣстѣ съ другими; съ другой стороны стояли тѣ, что приобрѣли здѣсь неразлучную славу. Видѣлъ я еще двадцать знаковъ зодіака, которыми въ теченіи года движется солнце, управляя нашей судьбою; видѣлъ комнаты и залы, гдѣ обыкновенно веселятся удостоенные этого, и жалъ мнѣ было, что тебя не встрѣтилъ. Правда, былъ тамъ священникъ, привѣтствовавшій насъ утрюмо; но недоставало св. Петра съ ключами». (т. е. привратника).

тео, двухъ дѣйствующихъ лицъ нашего романа ²¹³),—во всякомъ случаѣ дѣлають эту гипотезу вѣроятною, проливая съ своей стороны новый свѣтъ на нѣкоторыя подробности нашего текста. Мы узнаемъ, что залы Парадизо открыты были лишь избранному обществу, тѣмъ, «кто считался того достойнымъ»; что тамъ былъ священникъ для совершенія церковныхъ требъ,—вѣроятно, изъ тѣхъ бенедиктинцевъ, которыхъ держалъ тамъ мессеръ Никколайо дельи Альберти съ этою спеціальною цѣлью. Наконецъ игра словъ надъ двоякимъ значеніемъ *paradiso*, которому противопоставляется *purgatorio* (чистилище), напоминаетъ намъ подобный же стилистическій приѣмъ въ балладѣ, которая поется въ нашемъ романѣ къ великому удовольствію Франческо degli Organi (*Or su gentili spirti ad amar pronti, Volete voi vedere il Paradiso* ²¹⁴). Еще разъ мы встрѣтимся съ тою-же игрою словъ, когда Саккетти возобновить свою поэтическую корреспонденцію съ Антоніо дельи Альберти. Мы видѣли выше, что они писали другъ другу, рассуждая въ философскихъ сонетахъ, и знакомы съ отвѣтомъ Антоніо на сомнѣнія, возбужденныя его другомъ: все въ мірѣ представлялось ему тѣннымъ и переменчивымъ, и вредитъ самому себѣ, кто возлагаетъ на него надежду. Вотъ причина, почему онъ убѣгалъ отъ чистилища общественной жизни,—отъ нея впрочемъ отдаляли его насильно другія власти, съ которыми трудно было считаться; вотъ почему схоронилъ онъ себя въ одиночествѣ своего Парадизо, гдѣ отдавался литературному бездѣлю и бесѣдамъ съ немногими друзьями. Но ни то ни другое не можетъ удовлетворить на долго сильный, дѣятельный умъ: оно хорошо какъ отдыхъ послѣ дѣла, но не въ состояніи притупить жажды дѣятельности, ни заставить забыться. Нѣчто подобное должно было случиться и съ Альберти; какъ бы то ни было, въ Парадизо онъ не нашелъ желаннаго покоя, ему скоро надѣло беззаботное веселье дачнаго праздника; онъ становится религіонистомъ. Въ общественной экономіи среднихъ вѣковъ политическая жизнь кончалась тамъ, гдѣ начиналась религіозная: между той и другой еще не успѣло выгородиться то безразличное поле науки и гуманизма, куда, какъ въ послѣдствіи, могли-бы удалаться люди, не удовлетворенные ни однимъ изъ существующихъ принциповъ. Въ то время, о которомъ мы пишемъ, эта средняя полоса едва начинала выясняться: людямъ, обманутымъ жизнью, по прежнему не оставалось другаго исхода кромѣ религіи, и на оборотъ—съ ратнаго поля открывался прямой путь въ монастырь; воинъ

становился монахомъ и также легко покидалъ рясу для брони, если того требовали обстоятельства; страстность политическихъ партій находила себѣ соотвѣтствующій выходъ въ болѣзненномъ изувѣрствѣ бичующихся (*flagellantes*); городскія смуты перемежались столь же бурными замиреніями, ихъ устраивали обыкновенно духовныя лица и святые подвижники. Отчужденный отъ жизни коммуны, Антоніо дельи Альберти не счумѣлъ найти тотъ средній терминъ въ религіи и политикѣ, то новое социальное начало, которое итальянскіе города вырабатывали, обходя церковь и имперію. Если онъ избѣгалъ чистилища (*purgatorio*) партій и центра земли, *il centro della terra*—принимать ли послѣднее выраженіе въ смыслѣ ада (*l'abisso*), или Флоренціи ^{*)}—ему только и можно было опереться на священные права папы или императора, и желанный миръ, котораго онъ такъ долго искалъ въ своемъ Парадизо, представился ему осуществимымъ только подъ условіемъ — обрѣсти тамъ Бога, покинувъ всѣ мірскія заботы. На этотъ нравственный переворотъ, происшедшій въ Антоніо, мы думаемъ встрѣтить намекъ въ его второй корреспонденціи съ Саккетти. «Egregio cavalier», писалъ ему послѣдній: ^{*)}

Egregio cavalier, egli m'è avviso
Che per fuggir il centro della terra,
Dove l'abisso ciascun vizio serra,
Fermato sete star nel Paradiso.

Ma lasso a me! ch'ì son quasi conquiso
Fra gli umani voler, che sempre serra:
Che'l purgatorio cerco per men guerra
Per non esser da voi nel fin diviso и т. д.

Такъ отвѣчалъ ему Антоніо, по обыкновенію играя двойственнымъ смысломъ слова Парадизо: ^{**)}

Noi siamo alme create in paradiso
Et diffuse or qua giù sopra la terra
Ad abitar questo carcer di terra
Un batter d'occhio et un voltar di viso.

^{*)} Почтенный кавальере, кажется мнѣ, что вы рѣшились жить въ Парадизо, чтобы быть подальше отъ центра города (или земли, т. е. ада) и бездныя пороковъ.—А я несчастный, поработенный людскими похотями, вѣчно заблуждающимся, думаю укрыться въ Чистилищѣ, чтобы избѣжать излишней борьбы и не быть окончательно разлученнымъ съ вами.

^{**)} Мы—души, созданныя въ раю и разсыяныя по землѣ, чтобы обитать въ этой земной темницѣ одно мгновеніе ока. Когда смерть разлучитъ насъ съ тѣ-

Poscia che morte l'ha da noi diviso
Lui si rimane a ritornare in terra,
Et noi a sostener la'nfernal guerra
O'celsa pace, s'è da noi previsto.

Però se più Iddio che'l mondo colo
Fuor del corso comun che'l mondo tene,
Seguendo i pochi e lasciando lo stuolo,

Fo'l per trovare e qui e là men pene:
Et a questo cammin già non son solo,
Chè molte carte d'esso far son piene ²¹⁸).

То были времена бурные для католичества: жизненные силы папства были подточены, оно изживалось въ авиньонскомъ плѣну, уже успѣвшемъ вступить въ свой второй фазисъ послѣ слабой попытки Урбана V перенести папскій престолъ въ Италію, — попытки, за которой почти тотчасъ же (1375) послѣдовало ничѣмъ не мотивированное возвращеніе. Со всѣхъ сторонъ поднимаются единодушные крики противъ хищнаго Вавилона; слышны проклятія на безобразную распущенность духовенства и призывается правосудіе неба, да изгонитъ оно изъ храма торгашей и святокушцевъ ²¹⁹); и въ то-же время въ небольшомъ кружкѣ истинно вѣрующихъ, умѣвшихъ въ своемъ религіозномъ лиризмѣ найти оплотъ противъ церковныхъ соблазновъ, еще толкуютъ о возрожденіи путемъ горячей вѣры, о возможности спасти церковь отъ неминуемой гибели, возведя ее къ ея началамъ. Отсюда тѣ мистическіе порывы, которыхъ единственнымъ реальнымъ результатомъ было преобразование монастырскаго обществѣ. На это движеніе мы уже нѣсколько разъ указывали, какъ на характеристическую черту послѣднихъ годовъ этого вѣка: чтобы огородить себя отъ мирскихъ искушеній, постоянно осаждавшихъ ратующую церковь, люди стремились вступить съ небомъ

ломъ, оно обращается въ персть, а мы обречены на адскія муки или небесный миръ, смотря потому что сами себя уготовили. Потому, если, оставляя обычную жизненную стезю, которую избираетъ толпа, я слѣдую за немногими и болѣе занятымъ Богомъ чѣмъ свѣтомъ, я дѣлаю это для того, чтобы и тамъ, и здѣсь найти менѣе огорченій. — И я не одинъ на этомъ пути, о которомъ говорятъ многія хартіи.

въ богѣ тѣсную, сердечную связь, ибо только такимъ образомъ, надѣялись, зло будетъ побѣждено добромъ.

Chi contemplasse quel celeste polo
Il mal saria quaggiù vinto dal bene²²).

Мессеръ Антоніо наравнѣ съ другими далъ себя на время увлечь этому мистическому потоку: въ его стихахъ слышатся тѣ же обычные вздохи о необходимости возродить церковь²³); онъ и всегда былъ набоженъ, по примѣру отца, и дѣлалъ богатые вклады въ орденъ монахинь Gesuate. Прибытіе святой Бригитты (+ 1373) во Флоренцію дало наконецъ положительное содержаніе неяснымъ стремленіямъ мира и покоя, не оставлявшимъ его въ одиночествѣ его виллы. Выросшая подъ холодными туманами Швеціи, св. Бригитта приносила съ собою такое же богатство туманныхъ видѣній, какъ и св. Катерина Сіенская, всю суровость подвижницы и вмѣстѣ съ тѣмъ такую чарующую доброту, которая привлекала всякаго, кто только приближался къ ней. Говорили, что ее, еще семилѣтнюю дѣвочку, небо посѣтило своими откровеніями; она находилась постоянно въ молитвенномъ забытіи; съ годами видѣнія сдѣлались чаще, тайный голосъ говорилъ ей, что она назначена спасти церковь, готовую обрушиться въ бездну раскола: пусть идетъ въ Римъ и останется тамъ, пока не увидитъ тамъ соединенными папу и императора. Святая повиновалась голосу: въ столицѣ католическаго христіанства ей довелось увидѣть Урбана V и Карла IV; казалось, ея назначеніе было исполнено, но обольщеніе длилось не долго: императоръ поспѣшилъ удалиться, и папу привлекли снова прелести Авиньона, какъ ни страшила его святая своими грозными пророчествами. Онъ едва успѣлъ дать апостольское благословеніе новому монашескому ордену, который учреждала св. Бригитта (1367).

Между тѣмъ какъ папа внезапно скончался въ произвольномъ изгнаніи, св. Бригитта посѣтила Флоренцію, «гдѣ оставалась нѣкоторое время и успѣла свести дружбу съ мадонной *Lara*, сестрой Никкола Аччяйюли, великаго сенегала неаполитанскаго королевства, женой Маненте Буондельмонти. И такъ какъ чистота и святость ея жизни были всѣмъ извѣстны и возбуждали удивленіе, то она привлекла къ себѣ многихъ вѣрующихъ, въ особенностяхъ мессера Антоніо ди мессеръ Никколайо дельи Альбер-

ти, изъ самыхъ именитыхъ въ городѣ людей по богатству, знатности и вліянію. Такова была его преданность святой, что онъ обратился къ папѣ Бонифацію IX съ просьбой построить монастырь недалеко отъ Флоренціи, по сосѣдству съ своей виллой, названной Парадизо, и въ 1394 году приписалъ къ нему всѣ помѣстья, какія у него были въ коммунахъ Эмполи и Монтелупо, а ихъ было много ²²²). Что эта мысль занимала Антонио еще ранѣе, тому свидѣтельствомъ булла Бонифація IX отъ 26-го генваря 1392 года къ флорентійскому епископу Онофрію, которой разрѣшалось основаніе монастыря. Чтобы открыть его должнымъ образомъ, изготовлены были письма въ старшую обитель ордена св. Бригитты въ Швеціи, т. е. Вастена, съ просьбой прислать двухъ иноковъ, которые бы водворили святыя правила новаго устава» ²²³).

«Когда устроено было это мѣсто для монашескаго общежитія», — такъ пишетъ фра Маттео, ордена св. Бригитты, въ старой книгѣ записей, о которой мы говорили выше ²²⁴), «мессеръ фра Манно и фра Лука изъ Испаніи (di Spagna), теперь главный консерваторъ ордена (generale conservatore) и отецъ этого монастыря, еще съ однимъ братомъ и двумя послушниками прибылъ изъ нашей главной обители Vascheno ²²⁵), лежащей на сѣверѣ по близости моря-Океана (vicino al mare Oceano), на краю земли. Онъ былъ тамъ главнымъ исповѣдникомъ (generale confessore) и отъ имени нашего ордена вступилъ во владѣніе новымъ помѣщеніемъ.... Въ слѣдующемъ году было принято нѣсколько сестеръ ²²⁶), аббатиссой надъ ними назначена папскою грамотой отъ 2-го Марта 1395 года сестра Марта деи Казали, бывшая настоятельница монастыря Santa Maria di Targia, чѣмъ за стѣнами Кортонны, ордена св. Клары, но съ разрѣшеніемъ принять одежду и уставъ св. Бригитты. Ей поручены были заботы управленія какъ нравственнаго, такъ и матерьяльнаго, съ условіемъ принести присягу въ вѣрности флорентійскому епископу либо епископу Фьезоле, прежде чѣмъ вступить во владѣніе монастыремъ».

Молва о новомъ учрежденіи вскорѣ «разнеслась не только по Флоренціи, но и по окружнымъ областямъ, такъ что многіе ученые, мудрые и именитые люди съ большой горячностью спѣшили принять одежду святаго ордена, въ которомъ пребывали до смерти съ великимъ благочестіемъ и терпѣніемъ... Чего только не претерпѣли эти удивительные люди, прибывшіе съ концевъ

земли, ради любви къ Господу! Въ какомъ добровольномъ и, можетъ быть, необходимомъ воздержаніи они часто подвизались! Иногда обѣдъ еще не кончился, а уже посылали обирать скудные остатки хлѣба и вина, котораго было мало и то дурнаго качества: иногда просто вино изъ толченыхъ яблоковъ; по правдѣ можно было сказать: хлѣба малость и воды въ мѣру (pane росо e aqua a misura). Объ одеждѣ и ночлегѣ, т. е. одѣялахъ, кроватяхъ и другихъ необходимыхъ вещахъ, нечего и говорить. И все это они переносили съ великимъ терпѣніемъ и веселіемъ ради любви къ Господу, тогда какъ въ міру они были не только богаты, но и господа. Оттого тѣ, что стояли ниже ихъ, ихъ подданные, видя подобное, не смѣли жаловаться на то, въ чемъ по монастырскому уставу они терпѣли недостатокъ²²⁷). Прииѣры смиренія, воздержанія и милосердія, представленные монахинями, отличаются еще большимъ аскетизмомъ, характеризуя вмѣстѣ съ тономъ всего разсказа тотъ второй періодъ монашеской легенды, когда, покинувъ первобытный эпическій складъ, она становится лирической, наполняется видѣніями и анализомъ религіозныхъ восторговъ, переходящихъ въ болѣзненные галлюцинаціи. «Была въ ту пору аббатисса знатнаго рода и смиреннѣйшая въ обхожденіи; съ великой горячностью она исполняла всякую низкую службу, мела, прислуживала, мыла кострюли и сковороды съ веселіемъ и стоя на колѣнахъ, хотя она привыкла имѣть кругомъ себя много рабовъ и рабынь, потому что была госпожа. Днемъ она была Мартой²²⁸) и Маріей по молитвѣ и дѣятельности; ночью—Маріей по долгимъ молитвеннымъ бдѣніямъ, размышленіямъ и созерцаніямъ. Точно также было и съ ея подчиненными. И послѣ нихъ были другія, также исполненныя святыхъ добродѣтелей, особенно терпѣнія, добровольнаго и, можетъ быть, необходимаго. Внутри искушенія, снаружи нужда и страхи, тѣсноты и строгія послѣдованія, истязанія и посты. Сколько разъ нѣкоторые изъ нихъ отправлялись въ садъ послѣ заутрени и, схватившись руками за древесныя вѣтви, стояли въ крестообразномъ положеніи до перваго часа, чтобы прогнать сонъ и улучшить больше времени на святыя размышленія. Отпѣвши обѣдню и подкрѣпивши тѣло пищей, всѣ запирались по кельямъ, не говоря ни слова. И когда наступала тишина ночи и всѣ отдыхали, по крайней мѣрѣ большая часть, эти святыя души, вѣчно бдящія и всегда ищущія тайны и тишины и уединенія, чтобы быть однимъ съ Иисусомъ сладчайшимъ, вставали въ тем-

ночь и шли по дорогѣ, что ведетъ въ Вифлеемъ. И прибывъ туда, привѣтствовали его и съ святой Павлою восклицали: спаси тебя, Господи, о Вифлеемъ, мѣсто злачное (*casa di rale?*); и еще говорили стоя на колѣнахъ: спаси тебя, Господи, о Эвфратъ (*Efrato*), страна плодородная. Въ такихъ занятіяхъ проводили онѣ нѣкоторое время, получая многія и различныя утѣшенія. И всякую ночь, какое-бы время ни было, онѣ посѣщали какое-нибудь изъ этихъ святыхъ мѣстъ: иногда сопровождали Марію и Іосифа въ храмъ съ ребенкомъ Іисусомъ; или шли съ ними въ Египетъ, либо въ Іерусалимъ, съ плачемъ ища ребенка Іисуса; порой отправлялись на святыя горы, куда Іисусъ каждую ночь ходилъ на молитву, или въ вертоградъ, на оливковую гору, гдѣ Онъ былъ взятъ, въ другой разъ въ домъ Анны, гдѣ Онъ подвергся заушенію, либо въ домъ Кайафы. Такимъ чередомъ онѣ посѣщали то одно мѣсто, то другое, такъ что въ недѣлю обходили всѣ ²²⁹); а въ воскресенье вмѣстѣ съ преславной Дѣвой Маріей онѣ торжествовали святое и радостное воскресеніе. Какіе вздохи! Сколько слезъ и рыданія, сколько бичеваній не безъ большаго пролитія крови! Всего угоднѣ Сердцевѣдцу то, что всѣ эти вещи дѣлались втайнѣ, но не столько тайно, чтобы мы ихъ не знали навѣрное..... Богъ мнѣ свидѣтель, что нѣкоторыя изъ нихъ въ своихъ набожныхъ созерцаніяхъ удостоились лицезрѣть Господа Іисуса Христа, съ руками, завязанными назадъ, и веревкой на шеѣ, какъ у разбойника; большая толпа окружала Его, и изверги били Его и истязали. Такое видѣніе было одной сестрѣ, когда въ глубокой тишинѣ ночи она поднялась на молитву, въ святыхъ слезахъ и помышленіяхъ, влачасъ на колѣнахъ отъ горы Иронъ до вертограда и отъ вертограда къ дому Анны; и прибывъ туда, она все слышала и видѣла; и хотя она была измучена бдѣніемъ и слезами и долгимъ путемъ, который прошла на колѣнахъ, и ужасными и горькими страданіями Спасителя, которыя видѣла,—услышавъ нѣсколько словъ Того, Кто исполненъ всякой благодати, была утѣшена, и видѣніе исчезло.—Другая сестра, когда въ пятницу шла вмѣстѣ съ другими сестрами въ процессіи, гдѣ была последнею, размышляла о горестномъ смыслѣ того шествія, которое видѣла передъ собою и о сладчайшемъ Іисусѣ, ведомомъ на страданіе; она была погружена въ бездну божественнаго, вѣчнаго милосердія и, шествуя, постоянно говорила: о сладчайшій Іисусе, и я съ тобою иду и охотно умру съ тобою. Тогда ей былъ голосъ: Дочь моя, ты сопутъ

ствуешь мнѣ къ смерти, а Я буду тебѣ спутникомъ къ вѣчной жизни. Нѣкоторые другіе старые монахи много разъ слышали, какъ святой ангелъ пѣлъ виѣстѣ съ сестрами, набожно славословившими въ хорѣ: наши мудрые и святые исповѣдники заключали и говорили, что это былъ тотъ самый, кто отъ слова до слова сообщилъ эти славословія св. Бригиттѣ.....» ***).

Этому святому квіетизму и тихимъ видѣніямъ, такъ хорошо характеризующимъ внутреннюю жизнь монастырей въ эпоху мистическаго броженія, на которые мы указали, не суждено было продолжаться въ данномъ случаѣ. Дѣло о монастырѣ, хотя казалось совершенно порѣшеннымъ, продолжали откладывать въ долгій ящикъ, благодаря флорентійскому епископу Онофріо lo Steccuto, непріязненно относившемуся къ новому учрежденію; такъ что мессеръ Антоніо, убѣдившись съ другой стороны, что онъ недостаточно его обезпечилъ,—а больше онъ въ то время сдѣлать не могъ,—рѣшился просить у папы Бонифація IX позволенія предоставить обитель Камалдуламъ флорентійскаго монастыря S. Maria degli Angioli, или инокамъ Monte Oliveto, чтѣ въ епархіи Ареццо. Папа дозволилъ это грамотой отъ 31-го октября 1396 г., впрочемъ не приведенной въ исполненіе, потому что еще въ слѣдующемъ году братія ордена св. Бригитты находилась въ полномъ пользованіи имуществами своего монастыря. Гораздо болѣе начинала ихъ беспокоить странная перемѣна, происшедшая въ мессерѣ Антоніо, отдававшегося новымъ и, какъ казалось, противоположнымъ впечатлѣніямъ. Или его запугали практическія затрудненія, встрѣтившіяся при исполненіи задуманнаго плана, помѣха, найденная имъ въ епископѣ Онофріо, или періодъ религіозности для него прошелъ, и, не найдя желаннаго рая, онъ предпочелъ обратиться къ чистилищу, къ этой «земной темницѣ» (questo carcer di terra), какъ онъ самъ ее называлъ, и коловращенію партій. Какъ бы то ни было, только въ послѣднее время онъ начинаетъ показывать отвращеніе къ той самой идеѣ, которую такъ долго лелѣялъ. Можетъ быть, обращеніе къ небу, или лучше — къ партіи церкви, и желаніе увидѣть ее на истинномъ пути, было въ немъ не достаточно сильно, чтобъ отнять у него охоту къ политическимъ замысламъ, не позабытымъ и въ насильственномъ уединеніи Парадизо; можетъ быть, вслѣдствіе этого, онъ вздумалъ искать спасенія въ другомъ изъ тѣхъ принциповъ, за которые цѣплялись люди, когда практи-

ческая жизнь ихъ не удовлетворяла или была противна ихъ интересамъ. Какъ вообще средневѣковаго человѣка мы застаемъ на постоянныхъ поискахъ за социальнымъ началомъ, которое бы освѣтило ему жизненный путь, и онъ то примыкаетъ къ церкви выѣстъ съ Гвельфами, то съ Гибеллинами передается Имперіи: такъ могло статься и съ нашимъ Антоніо, когда изъ человѣка набожнаго и преданнаго церкви, какимъ онъ былъ до тѣхъ поръ, онъ вдругъ обертывается имперіалистомъ и начинаетъ молить о возвращеніи въ Италію «благодушнаго Августа» (il buono Augusto). Повѣствуя въ своихъ Ricordanze о разрушеніи монастыря Парадизо, фря Маттео намекаетъ, между прочимъ, что главной его причиною были не одни «странные обычаи и ухватки основателя, неприличные и несообразные съ монастырскимъ уставомъ», но и жестокая война, начавшаяся между флорентійскою коммуной и Миланомъ²³¹); въ послѣдующемъ осужденіи мессера Антоніо включенъ нарочный параграфъ, воспрещающій ему жителство въ какой бы то ни было мѣстности, принадлежащей миланскому герцогу, съ которымъ онъ будто бы состоялъ въ тайныхъ сношеніяхъ, чтобы предать ему Флоренцію. Однимъ словомъ, все заставляетъ заключить, что въ неожиданномъ отвращеніи къ собственному монастырю выразился глубокій переворотъ въ политическихъ взглядахъ Альберти, и что имперская партія на время поборола въ немъ церковную. Воображенію набожнаго сказателя партія имперіи очень естественно представлялась въ образѣ нечистаго духа, искушающаго ложными увѣреніями. Разсказываетъ легенда блаженнаго Манно, что разъ, когда основатель (монастыря) отправился въ городъ по своимъ дѣламъ и поровнялся съ лоджіей Перуцци, красивый юноша предсталъ ему, привѣтствуя его и говоря: Выслушай мои слова, ибо я ангелъ, посланный къ тебѣ Богомъ, дабы сказать тебѣ, что этотъ монастырь Парадизо Ему неугоденъ и Онъ не хочетъ, чтобы онъ подвигался впередъ, но велитъ тебѣ разрушить тобою построенное. Когда услышалъ это основатель, который кромѣ того что былъ скупъ, имѣлъ о себѣ высокое мнѣніе и потому набожно увѣрилъ во все слышанное имъ и видѣнное, не помысливъ—достойнъ ли онъ или нѣтъ ангельскаго видѣнія; онъ такъ сказалъ: Что повелитъ господинъ мой учинить съ иноками и инокинями? Отвѣчалъ ему юноша: Всѣхъ выслать вонъ, потому что Господу не угодны ни монастырь, ни находящіеся въ немъ люди. Повѣрилъ основатель, по неисповѣдимому и праведному суду Божию, обманамъ и ухищ-

реніямъ ангела сатаны, и разослалъ какъ монаховъ, такъ и монахинь по монастырямъ, откуда пришли; тѣ же, кто еще не приносилъ обѣтовъ, воротились къ себѣ домой. И принялись здѣсь ломать, что соорудить стоило столькихъ усилій и средствъ, платя работникамъ за ломку, которой распоряжался тотъ юноша, ни днемъ не ночью не отходившій отъ строителя. Начали разбирать стѣну, что надъ приѣмной (*parlatorio*) монахинь; за тѣмъ кельи и другіе покои, разрушая, разбирая кирпичи, ломая даже связи, сдерживавшія своды, ничего не дѣлая безъ разрѣшенія завистливаго, лживаго демона, котораго принимали на вѣрное за ангела свѣта. Когда увидѣлъ достопочтенный отецъ Лука, что блаженный Манно покинулъ земное изгнаніе и удалился къ Господу Иисусу Христу, что иные разошлись и стѣны почти разрушены, не находя нигдѣ совѣта и помощи, возвратился съ нѣкоторыми спутниками въ Швецію, гонимый нуждою, пророча основателю, что праведный Судія Иисусъ Христосъ его накажетъ, какъ предрекъ блаженный Манно: потому что съ конца свѣта онъ призвалъ Божьихъ слугъ и потомъ надсмѣялся надъ ними, огорчалъ и многія вещи дѣлалъ противныя ихъ желаніямъ. *Mihi vindicta et ego retribuam eis in tempore*. ²³²⁾

Какою-то болѣзненною раздражительностью отзывается эта страстная поспѣшность разрушенія: точно хотятъ заодно покончить съ прошлымъ, которое тѣмъ болѣе ненавидится, чѣмъ болѣе любви прежде возбуждало. Планы другаго рода занимали въ то же время голову Антоніо, въ большемъ соотвѣтствіи съ новымъ поворотомъ его мыслей, которыхъ монастырское дѣло было лишь отрицательнымъ выраженіемъ. Враги были на сторожѣ, и Альбицци воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ обвинить его, въ особенности когда замѣтилъ, что любовь народа къ нему охладѣла послѣ его странныхъ поступковъ съ братіей Парадизо, пользовавшейся большою популярностью. Въ 1400 году открытъ былъ (по крайней мѣрѣ такъ официально говорилось) заговоръ флорентійскихъ изгнанниковъ, жившихъ въ Болоньѣ, съ цѣлью убить Альбицци и другихъ членовъ его дома вмѣстѣ съ главами господствующей партіи, и за тѣмъ преобразовать правительство. Коноводами заговора были, по признанію Сальвестро Каввичьоли, люди изъ семействъ Риччи, Альберти, нѣскольکو Медичей и другіе граждане. Едва Альбицци прослышалъ объ этомъ, какъ велѣлъ тотчасъ-же казнить Самминьято деи Риччи и Франческо Давицци, которые находились въ тѣсныхъ связяхъ

съ домоиъ Альберти; нарочной комиссіи (balla), составленной имъ изъ своихъ приверженцевъ, поручено было разыскать виновныхъ, въ видахъ государственной безопасности. «Послѣ продолжительнаго слѣдствія, члены комиссіи признали бунтовщиками многихъ гражданъ какъ именитыхъ, такъ и незнатныхъ, изъ семействъ Медичи, Риччи, *Альберти*, Скали, Строцци, Адимари, Альтовити, нѣсколькихъ графовъ di Bagno и многихъ другихъ, всего шестьдесятъ человекъ; между прочимъ были изгнаны всѣ Медичи, все семейство Риччи, кромѣ немногихъ, и всѣ Альберти, за исключеніемъ лишь сыновей Николая Альберти..... Но и они не долго пользовались преимуществомъ передъ своими сродниками. 3-го дня новаго 1401-го года, при гонфалоньерѣ Никколозо Камби (изъ тѣхъ Камби, чтѣ въ кварталѣ С. Джованни) схваченъ былъ монахъ, котораго много разъ видѣли ходившимъ между Болоньей и Флоренціей въ пору, когда устраивался заговоръ. Послѣ многихъ пытокъ онъ признался, что Герардо дельи Альберти цѣлый мѣсяцъ скрывался въ потаенномъ мѣстѣ своего дома, и что онъ самъ разными окольными путями проводилъ его до Болоньи. При отъѣздѣ оттуда ему было приказано передать отъ названнаго Герардо кавалеру Антоніо дельи Альберти, сыну Николая, находившемуся въ то время на своей виллѣ, чтобы онъ приготовился безъ всякаго замедленія быть во Флоренціи, когда придетъ время: изъ чего стало ясно, что и онъ былъ замѣшанъ въ заговоръ. Синьоры разсудили, что такъ какъ Антоніо былъ гонфалоньеромъ компаніи и срокъ его службы приходился на седьмое число мѣсяца, слѣдовало помедлить еще четыре дня; вечеромъ седьмаго Otto della guardia приказали схватить Антоніо за городомъ на его виллѣ; въ ту же ночь онъ былъ привезенъ во Флоренцію. На очной ставкѣ съ монахомъ онъ началъ бойко опровергать всѣ его показанія. Къ чему-бы жить ему на виллѣ? Такого рода дѣла лучше устраиваются въ городѣ. Если многіе изъ Альберти изгнаны, то это не касается ни его, ни его семейства, которое республика всегда выключала изъ наказаній, постигавшихъ его сродниковъ. Наконецъ онъ всему городу извѣстенъ какъ человекъ покойный и мирный и всегда сторонившійся отъ борьбы партій; сверхъ всего, откуда-бы у него эта жестокая ненависть къ Ринальдо Джьянфиляцци, котораго онъ и его сообщники будто обрекали на смерть, когда онъ съ нимъ породнился?— Все это онъ говорилъ съ видомъ спокойнымъ и увѣреннымъ, называя монаха негодяемъ и лжецомъ, забывшимъ свой санъ и Бога,

Которому обѣщалъ вести совсѣмъ не ту жизнь, какую велъ на самомъ дѣлѣ; что удивительнаго, если къ своимъ другимъ преступленіямъ онъ рѣшился присоединить еще и это? Но монахъ такъ связно и убѣдительно рассказывалъ, гдѣ и когда онъ толковалъ съ нимъ, что ему говорилъ и какіе получилъ отвѣты, что подеста и другіе граждане, присутствовавшіе при допросѣ, рѣшили подвергнуть Антоніо пыткамъ; подѣ конецъ, побѣжденный мученіемъ, онъ признался, что въ самомъ дѣлѣ былъ причастенъ заговору и долженъ былъ выйти на шумъ съ своимъ знаменемъ (*gonfalone*) и подѣ его прикрытіемъ помочь сообщникамъ; однимъ словомъ, онъ сообщилъ все, что уже открыто было другими заговорщиками; и все это подтвердилъ собственноручно писанными показаніями. По этому случаю учреждена была новая, нарочная коммиссія (*balla*), по распоряженію которой, потому ли, что принято было во вниманіе прошлое Антоніо и добрая память, оставленная его отцемъ, или хлопоталъ за него Ринальдо Джьянфиляцци, или помогло ему его счастье ²³³)—только Антоніо приговоренъ не къ смерти, а къ уплатѣ 3000 золотыхъ флориновъ ²³⁴). Его и брата его Альтобьянко изгнали на тридцать лѣтъ за триста миль отъ города и вмѣстѣ съ другими братьями, Діаманте, Николаемъ и Халпидоніемъ приписали къ числу *grandi* ²³⁵). Восемь человѣкъ изъ того-же рода удалены были изъ города на 20 лѣтъ и на разстояніе ста восьмидесяти миль; изъ остальныхъ тѣ, которымъ было свыше 16-и лѣтъ, дабы они не питали въ городѣ постоянныхъ волненій, высланы были на десять лѣтъ и на сто миль отъ Флоренціи, съ запрещеніемъ жить во владѣніяхъ миланскаго герцога; тѣ, кому не было шестнадцати лѣтъ, были также изгнаны, потому что считались будто достигшими этого возраста, по распоряженію тогдашней синьоріи ²³⁶). Мѣстомъ ссылки Антоніо назначена была Барлетта ²³⁷), куда ему слѣдовало прибыть ранѣе 31-го марта. Одинокая, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, осталась во Флоренціи оплакивать падшее величіе своего дома жена его Бартоломмея (ум. около 1426 г.), «женщина почтенная, всѣми уважаемая и богобоязненная»; здѣсь навѣщалъ ее своими утѣшеніями фра Джьованни Доминичи, напаяя ее тихимъ мистицизмомъ своихъ писемъ, на которыя мадонна Бартоломмея отвѣчала такими же письмами, выдержанными въ томъ же стилѣ, исполненными того же чувства; ей же въ поученіе написаны его *Regole del governo di cura familiare*, назначенныя руководить ее въ воспитаніи дѣтей.

«Такъ исполнилось», пишетъ «фра Маттео, рассказавъ вкратцѣ о послѣднихъ судьбахъ Антоніо,— «такъ исполнилось во всемъ видѣніе, бывшее брату Манно, которое онъ ясно раскрылъ брату Лукѣ, а мессеру Антоніо сказалъ: Знай, что Господь приготовилъ тебѣ такое заушеніе (*guanciata tale*), о которомъ услышитъ вся Италія, ибо ты вызвалъ его слугъ съ концовъ свѣта и насмѣялся надъ ними». ²²⁸).

Въ самый годъ изгнанія мы встрѣчаемъ мессера Антоніо въ Римѣ. Видно, полученное заушеніе не прошло ему даромъ, оно сказалось новымъ нравственнымъ поворотомъ въ сторону тѣхъ религіозныхъ думъ, отъ которыхъ отвлекли его политическія бури. Таковы обычныя слѣдствія изгнанія: когда оказывались несостоятельными мірскія надежды, человѣкъ обращался къ единственной пристани, открытой ему средневѣковой церковью. И Антоніо обратился къ ней, потому что былъ нравственно подорванъ, можетъ быть потому, что его въ самомъ дѣлѣ тяготила отвѣтственность за его своевольные поступки съ монастыремъ Парадизо. «Вдали отъ своей родины, страдая душевными и тѣлесными недугами, бѣднякъ постоянно проливалъ слезы, главнымъ образомъ вслѣдствіе угрызений совѣсти, постоянно держа въ памяти пророчества блаженнаго Манно. Отъ многихъ горестей и душевныхъ страданій онъ былъ какъ потерянный (*mezzo fuori di sè*) и блуждалъ повсюду, не помня границъ и не соблюдая условій ссылки. Случилось такъ, что въ это время братіи, оставшейся въ Швеціи, надо было послать къ римскому двору по дѣламъ, и они по какому-то вдохновенію послали брата Луку, ради святаго повиновенія готовая всякій часъ даже на смерть. Разъ, когда названный братъ Лука шелъ по Риму, онъ случайно встрѣтился съ основателемъ монастыря, который, быстро подойдя къ нему, бросился на колѣна, со слезами, прося прощенія и упрашивая именемъ Бога, преславной Дѣвы Маріи и св. Бригитты, снова принять ключи правленія и начать на-ново отстраивать монастырь. Когда братъ Лука показалъ сопротивленіе, ссылаясь на нѣкоторыя трудности, мессеръ Антоніо обратился къ посредничеству кардинала, что сдѣлалось вполнѣдствіи папою послѣ тогдашняго папы, и названъ былъ, кажется, Иннокентіемъ VII ²²⁹). По внутреннему вдохновенію, его обуявшему, и изъ уваженія къ лицу просителя, кардиналъ согласился, и мессеръ Антоніо собственною рукой написалъ все, чего хотѣлъ братъ Лука. Ему онъ рассказалъ про свои приключе-

нія и несчастную судьбу, просилъ простить его и не оставлять своими молитвами, и, полный милосердія, почтенный отецъ успокоилъ его, обѣщая все устроить по его желанію. Такъ они разстались другъ съ другомъ: ***). Въ маѣ 1401 года монахъ вернулся во Флоренцію, гдѣ началъ искъ на незаконный захватъ монастырскихъ имѣній, попавшихъ въ общую конфискацію всѣхъ помѣстій, принадлежавшихъ когда-то Альберти. Коммуна не только возвратила захваченное, но еще въ 1404 году уступила монастырю садъ и палаццо, «потому что негоднее дѣло, чтобы міряне занимали садъ и палаццо, нѣкогда принадлежавшіе означенному мессеру Антоніо, тѣмъ болѣе, что они лежатъ въ монастырской чертѣ» ***).

Съ этихъ поръ исторія Парадизо, единственнаго на всю Тоскану монастыря ордена св. Бригитты, перестаетъ насъ занимать, не будучи болѣе связана съ судьбою мессера Антоніо. О немъ мы узнаемъ, что вскорѣ послѣ описанныхъ событій онъ былъ объявленъ мятежникомъ за то, что нарушилъ предѣлы ссылки, отправившись въ Болонью, гдѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ, ему поручено было читать въ университетъ **). Этотъ вторичный приговоръ долженъ былъ еще болѣе ожесточить его и возбудить мысли о мщеніи на мѣсто того духа раскаянія и смиренномудрія, который въ Римѣ увлекъ брата Луку. Еще разъ пробудился въ немъ политическій дѣятель, и набожный почитатель св. Бригитты обернулся старымъ имперіалистомъ. Справедливыя или воображаемыя преступленія возводятся на него теперь,—мы увѣрены, что въ этихъ обвиненіяхъ есть доля правды. Декретъ, обнародованный въ іюлѣ 1411-го года, когда мессеръ Антоніо находился въ Болоньѣ, говоритъ о его намѣреніи, которое раздѣляли другіе изгнанники,—добыть себѣ возвратъ во Флоренцію съ оружіемъ въ рукахъ, избить пріоровъ и измѣнить образъ правленія: почему противъ него возобновлено было постановленіе о мятежѣ и конфискаціи имущества и объявлено, что кто убьетъ одного изъ Альберти—получить четвертую часть изъ имѣнія убитаго; наконецъ всѣмъ членамъ дома, какъ женщинамъ такъ и дѣтямъ, велѣно было оставить городъ и его территорію. Не прошло года со времени приговора, какъ мессеръ Антоніо обвиненъ въ новыхъ козняхъ: говорятъ о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ съ друзьями его дома; 11-го іюня, въ то время, когда народъ занятъ конскимъ бѣгомъ (al palio di s. Barnabà), они должны были по уговору отворить городскія ворота, при помощи наемной толпы

начать смятеніе, убить Альбицци и на новыхъ основаніяхъ устроить правительство. Когда заговоръ былъ открытъ однимъ изъ Бастари, Мазо дельи Альбицци поручилъ комиссія (balla), ему приверженной, наказать виновныхъ, что она и исполнила, подтвердивъ силу всѣхъ прежнихъ приговоровъ и назначивъ цѣну за головы самыхъ вліятельныхъ изъ Альберти, между прочимъ 2000 золотыхъ флориновъ за голову Антоніо; убійца было обѣщано прощеніе двухъ изгнанниковъ, какихъ онъ выберетъ, и пожизненная привилегія носить оружіе. Кажется, послѣ этой послѣдней попытки Антоніо отложилъ всякую надежду вернуться въ отечество, потому что съ этихъ поръ о немъ не говорится ни слова ни въ современныхъ запискахъ, ни въ правительственныхъ актахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому бурному періоду его жизни должны быть отнесены многія изъ политическихъ стихотвореній, дошедшихъ до насъ съ его именемъ. Ставши имперялистомъ изъ досады, когда отъ церкви ему нечего было надѣяться, онъ рисовалъ себѣ времена имперіи, какъ самый счастливый, какія когда-либо видѣла Италія, и могъ только сожалѣть, что они медлятъ возвратиться *):

Omè! Qual Cesar mai per te più fia,
Qual buono Augusto? torna, o sommo Giove,
Che le penne rinove
Del santo augello sotto a le cui alie
Vinson le valorose forze italie.

Se grato mai n'apparve a gli occhi tuoi,
Signor del cielo, i giusti prieghi ascolta;
Et se a pietà si volta
Già mai la mente tua, ora t'inchina
A le lagrime nostre, a'prieghi suoi.
Vedi la imperial virtù sepolta
Quaggiù, nel fango involta,
E fatta al mondo quasi peregrina.

*) «Увы! Гдѣ твой Цесарь, гдѣ благодушный Августъ? Возвратись, о великій Юпитеръ, и obnovи крылья священной птицы, подъ сѣнью которыхъ побѣждали мужественные италійскіе полки..... Если когда нибудь она была угодна твоимъ очамъ, Властитель неба, услышь справедливыя мольбы; и если духъ твой когда нибудь склонялся къ милосердію, склонись теперь на наши слезы, на ея молитвы. Смотри, какъ погрязла здѣсь мощь имперіи, какъ о ней почти забыли въ

Mercè, giusto Signor, grazia divina
Danne dal ciel per riformare il mondo
Un Cesare secondo,
Il qual ciascun che t'ama ognora aspetta,
Sì che l'Italia tua non sia dispetta. *)

Иной разъ жажда мщенія заглушаетъ въ немъ всѣ другія политическія соображенія болѣе спокойнаго характера: тогда онъ желалъ-бы быть цесаремъ, который, «гонимый коварствомъ своихъ противниковъ» и подобно ему «исторгнутый изъ прекрасныхъ объятій своей знаменитой и дорогой матери», перешелъ Рубиконъ, «гоня изъ Брундузіа великаго Помпея и его войско». «Такую-бы участь увидѣть и мнѣ надъ этой неблагодарной»,

Così possa io veder di questa ingrata! **)

заключаетъ онъ—и эта неблагодарная была Флоренція. Это не мѣшало ему разчувствоваться порою, и тогда его милая измѣнница являлась ему въ образѣ женщины, торжественно возсѣдающей «въ прекрасномъ саду, которымъ гордится Италія», и онъ не знаетъ прибрать достаточно словъ, чтобы выразить ея красоту, называетъ ея прелестной, мудрой, богатой и радушной, зеркаломъ свободы; мысль объ ея возрастающемъ могуществѣ приводитъ его въ восторгъ, и онъ пишетъ канцону, которая бы передала ей его смиренныя желанія прощенія и возврата *):

Con ingegni sottili
Accresci'l regno tuo, se ben contempro,
Ond'io di rivederti ognor mi stempro.
Bella, leggiadra, pien di libertate,
E d'alta dignitate
Adorna; in te medesima lieta godi,
Vaga di fama e di cortesi lodi.
Canzon, quando a te pare il tempo e l'ora,
Girai in parte ove la Donna mia
Dimora notte e dia,

свѣтъ. Сжался, праведный Владыка, пошли намъ съ неба, чтобы обновить міръ, втораго Цесаря, котораго всякій тебя любящій ожидаетъ съ часу на часъ. Тогда перестанутъ презирать твою Италію.

*) «Хитрыми измышленіями ты возвеличила, я вижу, твое царство, и я тѣмъ болѣе страдаю, стремясь ежечасно увидѣть тебя снова. Прелестная красавица, исполненная свободы, украшенная высокими достоинствами, любуйся весело сама собою, окруженная славой и лестными похвалами.—Выбравъ время и часъ,

Et li t'inchina con grande umiltate
Et sì le di'che'l tardar più m'accora
Quanto più pena ognor chiamarmi in via
Verso la patria mia,
A la qual vissi sempre in lealtate
Tale, ond'io spero in lei trovar pietate ¹¹⁵).

Канцона однакоже не смягчила Флорентійцевъ и не достигла своей цѣли, потому что Антоніо болѣе не увидѣлъ своей родины. Когда въ послѣдствіи мадонна Бартоломмея отвезла въ Болонью тѣло своего сына, умершаго въ Ровиго, она положила его рядомъ съ бранными останками мужа въ церкви Сервитовъ, гдѣ до сихъ поръ можно прочесть вырѣзанную на мраморѣ надпись:

Hoc licet Antonii lateant sub marmore membra
Mens tamen ipsa polo ob benefacta relata est:
Artibus et studiis tituloque insignis equestri
Quo genus Albertum et Florentia magna triumphat.
Obit. MCCCCXV Kalendis Septembris ¹¹⁶).

Антоніо дельи Альберти скончался перваго сентября 1415 года, почти послѣдній изъ литературнаго кружка Парадизо, котораго участники, мы видѣли, могли еще знать Петрарку и Боккаччо, которыхъ поэтому мы не прочь назвать эпигонами великаго дантовскаго періода. Колуччіо Салутати умеръ въ 1406 году, Франческо Ландини въ 1397, Луиджи Марсили въ 1394, прежде всѣхъ графъ Карлъ—въ 1390. Это, стало быть, самый поздній срокъ, къ какому можно отнести событія, описанныя нашимъ романистомъ: самый ранній опредѣлился тѣмъ мѣстомъ романа, гдѣ упоминается Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци, какъ уже умершій,—а онъ умеръ въ 1379 году ¹¹⁷). Между этими двумя годами историческія и біографическія свѣдѣнія, собранныя на предъидущихъ страницахъ, въ особенности относящіяся къ Антоніо дельи Альберти, помогутъ намъ точно опредѣлить годъ, когда устраивались сходки нашего общества. Вспомнимъ то мѣсто романа, гдѣ авторъ, самъ принимавшій въ нихъ участіе, сообщаетъ о себѣ, что въ Падувѣ онъ былъ слушателемъ маэстро Біаджіо ¹¹⁸).

ступай, канцона, туда, гдѣ день и ночь пребываетъ моя дама; преклонись предъ ней съ большимъ смиреніемъ, и скажи, что меня тѣмъ болѣе мучитъ ожиданіе, чѣмъ долѣе она медлитъ призвать меня на родину, которой я всю жизнь оставался вѣренъ—почему я надѣюсь найти въ ней состраданіе.

Теперь мы знаемъ изъ біографіи Біаджіо Пелакани ²⁴⁸), что его первыя лекціи въ падуанской студіи продолжались съ 1384 года по лѣто 1388-го: ясно, что собранія въ Парадизо должны быть отнесены къ одному изъ годовъ, слѣдующихъ за 1384. Но мы можемъ быть еще опредѣленнѣе, можемъ съ большою достовѣрностью утверждать, что ихъ нельзя предположить ранѣе 1387-го года: иначе какъ объяснить, что въ кружкѣ мессера Антоніо, гдѣ мы встрѣчаемся съ такимъ множествомъ историческихъ дѣятелей, нѣтъ ни одного представителя фамиліи Альберти, какъ не предположивъ, что въ ту пору никого изъ нихъ не было во Флоренціи? А мы знаемъ, что съ 1387-го года всѣ они подверглись изгнанію, за исключеніемъ одного мессера Антоніо съ братьями ²⁴⁹). Но въ 1387 и 1388 годахъ мессеръ Антоніо былъ въ Брюгге, какъ явствуетъ изъ его писемъ ²⁵⁰), и только въ слѣдующемъ 1389 году мы снова встрѣчаемъ его во Флоренціи, когда 29 мая онъ вмѣстѣ съ Никколò ди Микеле ди Вани Кастеллани избранъ былъ уффіціаломъ монетнаго двора ²⁵¹). Къ первымъ же числамъ мая отнесены нашимъ романистомъ и описаннымъ сходки ²⁵²), которыя, какъ мы замѣтили, невозможно отнести къ 1390 году по той простой причинѣ, что въ этомъ году одного изъ соучастниковъ, графа Карла ди Поппи, уже не было въ живыхъ. Намъ, стало быть, ничего другаго не остается, какъ помѣстить ихъ въ 1389-мъ году, потому что онѣ несогласимы ни съ однимъ изъ предъидущихъ. — Эти хронологическія данныя, добытыя главнымъ образомъ изъ біографіи мессера Антоніо, вполне подтверждаются другими свѣдѣніями, разбросанными въ нашемъ романѣ, равно какъ жизнеописаніями дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Мы видѣли, что въ началѣ 1389 года (по флорентійскому счету) мессеръ Джованни де' Риччи и Луиджи Гвиччардини посланы были флорентійской коммуной къ графу di Virtù; и что, когда послѣдній ихъ задерживалъ, республика нашла нужнымъ снарядить въ апрѣлѣ другихъ пословъ, Герардо Буондельмонти и Лодовико дельи Альберготти, которымъ поручено было статься съ прежними и добиться отъ графа чего-нибудь положительнаго. Мы помнимъ, что и послѣднимъ это не удалось, почему 29-го мая республика была вынуждена лишить ихъ власти ²⁵³). Если такъ было съ ними, легко предположить, что прежніе посланники должны были вернуться еще ранѣе, такъ что Джіованни деи Риччи могъ присутствовать на бесѣдахъ Парадизо. — Изчезновеніе Марсилія ди с. Софія изъ Падуи въ концѣ

апрѣля 1389-го года, послѣ чего мы до 1392 года ничего не узнаемъ объ его дальнѣйшемъ мѣстопробываніи, удивительно совпадаетъ съ показаніемъ нашего романа, который переноситъ его во Флоренцію въ первыхъ числахъ мая, пополняя такимъ образомъ пробѣлы въ біографіи падуанскаго маэстро²⁵⁵). — Труднѣе согласимы свѣдѣнія о Біаджіо Пелакани. Извѣстно, что въ 1389 г. онъ читалъ въ Павіи, хотя мы и не знаемъ, въ какіе именно мѣсяцы и весь ли годъ; сравненіе съ другими совпадающими свидѣтельствами нашего романа, въ историческомъ значеніи котораго мы убѣждаемся болѣе и болѣе, позволяетъ намъ предположить съ большою вѣроятностью, что въ май 1389 г. онъ находился во Флоренціи, откуда могъ отправиться въ Павію къ осеннему семестру, точно такъ же какъ прежде этого, 21-го мая 1384 года, онъ изъ Болоньи могъ дать слово явиться въ Падую къ празднику св. Луки, чтобы начать тамъ свои чтенія²⁵⁶). Говоря о маэстро Біаджіо Пелакани и Марсиліи да с. Софія, нашъ авторъ замѣчаетъ, что они призваны были читать во флорентійской студіи. Какъ ни прилежны были наши поиски въ бумагахъ центральнаго флорентійскаго архива, намъ не удалось отыскать въ спискахъ преподавателей имени того или другаго маэстро. Впрочемъ нашъ романистъ говоритъ только, что они были *призваны* (*chiamati*) и *избраны* (*eletti*), изъ чего еще не выходитъ, чтобы они были утверждены и читали. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же самомъ году мы находимъ маэстро Біаджіо въ Павіи; съ другой стороны Доменико ди Бандино изъ Ареццо, который именно въ эту пору преподавалъ во Флоренціи грамматику и реторику²⁵⁷), упоминаетъ въ своемъ рукописномъ сочиненіи *Fons historiarum* маэстро Марсиліо въ числѣ знаменитѣйшихъ медиковъ, но не говоритъ ни слова объ его чтеніяхъ во флорентійской студіи²⁵⁸). Кромѣ того мы знаемъ, что въ то время были во Флоренціи незанятые кафедръ медицины, потому что въ іюнѣ того же года Колуччіо Салутати пишетъ настоятельныя письма къ Антоніо да Скарперія, медику, котораго зоветъ во Флоренцію, напоминая ему объ обязанностяхъ гражданина²⁵⁹). Этотъ Антоніо былъ прежде лекторомъ во Флоренціи и въ 1377 г. въ Болоньѣ, а тогда уже нѣсколько лѣтъ какъ находился въ Перуджіи, гдѣ въ томъ же 1389 году купилъ за 390 золотыхъ флориновъ помѣстье у знаменитаго Бальдо дельи Убальди, а 22-го февраля 1390 года удостоенъ былъ правъ гражданина Перуджіи²⁶⁰). — Въ виду всего этого намъ ничего лучшаго не остается сдѣлать, какъ при-

нять дословно показаніе нашего романиста о простомъ *вызовѣ* падуанскихъ маэстро,—и мы едва ли далеко отойдемъ отъ истины.

Если мадонна Бартоломея не встрѣчается намъ въ садахъ Парадизо, то это не должно удивлять насъ: ея бракосочетаніе съ мессеромъ Антоніо совершенно было 20-го іюня 1389 г. ²⁶¹); событія, описанныя въ романѣ, должны быть отнесены къ болѣе раннему времени, а мы уже знаемъ, что онѣ происходятъ въ маѣ.

Прежде чѣмъ заключить эту главу, намъ остается разъяснить еще два сомнѣнія, незначительныя сами по себѣ, но легко могущія возбудить подозрѣніе и недовѣрчивость. Скоморохъ Пеллегрино говоритъ о себѣ въ романѣ, что его недавно произвелъ въ рыцари король Владиславъ ²⁶²); намъ могутъ замѣтить по этому поводу, что только въ 1390 году, въ Гаэтѣ, кардиналъ легатъ Анджело Аччяйоли короновалъ Владислава. Но, отвѣтимъ мы, титулъ короля не предполагалъ необходимо коронаціи, и Владиславъ могъ легко называться королемъ тотчасъ по смерти отца своего Карла, 24 февраля 1386 года.—Другое сомнѣніе: разсуждая съ авторомъ о его занятіяхъ въ Падуѣ, Лодовико Буццакарино распространяется въ похвалахъ знаменитому и благородному властителю Франческо Первому да Каррара ²⁶³), что какъ будто переноситъ насъ ко времени, предшествующему 29-му іюню 1388 года, т. е. ко времени, когда Франческо Старшій (il Vecchio) еще не отказался отъ власти надъ Падуей, удалившись въ Тревизо. Но обратимъ вниманіе на связь, въ которой все это разсказывается: прежде всего, разговоръ автора съ Буццакарино не что иное, какъ воспоминаніе о событіяхъ, предшествовавшихъ разговору; во вторыхъ, самое названіе *перваго* (primo), какое дается старшему Франческо, доказываетъ, что ему наследовалъ, по крайней мѣрѣ *de jure*, Франческо Второй, или Novello. Замѣтимъ, наконецъ, что первому дается только титулъ *да Саггара*, что было-бы недостаточно, если бы онъ еще продолжалъ властвовать надъ Падуей. Такимъ образомъ эти подробности не только не подрываютъ исторической подлинности нашего романа, но еще болѣе выставляютъ ее на видъ; она чувствуется въ самомъ тонѣ разсказа, когда онъ касается падуанскихъ событій, въ самомъ способѣ умолчаній. То было время, когда старшій Франческо томился въ плѣну у Джіанъ Галеаццо, а младшій, успѣвшій бѣжать подъ вымышленными предлогами, послѣ разныхъ приключеній и утомительнаго путешествія, прибылъ во Флоренцію въ апрѣлѣ 1389 года. Силь-

орія приняла его дурно, она еще не знала, на что рѣшиться, и продолжала колебаться между двоедушной политикой Висконти и желаніемъ помочь изгнаннымъ да Каррара. Рѣшено было игнорировать Novello, чтобы не возбудить подозрѣній въ Миланѣ; съ несчастнымъ изгнанникомъ обращались, какъ съ частнымъ лицомъ, безъ всякъ отличій, требуемыхъ его званіемъ; положено не говорить о немъ ни слова на совѣщаніяхъ синьоріи. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, когда козни Висконти обнаружались слишкомъ ясно, и для Флорентійцевъ пришло время оставить политику оговорокъ и полумѣръ и рѣшить, къ какой изъ двухъ сторонъ имъ пристать окончательно. И вотъ за Франческо Novello начинаютъ ухаживать, ему подають надежды, хотя еще подъ рукой, позволяютъ вызвать братьевъ и другихъ сродниковъ, которыхъ онъ оставилъ въ Асти—но все это тайно. Вотъ почему въ романѣ онъ даже не названъ, хотя и разговоры и нѣкоторыя новеллы отзываются этой недавнею симпатіей къ падуанскому дѣлу. Такимъ образомъ и съ этой стороны нашъ текстъ представляется намъ историческимъ памятникомъ, содержаніе котораго мы думаемъ съ достаточною достовѣрностью приурочить къ 1389-мъ году, и къ первымъ числамъ мая, когда «пестрые кони Феба уже возжигали Кастора и Поллукса»²⁸⁴).

V.

АВТОРЪ И СОВРЕМЕННЫЯ ЕМУ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПАРТІИ.

На предъидущихъ страницахъ мы старались указать на историческое значеніе нашего романа и на мѣсто, занимаемое имъ въ литературномъ и общественномъ развитіи Италіи. Мы пытались также опредѣлить годъ, къ какому слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести событія, описанныя романистомъ. Результатъ, по видимому, мелочной, но мы дорожимъ имъ при опредѣленіи тѣхъ тонкихъ переходовъ, тѣхъ трудно отличаемихъ оттѣнковъ, которые сливаются и пропадаютъ для глаза въ широкой характеристикѣ вѣка или культурнаго періода, обыкновенно наводящей одинъ и тотъ же колоритъ на всѣ его явленія. На дѣлѣ въ этомъ общемъ колоритѣ слилось множество красокъ, подъ кажущейся устойчивостью исторической характеристики есть движеніе, послѣдовательность переходовъ и незамѣтная смѣна явленій, и только наука привела все это къ искусственному синтезу, на который жизнь положительно не отзывается. Какое разнообразіе скрыто напр. подъ общимъ названіемъ итальянскаго *buon secolo*? послѣдніе отголоски трубадуровъ и разцвѣтъ тосканской школы, Франческо да Барберино и Данте, и въ концѣ вѣка уже вполне выяснившіеся принципы Возрожденія. И характеръ этого возрожденія опять же совершенно спеціальны, отличный отъ того, что наложилъ свою печать на первую половину слѣдующаго столѣтія, точно такъ же какъ отъ блестящей эпохи Лоренцо деи Медичи и Renaissance XVI-го вѣка, представляющей такія особенности соціальныя и литературныя, которыя безъ натяжки не укладываются подъ одно опредѣленіе съ предъидущими. Кто хочетъ услѣдить эти мелкія нити, другъ за другомъ входящія въ широ-

кую канву исторіи, тотъ пойметъ, какъ важны бываютъ иногда самыя мелкія хронологическія опредѣленія для уясненія послѣдовательности исторической работы.

Теперь намъ предстоитъ другая задача: опредѣлить, кто такой авторъ романа и когда написанъ нашъ текстъ, относящійся очевидно къ болѣе позднему времени, чѣмъ описанныя въ немъ событія, которыхъ память онъ долженъ былъ спасти отъ грозившаго забвенія. Вопросъ въ высшей степени интересный для насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющій большія затрудненія, такъ какъ рукопись досталась намъ безъ имени автора и даже безъ заглавія, почему и не можетъ представить намъ въ этомъ отношеніи никакихъ свѣдѣній. То, что о себѣ сообщаетъ самъ писатель, ограничивается лишь общими мѣстами, и изъ нихъ трудно извлечь что-либо положительное. Онъ былъ родомъ изъ Прато, какъ видно изъ того мѣста романа, гдѣ графъ Карлъ защищаетъ болѣшую древность стараго Прато (Prato Vecchio), въ Казентино, противъ тѣхъ, кто Прато Пиаццанезе (Piazzanese) считалъ ва болѣе древній. «Есть между нами кое-кто»,—говорилъ онъ, обращаясь къ автору и шутиливо улыбаясь,—«молодой человекъ, еще не обросшій бородою, который изъ ревностной любви къ своему отечеству не допуститъ сказаннаго мною» ²⁶⁵). Эти увлеченія любви не мѣшаютъ ему однако иной разъ хвалить Флоренцію, «знаменитое наше отечество, знатное и прославленное надо всѣми какъ оружіемъ и науками, такъ и религіей и добродѣтелью, благоразуміемъ и справедливостью» ²⁶⁶). Выраженіе «наше отечество» (*nostra patria*) понятно въ жителѣ Прато: онъ могъ считать себя *нравственно*, какъ и политически, связаннымъ съ великой республикой; принимать *nostra patria* въ смыслѣ флорентійскомъ невозможно уже потому, что во Флорентійцѣ было-бы непонятно это рвеніе къ древней славѣ Прато Пьяццанезе и названіе отечества, которое ему дается въ приведенныхъ выше словахъ графа Карла: связь, существовавшая тогда между обоими городами, не могла быть поводомъ такого названія, наконецъ его не допустили-бы ни муниципальные предразсудки средневѣковаго города, ни гордое самосознаніе Флорентійца. Изъ всего этого возможно только одно заключеніе, что намекъ графа надо принимать въ настоящемъ значеніи этого слова и въ косвенномъ—похвалы славному и досточтимому отечеству Флоренціи; что, стало быть, нашъ авторъ былъ родомъ изъ Прато. Замѣтимъ, что онъ написалъ свои воспоминанія для своихъ «доро-

гихъ друзей; между ними могли быть и Флорентійцы, а это одно можетъ объяснить его отзывъ о Флоренціи; въ крайнемъ случаѣ намъ всегда открыто предположеніе, что онъ долго жилъ въ этомъ городѣ и чувствовалъ себя тамъ какъ дома.

Онъ былъ безбородымъ юношей (*ancora non frondute le guancie*), когда попалъ въ общество графа Карла и потомъ въ сады Парадизо, хотя еще ранѣе того успѣлъ посѣщать лекціи маэстро Биаджіо изъ Пармы, который читалъ тогда въ Падуѣ и котораго онъ называетъ своимъ вторымъ учителемъ ²⁴¹). Онъ самъ говорить, что былъ тогда молодъ, принимаясь рассказывать, «какъ въ моей юности, въ обществѣ людей мнѣ милыхъ и благосклонныхъ, я съ умиленіемъ посѣтилъ плодоносныя и прекрасныя высоты нашихъ Апеннинъ, гдѣ лежатъ святыя обители Франциска, Ромуальда и Джованни Гвальберта, и какіе мудрые разговоры и веселыя новеллы я слышалъ тогда въ Поппи, управляемомъ знаменитымъ въ Италіи родомъ, въ которомъ рыцарскія качества чудно соединяются съ высокой добротою и всякою доблестью» ²⁴²). Изъ этого мы можемъ заключить, что авторъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ графами Гвиди, что отчасти подтверждается хорошимъ знакомствомъ съ хорографіей Казентино, проглядывающимъ въ похвалахъ его «плодоносныхъ и пріятныхъ высотъ» (*la ubertosa e piacevolissima alpe*) ²⁴³), и въ упоминаніи и описаніи святыхъ мѣстъ на нихъ лежащихъ, какъ напр. священной горы della Vernia, пустынножительства Камалдуловъ и Валломбросы, и другихъ мѣстечекъ и городовъ вродѣ Порчьяно, Ромена, Поппи, Прато—Веккіо и Borgo alla Collina.

За веселымъ путешествіемъ въ Поппи и къ святилищамъ Апеннинъ слѣдовали, мы видѣли, собранія въ домѣ Колуччіо Салутати и на виллѣ Альберти. Они оставили такое неизгладимое впечатлѣніе въ умѣ молодаго автора, что много лѣтъ спустя онъ еще вспоминалъ о нихъ съ удовольствіемъ и задумалъ передать ихъ своимъ друзьямъ въ разбираемомъ нами романѣ. Онъ написалъ его уже въ престарѣломъ возрастѣ, не зная лучше употребить остатокъ дней, какъ посвятивши ихъ дружбѣ: такъ говоря, онъ на столько же имѣлъ въ виду друзей живущихъ, на сколько тѣхъ, кого унесла смерть, чью дорогую память онъ думалъ сохранить. «Оттого я показался-бы самъ себѣ неблагодарнымъ», — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — «еслибъ не сообщилъ вамъ, сердечные друзья мои, что я слышалъ отъ славныхъ мужей:

неблагодарнымъ къ ихъ памяти и къ вамъ, которыхъ ихъ дивныя рѣчи и рассказы могутъ развеселить и наставить. Не судите ихъ по моему безыщотному слогу, но по тому, какъ они произнесены были на самомъ дѣлѣ. О какъ трудно и не подѣ силу передать всѣ ихъ остроумныя изрѣченія, божественныя жесты, игривыя шутки и чудную рѣчь¹⁷⁰). Такъ можно выражаться лишь о далекомъ прошломъ, которое могли помнить немногіе соучастники, оставшіеся въ живыхъ: имъ-то посвятилъ авторъ эти воспоминанія о хорошихъ дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ.

По этимъ немногимъ свѣдѣніямъ, какія сообщаетъ о себѣ авторъ, какъ съ другой стороны по признакамъ языка и стиля, сильно отзывающимся XV-мъ столѣтіемъ (*quattrocento*), можно съ нѣкоторою положительностью заключить, что романъ могъ быть написанъ лишь долгое время спустя послѣ событій 1389-го года, давшихъ автору поводъ къ его разсказу. Уважемъ здѣсь еще на одинъ пунктъ: на немъ мы главнымъ образомъ думаемъ основать послѣдующее разысканіе. Мы встрѣтили нашего автора въ обществѣ Салутати и Марсили, слышали его хвалы Данте, Петрарки и Боккаччо, и знаемъ его тайное желаніе идти по слѣдамъ трехъ вѣнчанниковъ (*tre corone florentine*); звучный, обработанный (*ripulito*) итальянскій языкъ называется у него не иначе какъ флорентійскимъ, его обработали великіе флорентійскіе поэты, даже падуанскій муниципализмъ преклоняется передъ его гибкостью и способностью передавать самыя отвлеченныя мысли. Все это показываетъ, что нашъ авторъ стоялъ въ центрѣ литературнаго движенія того времени, и его предилекціи даютъ поводъ заключить, что онъ принадлежалъ къ той вымиравшей школѣ, находившей представителей въ обществѣ Парадизо, гдѣ еще думали сохранить въ чистотѣ преданіе великой народной словесности. Итакъ, если мы хотимъ отыскать личность и имя нашего автора, намъ необходимо ограничить наши поиски тою литературною партіей, которую мы готовы назвать партіей *консерваторовъ*, еще продолжавшихъ держаться знамени Данте и итальянской литературной традиціи; потому что то и другое понятіе теперь не раздѣляются болѣе.

Выше, говоря о политическихъ партіяхъ, мы указали въ короткихъ чертахъ, какъ онѣ находили необходимый отголосокъ на почвѣ литературныхъ, художественныхъ и религіозныхъ интересовъ, гдѣ происходила такая же борьба и тѣ же стороны схо-

дились и расходились, связанныя общими надеждами и одними и теми же антипатіями. Распря шла между старымъ и новымъ, между народностью и темъ, что казалось ея отрицаніемъ, между заветами отечественной исторіи и новыми соблазнами принципатя. На почвѣ литературной, разумѣется, всѣ эти вопросы, стоявшіе на очереди, принимали нѣсколько специальный отбѣнокъ: они становятся вопросомъ языка. Снова поднимается прежнее сомнѣніе: какой изъ двухъ языковъ имѣетъ болѣе права быть литературнымъ органомъ мысли, итальянскій или латинскій; по этому поводу вызываются снова теми Данте и трехъ флорентійскихъ вѣнчанниковъ, въ нихъ не даромъ видѣли символическое выраженіе жизненности народнаго начала. Въ сущности и здѣсь ведется та же борьба между народомъ, защищающимъ старую свободу, и принципатомъ, который стремится переить ее. Какимъ образомъ все это могло принять формы грамматической и лингвистической распри—понять не трудно. Къ какому бы времени ни отнести первое вступленіе итальянскаго языка въ права литературнаго гражданства, ко временамъ-ли ломбардской лиги и мнѣстическихъ поэтовъ Герардо изъ Флоренціи и Альдобранда изъ Сіены ²⁷¹⁾, или позже, какъ думаетъ большинство,—во всякомъ случаѣ въ немъ выразилось призваніе народа къ правамъ мысли. До тѣхъ поръ народъ безмолвствовалъ, его мысль не находила себѣ органическаго выраженія. У церкви, его наставлявшей, былъ свой языкъ, латинскій, свое преданіе и своя особая жизнь, и съ этой жизнью у народа ничего не было общаго; феодализмъ, въ Италіи—явленіе чуждое, привнесенное, долженъ былъ по необходимости покровительствовать литературѣ не національной, провансальской и французской, и окружать себя французскими пѣвцами, *francigèni*. Если при дворѣ сицилійскихъ королей мы слышимъ первый неясный лепетъ итальянской поэзіи, то это потому, что тамъ впервые зародилась идея *народной итальянской монархіи*; какъ скоро эта идея падаетъ, не дождавшись осуществленія, останавливается и литературное движеніе, ей вторившее. Итальянскому языку суждено было подняться съ первымъ выходомъ народа на сцену исторіи въ борьбахъ ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ: только почувствовать себя сильнымъ въ завоеванной свободѣ, могъ онъ послѣдовательно завоевать себѣ и свой собственный литературный языкъ, которому политическія и этнографическія причины помѣшали развиваться въ Ломбардіи ²⁷²⁾, но который въ Тосканѣ произвелъ Данте и золотой XIV-й вѣкъ. Такимъ

образомъ приобрѣтенъ былъ новый органъ мысли и разсужденія: на феодаловъ довольно было оружія, теперь противъ церкви поднималось народное слово. Вотъ почему въ началѣ церковъ недружелюбно смотритъ на новый языкъ и ратуетъ противъ популяризаціи знанія, ибо, по ея мнѣнію, это значило «умалять божество», *menomare la deitade*. Такъ рассказываетъ новелла, изъ *Cento novelle antiche*, очевидно навѣянная этими религиозными опасеніями: «былъ когда-то философъ, охотно истолковывавшій науку синьорамъ и другому люду. Однажды ночью было ему видѣніе: ему казалось, что онъ видитъ богинь науки въ образѣ прекрасныхъ женщинъ; онѣ находились въ дурномъ мѣстѣ и отдавались всякому, кто только хотѣлъ. Увидѣвъ это, онъ сильно удивился и сказалъ: что это? развѣ вы не богини знанія? И онѣ отвѣчали: Конечно.—Какимъ же образомъ находитесь вы въ такомъ нехорошемъ, гнусномъ мѣстѣ? А онѣ въ отвѣтъ: Это справедливо, но ты самъ причиной тому, что мы здѣсь обрѣтаемся.—Тутъ онъ проснулся и размыслилъ, что истолковывать науку (*volgarizzare*) значить умалять божество; оттого онъ оставилъ это и сердечно раскаялся. Знайте-же, что не всякому позволено всё знать»²¹³). Не напоминаетъ-ли это укоры Торини, обращенные къ Луиджи Марсили?

Противъ этой-то науки, которую церковъ ревниво охраняла въ темныхъ формулахъ схоластики, переводы на итальянскій языкъ и появленіе новой народной поэзіи поднимались какимъ-то торжественнымъ протестомъ. Это, разумѣется, были одинокія усилія, сами по себѣ они не были въ состояніи сообщить жизненную силу народной литературѣ, тогда зараждавшейся. Для этого потребно было болѣе твердое основаніе; надо было, чтобъ съ точки зрѣнія народа и его языкомъ сдѣланъ былъ широкій синтезъ всего, что выработано средневѣковою наукой и исторіей. Отсюда многочисленныя *Fiorite*, *Trésors*, *Луцидаріи*, *Images du Monde*, *Суммы*, *Сентенціи*, нѣмецкія *Spiegel*: энциклопедіи средневѣковаго знанія, приспособленныя къ пониманію мірянъ и отвѣчавшія отчасти на требованія новой культуры. Но самый полный синтезъ, сдѣланный съ итальянской точки зрѣнія, представляетъ Божественная Комедія. Данте былъ тотъ человѣкъ, что раскрылъ своему народу внутренній смыслъ средневѣковаго міра; радѣя о народѣ, онъ предпринялъ трудный путь по «царству мертвыхъ людей» (*lo regno della morta gente*), къ преданіямъ папства и имперіи, къ распрямъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ, къ заглохшимъ

воспоминаніямъ феодализма и поэтическимъ космогоніямъ схоластикомъ. Высшее усиліе ретроактивной мысли, это путешествіе оставило на его лицѣ и волосахъ видимые зоркому народному глазу слѣды того свѣта, который онъ пытался побороть, научая другихъ, какъ можно выбраться изъ его «темной юдоли» (*cavea valle*). Вотъ почему церковь, представительница этого старого міра, смотрѣла на него непріязненно, какъ на того, кто, по выраженію новеллы, особенно охотно истолковывалъ людямъ науку: извѣстно, что она даже была не прочь предать сожженію его прахъ; вотъ почему начала итальянской литературы отождествляются для насъ съ именемъ Данте. Съ него собственно начинается литературное движеніе въ національномъ смыслѣ этого слова; онъ даетъ ему форму, и мы едва-ли не въ правѣ назвать преимущественно его именемъ весь періодъ, предшествовавшій классическому Возрожденію Медичей.

Мы видѣли, что это Возрожденіе приготовлялось издавна, что его принципы выяснялись послѣдовательно и тотчасъ-же вступали въ борьбу съ народною литературой во имя изящныхъ идеаловъ классической древности, которые уже начинаютъ возбуждать безсознательный восторгъ, сопровождающій всякое первое открытіе. Что къ этой борьбѣ страстность партій привлекала авторитетъ Данте и флорентійскихъ вѣнчанныхъ поэтовъ,—намъ едва-ли нужно пояснять: ихъ имена такъ сроднились съ судьбами итальянскаго слова, что они поневолѣ являлись за него отвѣтчиками и первые выдерживаютъ непріятельскій натискъ. Уже въ третьемъ поколѣніи послѣ Данте, стало быть раньше, чѣмъ завершилось его столѣтіе, оппозиція начинаетъ поднимать голову. Она выходитъ теперь не изъ церкви, по крайней мѣрѣ церковь позабыла старую вражду къ народному языку: она сама пишетъ и наставляетъ народъ по-итальянски, и пишетъ иногда лучше и проще, чѣмъ свѣтскіе люди, которыхъ уже заразила модная латинская фраза. Мы только укажемъ здѣсь на Джьованни делле Челле, на фра Доминичи и великолѣпную прозу св. Катерины Сіэнской. Противодѣйствіе церкви противъ свѣтской литературы ограничивается теперь укорами за излишнее пристрастіе къ языческимъ баснямъ и ученіямъ древнихъ философовъ. Такъ Джьованни Доминичи пишетъ свою *Lucula Noctis* противъ книги Салутати *De Fato et Fortuna*, которая должна была поразить его нехристіанской постановкой вопроса; такъ Джьованни да Санъ Миньято упрекаетъ Анджело Корбинелло за чтеніе языческихъ поэтовъ²¹⁾, на защиту

которых принужденъ подняться самъ Колучіо и Джованни да Равенна.—Но главный ударъ народно-поэтической школы нанесенъ былъ съ той стороны, откуда мы его всего меньше ожидаемъ, и предполагаетъ послышки, нахвостыя странными въ устахъ тѣхъ крайнихъ поборниковъ свѣтской литературы, которыхъ въ этомъ отношеніи Данте былъ учителемъ и вождемъ. А между тѣмъ дѣло было именно такъ: и какъ въ прежнее время ставилась Данте въ упрекъ его народная рѣчь, низводившая науку съ завѣтнаго пьедестала, такъ теперь вопросъ повернулся, и ему же говорятъ, что онъ пошелъ не въ ту сторону и ошибся въ пути. Мы помнимъ, что церковные нападки основывались на принципѣ, «что не всякому позволено все знать»; противъ этого принципа возставалъ Данте; тѣ, что идутъ за нимъ, слѣдуя данному имъ толчку, не хотятъ болѣе успокоиться на его протестѣ: онъ ихъ не удовлетворяетъ, онъ остановился на полу-дорогѣ, надо окончательно разорвать пути; идеалъ свѣтской литературы тамъ, въ классической древности, къ нему слѣдуетъ стремиться. Разумѣется, эта древность была преимущественно своя, латинская; этимъ затронутъ вопросъ объ языкѣ, и новая литературная теорія ставитъ его во главу угла. Она уже не задается прежнему задачею: передать народу и на его языкѣ науку, которую церковь эгоистически берегла подъ непроницаемой броней схоластической латыни; она тоже хочетъ отнять ее у церкви, но лишь за тѣмъ, чтобы возвести ее къ исконному источнику и къ чистотѣ цинцероновской рѣчи. Какъ видно—вопросъ въ томъ и другомъ случаѣ ставился одинъ и тотъ-же: надо было взять науку изъ рукъ клериковъ, до тѣхъ поръ исключительно владѣвшихъ ею, и передать ее свѣтскимъ людямъ. Только въ послѣднемъ случаѣ средство употреблено было менѣе народное, отчего и развивается въ послѣдствіи та новая исключительность, характеризующая школу позднѣйшаго классическаго возрожденія, которая на золотой XIV-й вѣкъ итальянской литературы смотритъ свысока, смѣшивая его съ средними вѣками, и снова пишетъ по латини. Попытки старыхъ популяризаторовъ забыты, знаніе по прежнему уединяется на этотъ разъ въ блестящую латинскую фразу. Чѣмъ далѣе въ XV-ое столѣтіе, тѣмъ яснѣе и полнѣе высказывается это новое направленіе свѣтской литературы, тѣмъ рѣже память объ изящныхъ образцахъ, завѣщанныхъ цвѣтущимъ періодомъ народной итальянской поэзіи. Языкъ, выработанный тремя флорентійскими поэтами, оставленъ; и къ чему они сами,

когда Виргилій и Овидій раскрывали читателю красоты совсѣмъ новаго свойства, а рассказы Ливія и Саллюстія поднимали его народное самосознаніе на высоту, откуда оно охватывало всю Италію и все человѣчество въ чертѣ стараго orbis romanus? Еще у Бенедетто Аккольти (1415 + 1466), посвятившаго Ковымъ Медичи свой *Dialogus de praestantia virorum sui aevi*, Данте и Петрарка являются великими именами, ихъ позволено сравнивать съ Виргиліемъ и Гомеромъ по изяществу, нѣжности и богатству мыслей. Жаль только, что они писали на народномъ языкѣ, а не по-латыни и не по-гречески! Это, разумѣется, не помѣшало имъ быть ученѣйшими и мудрѣйшими и не совсѣмъ неспособными къ латинской поэзіи, что доказываютъ ихъ буколики и Африка послѣдняго: творенія далеко не посредственныя, хотя, разумѣется, они не могутъ быть сравнены ни съ однимъ произведеніемъ древности. То же самое должно сказать и о Джованни Боккаччо, мужѣ скромнаго и столь изящнаго писателя въ прозѣ и стихахъ, чья задача свѣдѣла только содержаніе, а не изложеніе (*ut si rem ipsam non verbi modum consideremus*), онъ можетъ считаться хорошимъ поэтомъ и отличнымъ ораторомъ ²⁷⁵).—Этого одного довольно, чтобы дать понятіе о новомъ критеріи, который начинаетъ теперь прилагаться къ оцѣнкѣ произведеній великой національной литературы.—Еще пятьдесятъ лѣтъ,—и мы на кульминаціонномъ пунктѣ итальянскаго Renaissance: это было единственное время, когда принципы классическаго возрожденія и народно-поэтическія преданія, казалось, могли помириться, благодаря талантамъ Лоренцо деи Медичи и его поэтическаго кружка. Въ Полиціанѣ лучше всего выразилась эта возможность: граціозные образы языческой лирики укладываются у него въ формы Данте и его школы, въ защиту которой написано знаменитое письмо Лоренцо къ аррагонскому принцу Федерико ²⁷⁶). И въ то же время новая школа латинскихъ эрудитовъ рѣзко заявляла свою программу, отдаляя всякую мысль о замиреніи. Мы говоримъ о Паоло Кортезе (1466 + 1510) и его диалогахъ *De hominibus doctis*, обращенныхъ къ тому же Лоренцо деи Медичи. Для него итальянская литература начинается съ Хризолары и Леонарда Аретина: раньше ихъ знанія лежали въ мерзости заустынія, культурныя преданія были забыты ²⁷⁷). О томъ, что для восстановленія ихъ сдѣлали Данте, Петрарка и Боккаччо, онъ не сталъ бы даже говорить, еслибъ у него не попросили на то объясненія. Конечно, отвѣчаетъ онъ, у Данте и Петрарки велико было рвеніе къ

древности; но въ Данте мы любуемся одними очертаніями, какъ старой картиной, съ которой сошли краски. Онъ справедливо пользуется славой, и его знаменитой поэмѣ никто не откажетъ въ геніальной высотѣ зымысла; но во сколько разъ было-бы лучше, еслибъ вмѣсто того, чтобъ возвеличить ею отечественный языкъ, онъ передалъ свои мысли по-латини. То же самое замѣчается и объ итальянскихъ стихотвореніяхъ Петрарки, за которыми признается та заслуга, что онъ первый задумалъ воскресить занятіе краснорѣчіемъ. Разумѣется, нечего удивляться, что ему, рожденному въ этомъ «отребѣ всѣхъ вѣковъ» (*in faece optimum saeculorum*), недостаетъ прелестей стиля: его слоги не латинскій и нѣсколько шероховатъ; у него богатство мыслей, но онъ не достаточно развиты; во всемъ чувствуется болѣе прилежанія, чѣмъ изящества. Боккаччо, Джованни да Равенна и Колуччіо Салутати—всѣ подобно ему страдаютъ роковымъ недугомъ (*fatale illud malum*), тяготѣвшимъ надъ ихъ вѣкомъ. Этимъ недугомъ было, разумѣется, забвеніе классической древности; и не смотря на это красоты роднаго слова увлекаютъ критика иной разъ къ признанію, что въ стихотвореніяхъ Петрарки есть что-то такое особое, звучное и нѣжное, въ чемъ онъ не можетъ дать себѣ отчета,—есть что-то обаятельное во всѣхъ произведеніяхъ поэта, хотя, казалось, новая теорія только-что порѣшила, что они несовершенны ²⁷⁸). Такъ много казоваго и условнаго было въ этихъ крикахъ противъ роковаго зла, предварявшихъ окончательный разрывъ съ дантовскимъ преданіемъ.

Чтобы понять смыслъ этой двойственной оппозиціи противъ Данте, со стороны церковныхъ людей и эрудитовъ, изъ которыхъ одни видятъ въ немъ главу свѣтской литературы, тогда какъ другіе, вышедшіе изъ его же импульса, не отдѣляютъ его дѣла отъ дѣла средневѣковаго невѣжества,—чтобы понять эту двойственность, необходимо помнитъ историческое значеніе Данте и мѣсто, имъ занимаемое на рубежѣ двухъ столѣтій различной культуры. Прежде всего—онъ не проповѣдуетъ ничего новаго, онъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ своего времени. Его симпатіи скорѣе обращены назадъ: онъ ревностный католикъ, какъ никто другой, его философія—философія св. Тома Аквинскаго; онъ вѣритъ въ папство и имперію и что свѣту не устоять безъ покровительства двухъ заповѣдныхъ мечей. Герои язычества, которыхъ онъ встрѣчаетъ въ своемъ аллегорическомъ путешествіи, нашли въ немъ мѣсто лишь на столько, на сколько они содѣйствовали или противились прове-

денію въ жизнь того или другаго основнаго начала средневѣковой цивилизаціи. Его культъ женщины не отличить отъ *dominejar* трубадуровъ, онъ только сталъ мистичнѣе; его наука—все та же старая, схоластическая наука, какъ она выразилась въ *trivium* и *quadrivium*, и мессеръ Пьеро Данте былъ вполне правъ, выведя въ своей нравоучительной канцонѣ (*Morale*) семь свободныхъ искусствъ, сѣтующихъ на судьбу, постигшую ихъ маэстро Данте: *)

Quelle sette arti liberali in versi
Anno d'invidia molto a dolersi
Della nomea del maestro loro
Ch'è stata condannata in concestoro. **)

Эти «семь свободныхъ искусствъ въ стихахъ»,—что это такое, если не энциклопедія Божественной Комедіи? Это характеризуетъ средневѣковую точку зрѣнія, какъ и отождествленіе поэзіи съ теологіей въ комментаріи Боккаччо на поэму Данте, и его опредѣленіе теологіи, которая «не что иное, какъ божественная поэзія» ***). И позднѣе еще другой истолкователь Данте, Джованни да Прато, съ дѣятельностью котораго намъ придется познакомиться подробнѣе, не иначе толкуетъ замыселъ Беатриче: **)

Questa è la santa diva poesia
Ch'è sì leggiadra, dolce, vaga, altera,
O Beatrice, o vuoi dir te(o)logia:
Nomì le sono sinonami, e uno
Subietto, e solo a vera fantasia.

Такимъ образомъ Данте представляется намъ съ ногъ до головы средневѣковымъ человѣкомъ,—и это положительная сторона его литературнаго характера,—но уже человѣкомъ, пришедшимъ въ сознаніе самого себя, что уже предполагаетъ возможность отрицанія. Онъ еще стоитъ на почвѣ средневѣковой науки и цѣликомъ вноситъ ее въ величавое зданіе Божественной Комедіи; и въ то же время, вырывая ее изъ рукъ схоластиковъ, дабы передать народу, народною рѣчью, онъ дѣлаетъ первый шагъ къ ея критикѣ. Онъ, разумѣется, не могъ знать, къ чему придетъ

*) «Семь свободныхъ искусствъ въ стихахъ сильно жалуются на зависть, побудившую соборно осудить доброе имя ихъ учителя».

**) «Вотъ святая, божественная поэзія, прекрасная, нѣжная, изящная, гордая. Назови ее Беатричей или теологіей,—это будутъ синонимы, а содержаніе одно, единственное для справедливо мыслящаго».

впослѣдствіи эта критика, какъ историческія причины и необходимость—найти себя независимый операционный центръ—приведутъ ее послѣдовательно къ языческой цивилизаціи и занятіямъ классическою стариной, ибо въ то время это было единственное поле, лежавшее внѣ черты схоластическаго и феодальнаго преданья; какъ, наконецъ, возмужавъ и опередивъ его, эта критика отречется отъ него самого, позабывъ, чѣмъ она одолжена его почину. Какъ-бы то ни было, теоретически—ученые латинисты XV-го столѣтія точно также восходятъ къ Данте, какъ и тѣ, которые чтили въ немъ, можетъ быть съ большимъ правомъ, вождя и учителя (*maestro e duca*) народно-поэтической школы. Эти продолжаютъ его дѣло съ формальной стороны, тѣ—со стороны протеста. Одни приветствуютъ въ Данте великаго флорентійскаго поэта, пѣвца гражданской славы и гражданскихъ бѣдъ: это люди національной партіи, *popolani*, гордые своею исторіей, крѣпко стерегущіе всякое преданіе въ наукѣ, религіи и политикѣ. Они пишутъ по-итальянски, любятъ терцину и поэтической родъ видѣнія; кружокъ Парадизо и его бесѣды лучше всего знакомятъ насъ съ этой первой поэтической и литературной школой, вышедшей изъ дантовскаго направленія. Но этой школѣ противопоставляется другая, покидающая Данте, Петрарку и Боккаччо для Гомера и Виргилія, семь свободныхъ искусствъ для науки классической древности, космогонію Фомы Аквинскаго для красотъ языческаго Олимпа, преданія гражданской свободы для несбыточныхъ грезъ о какомъ-то общественномъ обновленіи, которыя на яву обернутся медичейскимъ принципатомъ. Наконецъ здѣсь пишутъ по-латини, латинскій языкъ сталъ органомъ новой свѣтской науки, какъ въ прежнее время онъ былъ органомъ церкви; теперь онъ даже начинаетъ заражать чистоту итальянской рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ почитать современныя произведенія первой школы, которую мы назовемъ итальянской или народной, прозу какого-нибудь Доменико да Прато, Джованни ди Герардо и переводчика Ринуччини, чтобы убѣдиться, что она испещрена латинизмами, не только въ синтаксисѣ и въ постройкѣ фразы, къ чему приучилъ насъ уже Боккаччо, но въ самыхъ словахъ. Мы можемъ сказать даже больше: сами послѣдователи народной школы пишутъ по-латини и даже любятъ писать, какъ напр. Колучіо Салутати. Если онъ прилежно собиралъ рукописи Данте, Петрарки и Боккаччо, то въ то же время обнаруживаетъ изощренный вкусъ ко всякаго рода классическимъ элеганностямъ.

когда поздравляет флорентійскаго епископа съ тѣмъ, что въ присланной имъ проповѣди онъ не нашелъ обычной «effeminata consonantiae cantilena», противъ которой выставляется грозный авторитетъ Цицерона. ²⁰¹⁾

На исходѣ четырнадцатаго столѣтія и въ тѣ годы, которыхъ литературное броженіе мы думаемъ изобразить, обѣ школы, народная и классическая, или школа эрудитовъ, уже совсѣмъ опредѣлились и стоятъ другъ противъ друга во всеоружіи, готовы вступить въ борьбу за преобладаніе. Самая борьба началась, и вопросы поставлены ясно. Въ самомъ общемъ своемъ выраженіи—это споръ между старой схоластической наукой, выраженной въ семи свободныхъ искусствахъ, и новой наукой, вдохновлявшейся классиками, между античнымъ идеаломъ изящества и христіанскимъ. Иногда великое имя Данте, которое принижали латинисты, поборавшіе въ немъ средневѣковое вѣрованіе, и съ тѣмъ болѣшимъ рвеніемъ защищала народная школа,—давало всему этому видъ какой-то личности, какихъ-то личныхъ нападковъ. Но Данте, Петрарка и Боккаччо неотдѣлимы отъ Флоренціи,—и вотъ тотъ же вопросъ является еще въ третьемъ видѣ: средневѣковая культура, имена трехъ флорентійскихъ коронъ и муниципальная гордость подають другъ другу руку, вызываютъ ѣдкія насмѣшки нововводителей и отчаянно защищаются народными поэтами.

Одинъ изъ первыхъ поднялся на защиту стараго научнаго преданья Франческо Ландини, по прозванію Ciesco или degli Organi. Мы встрѣтили его въ обществѣ Парадизо, представляющемъ національную партію, партію popolo, почитателей Данте и народной поэзіи. Онъ обращаетъ свои Versus ²⁰²⁾ къ Антонію, плебану Vado, отличному учителю грамматики, логики и реторики (ad dominum Antonium Plebanum de Vado, grammaticae, loycae, rethorice optimum instructorem), пріятелю Франко Саккетти и истолкователю (lettore) Данте въ 1381-мъ году. Этого одного достаточно для характеристики его литературнаго profession de foi. Стихи написаны въ защиту Оккамовой логики, или скорѣе семи свободныхъ искусствъ, противъ ученыхъ новаторовъ, нападавшихъ на то и другое; правда, Франческо уже силится сложить латинскій гекзаметръ, но литературная форма, имъ избранная, есть форма аллегорическаго видѣнія, освященная гениемъ Данте. Еще не прошла полночь, и звѣзды въ небѣ удваивали свой блескъ, когда сонмъ маститыхъ старцевъ предсталъ ему во снѣ. Юноша съ умнымъ лицомъ (Arguta facie juvenis), облеченный

въ одежду св. Франциска (*luteo squallebat amictu.....Usque pedes vestis, nodoso fune rescincta*), начинаетъ держать рѣчь, побуждаемый къ тому своими спутниками. Это Вильгельмъ Оккамъ:

lacer ille Guillermus

Morsibus invidiae, frater minor et tuus Ocham,

говорить онъ, объявляясь своему дорогому ученику (*prae cunctis dulcis alumpne*). Черная зависть побудила ихъ покинуть царство тѣней, и болтовня невѣжественной толпы, которая при людяхъ бранить и рветъ его книгу, а тайкомъ ее же изучаетъ и перечитываетъ часто, стережъ предварительно съ полей имя автора. Но что всего болѣе ему досаждаютъ и вызываетъ жалобы,—это безстыдные крики «нахальнаго неуча» (*ydiota rudissimus, ydiota protervus*), глумящагося надъ всѣми науками, надъ Діалектикой, Философіей, Логикой и ихъ сестрами:

*Quam se scire suo toto desperat in evo
Acrius impugnat te, te, Dialectica, cunctis
Artibus imperitans, sine qua non creditur ullam
Posse artem sciri perfecte. Sola tuarum
Regia nobilitas, domina atque magistra, sororum
Haec docet, incessus ad amena palatia regni,
Philosophia, tui; sola haec conscendere in arcem
Etheream atque unum trinumque attendere regem.
Concipit haec formas motu et compage carentes,
Corpora et tenues rationum solvere nexus
Edocet, et veris mixtum secernere falsum.
Hac sine balbutiunt omnes, nec in ordine rerum
Quid sequitur, quid non, recte discernere possunt.
Dirigit haec aciem super ardua culmina celi,
Naturamque super, rerum abstrahit undique formas.
Haec apices montium dubios, minitancia celo
Culmina, difficiles aditus, et strata viarum
Aspera, plana facit; per apertas undique portas
Dirigit illa gradum, montes scopulosque supinat.
Haec ad inadcessum mentem advehit, unica, culmen
Nec non tartarei tenebrosa ergastula regni
Rimatur, stygiam praetervehit illa paludem;
Denique in occultas latebras, noctemque profundam,
Intuitum figit, causas sub orbe latentes
Inquirat, sibi cuncta licet, nocturna diescunt.*

Всѣ эти науки ставить ни во что невѣжда, онъ питаетъ смертельную вражду къ *логикамъ* и бранить на всѣ лады, называя ихъ живыми и задорными софистами. Разумѣется, онъ только и смѣетъ говорить это гдѣ-нибудь въ толпѣ или между женщинами на посидѣлкахъ, почему избѣгаетъ общества ученыхъ; если-же когда случится, что его захватятъ въ расплохъ, какъ оленя въ тенета, тогда слова замираютъ у него на устахъ, онъ говоритъ общими мѣстами, отвѣчаетъ безсвязно и бояливо. А посмотрѣли бы вы на него передъ тѣмъ, какъ гордо онъ прохаживался, высоко поднимая голову, какъ цвѣтисто говорилъ, приводя тысячи авторовъ, которыхъ одни имена ему извѣстны, цитую отца *своего* Сенеку, восхваляя до небесъ книги *своего* Цицерона. Бѣдный Сенека! Онъ отвергаетъ такого сына и подобныя похвалы заставляютъ его краснѣть даже въ царствѣ тѣней. Бѣдный Цицеронъ! Когда мечъ Антонія снесъ ему голову, это должно было показаться ему менѣе мучительнымъ, чѣмъ видѣть себя превознесеннымъ тѣмъ, кто хромаетъ даже въ грамматикѣ: до того его рѣчь переполнена варваризмами и солецизмами, долгіе слоги у него обратились въ короткіе и короткіе въ долгіе, имена среднего рода приходятъ въ ужасъ, соприкасаясь съ прилагательными женскаго рода, и дѣйствительные глаголы находятся въ недоумѣніи, сочетаются ли имъ съ винительнымъ падежомъ или нѣтъ. — Это, очевидно, портретъ съ натуры, снятый не безъ затаенной злобной мысли съ ученаго латиниста XIV-го вѣка, который ничего не видѣлъ далѣе Цицерона и классиковъ, отрицая монастырскую науку среднихъ вѣковъ. — И оскорбленная тѣнь еще долго продолжала-бы говорить въ томъ-же направленіи, если-бы первые лучи разсвѣта и утреннія пѣсни рабочихъ не заставили ее разсвѣтаться тонкимъ паромъ.

Легко предположить, что эти нападенія послѣдователей старой схоластической науки не остались безъ отвѣта со стороны ихъ противниковъ. Доказательствомъ тому — бесѣды, происходившія во Флоренціи на пасхѣ 1401 года (*cum solemniter celebrarentur ii dies qui pro resurrectione Iesu Christi festi habentur*) въ домѣ Колуччіо Салутати и на слѣдующій день въ садахъ Роберто деи Росси, по ту сторону Арно. Разговаривающими были, кромѣ двухъ названныхъ и Пьетро Мини, введеннаго лишь во второй бесѣдѣ, Никколò Никколи и Леонардо Аретино, записавшій подробности этого спора для Пьетро Паоло Верджеріо, находившагося тогда въ отсутствіи ^{***}). Прийдя въ домъ Колуччіо и

усѣвшись, всѣ молчатъ въ началѣ, потому ли, что не находятъ предмета для разговора, или всякій изъ нихъ ожидалъ, что вотъ начнетъ другой. Тогда Колуччіо открываетъ бесѣду, съ жаромъ рекомендуя разсужденіе: безъ него ни къ чему не служатъ и науки,—и въ доказательство онъ разсказываетъ о спорахъ, бывшихъ у него съ Луиджи Марсили, и какую великую пользу они принесли ему. Выше, въ біографіи Марсили, мы привели дословно этотъ отзывъ его друга. Ему отвѣчаетъ Никколò Никколи, большой оригиналъ, ученый затворникъ и слегка педантъ, про котораго разсказывали, что онъ и вѣтъ изъ «великолѣпныхъ античныхъ сосудовъ», и что «хорошо посмотрѣть на него, какъ сидитъ онъ за столомъ, такой античный» ²⁸); человекъ рѣзкій и желчный, какъ доказала потомъ его скандальная ссора съ Леонардо Аретино. Пока они еще пріятели, и Колуччіо можетъ сказать о послѣднемъ, что онъ скорѣе захочетъ ошибаться съ Никколи, чѣмъ быть правымъ съ другими ²⁹). Въ чемъ же ошибается Никколи? Его пространный отвѣтъ не что иное, какъ длинная похвала классической цивилизаціи, ея философовъ, риторовъ, грамматиковъ, похвала,—приходящая въ концѣ къ отрицанію среднихъ вѣковъ и схоластической науки. Разсужденіе вещь хорошая, онъ самъ готовъ въ этомъ согласиться съ Колуччіо, съ Луиджи Марсили, съ примѣромъ Хризолары: но къ чему и о чемъ говорить, когда нѣтъ матерьяла и книгъ, когда наука въ изгнаніи? «Что до меня, Колуччіо, я не вижу, какимъ образомъ можетъ кто-нибудь научиться разсуждать въ этотъ жалкій вѣкъ, при такомъ недостаткѣ книгъ. Найдется ли теперь какое-нибудь искусство или наука, которая не была бы лишена своего значенія или и вовсе изгнана? Посмотри на любую изъ нихъ и разсуди, чѣмъ она теперь и чѣмъ была прежде: ты видишь, всѣ онѣ до того дошли, что остается только отчаяваться. Возьми, напримѣръ, философію, тѣмъ болѣе заслуживающую вниманія, что она мать всѣхъ наукъ, и изъ ея родника потекло все наше знаніе (humanitas). Въ былое время она перенесена была изъ Греціи въ Италію Цицерономъ и напоена золотыми струями его краснорѣчія. Въ его книгахъ не только изложенъ былъ смыслъ всей философіи, но и подробно истолкованы всѣ философскія школы, а это, мнѣ кажется, много содѣйствовало тому, чтобы побудить людей къ занятію наукой. Почему, какъ скоро кто приступалъ къ философіи, онъ тотчасъ же могъ избрать себѣ, кому слѣдовать, и научался не только защищать свое мнѣніе, но и от-

разать чужія. Оттуда стоики, академики, перипатетики, эпикурейцы, оттуда между ними споры и разногласія. О еслибъ дошли до насъ всѣ эти книги и не было столь велико нерадѣніе нашихъ предковъ! Но они сохранили намъ Кассіодора и Алкида и тому подобныя бредни, которыя ни одинъ хоть немного ученый не счелъ нужнымъ прочесть; а книгамъ Цицерона, лучше которыхъ и нѣтъ ничего не произвели латинскія музы, они допустили потеряться вслѣдствіе своего нерадѣнія. Тому причиной величайшее невѣжество: потому что еслибъ они, какъ говорится, хоть немного отвѣдали ихъ, разумѣется никогда бы не покинули, ибо краснорѣчіе ихъ было такое, что всякаго не тупаго читателя побудило бы не пренебрегать ими. Когда большая часть этихъ книгъ погибла, тѣ же, которыя сохранились, до того исторчены, что недалеко отъ разрушенія,—какимъ образомъ думаешь ты на, читаться намъ теперь философіи? А вѣдь есть многіе учителя этой науки, общающіе научить ей? О знаменитые философы нашего времени! они преподають, чего сами не знаютъ, и я не могу надивиться, какъ они овладѣли философіей, будучи такими невѣждами въ грамматикѣ: потому что, когда они говорятъ, у нихъ болѣе солицизмовъ, чѣмъ словъ, такъ что иногда предпочелъ бы слышать ихъ храпящими, чѣмъ разсуждающими. Но спросите ихъ, на чьемъ авторитетѣ и на какихъ ученіяхъ опирается ихъ удивительная мудрость, и они отвѣтятъ вамъ: на авторитетѣ философа. Такъ говоря, они разумѣють Аристотеля, и всякій разъ, когда надо что-нибудь подтвердить, приводятъ изреченія изъ книгъ, которыя называютъ Аристотелевыми: слова дикія, пошлыя, неблагозвучныя, которыя рѣжутъ и поражаютъ слухъ каждаго. Такъ, говорятъ, сказалъ Аристотель, этому невозможно противорѣчить; такъ что для нихъ слова учителя (*ipse dixit*) однозначущи съ истиной. Какъ будто онъ одинъ былъ философомъ, и его мнѣнія столь незыблемы, будто произнесъ ихъ въ своемъ святилищѣ пелійскій Аполлонъ. Я, разумѣется, говорю это не въ укоръ Аристотелю (у меня нѣтъ никакой вражды къ этому мудрѣйшему мужу), но противъ неразумія этихъ людей. Еслибъ они были только невѣждами, ихъ бы, разумѣется, не слѣдовало хвалить, но все же переносить при настоящихъ условіяхъ времени; но къ невѣжеству присоединилась теперь надменность; они сами считаютъ и зовутъ себя мудрыми, а кто можетъ это слышать равнодушно? Вотъ что я о нихъ думаю, Колуччіо: мнѣ кажется, что они ни въ чемъ ни на волосъ не понимаютъ Аристотеля; у меня на то есть важный свидѣтель.

Вы спросите, кто такой? Отецъ латинскаго краснорѣчія, М. Туллій Цицеронъ.... Когда юрисконсульту Требацію случилось попросить одного замѣчательнаго риторъ объяснить ему смыслъ нѣкоторыхъ аристотелевскихъ мѣстъ, и тотъ отказался по незнанію, Цицеронъ написалъ ему, что его ни мало не удивляетъ, если риторъ не знаетъ философа, котораго, заисключеніемъ немногихъ, сами философы не разумѣютъ. Не правда-ли, что нашъ Цицеронъ устраняетъ этимъ невѣжды? Не хорошій-ли отвѣтъ даетъ онъ тѣмъ, кто неблагоразумно провозглашаетъ себя послѣдователемъ Аристотеля?... Итакъ, если сами философы, кромѣ немногихъ, его неразумѣли въ то время, когда процвѣтало всякое искусство и наука, когда множество ученыхъ людей, не менѣе свѣдущихъ въ греческихъ, чѣмъ въ латинскихъ письменахъ, могли читать его на мѣстѣ и въ неиспорченномъ текстѣ: неужели ты думаешь, что теперь, въ такомъ крушеніи всѣхъ знаній, при такомъ недостаткѣ ученыхъ, понимаютъ его эти невѣжды, которымъ не только греческій, но и латинскій языкъ недостаточно знакомъ? Повѣрь мнѣ, Колуччіо, не можетъ этого быть уже потому, что книги, выдаваемые ими за аристотелевы, подверглись такому искаженію, что еслибъ показать ихъ Аристотелю, онъ точно также не призналъ бы ихъ своими, какъ Актеона, обращеннаго въ оленя, не признали его же собаки. Пишетъ Цицеронъ, что Аристотель обращалъ вниманіе на краснорѣчіе и писалъ съ удивительнымъ изяществомъ; тѣ же книги, которыя выдаются намъ за его—если еще можно тому вѣрить—такъ трудно читаются и такъ темны, что ихъ никому не понять, кромѣ развѣ Сивиллы или Эдипа. Поэтому пусть лучше перестанутъ эти славные философы толковать намъ о своей мудрости: у нихъ и таланта нѣтъ, чтобы овладѣть ею, еслибъ представлялась на то возможность; а еслибъ и былъ талантъ, то возможности не представляютъ условія времени. Но довольно о философіи» ***).

Критика схоластики и ея метода не могла быть болѣе рѣшительной. Каковы бы ни были ея заслуги на пользу философскихъ наукъ вообще, нѣтъ сомнѣнія, что она главнымъ образомъ истекала изъ зараженнаго источника, основывалась на преданіи, нѣсколько разъ искаженномъ, что ея Аристотель былъ арабскій, а не греческій. Вотъ на эту-то сторону и обращены нападенія Никколи, простирающіяся на все средневѣковое знаніе, шаткое и запутанное, къ какой бы дисциплинѣ мы ни обратились: къ грамматикѣ или риторикѣ, или діалектикѣ, наполненной «британ-

скими софизмами» (*quid est unquam in dialectica quod non britannicis sophismatibus conturbatum sit?*) и варварскими именами, точно сейчас вышедшими из мрачного сна Радаманта: *Fagabrich*, *Buser*, *Ossam*, и др.—А гдѣ книги Варрона, Ливія, Саллюстія, Плинія, гдѣ большая часть сочиненій Цицерона?—Потеряна или погибла.—Вотъ почему въ такой бѣдности книгъ, ученій и учителей нельзя говорить серьезно о разсужденіи, вотъ почему въ послѣднее время не являлось въ наукѣ ни одного замѣчательнаго человѣка. Обвинять въ этомъ отсутствіе талантовъ нѣтъ, разумѣется, основанія.

Мы знаемъ напередъ, какъ встрѣтить эти доводы Колуччіо Салутати. Онъ самъ былъ на сторонѣ классической древности, хотя и находилъ знакомство съ нею необходимымъ главнымъ образомъ «для пониманія и разумѣнія святыхъ отцевъ Церкви, часто употребляющихъ въ своихъ писаніяхъ то поэтический, то ораторскій стиль, а иногда философское разсужденіе». Принимаясь защищать новую науку отъ нападковъ «ра Джованни, онъ не сумѣлъ сдѣлать этого лучше, какъ доказавъ ея пользу въ спорахъ съ язычниками »). Самая постановка вопроса показываетъ, что онъ далекъ отъ крайнихъ увлеченій новаторовъ; кромѣ того онъ человѣкъ дантовскаго преданія, представитель итальянской литературной славы; ему, разумѣется, невозможно согласиться съ Никколи и онъ принимается опровергать его по пунктамъ. Многія сочиненія древнихъ утрачены, это правда, говоритъ онъ; но изъ этого еще не выходитъ, чтобы утрачена была самая наука, потому что еще многія книги остались, Цицерона и Сенеки. Что касается до недостатка въ замѣчательныхъ людяхъ, то это не правда: стоить только указать на трехъ, общею молвою превознесенныхъ до небесъ, на Данте, Петрарку и Боккаччо, которыхъ, не знаю, почему бы невозможно было сравнить съ древними, а Данте даже предпочесть имъ, еслибъ онъ писалъ другимъ стилемъ (*si alio genere scribendi usus esset*). Что Никколи умолчалъ объ этихъ людяхъ, славѣ и гордости Флоренціи, доказываетъ, какъ мало онъ любитъ свою родину.

Но Никколи нѣтъ дѣла до народной молвы, всегда двуличной и непостоянной: онъ хочетъ имѣть свое мнѣніе. Что такое эти знаменитые твои триумвиры, спрашиваетъ онъ съ презрительной насмѣшкой? Люди среднихъ вѣковъ, поборники той схоластической науки, которую слѣдуетъ отметить, какъ вещь ничего не значущую. Переходя за тѣмъ къ оцѣнкѣ Данте, Петрарки и Бок-

качью, онъ во всѣхъ находитъ тѣ же недостатки въ языкѣ и слогахъ, въ поэтическихъ приемахъ и знаніи древности; при чемъ интересно посмотрѣть, какъ въ разборѣ того или другаго онъ не покидаетъ классическаго критерія, ставя его иногда на идеальную высоту, недостижимую для современныхъ ему людей. «Чтобы начать съ Данте, которому ты не хочешь предпочесть даже Марона, не попадаетъ-ли онъ иногда въ такихъ ошибкахъ, что его остается считать круглымъ невѣждой? Онъ, напр., положительно не понялъ словъ *Virgilii*: «*Quid non mortalia pectora cogis auri sacra fames*»,—а вѣдь въ значеніи ихъ не сомнѣвался пока ни одинъ маломальски ученый. Они сказаны о скупости, а онъ понялъ, что они направлены противъ расточительности. Марка Катона, участвовавшего въ гражданскихъ войнахъ, онъ изобразилъ старикомъ съ длинною сѣдою бородою, не считавъ времени, потому что онъ умеръ въ Утикѣ, еще молодой и свѣжій, всего сорока осьми лѣтъ отъ роду. Но это еще куда ни шло. А вотъ что серьезно и непростительно, что Марка Брута, человѣка извѣстнаго своей справедливостью, скромностью, великодушіемъ и всякою доблестью,—онъ осудилъ на мученіе за то, что убилъ Цесаря и свободу римскаго народа вырвалъ изъ рукъ разбойниковъ; и въ то же время помѣстилъ въ Елисейскія поля Юнія Брута за изгнаніе царя. Но вѣдь Тарквиній унаслѣдовалъ царство отъ своихъ предковъ, когда быть царемъ еще считалось законнымъ и не противнымъ обычаю; тогда какъ Цесарь овладѣлъ республикой при помощи оружія и, умертвивши хорошихъ гражданъ, лишилъ свое отечество свободы. Ясно, что если преступенъ Маркъ, то Юній еще преступнѣе; если же хвалить Юнія за изгнаніе царя, то Марка слѣдуетъ помѣстить въ небо за умерщвленіе тирана. Я уже не говорю о томъ, что постыдно было написать христіанину, когда онъ назначилъ почти одинаковое наказаніе тому, кто измѣнилъ мучителю, и тому, кто предалъ Спасителя міра. Но не будемъ заходить въ вопросы религіи и поговоримъ о томъ, что касается нашихъ занятій. Здѣсь я нахожу его иногда столь невѣжественнымъ, будто онъ только и читалъ монашескія бредни (*quolibeta fratrum*) и тому подобный вздоръ, что впрочемъ совершенно справедливо; книгъ-же языческихъ, отъ которыхъ всего болѣе могло выиграть его искусство, никогда и не открывалъ, т. е. тѣхъ, что спаслись отъ забвенія. Наконецъ, еслибы даже и это знаніе у него было, все же ему не доставало латинскаго стиля (*latinitas*). И этого

человѣка, неумѣющаго говорить по-латыни, тебѣ не стыдно называть поэтомъ и даже предпочитать Виргилію! Недавно мнѣ случилось прочесть кое-какія его письма; на нихъ, кажется, онъ положилъ много прилежанія: они писаны были его рукою и запечатаны его печатью. Боже мой, да теперь не найди такого неуча, который не постыдился бы написать такъ дрянно. Вотъ почему, Колуччіо, я отдѣляю этого поэта отъ сонна литераторовъ, предоставляя его булочникамъ, шорникамъ и подобному люду. Онъ и писалъ такъ, какъ будто хотѣлъ быть имъ понятенъ. Но о Данте уже слишкомъ^{***}).

Подобныя же обвиненія поднимаются и противъ Петрарки, хотя относительно его Никколи выражается гораздо осторожнѣе (*quam non me fugit quam periculoso in loco verser*). Тѣмъ не менѣе, чтѣ такое его знаменитая Африка? Отъ нея такъ много ждали, и самъ онъ не скупился на самыя блестящія обѣщанія? «Нѣтъ ни одной его книжки, ни одного значительнаго письма, гдѣ бы онъ не воспѣвалъ этого труда. Что же изъ всего вышло? Изъ всѣхъ этихъ обѣщаній не родился ли *ridiculus mus*? И найдется ли такой его доброжелатель, кто бы не сознался, что лучше было бы для него вовсе не писать этой книги, или, написавши, предать ее огню? Какое же мнѣніе имѣть намъ о поэтѣ, когда всѣ согласны, что произведеніе, которое онъ считалъ своимъ лучшимъ, на которое всего больше потратилъ силъ, скорѣе вредить его славѣ, чѣмъ служить ей на пользу? Видишь ли какая великая разница между нимъ и нашимъ Марономъ: этотъ въ своей поэмѣ обезсмертилъ темныхъ людей; тотъ Сципіона Африканскаго, мужа знаменитѣйшаго, затемнилъ, на сколько могъ. Писалъ онъ и буколики и инвективы, почему считался не только поэтомъ, но и ораторомъ: но все написано такъ, что въ буколикахъ нѣтъ ничего деревенскаго, сельскаго, а въ рѣчахъ чувствуется вездѣ недостатокъ риторскаго искусства. Я могъ бы сказать то-же самое и о Боккаччо: его умѣнье видно изъ всего имъ написаннаго; но, я думаю, сказаннаго довольно: потому что, если я указалъ тебѣ на недостатки тѣхъ, которые по мнѣнію твоему и другихъ далеко его превосходятъ,—а можно-бы собрать ихъ еще больше, еслибъ кто хотѣлъ этимъ заняться,—ты поймешь, что у меня хватило-бы матерьяла, еслибъ я вздумалъ говорить о Боккаччо. Въ одномъ они всѣ повинны,—это въ страшной надменности: они полагали, что не будетъ такого человѣка, который могъ бы достойно судить о ихъ дѣятельности, и что сколько сами они захватятъ,

столько воздастся имъ отъ людей. И вотъ одинъ зоветъ себя по-этомъ, другой лауреатомъ, третій вдохновеннымъ (vates). Какая мгла ослѣпила этихъ несчастныхъ! Что до меня, я далеко предпочитаю всѣмъ вашимъ произведеньицамъ одно какое нибудь письмо Цицерона, одну пѣснь Virgilіа. »²⁹)

Тѣмъ временемъ уже успѣло повечерѣть, и какой скандалъ ни возбуждаютъ новшества Никколи, споръ отложенъ до другаго дня, въ садахъ Роберта деи Росси. Всѣ ожидаютъ, что Колуччіо заступится за флорентійскихъ поэтовъ и ихъ школу: обѣщаль-же онъ написать ихъ панегирикъ (*ut laudes eorum litteris mandasset*), чтобы отблагодарить этимъ Леонарда Аретина за пользу, которую тотъ ежечасно приносилъ отечественной словесности переводами съ греческаго и латинскаго ³⁰). Колуччіо не отказывается отъ обѣщанія, но только не хочетъ исполнить его теперь, дабы кто не подумалъ, что онъ вынужденъ къ тому ухищреніями (*fraudibus*) Никколи. Тогда, по общему приговору, самому Никколи поручается отвѣтить на его-же собственные нападки, и онъ весело соглашается. Прежде всего онъ сознается, что говорилъ такъ единственно съ цѣлью побудить Колуччіо къ похвалѣ его любимыхъ поэтовъ. Но у него былъ еще на примѣтѣ Роберто деи Росси, прибавляетъ онъ, шутовски усмѣхаясь: еслибъ ему удалось убѣдить его въ ничтожности народной литературы, Роберто пожалуй продалъ бы свои книги, а Никколи на нихъ давно косится и непременно приобрѣлъ-бы ихъ. Послѣ этого ему ничего не стоитъ опровергнуть всѣ положенія, представленныя имъ въ прошлый день, и для каждой цитаты изъ Божественной Комедіи найдти новое объясненіе. Въ доказательство, что всѣ его нападки были притворны, онъ ссылается и на свою любовь къ великимъ Флорентійцамъ, и на заботы о поэмѣ Петрарки и о библіотекѣ, которую Боккаччо завѣщалъ монастырю Санъ-Спирито. «Колуччіо должно быть памятно, какъ сильно я былъ привязанъ къ флорентійскимъ поэтамъ. Творенія Данте я когда-то такъ затвердилъ въ памяти, что и теперь не забылъ ихъ и могу прочесть наизусть, безъ помощи книгъ, большую часть его знаменитой и великолѣпной поэмы—чего, разумѣется, я не могъ-бы сдѣлать безъ особенной любви. Франческо Петрарку я всегда высоко ставилъ и нарочно отправился въ Падую, чтобы переписать съ оригинала его сочиненія. Я первый привезъ сюда его Африку,—въ томъ свидѣтель Колуччіо. А Джованни Боккаччо какъ мнѣ ненавидѣть, когда изъ уваженія къ памяти столь великаго мужа я

на свой счет устроилъ его бібліотеку и чаще прочихъ бываю тамъ, въ монастырѣ Августинцевъ?» ²⁹¹⁾ Принимаясь хвалить Петрарку, Никколи ссылается на то— «что въ бывшее время слышалъ отъ богослова Лунджи, мужа святаго и ученаго». Это, разумеется, Лунджи Марсили. Послѣ всего этого предъидущія нападенія на флорентійскую поэтическую школу могутъ показаться скорѣе риторическимъ упражненіемъ, чѣмъ дѣломъ серьезнымъ. Отчасти это такъ и было. Но здѣсь дѣло не столько въ личныхъ мнѣніяхъ, сколько въ томъ, что эти мнѣнія приняты серьезно, что о нихъ разсуждаютъ: ясное доказательство, что подобные идеи начинали тогда распространяться вмѣстѣ съ распространеніемъ классическихъ занятій. Никколи былъ изъ числа тѣхъ, которые всего болѣе тому содѣйствовали: онъ прилежно собиралъ антики, въ самой жизни и привычкахъ былъ какимъ-то классикомъ; Веспасіано деи Бистиччи даже противопоставляетъ его Петраркѣ, Данте и Боккаччо, ставя ему въ заслугу, что онъ «воскресилъ во Флоренціи латинскую и греческую письменность, долгое время передъ тѣмъ лежавшую подъ спудомъ» ²⁹²⁾, а Джузеппе Бривіо зоветъ его «*Latini eloquii, Graique decus,*

cui tanta voluptas

*Palladis innata est, ut quaerat ubique sophiae
Linguae utrius libros, antiqua volumina, quorum
Copia lata sibi ad causas, et ad ardua rerum
Abdita naturae, ad mores, ad seria, claras
Virtutes, gesta alta Ducum, monumenta, poesis,
Ludicra, divinae regimen civile salutis,
Dogmaque perpetuum sapientum: denique curat
Bibliothecam omnem veterum studentum
Auctorum in lucem, quos mundi ignavia dudum
In tenebris sordere dedit: proh dedecus! immo
Neglexit plerosque mori; qui vero superstant,
Innumeris squallent erroribus, auctor ut illos
Vix posset nosse suos: tanta affuit olim
Philosophiae omnis studiorum incuria demens.
Ille hos errores unâ exemplaribus actis
Pluribus ante oculos, ne postera oberret et aetas,
Corrigit; unde sibi dignas persolvere grates
Omnis homo studiosus habet, renovatque priorem
Et proprium morem scripti, velut efficit ipse
Scribere diphthongos, elementaque propria docte» ²⁹³⁾*

Нечего послѣ этого удивляться, если Колуччіо могъ принять за чистую монету враждебныя выходки Никколи: ему хорошо было знакомо это направленіе, а на Никколи указывали, какъ на его представителя. Старая партія чуяла опасность: не даромъ самъ Колуччіо думалъ переломить копье за народное дѣло. Не знаемъ, исполнилъ ли онъ это, и не затерялась ли книга, обѣщанная Аретино, или не признать ли ее въ той инвективѣ противъ Антонія Луска, которую эпиграфа Колуччіо поминаетъ, какъ одинъ изъ его самыхъ блестящихъ литературныхъ подвиговъ:

patriae jus fasque tuetur
Et cynici calamo perimit convicia *Lusci*.

Въ ней онъ главнымъ образомъ выступилъ на защиту муниципальной славы, римскаго происхожденія Флоренціи и доблестей ея сыновъ; того же характера отвѣтъ (*Risponsiva*) Чино ди мессеръ Франческо Ринуччини, направленный противъ того-же Луска: и тамъ и здѣсь бичуется нахальный риторъ, позволявшій себѣ хулить Флоренцію^{***}), и выставлены на показъ ея общественныя и политическія заслуги. Но какъ отдѣлить отъ нихъ литературныя? А онъ для истаго Флорентійца сводились къ тремъ именамъ:—Данте, Петрарки и Боккаччо; не назвать ихъ, значило бы умалить флорентійскую славу. Гдѣ городъ,—спрашиваетъ Колуччіо,—не только въ Италіи, но и въ цѣломъ мірѣ, болѣе крѣпкій стѣнами, болѣе гордый своими дворцами, болѣе украшенный храмами, зданіями, портиками и площадями, болѣе населенный и богатый, съ почвою болѣе обработанной, климатомъ болѣе здоровымъ, водою болѣе мягкою и пріятною? Гдѣ городъ, который, не имѣя гаваней, производилъ бы большую торговлю? Гдѣ-бы искусства такъ процвѣтали, умы были столь утонченны и было такое множество знаменитыхъ мужей? И, чтобы не перечислять всѣхъ, прославившихся оружіемъ или правительственною дѣятельностью,—гдѣ еще найдется Данте, Петрарка, Боккаччо?—Ринуччини этимъ не ограничился: онъ присоединяетъ длинный рядъ знаменитыхъ Флорентійцевъ, начиная съ Санъ Заноби деи Джиролами и Санъ Джованни Гвальберто, даже съ Клавдіана, и нисходя до Луиджи деи Марсили, Франческо да Эмполи, Пьеро дельи Строцци, Заноби да Страта, Пьеро Колуччіо, Арригетто да Сеттимелло, Брунетто Латини, Фаціо дельи Уберти, Гвидо Кавальканти, Франческо да Барберино, Луиджи деи Джьянфильяци, Франческо *тисіо*. Такую страшную фалангу вывела ста-

рая народная школа противъ Антоніа Луска, этого новаго Марона, какъ называлъ его Джузеппе Бривіо, выставившій его вмѣстѣ съ Никколи и Леонардомъ Аретиномъ, главными бойцами новой школы эрудитовъ.

Но для насъ во многихъ отношеніяхъ интереснѣе другая открытая нами инвектива Ринуччини ^{***}), потому что съ нею дантовскій вопросъ, который въ спорахъ съ Антоніемъ Лускомъ не сходилъ съ политической почвы, снова переходитъ на литературную, подтверждая высказанное нами мнѣніе, что, какъ для латинистовъ имя Данте было тождественно съ средневѣковой наукой, такъ его партія не находила ему лучшей похвалы, какъ представляя его идеальнымъ выраженіемъ квадривія и ставя Божественную Комедію выше Энеиды. Разсужденіе Ринуччини движется въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ у Никколи, но такъ, что, кажется, желаетъ отвѣтить ему по пунктамъ. Онъ объявилъ, что намѣренъ писать «противъ нѣкоторыхъ клеветниковъ Данте, мессера Франческа Петрарки и мессера Джьованни Боккаччо»; на самомъ дѣлѣ его кругозоръ гораздо шире: онъ охватываетъ все поле средневѣковаго знанія, выхваляя его на зло новаторамъ, и имя Данте служить ему только подспорьемъ и предлогомъ вмѣстѣ. «Воспламененный священнымъ негодованіемъ» (*Infiammato del santo isdegno*) онъ готовъ бѣжать изъ прекрасной Италіи (*la bella Italia*) и воображаетъ длинное аллегорическое путешествіе по всѣмъ частямъ свѣта, которое должно привести его къ желанной тишинѣ земнаго рая. Здѣсь онъ хотѣлъ-бы скрыться, «чтобы не слышать пустыхъ и глупыхъ разсужденій толпы болтуновъ, которые для того, чтобы въ народѣ прослыть ученѣйшими, кричать на площадяхъ, сколько двоегласныхъ было въ употребленіи у древнихъ и почему теперь употребляются только двѣ; или, какая грамматика лучше, временъ-ли комика Теренція, или выработанная героическимъ поэтомъ Виргиліемъ, и какія стопы встрѣчаются въ древнемъ стихѣ, и почему не строятъ теперь анапеста изъ четырехъ короткихъ слоговъ. Въ такихъ фантастическихъ измышленіяхъ они проводятъ время, оставляя въ сторонѣ самую полезную часть грамматики, и безъ того длинную удлинняютъ ее непомѣрно; и вмѣстѣ съ тѣмъ не заботятся узнать значеніе, различіе, этимологію словъ, согласіе частей рѣчи, орфографію, настоящее и фигурное употребленіе слова.—О *логикѣ* отзываются, что это наука софистическая, очень длинная и не очень-то полезная, и ихъ не интересуеетъ узнать—принимается-ли терминъ

въ своемъ настоящемъ смыслѣ, или только какъ обозначеніе вида, или какъ названіе...; имъ нѣтъ дѣла до антиноміи или демонстративнаго силлогизма, и до другихъ частей логики, въ высшей степени полезныхъ въ спорахъ и философскихъ доказательствахъ. Переходя къ *реторикѣ*, они перечисляютъ, какіе были лучшіе ораторы, а о самой наукѣ говорятъ, что она ничтожная, что человеку она врождена природою; имъ незнакомы четыре рода приступа, вкрадчивое внушеніе, изложеніе быстрое, ясное и открытое, трехчленное раздѣленіе, искреннее утвержденіе, опроверженіе тонкое и точное, заключенія искусныя, каждое въ своемъ родѣ: судебномъ, доказательномъ и разсудительномъ, ясно изложенныя, такъ что легко запечатлѣваются въ памяти, съ выборомъ словъ и сентенцій, произносимыхъ то быстро и легко, то важно и торжественно, смотря по содержанію дѣла. Наука для государства полезнѣйшая». — Стало' быть всѣ науки *тривія*, или, какъ выражается авторъ, «словесной философіи» (*sermocinale filosofia*: грамматика, логика—діалектика, реторика) отметили ученые классической школы, какъ не имѣющія никакого значенія; между тѣмъ какъ все разсужденіе автора направлено косвеннымъ образомъ къ тому, чтобъ доказать ихъ жизненный смыслъ и практическую пользу. Переходя затѣмъ къ *арифметикѣ*, *геометріи*, *музыкѣ* и *астрологій* (астрономіи), т. е. къ содержанію *квадривія*, ему приходится отражать тѣ-же обвиненія и указывать на тѣ-же преимущества. Небольшой эпизодъ объ историкахъ и поэтахъ, которые, хотя и не находятъ мѣста въ классификаціи семи свободныхъ искусствъ,—все-же стоятъ съ ней въ непосредственной связи,—даетъ ему поводъ поговорить о Боккаччо, Петраркѣ и Дантѣ. «О поэтическихъ разсказахъ они (т. е. его противники) отзываются, какъ о бабьихъ басняхъ и дѣтскихъ сказкахъ, говоря, что не менѣе пріятный, чѣмъ поучительный ихъ разсказчикъ, мессеръ Джьованни Боккаччо, не зналъ по-латыни, что, мнѣ кажется, несправедливо. Надъ сочиненіями вѣнчаннаго поэта мессера Франческо Петрарки смѣются, находя его *De viris illustribus* не чѣмъ инымъ, какъ самой постной компиляціей»; «поэтовъ они называютъ сочинителями басенъ, совлекающими юношей своими вычурностями и соблазнительными разсказами, и громогласно разсуждаютъ на площади, при народѣ, кто болѣе великій поэтъ—Гомеръ или Виргилій; а, чтобы прослыть ученѣйшими въ глазахъ толпы, объявляютъ, что славный и почтенный поэтъ Данте Алигьери не болѣе, какъ стихоплетъ для сапожниковъ. Не понимаютъ они,

что поэтическая рѣчь вѣшаетъ надъ всѣми другими подобно орлу, и какъ въ дантовской поэзі чудное искусство привило къ разсказу «хитрыя ученія естественной философіи, порой изящныя истины астрономіи, или великолѣпныя правила философіи нравственной, священныя постановленія закона и ученія истинной теологіи». «Да, пусть смѣются хулители, а нашъ Данте, этотъ источникъ краснорѣчія, помѣщааетъ иногда съ неподражаемой краткостью и изяществомъ въ одномъ итальянскомъ стихѣ два или три сравненія, чего у Виргилія не встрѣтить и въ двадцати гекзаметрахъ,—а вѣдь латинскій языкъ несравненно богаче итальянскаго. Почему я полагаю, что писать итальянскіе стихи гораздо труднѣе, чѣмъ латинскіе, и обнаруживаетъ большее искусство». Какъ видно, споръ между двумя школами былъ въ то-же время споромъ между двумя языками: латинскимъ или *грамматическомъ* (grammatica или letterale) и народнымъ (volgare).

Снова возвращаясь къ оставленной имъ нити разсужденія, и въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ онъ прежде разобралъ науки тривіа (sermocinale filosofia) и квадривіа, нашъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію *естественной философіи* (filosofia naturale), *нравственной* (morale), *семейной* (familiare iconomica), *политической* (politica) и *божественной* (divina). Здѣсь намъ въ высшей степени интересны мнѣнія его противниковъ. Если-бы мы вздумали придерживаться старинной номенклатуры Ринуччини, мы могли бы сказать, что въ области естественной философіи XV-й вѣкъ произвелъ платонизмъ, который, въросши подъ покровительствомъ Медичи, началъ тѣснить Аристотеля схоластиковъ; въ области семейной—большую распущенность нравовъ, вызвавшую укоры Джироламо Савонаролы; въ политической—принципатъ, или правленіе одного лица; наконецъ въ области божественной философіи—индифферентизмъ, развившійся подъ вліяніемъ крайняго культа древности. Интересно, что всѣ эти направленія, которымъ вскорѣ суждено сдѣлаться осязательными фактами, уже существуютъ въ зародышѣ въ концѣ XIV-го вѣка, и Ринуччини не боялся раскрыть ихъ въ современныхъ ему литераторахъ классической партіи. «Они говорятъ, что Платонъ болѣе великій философъ, чѣмъ Аристотель, и ссылаются на бл. Августина, называющаго Аристотеля княземъ философовъ, за исключеніемъ впрочемъ Платона. Почему отозвался такъ Августинъ, этого они не объясняютъ: потому что мнѣніе Платона о душѣ согласіе съ ученіемъ католической церкви; въ отдѣлѣ естественныхъ знаній, гдѣ не

обходимы опыты и доказательства, Аристотель все же остается наставникомъ всѣхъ разумѣющихъ, *il maestro di coloro che sanno* (дантовское выраженіе).— «Въ философіи семейной жизни они ничего не смыслятъ (*della famigliare iconomica nulla sentono*), но, пренебрегая святостью брака, живутъ безпорядочно, не заботясь о томъ, что такое отеческая юрность, какая благодать — дѣти. Они заслуживаютъ осужденія римскихъ ценсоровъ Камилла и Постумія, приказавшихъ конфисковать въ пользу общества имущество двухъ гражданъ, до глубокой старости остававшихся непорочными; присоединивъ, что они будутъ наказаны, если осмѣлятся какъ-нибудь пожаловаться на столь справедливый приговоръ.— Въ политикѣ они не знаютъ, какой способъ правленія лучше, одного-ли лица или многихъ, большаго или малаго числа избранныхъ; они избѣгаютъ труда, утверждая, что, кто служитъ общинѣ, никому не служитъ, и такимъ образомъ не помогаютъ республикѣ совѣтами и не защищаютъ ее оружіемъ, позабывая, что чѣмъ извѣстное благо общѣе и распространеннѣе, тѣмъ оно божественнѣе.— О божественной философіи говорятъ, что Варронъ написалъ много книгъ о поклоненіи языческимъ богамъ, слогомъ очень изящнымъ, и хвалятъ его безмѣрно, тайнѣ предпочитая учителямъ нашей католической религіи. Они даже осмѣливаются говорить, что тѣ боги болѣе истинные, чѣмъ нашъ, и не помнятъ чудесъ нашихъ святыхъ». ²⁹⁶)—Такъ въ послѣднихъ годахъ XIV-го вѣка всѣ начала будущей медіцейской культуры уже находятся въ броженіи среди людей, которые, тяготясь средневѣковымъ преданіемъ, связывавшимъ ихъ въ наукѣ, религіи и жизни, охотно отдадутся новому порядку вещей, потому что онъ равнялся разрыву съ прошлымъ. Вотъ почему можетъ казаться, что у Медичи и ученыхъ одно общее дѣло, что они союзники.

Рожденный вскорѣ послѣ 1350-го года и скончавшійся отъ чумы 1407 ²⁹⁷), Чино ди мессеръ Франческо Ринуччини жилъ въ пору того лихорадочнаго движенія умовъ, которое приготовило XV-й вѣкъ и, какъ мы видѣли, не могло не отразиться и на литературѣ. Къ какой изъ двухъ партій онъ присталъ, можно судить по его итальянскимъ стихотвореніямъ въ стилѣ Петрарки. Петрарку онъ зоветъ своимъ (*Tal donna già non vide il mio Petrarca*) ²⁹⁸), но уже самое направленіе его критики доказываетъ до очевидности, что принадлежалъ онъ къ старой народной школѣ и водилъ дружбу съ ея почитателями и защитниками. Колуччіо Салутати онъ именуетъ своимъ учителемъ ²⁹⁹). Мы не знаемъ,

въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ принимать эти слова, въ настоящемъ или переносномъ, точно такъ какъ для насъ остаются неясны отношенія Ринуччини къ кружку, собиравшемуся вокругъ Колуччіо и въ садахъ Альберти, гдѣ еще продолжали блюсти въ чистотѣ итальянское преданіе. Извѣстно, что одинъ изъ его сонетовъ написанъ къ какому-то Роберту (*La fe' ch'ha posto dentro il mio signore*), вѣроятно Роберту деи Росси, пріятелю Салутати; что онъ увлекался какою-то Еленой, неизвѣстной фамиліи ³⁰⁰). Это не та ли «благородная Елена, дочь Никколò ди Джьованни Франчески», къ которой Альберто дельи Альбицци питалъ несчастную страсть и воспѣвалъ на всѣ лады, обращаясь то къ Антоніо дельи Альберти, то къ Джьованни ди Герардо и къ Колуччіо Салутати, все съ тѣми же вздохами? Самъ старикъ Колуччіо былъ ими тронутъ и, по просьбѣ влюбленнаго, взялся за перо, прося мадонну Елену быть болѣе любезной, и «искупить благодареніями данный ею залогъ великихъ добродѣтелей»:

le grandi arre
Delle immense virtù che date ci ài
Tu compie di pagar colle sante opre ³⁰¹).

Еслибъ наше предположеніе подтвердилось, мы снова пришли бы съ Ринуччини къ знакомымъ именамъ и недавнимъ воспоминаніямъ Парадизо.

Стихотворенія Ринуччини написаны по-итальянски, но его инвективы—по-латини, и только впослѣдствіи переведены на итальянскій языкъ, неизвѣстно кѣмъ, можетъ быть тѣмъ пріятелемъ, которому, уѣзжая изъ Флоренціи (*e bene che col corro io mi parta*), онъ послалъ свой второй отвѣтъ Луску съ просьбой—написать ему въ случаѣ, если бы «сказанные бродяги вздумали ожесточиться на него съ новой яростью», «потому что я вѣчно готовъ съ перомъ въ рукахъ, чтобы отвѣтить на ихъ дѣтское неразуміе». Намъ не удалось найти безыменнаго переводчика; но мы не хотимъ оставить здѣсь безъ вниманія одной черты, общей второй открытой нами инвективѣ и нашему роману, къ которому такимъ образомъ мы возвращаемся съ другой стороны. Мотивъ фантастическаго путешествія долженъ былъ быть очень популярнымъ въ итальянской литературѣ, гдѣ Данте и Фаціо дельи Уберти доставили ему право поэтическаго гражданства; но мы не думаемъ, чтобы онъ на столько успѣлъ сдѣлаться общимъ мѣстомъ и выдохнуться до безразличія риторическаго цвѣтка,

чтобы писатель могъ позволить себѣ прицѣпить его, гдѣ ему покажется лучше. А такимъ именно представляется намъ аллегорическое путешествіе, или лучше—длинная вереница искаженныхъ географическихъ именъ, предшествующая второй инвективѣ Ринуччини, вовсе не будучи связана съ ея главнымъ содержаніемъ; точно такъ какъ въ нашемъ романѣ подобная же географическая фантазія служить введеніемъ къ разсказу о хожденіи къ святымъ мѣстамъ и о бесѣдахъ въ Парадизо, гдѣ то же кажущееся отсутствіе органической связи между предъидущимъ и послѣдующимъ. И какъ путешествіе Ринуччини оканчивается въ тишинѣ земнаго рая (paradiso), послѣ чего авторъ пускается толковать о Данте, Петраркѣ и Боккаччо и преимуществахъ народной литературы: такъ вторая часть романа переноситъ насъ въ домъ Альберти и на виллу Парадизо, а мы знаемъ, какое общество тамъ собиралось, какъ тамъ стоятъ за дантовское преданіе, преклоняясь передъ авторитетомъ флорентійскихъ коронъ; какъ цитуютъ Данте и восхищаются красотами флорентійской рѣчи.—Черты сходства интересныя, можетъ быть совершенно случайныя, почему мы и боимся основывать на нихъ какія бы то ни было личныя предположенія. Въ крайнемъ случаѣ онѣ доказываютъ одну и ту же манеру, одну и ту же школу, и этого пока достаточно для цѣлей настоящаго изслѣдованія. Введя читателя въ разгаръ борьбы и знакомя его съ ея содержаніемъ, мы главнымъ образомъ имѣли въ виду показать существованіе въ концѣ XIV-го вѣка двухъ литературныхъ партій: эрудитовъ и поборниковъ народной поэзіи, и почему автора нашего романа необходимо искать между послѣдними, въ обществѣ которыхъ протекали его юные годы. Такимъ образомъ одинъ признакъ найденъ; другой доставляетъ намъ самъ романистъ: онъ говоритъ о себѣ, что родомъ изъ Прато. Ясно, стало быть, что если мы захотимъ отыскать его, намъ придется ограничиться тѣми писателями, которые, будучи родомъ изъ Прато и принадлежа народно-поэтическому направленію, были еще молодыми людьми въ послѣднихъ годахъ XIV-го столѣтія и въ началѣ XV-го могли поминать это прошлое,—послѣдніе отпрыски великаго дантовскаго дерева. Всѣмъ этимъ условіямъ отвѣчаютъ *Доменико ди маэстро Андреа* и *Джованни*,—тотъ и другой уроженцы города Прато.

О Доменико мы въ состояніи предложить лишь тѣ немногія свѣдѣнія, какія могли собрать изъ его сочиненій, большею частью

находящихся въ рукописяхъ, изъ глоссъ и введеній, которыми онъ ихъ сопровождаетъ ³⁰²). Онъ родился несомнѣнно въ XIV столѣтіи, потому что въ посвященіи другу сборника своихъ лирическихъ опытовъ ³⁰³) онъ называетъ себя уже престарѣлымъ ³⁰⁴). На Rimolantino мессера Антоніо ди Паладжіо, гдѣ онъ утѣшалъ Флоренцію въ пораженіи при Загонарѣ ³⁰⁵), Доменико отвѣчалъ отъ лица Флоренціи; отвѣтный сонетъ находится въ томъ-же сборникѣ ³⁰⁶) и доказываетъ, что въ 1425 году авторъ еще былъ въ живыхъ. Другія хронологическія указанія разбросаны по разнымъ его стихотвореніямъ. Такъ въ одной нравоучительной канцонѣ онъ жалуется на преслѣдованія, воздвигнутыя на папу Григорія XII ³⁰⁷); его сонетъ къ Италиі отъ имени императора Сигизмунда ³⁰⁸) написанъ въ отвѣтъ «сонету великодушнаго синьора Малатесты да Пезаро, въ которомъ отъ лица Италиі онъ призываетъ императора Сигизмунда» ³⁰⁹); наконецъ до насъ дошло письмо Доменико къ «именитому юношѣ» Алессандро ди Микеле ди Гино Рондинелли, писанное въ августъ 1413 года, гдѣ онъ завидуешь ему въ обществѣ Филиппа Брунеллеско (1375+1444) и «почтеннаго и благочестиваго маэстро Антонина» (1388+1459), тогда еще молодого человѣка ³¹⁰). — Доменико былъ большой пріятель Алессандро деи Рондинелли, отъ лица котораго онъ два раза отвѣчалъ на сонеты Никколò Тинуччи; кромѣ ихъ, другими литературными его корреспондентами были: Роберто деи Росси, «мужъ именитый, свѣдущій во всѣхъ свободныхъ искусствахъ, въ греческомъ и латинскомъ языкѣ» (*famoso uomo et di tutte le arti liberali dotto, et in greco et in latino*); мессеръ Бартоломмео Кашьотти, Томмазо Вивьяни, Альберто Каппони, Микеле Тафани и другіе. — Сэръ Доменико занималъ должность нотариуса ³¹¹), но, кажется, жилъ постоянно въ бѣдности, по крайней мѣрѣ онъ нѣсколько разъ жалуется на нее въ своихъ стихахъ ³¹²). Влюбленный, какъ всѣ тогдашніе поэты, отчасти вслѣдствіе поэтического обычая, отчасти воображеніемъ, онъ обрѣлъ свою страсть въ долину Эльсы (Val d'Elsa), гдѣ между двухъ рѣчекъ стоитъ прекрасный замокъ, который онъ зоветъ Poggio Imperiale, теперь Поджибонси ³¹³). Имя его возлюбленной было Мелькіонна, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его стихотвореній ³¹⁴), хотя иногда онъ предпочитаетъ намекать на него символически—именемъ *третьяго* изъ тѣхъ, что принесли мирру, ладанъ и золото,

Di quei che offerson mirra, incenso et oro,

т. е. трехъ царей маговъ, Гаспара, Балтасара и Мельхіора

(Melchionne). Кажется, что любовь его была принята благосклонно, и если порой цоать ею недоволенъ, то не потому, что она безжалостна, а потому что удаление отъ нея поражаетъ обманъ и заблужденіе, а ими-то и пользуется ненавистный случай:

*Ma per distanza da tanto splendore
Nasce per tale esilio fraude e errore
Dal malvagio accidente che l'adopra ³¹⁵).*

Смерть его дамы и привлеченіе новой красоты дали ослабѣть на время старой сердечной связи, но не надолго: снова на память поэту приходитъ та, что теперь въ небѣ, а на землѣ была ему подпорой:

Che ora è in ciel, e mi fu qui colonna.

Что сказала бы она, въ самомъ дѣлѣ, еслибы съ высоты неба, гдѣ она находится, она увидѣла въ немъ такую переменъ? *)

*Et se palese in quel regno felice
Sta l'uno ad altro, che pensa ella, quando
Vede appo Dante star la sua Beatrice?*

*Simile in tra quei lumi radiando
Veder messer Francesco a Laura innanzi
Pien di letizia l'un l'altro guardando.*

*Per guidardon delli onesti romanzi,
Che ancor l'onoran, convien questa setta
Che al mondo fama, et gloria in ciel gli avanzi.*

*Et così del Boccaccio e di Fiammetta,
Et d'altri innamorati a questi eguali:
Forse ivi me veder desia e aspetta.*

*Se dai miei versi, ben che non sien tali
Che mertin coi predetti accompagnarsi,
Nè sien, quanto devieno, ad lei morali. ³¹⁶) и. т. д.*

*) И если въ этомъ блаженномъ царствѣ всѣ узнають другъ друга, что думаетъ она, видя Данте около своей Беатриче, мессера Франческо и Лауру, какъ они сіяютъ въ этомъ свѣтѣ, созерцаая другъ друга, полные блаженства? Извѣстность въ этомъ мірѣ и славу на небѣ добыли они себѣ своею чистою поэзіею, которая и теперь возбуждаетъ къ нимъ удивленіе. Видитъ она еще Боккаччо и Фьямметту и другихъ имъ равныхъ любовниковъ и, можетъ быть, ждетъ меня тамъ, горя желаніемъ,—хотя мои стихи и не могутъ сравняться съ ихъ стихами и не довольно нравоучительны для нея, какъ бы слѣдовало.

Мелькионна Доменико намъ давно знакома, безъ нея не обошлся ни одинъ изъ старо-итальянскихъ поэтовъ: это общее поэтическое мѣсто, надстроившееся надъ дѣйствительностью, далекое подраженіе Беатриче, Лауры, Фьямметты. Въ самомъ Capitolо, которое Доменико посвятилъ ея памяти, слышится какъ будто отголосокъ «новаго вѣянія любви» (*spirito nuovo d'amore*), едва не унесшаго у Данте память его Беатриче. Подраженіе впрочемъ не въ этомъ одномъ: говоря, что его стихи не могутъ сравниться со стихами Данте, Петрарки и Боккаччо, поэтъ обнаруживаетъ охоту идти по ихъ стопамъ, культъ итальянской поэтической школы ³¹⁷). Это доказываетъ не только содержаніе и стиль всѣхъ его стихотвореній, но и пристрастіе къ аллегорическому роду въ нравоучительныхъ канцонахъ, въ которыхъ онъ воспѣваетъ три богословскихъ добродѣтели, и въ *Rimolatio*, гдѣ изобразилъ себя охотникомъ, а свою даму—ланью ³¹⁸). Всего курьезнѣе въ этомъ отношеніи его письмо къ Джованни ди Сальви: это не что иное какъ родъ комментарія, написаннаго авторомъ къ своей же канцонѣ и балладѣ, которыя тутъ же и предлагаются вмѣстѣ съ объясненіемъ,—совершенный сколокъ съ *Convito*; нѣсколько цитатъ заимствовано изъ Божественной Комедіи ³¹⁹). Наконецъ самый языкъ Доменико служить ручательствомъ, въ какомъ почетѣ были у него великіе народные поэты, хотя и на немъ успѣхи латинской эрудиціи сказались богатствомъ латинизмовъ и неестественныхъ оборотовъ, особенно въ прозѣ. Вотъ почему мы сомнѣваемся, чтобы ко всѣмъ его произведеніямъ можно было отнести сужденіе Фанфани о языкѣ *Rome del bel fioretto*: онъ находилъ его «чистымъ и обильнымъ» и «не много теряющимъ отъ сравненія съ языкомъ XIV-го столѣтія, недалекимъ отъ него и по времени» ³²⁰). Но въ этотъ короткій промежутокъ разложеніе успѣло начаться и принести плоды.

Общее впечатлѣніе Доменико производитъ такое, что въ немъ болѣе желанія подражать, набожно вступая въ слѣды своихъ предшественниковъ, чѣмъ поэтического дара и способности обратиться на оригинальную дорогу. Принужденный, какъ онъ самъ говорить ³²¹), большую часть времени жить вдалекѣ отъ Флоренціи, онъ пріучился смотрѣть на этотъ городъ «прекрасныхъ стогнѣ» (*delle belle contrade*), какъ на источникъ всякаго знанія и вѣщества, и когда ему случится написать канцону въ похвалу философіи ³²²), онъ не знаетъ лучше ее направить, какъ пославши во Флоренцію къ тѣмъ, кто тамъ съ любовью предавался философскимъ созерцаніямъ:

Et tu, canzon, va da la parte mia
 Ai suoi dilette amanti in quel giardino ³²³).
 Dove con lei si sta a udita nostra;
 Di'ad loro: Io vegno a imprendere il cammino
 Chiesto da molti, e a pochi si mostra,
 Dire a filosofia la donna nostra *).

Кто эти любимцы или любители? Кружек-ли Салутати и его приятелей? На это нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ. По крайней мѣрѣ Доменико сходилъ съ ними въ направленіи, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ школы. Его посвященіе другу сборника своихъ стихотвореній не что иное какъ одинъ изъ тѣхъ манифестовъ старой школы, съ которыми познакомили насъ Салутати и Ринуччини. Онъ также громить «вредную секту» ученыхъ антикваріевъ, заботливо собирающихъ крохи, упавшія съ роскошнаго пира древней науки, и смотрящихъ свысока на Данте, Петрарку, Боккаччо и мессера Колуччіо, гордыхъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ, переводами съ которыхъ они постоянно занимались. Все это саръ Доменико долженъ былъ находить очень смѣшнымъ и не слишкомъ серьезнымъ; онъ, разумѣется, не могъ предвидѣть, какое важное вліяніе будутъ имѣть эти переводы на возрожденіе классическихъ знаній, а пока чего ожидать ему, бѣдному ремесленнику, отъ критики «этихъ новыхъ узурпаторовъ науки», «когда надменно и безъ стыда они позволяютъ себѣ отзываться о стихотвореніяхъ (romanzi) мессера Франческо Петрарки, что это вещи отрывочныя, мелочныя, поскребушки, и что имъ мѣсто подъ лавкой? А иные изъ нихъ говорятъ, что книгу Данте надо отдать лавочникамъ—отпускать товаръ, или въ харчевню (pizzicagnoli)—завертывать соленую рыбу; все это потому, что онъ писалъ по народному. О великая слава итальянской рѣчи! А вѣдь тотъ языкъ, которымъ писалъ Данте, болѣе подлинный и достойный похвалы, чѣмъ греческій и латинскій, каковымъ они ими владѣютъ. Попадаютъ между ними и такіе, болѣе другихъ невѣжественные и считающіе себя самыми благоразумными, которые обнаруживаютъ притворное сожалѣніе къ Данте и тѣмъ самымъ ставятъ себя выше его, говоря, что его фантазіи повредило незнаком-

*) «А ты, канцона, отправься отъ моего имени къ ея (т. е. философіи) любимцамъ, въ тотъ садъ, гдѣ, я слышалъ, она пребываетъ. Скажи имъ: я вступилъ на путь, который пытали многіе, но немногимъ дается—назвать философію своей дамой».

ство со многими греческими и латинскими произведеніями, — а они принесли бы великую пользу его Божественной Комедіи. Этимъ они даютъ понять, что открыли въ ней громадныя промахи. А одинъ изъ нихъ даже написалъ, что гораздо хуже, будто Данте не понималъ *Виргилія* въ подлинникъ (*nella origine Mantuana*). Всѣ эти рѣчи должны, по ихъ мнѣнію, показать, что они и выше его и умнѣе. Отчего не отзываются они такъ о Сократѣ, Платонѣ и ихъ современникахъ? Тѣ, разумѣется, не все прочли, что до нихъ было писано. Но у нихъ главная цѣль—какъ можно болѣе принизить того, чье имя они недостойны произносить. Какое дѣло поэзіи, философіи и теологіи до столькихъ языковъ, до щеголянья годами и названіями имперій и царствъ, и подобнымъ хламомъ, пригоднымъ развѣ въ хроники? Но тщеславные болтуны на этомъ не останавливаются: не только Данте, но и всѣхъ, въ послѣднее время прославившихся въ краснорѣчій, они отмечаютъ: только у нихъ и есть наука..... Что-же сдѣлали они такое, чтобы свысока смотрѣть на Данте, мессера Франческо Петрарку, мессера Джованни Боккаччо, мессера Колуччіо и другихъ? Нечего имъ глумиться надъ *Arrigetto De diversitate Fortunae*, потому что его гекзаметрамъ далеко до *виргилиевскихъ*, или надъ *Фаціо делли Уберти*, которому нельзя идти въ сравненіе съ Данте; говоря о себѣ, имъ слѣдовало-бы помнить ту же разницу и не сравнивать себя съ Данте и другими названными, незнавшими греческаго языка, тогда какъ они-де знаютъ и греческій и латинскій. Пусть обладаютъ они наукой,—имъ недостаетъ той глубокой мудрости и дара творчества..... Не смущаютъ-ли эти вредные люди умы юныхъ и неопытныхъ слушателей, когда спрашиваютъ: гдѣ теперь Гомеръ или *Виргилій* въ поэзіи? гдѣ Солонъ или Аристотель въ философіи? Кому быть Демосѣеномъ или Цицерономъ въ реторикѣ [и краснорѣчій? кому Аристархомъ или Присціаномъ въ грамматикѣ, или Парменидомъ въ діалектикѣ? Такъ говорятъ они о всякомъ свободномъ искусствѣ и ремеслѣ, заключая, что нѣтъ такой вещи, которую бы древніе не сказали и не сдѣлали лучше. Такое заключеніе критиковъ, тщеславное и рѣшительное, ничего другаго не означаетъ, какъ то, что они считаютъ себя судьями прошлаго, вершителями настоящаго и будущаго. — Откуда такое самомнѣніе у этихъ нахаловъ? спрашиваетъ себя Доменико; «они много говорятъ о себѣ, но гдѣ-же ихъ произведенія? Покажите ихъ намъ, не все же имъ однимъ быть судьями и своими и чужими. Что до меня касается, я еще не видѣлъ ни одного ихъ

творенія, ни историческаго, ни философскаго, ни поэтическаго. Кто-нибудь изъ нихъ отвѣтитъ мнѣ презрительно: «Ты, стало быть, не читалъ моихъ латинскихъ переводовъ Аристотеля и Плутарха»? Я ему теперь-же скажу, что видѣлъ нѣкоторые изъ нихъ и читалъ; я очень радъ, что онъ знаетъ по-гречески и по-латини, но не могу-же я считать его авторомъ чужихъ сочиненій: переводы не принесутъ ему этой славы, хотя они и носятъ его имя. Слава остается за сочинителями, а не за переводчиками; такъ было по крайней мѣрѣ прежде: тѣ, что въ старое время перевели намъ столько дивныхъ твореній, которыя мы и теперь еще читаемъ, оставляли за ними имена ихъ авторовъ, обыкновенно не называя себя». Мы видимъ въ этой выходкѣ Доменико противъ безыменнаго противника косвенный намекъ на Леонардо Аретино, переводчика Аристотеля и Плутарха; слѣдующія строки о мелочномъ педантизмѣ антикварія направлены вѣроятно противъ Никколи. «Другой скажетъ: я лучший знатокъ книгъ. Да, отвѣчу я, знатокъ переплетовъ; но это разумѣть любой педель или переплетчикъ. Все искусство подобнаго хулителя состоитъ въ томъ, чтобъ отличить красивое старое письмо, которое онъ не ставитъ ни во что, если оно не старинное, если въ немъ не соблюдено двоегласіе; иначе онъ на книгу и смотрѣть не станетъ, а цѣлый день способенъ гоняться за какою-нибудь этимологіей или двоегласной». Это напоминаетъ намъ у Ринуччини желчную характеристику ученыхъ говоруновъ, «кричавшихъ на площади, сколько двоегласныхъ было въ употребленіи у древнихъ, и почему теперь употребляются только двѣ», и похвалы, которыя Бривіо расточалъ Никколи за то, что онъ обновилъ

priorem

*Et proprium morem scripti, velut efficit ipse
Scribere diphthongos elementaque propria docte.*

Слѣдуя предположенной цѣли, мы обратимся теперь къ другому писателю, современному Доменико, принадлежавшему къ той-же поэтической школѣ, и, какъ онъ, уроженцу города Прато. Мы говоримъ о *Джованни да Прато*. Но прежде чѣмъ предложить о немъ тѣ біографическія и литературныя свѣдѣнія, какія мы успѣли собрать, намъ предстоитъ разрѣшить спорный вопросъ: *Джованни да Прато*, упоминаемый въ послѣднихъ годахъ XIV-го столѣтія и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XV-го, — было-ли это одно лицо, или нѣсколько лицъ носило это имя? *) Вопросъ тѣмъ

болѣе интересный, что разрѣшеніе его поможетъ намъ опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностью, кто былъ неизвѣстный авторъ нашего романа.

Мы оставимъ въ сторонѣ *Джованни ди Бартоломмео деи Раи*, тѣмъ болѣе, что о немъ почти ничего неизвѣстно кромѣ сонета, первый стихъ котораго приводитъ Казотти по рукописи бывшей Строцціаны ²²⁹). За тѣмъ наше вниманіе привлекаютъ два одноименныхъ поэта: *Джованни ди Герардо* и *Джованни Акветтино* или *Акваттино*. Замѣтимъ прежде всего, что послѣднее названіе не семейное и не родовое, а кличка, данная въ шутку, какъ мы думаемъ, или отъ прятанья на войнѣ (*acquattarsi*), какъ думаетъ Фоллини ²³⁰), принимая дословно сонетъ Буркьелло, начинающійся словами: *Questi ch'hanno studiato il Pecorone*:

L'altro sarà Giovanni mio da Prato
Che l'apparò insieme col Vannino
In Atene, ove a studio fu mandato;
E si chiamò in battaglia l'Acquatino *) ²³¹)

Ничто, стало быть, не мѣшаетъ предположить, что прозвище *Acquettino* могъ носить тотъ Джованни, по отчеству писавшійся *ди Герардо*, или съ латинской формой *Gherardi* ²³²). — Намъ могутъ замѣтить на это, что Акветтино былъ пріятелемъ Буркьелло, умершаго, какъ извѣстно, въ Римѣ въ 1448 году, тогда какъ о Джованни ди Герардо Крешимбени сообщаетъ, что онъ процвѣталъ въ 1380 году. На это мы отвѣтимъ на основаніи подлинныхъ актовъ, что послѣдній существовалъ еще въ 1417, 1420, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425, 1427 и 1430 годахъ и, можетъ быть, былъ еще въ живыхъ въ 1432 г., если въ Антоніо да Казентино, о которомъ онъ говоритъ, какъ объ умершемъ, въ автографѣ своей поэмы, слѣдуетъ видѣть Антоніо изъ Castello di S. Niccolò въ Казентино, истолкователя Данте во Флоренціи въ 1432 году ²³³), а не Антоніо *pievano di Vado* ²³⁴), тоже дантовскаго лектора въ 1381 году, что дѣлаетъ вѣроятнымъ названіе учителя, которое даетъ ему Джованни въ той же поэмѣ. — Такимъ образомъ придется допустить, что Джованни ди Герардо и Джованни Акветтино были современники, если и не одно и то же лицо.

*) «Другимъ будетъ мой Джованни да Прато, научившійся ему вмѣстѣ съ Ваннино въ Афинахъ, куда онъ посланъ былъ въ науку, и получилъ боевую кличку: Акветтино».

Главное препятствіе допустить послѣднее предположеніе видѣли до сихъ поръ въ дружбѣ Акветтино съ Буркелло, извѣстнымъ цырюльникомъ—поэтомъ, творцемъ особаго поэтическаго рода, названнаго его именемъ (*sonetti alla burchiellesca, alla burchia*). Акветтино любилъ посѣщать его лавочку, хохотать надъ его остротами, а это казалось несомнѣннымъ съ серьезнымъ характеромъ дантовскаго лектора, какимъ былъ Джованни ди Герардо. При этомъ опустили совершенно изъ виду, что въ стихотвореніяхъ, которыя встрѣчаются въ рукописяхъ съ именемъ Акветтино, ясно чувствуется поэтическая струя, обличающая близкое знакомство съ Данте и великими поэтами народной школы. Скажемъ больше: у насъ есть положительныя свѣдѣнія, что самъ Акветтино занимался публичнымъ истолкованіемъ Божественной Комедіи. Онъ сообщаетъ это самъ въ сонетѣ къ Филиппу Брунеллески, гдѣ въ числѣ прочихъ укоризнъ говоритъ ему слѣдующее: *)

Ma se il tuo badalon, che in acqua vola,
Viene a perfezion, che non può essere,
Non che io legga Dante nella scuola

Ma vuo'con le mie man finir mio essere ³⁵¹).

То-же свѣдѣніе почерпаемъ мы изъ небольшой поэмы, которую переписчикъ приписалъ Акветтино, хотя она едва-ли принадлежать ему: **)

O Aquettino, il tuo parlar divieto
Ebbe, e non valse il suon delle canzone
Ch'alle figlie di Pico diede fleto;
Nè par che ti valesse l'effezione
Messa nel lucidare il duro testo
Del Comico poeta con ragione,

Ne'lo stil dolce sì spesso richiesto и т. д. ³⁵²)

* Комическій поэтъ, *comico poeta*, это, разумеется, Данте, авторъ Божественной Комедіи, трудный текстъ которой, *duro testo*, Ак-

*) «Но если твою машину, что обѣщаетъ намъ полетѣть въ водѣ, тебѣ удастся привести къ концу,—чего быть не можетъ,—не то что читать Данте въ школѣ, я готовъ наложить на себя руки».

**) «О Акветтино, твои слова не были услышаны, и ни къ чему не повели твои пѣсни, которыхъ звуки вызвали-бы слезы у дочерей Пика. Кажется, не помогла тебѣ и любовь, приносящая тобою къ истолкованію труднаго текста комическаго поэта, ни твой благозвучный слогъ, который всѣмъ нравится».

веттино истолковывалъ, равно какъ и Джьованни ди Герардо. Годы чтеній послѣдняго намъ хорошо извѣстны, но мы положительно не знаемъ, какъ и когда приурочить Акветтино въ ряду дантовскихъ лекторовъ³³³); не говоря уже о томъ, какъ трудно и неправдоподобно допустить двухъ Джьованни, уроженцевъ одного и того же города, преподавателей одного и того же предмета и приблизительно въ одинъ и тотъ же періодъ времени. Затрудненіе исчезаетъ, если Джьованни ди Герардо признать тождественнымъ съ Акветтино.

Здѣсь свидѣтельство рукописей служитъ большою опорой нашему предположенію. Изслѣдованіе убѣдило насъ, что въ нихъ тотъ и другой Джьованни большею частью сливаются въ общемъ названіи *Джьованни да Прато*. Такъ въ cod. riccard. 1091 читаемъ нравоучительную канцону, «*Morale di Mess. Giovanni da Prato*» (inc. *O vano et falso micidial Cupido*); въ cod. laurenz. rediano 184, съ fol. 92 recto по fol. 95 recto идутъ канцоны и сонеты мессера *Джьованни да Прато* (*cominciano conzon'e sonetti di messer Giovanni da Prato*): всего 27 сонетовъ, двѣ баллаты и 3 канцоны, большею частью неизданныя. Изъ нихъ инныя встрѣчаются въ другихъ рукописяхъ съ именемъ Джьованни Акветтино, другія съ именемъ Джьованни ди Герардо. Такъ напр. десятый сонетъ лауренціанскаго сборника, начинающійся стихомъ: «*Perle, zaffiri, balasci e diamanti*» въ ркп. magliabech. cl. VII, Var. cod. 1009, 3 приписанъ Джьованни Акветтино и такъ и напечатанъ былъ въ книгѣ Казотти³³⁴); въ другой рукописи той же библіотеки cl. VIII, cod. 33 помѣщенъ другой сонетъ Акветтино, отвѣчающій 21-му лауренціанскаго списка (inc. *Io mi risolvo come neve al sole*). И наоборотъ, 19-й сонетъ изъ лауренціанскихъ (inc. *Più e più volte à infiammato il sole*) мы встрѣтили въ cod. palat. cl. II, ord. I cod. 205 съ именемъ Джьованни ди Герардо да Прато, «*studente in legge e in poesi*», и посвященіемъ Франко Саккетти, который отвѣчалъ ему на тѣ же риѐмы; съ именемъ Джьованни ди Герардо напечатали его Аллчачи, Крешимбени и *Raccolta di rime antiche toscane*³³⁵), по рукописи Киджи 547. Это чередованіе именъ Джьованни ди Герардо, Акветтино и Джьованни да Прато не оправдываетъ ли сомнѣнія, возбужденнаго нами выше?³³⁶)

Мы понимаемъ, что съ подобнымъ выводомъ не всѣ согласятся; намъ замѣтятъ, что указанные нами факты и сравненія легко могутъ привести къ другому, не менѣе вѣроятному результату:

если произведенія обоихъ Джьованни въ рукописяхъ смѣшаны, то скорѣе всего можно видѣть въ этомъ ошибку переписчика или небрежность составителей многочисленныхъ стихотворныхъ сборниковъ. Прежде чѣмъ отвѣтить на это, укажемъ еще разъ на хронологическую невозможность—допустить совмѣстное существованіе Джьованни ди Герардо и Джьованни Акветтино, и за тѣмъ поищемъ, не найдется-ли какихъ другихъ доказательствъ въ подтвержденіе нашей конъектуры. Чтò сказали-бы мы, еслибы какое-нибудь стихотвореніе, приписанное Акветтино единоголаснымъ показаніемъ рукописей и издателей, намъ удалось объяснить единственно съ помощью біографическихъ данныхъ о Джьованни ди Герардо, на которыя оно въ свою очередь проливаетъ новый свѣтъ? Изъ числа стихотвореній, напечатанныхъ въ приложеніи къ сонетамъ Буркьелло, выбираемъ слѣдующій сонетъ Джьованни Акветтино къ Филиппу Брунеллески: *)

O fronte sorda, o nissa d'ignoranza,
Pauper animale, ed insensibile,
Che vuoi l'incerto dimostrar visibile,
Ma tua archimia nil habet costanza;

La insipida prole sua speranza
Omai prodotta lode incredibile,
Ragion non dà che la cosa impossibile
Possibil faccia l'uom sine sustanza:

Ma se il tuo badalon, che in acqua vola,
Viene in perfezion, che non può essere,
Non che io legga Dante nella scuola,

Ma vuo'con le mie man finir mio essere.
Perch'io son certo che tua mente fola,
Che poco sai ordire, e meno tessere **).

Кто знакомъ съ образцами поэтического рода, за которымъ осталось имя Буркьелло, тотъ знаетъ, какъ трудно и иногда

*) «О тупая голова, полная невѣжества, жалкое и безчувственное животное, которое хочетъ невѣрно доказать очевидно: во всей твоей алхиміи нѣтъ смыслу.—Надежда уже произвела на свѣтъ свое пошлое отродье, — невообразимую славу; но это не резонъ, чтобы безъ матерьяла можно было сдѣлать возможнымъ невозможное.—Но если твою махину, чтò обѣщаетъ намъ полетѣть въ водѣ, тебѣ удастся привести къ концу,—чего быть не можетъ,—не то что читать Данте въ школѣ—я готовъ наложить на себя руки. Но я увѣренъ, что твой умъ заблуждается, что снуешь ты плохо, а ткать и вовсе не умѣешь».

невозможно бывает истолковать ихъ смыслъ, полный личныхъ намековъ и уличныхъ сплетней, прикрытый самой капризной, самой фантастической болтовней. Сами Флорентійцы не рѣшаются на ихъ объясненіе. Въ данномъ случаѣ напр. ясно одно, что Акветтино бранится, и бранится довольно сильно, потому что Филиппо Брунеллески берется за перо, чтобъ отвѣтить грознымъ сонетомъ, гдѣ столько-же хулы и, если можно, еще больше аллюзий, поражающихъ своею загадочностью: *)

Quando dall'alto ci è dato speranza,
O tu ch'ha' effigie d'animal risibile,
Pervieni all'uom lassando il corruttibile,
Ed ha da giudicar somma possanza.

*Falso giudizio perde la baldanza
Poichè speranza gli si fa terribile;
L'uom saggio non ha nulla d'invisibile
Se non quel che non è, perch'ha maganza,*

*E quelle fantasie d'un senza scuola.
Ogni falso pensier non vede l'essere
Che l'arte dà, quando natura invola.*

Adunque i versi tuoi convienti stessere,
Che non rughino il falso alla carola,
Dopo che'l tuo impossibile vien l'essere. **)

Разбирая въ рукописи Мальябекьяны cl. VII, cod. 706, p. 6 автографъ неизданной поэмы Джьованни ди Герардо, родъ слабаго подражанія Божественной Комедіи, мы остановились на нѣсколькихъ стихахъ четвертой пѣсни первой книги. На туманномъ пути видѣнія (oscuro calle) намъ показались нѣкоторые болѣе реальные намеки, привлечшіе наше вниманіе. Замѣтимъ, что поэма выдержана въ аллегорическомъ тонѣ: Costanza означаетъ въ ней постоянство, fortitudo или constantia; Ginevra—благоразуміе,

*) «Когда свыше намъ дана надежда, о ты, напоминающій своею фizioноміей смѣшное животное, тогда объявляется человѣкъ, отрѣшенный отъ всего тлѣннаго, и начинаетъ дѣйствовать высшая сила.—Ложное сужденіе терпѣть рѣшимость, потому что надежда ему не улыбается; но мудрому человѣку нѣтъ ничего невидимаго, кромѣ развѣ того, чего нѣтъ вовсе, или фантазій учителя, не имѣющаго учениковъ.—Ложное сужденіе не видитъ дѣйствительности, которую созидаетъ искусство, побѣждая природу.—Потому-то слѣдуетъ пересножать твои стихи, чтобы они не лгали, послѣ того какъ осуществляется то, что тебѣ казалось невозможнымъ».

prudentia; Margherita—справедливость, justitia; Tommasa — умѣренность, temperantia и т. д. Томмаза только что-кончила свою пѣснь, и Маргерита обращается къ ней съ такимъ аллегорическимъ отвѣтомъ:

Dic ea: Tomasa, anzi ben somma stella,
Che con tuo dolce orar tenace sasso
Ismoveresti dove lo suggella

Più suo natura! Quel che fa'si lasso
E che m'è sì fedele servo e umile
Per mover retro a me suo fermo passo,

Ben conosch'io quello spirto gentile,
Ch'amor di luce m'importa il suo nome;
E anche disuopra [discuopria?] il dolce stile

Colle somme amorose e vaghe some
Che tuo verso à cantato, ch'i'lo premo
E col dolce disir da me si dome.

Non temer, no, non è sì a lo stremo
Della sua vita; anzi'l priega e conforta
Che a sì sommo amor non venghi [cod. vecchi] meno.

Fa che Gostanza chieggi per suo scorta
Come fa que'che gli è cotanto amico
Che già del nostro regno è alla porta.

Nota, sorella mia, ben quel ch'i' dico:
Chè tu'l vedrai, quando fi' di Latona
Col carro suo tanto ricco e antico

Ridendo spargerà suo nobil coma
In sulla sommità di questa valle
A cui si fa la scura selva zona,

Uscire fuor di quello oscuro calle
Ch'alaccia et piglia e serra e amorta
Ogni uom che non ci vien retro alle spalle.

Già Gostanza s'ìl sente, che acorta
Sta per lui; quale Ginevra dimanda
Di quel tuo che per lei passion porta,

*Et dice pur: «Gostanza, fa che spanda
Il mie fedel per te la tuo chiarezza,
Sì che tosto eschi della oscura banda».*

*Donna gentil, per tuo somma larghezza
Priegu Filippo tuo che m'ami tanto
Ch'umil mi facci a lui in mie bellezza.*

*Molti si lodon mio istato santo
Che in seguirmi poi son pigri e lenti,
Ma spesso è lor cagion di doglia e pianto.*

*Aprino gli occhi omai le'nferme genti
Per aver nostra gloria e nostra pace
Che vince il ciel per suo'cari argomenti.*

Еще прежде чѣмъ мы обратили вниманіе на сонеты Акветтино и Брунеллески, темный намекъ на какого-то Филиппа въ поэмѣ Джованни ди Герардо привлекъ наше любопытство. Мы не рѣшаемся перевести сообщенный отрывокъ: выхваченный изъ цѣлаго, внѣ его архитектурической идеи, онъ не представилъ-бы яснаго смысла. Въмѣсто того предлагаемъ его парафразу, которую сопровождаемъ необходимымъ истолкованіемъ. Дѣло въ томъ, что въ предъидущей (3-й) пѣснѣ Томмаза (Умѣренность) просила Маргериту (Справедливость, Правосудіе) помочь ея поклоннику (mie frate) выйти изъ темной юдоли, изъ которой онъ ищетъ выхода. Этотъ поклонникъ, разумѣется, авторъ. Онъ стоитъ передъ тобою въ смиреніи, хотя и гордъ для другихъ; онъ тебя любитъ, слѣдуетъ за тобою и къ тебѣ стремится, и я боюсь, чтобы ты не лишила его своей любви, какъ говорить о томъ молва. Не держи его дольше въ этой горестной жизни. Я Томмаза, изъ твоего-же священнаго сонма, и меня побудила къ просьбѣ моя ненависть къ крайностямъ, которымъ я предпочитаю средину. Подумай, какъ ты гнетешь его и преслѣдуешь, а онъ остается тебѣ вѣренъ и также служить и бодро править своею ладьею, говоря: посмотримъ, умереть-ли мнѣ, или моимъ постоянствомъ я заслужу спасеніе въ глазахъ безжалостной, не устającej поразать меня.—На это отвѣчаетъ ей Маргерита (Правосудіе) въ приведенномъ нами отрывкѣ: я хорошо знаю моего смиреннаго и вѣрнаго поклонника; его имя звучитъ мнѣ любовью къ свѣту и благу (amor di luce), еслибы сладкіе звуки твоей пѣсни и не раскрыли, что онъ падаетъ подъ гнетомъ своей страстной любви ко мнѣ. Не бойся, его жизнь еще не въ такой опасности; на-

противъ, утѣшь его и убѣди, чтобы его любовь не оскудѣвала. Пусть попроситъ Костанцу (Постоянство) себѣ въ спутницы, какъ дѣлаетъ его другъ, уже стоящій въ преддверіи нашего царства. Помни, сестра, мои слова: когда сынъ Латоны на своей древней и блестящей колесницѣ распустилъ кудри на высотахъ этой долины, которую обрамляетъ темный лѣсъ, ты увидишь его вышедшимъ изъ туманной тропы (*oscura calle*), гдѣ теряются и погибаютъ люди, неидущіе вслѣдъ за нами. Уже Костанца слышитъ это и смотритъ за нимъ, и Джиневра (Благоразуміе) проситъ ее вывести изъ темной дебри твоего и своего поклонника.—*Donna gentil*, обращается съ своей стороны Маргерита (Справедливость) къ Томмазѣ (Умѣренность): твоими щедротами попроси твоего Филиппа на столько полюбить меня, чтобы онъ могъ понять меня въ моей божественной красѣ. Многіе меня восхваляютъ, но слѣдуютъ за мной лѣниво и медленно—причина слезъ и горя. Пусть откроютъ, наконецъ, глаза бѣдные люди, и они достигнутъ нашей славы и мира, которому можетъ позавидовать небо.

Филиппу, стало быть, недоставало этого высшего пониманія справедливости, тогда какъ Джованни ди Герардо былъ ею обиженъ, и Умѣренность нашла нужнымъ замолвить за него слово. Предлагаемъ историческое объясненіе: въ него удобно уложатся намеки поэмы и бранчивые сонеты Акветтино и Брунеллески.

Джованни ди Герардо былъ знатокъ въ искусствѣ, особенно въ архитектурѣ; въ 1420—25 годахъ онъ нѣсколько разъ участвовалъ въ комиссіи для постройки купола *S. Maria del Fiore*, вмѣстѣ съ Брунеллески и другими. Мы не станемъ напоминать, какія страшныя противорѣчія возбудилъ смѣлый прое́ктъ Брунеллески—вывести куполъ безъ помощи кружалъ, тогда какъ всѣ другіе художники и архитекторы, Флорентійцы и иностранцы, были противнаго мнѣнія. Одни совѣтовали «сдѣлать кружала и крѣпкія связи (*centine e armature fortissime*) въ виду большой тяжести, которая будетъ на нихъ лежать»; другіе предлагали построить отъ основанія до предполагаемой высоты башню и на нее опереть куполъ; третьи—завалить все зданіе землею, давъ верхушкѣ насыпи форму купола, и по ней уже вывести стоящій ³³⁰). Противоположныя мнѣнія вызвали вскорѣ партіи, раздѣлившія общество и артистовъ; къ этому присоединились личности Брунеллески противъ Лоренцо Гиберти, даннаго ему въ товарищи по управленію соборною постройкой; соискателей

на лучшую модель купола явилось много, и ихъ должно было сильно разобидѣть, когда всѣ ихъ труды остались втунѣ и Брунеллески отдано преимущество. Въ числѣ конкурентовъ былъ и Джованни ди Герардо. *Inde irae*: оскорбленное самолюбие могло заподозрить *справедливость* рѣшенія, проэктъ Брунеллески представился ему лишеннымъ всякихъ достоинствъ, смѣлость художника—надменнымъ невѣжествомъ (*ignoranza*) человѣка, который хотеть невѣрное доказать очевидно (*l'incerto dimostrar visibile*) и безъ пособія матерьяльныхъ средствъ (*sine sustanza*) сдѣлать возможнымъ (*possibile*) то, невозможность чего (*cosa impossibile*) признана всѣми. Этого мало: Джованни увѣренъ, что скорѣе ему придется охота наложить на себя руки (*Ma vuo' con le mie man finir mio essere*), чѣмъ удастся привести въ исполненіе (*a perfezion*) этотъ куполъ, столь-же немислимый, какъ немислимо полетѣть въ водѣ (*Ma se il tuo badalon, che in acqua vola*).—Брунеллески, разумѣется, ничего не стоило отразить эти нападенія, когда сами факты начинали говорить за него. Онъ въ себѣ увѣренъ, для мудраго человѣка нѣтъ ничего невидимаго, неосуществимаго, когда свыше ему подана надежда (*Quando dall'alto ci è dato speranza—L'uom saggio non ha nulla d'invisibile*); только ложное, заблуждающееся сужденіе бываетъ нерѣшительнымъ, потому что надежда ему не улыбается, потому что оно не предвидитъ осуществленія (*Falso giudizio perde la baldanza, Perché speranza gli si fa terribile*). Пусть оставляютъ его въ покоѣ хулители: его дѣло въ самомъ начинаніи показало несостоятельность ихъ сомнѣній (*Dopo che'l tuo impossibile vien l'essere. Vien вм. divien*).—Такимъ образомъ не только объясняются загадочныя рѣчи аллегорическихъ богинь въ поэмѣ Джованни ди Герардо, но и вносится вполне реальный смыслъ въ сонеты Акветтино и Брунеллески, которые мы можемъ теперь приурочить къ извѣстному историческому факту. Но за всѣмъ этимъ выясняется еще одинъ результатъ: если сонетъ Акветтино могъ быть истолкованъ единственно фактами изъ жизни Джованни ди Герардо, какъ обойти заключеніе, что оба они одно и то же лицо?

Къ этому результату уже привели насъ отчасти другія соображенія. Теперь обратимся къ свидѣтельству нашего романа.

Говоря въ предъидущей главѣ о бесѣдахъ въ Парадизо, мы замѣтили, что изложенное въ нихъ ученіе о зачатіи человѣка не только отзывается дантовскими доктринами, но и представляетъ странное сходство въ словахъ и выраженіяхъ съ соответству-

ющими отрывками аскетическаго трактата Джьованни ди Герардо ³¹⁰). Теперь мы можем сдѣлать еще одно сближеніе: между рѣчью графа Карла во второй книгѣ романа, гдѣ онъ толкуетъ, возможно ли человѣку обратиться въ животное, и нѣсколькими строками того же трактата ³¹¹).

На предъидущихъ страницахъ сообщены были обширныя извлеченія изъ *Giucoso d'Amore*, небольшой поэмы, которую рукопись относитъ къ Джьованни да Прато, а оглавленіе, писанное современной рукою—къ Джьованни Акветтино. Встрѣчающееся здѣсь описаніе чуднаго фонтана повторяется почти дословно въ первой книгѣ романа, гдѣ онъ помѣщенъ въ царствѣ Венеры. Если въ романѣ описаніе архитектурноски развито, то потому, что проза болѣе переноситъ такого рода подробностей, а стихъ ихъ не терпитъ; затѣмъ не только общія черты однѣ и тѣ же, но даже мелочи: одинъ стихъ *Giucoso d'Amore* намъ только и удалось прочесть при помощи соответствующаго отрывка романа ³¹²).— Богатые сады Агасвера,—сравненіе далеко не изъ обычныхъ,—встрѣчаются тамъ и здѣсь ³¹³), равно какъ гномическое выраженіе: *chi è amato non amare*, замѣченное еще Сальвини ³¹⁴).

Переходимъ къ чертамъ сходства между романомъ и аллегорическою поэмою Джьованни ди Герардо. Говоря въ первой книгѣ о безчисленныхъ прелюбодѣянїяхъ языческихъ боговъ, романистъ останавливается на отношенїяхъ Юпитера къ Ганимеду и Юнонѣ, которую онъ взялъ за себя замужъ, хотя она была и сестра ему, и затѣмъ объявилъ новый законъ, чтобы всякій могъ жениться, какъ и на комъ ему полюбитъ. Все это въ той же связи рассказано и въ поэмѣ ³¹⁵), гдѣ Юнона является богиней земныхъ благъ, отравившей не одинъ сильный духъ, отвращая его отъ духовныхъ наслажденїй; точно такую выставлена она и въ романѣ, когда противится соединенію Энея, т. е. вообще человѣка, съ Лавинїей, символомъ высшей добродѣтели ³¹⁶).—Послѣдніе стихи поэмы упоминаютъ о любовныхъ вздохахъ Фаціо (*E Fazio che d'amor ancor sospira*): это, можетъ быть Бонифаціо Уберти, упоминаніе основано на нѣкоторыхъ чертахъ его біографіи, но, сколько намъ извѣстно, только въ нашемъ романѣ онъ разработанъ въ новеллу, именно послѣднюю.—Наконецъ какъ въ поэмѣ, такъ и въ романѣ въ большомъ употребленіи метафора жизненной лады: вся первая часть романа на ней построена.

Еще одно сближеніе: въ числѣ сонетовъ Джьованни да Прато въ лауренціанскомъ сборникѣ болѣе другихъ извѣстенъ тотъ,

который начинается стихомъ: *Perle, zaffiri, balasci e diamanti*. Выше мы замѣтили, что въ иныхъ рукописяхъ этотъ сонетъ приписывается Джованни Акветтини. Въ описаніи палатъ Венеры въ первой книгѣ нашего романа (стр. 37) опять тотъ же рядъ драгоценныхъ камней, и въ той же послѣдовательности: *perle, zaffiri, balasci, diamanti*; какъ будто у автора, писавшаго эти строки, звучали въ ушахъ первыя слова сонета. Въ поэмѣ Джованни ди Герардо снова знакомая *reminiscence*, уже немного заглушенная: *Zaffiri, balasci, ismeraldi, adamanti* (часть II, пѣснь 3).

Все это можетъ показаться мелочнымъ, и было бы мелочью, еслибы стояло одиноко и одно сравненіе не поддерживало другое. Прибавьте къ этому сходство стиля во всѣхъ произведеніяхъ, сравниваемыхъ нами, въ особенности прозы Джованни ди Герардо, въ его *Trattato*, съ нашимъ романомъ: однѣ и тѣ же литературныя предилекціи и образцы для подражанія; одни и тѣ же обороты, возвращающіеся тамъ и здѣсь; одна и та же любовь къ описаніямъ и извѣстнымъ выраженіямъ вродѣ *gentili, isfavillanti spiriti, maio* въ смыслѣ вѣтви и т. п. Изъ всего этого теоретически мыслимы два вывода. Можно предположить, что въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка жили три поэта: Джованни Акветтино, Джованни ди Герардо и нашъ безымянный авторъ; всѣ современники, всѣ родомъ изъ Прато; они послѣдователи одной и той же поэтической школы, пишутъ въ одномъ родѣ, часто заходя другъ къ другу въ огорождъ, чтобъ унести какое-нибудь куріозное выраженіе, или стихъ, или цѣлое описаніе и т. п. Еслибъ это не было столь невѣроятнымъ, мы сказали бы, что подобное предположеніе просто невозможно: дѣло идетъ не о Данте или Петраркѣ, которые рано распространились въ рукописяхъ и такимъ образомъ могли давать пищу подражанію. Сочиненія нашихъ авторовъ обречены были на долгое забвеніе, кромѣ нѣкоторыхъ сонетовъ Джованни да Прато, они не имѣли хода: такъ *Giucoso d'Amore* сохранилось въ единственной старой рукописи, Трактата Джованни ди Герардо мы знаемъ всего двѣ; аллегорическая поэма того же автора дошла до насъ только въ автографѣ, и то неконченная; автографомъ, и также неконченнымъ, представляется и нашъ романъ. При такихъ условіяхъ, затрудняющихъ литературный обмѣнъ, мысль о возможности заимствованія падаетъ сама собою; заимствованія снова очутились сходствами, столь спеціальнаго характера, что нечего и думать объяснить ихъ изъ общаго литературнаго направленія и т. п. Затѣмъ ничего

другаго не остается, какъ выйти къ другому возможному результату, къ которому мы издавна приготовили читателя. Такимъ образомъ сличеніе нашего романа съ произведеніями, дошедшими до насъ подъ именами Джьованни Акветтино и Джьованни ди Герардо, не только убѣдило насъ въ ихъ тождественности, но и въ томъ, что они одно и то же лицо съ авторомъ нашего романа.

Соглашаясь съ нашими посылками, многіе возбуждаютъ сомнѣніе противъ вывода: если при данныхъ условіяхъ невѣроятно заимствованіе однимъ авторомъ у другаго, то по крайней мѣрѣ на столько же невѣроятно, чтобы одинъ и тотъ-же писатель могъ до такой степени повторяться, крадя у себя же фразы, перепѣвая одни и тѣ же выраженія. На это мы отвѣтимъ фактами. Когда въ портфель набралось много матерьяла, изъ котораго многое не пошло въ ходъ, иное не окончено, что удивительнаго, если авторъ при новомъ позывѣ къ творчеству вздумаетъ воспользоваться старымъ залежавшимся добромъ? А у него накопилось много завитныхъ фразъ; у него авторская слабость къ иному блестящему стиху, вродѣ *Perle, zaffiri, balasci e diamanti*. Въ этомъ отношеніи мы можемъ рассказать курьозный случай о Джьованни да Прато; это поможетъ намъ разрѣшить сомнѣнія. Его *Giucoso d'Amore* заключается прекраснымъ гимномъ любви «*bel canto innamorato*», которому въ молчаніи внимаютъ всѣ присутствующіе. Приводимъ самый гимнъ:

*O gentil creature di quel cielo
Dove Venere rota il suo crin d'oro,
Per cui è fedito d'amoroso telo
Ogni gentil dal vostro sacro coro!
I'mi trovo in tale ardente gielo
Ch'è mestier soccoriate al mio lavoro
A cantar cosa che'nfiamma d'amore
Il mio gentile e tanto bel signore.*

*I'ò eletto te, idol mie vago
Tanto leggiadro e pien di gentil cosa;
Quando ti miro, ogni mie senso appago
Perchè tuo vita è molto groliosa.
Da te seguire e amor mai mi spago,
E però non tenere tuo vista ascosa
A chi t'ama e adora, segue e brama,
Grolia, esalta e pur te si ama.*

I'sì mi ispecchio nel tuo gentil viso
Dov'è mie gloria a'lucenti occhi lieti,
I'sì mi specchio nel leggiadro riso
Per cui i miei sensi istanno tutti cheti;
Specchiomi nel parlar di paradiso
Che tu fai col par, onde m'asseti
D'un amor che'n te piove gentilezza,
Onestà leggiadra, somma bellezza:
La chioma fresca intorno a quella fronte
Le vaghe ciglia sì leggiadre e conte. *)

Въ лауренціанскомъ сборникѣ laur. red. 184, къ которому намъ не разъ приходилось обращаться, 18-й сонетъ того-же Джьованни да Прато начинается двумя первыми стихами только-что приведенной пѣсни, хотя послѣдующее развивается нѣсколько иначе:

O gentili creature della spera
Dove Venere rota il suo crin d'oro,
Sia benedetto vostro sacro coro
E la vostra virtù somma e altera;

Sia benedetto chi'l mio core impera
E'l dolcie effetto pel quale scoloro;
Sia benedetto sì ricco tesoro
Che mi lustrò sì forte, e'(l) loco ov'era.

Fuor di speranza la mia fantasia,
Ripiena di dolciezza per quel viso
Che'nfiammeria d'amor i freddi marmi,

*) «О прекрасныя созданія того неба, гдѣ развѣваются золотыя кудри Венеры! Вашъ священный сонмъ поражаетъ любовными стрѣлами всякаго вамъ преданнаго. Я обрѣтаюсь теперь въ столь жгучемъ холодѣ, что вамъ необходимо помочь мнѣ воспѣть ту, что зажгла любовь въ моемъ прекрасномъ и добромъ господинѣ.—Я избралъ тебя, мой прелестный кумирь, столь изящный и полный всего хорошаго. Когда я смотрю на тебя, всѣ мои чувства удовлетворены, потому что ты полна славы: Я никогда не откажусь отъ тебя и моей любви; не скрывайся-же отъ того, кто тебя обожаетъ, слѣдуетъ за тобой и къ тебѣ стремится, славить тебя и тебя одну любить.—Я не наглажусь на твое милое лицо: мое счастье въ весельи блестящихъ очей; не насыпшусь веселаго хохота, успокоивающаго всѣ мои чувства; когда говоришь ты съ своими подругами, райскія рѣчи утоляютъ мою жажду любви. Отъ тебя вѣетъ изяществомъ, невинностью, высокою красотою; волосы такъ свяжо улеглись вокругъ твоей головы, прекрасныя рѣсницы отъѣнились такъ ясно».

Sola e pensosa col tempo se'n già,
O'per un vago sguardo e un bel viso
Lieto e pensoso sentendo avamparmi *).

Но это еще не все: риккардианская рукопись N 1776 была собственностью Джованни ди Герардо, какъ видно изъ помѣтки на оборотной сторонѣ послѣдняго листа: *Libellus est Johannis Gerardi*. На первомъ незаписанномъ листѣ, въ числѣ другихъ поमारокъ и пробъ пера, опять встрѣчается знакомый стихъ: *Gentile creature di quel cielo*: замѣтимъ—въ рукописи Джованни ди Герардо стихъ любовной канцоны изъ *Giucoso d'amore*, которую иные приписывали Акветтино.—Но Джованни ди Герардо дались эти *gentili creature*, онъ не можетъ выкинуть ихъ изъ головы: въ аскетическомъ Трактатѣ, который онъ пишетъ прозою, вставлены три стихотворныхъ молитвы, написанныя терцинами; третья изъ нихъ (*Orazione a tutte l'anime sante*) опять начинается тѣми же словами, на этотъ разъ нѣсколько измѣненными: *O gentile creature altere e sante*.—Такъ нескромность какой-нибудь помарки выдала намъ секретъ стихотворнаго ремесла, который авторъ, разумѣется, не предназначалъ для публики.

Обращаясь еще разъ къ вопросу — точно-ли Джованни ди Герардо можетъ быть признанъ авторомъ нашего романа, предлагаемъ еще два доказательства. Въ рукописи лауренціанской библіотеки въ числѣ другихъ писемъ открыто нами латинское посланіе Джованни ди Герардо къ какому-то Гвидо ³⁴⁾). Оно безъ года; но другія письма сборника, списаннаго очевидно одной и той же рукой, носятъ помѣтки 1385, 87, 89, 90, 94-го и т. д. годовъ; не сказано, чтобъ Джованни ди Герардо, авторъ посланія, былъ родомъ изъ Прато, но многія письма сборника адресованы къ разнымъ лицамъ этого города. Самый стиль документа сильно напоминаетъ, несмотря на свою латинскую оболочку, прозу нашего романа, въ особенности его первой книги: та же вѣтхость и любовь къ описаніямъ, нанизаннымъ на какой-ни-

*) «О прекрасныя созданія того неба, гдѣ развѣваются золотыя кудри Венеры! Да будетъ благословенъ вашъ священный ликъ и высокая доблесть; да будетъ благословенъ, кто повелѣваетъ моимъ сердцемъ и сладкая сила, навѣдшая блѣдность на мое лицо. Благословенно бездѣнное сокровище, озарившее своимъ блескомъ меня и все окружающее. Моя безнадежная мысль, полная прелестей лица, которое воспламенило-бы любовью холодный мраморъ, блуждала-бы одиноко и задумчиво, еслибы милый взглядъ не вдохновлялъ ее».

будь глаголь, вроде *videmus*, гдѣ нашъ романистъ ставитъ *vedea*; то же пристрастіе къ фигурѣ умолчанія, и тѣ же формулы: *taceo*, *taccio*, общающія не умолчать ни одной іоты. Брутъ, Гораций, Камиллъ, Фабрицій упомянуты въ письмѣ, какъ защитники отечества; тѣ же самыя лица восхваляются и въ романѣ, и даже въ томъ же порядкѣ.

Другое доказательство—палеографическое. Нашъ романъ—автографъ, равно какъ аллегорическая поэма, сохранившаяся съ именемъ Джованни ди Герардо въ рукописи *magliabech. cl. VII, cod. 702*, р. 6. Сходство почерка между ними замѣчательное: та же формація буквъ, тѣ же помарки и поправки поверхъ строки и обычныя выноски на поляхъ; наконецъ тѣ же неровности почерка между страницами одной и той же рукописи, смотря по усталости руки, которая писала ближе къ курсиву или уставу, сжатѣе или разгонистѣе, заботливо или небрежно. Вообще поэма писана съ большею аккуратностью, чѣмъ романъ, набросанный вчерня и такимъ и оставшійся.—Иначе объясняемъ мы себѣ отличія, какія представляетъ автографъ поэмы Джованни ди Герардо отъ его-же автографовъ, хранящихся въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ. Это двѣ собственноручныхъ кадастровыхъ записи (*portate al catasto*) 1427 и 1430 годовъ. *** Онѣ писаны курсивомъ, который вообще употреблялся въ семейныхъ, дѣловыхъ, торговыхъ и т. п. письмахъ; посланія болѣе литературнаго характера, назначенныя для чтенія и распространія въ публикѣ, исполнялись съ большею каллиграфскою тщательностью; наконецъ воспроизведеніе классическихъ текстовъ и вообще сочиненій, извѣстныхъ своими литературными достоинствами, допускало еще третью манеру, въ которой долѣе удержался архаистическій стиль устава, и буквы болѣе рисовались. Такимъ образомъ одно и то же лицо могло имѣть нѣсколько почерковъ, и надо большое знакомство съ старыми рукописями и актами, чтобы судить—принадлежитъ-ли напр. извѣстное уставное письмо лицу, чью руку вы знаете только въ скорописи. Такъ объясняются по нашему мнѣнію незначительныя графическія различія между почеркомъ кадастровыхъ списковъ и автографами поэмы и романа: напр. въ начертаніи конечнаго *i*, которое въ бумагахъ флорентійскаго архива принимаетъ форму *j* (съ страннымъ сокращеніемъ послѣ *t*, иногда и въ другихъ случаяхъ), и въ нѣкоторыхъ словахъ *u*, напр. *beny*, *Giovanny*, *Pary*, *avendovy*, *quasy* и т. п., тогда какъ въ ро-

манѣ и поэмѣ встрѣчаются только примѣры *j*. Сообщаемъ эти замѣтки единственно для очистки совѣсти, потому что сходства почерка между романомъ и поэмой малябекьянскаго списка, несомнѣнно принадлежащаго рукѣ Джьованни ди Герардо, совершенно достаточно, чтобы подкрѣпить наше предположеніе о принадлежности ему и нашего романа.

Намъ остается теперь рассказать біографію мессера Джьованни, присоединяя къ остальнымъ свѣдѣніямъ, впрочемъ не многочисленнымъ, и тѣ извѣстія, какія о себѣ сообщаетъ самъ романистъ. Родился онъ около 1360-го года, и вѣроятно нѣсколько позже, потому что изъ собственноручныхъ кадастровыхъ записей невозможно съ точностью опредѣлить годъ его рожденія. Такъ въ 1427 году онъ пишетъ, что ему семьдесятъ лѣтъ отъ роду или около того (*d'età d'anni settanta o circa*), а его сестрѣ мадоннѣ Антоніи (*monna Antonia*) семьдесятъ четыре (*d'età d'anni settanta quattro*); три года спустя, въ 1430 году, ему опять семьдесятъ лѣтъ, а мадоннѣ Антоніи всего семьдесятъ пять. Смотри по тому, какое изъ двухъ показаній мы примемъ, въ 1389 году ему могло быть 32 года или 29 лѣтъ: возрастъ конечно еще молодой, но никакъ не нѣжный, *tenera etade*, который даетъ себѣ романистъ во введеніи ко второй книгѣ ³⁴⁹). Но если въ несообразностяхъ кадастровыхъ записей позволено видѣть слѣдствіе старческой забывчивости, то нѣчто подобное могло случиться и въ романѣ, который несомнѣнно написанъ въ старости; прибавьте къ этому, что рассказанныя событія относились къ далекому прошлому и потому легко могли затереться въ памяти; риторически настроенное воображеніе отодвинуло ихъ еще дальше, такимъ путемъ получился тотъ «нѣжный возрастъ», которому противорѣчатъ другія показанія нашего-же автора. Въ самомъ дѣлѣ, если до 1389 года онъ успѣлъ посѣщать въ Падуѣ лекціи Біаджіо, въ этомъ году онъ не могъ быть слишкомъ юнымъ ³⁵⁰).

О пребываніи въ Падуѣ мессера Джьованни мы узнаемъ только изъ нашего романа: мы разумѣемъ знакомый намъ разговоръ автора съ Лодовико Буццакерино. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что онъ еще въ молодости обратился къ поэзіи и свободнымъ искусствамъ, соединяя съ ними занятія юридическими науками. Такъ въ сонетѣ къ Франко Саккетти онъ самъ называетъ себя «*studente in Legge e in Poesi*», изъ числа немногихъ, кто въ «благодарную пору» зимы, т. е. послѣ кончины трехъ великихъ

флорентійскихъ поэтовъ, еще продолжалъ, подобно Саккетти, обрабатывать «священные холмы» народной литературы. *)

Più e più volte ha infiammato il sole
La sua vaga sorella umida e gela,
Sicchè la terra che sua faccia vela
Ha già lasciato ogni giglio e viole,

Le frondi verdi cangia, già che sole'
Rider ne'colli, poichè'l verno ingela;
E Febo declinando già trapela
Per la Vergine vaga che'lciel vole.

*Et io non veggio quel ch' e sacri colli
Ha coltivato sotto'l verde lauro
Solo e veglio ne lo ingrato tempo.*

Ma voi, pie'miei, non siate però folli:
Che se'l vedete o tardi o per tempo
Che no'l pregiate più che fama o auro **)

Саккетти благодарилъ юнаго поэта за его «милыя слова», убѣждая его не покидать пути, указаннаго ему Петраркой и Боккаччо: потому что, если намекъ на «твоего соименника» (l'altro di tuo nome), т. е. Джованни, можетъ быть отнесенъ единственно къ Джованни Боккаччо, въ предъидущихъ стихахъ очевидно оплакивается Петрарка. Вотъ самыя слова отвѣтнаго сонета Саккетти: **)

*Sempre il prudente cerca degne scole,
Quanto più sa, più d'apparar s'atela;
Pochi ne guida la mondana vela
Perchè saligia ognun di virtù tole*

*) Уже много разъ солнце воспламенило свою холодную и влажную сестру, и земля начинать кутаться, покинувъ лиліи и фіалки, мѣняя зеленые листья, что въ былое время одѣвали смѣющіеся холмы. Зима наступаетъ съ морозами, и Фебъ склонившись крадется созвѣздіемъ Дѣвы, любимой небомъ. А я не вижу того, кто въ вѣнкъ изъ лавровъ, одинокій и ветхій, обрабатывалъ священные холмы въ это неблагодарное время. Но вы, стихи мои, будьте благоразумны и, если увидите его рано или поздно, поставьте его выше славы и золота.

**) «Благоразумный всегда ищетъ хорошей школы, и чѣмъ болѣе знаетъ, тѣмъ болѣе тѣшитъ узнать; не многіе изъ насъ остаются на ладѣ, и многіхъ отвлекаетъ отъ добродѣтели самовнѣніе. Твои дѣла и милыя слова говорятъ мнѣ: онъ пріютился на Парнасъ, чтобы поглядѣть, гдѣ журчатъ воды Геликона и не

Gli effetti tuo' e le vaghe parole
Mi dicon: Questi in Parnaso si cela
Per veder dove Elicona ruscela
E se le nove muse vi son sole.

Conforta la speranza gli occhi molli
Di pianger quel che tra'l mar Indo e'l Mauro
Morte non vide di far magior scempio;

E l'altro del tuo nome, a cui mancòlli
Chi succedesse al mondo falso et empio
Ladove or manca ogni gentil tesauro ³³²)

Въ какой мѣрѣ исполнилъ Джованни ди Герардо надежды, возбужденныя его первыми поэтическими опытами—мы увидимъ въ послѣдствіи. Его сонетъ очевидно принадлежитъ юношѣ, стремящемуся сблизиться съ поэтомъ уже престарѣлымъ, окруженнымъ славой, тогда какъ въ отвѣтныхъ стихахъ Саккетти ясно слышно, что великое горе еще не забыто, что смерть Петрарки и Боккаччо еще на памяти у всѣхъ. Можетъ быть не безъ значенія самое указаніе на «хорошія школы», *degne scuole*, которыхъ ищетъ благоразумный: это не намекъ-ли на падуанскую студию, которую посѣщалъ нашъ авторъ, когда называлъ себя «*studente in legge e in poesì*»?

До насъ дошелъ еще отрывокъ такой поэтической корреспонденціи, только безъ посвященія и отвѣта; по крайній мѣрѣ отвѣта мы не могли найти. Это сонетъ мессера Джованни, обращенный, вѣроятно, къ одному изъ отходящихъ свѣтилъ старой поэтической школы (*al tramontar l'ultima sera*), можетъ быть, къ старику-же Саккетти. О комъ иначе могла бы идти эта «высокая и прекрасная молва о твоихъ добродѣтеляхъ?» *)

Fama gentile, leggiadra e altera
Di vostra perfezion sì forte tona,
Perchè d'Appollo mertate corona
Innanzi al tramontar l'ultima sera.

находятся-ли музы въ одиночествѣ. Надежда осушаетъ мои глаза, полные слезъ о потерѣ, грусть которой никогда не причиняла смерть на всемъ протяженіи между Индѣйскимъ и Мавританскимъ морями. И другаго еще унесла она, твоего соименника, и никто не наследовалъ ему въ этомъ лживомъ и безбожномъ мѣрѣ, гдѣ стинуло теперь все прекрасное».

*) «Высокая и прекрасная молва о твоихъ добродѣтеляхъ разносится такъ громко, что ты по праву заслужилъ вѣнокъ Аполлона, прежде чѣмъ погасъ

Onde poi ch'ìveggio che sì vera
 Scienza in voi sta, il figliuol di Latona
 Alma gentil cerchiat'à in sua zona
 Chè ben par che vi vogli di sua schiera.

Ond'io son tutto disposto e attento
 D'udir le corde della santa lira
 Con triunfevol canto in sua altezza.

Pensate omai che sì s'ispira
 Se io non lodo, deggia aver tormento:
 Mova piatà a dar tanta dolcezza. ^{***)}

Такимъ образомъ Джованни ди Герардо открыто присталъ къ итальянской поэтической традиціи: доказательствомъ тому не только его стихотворная переписка съ Саккетти и Альберто дельи Альбицци ^{***)}, но и все направленіе его литературной дѣятельности, частые дантовскіе отголоски, особенно въ поэмѣ ^{***)}; наконецъ любовь, связывавшая его съ Колуччіо Салутати и тѣми людьми, которые вмѣстѣ съ нимъ еще стояли за славные завѣты старины, въ политикѣ и въ литературѣ. Одного изъ нихъ, Гвидо ди мессеръ Томмазо, соучастника нашего романа, онъ долженъ былъ знать лично, потому что имѣлъ въ арендѣ его помѣстье въ сосѣдствѣ съ городомъ Прато, въ приходѣ св. Мартина а Рарегіно ^{***)}. Что до Колуччіо, то о немъ нашъ авторъ не наговорится: онъ полонъ славой, онъ славою вскормленъ,

.... spira

Sua fama assai, perch'è'n costei lattato.

Такъ показываетъ его нашему автору Данте въ эмпирей аллегорической поэмы, гдѣ онъ находится въ сообществѣ Алана и Пьера делле Винье, Фаціо дельи Уберти и Сеннуччо дель Бене. Тѣмъ-же почти сыновнимъ уваженіемъ отзываются многія страницы романа: Колуччіо называется дражайшимъ отцемъ, padre carissimo, къ нему обращаются за рѣшеніемъ во всякомъ затруднительномъ спорѣ, онъ истолковываетъ темныя философскія доктрины Божественной Комедіи; наконецъ, послѣднія страницы пятой книги, хотя и вложенныя въ уста Луиджи Марсили, сильно напоминаютъ нѣкоторые мѣста изъ Инвективы Колуччіо противъ Антоніа

твой послѣдній вечеръ. Обрѣти въ тебѣ истинное знаніе, сынъ Латоны одѣвъ своею ризою прекрасную душу, какъ будто желая причесть тебя къ своему лику. Оттого я совсѣмъ изголовился и жажду услышать побѣдную пѣснь и звуки твоей священной лиры. Я былъ бы достоинъ мученій, еслибы не славословилъ тебя, вдохновеннаго; потому сжался и доставъ мнѣ это наслажденіе.

Луска. Выше, говоря о діалогахъ, которые для Пьетро Паоло Верджеріо записалъ Леонардо Аретино, мы позволили себѣ высказать предположеніе, что Инвектива можетъ быть и есть тотъ трудъ, считавшійся потеряннымъ, который Колуччіо обѣщалъ написать въ защиту своихъ флорентійскихъ поэтовъ ³⁵⁷). Теперь мы можемъ сдѣлать другое сближеніе: ратуя за древнее величіе Флоренціи, Колуччіо указывалъ между прочимъ на ея римское происхожденіе, на свидѣтельства памятниковъ классической древности, которыхъ остатки можно было видѣть, наконецъ на самое названіе Флоренціи. Это и составляетъ содержаніе послѣднихъ разговоровъ романа: приводятся тѣ же археологическія подробности, иногда болѣе развитыя; точно также поднять вопросъ объ этимологіи Флоренціи, цитуются тѣ же источники, и тамъ и здѣсь строго ограниченные классическими писателями ³⁵⁸). Какъ будто вся относящаяся сюда часть Инвективы выработалась изъ разговоровъ въ садахъ Парадизо. Нѣтъ сомнѣній, что вопросы подобнаго рода должны были сильно занимать тогдашніе литературные кружки, когда мы возвращаемся къ нимъ не только въ Инвективѣ Колуччіо, но и въ нашемъ романѣ, и позднѣе во флорентійской исторіи Леонардо Аретино. Вездѣ одна и та же цѣль: выказать древнюю славу Флоренціи на зло ея невѣрующимъ хулителямъ. Эта слава — римская; флорентійская исторія толкуется намъ какъ органическое продолженіе римской. Мы далеки отъ фантастическихъ измышленій среднихъ вѣковъ, любившихъ играть въ несбыточные генеалогіи, съ Лаціумомъ и Троей въ корнѣ родословнаго древа. Чтò на сѣверѣ было калпризомъ полуученыхъ, назначеннымъ возвеличить какой нибудь княжескій родъ, то въ Италіи было дѣломъ народнымъ, и въ немъ принималъ участіе всякій, чувствовавшій въ себѣ хоть каплю римской крови. Потому здѣсь нѣтъ города, который не помнилъ-бы своего Ромула: у Анконы есть свой Anichon, у Озимо — Auximon, у Мантуи — Mantois, дочь еиванскаго короля Utrex'a и любовница Mencio, давшаго имя рѣкѣ Минчѣо ³⁵⁹). Всѣ какъ будто сговорились: поэты и лѣтописцы толкуютъ «о Троянцахъ, о Фьезоле и Римѣ» (de Troiani, e di Fiesole e di Roma. Dante); словно какая-то тайная инстинктивная сила увлекала ихъ вступить во владѣніе наслѣдствомъ классической Италіи, какъ Италія вступила въ наслѣдіе Греціи. А уже возрожденіе стучалось въ двери и начинало находить сочувственный отзывъ: по мѣрѣ того какъ забывались принципы, внесенные германскимъ завоеваніемъ, латинскій элементъ возникалъ въ но-

вой силѣ, обновляясь въ наукѣ и искусствѣ, въ законодательствѣ и общественной жизни коммунъ; имя Рима окружалось новымъ ореоломъ; старый феодальный строй уступалъ передъ памятью свободы, которая могла предъявить еще большія права давности. На обыкновенъ языкъ времени этотъ вопросъ тотчасъ-же становился вопросомъ генеалогическимъ: если смыслъ итальянскаго возрожденія заключается въ поголовномъ возвращеніи отъ средневѣковаго космополитизма къ исконнымъ началамъ *своей* стародавней культуры, то пріятно было увѣрить себя, что Флоренція есть точно римская колонія, что Римляне *Campus Florae* ее построили и назвали ее по отчеству. Она римская матрона лучшихъ временъ республики, хотя еще одѣтая по модной картинкѣ рыцарскихъ романовъ. Такъ изображаетъ ее великолѣпная миниатюра латинской поэмы въ честь неаполитанскаго короля Роберта: въ парчевой мантии, на богатомъ креслѣ съ высокой спинкой; а дочь Рима, говоритъ она:

Filia sum Romae, pro se loquor, ac ego pro me,
Et credor vere Florentia nomen habere.

Romani flores me construere priores,

Menibus et mustis et me cinxere venustis:

Nunc infelicitis queror ex dampnis genitricis. ³⁰⁰)

Такъ представлялась она и Антонио дельи Альберти въ его извѣстной хвалебной канцонѣ къ Флоренціи:

Da l'alta Roma iscese il tuo primizio

Magnanima città pien di biltate,

Specchio di libertate

In cui sempre tuo popol vive lieto.

Cesar fu fondatore di tuo inizio

*Dal qual vien la tua prima dignitate. *)*

При чемъ тутъ Цесарь, могъ спрашивать себя Колуччіо? Къ чему король Фьорино и всѣ эти басни, такъ простодушно рассказанныя старикомъ Малеспини? Школа Петрарки и Боккаччо не прошла даромъ: Колуччіо пуристъ; онъ критически работаетъ надъ текстами, бранитъ безмозглыхъ переписчиковъ и вездѣ любить добираться до первичнаго источника. Вслѣдъ за нимъ поднимается и нашъ романистъ, и ему не по сердцу «лживыя басни

*) «Отъ Рима пошло твое начало, великодушный городъ, полный красоты, зеркало свободы, котораго граждане находятся въ постоянномъ веселіи. Цесарь былъ твоимъ основателемъ, отъ него твое первое величіе».

лѣтописцевъ, неумѣлыхъ и неученыхъ, или лучше, круглыхъ невѣждъ, изъ сочиненій которыхъ видно, что имъ недоставало литературнаго образованія, а стало быть и знакомства съ подлинными и непреложными свидѣтельствами^{*)}). На эту подлинность обращено теперь все вниманіе: подавайте намъ древнихъ, Саллюстія и Цидерона, Плинія и Птолемея; ихъ современныя показанія надо разсмотрѣть и повѣрить: вѣроятно-ли напр., что Птоломей называлъ городъ Флоренціей, когда у Плинія, «извѣстнаго римскаго писателя» (*altore famoso apresso i latini*), онъ уже нашелъ названіе *Fluentia*, или не предположить-ли во всемъ этомъ какой либо оплошности переписчиковъ и т. п. Искусство исторіи, въ болѣе близкомъ къ намъ значеніи этого слова, началось съ отрицанія эпическихъ преданій лѣтописцевъ; черезъ нѣсколько лѣтъ первый опытъ критической исторіи выйдетъ изъ школы Колуччіо, въ трудѣ Леонардо Аретино. Въ этомъ отношеніи мы можемъ быть только благодарны нашему романисту: сохранивъ для насъ память бесѣдъ въ Парадизо, онъ еще болѣе познакомилъ насъ съ вліяніемъ идей Колуччіо на молодое поколѣніе конца XIV-го и начала XV-го вѣка, которое онъ самъ приведетъ къ дверямъ *Renaissance*, научая его въ то же время не отказываться отъ народной старины, произведшей столько великаго.

Потому что не надо забывать, что нашъ романъ прежде всего — старческое воспоминаніе: когда происходили самыя бесѣды въ Парадизо, авторъ былъ еще юношей, и вѣроятно болѣе, чѣмъ мудрые разговоры Колуччіо, его занимали пѣсни и пляски и майскія игры, которымъ сценой служили сады Альберти, а отголоскомъ — *Ginoco d'Amore*. Аллегорическая обстановка не должна насъ запугивать: яркія черты дѣйствительности проглядываютъ въ ней слишкомъ ясно, чтобы не быть картинкой съ натуры. До насъ дошелъ одинъ сонетъ Джованни ди Герардо, очевидно навѣянный тѣми же майскими образами: та же жажда наслажденій и богатство красокъ, напоминающихъ венеціанскую школу, которымъ отчасти искупается неопредѣленность очертаній. Это одинъ изъ непереводаемыхъ сонетовъ. *)

Gigli, rose, vivole in vassel d'oro,
In verdi fronde mille ucciej cantare,
Nude pulzelle in fonte sollazzare,
E Diana col suo leggiadro coro;

*) Лилии, розы и фіалки въ золотыхъ сосудахъ; тысячи птичекъ поютъ въ зеленыхъ вѣтвяхъ; дѣвушки купаются въ источникѣ, съ ними Діана и ея пре-

Abete, pini, mirti e sacro alloro,
Ermellin vaghi in bel verde giocare,
Amanti con donzelle sospirare,
Perle, zaffiri, balaschi e più tesoro;

Mille rii mormorando in chiusa valle,
Mille ninfe leggiadre a un bel rezzo,
Ganimede e Narcisso a lor disiro;

Lor sembianti e sospiri, serrar di spalle,
Lor parlar, lor bacciar, tenelli in mezzo,
Non faren leno mie più debil sospiro. ³⁶³)

Серьюзныя наставленія Колуччіо, изученіе Данте и великихъ итальянскихъ поэтовъ, принесутъ плоды только позже. Въ 1417—24 годахъ мы уже встрѣчаемъ Джьованни ди Герардо дантовскимъ лекторомъ: онъ публично объясняетъ Божественную Комедію, соединяя съ этимъ вплоть до 1425 года толкованіе правоучительныхъ канцонъ Алигьери по праздничнымъ днямъ. Кажется впрочемъ, что большаго успѣха онъ не имѣлъ, если вѣрить приведенному нами совету Брунеллески, гдѣ говорится о пустыхъ «фантазіяхъ учителя, неимѣющаго учениковъ» (*fantasie d'un senza scuola*). Въ то же время онъ былъ призванъ содѣйствовать завершенію другаго памятника флорентійской славы, который Арнольфо оставилъ неоконченнымъ. Съ 1420 года онъ состоитъ при комиссіи для постройки собора, помогая ей дѣломъ и соображеніями; отсюда объяснили мы его ревность къ Брунеллески и зависть, вызвавшую его гнѣвный стихъ. Такъ изъ постановленія (*stanziamento*) 1-го апрѣля 1420 года мы узнаемъ, что «мессеру Джьованни ди Герардо да Прато даны три флорина за сдѣланные имъ рисунки и труды по постройкѣ большаго купола» ³⁶³), а шестнадцатаго числа того-же мѣсяца онъ и Джульиано Арриги, по прозванію Пезелло, избраны въ помощники тремъ главнымъ распорядителямъ постройки, т. е. Брунеллески, Гиберти и Баттиста д'Антоніо, съ тѣмъ чтобы замѣнить ихъ въ случаѣ отказа,

красныя спутницы.—Тутъ пихты, сосны, мирты и священный лавръ; красивыя горностая играютъ въ зелени, любовники шепчутся съ своими возлюбленными; тутъ перлы, сапѣры, рубины и всякія драгоценности.—Тысячи ручьевъ журчатъ по глухой долині; въ тѣни покоятся прекрасныя нимфы, съ ними Нарциссъ и Ганимедъ. Ихъ красота и любовные вздохи, рѣчи, поцѣлуи и объятія—я никогда не устану о нихъ говорить».

смерти или чего-нибудь подобного. Въ сентябрѣ 1423 года онъ выставилъ вмѣстѣ съ Брунеллески свою модель купола; по этому поводу выданы были Папи ди Сандро восемь сольдовъ, «чтобы угощать виномъ маэстро *приходящихъ смотрѣть на рисунокъ мессера Джьованни*» ³⁶¹), и 12 сольдовъ разсылному (*messo dell' arte*) Нанни ди Филиппо «за хлопоты по созванію гражданъ, которыхъ работники и строители купола призываютъ смотрѣть модели мессера Джьованни да Прато и Филиппа ди сэръ Брунеллески» ³⁶²). За всѣ эти труды мессеру Джьованни назначены два золотыхъ флорина, какъ видно изъ постановленія отъ 11-го апрѣля 1424 г.: «мессеру Джьованни да Прато слѣдуетъ два золотыхъ флорина за планъ на пергаментѣ, показывающій, какъ укрѣпить связью куполъ большой трибуны» ³⁶³). Отъ 4 февраля 1425 года у насъ опять есть свѣдѣнія о моделяхъ, выставленныхъ Джьованни ди Герардо, Брунеллески, Лоренцо Бартолуччи золотыхъ дѣлъ мастеромъ, Джульяно Арриги и другими. ³⁶⁴)

Послѣ этого года свѣдѣнія о жизни мессера Джьованни становятся скуднѣе. Изъ кадастровыхъ списковъ 1427 и 1430 годовъ видно, что въ это время онъ былъ уже старъ, и что у него была сестра, Мадонна Антонія, старѣе его четырьмя или пятью годами. Духовная Гвидо ди мессеръ Томмазо отъ 1399 года къ сожалѣнію слишкомъ необстоятельна, говоря о «*Johannis Gherardi cum sua familia*» ³⁶⁵), можетъ быть въ латинскомъ употребленіи послѣдняго слова. Вѣроятно же всего, Джьованни никогда не былъ женатъ и прекрасная богиня, полюбившаяся ему среди холмовъ Монте Пальди, никогда не смягчила для него своего каменнаго сердца (*un suor di smalto*) ³⁶⁶). Это подтверждается его латинскимъ письмомъ къ Гвидо ³⁶⁷), очевидно написаннымъ на склонѣ лѣтъ, гдѣ онъ говоритъ про себя, что всегда презиралъ почести, славу и людское мнѣніе, предоставляя другимъ скуку брачныхъ узъ и тягость семейныхъ заботъ: самъ онъ довольствуется уединеніемъ, малымъ достаткомъ и милыми ему занятіями — мудростью. Въ этомъ тихомъ уголкѣ, вдалекѣ отъ свѣтскаго шума, онъ по-неволѣ жилъ прошлымъ: веселые дни юности и почтенный образъ Колуччіо воскресали передъ ними со всею силой старинной любви, и онъ принимался за перо, чтобы разсказать друзьямъ про бесѣды въ Парадизо и наставленія, которыя изъ нихъ вынесъ. Въ немъ еще такъ свѣжи эти воспоминанія, что въ письмѣ и въ иныхъ мѣстахъ романа вы непременно встрѣтитесь съ тѣми же идиллическими образами, какіе пора-

зили его молодое воображеніе въ *Giucoso d'Amore*. Его уединеніе по прежнему полно тихимъ ропотомъ лѣса, съ толпами нимфъ и богинь, среди прозрачныхъ источниковъ и журчащихъ ручьевъ: робкіе звѣрьки по прежнему играютъ на смѣющихся лужайкахъ, и птицы также таинственно щебечутъ въ зелени вѣтвей³¹¹). Не напоминаетъ-ли все это цвѣтущую поляну въ *Giucoso d'Amore*?

Co leggiadre fontane in ogni loco.
 Il guardo, il veder, i'rosso, i santi odori,
 Gli ermellini e conigli e vaghi vai,
 I rucelletti, l'erbe, gli sprendori
 Faceano il santo loco ch'io trovai
 Arder d'amore: ov'io nel dolce rezzo
 Isfavillar vedea i santi mai.
 Quiv'era ninfe, e giovinetti in mezzo,
 Pirramo e Tisbe и т. д. *)

Разумѣется, ни въ письмѣ ни въ романѣ нѣтъ прежней колоритности; яркія, бьющія въ глаза краски стали будто темнѣе и серьезнѣе; нѣтъ молодыхъ порывовъ: поэтъ состарѣлся, сдѣлался вдумчивѣе и сентиментальнѣе. Къ этому періоду его жизни надо будетъ отнести его трактатъ, *Trattato d'una angelica cosa mostrata per una divotissima visione*, написанный имъ отъ имени какой-то дамы, полный набожныхъ размышлений и дантовскихъ отголосковъ, особенно въ терцинахъ трехъ вставочныхъ молитвъ³¹²). Того-же характера, аллегорическо-мистическаго, и вѣроятно того-же времени, его поэма, сохранившаяся въ мальбекьянскомъ спискѣ: но только здѣсь дѣло уже не въ отголоскахъ, а въ явномъ подражаніи Божественной Комедіи. Трудъ въ высшей степени интересный, не какъ художественный памятникъ, потому что поэтическихъ достоинствъ въ немъ нѣтъ, но какъ характеристика извѣстнаго момента въ развитіи итальянскихъ литературныхъ идей. Божественная Комедія въ XV-мъ столѣтіи—это что-то мертворожденное, антикварное, безъ искры жизни и надежды на будущее. Средніе вѣка удалились безвозврат-

*) «Съ прекрасными фонтанами повсюду. Здѣсь богатство красокъ и благовоной, здѣсь горностаи, кролики и бѣлки; ручьи и трава — все въ какомъ-то чудномъ свѣтѣ, будто любовью горитъ вся окрестность. Въ тѣни блестятъ майскія вѣтви; здѣсь нимфы и съ ними юноши, Пирамъ и Тисбе и т. п.

но, и новое поколѣніе уже перестало ихъ понимать. Данте явился во-время, чтобы обнять ихъ въ великолѣпномъ синтезѣ своей комедіи; но у него нѣтъ продолжателей и никому послѣ него не удалось творчески овладѣть идеей его католической и императорской трилогіи. Вина не столько въ бѣдности талантовъ, сколько въ невозможности синтеза: идеалы отошли вмѣстѣ съ временемъ, къ которому Данте еще могъ чувствовать себя близкимъ, но которое въ новыхъ людяхъ не могло возбуждать той-же симпатіи, потому что чувство новой культуры притупило въ нихъ пониманіе среднихъ вѣковъ. Вотъ почему у Данте могли быть только подражатели, которые списывали съ него слова и обороты, учились искусству терцины, рабски копируя освященную имъ форму аллегорическаго видѣнія и тройственнаго путешествія; но внутренній смыслъ его загадочныхъ стиховъ, *versi strani*, оставался для нихъ непонятенъ, потому что не своевремененъ. Вспомнимъ, что мы въ вѣкѣ комментаторовъ,—а всякое произведение, требующее глоссарія, тѣмъ самымъ доказываетъ, что его сущность уже стала недоступной для большинства публики. Это кладетъ напередъ печать осужденія на поэму Джьованни ди Герардо: она неудалась не столько потому, что авторъ былъ бѣденъ поэзіей, сколько потому, что являлась дѣломъ реставраціи.

Истолкователь Данте, какъ многіе другіе, вмѣсто того чтобы подарить насъ комментариемъ къ Божественной Комедіи, какого мы вправе отъ него ожидать, онъ задумалъ воспроизвести ее поэтически и бойко пошелъ по слѣдамъ Данте. Но идеалъ вырывается у него изъ рукъ, какъ ни силится онъ заковать его въ свои неловкія терцины, и онъ только успѣваетъ ученически воспроизвести внѣшнія очертанія своего подлинника: то же блужданіе въ заповѣдномъ лѣсу, та же послѣдовательность круговъ и аллегорическое странствованіе подъ руководствомъ Костанцы и потомъ самаго Данте, какъ Данте путешествовалъ подъ эгидой *Virgili* и *Beatrice*, а его подражателя *Federigo Frezzi* въ *Quadreregio* вели *Minerva* и *Enoch*. Символическихъ звѣрей замѣнили тоже какіе-то звѣри—и *Medusa*. Если Данте полюбилъ, будучи девяти лѣтъ отъ роду, то и у Джьованни ди Герардо похитили сердце, прежде чѣмъ ему свершилось десять лѣтъ (*III, 3: Pria che finito avessi il decimo anno*). Встрѣчаются знакомые обороты, иной стихъ прямо снятъ съ дантовскаго; если въ *Paradiso XIII, 73* мы встрѣтили выраженіе:

Guardami ben: ben son, ben son Beatrice,

то можемъ быть напередъ увѣрены, что Костанца повторить ихъ въ переложеніи:

Guardami ben, ben t'è scoperto il vero.

То же самое съ приемами: у Данте слово *Cristo* принимается только съ самимъ собою—такъ онъ сдѣлалъ до четырехъ разъ въ своей комедіи; Джованни ди Герардо перенялъ эту странность и повторилъ ее два раза. Кто пожелалъ бы познакомиться съ самымъ текстомъ поэмы, хотя бы въ тѣхъ отрывкахъ, которые мы напечатали въ итальянскомъ изданіи, могъ-бы сдѣлать тысячи подобныхъ сближеній: Троянъ и Рифей, Рахиль и Лія и «la buona Gualdrada»,—все это старые знакомые по Данте; авторъ становится интереснѣе, когда переходитъ къ болѣе близкимъ ему историческимъ воспоминаніямъ, но они не искупаютъ впечатлѣнія цѣлаго. Передъ нами грустная повѣсть литературнаго упадка³⁷³).

Послѣ небольшого *Invocatio ad Musas* (O Musa, e tu Apollo al novo canto) авторъ тотчасъ-же переходитъ къ дѣлу. «Была пора, когда златовласая аврора поднималась, озаряя розовымъ свѣтомъ рѣки, поляны и горы; уже птицы кружились вокругъ своихъ гнѣздъ, звѣри бродили вокругъ источниковъ, ища добычи и прислушиваясь къ шелесту; пахарь брался за свои орудія и шелъ въ поле, зѣвая и напѣвая деревенскую пѣсенку; рыбакъ закидывалъ сѣти»,—когда поэту, заблудившемуся на «туманной тропѣ», представились семь величавыхъ женъ. Онѣ шли съ пѣніемъ, облитыя свѣтомъ, каждая въ особой одеждѣ; четыре изъ нихъ плясали, одна наигрывала. «Я называю ихъ женщинами,—говоритъ авторъ,—но онѣ свѣтила, великія богини, безъ помощи которыхъ человеку никогда не достигнуть блаженства». Первая овладѣваетъ его вниманіемъ Костанца, символъ постоянства и нравственной крѣпости³⁷⁴). Она поетъ гимнъ, *Cantilena Fortitudinis*.

Въ слѣдующей пѣснѣ³⁷⁵) мы знакомимся съ Джиневрой, изобращающей благоразуміе, *prudentia*. Ея отвѣтныя слова на прѣтъ сестеръ полны упрековъ Флоренціи: ее не усмирила даже утрата столькихъ дорогихъ сыновъ, поддерживавшихъ ея величіе. «Зачѣмъ держишь ты въ насильственномъ безмолвіи мудрыхъ гражданъ? Только тотъ городъ счастливъ, что управляется людьми степенными и благоразумными. Пора тебѣ покончить съ этими грязными сумасбродами, которые презираютъ тебя, а меня ненавидятъ; пора изгнать изъ своей среды преступную партію».—

Пѣснь Маргериты—Правосудія (*justitia*) снова обращена къ Флоренціи: ей указываются судьбы Трои, Карфагена, Луни, Рима, Фаэнцы, Чезены и Ареццо, «который и теперь еще стонетъ» (*che geme d'ambo i lati*); всѣ они платятся за свои прегрѣшенія. Пусть вспомнитъ Трояна (*quel mie che chetò la vedovella*) и Рифея: въ свое время онъ держалъ въ чести меня и моихъ сестеръ, оттого его имя прославлено. Такимъ дѣламъ рукоплещетъ небо, завидуетъ адъ; надъ ними стонетъ Брутъ, горюють Мегера и ея спутницы.

Слѣдуетъ за тѣмъ пѣснь Томмазы и знакомый намъ разговоръ съ Маргеритой, гдѣ Томмаза—Умѣренность (*temperantia*) проситъ у нея правосудія и помощи для ея поклонника, т. е. нашего автора, а та ее утѣшаетъ, говоря, что онъ еще не въ крайности, пусть обратится къ Костанцѣ, и она выведетъ его изъ дремучаго лѣса. Здѣсь собственно начинается дѣйствіе поэмы. Вспомнимъ, что нашъ поэтъ заблудился въ лѣсу, что онъ издали увидѣлъ спускающихся богинь и услышалъ ихъ разговоры: сладость видѣнія его подавляетъ, и онъ въ изнеможеніи опустился на колѣна. Тутъ подходятъ къ нему символическія жены. «Поведи его ради Бога въ наше царство, онъ такъ долго къ нему стремится», говоритъ Томмаза Костанцѣ. Тогда, натянувъ свой лукъ, Костанца достааетъ семь стрѣлъ, достойныхъ рѣзца Поликлета, и всѣ семеро поражаютъ его въ сердце. «Обернись теперь, о раненый, опасность прошла, погляди, кто тебя окружаетъ». Онъ приподнялъ глаза, но все еще склоняя лицо, по которому разлилась краска стыда. «Помоги ему выйти отсюда, прежде чѣмъ онъ увидитъ Медузу», молятъ Костанцу другія сестры; «подумай только, если онъ съ ней свыкнется, его разорвутъ звѣри, идущіе за нимъ слѣдомъ, и ты не въ состояніи будешь помочь ему, потому что кто въ юности не покинулъ темной тропы, тотъ и умретъ въ этой долині, если Господь не смягчитъ его грубаго сердца, или покаяніе не заслужитъ милосердія». Тогда, подавъ ему руку, «поднимись, пора вставать», сказала ему Костанца, и всѣ вмѣстѣ начинаютъ подниматься изъ лѣса въ гору; взбираться трудно и неудобно: вмѣсто мягкой травы и прозрачныхъ источниковъ вездѣ камни и скалы, выкорченныя деревья и колючій тернъ вровень съ головою.

Какъ далека ваша поляна отъ темнаго лѣса, который мы оставили? спрашиваетъ по дорогѣ поэтъ;—зрѣніе обмануло меня: когда

я былъ внизу, подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей, и увидѣлъ васъ спускающихся, я думалъ, что путь короче и удобнѣе.—Онъ приятенъ и ровенъ для тѣхъ, кто горитъ истиннымъ желаніемъ, отвѣчаетъ Костанца,—и знакомитъ насъ въ первый разъ, хотя въ неопредѣленныхъ чертахъ, съ хорографіею нашей поэмы. И здѣсь мы встрѣчаемся съ дантовскими мотивами, съ его

Le tre disposizion, che'l ciel non vuole,
Incontinenza, malizia, e la matta
Bestialitate. *) (Inferno XI, 81—3)

Лѣсъ смерти (la selva—della morte), который мы оставили, окружающъ, какъ видишь, эту гору и далека отъ моей обители; за нимъ, спускаясь ниже, ненавистная и постыдная невоздержность (*incontinenza*), за ней злоба (*malizia*), хорошо намъ знакомая, еще ниже—бѣшеное звѣрство (*matta bestialità*), незнающее съ нами мира: отъ нея до насъ такъ далеко, что геометръ Птоломей скорѣй-бы измѣрилъ разстояніе между Гангомъ и чудной Сибиліей». Сознаніе пройденной опасности поражаетъ поэта ужасомъ, Костанца ободряетъ его идти впередъ, но онъ еще полонъ плотскихъ помысловъ: шествующая передъ нимъ аллегорическая богиня представляется ему Цитерой, какъ вблизи Кароагена явилась она Энею въ тотъ день, когда онъ потерялъ Иліонея (Elioneo). Онъ не можетъ отвести отъ нея глазъ; кровь прилила у него къ сердцу, и онъ останавливается.—Твоя упрямая мысль увлекаетъ тебя назадъ и мѣшаетъ восхожденію, говорятъ ему его спутники;—намѣреніе не искренне, потому что ты еще открытъ ударами бога любви. Прогони туманъ и мракъ съ твоего сердца, одѣтаго льдомъ.—Краямъ бѣлаго покрывала, отгнѣнявшаго ея бѣлоснѣжную шею, Костанца отираетъ глаза и грудь поэта; его смутили горькіе упреки, и онъ плачетъ по времени, напрасно потраченномъ. «Теперь ты омытъ отъ грѣха, мѣшавшаго тебѣ быть съ нами; но помни, что раскаяніе должно быть на столько сильно, на сколько сильно было удовольствіе грѣховнаго воспоминанія.—Ты слышалъ наши пѣсни», продолжаетъ поучать Костанца, «теперь внимай пѣнію трехъ другихъ сестеръ: это необходимо, онъ вѣрнѣ насъ ведутъ къ небу и высшей любви; онъ покажутъ тебѣ двѣ добро-

*) «Три наклонности, нелюбимыя небомъ: невоздержность, злоба и бѣшеное звѣрство».

дѣтельныхъ жизни, изъ нихъ ты выберешь ту, которая тебѣ болѣе нравится, и та и другая приведутъ тебя къ твоему Создателю. Иначе тебѣ не достигнуть мира и надзвѣздной славы. Эти три другихъ сестры—Феронія—Вѣра (*fides*), Виредія—Надежда, (*speres*) и Катерина—Любовь (*charitas*); подъ двумя добродѣтельными жизнями (*duo chiare vite*) разумѣется жизнь дѣятельная и созерцательная; съ ихъ символическими образами мы познакомимся впоследствии; пока, готовя поэта къ божественному пѣнію, Костанца принимается рассказывать ему исторію введенія христіанства въ Тосканѣ. «Когда ты явился на свѣтъ, тебя окрестили въ купели Сан-Джованни (теперь «лорентійскій баптистерій»), котораго наши дѣды называли Марсомъ». Такъ было много и много лѣтъ, и Санъ Миньято успѣлъ пострадать при Деции за Христову вѣру, пока св. Сильвестръ не исцѣлилъ отъ проказы и не окрестилъ царя Константина. Какъ услышали въ Тосканѣ, что римскій король (*re de'Roman*) увѣровалъ въ Христа, всѣ были въ веселіи и пойдя въ священный храмъ поставили на мѣсто Марса—Іоанна Крестителя; но идола Марса не разрушили, еще боясь его демонской силы (*aguri rei*), а поставили его надъ Арно у стараго моста (*Vechio ponte*). И вотъ расплалось небо, переполнивъ источники; нимфы (т. е. воды) Казентино въ стремительномъ бѣгѣ достигаютъ стараго моста, и идола свержень въ воду, гдѣ онъ по необходимости принялъ другой образъ (*Dove di nicistà prese altra forma*). Вѣрные христіане могли быть теперь спокойны, если и не оставили нѣкоторыхъ древнихъ пороковъ.

Все это служитъ введеніемъ къ пѣснямъ трехъ сестеръ, символически изображающихъ три божественныхъ добродѣтели.

Первая выступаетъ Виредія—Надежда (*speres*): одѣтая въ зеленое, какъ смарагдъ, платье, она разъясняетъ нѣкоторыя философскія и богословскія сомнѣнія, вызывая другія сомнѣнія въ душѣ поэта.—Почему напр. боится смерти всякое животное, когда такъ недолговѣчно соединеніе тѣла и духа?—Но Костанца велитъ ему быть внимательнымъ и умолить Феронію, чтобъ она не оставила его своимъ святымъ поученіемъ. «Если ты достигнешь цѣли, приведшей насъ сюда, мои поэты украсятъ лавромъ твое чело (*Di quello ramo Vedra'ti incoronare a' mie' poeti*).

Онъ преклоняется передъ Фероніей. «Время летитъ», говоритъ онъ, «и никогда не возвращается, а я хотѣлъ-бы взобраться

на чудную гору, прежде чѣмъ постигла меня смерть. Ты приняла меня отъ святой купели; присоеди́ни же къ другимъ твою благо-склонную пѣснь. Она подняла меня и сказала: Не бойся, доро-гой мой сынъ Джованни, я всегда съ тобою и не покидаю этихъ бѣлыхъ ризъ и твоей Костанцы, съ той поры какъ много лѣтъ тому назадъ она привела меня въ древній лѣсъ, гдѣ твоя душа могла погибнуть, а тымо растерзали бы дикіе звѣри: такова сила злобы и нево́здержности. Теперь я готова пѣть». Длинная пѣснь Фероніи—Вѣры (*fides*) касается мерзостей и прелюбодѣяній язы-ческихъ боговъ, подвиговъ Геркулеса, которыхъ тайный смыслъ она толкуетъ, и закоренѣлаго невѣрія Евреевъ, этого смѣтеж-наго Моисеева отродья» (*O voi di Moisé ribella erede*). Ученикъ великаго Платона не былъ такъ внимателенъ къ божественнымъ словамъ своего наставника, какъ нашъ поэтъ, когда, сложивъ въ три складки конецъ блестящей бѣлой ткани, она объясняла ему таинство Троицы: «О юноша,—сказала она,—развѣ ты не видишь, что три суть три и вмѣстѣ одно»?—«Великіе мудрецы довольствовались этимъ *quia* (*stan contenti al quia*), а безсмыс-ленные невѣжды хотятъ судить, какъ и почему; каждый наемникъ и слабодушный думаетъ прозрѣть дагѣ Аргуса, считаетъ себя благоразумиѣе и мужественнѣе Аннибала. Если бы было у меня время распространяться, какъ-бы представилась мнѣ твоя Фло-ренція, которую я ежечасно силюсь вразумить! Но вредныя сѣ-мена взошли тамъ слишкомъ густо; я не указываю ни на кого въ особенности, потому что ненавижу зло. Оттого она справед-ливо приходитъ въ упадокъ: одни грабятъ ее со всѣхъ сторонъ, другіе нападаютъ съ огнемъ и мечемъ; оттого тамъ постоянныя перемѣны правленія (*si rimuta in vari stati*), и никому нѣтъ до этого дѣла. Всякій ничтожный человѣкъ стремится къ власти надъ этимъ народомъ купцовъ и презрѣнныхъ мѣняль: всѣ они Фабриціи и Метеллы, готовые изъ-за ничтожной личной вы-годы стать врагами своего отечества. Оставьте наконецъ эти споры: пусть будутъ вашими правителями люди почтенные, серьезные и ученые. Удалите причину столь грустныхъ попре-ковъ, извергните вся скверная. Помните, что мои слова не шутки. О христіанское общество, загрузѣлое, какъ камень! великое не-согласіе—этотъ ядовитый хаосъ—низвергло тебя съ высоты тво-его величія. Тому причиной черная птица славы (т. е. импер-скій орелъ), лиліи Франціи и Венгріи, могущественный король

Англіи и темная сила другихъ королей, герцоговъ и графовъ, или лучше—жестокыхъ тиранновъ: я умалчиваю о разбойникахъ Ломбардіи (т. е. Висконти). О Итальянцы, когда-то гордые, исполнитесь негодованія за вашъ Римъ: одинокая вдовица, она разодрала свои ризы, распустила волосы; не подпоясанная и босая, съ печальнымъ, полнымъ слезъ лицомъ, она горюетъ безмѣрно и говоритъ: О мой Петръ, гдѣ твое рвеніе и святая забота? И ты, добрый Цесарь, благодушный Августъ, гдѣ твое наслѣдіе? гдѣ покинулъ ты славу всего міра? Но теперь онъ сторонится отъ меня, преступный! О божественная справедливость, пречистыя очи—гдѣ теперь Твои намѣстники, о Боже? Не такихъ даровалъ Ты мнѣ прежде. Всякій видитъ, какъ они мнѣ дороги, какъ я стараюсь водворить согласіе между итальянскими и транзальпійскими католиками (*fra oltramontani e latini vagi*—аллюзія на тогдашній церковный расколъ). Но тѣ, что должны были-бы утишить распрю, поддерживаютъ ее изъ мірскихъ расчетовъ—такъ ослѣпила и оглушила ихъ преступная страсть. А всѣ они зовутъ себя хорошими христіанами: до такой степени у нихъ нѣтъ совѣсти, что ея больше у варвара и язычника.—Такъ плачется великая неутѣшная (*la magna sconpolata*); помогите-же ея горю, чтобы ей не умереть съ него; не будьте къ ней жестокосерды и скупы, и пусть каждый въ самомъ дѣлѣ желаетъ мира, о которомъ говорить, и не будетъ распри между словомъ и дѣломъ. Покажите себя щедрыми и готовыми на завоеваніе святой земли: такъ искоренено будетъ ненавистное древо Магомета (*Malcometto*) и его лживый законъ, столь вредный нашей религіи; прекратится всякій мятежъ, и вы снова придете къ Тому, Кто всѣмъ управляетъ.

Мы съ намѣреніемъ привели все это воззваніе, какъ одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ поэмы по его отношенію къ исторической дѣйствительности. Пѣснь Катерины знакомитъ насъ на оборотъ съ болѣе личными воспоминаніями автора. Катерина—Любовь (*Caritas*)—оплакиваетъ оскудѣвшую въ мірѣ дружбу: теперь нѣтъ пріязни безъ расчета, одинъ другъ—золото, и ты, Джованни, можешь по праву пенять на злобную Атропосъ, лишившую тебя единственного искренняго друга.—Такъ сказавши, она опустила на грудь лицо, полное слезъ, и прошептала: О мой дорогой Алессандро, ты болѣе всѣхъ любилъ меня. Услышавъ имя того, чья смерть была ему столь горестна, сердце поэта по-

холодѣло, слезы полились изъ глазъ, онъ проклиняетъ жестокою судьбу и предательскихъ сестеръ Лахезисъ и Атропосъ: ему ни почемъ жизнь, не просвѣтленная дружбой; онъ желаетъ смерти. Вмѣстѣ съ нимъ плачутъ его символическія спутницы, но Катерина беретъ его за руку и говоритъ такіа слова: «ступай впередъ и не горюй: недалеко отсюда мой поклонникъ, который былъ тебѣ такъ дорогъ—я хочу показать его тебѣ безсмертнымъ и цѣлующимъ. Послушай моего разсказа: я уже провела его древнимъ лѣсомъ къ нашей полянѣ и оставила его тамъ, влюбленнымъ въ Діану, вмѣстѣ съ Антоніо изъ Казентино, твоимъ вдохновеннымъ учителемъ. Но такъ намъ часто случается, что смерть, идуща низкое и презрѣнное, избираетъ самыя дорогія жертвы, Антоніо умеръ въ то время, когда весь предавался поэзіи по слѣдамъ твоихъ Флорентійцевъ, которымъ и ты хочешь послѣдовать, и когда ты въ первый разъ избралъ насъ своими вождями на эту гору».

Изъ послѣднихъ стиховъ поэмы видно, что Алессандро, упоминаемый Катериною, былъ Алессандро дель Антелла, умершій въ 1379 году на обратномъ пути изъ Венгріи, куда ходилъ посломъ, и погребенный торжественно на общественный счетъ (*Ammirato, Stor. lib. XIV*). Онъ былъ законникъ, или, по выраженію Франко Саккетти, декреталистъ:

*Ed Alessandro con dolce sermone
Decretalista *)*;

въ извѣстной войнѣ Флорентійцевъ съ Григоріемъ XI онъ четыре раза былъ посылаемъ къ папѣ; на конгрессѣ въ Сарзанѣ былъ однимъ изъ прокураторовъ республики и по смерти Григорія, 27 марта 1378 года, снова отправленъ въ Римъ съ поздравленіемъ къ новому папѣ Урбану VI и для договоровъ о мирѣ, который и заключенъ въ Тиволи 28-го іюля.—Съ Антоніемъ, плебаномъ Вадо (*pievano di Vado*), прихода общины Санъ Никколò въ Казентино, мы уже познакомились въ другомъ мѣстѣ: онъ былъ дантовскимъ лекторомъ въ 1381 году.

Знакомыя имена зажигаютъ въ поэтѣ желаніе поскорѣе увидѣть милыя ему лица, и шествіе трогается далѣе.

*) «И сладкоглаголивый декреталистъ Алессандро».

Такъ кончается первая часть поэмы, ~~блуждая~~ ^{блуждая} ~~дѣйствіемъ~~: поэтъ все еще взбирается въ гору, и мы не знали бы даже, какъ далеко онъ ушелъ, если бы намъ не сказали, что теперь полдень (*si che'l sol vicino Ega a quel loco dove men ci à d'ombra*), а первая встрѣча въ лѣсу была на зарѣ.—Новые образы представляются здѣсь поэту: прекрасная, богоподобная жена приветствуетъ его, миновавшаго великую опасность; *Benedictus qui venis*, повторяютъ за ней знакомыя ему души, хотя онъ еще не успѣлъ распознать его. Кто эти двѣ величественныя богини? разспрашиваетъ онъ Костанцу.—Если ты помнишь святыя рѣчи Христа къ Марѣ и Магдалинѣ,—эти свѣтила должны быть тебѣ извѣстны: это Франческа, символъ созерцательной жизни, съ глазами устремленными къ солнцу, и Діана, символъ жизни дѣятельной, съ лукомъ и золотыми стрѣлами; въ нее-то влюбился Антоніо.—И Костанца начинаетъ пѣть святыя пѣсни псалмопѣвца, ей вторить поэтъ и безплотные хоры.

Видѣли-ли вы когда нибудь, какъ загорѣлый странникъ возвращается съ товаромъ изъ Севильи или Бейрута, и всѣ толпятся вокругъ него и разспрашиваютъ о великомъ пути, большіе и малые? Такъ обступили поэта блаженные души, желая узнать, кто онъ. «О святая нимфа,—начала одна изъ нихъ,—любовь къ которой наполняетъ мое сердце, болѣе чѣмъ какаа-либо другая; о Катерина, будь милостива къ этой душѣ, поддерживающей тѣло, изнуренное любовью. Онъ такъ владѣлъ моею дружбой, что, казалось, въ двухъ тѣлахъ жила одна душа. О великая милость, ниспосланная Богомъ, какъ ты была велика и совершенна! Преступный и живой свѣтъ не былъ тебя достоинъ». Поэтъ слышитъ любезный голосъ, но блескъ ослѣпилъ его, какъ Цербера, когда, спасая Тезея, великій Геркулесъ извлекъ его изъ глухой пропасти ада. «Не ты-ли тотъ, кто зажегъ въ моемъ сердцѣ страстное желаніе твоего сообщества?» спрашиваетъ онъ, уже приглядѣвшись.—«Я тотъ, за кѣмъ ты такъ долго и неуклонно слѣдовалъ, отвѣчаетъ душа: я покинулъ грѣшный міръ, гдѣ рѣдко въ комъ возбуждаю любовную память; на землѣ осталась моя прекрасная оболочка, хотя и не заслуживающая такой похвалы, а чистый духъ перенесся въ святыя селенія». Пока она такъ говорила, воспламененныя небесною любовью души стремятся обнять поэта, частыя, какъ хлопья падающаго снѣга; и поэтъ пытается сдѣлать то же, но съ нимъ происходитъ чтó съ Данте и Казеллой во

второй пѣснѣ Пургаторія: онъ обнимаетъ одинъ воздухъ. «О милый Джьованни,—утѣшаетъ его кто-то,—это не обманъ: я твой Антоніо, который въ послѣднія минуты, покидая тѣло, пенялъ на смерть, отнявшую весло у моей жизненной ладьи: крѣпкая и хорошо нагруженная она вела меня къ Минервѣ и Аполлону,—быть имъ извѣстнымъ превышаетъ всякую другую славу. А вотъ твой Алессандро, любившій тебя болѣе всего на свѣтѣ». Такъ говорила одна, а другая смотрѣла пристально, будто потерянная и вѣдъ себя. «О милая душа», сказала она, «которая была столь привязана ко мнѣ въ мятежномъ мірѣ, гдѣ все тлѣнно и конечно: я твой Алессандро, твое утѣшеніе; пойдемъ вмѣстѣ на нашу поляну, оставивъ позади всякій страхъ и нерадіе». Съ этими словами всѣ присоединяются къ священнымъ женамъ; къ нимъ пристали Франческа и Діана, и они начинаютъ подниматься да-лѣе.

Сцена нѣсколько просвѣтляется: какъ Данте, переходя изъ чистилища въ земной рай, мѣняетъ краски на болѣе игривыя и свѣтлыя, такъ и Джьованни ди Герардо идетъ теперь по зеленой травѣ съ бѣлыми и алыми цвѣтами: въ майскихъ вѣтвяхъ искрятся духи, будто огоньки или упавшія съ неба звѣзды; птицы поютъ въ густыхъ деревьяхъ и вѣтеръ, колыша ими, роняетъ внизъ пѣлый дождь цвѣтовъ. Издали доносится журчаніе воды и распространяется благовоніе. Въ этихъ чистыхъ водахъ, что струятся отсюда справа до самыхъ окраинъ лѣса, ты долженъ омыться, говорить Костанца: иначе тебѣ не достигнуть нашей священной поляны. Уже отъ первой и второй стрѣлы ты излѣчился; теперь очисти свою душу, смой потъ съ усталыхъ членовъ: это необходимо для твоего спасенія. Вода эта—вода чудодѣйственная (*Quell' aqua dolce è aqua di virtute*): она не приноситъ забвенія, какъ Лета, но рождается изъ чистаго и прекраснаго источника, отъ котораго Геликонъ получилъ свое названіе.—И Костанца принимается толковать поэту планъ его аллегорическаго царства, съ темной стороной котораго мы уже познакомились: вмѣстѣ съ поэтомъ мы прошли лѣсъ смерти, за нимъ лежатъ области невождержности, злобы и звѣрства; посреди лѣса гора, на ея вершинѣ священный источникъ; вода, выходя изъ него, огибаешь его нѣсколько разъ, образуя круги; послѣдній захватываетъ самый лѣсъ. Намъ предстоитъ познакомиться съ со-держаніемъ этихъ раздѣленій: самъ поэтъ пытался изобразить

ихъ графически, начертавъ на поляхъ рукописи нѣсколько концентрическихъ круговъ, написавъ въ срединномъ *Teologia seu poesis*, а въ слѣдующихъ за нимъ *Karitas, Fides, Spes*. Мы дополнимъ остальное со словъ поэмы. Въ центрѣ, у самаго источника, обитаетъ чудная богиня: «ты видѣлъ ее въ синей одеждѣ, цвѣта яхонта, одѣтую солнцами; выше звѣздъ поднимаетъ она свою голову,—она одна ведетъ къ вѣчности. Многіе называли ее неувыдающею красавицей, но твой дорогой Данте называлъ ее въ своей поэмѣ Беатриче, свѣтящейся между блаженными душами. Иные называютъ ее теологіей, но я расскажу тебѣ о ней поистинѣ. Ею сложились божественные законы, она открываетъ намъ небо, кто его создалъ, зачѣмъ и когда; ея посредствомъ мы проникаемъ туда, гдѣ блаженные души (dei) созерцаютъ Вездѣсущаго; ее воспѣвали въ стихахъ и вымыслахъ іудейскіе поэты, ею полны еврейскіе мудрецы. Въ ея фигурахъ и притчахъ Христосъ возвѣстилъ свой законъ, и Евангелистъ Іоаннъ повѣдалъ то, чему научился, бодрствуя на лонѣ Спасителя. Сколько послѣдователей Христовыхъ прославилось ею въ свѣтѣ, сколько душъ они обратили, приведя ихъ къ Христу! Теперь тебѣ ясно, кто она: это святая, божественная поэзія, прекрасная, нѣжная, изящная, гордая; назови ее Беатриче или теологіей — это будутъ синонимы, а содержаніе одно, единственное для справедливо мыслящаго». — Отъ центра, гдѣ на высотѣ возсѣдаетъ Беатриче, спускаются ступень за ступеню три круга, занимаемые тремя богословскими добродѣтелями (virtù teologali): Фероніей—Вѣрой, Виредіей—Надеждой и Катериной—Любовью; еще ниже рѣка отдѣлила область другой священной царицы (santa reina), во власти которой находятся три круга: первый изъ нихъ, раздѣленный на четыре меньшія окружности, населенъ четырьмя нравственными добродѣтелями (virtù cardinali): Костанцой (постоянствомъ), Томмазой (умѣренностью), Маргеритой (справедливостью) и Джиневрой (благоразуміемъ); слѣдующій—богинями Квадривія, наконецъ третій—двумя прекрасными дѣвами, «къ которымъ изъ уваженія присоединили еще третью, такъ что ихъ—три звѣзды». Кто онѣ—поэтъ ближе не опредѣляетъ: можетъ быть Франческа и Діана, символы созерцательной и дѣятельной жизни? иначе имъ нѣтъ мѣста въ нашей космогоніи. Или богини Тривія, какъ Квадривію былъ отведенъ предъидущій кругъ? Кто, наконецъ, эта священная царица, подъ началомъ которой состоятъ, между прочимъ, Костанца

и ея сестры? У Франческо да Барберино *Onestà* или *Vertù* (добродѣтель) ведетъ за собою аллегорическихъ *Prudenza* или *Discrezione* (Джиневра), *Giustizia* (Маргерита), *Fortezza d'animo* (Костанца) и *Temperanza* (Томмаза); у Брунетто Латини всѣ онѣ являются дочерьми добродѣтели, *Virtù*. У нашего автора ничего подобнаго: какъ въ дантовскомъ земномъ раю вокругъ мистической колесницы пляшутъ дѣвы, три по одну сторону, четыре по другую, изображая собою богословскія и нравственныя добродѣтели, такъ и въ видѣннѣ Джьованни ди Герардо онѣ сидятъ всего ближе къ Беатриче—теологін, и всѣ семеро вывели поэта изъ заповѣднаго лѣса къ священнымъ водамъ, гдѣ ему предстоитъ омыться.

Онѣ текутъ, журча по травѣ и цвѣтамъ; птицы носятся надъ ними, щебеча и выбирая упавшія вѣтки; когда солнце вступаетъ въ созвѣздіе Рака (іюнь-іюль) и печетъ всего сильнѣе, аллегорическія дѣвы купаются въ нихъ. Теперь онѣ вводятъ съ собою поэта; Костанца оmyваетъ ему лице, отчего его зрѣніе становится тоньше и онѣ самъ способенѣе созерцать ея божественную красоту. Если выше въ своемъ пониманіи Беатриче онѣ близокъ къ Боккаччо, смѣшивая ея съ теологіей,—теперь его одолѣли земныя формы, и мы снова встрѣчаемся съ знакомымъ образомъ Цитеры, съ ланитами, подобныхъ которымъ не создавала природа, съ лицомъ, спорящимъ въ близинѣ съ восточными перлами и т. п., «и этой рукой, которая вытянула у меня сердце, когда я почувствовалъ первый ударъ любви, прежде чѣмъ мнѣ свершилось десять лѣтъ». Какъ въ Беатриче Данте, такъ и въ Костанцѣ аллегорія развилась на почвѣ дѣйствительныхъ житейскихъ отношеній, разумѣется если не предположить въ Джьованни ди Герардо простаго подражанія.

Между тѣмъ уже наступалъ вечеръ (*alla sera Il tempo se'p-va via coll' ali pronte*), и другія души спѣшаютъ войти въ воду, съ ними Антоніо и Алессандро. Поэтъ смотритъ вдоль рѣки и видитъ Лію: она шествуетъ, плетя гирлянду, съ ней Гуальдрада, Пенелопя и Электра, Юлія и Марція, Аталанта, Нарциссъ и Ганимедъ; но описать всѣхъ не стало-бы силъ; съ другой стороны спускается Рахиль и за ней Юдиѣ, Эсѣиръ и Кьяра, Кассандра и Раабъ, Павелъ, Антоній, Макарій и Василій. Самый выборъ спутниковъ указываетъ, что за Ліей и Рахилью остался старый дантовскій символизмъ созерцательной и дѣятельной жизни; хотя у поэта есть для той и другой свои собственные

образы и имена, Франческа и Діана, но воспоминаніе пересиливаетъ въ немъ порой желаніе самостоятельности, и старое съспивается съ новымъ. Такъ, когда всѣ вышли изъ воды, Костанца указываетъ ему два способа выбраться изъ долины: путь Діаны, тѣнистый и покрытый цвѣтами, и путь Франчески, крутой и неудобный; поэтъ избираетъ первый и идетъ слѣдомъ за божественными женами; съ ними *Діана и Міа*.

На какой высотѣ аллегорической горы находятся теперь наши спутники, сказать трудно: они еще не далеко отъ перваго круга или только-что прошли его (*volgendo già del cerchio primo avanti*). Слѣдующія за тѣмъ видѣнія поэта болѣе всего относятся къ содержанію Тривіа, можетъ быть оправдывая предположеніе, сдѣланное нами выше относительно «двухъ прекрасныхъ дѣвъ»: вспомнимъ, что поэтъ поднимается отъ лѣса вверхъ, и что такимъ образомъ ихъ кругъ былъ ему по дорогѣ первый. Громкое ржаніе возвѣщаетъ Пегаса: «парнассскій звѣрь» несется по воздуху; у него ноги стальные, на головѣ рога; онъ останавливается на рубежѣ того круга, гдѣ Этика научаетъ человѣка быть счастливымъ, т. е. гдѣ царятъ нравственные добродѣтели; но потомъ новымъ полетомъ переносится между солнцемъ и звѣздами, гдѣ его украшаютъ золотою уздой и звѣздчатой попоной. Тысячи крылатыхъ духовъ, съ глазами посреди золотыхъ крыльевъ, распространяютъ свѣтъ и сладкую мелодію. «Ты не разспрашиваешь о томъ, что такъ поразило твою фантазію, хотя и горишь желаніемъ узнать», говоритъ поэту Костанца: «смотри-же, будь внимателенъ: ты увидишь флорентійскихъ поэтовъ, идущихъ вдоль по святой рѣкѣ». — «О великая богиня, увидѣть зеркала новаго латинства (*li spechi latini moderni*),—это можетъ прославить малаго и великаго». — «Сынъ мой,—отвѣчала она,—какимъ сокровищемъ обладалъ твой городъ, пока они были живы! Но онъ не призналъ ихъ и пренебрегъ ихъ соединенной доблестью.... Смотри, вонъ уже идетъ тотъ, кто посланъ для твоего спасенія и своими добродѣтелями навлекъ на себя такую ненависть въ твоёмъ отечествѣ. Но жалокъ и презрѣнъ тотъ, кого не ненавидятъ въ этомъ грѣшномъ мірѣ; и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока судная труба не зазвучитъ въ долині Іосаата». И Костанца показываетъ поэту тѣни Данте, Петрарки, Боккаччо и Заноби да Страта. «Тотъ, что въ трехцвѣтномъ платьѣ (*tripartita gonna*—м. б. аллегорія на трехчленное дѣленіе

Божественной Комедии?) покоится теперь въ Равеннѣ, при жизни онъ былъ большою опорою живущимъ; съ нимъ другой небесный духъ, котораго украсилъ лаврами тотъ, кто въ хорошее и ненастное время управлялъ Апуліей: я говорю о прекрасодушномъ Робертѣ; третій, прославившій Флоренцію, удостоился вѣнка изъ рукъ кипрскаго короля Гуго, и носилъ его съ честью, толкуя о живыхъ языческихъ богахъ (разумѣется De genealogia Deorum) и показывая, гдѣ лежитъ истина; послѣднiй, о комъ ты желаешь узнать, произвела Страта, вскормила Флоренція и увѣнчала король Луиджи. Теперь тебѣ все извѣстно, потому ускори шагъ, пока еще не скрылся сынъ Латоны». Поэтъ преклоняется передъ великими тѣнями, и Данте говоритъ ему такъ: «Ты избѣжалъ, милый сынъ мой, той юдоли, гдѣ люди теряютъ разсудокъ; благодари твою спутницу, она такъ милостива къ тебѣ и такъ радѣетъ о твоей славѣ. Мы были въ кругѣ Беатриче, созерцать которую—наше высшее блаженство, когда добрые духи, отъ которыхъ у васъ на землѣ исходитъ всякое первое побужденіе, прилетѣли съ пѣніемъ и такъ сказали: «О тѣни, своимъ блескомъ наполняющія небо! Изъ темной тропы Костанца цѣвела своего поклонника на эту поляну, къ первому кругу, со всѣхъ сторонъ обступившему холмъ. Онъ слышалъ ваши дивныя пѣсни, приведшія васъ къ такой славѣ, и, побуждаемый вашимъ примѣромъ, самъ пытается взобраться. Помогите ему достигнуть въ этой жизни побѣды и завершенія труда: такъ вы заслужите похвалы прѣвыше небесъ, и Костанца вамъ будетъ благодарна. Исполните это, прежде чѣмъ зашло солнце». А мы отвѣчали: намъ слѣдуетъ исполнить ея волю, мы счастливы повиноваться ея велѣніямъ. Мы отправились не мѣшкая—и теперь здѣсь, готовые повести тебя къ высшей жизни». Какія рѣчи слышалъ тогда авторъ! Каждое ихъ слово — изреченіе, которое передать невозможно. Это напоминаетъ подобную же смиренную фразу романиста.

Дальнѣйшее путешествіе поэта продолжается подъ руководствомъ не только Костанцы, но и самого Данте. Они видятъ тѣни знаменитыхъ ваятелей и живописцевъ: Фидій, Апеллесъ и Поликлетъ; Джьотто и Тамарисъ (?), «любезная дочь, объ руку съ своимъ отцемъ Михеонъ (?); Таддео Гадди ³¹⁶) и Андреа Орканья ³¹⁷) «изъ города краснаго знамени, въ рѣзбѣ показавшій свой талантъ»; наконецъ Ахименъ и какой-то Кафаморій

(Safamorio?). — Въ слѣдующемъ кругѣ помѣщены грамматики: слѣдомъ за Карментой, Папіасъ, Александръ, Грегисмъ (? Gregismo), Угуччоне и Донатъ; въ области другой богини — философы, Данте пересчитываетъ ихъ поэту: здѣсь Вильгельмъ Оккамъ, Тисберъ ""), Альбертъ Великій, Климентонъ "")) и Берле "")). Еще далѣе, и Данте объясняетъ, что они переступили въ новый кругъ и новое царство. «Я увидѣлъ здѣсь царицу, облеченную въ столь блестящія одежды, что утренняя звѣзда не свѣтится такъ ярко. Ей сопутствовали прекрасныя души, которыхъ имена мнѣ назвали ясно: здѣсь я увидѣлъ древняго Эрмагора, Горгія и другихъ Грековъ, Туллія, Квинтилиана и Тиціана, старика Алана (ab Insulis), Пьера делле Винье и Луиджи Джян-филянци, Алессандро дела' Антелла и Колуччіо, полнаго славы, потому что онъ славою вскормленъ. Сеннуччо (del Bene) не наглядится на эту богиню, Фаціо (дельи Уберти) еще не позабылъ любовныхъ вздоховъ. Всѣ они шли съ пѣніемъ, полные желанія».

Такъ внезапно кончается поэма. Окончена-ли она въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ—вотъ вопросъ. Частыя оплошности въ римахъ и неясность аллегорической системы даютъ поводъ въ этомъ сомнѣваться: если только позволено назвать системой неотстоявшуюся смѣсь дантовскихъ отголосковъ, аллегорій, заимствованныхъ отъ квадривія, и верхушекъ классической науки—все это лишенное органическаго единства, безъ котораго невозможно ни одно художественное произведеніе. Автору очевидно не достало творческой силы таланта, умѣющей сообщить плоть и кровь самымъ отвлеченнымъ образамъ фантазіи; но и болѣе того ему не доставало почвы народнаго преданія, а безъ него всякое произведеніе искусства должно явиться слабымъ и поблѣкшимъ. Если лица Божественной Комедіи представляются намъ живыми, полными силы и характера, то потому, что, выйдя изъ средне-вѣковой жизни съ ея вѣрованіями въ папство и имперію и легенды католичества и размѣстясь по ступенямъ дантовской трилогіи, они вмѣстѣ съ тѣмъ не вышли изъ своей жизненной роли: для нихъ исторія еще продолжается, они вѣрятъ и ненавидятъ и любятъ по прежнему,—воспоминаніями, надеждами, раскаяніемъ. Божественная Комедія—это необходимое продолженіе итальянскихъ среднихъ вѣковъ: ихъ идеальное восполненіе, народный судъ надъ лицами и событіями, передъ которыми сами осужденные могли-бы

преклониться, потому что онъ отвѣчалъ ихъ страхамъ и надеждамъ, подѣлившимся между Раемъ, Чистилищемъ и Адомъ. Это произведение въ полномъ смыслѣ символическое, какъ и все самобытно развившееся изъ народной мифической фантазіи, на почвѣ которой оно выросло. Говорить о поэмѣ Данте, усиленно указывая на ея аллегоріи, мы положительно не можемъ. Аллегорія предполагаетъ нѣчто исключительно личное, она является, когда самобытность народной фантазіи замутилась, единство преданій и повѣрій подалось передъ неорганическими вторженіями и чуждыми культурными струями, которыя ведутъ за собою неизбежный разрывъ между поэтомъ и народомъ, знаменующій новое время. Таковъ былъ между прочимъ одинъ изъ результатовъ классическаго возрожденія. Если-бы въ XV-мъ вѣкѣ кому нибудь вздумалось повторить путешествіе Данте, ему пришлось-бы отказаться отъ легенды и католической трилогіи, отъ ужасовъ смерти и блаженствъ рая, которыми населило ее народное воображеніе: они никого-бы не заинтересовали, чего добраго Никколи затѣялъ-бы споръ о монашескихъ бредняхъ, да и самъ поэтъ имъ не вѣрить и не понимаетъ; отдалившись, народъ унесъ съ собою свои преданія и поэтический символизмъ своихъ вымысловъ. Что остается дѣлать поэту? Онъ предоставленъ самому себѣ; аллегорія есть попытка чисто личнаго символизма. Такова поэма Джованни ди Герардо, аллегорическая и личная, пытающаяся замѣнить новостью изобрѣтенія пластическую красоту и прозрачность старыхъ народныхъ образовъ. Но ихъ ни чѣмъ не замѣнишь, и самъ поэтъ это чувствуетъ: вотъ почему онъ такъ старательно обставилъ свою поэму глоссами, заголовками и примѣчаніями на поляхъ, чтобы растолковать другимъ, что можетъ быть ему самому представлялось неясно; вотъ почему, назвавъ Діаной и Франческой символы дѣятельной и созерцательной жизни, онъ незамѣтно возвращается потомъ къ именамъ Ліи и Рахили, освященнымъ преданіемъ и примѣромъ Данте. Напрасный трудъ: ему не выйдти изъ аллегоріи; какъ ни переключиваетъ онъ въ стихи всѣ семь свободныхъ искусствъ; его Беатриче стала чистой аллегоріей, она поэзія и теологія вмѣстѣ, въ ней нѣтъ ни кровинки; самъ Данте, что вернулся живымъ изъ царства грѣшныхъ и блаженныхъ людей, обратился теперь въ какую-то тѣнь, и служить другимъ какъ чичероне, путаясь въ словахъ, будто долгое молчаніе въ самомъ дѣлѣ отняло у него способность связной рѣчи (Chi per

lungo silenzio reale (foco. Dante).—Однимъ словомъ поэма не могла удасться, и можетъ быть потому и не кончена, что явилась слишкомъ поздно.

За эпохой поэтическихъ видѣній и путешествій на тотъ свѣтъ, наступаетъ пора новеллы съ Боккаччо, Саккетти, саръ Джованни, Банделло и цѣлымъ рядомъ рассказчиковъ, разработывавшихъ этотъ родъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но веселаго общества Декамерона, съ его бесѣдами, остротами и декорацией, никому послѣ Боккаччо не удалось воспроизвести. Какъ бѣденъ замыселъ саръ Джованни, какъ несбыточны придуманные имъ разговоры между сестрой Сатурниной и фра Ауретто! Саккетти даже позабылъ связать свои новеллы какимъ нибудь общимъ планомъ. Мы думаемъ, что въ своемъ романѣ нашъ авторъ имѣлъ въ виду воспроизвести общество Декамерона, которому должно было отвѣчать общество Парадизо; но и этотъ трудъ остался неоконченнымъ, подобно поэмѣ, потому что подражательный, лишенный самобытности. Страстно преданный народно-поэтической школѣ, горячій поклонникъ Данте, Петрарки и Боккаччо, Джованни ди Герардо представляется намъ какимъ-то археологомъ въ поэзіи: его привязанности какія-то старосвѣтскія, запоздалыя; общество вышло на новые пути, а онъ усиленно старается вложить жизнь въ почтенныя формы древности, наивно ихъ копируя, и мы не колеблясь признали его портретъ въ томъ педантѣ, широковыщательномъ и немного напыщенномъ, который встрѣтился на дорогѣ автору анакомаго намъ риккардіанскаго роemetto (cod. rissard. 2254). Онъ возвращался изъ Прато, озабоченный нравственностью своего молодого, красиваго спутника; вдругъ, о ужасъ, на встрѣчу ѣдетъ Акветтино. (*)

La vesta sua d'un drappo di Soria
Del color propio di quello alimento
Che sopr'a tutti tien sua signoria;

Ahi quanto pare pien d'ogni ardimento!
E prima che mia vista il comprendesse,
Sospeso si fermò mirando attento.

*) «Одежда его изъ Сирійскаго сукна, цвѣта той стихіи, что владычествуетъ надъ всѣми (т. е. огненнаго). Какимъ отважнымъ онъ казался! Прежде чѣмъ я

I'non pensai perchè quel ciò facesse,
Ma seguitando pur nostro cammino
Fiso miravo se io lo conoscesse:

Ma quando tanto fui fatto vicino
Che la mia vista aperto lo comprese
Siccom'egli era il poeta Acquetтино,

«Ohimè, lasso, qui non fia difesa»,
Fra me incominciai: «però ch' ogni arte
E' sottoposta a lui senza contese».

E come presso fummo a quella parte
Là dove fermo avea il suo destriero,
D'esso smontato da lui si diparte,

E a noi giunto a mezzo del sentiero
Incominciò: «Colui, la cui virtute
Tutto tien sottoposto a suo impero,

Vi doni tanta della sua salute
Quanto disian quelle belle membra
Che tutte altre bellezze tengon mute.

Le qua'mirando la mente rimembra
Del bel Narcisse e del bel Pulidoro,
D'Ipolita, e di Leda i figli assembla:

Non perch'io creda che nessun di loro
A te, caro signor, mai fusse uguale,
E però sopr'a ogni altro Iddio t'adoro.

O faretrato Iddio che porti l'ale,
Г(тi) ringrazio di sì alto dono
Non conceduto mai a uom mortale!

распозналъ его, онъ остановился, внимательно вглядываясь. Я не понималъ, почему онъ это дѣлаетъ, и продолжалъ путь, вглядываясь въ свою очередь; и лишь на близкомъ разстоянн увидѣлъ, что это поэтъ Аккеттино. «Боже, какое несчастье», сказалъ я про себя, «тутъ нѣтъ спасенья: всякое искусство ему подручно». Когда подъѣхали мы къ мѣсту, гдѣ онъ остановилъ свою лошадь, онъ слѣзъ съ нея и, выйдя къ намъ на средину дороги, такъ началъ. «Тотъ, кто все содержитъ въ своей власти, да пошлетъ вамъ, чего пожелаютъ эти прекрасные члены, передъ которыми ничто всякая другая краса. Дивясь на нихъ, я вспоминаю Нарциса, Полидора, Ипполита и сыновей Леды, но не потому, чтобы кто-нибудь

Costui fia quello per cui il dolcie sono,
Qual'io compresi appiè del bel Parnaso,
Cantando moverò con alto tono;

E il già guasto Elniconico vaso
Per lui si spanderà con quel valore
Che mi fa degno di sì alto caso.

Ma perchè si confonda (sic) che tal signore
Si truovi in compagnia d'un tanto vile,
Che sia diminuzion di suo onore,

Pregare ardisco il tuo aspetto umile
Ch'a me concieda sì alta amistade,
Qual si conface solo ad uom gentile:

Ch'io ti prometto per la deidade
Che pria con doglia abbracciò'l verde lauro,
Che se ciercasse l'Arboree contrade

Insino all' Istro (cod. Ustro) e al mar Indo, al
Mauro,

Non troveresti alcun di me piu degno
Di tanto illustre e nobile tesauro».

E poi rivolto a me con fiero sdegno:
«Partiti, disse, d'esto loco, e lascia
Costui, qual fia sempre di me sostegno».

Io non rispuosi, ma al core un'ambascia
Subita giunse, e'ntorno agli occhi un velo
Di lagrime si fe'com'una fascia.

изъ нихъ могъ сравниться съ тобою, дорогой властелинъ мой, которому я поклоняюсь какъ божеству. О крылатый богъ, вооруженный колчаномъ, благодарю тебя за столь высокий даръ, недостижимый для смертнаго: для него я стану пѣть пѣсни, какимъ научился у подножья Парнаса, и засорившійся источникъ Геликона потечетъ такъ роскошно, что я стану достойнъ высокаго счастья. Но какимъ образомъ такой господинъ находится въ обществѣ столь низкомъ? Это умаляетъ твою честь, и я осмѣливаюсь просить твоей дружбы, которую ты долженъ оказывать лишь людямъ благороднымъ. Клянусь именемъ божества, впервые съ плачемъ обнявшаго зеленый лавръ (т. е. Аполлона), что ни у Гипербореевъ, ни на всемъ протяженіи между Истромъ и Индѣйскимъ и Мавританскимъ морями, ты не найдешь никого, кто-бы болѣе меня достойнъ былъ обладать такимъ сокровищемъ». — Затѣмъ, обратившись ко мнѣ: «Пойди прочь,—

Ma quel per cui dell'amoroso telo
Ferito fui da quell'alto signore,
La cui virtù conducie al terzo cielo,

Rivolto incominciò co'tal tenore:
«O degna fronte dello illustre serto,
Composto dalle nove (cod. nuove) sante suore,

Intesi ben vostro parlar coperto.
Vo'comandasti che costui abbandonì
E segua voi, profferendo gran merto;

Ma io vi giuro per gli eccelsi troni
Ch'a ciò ogni fatica saria vana:
Non che degni non sieno i vostri doni,

Ma perchè il mio cor serve Diana
Ch'è contraria al signor il quale vi muove.
Non dico più, però che chi la spiana

La guasta, e però qui le vostre pruove
Nulla varrieno: onde'l vostro cammino
Seguite, ch'io vi raccomando a Giove».

Chi avesse veduto l'Acquettino
Istupefatto al suon di ta'parole
E poi ricominciare il suo latino,

сказалъ онъ надменно и гнѣвно,—и оставь того, кому суждено быть моею опорой». Я ничего не отвѣчалъ, сердце мое сжалось, и глаза заволокли слезы; но тотъ, кто поразилъ меня стрѣлою Амура, властвующаго на третьемъ небѣ, такъ отвѣчалъ къ нему обратившись: «О ты, чье чело достойно славнаго вѣнка, сплетеннаго святыми музами! Я хорошо понялъ твои двусмысленныя рѣчи. Ты хочешь, чтобы я его оставилъ и последовалъ за тобою, и сулишь большія награды. Но, клянусь небомъ, твои усилія напрасны: не потому чтобы твои дары были недостаточны; но мое сердце служить Діанѣ, а она враждебна богу, который тобою движетъ. Больше я ничего не скажу, потому что кто поясняетъ, только портить. Итакъ продолжай свой путь, я поручаю тебя Зевсу». Кто посмотрѣлъ бы въ ту пору на Акветтино, ошеломленнаго такими словами, тотъ посмѣялся бы; онъ еще нѣсколько разъ принимался говорить, но видя что напрасно, предпочелъ свернуть паруса и отправился далѣе, проклиная солнце и обѣщая сжечь всѣ свои творенія».

Arebbe riso: ch  tutte eran fole,
Perch  diliber  raccor le carte
E dipartissi bestemiando il sole,

Disposto in tutto d'arder le sue carte.

Видно онъ плохо исполнилъ свое намѣреніе, потому что изъ оставшихся бумагъ намъ удалось извлечь то немногое, что вообще мы знаемъ о ихъ авторѣ.

VI.

НОВЕЛЛЫ.

Наша рукопись, какъ мы уже сказали, заглавія не имѣтъ; удаченъ-ли выборъ нашего заглавія,—пусть судить читатель: раздѣленное между аллегорическимъ путешествіемъ въ царство Венеры, хожденіемъ къ святымъ мѣстамъ Казентино, Флоренціей и виллой Альберти, дѣйствіе романа здѣсь окончательно успокоивается; сюда собралась большая часть общества, здѣсь рассказываются самыя веселыя новеллы, идутъ самыя интересные разговоры. Намъ могутъ замѣтить, что названіе *романа* употреблено нами въ современномъ смыслѣ, которому нѣтъ примѣровъ въ старо-итальянской литературѣ, гдѣ *romanzo* означало нѣчто совершенно другое. Но всякій пойметъ, что обозначеніемъ новеллъ мы ограничиться не могли, когда дѣло не столько въ нихъ, сколько въ той романической канвѣ, куда онѣ вставлены. Читатель во всякомъ случаѣ предупрежденъ, что названіе *романа* принадлежитъ намъ.

Дать отчетъ въ критическихъ правилахъ, руководившихъ нами при изданіи итальянскаго текста, мы находимъ тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что самаго текста не будетъ передъ глазами русскаго читателя. Мы сказали объ этомъ подробно въ нашемъ итальянскомъ изданіи и здѣсь намѣрены ограничиться лишь самыми общими указаніями. Дѣло шло о передачѣ автографа; помимо него у насъ не было ни одного списка, который могъ-бы послужить намъ подспорьемъ. Это какъ будто облегчало задачу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и затрудняло ее: правописаніе автора не вездѣ ровное, иногда приближающееся къ латинскому, иногда къ современному итальянскому, отъ котораго впрочемъ онъ часто отступаетъ, удваивая согласныя *t, l, m, n, p* и т. п., гдѣ

того не требует ни этимологія, ни ореографическій *usus*, и наоборотъ, не удваивая ихъ, гдѣ слѣдуетъ. Видѣть во всемъ этомъ описки мы не могли, онѣ слишкомъ часты; съ другой стороны, знакомство автора съ латинскимъ употребленіемъ не позволяетъ намъ отнести ихъ на счетъ его невѣжества. Скорѣе всего видѣть въ этихъ странныхъ аномаліяхъ отголосокъ современнаго говора, слышнаго и теперь; такъ пристрастіе автора къ *ch*, которымъ онъ замѣняетъ *s*, обличаетъ извѣстный всѣмъ флорентинизмъ произношенія. Между всѣми эти соображеніями предстояло выбрать средній путь, чтобы и сохранить характеръ автографа, и удалить то нехарактерное, что ненужнымъ образомъ пестрило-бы текстъ. Воспроизвести съ дипломатическою точностью памятникъ XV-го вѣка—объ этомъ не могло быть и рѣчи, потому что филологическая добыча могла быть только скудная. Разумѣется, мы бережно сохранили все, что носило печать 'діалекта, 'мѣстности и т. п., и писали вмѣстѣ съ авторомъ: *obrigato* (*obligato*), *sprendide* (*splendide*), *enimica* (*inimica*), *metamatica* (*matematica*) и т. п.

Перейдемъ къ новелламъ.

Новелла I: О началѣ города Прато (кн. II, стр. 102—171). По взятіи Троянскаго города Пидазонта, Улиссъ встрѣчаетъ въ толпѣ плѣнниковъ Мелиссу, дочь царя Пидазія, и женится на ней, общая ей, что она будетъ не рабыней, а подругой его Пенелопы. Не долго прожила Мелисса: родила дочку, которую назвала своимъ именемъ, и умерла, оплакиваемая всѣми. Съ тѣхъ поръ всѣ мысли Улисса обратились къ дочери. Между тѣмъ Троя взята, и пришло для Грековъ время возвращаться во-свойси. Послѣ долгихъ блужданій Улиссъ пристаеъ къ острову Цирцеи. Нѣжная любовь отца къ юной Мелиссѣ возбуждаетъ ревность волшебницы; на пиру она подаетъ ей одной очарованный напитокъ, отъ чего Мелисса обращается въ ястреба (*spragiere*, голубятникъ) и улетаетъ на виду у всѣхъ. Отецъ неутѣшенъ. Здѣсь собственно начинается сказка. Съ теплымъ вѣтромъ, поднявшимся отъ песковъ Эѳіопіи, ястребъ—Мелисса доносится до вершинъ древняго Фьезоле; понуждаемый голодомъ, охотясь за дроздомъ вдоль по рѣкѣ Муньоне, онъ схватилъ-было свою жертву надъ водою, но самъ попалъ въ нее, не рассчитавъ полета и запутавшись въ побережномъ кустарникѣ. Такъ находился онъ между жизнью и смертью, какъ неожиданно приспѣла помощь. Былъ въ то время царемъ Этрусковъ Камерій; онъ очень уважалъ божество благотворнаго Яна и каждый годъ обсыпалъ его святилище, на око-

нечности Лигурии, гдѣ теперь Генуя (Giano—Gianova). Случилось такъ, что въ то самое утро, когда Мелисса попала въ волны Муньоне, четыре царственные юноши, посланные Камеріемъ къ святилищу Яна, проѣзжали мимо: Лаэртъ, Целій, Септимій и Резій. Лаэртъ, ѣхавшій впереди, первый увидѣлъ выбивавшагося въ надводныхъ кустахъ ястреба и умолилъ спутниковъ высвободить его. Целій, ѣхавшій къ нему всего ближе, тотчасъ-же бросился въ воду и высвободилъ изъ кустовъ полумертвую птицу. Тутъ подошелъ разумный Септимій, призналъ, что ястребъ хорошій, калабрійской породы, и побуждалъ Целія позаботиться о немъ, осушить и отогрѣть его. Когда прибыли они потомъ на стоянку, Септимій опять напомнилъ о ястребѣ; посмотрѣли, а тотъ еле живъ. Тогда Резій крикнулъ хозяину, нѣтъ-ли у него какой живой птички, чтобы покормить ястреба. Пока ходили за кормомъ, подошли съ горъ крестьянки, предлагая въ корзинахъ померанцы, цвѣтущій шафранъ и пахучую мелиссу (тельникъ, маточникъ). Резій беретъ въ руки померанецъ и нѣсколько листовъ мелиссы и шафрана; ястребъ—Мелисса, полагая что ему принесли кормъ, едва дотронулся клювомъ до соименной травы, какъ принялъ свой прежній образъ красивой дѣвушки. Что за обладаніе ею будутъ спорить четыре юноши, понятно изъ самаго хода разсказа: Лаэртъ первый увидѣлъ ее, Целій высвободилъ изъ воды, Септимій заботился о ней, наконецъ Резій, хотя и случайно, возвратилъ ей человѣческій образъ. [Латинская помѣтка автора на поляхъ рукописи выражаетъ это такъ: *Visio Laertis, Celii captio, Settimii memoria, Resii redditio*. Кому изъ нихъ достанется дѣвушка?

Мы имѣемъ дѣло съ старой индоевропейской сказкой, распространенной въ разнообразныхъ редакціяхъ отъ преданій Индіи, отъ Шиддикюръ и Тысячи и одной ночи, до Мадагаскара и европейскаго сѣвера. Первообразъ ея мы думаемъ найдти въ извѣстной сказкѣ о *благодарныхъ звѣряхъ*, сопутствующихъ герою и помогающихъ ему въ его предпріятіяхъ; на болѣе поздней, антропоморфической степени развитія, которая также закрѣплена во множествѣ пересказовъ, звѣри помощники обращаются въ дивныхъ людей, одаренныхъ необычайными качествами силы, прозорливости, слуха, и становящихся въ такія-же служебныя отношенія къ герою, въ какихъ прежде стояли звѣри. Отсюда легко было выработаться третьей формѣ сказанія, отмѣчающей переходъ отъ міеологической точки зрѣнія къ исторической: вмѣ-

сто героя, сопровождаемого въ своихъ подвигахъ какими-то чудными существами, сверхъестественными силами, являются нѣсколько героевъ, дѣйствующихъ сообща и взаимно восполняющихъ другъ друга то особою, присущею имъ силою, то какимъ-либо особымъ умѣньемъ. Какъ видно, и на этой степени формальнаго развитія сказочные типы могли принять различныя формы, смотря по тому, на сколько ими овладѣло болѣе человеческое, историческое пониманіе жизни: сказочные братья-герои являются иногда обладателями чудесныхъ талисмановъ, за которыми они ходили на поиски и которые сообщаютъ имъ такую-же сверхъестественную способность видѣть что-нибудь на далекомъ разстояніи, легко переноситься съ мѣста на мѣсто и т. п., какую въ предъидущемъ разрядѣ сказокъ обнаруживаютъ таинственные помощники одинокаго героя, замѣнившіе благодарныхъ звѣрей первобытной редакціи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сила еще приходитъ къ герою или героямъ извнѣ, въ магическомъ талисманѣ, либо чудесныхъ помощникахъ—таковъ характеръ нѣкоторыхъ восточныхъ редакцій; но она-же можетъ развиваться изъ самого человека, путемъ труда и опыта—и вотъ на мѣсто братьевъ-героевъ, сильныхъ волшебною помощью талисмановъ, являются братья художники, семь Семіоновъ, каждый изъ нихъ ходитъ въ науку, научился какому нибудь ремеслу и сталъ мастеромъ своего дѣла. Мифическая почва незамѣтно перешла въ историческую и продолжаетъ отзываться только въ подробностяхъ, какія сообщаются о хитромъ мастерствѣ и сноровкѣ братьевъ-художниковъ. Обыкновенно выказывается то и другое на подвигѣ, предпринятомъ сообща: иногда надо бываетъ достать себѣ пропитанье, иногда оживить дѣвушку, тигра, льва, кого другаго; или освободить свѣтлую красавицу, похищенную темною силой. Иногда является тутъ третье лице, царь, для кого и добывается красавица; но большею частью братья не руководятся чужими интересами и дѣйствуютъ сами собою, одинъ помогая другому своимъ особымъ умѣньемъ, такъ что и обойтись имъ одному безъ другаго невозможно, и изъ общаго дѣла ни одной силы не выкинуть. Понятно, что, когда предпріятіе удалось, поднимется вопросъ, кому должна принадлежать красавица; каждый предъявить одинаковое право и указать на свое участіе въ дѣлѣ, безъ чего и самое дѣло не состоялось-бы,—и начнется между ними безконечный споръ.

Всѣ указанныя разновидности сказанія встрѣчаются въ индѣй-

скихъ источникахъ, или въ такихъ, которые съ достовѣрностью могутъ быть къ нимъ возведены.

Комментируя 11-й рассказъ I-й книги Панчатантры, гдѣ сынъ царя, купца и ученаго отправляются на гору Рохана добывать драгоценныхъ камней, Бенфей (Pantschatantra, II, § 104 и 232) сличаетъ между прочимъ повѣсть изъ Mackenzie Collection, I, 321, о приключеніяхъ принца Срингарасекхара и его трехъ друзей, сыновей министра, банкира и продавца опьяняющихъ напитковъ, изъ которыхъ послѣдній оживляетъ отравленнаго принца. То же самое отношеніе находитъ Бенфей между рассказомъ Панчатантры и 18-й главой Калилы и Димны по рецензіи Сильвестра де Саси, за которой трудно не признать индѣйскаго прототипа. Сообщаемъ здѣсь ея содержаніе по переводу Вольфа и съ отыѣнами стараго греческаго пересказа, извѣстнаго подъ названіемъ Стеванита и Ихнилата. Философъ Бидпай рассказываетъ царю Дабшелиму: четверо юношей встрѣтилось на дорогѣ; одинъ царскій сынъ, другой купеческій, третій—красивый собою—сынъ именитаго человѣка, четвертый—сынъ крестьянина. Бѣдные и несчастные, у нихъ только и было своего, что одежда. Идя путемъ-дорогою, они говорили о своихъ дѣлахъ, и каждый выразилъ свое мнѣніе. «Все въ свѣтѣ зависитъ отъ Бога,—сказалъ царевичъ:—что суждено человѣку, то съ нимъ и приключится; потому лучше всего отдаться на волю Божію, съ терпѣніемъ ожидая, что выйдетъ». Сынъ купца былъ другаго мнѣнія: для него выше всего благоразуміе, какъ для дворянскаго сына—красота, для крестьянскаго—трудъ. Достигши города Метрунъ (Methrun, Mathrun, въ которомъ Бенфей призналъ санскр. Mathura; въ греческомъ текстѣ городъ не названъ), они сѣли держать совѣтъ и рѣшили, чтобы крестьянскому сыну на первый день позаботиться о пищѣ для всѣхъ. Онъ отправился въ городъ и ноской дровъ, товара, который тамъ всего дороже цѣнился, заработалъ диргемъ. Купивъ на него съѣстнаго, онъ выходя написалъ на городскихъ воротахъ: физическимъ трудомъ человѣкъ зарабатываетъ въ день диргемъ (въ греческомъ текстѣ: Μίας ἡμέρας μόχθος ἀνδρας ἐχόρεσε τέσσαρας).

На слѣдующій день досталось идти красивому человѣку: не зная, какимъ способомъ достать денегъ, онъ задремалъ, прислонясь къ дереву. Такъ увидѣла его жена одного изъ именитыхъ людей города и, плѣнившись его красотой, велѣла позвать. Съ ней онъ весело провелъ весь день и, возвращаясь съ 500-ми

диргемами, не забывъ помѣтить это на воротахъ города (въ греческомъ: *μιάς ἡμέρας κάλλος τροφάς ἀνδράσιν ἐφωρήγησε τέσσαρσιν* (?).)—Благоразумный разсчитъ купца доставилъ ему 100000 диргемовъ (Ibid. *ἡ ἐμπορία μιάς ἡμέρας ὠφέλησε χίλια νομίσματα*). Послѣднему досталось идти царевичу; сидя у городскихъ воротъ, онъ видитъ, какъ несутъ хоронить царя той страны, умершаго безъ наслѣдниковъ. Всѣ въ горѣ, онъ одинъ не плачетъ; схваченный и спрошенный о причинахъ такой несвоевременной веселости, онъ объявляетъ себя сыномъ Февиранскаго царя (греч. текстъ: *υἱὸς Σανταμῶν τοῦ βασιλέως*), убѣжавшимъ отъ козней брата; вслѣдствіе этого его избираютъ царемъ, сажаютъ на бѣлаго слона и, по обычаю страны, водятъ по городу. На воротахъ онъ читаетъ надписи своихъ спутниковъ, къ которымъ велитъ прибавить свою: что трудъ, красота и благоразуміе, и все, что хорошаго или дурнаго приключается въ свѣтѣ человѣку, все находится въ рукахъ божественнаго Провидѣнія, какъ подтвердилось на немъ. См. *Das Buch des Weisen in lust und lehrreichen Erzählungen des indischen Philosophen Bidpai, aus dem arabischen von Philipp Wolf, 2 Auflage, 2 Theile. Stuttgart, Scheible 1839; 2-er Theil pp. 108—122, Vierzehntes Buch: Der Königssohn und seine Freunde.*—*Specimen sapientiae indorum veterum, id est liber ethico—politicus pervetustus, dictus Arabice Kylile et Dihmne, graece Στεφανίτης καὶ Ἰγνυλάτης. Nunc primus ex Ms. cod. Holsteiniano prodit cum versione nova latina, opera Sebast. Gottofr. Starkii. Berolini sumtibus Ioh. Michael. Rüdigeri et т. д. 1697: Sectio duodecima, pp. 453—67.*—Замѣтимъ, что и разсказъ Панчатантры кончается возведеніемъ на царство сына царя.

Другая повѣсть Панчатантры V, 4, также комментированная Бенѣемъ (*Pantschat. I, § 204*), еще ближе къ указанному нами сказочному мотиву. Изъ четырехъ сыновей брамина трое научены всѣмъ наукамъ, но лишены благоразумія; у четвертаго много благоразумія и нѣтъ науки. Они находятъ въ лѣсу львиныя кости: одинъ сложилъ ихъ, другой одѣлъ тѣломъ и кожей, третій оживилъ ихъ; но благоразумный счелъ за лучшее влѣзть на дерево и такимъ образомъ спастся, потому что ожившій левъ умертвилъ всѣхъ остальныхъ.—Въ Веталаланчавиншати мѣсто льва занимаетъ тигръ, въ Бахаръ-Данушъ (II, 290)—корова; въ (персидскомъ) Тути-намѣ Кадири (*Iken, V, 37*) и въ турецкомъ по изданію Розена (I, 151)—дѣвушка: столяръ сдѣлалъ ее изъ дерева, золотыхъ дѣлъ мастеръ украсилъ драгоценно-

стями, портной одѣлъ, отшельникъ вдохнулъ въ нее душу; всякій, кто только видитъ красавицу, изъявляетъ на нее свои права, и затрудненіе неизвѣстно какъ-бы разрѣшилось, еслибы не разверзлось дерево, къ которому прислонилась дѣвушка, и не поглотило ее.—Въ четвертой сказкѣ попугая персидскаго Тути-намѣ мотивъ оживленія замѣненъ другимъ: на сценѣ трое юношей; одинъ изъ нихъ предвидитъ будущее и умѣетъ находить потерянные вещи; у другаго деревянная лошадь, на ней онъ носится по воздуху, куда пожелаетъ; третій—стрѣлокъ, никогда не минующій дѣли. Они открываютъ и скрадываютъ красавицу, которую волшебница стерегла на неприступной горѣ и, какъ всегда, вступаютъ въ споръ за обладаніе своею добычей.—И здѣсь оригинала слѣдуетъ искать въ индѣйскомъ Шукасапатаи, изъ котораго потекла турецкая и персидская редакція Тути-намѣ.

Ближе къ турецкому пересказу—Арджи Борджи, монгольская передѣлка санскритскаго Викрамачаритра. Четверо юношей пасли свои стада въ одномъ мѣстѣ; случилось, что одинъ изъ нихъ пришелъ раньше и, чтобы дать знать своимъ товарищамъ, что онъ былъ здѣсь, сдѣлалъ изъ дерева фигуру женщины. Второй окрасилъ ее въ желтый цвѣтъ, третій добавилъ характеристическіе знаки (*gab ihr noch die charakteristischen zeichen*), четвертый сообщилъ душу. Когда между ними затѣвается извѣстный споръ, Наранъ-Дакини, которой Викрамачаритръ рассказываетъ все это, чтобы вывести ее изъ молчанія, рѣшаетъ въ пользу послѣдняго, сравнивая перваго съ отцемъ, втораго съ матерью, третьяго съ ламой или отцемъ духовнымъ, четвертаго съ мужемъ,—ему и должна принадлежать красавица. См. Bernhard Jülg, *Mongolische Märchen. Die neun Nachtrags-Erzählungen des Siddhi-kür und die Geschichte des Ardschi—Bordschi Chan*, pp. 101—2: *Die hölzerne Frau*, и относящееся сюда примѣчаніе. Бенфей сравниваетъ съ этимъ чешскую сказку Moudry Zlatník; роль молчаливой Наранъ-Дакини играетъ царица, у которой чары отняли языкъ. Придя въ ея покои, Радошъ становится передъ ея портретомъ и говоритъ: «*Rozhodni ty, obraze krásný, krutý boj, jenž se v hradě tem vede; řezbař udělal pannu, krejčí na ni ušil šaty, ale mluvce jí dal řeč. Komu nyní ta panna náleží?*» И царица отвѣчала: «*Komu by náležela, než mluvci, který jí dal řeč?*» См. *Sebrané spisy Boženy Němcové, V Díl: Národní báchorky a pověsti*, стр. 159—167.

Изъ рассказовъ Шиддикюръ, монгольской передѣлки санскритскаго Веталапанчавиншати, относится сюда первая повѣсть.

Шестеро юношей, сыновья разныхъ отцевъ, покидаютъ родительскій домъ и идутъ странствовать. Достигнувъ устья шести рѣкъ, они расходятся въ разные стороны, искать счастья, но передъ разставаньемъ каждый изъ нихъ садитъ дерево у устья рѣки, вдоль которой намѣренъ идти. Они общаются другъ другу сойтись въ данномъ мѣстѣ и кладутъ зарокъ, что, если кто-нибудь изъ нихъ не вернется, или его дерево завянетъ, всѣ отправятся его искать. Первый изъ молодыхъ людей, сынъ богатаго человѣка, женится на красавицѣ, но она приглянулась могучему хану, тотъ велитъ убить мужа и похоронить его подъ скалою. Между тѣмъ его товарищи вернулись по уговору, увидѣли увядшее дерево и отправляются на поиски. Сынъ счетчика рассчиталъ, что ихъ спутникъ погребенъ подъ такой-то скалою; сынъ кузнеца раскололъ ее, сынъ врача воскресилъ покойника живительнымъ напиткомъ; сынъ столяра сдѣлалъ изъ дерева Гаруду (миѣическая птица), которую сынъ живописца раскрасилъ. Въ нее садится сынъ богатаго и летитъ во дворецъ хана, который поручаетъ похищенной дѣвушкѣ кормить чудную птицу. Вскорѣ мужъ и жена узнаютъ другъ друга и бѣгутъ при помощи Гаруды къ поджидавшимъ спутникамъ, но тѣ въ свою очередь влюбляются въ красавицу; каждый изъ нихъ хотѣлъ-бы имѣть ее своею, но имъ только удастся разорвать ее на части. См. *Die Märchen des Siddhi-kür. Kalmükischer Text mit deutscher Uebersetzung und einem Kalmükisch—deutschen Wörterbuch, herausgegeben von B. Jülg. Leipzig, Brockhaus. 1866.*

Въ слѣдующихъ восточныхъ редакціяхъ тоже содержаніе мотивируется нѣсколько иначе; мы имѣемъ въ виду 236-й рассказъ Тысячи и одной ночи: Исторія принца Ахмеда и Феи Пари-Бану. Трое сыновей султана, Гуссейнъ, Али и Ахмедъ влюбляются въ свою двоюродную сестру, прекрасную Нуруннихаръ. Отцу не удастся ихъ согласить, ни убѣдить ихъ отдаться на судъ принцессы; съ другой стороны—онъ не рѣшается отдать кому-нибудь изъ нихъ преимущество передъ другими. Потому онъ посылаетъ ихъ странствовать, обѣщая отдать красавицу тому, кто привезетъ ему черезъ годъ самую рѣдкую и невиданную диковинку. Всѣ трое отправляются, переодѣтые купцами. Гуссейнъ, прибывъ въ царство Биснагаръ, приобретаетъ за громадные деньги коверъ, имѣвшій чудное свойство переноситься съ мѣста на мѣсто, по желанію сидѣвшаго на немъ; Али покупаетъ въ Персіи зрительную трубу изъ слоновой кости, въ которую ея владѣлецъ

могъ видѣть все, что ему захочется; третій братъ, Ахмедъ, привозитъ изъ Самарканда диковинное яблоко: стоило только по-нюхать его больному, чтобы выздоровѣть. Когда черезъ годъ всѣ они сошлись, и каждый хвалится своимъ приобретениемъ, Гуссейнъ смотритъ въ зрительную трубу Али, съ желаніемъ увидѣть свою возлюбленную Нуруннихаръ, и видитъ ее въ постели, больную при смерти, окруженную плачущими женщинами и евухами. Тогда всѣ садятся на коверъ Гуссейна, переносятся въ комнату больной, и яблоко Ахмеда возвращаетъ ей здоровье. Отцу снова предстоитъ рѣшеніе: Гуссейнъ очевидно ничего не могъ-бы сдѣлать безъ зрительной трубы Али, и тотъ и другой ничего безъ яблока Ахмеда. Рѣшеніе спора предоставляется состязанію въ стрѣльбѣ изъ лука, и вторая часть сказки развиваетъ содержаніе, неизмѣющее ничего общаго съ первой. См. *Mille et une nuits, contes arabes, traduits en français par Galland, nouvelle édition augmentée de plusieurs contes et accompagnée de notes et d'un essai historique sur les Mille et une nuits par A. Loiseleur—Deslongchamps, publiée sous la direction de M. L. Aimé Martin. Paris, Société du panthéon littéraire. 1841, pp. 610—41.*—Та же повѣсть встрѣчается въ нѣсколькихъ другихъ восточныхъ пересказахъ: такъ въ арабскомъ у Langlès: *Contes, fables et sentences tirés de divers auteurs arabes ou persans, Paris, 1788 in 8-o, p. 66: Choix incertain*; и въ персидскомъ, гдѣ точно также трое юношей ухаживаютъ за дѣвушкой, которая заболѣла и умираетъ. Когда несутъ ее хоронить, одинъ изъ влюбленныхъ, сопровождавшихъ печальное шествіе, приподнимаетъ покрывало съ умершей, чтобы полюбоваться на нее въ послѣдній разъ; другому показалось, что жизнь въ ней еще не совсѣмъ угасла, послѣ чего третій воскрешаетъ ее своими чарами. Ему она и достается послѣ долгихъ споровъ. См. *Trône enchanté, conte indien traduit du persan par le baron Lescailler, New-York, 1817; 1-r vol. p. 200 suiv.*—Въ Синдабадъ-намѣ побѣда остается за воиномъ: путешественникъ открываетъ, гдѣ спрятана похищенная красавица, воръ скрадываетъ ее, воинъ защищаетъ ее отъ демоновъ, врачъ излѣчиваетъ ея раны. Это уже напоминаетъ развитіе того-же сюжета въ европейскихъ сказкахъ. Что и въ сказкахъ современнаго востока тотъ-же сюжетъ продолжаетъ повторяться, доказывается не только его негритянскою редакціей у Kölle, стр. 145 (извѣстной намъ только по цитатѣ у Гримма), но и бирманской, о которой Бенфей не зналъ, и которую Либ-

рехтъ приводитъ изъ книги Уинтера: *Six Months in British Burmah: or India beyond the Ganges in 1857. By Christopher T. Winter. London 1858. Bentley.* См. *Jahrbuch für romanische und englische Literatur*, II, 2, стр. 123—4. Къ нимъ мы можемъ присоединить теперь мадагаскарскую, незнакомую ни Бенфею ни Либрехту: три человѣка встрѣтились; одинъ искусный медикъ, другой обладаетъ острымъ зрѣніемъ, третій необычайною силой. Я вижу, что царская дочь нездорова, говоритъ остроглазый, обратясь къ южной сторонѣ острова. Еслибъ я былъ тамъ, я-бы ее вылѣчилъ, отвѣчаетъ врачъ. Сядьте въ мою лодку, предлагаетъ силачъ и нѣсколькими ударами весла (*ragaie*) привозитъ ихъ къ указанному мѣсту. Врачъ вылѣчиваетъ дѣвушку, руку которой царь назначилъ тому, кто ее спасетъ. Но кому достанется награда? Всѣ трое предъявляютъ на нее права; такъ вопросъ и остается нерѣшеннымъ до сего дня. См. *Révue des cours littéraires de la France et de l'étranger*, 1865: *Souvenirs de Madagascar, conférences de M. D. Charmay*, p. 210.

Переходя къ европейскимъ сказкамъ того-же цикла, укажемъ на нѣкоторыя общія черты, отличающія ихъ отъ восточныхъ. Мѣра таинственности уменьшилась: талисманы и чудесные дары замѣнило умѣнье, пріобрѣтенное опытомъ и наукой; понятіе касты, сословія исчезло: въ большей части восточныхъ пересказовъ юноши являются — одинъ царевичемъ, другой сыномъ живописца, брамина, кузнеца и т. п.; на западѣ они большею частію сыновья одного отца, иногда близнецы, какъ семь Семіоновъ, и разницу между ними полагаетъ знаніе и долгій искусъ въ какомъ нибудь ремеслѣ. Точка зрѣнія очевидно подвинулась впередъ, отвѣчая историческому измѣненію общественныхъ условий. Такъ въ нѣмецкой сказкѣ четыре сына бѣдняка странствуютъ по свѣту, ища счастья, и каждый изъ нихъ чему нибудь научился и сталъ знатокомъ своего дѣла: старшій воромъ, второй астрономомъ, третій охотникомъ, четвертый портнымъ. Всѣ участвуютъ въ спасеніи царевны, унесенной дракономъ: астрономъ открываетъ ее сидящую на утесѣ среди моря, воръ ее похищаетъ, охотникъ убиваетъ преслѣдовавшаго ихъ дракона, который, падая съ высоты, разбиваетъ корабль; тогда портной, при помощи своей чудодѣйственной иглы, сшиваетъ его снова изъ щепъ. Царь сулитъ руку своей дочери тому изъ нихъ, кого сами они сочтутъ достойнѣйшимъ; но такъ какъ никто не хочетъ поступиться своимъ правомъ, и всякій одинаково указы-

ваетъ, что безъ его участія дѣло-бы не состоялось, каждому изъ нихъ дано по полуцарства, и споръ на томъ кончается. См. Grimm, *Kinder und Hausmärchen*, N. 129: *Die vier kunstreichen Brüder*; Wolf, *Zeitschrift für deutsche Mythologie*, vol. I, pag. 338; Grundtvig, *Gamle danske Minder*, vol. 2, p. 27. — R. Köhler (*Jahrbuch f. roman. und. engl. Lit.* VII, 1, стр. 33—36) сообщаетъ со словъ Штейншнейдера еврейско-нѣмецкую сказку, своими подробностями всего ближе подходящую къ нашимъ семи Семіонамъ, почему издатель предполагаетъ возможнымъ, что источникъ у нихъ былъ общій. Сообщать здѣсь русскую сказку мы считаемъ тѣмъ болѣе лишнимъ, что каждый можетъ прочесть ее въ изданіи Аванасьева II, 26; III, 12; VI, 31 и пр., гдѣ найдетъ указанія на сходныя славянскія у Валявца, стр. 44—7, и Венцига, *West-slavischer Märchenschatz* стр. 140—3 (на сходную сказку изъ собранія Божены Нѣмцовой указано нами выше). Мадыарская сказка у Штира, *Ungarische Volksmärchen*, стр. 61 и слѣд., на которую указываютъ Гриммы, вовсе сюда не относится.

Переходя къ итальянскимъ новелламъ, мы можемъ только сожалѣть, что самая старая редакція, найденная нами въ рукописи XIV вѣка (*cod. palatino, serie Panciatichi, № 138: Viaggio d'Oltremare e libro di bel parlar gentile, fol. 87 r.—88 v.*), сохранилась только въ отрывкахъ. Она начинается такъ: Былъ въ то время король въ Іерусалимѣ и у него четыре сына (*I' re di Gerusalemme a quello tempo si avea quattro figliuoli*), большіе расточители; чтобы не проѣсть своего королевства, они удалились изъ страны на десять лѣтъ. Первый братъ отправился въ Парижъ изучать науки (*istudiare in tutte iscienzie*); второй въ Сицилію, гдѣ становится хорошимъ стрѣлкомъ; третій не нашелъ въ Каталоніи ничего кромѣ воровъ (*altro che ladroni*), почему и самъ имъ сдѣлался (*sicchè questo convenne ch'elli apparasse*); четвертый научился въ Генуѣ строить корабли и лодки. Когда всѣ четверо возвращаются къ назначенному сроку, отецъ испытываетъ знанія каждаго, и новелла кончается общимъ предпріятіемъ братьевъ, освобождающихъ дѣвушку, которую змѣй сторожилъ на островѣ.

За тѣмъ намъ остается рассмотреть новеллы Базиле и Старапаролы, съ которыми латинскій рассказъ Морлини (80-й въ изданіи Jannet, *Biblioth. Elzev.*) сходенъ во всѣхъ подробностяхъ и даже выраженіяхъ. Жилъ былъ однажды добрый человѣкъ, по имени Пачоне, рассказываетъ у Базиле Чьулла; у него было пять сыновей, такихъ ледащихъ и никуда негодныхъ, что бѣдный отецъ,

не будучи въ состояніи ихъ долѣе кормить, рѣшился отъ нихъ отвязаться.—Сыны мои, сказалъ онъ имъ,—Богъ видитъ, что я васъ люблю, потому что въ концѣ концовъ вы вышли изъ чреслъ моихъ; но я уже старъ и не могу много работать, а вы молоды и аппетитъ у васъ хорошій; не могу я васъ содержать какъ прежде: каждый за себя, а Господь за всѣхъ. Идите вы себѣ искать хозяевъ и научиться какому нибудь мастерству; я васъ жду черезъ годъ.—Когда по истеченіи срока отецъ пытается умѣнье каждаго, Луччо, старшій, говоритъ, что научился воровству, Титилло умѣетъ строить барки, Ренцоне такъ стрѣляетъ изъ лука, что попадетъ въ глазъ пѣтуху; Якуччо знаетъ траву, воскрешающую мертвыхъ; Менекуччо понимаетъ птичій языкъ. Кстати, птица на сосѣднемъ деревѣ рассказываетъ ему, что дикій человѣкъ (уогсо) похитилъ дочь царя Аутогверфо (ge d'Autoguerfo) и держитъ ее на утесистомъ островѣ; и что царь кликнулъ кличъ: кто возвратитъ ему дочь, тотъ получитъ ея руку. Отецъ и сыновья согласились попытать счастья, и царь подтвердилъ имъ обѣщаніе. На лодкѣ, которую сдѣлалъ Титилло, они подѣзжаютъ къ острову; дикій человѣкъ спалъ на солнцѣ, положивъ голову на колѣна царевны, по имени Чьянна; они кладутъ камень подъ голову спящаго,—вѣроятно продѣлка вора Луччо, которому иначе не пришлось-бы въ новеллѣ показать свое умѣнье,—и спасаются на лодкѣ вмѣстѣ съ дѣвушкой. Чудовище преслѣдуетъ ихъ, обратившись въ темную тучу, но Ренцоне пронзаетъ его своею стрѣлой; Чьянна умираетъ со страха, но едва они достигли берега Аутогверо, какъ Якуччо нашелъ цѣлебную траву и воскрешаетъ ее. Въ присутствіи царя всѣ пятеро спорятъ о томъ, кто больше показалъ искусства и заслужилъ награды; но отецъ всѣхъ перебиваетъ: ему одолжены сыновья, что вышли людьми; на его деньги они научились, а то были-бы болванами. Ему и присуждается красавица. См. *Lo cunto de li cunti*, Napoli, presso Antonio Bulifon, 1674, giorn. V, tratten. 7: Li cinco figlie.

Въ новеллѣ Страпаролы выведены три брата и положенъ десятилѣтній срокъ ихъ возвращенію подъ отеческій кровъ. Старшій сталъ воиномъ и прославился надъ всѣми храбростью; второй—кораблестроитель; третій до того увлекся сладкими пѣснями Филомелы, что, оставивъ все, блуждалъ по лѣсамъ, долинамъ и пустыннымъ дебрямъ, забылъ дорогу домой и остался жителемъ лѣсовъ, гдѣ научился птичьему языку. Когда всѣ три брата со-

шлись, птица научает послѣднаго, гдѣ открыть кладъ; другая вѣщаетъ, что въ Эгейскомъ морѣ есть островъ Хіосъ, гдѣ дочь Аполлона построила замокъ изъ крѣпкаго мрамора; входъ въ него защищаетъ змѣй, изрыгающій ядъ и пламя, у подножья прикованъ василискъ; въ самомъ замкѣ заключена Аглея, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ, и съ ней ея сокровище. Братъ кораблестроитель беретъ снарядить быструю ладью, воинъ взобраться на башню съ двумя кинжалами въ рукахъ (та же странная черта у Морлини). Когда предпріятіе удалось, и Аглея добыта, между братьями поднимается споръ, который и теперь еще ожидаетъ 'судьи. См. *Le piacevoli notti del s. Giov. Francesco Straparola da Caravaggio. Venetia 1580; notte VII, favola 5: Tre fratelli poveri andando pel mondo divennero molto ricchi.*

Что въ народныхъ сказкахъ современной Италіи найдется тотъ же сказочный мотивъ, разработанный ея новеллистами, можно было-бы предположить а priori, еслибы собранія Видтера, Вольфа и Кёлера (*Volksmärchen aus Venetien von E. Widter, A. Wolf und R. Köhler, №6: Die vier kunstreichen Brüder, въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. VII, D*) и въ послѣднее время Шнеллера (*Christian Schneller, Märchen und Sagen aus Wälschtirol. Ein Beitrag zur deutschen Sagenkunde. Innsbruck. Wagner 1867, №14: I tre amanti*), не познакомили насъ съ его венеціанской и тирольской редакціями. На сколько та и другая сложились подъ вліяніемъ уже писанной новеллы, это другой вопросъ: для тирольской по крайней мѣрѣ мы считаемъ себя въ правѣ положительно отрицать его, такъ какъ здѣсь условія мѣстности должны были затруднять литературный обмѣнъ. Содержаніе сказокъ мы сообщили въ другомъ мѣстѣ. См. статью: Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса, въ Журн. Мин. нар. Просв. часть CXL.

Кто прослѣдилъ вмѣстѣ съ нами длинную цѣпь восточныхъ и западныхъ пересказовъ, тому станетъ ясно отношеніе къ нимъ первой новеллы нашего романа. Это все та же народная сказка въ классической травестіи, обличающей странный вкусъ ранней эпохи Возрожденія. Самыя имена юношей поражаютъ своей антикварностью; нигдѣ не сказано, чѣмъ они занимаются, какому каждый изъ нихъ отдался призванію: это было-бы слишкомъ просто и неучено. За то каждый состоитъ подъ покровительствомъ особаго бога. Когда споръ уже готовъ перейти въ кровавую схватку, старый поселянинъ даетъ совѣтъ: на сосѣднихъ холмахъ

стоитъ храмъ, посвященный Зевсу, туда обращаются люди за совѣтомъ и разрѣшеніемъ трудныхъ дѣлъ. Рѣшено идти туда: въ храмъ присутствуютъ боги; Зевсъ созвалъ Минерву и Венеру, Аполлона, Марса, Меркурія и отца Сатурна; передъ ними будутъ судиться спорящіе; по слову Зевса Мелисса должна быть отдана достойнѣйшему изъ нихъ. Разошедшись по разнымъ угламъ храма, они обращаются каждый къ своему заступному богу: Септимій къ Сатурну, Лаэртъ къ Марсу, Резій къ Аполлону, Целій къ Меркурію.³⁸¹⁾ Изъ дальнѣйшихъ объясненій новеллиста это можно истолковать такъ, что первый былъ одаренъ сообразительностью и предвидѣніемъ, дарами отца боговъ, въ небѣ котораго Данте помѣстилъ души созерцателей; что кромѣ того онъ любилъ земледѣліе, пріятное богамъ и особенно Сатурну; что Лаэртъ былъ воинъ, Резій поэтъ, Целій, человекъ бывалый (*pratica e conversazione di varie e diverse passioni*) — купецъ или воръ, потому что то и другое званіе одинаково состояло подъ покровительствомъ Меркурія. Такимъ образомъ мы и здѣсь приходимъ къ знакомому намъ сказочному ряду: астрономъ (остроглазый) или земледѣлецъ (сынъ крестьянина въ Калилѣ и Димнѣ), воинъ (охотникъ, стрѣлокъ), поэтъ (увлекшійся пѣніемъ Филомелы, какъ въ разсказѣ Страпаролы) и воръ или купецъ (какъ одинъ изъ семи Семіоновъ).— Дальнѣйшій споръ передъ лицомъ Зевса ведется уже не между противниками, а между самими богами: являя другъ передъ другомъ заслуги своихъ поклонниковъ, они выставляютъ преимущество того ремесла или искусства, которое находилось подъ ихъ верховнымъ покровительствомъ, и представителями котораго являлись ихъ кліенты. Такъ, защищая дѣло Лаэрта и возвеличивая его долю въ спасеніи Мелиссы, Марсъ указываетъ на обнаруженную имъ быстроту взгляда и смѣтливость, необходимую воину, и затѣмъ восхваляетъ передъ всѣми другими воинское дѣло. Сатурнъ защищаетъ Септимію и земледѣліе, Аполлонъ—Резію и музическія искусства, Меркурій—Целію и торговлю. Однимъ словомъ, не только отодвинуты въ сторону спорящіе братья—художники, не только удалено изъ разсказа все необычайное въ ихъ подвигахъ, и на мѣсто таинственности явилась случайность, но на время будто забыть самый предметъ миѣческаго спора: вопросъ о личныхъ заслугахъ и достоинствахъ cadaго не общалъ привести къ должному покою; оттого онъ и поставленъ выше и общѣе, какъ вопросъ объ относительныхъ преимуществахъ той или другой науки. Самый споръ получаетъ

болѣе человѣчное разрѣшеніе, и, какъ въ чешской сказкѣ у Венцига, самой дѣвушкѣ предоставлено право выбора.

Намъ очень жаль, что при составленіи этой замѣтки мы не имѣли подъ руками статьи Бенфея въ *Ausland*, 1858, № 41 и слѣд. *Das Märchen von den Menschen mit den wunderbaren Eigenschaften, seine Quelle und seine Verbreitung*.

Что касается до спеціальной обстановки, въ которой старинная сказка является въ нашей новеллѣ, то о ней мы ничего сказать не можемъ. Басня о троянской Мелиссѣ, которую Цирцея обратила въ ястреба, можетъ быть изобрѣтеніе нашего автора, хотя нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что она могла корениться въ какомъ нибудь изъ многочисленныхъ разсказовъ о Троянскихъ дѣянiяхъ. Вмѣстѣ съ Улиссомъ Цирцея считалась въ средніе вѣка изобрѣтательницей соколиной охоты; по взятіи Трои Улиссъ первый познакомилъ съ нею Грековъ. Такъ разсказываетъ Іоаннъ Салисберійскій; приводимъ его слова, съ цѣлью вызвать на дальнѣйшія сближенія:

«*Quos vero species illa venationis oblectat, ut aves avibus insequantur, si tamen hoc genus aucupii venationi censeas annectendum, mitiori quidem vexantur insania, sed non impari levitate. Venatica tam terrestris quam aërea quanto solidior, tanto fructuosior est. Autorem occupationis suae ab antiquis historiis Ulixem proferunt, qui primus excisa Troia armatas aves attulit Graeciae, quas suavi quadam et grata admiratione videntium in cognati generis exitium animavit. Isti quidem magno se tuentur iudice, et*

Qui mores hominum multorum vidit et urbes, cujus providentia nullis potuit insidiis supplantari, cujus tendiculas nemo hostium indemnus evasit, cujus denique inermis militia ulterius promovit Graecorum gloriam, quam mille ratiū armata multitudo. Sed et ipse hujus exercitii Circem laudat autorem, quae carminibus et poculis humanas mentes dicitur immutasse, eo quod arte verborum et rerum gratia alliceret mentes hominum, et suae voluntati conformes in usus quoslibet transformaret. Graecis itaque propinata sunt suspectae venena voluptatis; sed eā cum prudens gustasset Ithacus, noluit bibere, ne sub domina meretrice turpis et excors vivere cogeretur. Verum quia sapientia rerum omnium novit usum, providit vir circumspexit finitis laboribus et erroribus, cum eum pudica Penelope, et affectus Telemachi non agnosceret revertentem, quomodo damna sociorum, quos tanti exilii dispendium tulerat, Graeciae compensaret. Admiranda fuit fides canis, cui soli in tanta familia

nec viginti annorum curricula memoriam domini, quin redeunti applauderet, abstulerint, nisi de ejus laude canibus venatorum gratia ulterius resultaret. Novi tamen studii Telemachum suum vivere praecipit expertem, illis solis dicens allata esse novae voluptatis solatia, qui amissis parentibus Troiani belli damna sentirent. Unde et artem infructuosam esse conjicio, quam ab unico filio tantus vir studuit sequestrare. Quod vel ex eo mecum conjicies, quod deterior sexus in avium venatione potior est. In quo poteras naturam arguere, nisi nosces quia deteriora semper prionora sunt ad rapinam». См. Johannis Sarisberiensis Policraticus sive De nugis curialium et vestigiis philosophorum libri octo etc. Accedit huic editioni ejusdem Metalogicus etc. Editio ultima prioribus multo accuratior et emendatior, ex officina Viduae Ioannis Henrici Boom. P. M. 1664, I v. Policratici liber I, cap. IV: De venatica, et autoribus, et speciebus ejus, et exercitio licito et illicito, стр. 12.

Ponte a Puntaglio, упоминаемый въ нашей новеллѣ, сохранился въ старомъ названіи мѣстности *Ponte a Ponzaglio* (а Gamberame) въ долинѣ Бизенцо. Мы одолжены этимъ указаніемъ г. Чезаре Гуасти, который ничего не могъ намъ сказать относительно *Pile Benate*, другой мѣстности, названной въ томъ-же разсказѣ.

Новелла II: О маэстрѣ Скоттѣ (кн. II, стр. 180—217). Императоръ Фридрихъ II пируетъ въ Палермо; Михаилъ Скоттъ и съ нимъ другой магъ забавляютъ его сначала, произведя своими чарами искусственную бурю, и затѣмъ просятъ одолжить имъ на время одного изъ своихъ бароновъ, мессера Ольфо, на защиту ихъ добраго дѣла. Вмѣстѣ съ Ольфомъ они садятся на корабль и плывутъ далеко на западъ, минуя Корсику, Сардинію, Балеарскіе острова, Геркулесовы столбы. На берегу, къ которому они пристають, уже готово войско. Ольфо становится въ его главѣ, разбиваетъ непріятелей, женится на дочери убитаго короля и царить счастливо и спокойно, окруженный цвѣтущимъ семействомъ. Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день снова къ нему являются тѣ же маги, прося его проводить ихъ обратно въ Сицилію. А тамъ все по прежнему: даже дня не прошло съ тѣхъ поръ какъ отправился мессеръ Ольфо, и императоръ не успѣлъ сѣсть за столъ. И путешествіе, и битвы, и женитьба,—все было одной фантазмагоріей.

Тотъ-же сюжетъ обработанъ былъ раньше въ XXI-й новеллѣ *Cento novelle antiche*, изданія Гвальтеруцци: *Come tre maestri di nigromanzia vennero alla corte dello'imperadore Federigo*. Только въ на-

шемъ романъ разсказъ развитіе, со множествомъ реторическихъ прикрасъ, вродѣ описанія палермскаго праздника, битвы и т. п. Въ *Cento novelle* маговъ является три, и они не названы; въ нашей дѣйствуетъ Михаилъ Скоттъ съ товарищемъ, и рыцарь, ихъ сопровождающій, именуется Ольфомъ, а не графомъ санъ Бонифаціо, какъ у стараго разсказчика.

О чародѣйствахъ Михаила Скотта ходило въ средніе вѣка множество легендъ, которыя Теофило Фоленго перечисляетъ въ своемъ макароническомъ эпосѣ, гдѣ не забыть и волшебный корабль, переносившій чародѣя, куда онъ ни пожелаетъ. Рубикане завладѣлъ книгой негроманта и, внѣ себя отъ радости, показываетъ ее Либикокко, такъ истолковывая ея содержаніе:

Ecce vides? liber est Nigromantibus ille sacratus
Qui tibi quique mihi tantos dabat ante travaux.

O quantae cernis? picturae, quaeso, pochettum
Has Libicocche vide, plus centum, plusque milanta.
En Salomonis habet primum pentacula forum:
Aspice quam multis sunt compassata righetis,
Quadratis, punctis, numeris, centumque facendis.

Picta Michilazzi patet hic proportio Scotti
Qui sex effligies cerae, mox una piombi
Fingitur influxu Saturni, ac daemone Martis,
Unde per incantum miracula tanta fiuntur.
Ecce idem Scottos, qui stando sub arboris umbra
Mille characteres circo designat in arcto,
Quattuor inde vocat magno cum voce Diablos.
Unus ab occasu properat, venit alter ab ortu,
Dat mediusque dies terzum, Septemtrio quantum.
Consecrare facit fraenum conforme per illos;
Cum quo fraenat equum nigrum, minimeque vedutum,
Quem, quo vult, tamquam turchesca sagitta cavalcet.
En quoque designat magus idem in littore navim
Quam levat in nubes, octoque per aëra remis
Navigat, et magnum tribus horis circuit orbem.
Humanae spinae suffumigat inde medullam
Atque docet magicis cappam sacrare parolis:
Quae dum sacratur, sentita per aëra strident
Murmura spirituum, quia nos per forza tiramur.

Hanc igitur cappa, seu mantum sive gabanum
Quisque seu maschius, seu foemina mittit atornum,
Non vedutus abito, quocunque talentus avisat.

См. Merlini Coccaii poëtae Mantuani Macaronicorum poemata, nunc recens accurate recognita cum figuris locis suis appositis. Venetiis cum privilegio Illustriss. Senatus Venetorum.—In fine: Venetiis, apud haeredes Petri Ravani et socios, MDLIII (Baldi lib. XIX, pp. 160 v.—161 v.). Въ изданіи сочиненій Фоленго 1613 года (Opus Merlini Coccaji poetae Mantuani Macaronicorum totum in pristinam formam per me Magistrum Acquarium Lodolam optime redactum etc. Venetiis apud Bevilacqua) этотъ отрывокъ читается не въ XIX-й, а въ XVIII-й книгѣ (р. 358), представляя интересныя различія:

Ecce Michaelis de Incantu regula Scoti
Qua post sex formas caerae fabricatur imago
Demonii Sathan, Saturni facta piombo,
Cui suffimigio per sirica rubra cremato
Hae (licet obsis) coguntur amare puellae и т. д.

За стихомъ: «Quem, quo vult, tamquam turchesca sagitta caval-
catъ слѣдуетъ другой, котораго нѣтъ въ предъидущемъ изданіи:

Sacrificatque comas ejusdem saepe cavalli.

По поводу волшебнаго плаща-невидимки дается совѣтъ не надѣ-
вать его при солнцѣ:

*Hanc quicumque gerit gradiens ubicumque locorum
Aspicitur nusquam, caveat tamen ire per album
Solis splendorem, quia tunc sua cessitur umbra.*

Не знаемъ, какимъ изданіемъ Фоленго пользовался Либрехтъ (Dunlop, Geschichte der Prosadichtungen, aus dem englischen übers. v. F. Liebrecht, Berlin, Müller, 1851, стр. 482 прим. 235 а), если онъ не положился на цитату Дюнпера (Scheible's Kloster V, стр. 151 примѣч.), указывая на lib. XIX, v. 193 seq. макаро-
ническаго эпоса, гдѣ будто-бы говорится о Михаилѣ Скоттѣ и другомъ магѣ, по имени Геліодорѣ, изъ Катаніи, и о волшебныхъ корабляхъ, ими устроенныхъ.

Поборникъ аверроизма, который онъ первый ввелъ въ школы, Михаилъ Скоттъ (1230) былъ въ большемъ почетѣ при дворѣ Гогенштауфеновъ, непріязненныхъ папамъ. Это не помѣшало Данте помѣстить его въ аду, вмѣстѣ съ другими гадателями:

Quell'altro, che ne' fianchi è così poco,
Michèle Scotto fu, che veramente

Delle magiche frode seppe il giuoco (Inf. c. XX vv. 115—117)

Комментируя это мѣсто, Бути рассказываетъ между прочимъ, что, находясь въ Болоньѣ вмѣстѣ съ императоромъ Фридрихомъ II, Михаилъ Скоттъ часто приглашалъ къ себѣ гостей на обѣдъ и ничего для нихъ не готовилъ, но приказывалъ подвластнымъ духамъ принести кушанья. И когда всѣ сидѣли за столомъ, онъ говорилъ: вотъ это вареное мясо со стола французскаго короля, жарѣе—со стола англійскаго и т. п. И все это былъ одинъ обманъ: гостямъ только казалось, что они ѣдятъ, а кушанья представлялись не тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. См. Francesco da Buti, *Commento sopra la Divina Commedia di Dante Allighieri*, pubblicato per cura di Crescentino Giannini. Pisa, Nistri, 1858, 60 и 62, 3 vv; vol. 1° p. 533; и Manni *Le veglie piacevoli*, Venezia, Zatta, vol. 1—V, pp. 10—11 (съ ссылкой на Francesco Alunno). То же самое рассказывается о Фаустѣ; сл. Tibull. I, 8, 19: Cantus vicinis fruges traducit ab agris. Virg. eclog. 8, 99

Новелла III: О Бонифаціи и Марсилио да Каррара (кн. III, стр. 38—60). Мы перевели ее въ третьей главѣ этой книги. Определить долю воображенія въ рассказѣ о приключеніяхъ Бонифаціи мы не умѣемъ и точно также мало можемъ сказать положительно о Марсилио, его названномъ отцѣ. Одни считаютъ его отцемъ Якопо да Каррара, перваго властителя Падуи (25 іюля 1318 года), сыномъ другаго Якопо, жившаго въ 1262-мъ году. Другіе утверждаютъ наоборотъ, что у послѣдняго не было дѣтей, и что Марсилио одно и то же лицо съ сыномъ третьяго Якопо да Каррара, которому Эццелино велѣлъ отрубить голову на эшафотѣ у моста S. Giovanni sulle Navi. Поборники перваго мнѣнія различаютъ двухъ Марсилио, одного—сына Якопо, перваго властителя Падуи, другаго—сына Якопо, казненнаго въ 1240 г. Послѣдній, можетъ быть, тождественъ съ нашимъ. Вотъ что читаемъ мы о немъ у Litta, *Famiglie celebri*, vol. 6: «Спасшійся бѣгствомъ изъ Падуи отъ тиранніи Эццелино, онъ долгое время томился въ бѣдности; онъ носилъ одежду духовнаго лица и въ 1246 году Иннокентій рекомендовалъ его падуанскому капитулу на какое нибудь доходное церковное мѣсто: вещь трудно достижимая для челоуѣка, принадлежавшаго къ семьѣ изгнанниковъ. Въ 1256 г. онъ сражался въ войскѣ лиги противъ Эццелина и находился при взятіи Падуи, вслѣдствіе чего его семейству воз-

вращено было конфискованное имущество. Въ 1267 онъ былъ подестой Виченцы; въ 1274, вовлеченный въ смуты городскихъ партій, онъ былъ изгнанъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Альбертино, но подеста Гоффредо делла Торре явился посредникомъ, и ему позволено вернуться въ отечество. Онъ умеръ около 1297 года. Сличимъ съ этимъ показанія новеллы. И въ ней Марсилио блуждаетъ вдали отъ отечества, путешествуя на Востокъ и потомъ въ Англію,—послѣднее обстоятельство прямо объясняется желаніемъ избѣжать подозрѣній и злобы Эццелино. Ничего не говорится объ его духовной одеждѣ, разъ даже упоминается его жена (*mia donna*); но и историческій Марсилио вѣроятно не принялъ постриженія и не произносилъ обѣтовъ, судя по тѣмъ свѣтскимъ должностямъ, которыя онъ занимаетъ. У Марсилио новеллы нѣтъ дѣтей, почему онъ усыновляетъ племянницу, дочь своей сестры, бывшей замужемъ за Филиппо Даль Денте. Если Марсилио новеллы тождественъ съ историческимъ, это было-бы дополненіемъ къ родословному древу да Каррара, которое знаетъ только братьевъ Марсилио: Обиццо, Убертино и Угуччоне, не говоря ни слова о ихъ сестрѣ. — Семейства Даль-Денте, Скровинья (какой-то Уголино Скровинья является дѣйствующимъ лицомъ новеллы) и Буццакерини (съ Лодовико Буццакерини мы уже встрѣчались въ нашемъ романѣ—въ обществѣ графа Карла ди Поппи) были связаны съ да Каррара какъ родственными, такъ и дѣловыми отношеніями. Доказательства легко найти въ генеалогическомъ трудѣ Литты.

Чьони ничего не пояснилъ относительно этой новеллы, предпослѣдней изъ прибавленныхъ къ его второму изданію.

Новелла IV: О мессерѣ Дольчибене (книга III, стр. 60—71). Мы перевели ее въ нашей третьей главѣ. О забавныхъ выходкахъ мессера Дольчибене, потѣшнаго человѣка, котораго императоръ Карлъ IV удостоилъ рыцарскаго сана и сдѣлалъ королемъ скормороховъ, много рассказываютъ новеллы Франко Саккетти: 10-я 24, 33, 117, 145, 153, 156 и 187-я. Иныя изъ нихъ служатъ подтвержденіемъ нашей и сами находятъ въ ней подтвержденіе. Такъ, когда Дольчибене неосторожно вызвалъ на дуэль мессера Меллона делла Понтенара и уже находится на полѣ битвы, онъ даетъ обѣтъ посѣтить святыя мѣста Палестины, если мессеръ Меллонъ не явится на вызовъ и дуэль не состоится. Изъ 10-й и 24-й новеллы Саккетти видно, что Дольчибене исполнилъ свое обѣщаніе: въ первой изъ нихъ онъ посѣщаетъ долину Иосафатъ,

гдѣ находить странный способъ занять себѣ мѣсто, чтобы найтись и не потеряться въ день судный; во второй онъ дерется съ жидами и оскверняетъ ихъ храмъ. Такъ называемый Ave Maria мессера Дольчибене не что иное, какъ комическій рассказъ о его путешествіи въ святую землю; мы привели изъ него отрывки въ нашемъ итальянскомъ изданіи по ркп. Риккардіаны 2760 и 2873, не имѣя тогда подъ руками изданія Франческо Замбрини, присланнаго намъ только позже. См. Messer Dolcibene, scrittore del secolo XIV, Ave Maria, non mai fin qui stampata. Bologna, tipografia delle scienze, 1858.

Что касается до казовой дуэли между Дольчибене и мессеромъ Меллономъ, то это была одна изъ обычныхъ скоморочныхъ потѣхъ: такъ миниатюра одной французской рукописи императорской парижской библиотeki (fond français N. 95, f° 42 recto) изображаетъ двухъ сражающихся скомороховъ: они вооружены круглыми щитами и длинными шпагами, будто изъ дерева.

Новеллы V и VI (кн. IV, стр. 96 — 112), сохранившіяся въ отрывкахъ, напечатаны во 2-мъ приложеніи къ этой книгѣ, вмѣстѣ съ передѣлкой Чьони.

Новелла VII: О мадоннѣ Риччьярдѣ (кн. IV, стр. 123—133). Дѣйствующія лица: мадонна Риччьярда, вдова Микеле Пилестри, выдающая свою дочь за Липпоццо деи Гречи. Содержаніе новеллы мы предпочитаемъ передать словами Bonaventure Des Periers, рассказъ котораго, сходный во всѣхъ отношеніяхъ съ нашимъ, сталъ намъ извѣстенъ уже послѣ отпечатанія нашего итальянскаго изданія, почему эта новелла осталась тамъ безъ комментарія. У французскаго новеллиста одинъ Шотландецъ, служившій во Франціи въ такъ называемой королевской шотландской гвардіи, женится на дѣвушкѣ хорошаго рода: «laquelle fille estoit d'assez bon aage. Elle n'eut gueres esté en mariage, qu'elle ne se souvinst des commandemens que l'on donne aux jeunes espousées: premierement, que la nuit elles tiennent leur couvrechef à deux belles mains, de peur que leur mary les descoiffe; qu'elles serrent les jambes comme un homme qui descend en un puits sans cordes; qu'elles soyent un peu rebelles, et que, pour un coup qu'on leur baille, qu'elles en rendent deux. Cette jeune damoiselle commence à observer de bonne heure ces beaux et saintz enseignemens l'un après l'autre, jusques à ce qu'elle en fit une leçon et les praticqua tous à la fois: dont cest Escossois ne fut pas trop content, speciallement du dernier point; et, voyant qu'elle s'en sçavoit ayder de si bonne heure, il

sembla à ce povre homme qu'elle avoit appris ces tordions d'un autre maistre que de luy.....Et s'y fonda bien si fort, qu'il ne pouvoit regarder sa femme de bon oeil, ny la nuit mesme ne la baisoit point de bon cuer. Elle de son costé, se retira petit à petit et se garda de là en avant d'estre trop fréillante». Замѣтивъ, что молодая груститъ, ея госпожа (Madame sa maistresse—вѣроятно какая нибудь принцесса, или королева, у которой она находилась въ услуженіи) спрашиваетъ ее о причинѣ, и когда та все рассказала: «Et n'y ha-il que cela? dit-elle. Taisez vous; vrayement je parleray bien à luy». Ce qu'elle fit de bonne heure, et appella cest Escossois à part, et luy commença à demander comment il se trouvoit avec sa femme. «Ma dam, dit-il, je trouvy bien, grand mercy vous». —Voire-mais, vostre femme est toute faschée; que luy avez vous faict?—J'aury pas rien faict, ma dam; je sçavoy pas pourquoy faict-il mauvais cher.—Je le sçay bien, moy, dit-elle, car elle m'ha tout dit. Sçavez-vous qu'il y ha, mon amy? Je veux que la traictez bien, et ne faites pas le fantastique. Comment estes-vous bien si neuf de penser que les femmes ne doivent avoir leur plaisir comme les hommes? Pensez vous qu'il faille aller à l'escolle pour l'apprendre? Nature l'enseigne assez. Et que pensez vous que vostre femme ne se doive remuer non plus qu'une souche de bois? Or ça, dit-elle, que je n'en oye plus parler, et luy faites bonne chère» и т. д. См. Le cymbalum Mundi précédé des Nouvelles récréations et joyeux devis de Bonaventure Des Periers, nouv. ed. par. P. L. Jacob (въ Bibliothèque Gauloise); nouvelle XXXIX: De l'Escossois et de sa femme qui estoit un peu trop habile au maniement.

Таково содержаніе и нашей новеллы: стоить только подставить имена и госпожу замѣнить матерью невѣсты. Прибавлена еще слѣдующая наивная черта: когда мать наставляетъ молодого, служанка приноситъ утятъ, только-что вылупившихся изъ яйца. Брошенные въ воду, они тотчасъ-же начинаютъ плавать какъ ни въ чемъ не бывало. Сама природа ихъ тому научила: естественностью одного акта назначено доказать естественность другого.

P. L. Jacob, издатель Bonaventure Des Periers, указываетъ по поводу этой новеллы на старую стихотворную повѣсть, которую Lenglet—Dufresnoy напечаталъ въ своемъ изданіи Marot, in 4°, t. III, p. 483; съ своей стороны мы припоминаемъ здѣсь третье и седьмое поученіе, которое даетъ молодой Francesco da Barberino, Del Reggimento e dei costumi delle donne, parte V. Вотъ между прочимъ третье:

Chè sta Donna non dee
 Mostrar d'esser troppo maestra,
 Anzi selvaggia, e nova
 Se ritrovando nell'ovre di amore,
 Nè an'di quelle gran diletto avere.

Навелла VIII: О Кателлинь и Филипелло Бариле' (кн. IV, стр. 135—152). Дѣйствіе происходитъ въ Неаполѣ. Кателлина, жена Филипелло Бариле, до смерти влюблена въ пріятеля своего мужа, Аньелло Страмаццачильи. Испытавъ всѣ средства женской тактики, она обращается къ колдунѣ, мадоннѣ Фьондинѣ, и та даетъ ей слѣдующій совѣтъ: «возьми сердце живаго крота и обезьяны, два человѣчихъ пупка и два миртовыхъ листа, и приготовь изъ всего этого кушанье, какое тебѣ покажется; и при каждой вещи, какую будешь класть, прочитай три раза молитву, которую я написала для тебя на этой хартіи (самая молитва не сообщается); дай ему поѣсть этого кушанья и не показывайся на глаза въ продолженіи 12 часовъ; а потомъ покажись, погляди и поклонись, и онъ воспыхаетъ къ тебѣ любовью». — Средство мадонны Фьондины не оправдалось, потому что Кателлинь помышляла достать одно изъ необходимыхъ снадобей, которое она отправилась добывать на лобное мѣсто у морскаго берега, гдѣ за день передъ тѣмъ повѣшены были четыре разбойника. Сама мадонна Фьондина сожжена по распоряженію короля Карла Второго, по прозванію Ciotto, но такъ, что добрая слава Кателлины отъ того не пострадала; и изъ всей исторіи ничего не вышло.

Суевѣрныхъ рецептовъ, подобныхъ рецепту Фьондины, можно найти множество въ рукописныхъ итальянскихъ лѣчебникахъ, травникахъ и т. п. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ въ переводѣ. Вотъ напр. какія средства рекомендуются противъ лунатизма (contro il male della luna): «Возьми мозгъ ласточки (donnola), разведи его въ хорошемъ винѣ и дай испить больному; поможетъ. Также три капли крови изъ-подъ языка, пусть выпьетъ ихъ въ винѣ. — Или возьми молока отъ кобылы, которая только разъ была жереба, сдѣлай изъ него сыръ, дай того сыру поѣсть, и пусть носить его на себѣ; много помогаетъ. — Добудь сердце волка, свари его и дай съѣсть больному въ пятницу или воскресенье; болѣзнь какъ рукой сниметъ. Это средство испытанное. — Или возьми на тотъ-же конецъ голову мыши(?—topinata) и, высушивши, носи на себѣ, болѣзнь никогда болѣе не пристанетъ. — Или достань камень (petrucasio) черный и красный, находящійся

въ желудкѣ ласточки (*rondina*), оправъ въ серебро и надѣнь на шею; больной вылѣчится. Хорошо также имѣть при себѣ смарагдъ противъ немочи, это дознано опытомъ.

Исторія итальянскаго суевѣрія и обряда еще не написана, какъ ни заманчивой является задача: опредѣлить его отношенія къ индоевропейскому вообще и въ особенности къ его спеціальному проявленію въ греко-римской древности, относительно которой итальянская старина представляется намъ органическимъ продолженіемъ. Литературы по этому предмету почти не существуетъ: мы могли-бы назвать одну главу изъ *Antiquitates Muratori* и нѣсколько мелкихъ монографій, изъ которыхъ ни одна не отвѣчаетъ требованіямъ современной науки. Самый матеріалъ изслѣдованія покоится большею частію въ рукописяхъ: такъ въ нашемъ итальянскомъ изданіи сообщены были въ первый разъ большіе отрывки изъ Фьориты (*Fiorita*) болонскаго судьи Арманнино, современника Данте, въ высшей степени интересные для характеристики тогдашняго итальянскаго суевѣрія. Кое-какія другія указанія найдутся у *Passavanti* въ *Specchio di vera Penitenzia*, у *Francesco da Barberino*, *Del Reggimento* и т. п., у новеллистовъ (см. напр. въ *Cento novelle antiche*, изд. *Gualteruzzi*, nov. XXXIII: *Qui conta una novella di messere Imberal del Balzo*). Въ XV-мъ столѣтіи отцы феррарскаго собора возстаютъ противъ того, что представлялось имъ и было на самомъ дѣлѣ остаткомъ язычества; противъ него направлены проповѣди св. Бернардина Сиѣнскаго. Все это напрасно: эпоха *Renaissance* принесла съ собою усиленіе народно-латинскаго, языческаго элемента на счетъ космополитическаго, христіанскаго. Если до сихъ поръ безсознательно-обрядовый паганизмъ держался въ деревняхъ, преслѣдуемый церковью, то теперь имъ сознательно увлекаются высшіе классы, даже сама церковь. Самое пониманіе природы стало болѣе языческое, она выходитъ изъ страдательнаго положенія, какое занимала въ средніе вѣка, наполняясь живыми силами, которыя старое язычество называло-бы богами, а новое называетъ духами. Ими необходимо овладѣть, ихъ надо умиротворить, сдѣлать безвредными или служебными: и вотъ обновляется типъ заклинателя-мага и вѣщей жрицы-колдуньи. Итальянцы XVI-го вѣка суевѣрны, какъ Римляне: вспомнимъ только автобіографію Бенвенуто Челлини; вѣдмы Апулея воскресають въ своихъ римскихъ сверстницахъ временъ Пьетро Аретино. См. *Capricciosi e piacevoli ragionamenti etc. Cosmopoli*, 1660, 1 v. *Ragionamento del zoppino*, pp. 425—7. Чтобы не повто-

рять этого любопытнаго отрывка, приведеннаго нами in extenso въ итальянскомъ изданіи нашей книги, мы позволили себѣ замѣнить его другимъ, заимствованнымъ изъ макароническаго эпоса Фоленго. Наблюдая тайныя продѣлки вѣдьмъ, вотъ что между прочимъ видитъ Бальдо: «Autres emplissent des vaisseaux d'estain de electua'ires noirs, composez la nuit, à la clarté de la cinquiesme Lune, avec de la salive de crapaut, de la chair de pendu, du poulmon d'un asne, de la peau d'une grenouille verde, de la sanie de la matrice, de soulfhre tiré de l'argent vif, des corps morts par mort violente, de la sueur d'un loup enragé, de la gresse de vipère, du fiel d'un puppu et du lait d'une ceraste. Davantage, ils meslent les choses sacrées avec les prophanes, et se servent de chandelles faites de la cire du cierge Paschal, du cresseme, du sel du baptême, autres telles choses que de mauvais Prestres donnent à ces poltrons (та-же самая чепта у Аретина).....Balde se fourre partout, estant ainsi incongneu, regarde à tout, lit les inscriptions des boêtes et des pots. Il ouvre les livres, et lit en iceux: il n'y trouve rien que des receptes mortelles, à sçavoir: comme les enfans sont ensorcelez par la seule haleine d'un marouffle; comme il faut causer un dormir pour cependant jouir d'une fille; comme un mari cognoistra quelles cornes sa femme luy fait, et pour trouver le ribaut sur le fait; comme il faut contraindre les belles filles à aimer, et y attirer de force leurs volonteز encore saines et entières; comme une femme n'engrossira point, quelque coup de corne qu'on luy donne; comme elle vuidera son enfant si elle se sent grosse; comme, à grand' peine estant, nay, on luy peut corrompre tous les membres; comme une femme pourra faire desecher son mari qu'elle haïra; comme une villaine sorcière osterá l'entendement à un enfant, ou la vie du corps.....Icelles, à la façon des Pedagogues, sçavent fort bien dispenser leur science, donnans les preceptes de sorcellerie, et pour operer avec onguens, et faire de telles bonnes oeuvres, comme d'esmouvoir les tonnerres du ciel, faire tomber la tempeste sur les bleds et sur les vignes, attirer la Lune ça bas, et faire retrograder les estoilles, remonter les fleuves contremont, et de la mer faire retourner les fontaines à leur première source; comme il faut changer les corps en diverses formes, muer les hommes en loups, en ours, en chiens, et se tourner soy-mesme en chat, en chouette, en hibou, chantans la nuit sur les couvertures pour tristes augures; et comme les Prestres peuvent abuser par fascinations leurs comères, et les meschans Moines chevaucher sur les diablesses de

mules». Histoire maccaronique de Merlin Coccaie etc. nouv. ed. corrig. sur l'edit. de 1606 par P. L. Jacob. (Bibliothèque Gauloise), livre XXIII, pp. 402—404.

Новелла IX (последняя: кн. IV, стр. 175—224): о Бонифаціо Уберти. Вместе съ Гибеллинами, изгнанными изъ Флоренціи, бѣжалъ ко двору Петра Арагонскаго, тогда сицилійскаго короля, (съ 1282 года; ум. 11-го ноября 1285 г.) молодой Бонифаціо Уберти. Въ Палермо онъ поселяется у одного Флорентійца, по имени Ліонардо (uno speziale.....chiamato Lionardo), у котораго была дочь Лиза. Оскорбленный однимъ изъ королевскихъ родственниковъ, завидовавшимъ милостямъ къ нему короля, Бонифаціо его убиваетъ; за открытіе преступника положена награда, но онъ никогда не былъ-бы обнаруженъ, еслибы во время тяжелой болѣзни Бонифаціо не далъ обѣта посвятить святую землю и передъ поѣздкой не покаялся во всемъ монаху, который, прельщенный наградой, все разсказалъ королю. За несоблюденіе таинства исповѣди монахъ сожженъ, а Бонифаціо спасается отъ казни только по просьбамъ королевы. Лизы и мадонны Танчинъ Тальявія, въ которую онъ былъ платонически влюбленъ.

О королѣ Петрѣ Арагонскомъ, о *Bernardo speziale* (у нашего романиста — *Lionardo*) и дочери его Лизѣ говоритъ Боккаччо Decam. giorn. X, nov. 7: «Il re Piero, sentito il fervente amore portatogli dalla Lisa inferma, lei conforta, et appresso ad un gentil giovane la marita, e lei nella fronte baciata, sempre poi si dice suo cavaliere»; о Лизѣ Пуччини можно справиться у Manni, Veglie piacevoli, Firenze, Ricci, 1815—16, vol. 8 in 16, см. vol. 4°. — Король Петръ былъ трубадуръ; Ренуаръ въ своемъ Choix v. IV p. 217 приводитъ его сирвентезу къ Peire Salvatge:

Peire salvagg', en greu pessar
Me fan estar
Dins ma maiso
Las Flors, que say volon passar и т. д.

которую тотъ не оставилъ безъ отвѣта (Raynouard ibid. и V. p. 332: Senher reys, qu'enamoratx par). О его романической любви къ Лизѣ Пуччини, которой рыцаремъ онъ называлъ себя, повѣствуетъ указанная нами новелла Боккаччо: «Е secondo che molti affermano, il re molto bene servò alla giovane il conveniente, per ciò che mentre visse *sempre s'appellò suo cavaliere*, nè mai in alcun fatto d'arme andò, che egli altra sopransegna portasse che quella

che dalla giovane mandata gli fosse». Это согласно съ нашей новеллой, гдѣ король носить девизъ: *Pietro cavaliere di Lisa*. Послѣ этого и придворный музыкантъ *Benuccio d'Arezzo*, упоминаемый въ нашемъ разсказѣ, долженъ быть тождественъ съ *Minuccio d'Arezzo* боккачьевской новеллы, «отличнымъ пѣвцомъ и музыкантомъ», по просьбѣ котораго Mico da Siena сложилъ канцонетту, начинающуюся стихомъ:

Muoviti Amore, e vattene a Messere.

Она вставлена въ новеллу Декамерона, хотя можетъ быть древнѣе его. Такъ Crescimbeni нашелъ ее отдѣльно въ старой рукописи библиотеки Chigi № 400, и напечаталъ въ своихъ Comment. ist. volg. poes. vol. II, p. II, I, (Venezia 1730). Valeriani, Poeti d. pr. sec. II, 417, ограничился воспроизведеніемъ текста Боккаччо.

Что Уберти были гибеллины, и что, будучи изгнаны изъ Флоренціи, многіе изъ нихъ удалились въ Палермо, тому свидѣтель Villani lib. VII, c. 69. Вмѣстѣ съ ними могъ быть и Бонифаціо Уберти. Тождественъ-ли онъ съ авторомъ Dittamondo,—это другой вопросъ, на который мы не рѣшаемся отвѣчать положительно. Изъ стиховъ послѣдняго мы узнаемъ, что онъ влюбился въ Веронѣ и восемь лѣтъ томился въ разлукѣ съ своей возлюбленной. Его біографія, стало быть, представляла достаточно матерьяловъ для романическаго разсказа; но отождествленію мѣшаетъ хронологія. О годѣ смерти поэта показываютъ разнo: Тирабоски говоритъ, что онъ умеръ вскорѣ послѣ 1367 года, другіе что въ 1370 г. Кардуччи въ предисловіи къ Rime di Cino da Pistoia есс. Firenze, Barbèra, 1862 стр. LVI, ограничивается общимъ показаніемъ: «умеръ не раньше 1360 г.» Успѣлъ-ли онъ воспользоваться брошюрой Grion, Intorno alla famiglia e alla vita di Fazio degli Uberti, autore del Dittamondo, Udine 1861—сказать не можемъ, не будучи знакомы съ хронологическими результатами, полученными Гріономъ. Если съ тѣхъ поръ онъ не измѣнилъ своего мнѣнія, то смерть поэта Уберти надо будетъ отнести вмѣстѣ съ нимъ къ 1368 г. (см. Jahrbuch f. rom. u. engl. Liter. X, 2: Justus Grion, Ein Spruchgedicht Lapo Farinata's degli Uberti, стр. 209). Предположивъ, что онъ одно лице съ Бонифаціемъ, выведеннымъ въ новеллѣ, другими словами — что онъ жилъ при королѣ Петрѣ (1282—85), когда, по смыслу новеллы, ему могло быть по меньшей мѣрѣ лѣтъ 20,—въ 1368 году ему было-бы отъ 103 до 106 лѣтъ! Къ сожалѣнію, толкованія Гріона

въ послѣдней статьѣ (стр. 207, сл. Dittam. I, 1, 16) слишкомъ загадочны и, лично для насъ, не вразумительны, почему мы и не успокоиваемся на ихъ результатахъ, т. е. что поэтъ Уберти родился 18 или 19 іюля 1304 года,—а они спасли-бы насъ отъ этихъ, можетъ быть, ненужныхъ выкладокъ.—Какъ-бы то ни было, указанія на любовныя невзгоды Бонифаціо (Fazio) не рѣдки въ итальянской литературѣ конца XIV-го вѣка. Такъ въ одной канцонѣ Доменико да Прато (Cod. Laur pl. XLI, с. 31: Surge nunc, surge, nec tantum prolixе Manebis contra me senza pietade) поэтъ, жалуясь на жестокосердіе Амура, говоритъ, что его горя не сравнить съ горемъ Арригетто (da Settimello):

Non sì Arrighetto fu mai ne'suoi versi
Disperato ad dolersi;

что онъ страдаетъ такъ, какъ не страдалъ Фаціо:

Non la metà di se potè dir Fazio.
Quanto il mio è maggior strazio.

Такъ и въ аллегорической поэмѣ Джованни ди Герардо онъ не позабылъ своихъ любовныхъ вздоховъ:

E *Fazio* che d'amor ancor sospira.

Послѣдняя новелла романа еще разъ привела насъ къ нашему романисту.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Либрехтъ въ примѣчаніяхъ къ переведенной имъ книгѣ Дунлопа ограничивается однимъ простымъ указаніемъ на новеллы Джиральди, не возбуждая вопроса о ихъ подлинности.

2. Favola composta per Giraldo Giraldi nel tempo della moria nell' anno 1479. Начинается: Era nella chiesa d' Ognisanti. Въ концѣ: La qual cosa possa intervenire..... i dolci frutti della giovane età sua dona e concede. Последнія строки воспроизведены Чьони въ IV новеллѣ перваго изданія, но въ рукописи онѣ вычеркнуты авторомъ, и рассказъ кончается на словахъ: E questo infelice fine ebbono i due amanti.

3. Начинается: Una stella ci è aparita, Vergine di grande onore, Domitilla ella è chiamata, Nipote d' imperadore. Въ концѣ: Sempre istarà il tuo cuor giocondo Per virtù del sommo amore. Всего 36 стиховъ. Та же лауде, только болѣе пространная и нѣсколько отличная, напечатана въ Vite d' alcuni Santi, слѣдующихъ за житіями dei SS. PP. del deserto.

4. «Я, какъ самый младшій изъ всѣхъ, и всегда движимый желаніемъ научиться, задумалъ собрать и записать на память испытаннаго удовольствія все, что тогда слышалъ, не тѣмъ чистымъ, изящнымъ стилемъ, какимъ все это было сказано, но такимъ, какимъ прилично моему слабому разуму».

5. Romanzo lib. I p. 98. Bene veggio tale ch' è qui fra noi, *ancora non frondute le guancie*. Та же черта въ предисловіи къ печатнымъ новелламъ, указанномъ выше: «siccome quello che più degli altri giovane era».

6. Proemio Чьони (изд. II стр. 1.): «Perchè sovente addivien che, comunicando altrui li avuti piaceri, non meno si ha di consolazione nel processo del tempo, che sia stato sul fatto, conciossiachè quel bene che più comune è, senza dubbio più divino si dimostra» и т. д. Нашъ текстъ кн. III стр. 1: «Perchè sovente adiviene che, comunicando i piaceri a' tralli amici, non s'è meno di consolazione nel processo del tempo che si sia stato in sul fatto, con ciò sia cosa che quel bene che più comune è, senza dubbio più divino si dimostra: onde» и т. д.

7. «Только-что сказаны были эти краткія слова, какъ Джинджикіо исчезъ по направленію къ Поппи, словно быстрый вѣтеръ: казалось, самой лошади не менѣе хотѣлось скорѣе исполнить порученіе чѣмъ ему. На что графъ Карлъ замѣтилъ острымъ словомъ: Смотрите, какой хорошій и бравый слуга нашъ быстрый Джинджикіо, лишь бы дано ему было такое порученіе, гдѣ можно повеселиться и раздобыть безъ труда».

8. «Друзья и собеседники, вамъ слѣдуетъ не хвалить меня, а открыто признать, какой хорошій и бравый слуга нашъ быстрый Джинджикіо» и т. д.

9. См. въ числѣ приложений къ этой книгѣ посвященіе Luigi Marsili, которое мы воспроизводимъ по изданію Чьони, обожъ съ соответствующими отрывками нашей рукописи.

10. «Non solo per il carattere, ora cattivo, ora pessimo, quanto ancora perchè la carta era talvolta così lacera e dal tempo e dall' inchiostro, ch'era difficilissimo il trarne costruito. Trovai inoltre non poche carte staccate ed alcune mancanti, il difetto delle quali ha prodotte le lacune che nel proemio e nella II e VII novella si vedono».

11. Во второмъ приложеніи къ этой книгѣ мы напечатали VII новеллу Чьони рядомъ съ 5 и 6-й нашего текста: такимъ образомъ всякій можетъ повѣрить, на сколько содержательны наши выводы.

12. «Un frate, conosciuto l'avarizia della Cammilla, donandola la conduce a' suoi voleri, dopo ch'è il dono in presenza del marito le richiede».—Что касается до новеллы Боккаччо Dec. VIII, 2, указанной въ текстѣ (слич. съ ней VIII, 1), то Dunlop въ переводѣ Liebrecht'a (стр. 244—5) сравниваетъ съ ней французскій fabliau du prestre et de la Dame (Fabliaux par Barbazan et Méon IV p. 181), при чемъ Liebrecht, въ примѣчаніи 319 a, указываетъ на средневѣковое латинское стихотвореніе, изданное Th. Wright'омъ по рукописи XIII в. и представляющее съ разсказомъ Боккаччо болѣе сходства чѣмъ французскій fabliau. Замѣтимъ здѣсь, что латинское стихотвореніе еще прежде было напечатано Бурманномъ (Anthologia veterum latinorum epigrammatum et poematum etc. digessit et auxit Heinricus Meyerus Turicensis, tom. II № 1126 In clericum стр. 76: Militis uxorem chlamidis mercede subegit Clericus etc.), который замѣчаетъ о немъ: Luxorians simillimum. Луксорій жилъ при короляхъ Вандамовъ Тразамундъ (496—523), Хильдерикъ и Гелимеръ (530—534).—Мы думаемъ, что ближайшее знакомство съ средневѣковыми латинскими источниками во многомъ ограничить ходячее мнѣніе о вліяніи французскихъ fabliaux на итальянскую новеллу.

13. «Madonna Francesca figliola di messer Guido di Ravenna del cognato suo s'innamora; e con quello dal marito suo in camera trovata è coll' amante uccisa».

14. «Samelic all' onestà di Gostanza insidiando, che di Sardegna involata aveva, quella la morte anzi che l'infamia incontrare volendo, in terribile modo la vita perdendo il pericolo scansa».—См. Lodovico Domenichi *La nobiltà delle donne* (Venezia, apresso Gabriel Giolito de' Ferrarii e fratelli 1551), гдѣ за разсказомъ о мужественномъ поступкѣ падуанской крестьянской дѣвушки (atto virtuoso d' una fanciulla contadinella Padovana f. 241 r. v.), напомнивъ намъ нѣмъ сходную съ нимъ новеллу Эриццо («Artemia innavedutamente è presa da un padrone di nave; e non volendo compiacere alle amorose sue voglie, finalmente si getta in mare, salvando la sua castità con la morte». Le sei giornate dell'Erizzo, giorn. 6, avvenimento 32), слѣдуетъ на fol. 41 verso другой разсказъ, вложенный въ уста мессера Muzio giustinopolitano, сходный съ приводимымъ у Чьони: «A Brasilla di Durazzo non diede il core di uccidersi di sua mano, per conservare la virginità sua; ma volle ben morire per l'altrui. Perciocchè, veggendo il vincitore insolente disposto a farle forza, lo

pregò che non le usasse villania; et gli promise in premio, che col suco d'una herba lo farebbe inviolabile et sicuro da tutte le armi. Accettò la promessa il soldato, con animo però di non servarle fede: et ella allhora della prima herba, che le venne alle mani, fatto liquore, se ne bagnò il collo; et disse che sopra di lei ne potrà far la prova. Perchè egli ciò credendo, al primo colpo le tagliò il collo; et quella virtuosa fanciulla si liberò di pericolo e d'infamia. Di qui prese argomento M. Lodovico Ariosto della virtù d'Isabella, et del furore di Rodomonte» и т. д.

15. «Замѣчательный философъ, хорошо знакомый съ древнею исторіей, какъ видно изъ книги имъ написанной, исполненной правилъ глубокой политической и нравственной философіи, богатой драгоценными свѣдѣніями о древностяхъ этрусскихъ и италійскихъ. Книга эта частью напечатана, хотя подъ другимъ именемъ, частью не издана. Онъ былъ въ особенно пріятельскихъ отношеніяхъ съ Antonio degli Alberti, другимъ замѣчательнымъ поэтомъ своего времени, и съ благородными принцами di Battifolle, властителями Casentino».

16. «Объ авторѣ этихъ балладъ, знаменитомъ музыкантѣ и поэтѣ, такъ говорить другъ его Guido del Palagio въ книгѣ, на которую мы указывали въ другомъ мѣстѣ: «Въ то время процвѣталъ Франческо degli Organi, музыкантъ теоретикъ и практикъ, который (удивительно передавать это), будучи слѣпымъ отъ рожденія, обнаружилъ такой божественный талантъ, что не только до тонкостей изъяснялъ отвлеченное ученіе о музыкальныхъ размѣрахъ, но и съ великой пріятностью прилагалъ его на дѣлѣ на своемъ органѣ; и не смотря на все это (невѣрится разсказу) вступалъ въ споры съ любымъ артистомъ и философомъ, не только о своей музыкѣ, но и о всѣхъ свободныхъ искусствахъ, потому что во всѣхъ онъ былъ хорошо свѣдущъ».

17. *le tre corone fiorentine* — постоянное выраженіе автора, когда ему приходится поминать Данте, Петрарку и Боккаччо.

18. Это различіе трагическаго и комическаго рода принадлежитъ Данте. См. его *De vulgari eloquentia*.

19. Средніе вѣка давали Венерѣ двухъ сыновей: *Amor* и *Cupido*. Hadamar von Laber, S. 171.

Vênus, Amor und Cupidô
Wenent gewalt und wunder zaigen.

20. «Giunone detta è secondo l'errore gentilizio ab antico iddea delle ricchezze e de' regni, chè l'una cosa e l'altra per mezzo dell'aere principalmente s'aquistano et anno» lib. I. стр. 22—3. Выше, на 13 страницъ той же главы, Юнона названа просто богиней воздуха. Сличи съ приведеннымъ отрывкомъ Боссас. *De genealogia Deor.* lib. VIII: *eam praeterea regnorum atque divitiarum faciunt deam*. Въ средневѣковой нѣмецкой литературѣ *rich* было постояннымъ эпитетомъ Юноны. Такъ Flore vv. 1600—1. по поводу суда Париса:

dâ von gehiezens im enstrît
Jûnô schatz und rîchtuom
Pallas и т. д.

Diu Krone v. 8286: und Jûnônem die rîchen.

Tanhauser ap. Hagen, 2, 856: Jânô gap *richeit* dur die minne, hoere ich jehen.

Konrad, Trojanerkrieg v. 81840 переводить Овидиево *regnum* (Her. 17 v. 117) — *schaz*: diu erste (sc. Jânô) diu gelobte iu schaz.

21. Это может быть сказочная *стеклянная* гора, изъ сказки перешедшая въ аллегорію.

22. Непереводимая игра словъ, впрочемъ довольно неудачная въ итальянскомъ текстѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ *ventura* — ходкость, отъ *venire*, не употребительно.

23. Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса въ Журн. М. Н. П. 1868 г. ч. CXL

24. «con ciò sia cosa che quel bene che più comune è, senza dubbio più divino si dimostra» lib. III, стр. I. Сл. Prose di Lorenzo de Medici (Si difende da chi lo accusasse di avere scritto in lingua volgare, въ Poesie di Lorenzo de' Medici, Firenze, Barbèra, 1859, I v. ed. G. Carducci, стр. 10): «si prova ogni bene esser tanto migliore quanto è più comunicabile ed universale»; и сходное мѣсто въ Инвективѣ Ринуччини, напечатанной нами при 2-мъ томѣ итал. изд.: «quanto il bene è più comune, tanto à più del divino».

25. Что обычай продавать и покупать въ рабство извѣстенъ былъ въ Италіи XIV-го столѣтія, подтверждается, не смотря на противныя увѣренія Bartolo (ad I hostis de captivis), новеллами Boccaccio II, 6, V, 6 и 7 (Teodoro и Violante). Рабынь упоминаетъ Francesco da Barberino въ Del Reggimento e dei costumi delle donne; у него же встрѣчается извѣстіе о частыхъ похищеніяхъ, которымъ въ въ то время подвергались ребята отъ расплодившихся нищихъ и бродягъ; почему нынѣ дается совѣтъ:

Guardal da cattatori e da guiglioni;
Che se ne van furando molti e molti,
E rompongli le gambe e l'altre membra;
E vanno poi accattando con essi. Ibid. parte XIII.

26. Ammirato Ist. fior. XV: «l'imperizia delle buone lettere, la disciplina militare convertita in ladronecci, le nobili arti sepolte, e senza speranza ни molti beni, apparati d'infinitissimi mali».

27. Ammirato I. c.

28. «Fue adunque questo felicissimo e grazioso anno la città molto di feste e di letizia gioconda: i famosi cittadini governatori di tanta republica, lietissimi e contenti nella pace sicura; i mercatanti ottimo temporale avieno: perchè li artefici e la minuta gente senza spese o gravezza, sendo convenevolmente l'anno abbondante, in questa felicità si vedieno, e volentieri ciascheduno a festeggiare e godere si trovava, facevasi molti conviti, magnifici e spesso». Кн. III, стр. 4.

29. «Era già il velocissimo carro del comato Appollo trapassato e scorso lo istellato *Montone* (созвѣздіе Овна: Мартъ) col ricco e bellissimo *Toro* (Телецъ: Апрель) che la pargoletta Europa si dolcemente ingannò; e i suoi isvariati cavalli già *Castore* e *Polluce* (Близнецы: Май) incendea и т. д. Кн. II, стр. 76.

30. Кн. II, стр. 75.

31. «Fiorenza detta sì èe, quasi posta a prestissimamente fiorire oltre a ogni natura di cosa» кн. IV, стр. 242.

32. «ragionando delle aque, e come e quanto miracolosamente a credere il maestro Buonavere le ritrovava, giudicava, e certissimamente predicea, non altrimenti di quelle facendo che uno astrologo nella *parte motina* guidicasse surgere e coricare le stelle» lib. IV p. 92. *Parte motina*, т. е. неба, мы переводимъ твердь, firmamentum, «qui touzjors tornoie et environe le monde, o toutes les estoiles de orient en occident» (Brunetto Latini Li livres dou tresor livr. I part. II chap. CVIII). *Motino*, а кажется намъ сложеннымъ, какъ французскій mutin (отъ muete, meute, lat. med. movita: movitinus?). *Motino* въ смыслѣ ammutinamento, ribellione встрѣчается у Cinuzzi, сиенскаго писателя XVI вѣка. Мы думаемъ, что здѣсь это слово имѣетъ значеніе астрологическое, непомѣненное словарями. Что до маэстро Buonavere, то Buonaveri были извѣстны во Флоренціи: они жили въ кварталѣ S. Spirito и нѣсколько разъ изъ нихъ выбирались приоры. Buonavere di Simone di Giunta de' Buonaveri, legnaiuolo e sanettaio, упоминается подъ 1364 годомъ и вмѣстѣ со своимъ братомъ Piero въ 1370 и 75 годахъ; затѣмъ въ 1380 и 82 и наконецъ въ 1391, когда онъ былъ баллотированъ въ одинъ изъ меньшихъ цеховъ (squittinato per la minore). См. въ центральному флорентійскому архиву замѣтки dell' Ancisa В. В. 106; G. G. 263, 264, 366. Buonavere di Matteo и другой Buonavere, сынъ Francesco, упоминаются—первый подъ 1348, второй подъ 1395 годомъ. Id. В. В. 106.

33. *Rime di F. Vannozzo tratte da un cod. del sec. XIV*, in occasione di nozze. Padova, tipogr. del Seminario 1825 (Tommaseo).—*Saggio di rime di quattro poeti del sec. XIV tratto da un cod. ined.* Firenze, Pezzati 1829 (Tommaseo).—*Storia della dominazione Carrarese in Padova* di G. Cittadella, Padova, tip. del Seminario 1842 (I vol. стр. 404).—*Ghidino da Sommacampagna*, poeta veronese del trecento, sonetti ined. Verona, Merlo, 1856 (Sorio).—Tommaseo, *Dizion. estet.* Milano 1860.—*Rime di Cino da Pistoia ed altri*, Firenze, Barbèra 1862 in 32-o (G. Carducci).—*Poema in otto sonetti a Gian Galeazzo Visconti, conte di Virtù*, въ Archiv. stor. nuova Serie т. XV часть II, Firenze, Vieusseux 1862 (Sagredo).—G. Grion, *Ein motto confetto des Veroneser Dicht.* Francesco di Vannozzo (въ Jahrbuch für romanische und englische Literatur, Leipz. 1863, v. III p. 327—338).—Fr. Sacchetti, *Canzone morale* fatta per uno che avea a partire della sua dama. Faenza, Conti, 1864 in 8-e (Ghinassi).

34. Этому маэстро Бартолину изъ Падуи (Magister frater Bartolinus da' Padova) принадлежать нѣкоторыя изъ канцонъ, положенныхъ на музыку въ драгоценномъ собраніи канцонъ и напѣвовъ, находящемся въ Лауренціанской библіотекѣ (ркп. 87, fol.^o съ миниатюрами). Трудно сказать, ему-ли слѣдуетъ приписать ихъ стихотворный текстъ, или онъ только сочинилъ напѣвъ на чужія слова; последнее напр. несомнѣнно относительно французскихъ балладъ, которыя помѣчены его именемъ, тѣмъ болѣе, что одну изъ нихъ мы встрѣчаемъ въ томъ-же сборникѣ съ именемъ *maestro ser Niccolò da Perugia*, стало быть другаго компониста. Не зная, были-ли онѣ когда изданы, мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ читаются въ лауренціанской рукописи:

La fiera testa che d'uman si ciba
Pennis auratis volitum perquirat;
Sovr' ogni italian questa preliba.

Alba sub ventre palla decoratur,
Perchè del mondo signoria richiede,
Velut ejus adspectu demonstratur.

Cist fier cimieres et la flamma che m'art
Soffrir m'estoyt, che sson fier leopart.

Сл. Trucchi, Poes. ital. ined. т. II стр. 159, который печатает ту же балладу по парижскому списку, но въ искаженномъ видѣ и съ ошибками во французскомъ текстѣ.

La douce cere d'un fier animal
Se poyt entendre por signifians
Grant ardimant et humile senblans.

Le vis human, le bust d'un lyon
Intre sigies (sic) d'un bref allegier
Que dit ly amant sans dottier.

An su col port un scut tout blans
Che d'engonbrier il fet tout garans.

Это и есть канцона, положенная на музыку маэстромъ Никколò da Perugia, что оставляетъ насъ въ нерѣшительности, обозначаютъ-ли написанныя имена—авторовъ или композиторовъ балладъ, или авторы были въ то же время и музыкантами, что напр. несомнѣнно относительно Франческо Сіесо, который и сочинялъ канцоны и ихъ-же клалъ на музыку. Сл. кн. III стр. 11: «Francesco..... cominciò sì dolcemente a sonare suoi amorosi canti». Всё это заставляетъ насъ ограничиться лишь общимъ указаніемъ на итальянскія стихотворенія, помѣченные въ нашей рукописи (Laug. 87) именемъ Bartolino, потому что не знаемъ, ему-ли принадлежитъ ихъ литературная часть. Кажется, таково мнѣніе Cappelli, который напечаталъ одну балладу съ именемъ нашего автора по нотной рукописи моденской библіотеки (№ 568), очень похожей на лауренціанскій списокъ. Сл. Ballate, rispetti d'amore e poesie varie, tratti da cod. musicati dei secoli XIV, XV e XVI, per cura di A. Cappelli. Modena, Cappelli, 1866, стр. 15.

35. «Il quale, come sapete, oltre a ogni altro grandissimo cittadino nella nostra repubblica in quelli tempi si era» кн. II стр. 97.

36. «Savio e notabile cittadino e grande quanto mai avesse la sua città» Franco Sacchetti Nov. 193.

37. Sic. Родительный падежъ очевидно не грамматическій недосмотръ (какъ напр. въ поэмѣ Reinfried употребленіе Iovis въ имен. пад.), но скорѣе наивное перенесеніе съ заголовка рукописи: *Metamorphoseos libri* и т. д. Въ этомъ смыслѣ еще страннѣе наивность Gower'a, принимающаго за имя существительное сокращенную пометку *metamor*(phoseon liber. и т. д.), которая должна была часто встрѣчаться на поляхъ овидіевскихъ рукописей. Такъ въ *Confessio amantis*, 2, 353—356:

Ovide said as I shall say
and in his *metamor* he tolde
a tale which is good to holde.

38. Egidio Romano Regg. del principe, ed. Corazzini кн. II, ч. I, гл. 20.

39. «*Le femine deono taciere nelle chiese*, però che non n'è loro licito a favellare in chiesa; anzi deono essere sottoposte, secondo che dicie la leggie; ma s'elleno vogliono imparare alcuna cosa, domandino a casa i loro mariti; chè sozza cosa è alla femina a favellare in chiesa» — «*La donna savia e poco parlante è dono di Dio, e grazia sopra grazia*». Изъ небольшого трактата, напечатаннаго у Zambrini, *Le opere volgari a stampa* и т. д. Bologna, Fava e Garagnani 1866: *Sedici cose son quelle, che inducono ad amare il matrimonio, cioè la moglie*, стр. 152.— Впрочемъ запрещеніе женщинамъ приближаться къ алтарю и совершать на немъ какіе бы то ни было обряды встрѣчается уже въ постановленіяхъ Халкедонскаго собора, откуда перешло въ декретапія папы Гелазія и въ XIII в. въ проповѣди Бертольда.

40. Egidio Romano l. c. кн. II часть I гл. 16.

41. Del Reggim. parte XVI стр. 257 (изд. Mansi).

42. Кн. IV, стр. 76: «*Ora voi vedete che ancora le donne non sono con noi per la ora tempestiva; il perchè, se a voi pare, a me piace, mentre che ellono penono a venire, che la nostra collazione sia in qualche materia utile e non solamente dilettevole per lo novellare*; ibid. стр. 153—4 «*O reverendissimi padri e maestri, voi vedete che le donne ancora nelle loro camere stanno, il perchè..... a voi piaccia non tanto lo dilettevole e comune, ma utile e particolare, o del ben vivere dell' uomeni secondo virtude intorno allo esercizio de' beni esteriori, o della nostra republica intorno al governmento cittadinoesco o veramente pollitico qualche buona, utile e laudabile regola si dia*».

43. «*Per nostra Donna, per nostra Donna Vergine Maria, chè io non mi credea che le donne fiorentine fossono filosofe morali e naturali, nè che avessono la rettorica e la loica così pronta, come mi pare ch'abbino*. A cui la valente giovane dolcemente rispuose: «*Maestro, le donne fiorentine s'ingegnono di fare e dire sì, secondo il loro potere, che non sia loro una cosa per un' altra mostrata da chi ingannare le volesse. Ma voi che sapete, e certe ci rendiamo che ngannare non vorrete, ditene la verità, acciò che ciascuno ne rimanga contento*» кн. III стр. 32—3.

44. E. Sarteschi, *Poesie minori del sec. XIV*, racc. e collaz. sopra i migliori codici. Bologna, Romagnoli, 1867 стр. 80—3. Объ одномъ Giovanni di Niccolò di Ruggero или Geri Soderini говорится подъ 1391 годомъ; онъ умеръ 30 августа 1421 года. У него была сестра Niccolosa, замужемъ за Nerozzo di Bernardo degli Alberti.

45. Кн. III стр. 20—21.

46. Ib. стр. 21. Нечего и говорить, что Cioni печатаетъ *paradiso* и *cosa*: для него, который такъ неряшливо и неосмотрительно обошелся съ нашимъ текстомъ, какъ мы это доказали, всѣ эти намеки, разумѣется, не имѣли никакого значенія. Кажется, что и Sarteschi въ канцонѣ имъ напечатанной не обратилъ вниманія на игру словъ: реторическая прикраса, слишкомъ любимая въ то время, чтобы её можно было не замѣтить (Сл. напр. у Саккетти: *Elisa*—fioretta Alisa; *Angiolina*—tu Agnola verace e benedetta). Въ извѣстной намъ нотной рукописи канцонъ, прежде принадлежавшей Антонію Squarcialupo, теперь Лавренціанской бібліотекѣ (№ 87), приведенная баллада нашего романа помѣчена вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими именемъ Francesco Cieco. Потому-ли, что она имъ положена на музыку? Или и самый текстъ ему принадлежить, и не даромъ

говорится въ нашемъ романѣ, что когда её собираются пѣть, всѣмъ это по сердцу, а Франческо въ особенности? (кн. III, стр. 20: *e prestamente con piacere di tutti e singularmente di Francesco musico due fanciullette cominciarono una ballata a cantare*). Какъ-бы то ни было, встрѣтивъ въ лауренціанской рукописи это стихотвореніе съ именемъ Франческо, мы еще болѣе убѣждаемся въ исторической достовѣрности нашего романа. Оно стоитъ въ сборникѣ подъ № 142 и представляетъ текстъ неполный и мѣстами испорченный, но легко возстановимый при помощи нашего романа, гдѣ оно читается вполнѣ. Предлагаемъ здѣсь лауренціанское разночтеніе:

Or *sun* gentili spiriti ad amar pronti,
Volete voi vedere l' Paradiso?
Mirate de' sta *petra* el vago viso.

Nelle suo' luce sancte ard'e sfavilla
Amor victorioso che *divaropa* (sic)
Per dolcezza di gloria chi la mira.

Divaropa исправляется въ *divampa* по требованію рифмы (*lampara*); единственный вариантъ, самъ по себѣ незначительный, представляетъ *petra* (вм. *cosa*), который можетъ быть назначенъ удавить слишкомъ личный и случайный намекъ, заключавшійся въ двойственномъ значеніи *Cosa* и *cosa*. Но возможно и то предположеніе, что замѣна вызвана была желаніемъ наметнуть подъ покровомъ такого-же гомонима (*Petra* и *petra*) на какую нибудь мадонну *Petra*, какъ въ канцонѣ, приписываемой Данте.

47. Кн. IV стр. 113.

48. Ib. стр. 155—6.

49. Summa pars II quaest. 78 и Egid. Romano Del Reggim. del princ. lib. II parte III pag. 8—10.

50. Кн. IV стр. 77—83.

51. Cod. Laur. Gadd. reliq. 75. «Cap. III. *Della vile materia di che generati siamo*..... È adunque il virile seme nel quale è *virtute informativa* quella di che generati siamo; il quale, quantunque purissimo sangue sia, è tanto alla corruzione vicino che, se prestamente da *natural vasello* non è ricevuto che'l conservi, perduta la virtù naturale, si corrompe. Et per questo meritamente dire si può vilissima cosa; et similmente il sangue riservato della natura nel ventre della femmina, in quella parte che'l virile seme riceve, è di sua natura puro e persevera alcuno tempo nella sua purità. Et questo fa la natura acciò che la *virtù informativa* del virile seme truovi, sempre che l'è mandato, materia disposta a ricevere la forma precedente dalla *virtù del generante*» — «Cap. IV *Della miseria dove stiamo nel corpo* (var. ventre)..... Il luogo ove sta la creatura umana nel ventre materno si è uno certo recetacolo o vero ventricolo, il quale il sopradetto seme generativo riceve, com'è detto: ove per virtù del caldo naturale, ajutato dalla generosa e vitale bontà della natura, dopo certo tempo prende perfezione di forma dalla *virtù del generante*, avendo la vegetativa anima e la sensitiva; e in quella, quando tempo li pare, il nostro Signore spirando infonde la razionale anima, e quindi comincia a sentire e vivere, e quivi si conserva e aumenta».

Въ какомъ отношеніи находится трактатъ Торини къ трактату Иннокентія III, носящему то же заглавіе: *De miseria humanae conditionis*—этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ для изслѣдователя.

52. Предлагаемъ здѣсь для сличенія параллельные тексты нашего романа (кн. IV, стр. 79—81) и рукописнаго трактата Giovanni di Gherardo по двумъ риккардианскимъ спискамъ:

Романъ.

Dico adunque che, secondo che vogliono i vostri fisici, e singularmente il vostro divino Ippocrate dove tratta della natura del fanciullo, che, dappoi ch'è il sangue perfetto dall'uomo nel vaso naturale della donna disceso (il qual sangue la natura riserba per la generazione), prendendo la virtù informativa dal cuore del generante, dopo i sette dì fa uno folliculo, e circondalo in modo d'un uovo. Nella seconda settimana si generano certe goccioline di sangue nella superficie del folliculo. E nella terza settimana quelle goccioline che sono di fuori entrano dentro a esso umore di concezione. Nella quarta il detto umore si restringe e coagula, sendo quasi infra carne e sangue. Nella quinta in essa sostanza d'umore si compone la effigie umana, sendo di grandezza d'uovo a pena, e in quella brevità sono designate tutte le membra e ogni lineamenta di tutto il corpo. Et alcuna volta avviene che, fornita tutta la composizione de' membri, come detto è, il parto nel settimo mese s'affretta; se non, nel nono mese a sua perfezione..... Resta a dire come si faccia animale ragionevole, imperò che ciò che detto io ò, è fatto da Dio mediante le influenze de' cieli, delle qualità delli elementi e dell'ordine della natura: il perchè è corrutibile e mortale; ma quello che fa Iddio senza mezzo, quello è incorruttibile e immortale. *Quella è adunque l'anima, la quale Iddio, quando la natura à fatto l'articolare perfetto del cerebro, spira, e nuovo spirito sopra tanta arte di natura; e questa anima nuovamente fatta da Dio senza mezzo, ciò che truova e*

(Giovanni di Gherardo)

Dico omai che l'uomo s'ingenera da uomo e femmina mediante la legge naturale, cioè per comune raccozzamento, portante seco il seme la virtù informativa dal maschio, cioè di farsi e di formarsi mediante el nutrimento che dalla femmina prende: sicchè, attendendo la natura a fallo venire al fine suo, si comincia per essa natura prima lo seme a disporsi in questo modo. Ne' primi sette dì fa uno panicolo intorno al seme ad modo che è quello dell' uovo. Ne' secondi sette dì aopera nella superficie del panicolo quasi come goccioline di sangue. Nelli altri sette dì quel sangue dentro tira. Nella settimana quarta costringe esso umore e condensa insieme. Nella quinta comincia ad comporsi nelle membra e la sostanza del detto umore comincia ad pigliare forma umana quasi di grandezza d'uno ape che fa il mele: e nondimeno in quella brevità essere tutte le membra e tutto il corpo designato e distinto. Et se avviene che in questa quinta settimana con tutte le membra bene fornisca, el parto s'affretta nel mese settimo. Nella sesta settimana è generalmente il corpo secondo el numero de' membri compiuto, sì l'articolare del cerebro, il cuore, il polmone e gli altri membri interiori e exteriori: e infino a questo punto è suto primieramente nel seme la virtù del crescere, come noi veggiamo nelle piante, che anima vegetativa si chiama (ma più propriamente parlando virtù d'anima è questa, e la prima seconda): nella settimana quarta vi s'aggiunge un' altra potenza d'anima che si chiama sensitiva, come è ne' funghi marini, nell

vegetabile e sensitivo tira in sua sustanza e diventa una sola, la quale vive e sente e conosce sè essere animale ragionevole oltre allo intelletto d'ogni animale bruto, parlando largo.

ostrage e in questi nicchi che nelle fiumane si truovano. *Dappoi formato come detto io l'ò e organizzato tutto, nella sesta settimana Iddio unico, solo e incomprendibile e primo motore, lieto sopra tanta arte di natura spira una nuova anima, non mai più suta, pura e chiara come una tavola rasa nella quale niente è scritto. È la predetta anima d'ogni virtù ripiena, con tre virtù: Memoria, Intelligenza e Volontà libera dello albitrio nè a necessità alcuna costretta, anzi per sua virtù atta a signoreggiare la influenza delle istelle; e ciò che truova nel detto corpo attivo tira in sua sustanza; sicchè quelle due virtù, vegetativa e sensitiva, si fanno una medesima sustanza con lei, la quale si move e sente, e quando è in perfezione conosce sè essere animale ragionevole. E questo in neuna altra cosa che nell' uomo si vede.*

Пропускъ, сдѣланный нами въ приведенномъ текстѣ нашего романа, обозначенный точками, отвѣчаетъ тому, что въ рукописи Giovanni di Gherardo непосредственно слѣдуетъ за нашей цитатой: тамъ и здѣсь продолжается исторія человѣка до и послѣ рожденія, расположенная по днямъ, мѣсяцамъ и годамъ, которыхъ всегда 7: апокалипсическое число, перешедшее въ символику средне-вѣковаго искусства и любимое христіанскою аллегоріей (Сл. 7 таинствъ, 7 даровъ Духа Святаго, 7 словъ, произнесенныхъ Спасителемъ на крестѣ, 7 печалей Богородицы, 7 печатей божественной книги, 7 азіатскихъ церквей, 7 главъ апокалипсическаго звѣря, 7 свѣтильниковъ, 7 сосудовъ гнѣва Господня и т. п. См. также комментарий Бути къ XXV пѣснѣ Purg.).—Подобное-же соотвѣтствіе между двумя текстами мы замѣчаемъ еще въ другомъ мѣстѣ, тамъ гдѣ въ романѣ толкуется, на сколько одно животное способнѣе и смышленѣе другого, а Трактатъ говоритъ объ удивительномъ инстинктѣ пчелъ, муравьевъ и т. п. Все это, если и не ведетъ къ прямому заключенію, что оба труда обличаютъ одну руку, всё-же указываетъ на одинаковыя философскія и литературныя вліянія. Такъ напр. та же теорія встрѣчается, хотя и съ нѣкоторыми отгнѣнами, у Франческо да Барберино Del Reggimento delle donne, parte XVI, стр. 266—9 (ed. Mansi):

Dal dì ch' el tuo marito, attendi, donna,
Starà con teo insino a sette giorni,
Lo dono ch' el ti fece sta in latte.
. per suo riparo
Nasce d'intorno una foglia sottile.
.

*Di sette di alcune gocce
Appariscon di sangue
D'intorno a questa foglia и т. д.*

53. Кн. II стр. 224: «Quale è il migliore regimento d'una polizia, o quello d'uno, o quello di più, come noi continuamente veggiamo? o veramente qual'è miglior reggimento, o quello ch'è di buono signore (var. rè), o di buona legge?» Сл. Egid. Romano Regg. princ. lib. III p. II с. 26 и тамъ же ссылку на Aristot. Polit. III; Cortegiano lib. IV, cap. XIX и слѣд.

54. Кн. IV. стр. 84—85: «io dico che in meno parole in alcun tempo non ndi' tanto pienamente sadisfare in tanta profonda e alta materia, e in me pensato arei impossibile con tanta brevità quello bene e perlucido, come detto è, poter dire; e omai chiaro veggio e conosco che l'edioma fiorentino è sì rilimato e copioso che ogni astratta e profonda materia si puote chiarissimamente con esso dire, ragionarne e disputarne. Et bene omai voglio credere quello che io sento del vostro Dante poeta teologo, che tante alte sentenze d'ogni disciplina elli ponghi sotto il velame della sua leggiadrissima invenzione. E per certo, padri miei, ei conviene che io l'abbia per l'avenire dimestico e familiare, dogliendomi forte che per lo arietro fatto non l'abbia».

55. «Scusimi ancora l'ardentissima voglia che continuamente mi sprona il (dolcissimo) idioma materno con ogni possa sapere esaltare e quello nobilitare, come che da tre corone fiorentine principalmente già nobilitato et esaltato si sia; le quali umilissimamente si seguono, non altrimenti ch'è dottissimi naviganti fecino ne' loro viaggi pel segno del nostro polo». Кн. I стр. 2.

56. Naldo Naldi Vit. Giann. Mannetti въ Script. Rer. Ital. XX 521; Tira-boschi Storia Let. ital. Modena 1776 VI p. I p. 77—8. Voigt (Die Wiederbe-lebung des classischen Alterthums и т. д. стр. 115) сопоставляетъ Mannetti съ Luigi Marsili; но послѣдняго уже не было въ живыхъ въ 1394, тогда какъ Mannetti, принимавшій дѣятельное участіе въ академическихъ сходкахъ S. Spirito, родился въ 1396 г.

57. «grandissimo favore nel dare opera alle lettere latine». Vespas. de' Bisticci Vita di Leonardo; Leon. Aret. Epist. II, 11; I, 12.

58. Franc. Bocchii Elogiorum и т. д. edit. altera emendatior. Florentiae 1844 (ed G. C. Galletti): *Aloysius Marsilius*.—Съ именемъ *Giovanni di Lorenzo* (Iohannes Laurentius) читается въ риккардианской ркп. 1103 сонетъ, начинающійся стихомъ: Non altrimenti inamorò Narcita. Нѣкоторыя другія свѣдѣнія о литературномъ вліяніи Marsili сообщаютъ: Giann. Manetti. *Vita di N. Niccoli*; Leon. Aret. *Dialog. ad P. Histrum*; Poggio, *Oratio in fun. N. Niccoli*.

59. «di statura più che mezzana, ma alquanto chinato, con ossa larghe, colore quasi bianco, faccia tonda, larghe e pendenti mascelle e con labbro di sotto alquanto più eminente, pronunziatione modesta ma tarda: l'aspetto suo è alquanto orrido e malinconoso, ma cominciando a parlare è giocondo; tanta è la veemenza del suo parlare nelle persuasioni sue, che non pare che persuada, ma ch'egli sforzi quel che vuole impetrare» F. Villani, *Vite d'uomini ill. fior.* ed. Mazzuchelli (Vita e eccellenze di Coluccio Piero), причѣмъ слѣдуетъ сличить критическія замѣтки Lami въ Nov. letter. 1748 N. 15, гдѣ на основаніи риккардианскихъ списковъ предлагаются нѣкоторыя поправки къ тексту Mazzu-

chelli (напр. *pendenti mascelle* вм. *pendenti*). Относительно года, когда Coluccio был избранъ въ канцлеры, Lami расходится съ общепринятымъ мнѣніемъ, предлагая вмѣсто 1375 года—1374-й и даже 1370-й (онъ пишетъ, «negli atti pubblici delle Tratte di Firenze che Coluccio fu eletto Cancelliere ancora nel 1370, e la sua lettera a Francesco di Brossano fa vedere..... che già nel 1374 era almeno Cancelliere fiorentino»). Много свидѣній о Coluccio представляютъ его письма, какъ неизданныя, такъ и напечатанныя въ собраніяхъ Mehus'a и Rigacci (гдѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на предисловія), Pez'a (Thesaur. Aneed. noviss. t. V P. III), Baluzia (Miscell. Lib. IV p. 510, 511 и 516); въ Epist. princip. (ed. ab Hier. Donzelino, Venet. 1574 p. 208), у Mehus'a Vita Ambros. Camald. passim; Tiraboschi, Stor. lett. italiana T. V; Moreni въ изданіи Инвективы противъ Антонія Луска.—Объ итальянскихъ сочиненіяхъ Salutati см. F. Zambrini, Le opere volgari a stampa и т. д. 3-е изданіе стр. 407. Въ рукописяхъ встрѣчаются неизданныя стихотворенія съ его именемъ.

60. Salutati Epist. I, 67, изд. Rigacci.

61. Ibid.

62. Въ 3-емъ приложеніи къ первому тому итальянскаго изданія этой книги мы напечатали неизданное письмо Coluccio къ Моравскому маркграфу, въ которомъ онъ общается ему выслать одно сочиненіе Петрарки, напоминая въ свою очередь объ Исторіи чешскихъ королей (Cronica regum Boemiae), ему обещанной. Не разумѣется-ли здѣсь хроника Пулавки?

63. Salut. Epist I, 78: Domino Galeotto.

64. Письмо Salutati къ Римлянамъ, напечатанное нами въ первый разъ въ 4-мъ приложеніи къ 1-му тому итал. изд. этой книги.

65. О сильномъ влияніи, какое производили письма Coluccio, говорятъ Rinucini въ своей Risponsiva ad. Ant. Lusco: «Offerasi al mio tempo il maestro mio, e veramente Piero Coluccio figliuolo delle muse, così in versi, come in prosa, più e più libri elegantissimi scrisse, e, con pace di tutti i cancellieri sie detto, lettere di sapienza sì ripiene e di maravigliosa dolcezza adornate dettò per la nostra Republica, che re e signori, ai quali sono pervenute, per mesi nelle loro mani l'hanno tenute, maravigliandosi della incredibile poderosità e dolcezza». Напеч. въ концѣ Investiva Lini Colucii in A. Luscum Vicentinum и т. д. Firenze, Magheri, 1826 (ed. D. Moreni) стр. 231. Въ примѣръ эпистолярнаго слога Coluccio мы въ первый разъ печатаемъ въ приложеніи къ этому русскому изданію письмо флорентійской респ. къ боснійскому Царю по поводу битвы на Косовомъ полѣ.

66. О Marsili см. Mehus'a и Tiraboschi и источники ими указанныя. Перечень его итальянскихъ сочиненій, находящихся въ печати, можно прочесть у Zambrini, Le opere и т. д. 3-е изд. стр. 282—3. Его наставленіе для исповѣди, написанное въ 1387 г., встрѣтилось намъ въ бумагахъ Строцци во флорентійскомъ архивѣ, № 144, и въ позднѣйшемъ спискѣ Лауренціанской бібліотеки. Boschi Elog. (ed. G. C. Galletti стр. 12: *Aloysius Marsilius*) сообщаетъ свидѣнія о нѣкоторыхъ другихъ трудахъ, опущенныхъ или забытыхъ Tiraboschi: «Multa scripsit quae partim hominum negligentia, partim injuria temporum perierunt. Extant tamen, quae nunc asservantur, Theologicae quaestiones mirabiliter utiles; Vetus itidem ac Novum testamentum heroicis versibus exaratum: opus profecto translaturum miris modis, si laborem spectes, omne ex

parte laude offerendum; si ingenium, justissimis de causis probandum.

Не произошло-ли здѣсь такое-же смѣшеніе, на какое указываетъ Тирабоски у писателей августинскаго ордена, нашего Marsili съ другимъ его однофамильцемъ, жившимъ въ слѣдующемъ столѣтіи и спорившимъ съ Греками на Флорентійскомъ соборѣ? Если такъ, то не приписаны-ли здѣсь труды послѣдняго первому?

67. Bocchi *ibid.* vehemens in disciplinis peripateticis.

68. Кромѣ Марсильо были въ то время и другіе аверроисты въ Падуѣ: Paolo della Pergola, Nicolò di Foligno, Onofrio da Sulmona, Giovanni da Lendinara и Giacomo da Forlì. Не знаемъ откуда Voigt (*Wiederbelebung* и т. д. стр. 114) почерпнулъ свѣдѣніе, будто Marsili въслѣдствіи совершенно предался этой школѣ, и что благодаря ему мы можемъ составить о ней понятіе совершенно противоположное тому, какое обыкновенно выводится изъ нападокъ Петрарки.

69. Leon. Aret. *Dialog. ad P. Histrum* у Tiraboschi l. c. V. p. 134.

70. Нѣкоторыя разсужденія, вложенныя нашимъ романистомъ въ уста Marsili, встрѣчаются въ другихъ его сочиненіяхъ, и мы не находимъ ничего невяротнаго въ предположеніи, что его комментарий къ *Italia mia* вышелъ впервые изъ литературныхъ бесѣдъ, въ которыхъ Marsili принималъ участіе. См. напр. итальянскій текстъ нашего романа кн. II стр. 73 (слова графа Карла въ спорѣ съ Марсилье) съ *Commento a una canzone di F. Petrarca per Luigi Marsili* (Bologna, Romagnoli 1863, ed. C. Gargioli, стр. 44—5): «Sono adunque non uomini, chè razionali sariano, ma bestie che tutte anno le altre due (т. е. la virtù concupiscevole e la irascibile); e le più nobili bestie, come leoni, tauri, porci cinghiari, o cavalli selvaggi o aguglie, falconi, sparvieri e pesci dentati abbondano nella irascibile; e le più vilii bestie abbondano nella concupiscibile, e sono senza ardire e forza, come pecore, caprioli e cervi, che mangiando e generando continuo quasi mai non combattono, e così sono preda e cibo degli altri animali feroci e gentili».

71. Lettera contro i vizi della corte del papa, въ послѣдній разъ изданное у Selmi, Documenti cavati dai trecentisii circa al potere temporale della Chiesa, въ *Rivista Contemp.* 1862. Другія изданія помѣщены у Zambrini, *Le opere* и т. д.

72. Mehus, *Vita Ambros. Camald.* p. CCLXI.

73. *Comento a una canzone di Francesco Petrarca per Luigi de' Marsili.* Bologna, Romagnoli, 1863 (ed. Carlo Gargioli).

74. Mehus, *Vita Ambros. Camald.* стр. CCLXXXV—VI. Другія письма объ этомъ дѣлѣ напечатаны нами въ 5-мъ приложеніи къ 1-му тому итальянскаго изданія.

75. См. письмо, напечатанное подъ № 6 въ приложеніи къ 1-му тому итал. изд.

76. Напечатано здѣсь въ первый разъ по cod. Laur. Gadd. reliq. 75 fol. 51.

77. *Brieve meditazione sui beneficii di Dio per Agnolo Torini da Firenze, testo inedito bel buon secolo della lingua italiana.* Bologna, Romagnoli, 1862 (ed. Zambrini).

78. Cod. Laur. Gadd. reliq. 75. Въ 7 № приложеній къ 1-му тому итал. изд. напечатано посвященіе графу Карлу, помѣщенное впереди неизданнаго еще трактата Torini.

79. Regola del governo di cura familiare compilata dal beato Giovanni Domini, fiorentino, dell' ordine de' frati predicatori, testo di lingua dato in luce e illustrato con note dal prof. Donato Salvi, accademico della Crusca. Firenze A. Garinei 1860.

80. Leonard. Aret. Dial. ad Petrum Histrum lib. I.

81. Кажется, что и Rinuccini смотрѣлъ на Marsili съ точки зрѣнія специально духовныхъ совершенствъ, когда онъ такъ отзывается о немъ въ своей инвективѣ, стр. 227: «Nè nelle divine commemorazioni è d' essere taciuto della santa Iscrittura onore egregio, e di vita santissima Maestro Luigi de' Marsili, il quale con sì abbondantissimo parlare al popolo la santa Iscrittura insegnò, che tutti così begli, come buoni i detti de' filosofi e de' poeti in comentazione della fede e conversione de' peccatori predicò» (Сл. прим. 65)

82. Lettere del beato don Giovanni dalle Celle, monaco Vallombrosano e d'altri coll'aiuto di varie stampe e mss. recate a miglior lezione dal P. Bartolommeo Sorio e O. Gigli. Roma 1845, 1 v.

83. Cod. magliabechiano II, n. 39, miscell. Первую часть сборника занимаютъ стихотворенія Francesco d' Altobianco degli Alberti; вторая, начинающаяся письмами Marsili, Guido и Giovanni delle Celle, писана рукою Michele di Nofri del Giongante, который отмѣтилъ въ содержаніи на первомъ листѣ рукописи. Сообщаемъ здѣсь часть этихъ рубрикъ, относящуюся къ указаннымъ письмамъ. «Questo libro è di me Michele di Nofri del Giongante ragioniere di Firenze, scritto *Il forte*, di mia mano nel 1453 e 1454; del quale scriverò e noterò qui dappie le cose che scritte ci sono. In primo—da carte 1: appartiene della prima carta a 20 sono molte epistole di don Giovanni dalle Cielle di Valembrosa, eremito di sopra a Valembrosa, una cattolica e spiritual persona e gran valente uomo e tutto d' Iddio; adirette a *Guido di messere Tommaso di Neri di Lippo* (сверху позднѣйшей рукою приписано *del Palagio*), *famoso cittadino fiorentino appena senza pari, e con la valenzia v'era la bontà e la carità; e assai abbondante dell' avere del mondo e gran limosiniere, e netto cittadino, perchè chi reggie al danaio, reggie a ogni cosa.* E con questa fama visse e morì in tanta universal grazia di tutto questo popolo, quanto degnamente meritava. E così ci è altre pistole che scrisse al maestro Luigi Marsili frate di Santo Spirito e mandavagliele a Parigi, e così alcune altre pistole ad altri spirituali. Ed eziandio ci è delle risposte di Guido e di maestro Luigi a detto don Giovanni dalle Cielle, tutte ripiene di spirituali esempli e dottrine, d'averne grande consolazione leggendole».

84. Въ письмѣ къ Francesco di Marco da Prato, don Giovanni такъ выражается о Гвидо: «il cui nome credo sia scritto nel libro di vita eterna». Письмо помѣчено юнемъ 1392 года (изд. Sorio e Gigli, письмо XXIV), между тѣмъ какъ F. Zambrini относитъ смерть Валломброскаго монаха къ 1390 г. См. въ предисловіи къ *Brieve meditazione* и т. д. Angelo Torini, стр. 6.

85. Moreni, Notizie istor. dei contorni di Firenze III, 65 и 204.

86. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ исторій Аммирато; позднѣе мы упомянемъ о другихъ посольствахъ Гвидо, когда будемъ говорить о Giovanni de' Ricci и Andrea Betti, которые тоже являются соучастниками въ бесѣдахъ Ragadiso.—Другія подробности о немъ представляетъ переписка (Carteggio) Синьории, ркп. центральнаго флорентійскаго архива, въ особенности о коммерческихъ

дѣлахъ Гвидо съ товарищами, которыми являются Vieri de' Medici, Andrea di Ugo и Antonio Santi. Письма отъ 1387, 88 и 89 годовъ.

87. Archivio centrale di stato di Firenze, Libro de' morti отъ 1399 до 1412 г.

88. «*Testamento di Guido di messer Tommaso e come lascia certi poderi suoi all' arte della lana dopo la morte di Nofri d' Andrea di Neri*» — такъ читается надпись на оборотной сторонѣ пергаменнаго списка, находящагося въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ между бумагами шерстянаго цеха. Завѣщаніе отъ 14 августа 1399 года писано въ домѣ завѣщателя, «*in palatio residentiae infrascripti testatoris*». Сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки, которые показали намъ всего болѣе отвѣчающими цѣлямъ нашего изслѣдованія:.. Quum scilicet и т. д. *idcirco vir egregius et civis honoratissimus florentinus inter illos incurrente fama non solum florentini populi, sed etiam exterarum gentium reputatus*, Guido olim bonae memoriae domini Tommasii militis et quondam Neri Lippi de Florentia, sanus mente et intellectu, sed corpore languens, sua volens disponere et ordinare, ne accidat eumdem decedere intestatum, suum nuncupativum testamentum, quod dicitur sine scriptis, suam ultimam ore prope componendo et ordinando voluntatem, composuit, firmavit et fecit, in hunc modum, videlicet. Поручая свою душу Господу Іисусу и Его божественной Матери, Которой поклонникомъ Онъ самъ объявляетъ, что былъ въ теченіи всей жизни, Онъ оставляетъ шерстяному цеху на совершеніе вѣчной милости — по его душѣ и душахъ скончавшихся ближайшихъ сродниковъ «*duo poderia dicti testatoris posita in comitatu Prati, in populo S. Martini a Paperino, super via et strata quas dicitur al Ferro; quorum alterum colit Iohannis Gherardi cum sua familia, alterum Sander..... (sic.) cum sua familia*» и т. д.; «*hoc tamen exceptuato et praecedente quod Nofrius Andreae Neri infrascriptus solus donec vixerit dictos fructus et proventus tempore suae vitae percipiendos, ubi et prout voluerit, dare possit, teneatur et debeat pro anima dicti testatoris et suorum et aliorum defunctorum; gravans tamen ipse testator dictum Nofrium quatenus primos fructus inde quandocumque recipiendos seu recollegendos per eum convertat pro amore dicti in accencime, reparamento et mansionibus necessariis et honestis fratrum et pro fratribus Sancti Francisci qui dicuntur della osservanza, quos ipse testator vocavit et venire fecit ad podium Fesulanum, prout ipsimet Nofrio videbitur; una cum bonae conditionis viro Francisco Tanagli cive florentino qui ad dictam piam expensam concurrere se obtulit sua bonitate Guidoni testatori praefato, ut ipse testator cum multa dicti Francisci comendatione affirmavit*». Завѣщаніе писано и скрѣплено рукою Ser Lapo Mazzei Amerigi, флорентійскаго нотариуса, пріятеля don Giovanni dalle Celle.

89. Ammirato Ist. fior. XV въ концѣ: «*imperocchè, parlando della osservanza della pace et dicendo quelli che la trattavano, che doveano per questo darsi idonei, mallevadori da ciascuna delle parti, Guido con grandezza d'animo maravigliosa rispose: la spada sia quella che sodi, poichè Giovanni Galeazzo ha fatto esperienza delle nostre forze e noi delle sue*».

90. Canzone di messer Guido y Trucchi *Poes. ital. ined.* т. II. 232—4 и въ *Rime di M. Cino da Pistoia e d'altri* изд. G. Carducci, стр. 597—600.

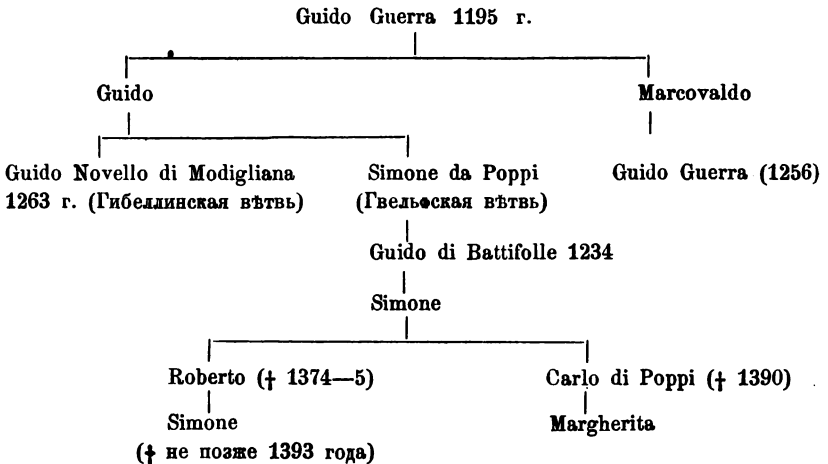
91. Кн. II стр. 96—7. «*Et io vi giuro per buona e purissima fede, che mai io no' fui in luogo dove io tante sì di cose magnifiche come di sollazzevoli e*

gioconde n'udissi, quando di felice memoria il vostro magnifico e valoroso fratello conte Ruberto, famoso e dotto in ogni virtute si viveva. Et bene a voi ricordare ne potete, come che moltissime volte il sole iscorso abbia il suo istelato circleo del zodiaco, quando con infiniti sollazzi più e più giorni nel piacevole Prato Vecchio soggiornando infinita consolazione prendemo».

92. «Voi sommamente la benivolenza, sì per li benefici de' vostri padri, e sì ancora per la vostra virtù, della nostra repubrica fiorentina (si avete?), noni altrimenti voi riguardante che caro, buono e unico suo figliuolo, letizia continua, speranza e conforto..... Vedete e considerate adunche quanto in voi d'grazia si è, e tritamente riguardate intorno a'vostri vicini; e vedrete per loro superbia, per loro avarizia essere stati isterminati e distrutti, e finite le loro potenzie sì e per tal modo, che con rabbia si vegono essere le loro cose disolate e al niente già divenuti». кн. II стр. 220.

93. Напечатанъ въ первый разъ по Cod. Laur. Gadd. reliq. 75 fol. 50 verso. Неизданный сонетъ Франко Sacchetti къ графу Карлу помѣщенъ нами въ 8-мъ приложеніи итал. изд. этой книги.—Къ графу Roberto di Poppi (какому?) обращенъ также канцона Симона Forestani Sardini изъ Сіены, по прозвищу il Saviozzo, недавно изданная Sarteschi: «*Fatto a raccomandazione del conte Ruberto da Poppi a Firenze, mostrando come Firenze ne mostra designati nel suo petto molti di loro, de' quali parla di cinque, condimostrando lor probità e ricordando gratitudine*» и т. д. (Poesie minori del sec. XIV. Bologna, Romagnoli 1867 стр. 65—69). Другія стихотворенія того-же Saviozzo къ графу Роберту читаются въ Cod. Laur. dei conventi № 122, fol. 50 recto—51 recto: «*Canzon morale fecie maestro Simone Sardini da Siena e mandolla al conte Ruberto da Poppi che l'avea in pregione per farli perdere la vita; e campò*». (Начин. Domine ne in furore tuo argues me).

94. Для лучшаго уразумѣнія генеалогическихъ отношеній графовъ Гвиди, дѣйствующихъ въ нашемъ романѣ, воспроизводимъ здѣсь по Аммирато одну вѣтвь изъ составленнаго имъ родословнаго древа, замѣтивъ напередъ, что графъ Guido Guerra упоминается нашимъ авторомъ въ введеніи къ баснословному разсказу объ основаніи города Прато.

Чтобъ еще лучше разъяснить политическую роль графа Карла, мы позволимъ себя предложить здѣсь свѣдѣнія, какія даетъ о немъ *l'Albero e istoria della famiglia de' Conti Guidi del sig. Scipione Ammirato, con l'aggiunte di Sc. Ammirato il Giovane* и т. д. (Firenze, Maffi e Landi 1640, 1 v. in fol.), присоединя къ нимъ тѣ, за сообщеніе которыхъ мы приносимъ глубокую благодарность графу Luigi Passerini, извлекаемъ ихъ для насъ изъ своей генеалогіи графовъ Гвиди, предназначенной для извѣстнаго собранія *Litt'v (Famiglie celebri* и т. д.).—Карлъ, сынъ Симона Guidi, графа Battifolle и Poppi, отъ Новеллы дочери Франческо, маркиза Эсте, въ молодыхъ лѣтахъ остался сиротою подъ опекой матери, послѣ того какъ отецъ его погибъ въ чумѣ 1348 г. Въ 1354 онъ спѣшитъ съ вооруженною силою на помощь Флоренціи, когда явилось опасеніе, что императоръ Карлъ IV объявитъ себя противъ нея, а въ 1357 оказываетъ важныя услуги республикѣ, помогая ей отбросить нападеніе бродяжныхъ скопищъ, шедшихъ подъ начальствомъ графа Lando. Въ 1361 онъ состоялъ на жалованьи сіенской коммуны и снова подчинилъ ея власти Montalcino. Съ 1362 по 1364 годъ сражается подъ флорентійскими знаменами противъ Пизанцевъ, и упомянутъ особо въ мирномъ договорѣ 13-го августа 1364 г. Отъ 1 мая 1369 г. по 30 июня 1370 мы находимъ его болонскимъ подестой; въ 1373 г. онъ во флорентійскомъ лагерѣ въ войнѣ противъ Ubaldini; точно также и въ борьбѣ противъ папы Григорія XI. Въ 1385 г. его посылаютъ усмирять Tarlati, поднявшихъ знамя возстанія послѣ покупки Аренцо: осадивъ ихъ въ замкѣ Pietramala, онъ принуждаетъ ихъ сдаться 16-го августа того-же самаго года. *Онъ умеръ не позже 1390-го года.* Женатъ онъ былъ на Маргаритѣ, дочери Giovanni Orsini, повелителя Bracciano (signore di B.), а сынъ его Робертъ женился въ 1381 году на Маргаритѣ, дочери мессера Arcolano Buzzacchini изъ Падуи.

Маргаритой звалась также одна изъ дочерей графа Карла, замужемъ за графомъ Aldobrandino Ariosto изъ Феррары. О Симонѣ, старшемъ сынѣ графа Карла (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его племянникомъ, носившимъ то же имя), мы знаемъ лишь очень не многое: извѣстно, что онъ состоялъ на жалованьи у Флорентійцевъ и умеръ около 1400 года, находясь до самой смерти во флорентійской службѣ.

95. Первый съ этимъ именемъ въ нашей генеалогической таблицѣ.

96. Напечатанъ въ первый разъ у Emiliani Giudici въ приложеніи къ 1-му изд. его Исторіи итальянскихъ коммунъ.

97. «la velenosa rabbia delle mortifere parti di Guelfi e Ghibellini» кн. II p. 100.

98. «Dunque dapoi che così è, parmi poter effettivamente dire che regimento di più è più sicuro e migliore. Da altra parte mi strigne la ragione e dimostra... che il regimento del buono re, che a tutti i casi provedere si puote, sia molto più fermo e migliore» Кн. V, стр. 226.

99. Cod. Laur. gadd. reliq. 75.

100. «Mancòe adunque tanto impero, perchè nè da re giusto nè da giusta legge essere stato governato si vede». Кн. V, стр. 229. Сл. L. B. Alberti Della Famil. Proemio, стр. 12 (ed. Bonucci): «Ma subito che la libidine del tiranneggiare, e singolari comodi, le ingiuste voglie in Italia più poterono che le buone leggi e santissime consuete discipline, subito incominciò lo imperio latino a debilitarsi e inanire» и т. д.

101. Кн. V, стр. 224—229.

102. Свѣдѣнія о его жизни можно найти у *Filippo Villani Vite d'uom. ill. fiorent.* (изд. Mazzuchelli, причемъ необходимо сличить замѣтки Lami въ *Novelle letterarie* 1748 года) и въ ихъ латинской редакціи у Mehus'a *Vita Ambros. Camald.* стр. 323 и въ изданіи Galletti (*Liber de civit. Florentiae famosis civibus*). Въ латинскомъ текстѣ годъ его смерти не опредѣленъ, что доказываетъ, что эта редакція составила еще при жизни Франческо, тогда какъ итальянскій переводчикъ, явившійся позднѣе, относитъ его смерть къ 1390 году, позабывъ вымарать въ текстѣ, съ котораго переводилъ, тѣ слова, въ которыхъ Франческо является еще живущимъ: «il quale ancora vive..... Mori» и т. д. Но это опредѣленіе невѣрно, точно также какъ опредѣленіе Mini (*Della Nobiltà di Firenze* и т. д. Firenze 1593, стр. 103), который относитъ кончину къ 1380-му году: тому и другому противорѣчитъ надгробная надпись, недавно найденная въ доминиканскомъ монастырѣ въ Прато и обнародованная у Гуасты. По указаніямъ этой надписи Франческо скончался 2-го сентября 1397 года и похороненъ 4-го числа того-же мѣсяца, какъ и помѣчено въ похоронныхъ записяхъ (*portate de' becchini*) ad annum. См. C. Guasti Opusc. concernenti alle arti del disegno e ad alcuni artefici. Firenze, Le Monnier 1859: *Della sepultura di Francesco Cieco de' Landini*, стр. 250, прим. 3.

103. Весь этотъ отрывокъ интересенъ для исторіи средневѣковой музыки: «Et quod est amplius, *lyra, limbuta, quintaria, ribeba, avena, tibiisque* et omni musicorum genere canit egregie, et quae reddunt sonitum continnum per varias symphonias ore aemulans, humanoque commiscens concentui, tertium quemdam ex utroque commixtum sono musicae spiritum adinvenit iocunditatis ingenuae. Insuper genus quoddam instrumenti ex *limbuto, medioque canone* compositum excogitavit, quod appellavit *serenam*, instrumentum sane, quod reddat verberatis fidibus suavissimam melodiam». Ph. Villani Liber и т. д. *Serena* вм. *sirena* встрѣчается въ стихотвореніяхъ Alberto degli Albizzi и Coluccio Salutati (сл. въ поэмѣ *Intelligenza*: che mi sembravan canti di *serene*); *ribeba* = старофранц. *rebebe, rehes, reberbe, rebesbe*; *limbuta, limbutum* (? «ex limbuto») можетъ быть *cymbalum*? (*limbus*=*cymba* Isid.); *medius canone* = mezzo canone Франческо da Barberino и въ поэмѣ *Intelligenza*, medio caño у Arcipreste de Hita; относительно *quintaria* см. 2885 стихъ старофранцузскаго романа *Cleomades*, въ отрывкѣ, который мы приводимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ примѣчаній къ этой главѣ (сл. *quinterna* въ *Minneregeln* Эбергарда Cersne). Довольно полный каталогъ музыкальных инструментовъ, известныхъ въ Италіи въ XIII—XIV столѣтіяхъ, представляютъ слѣдующія двѣ строфы поэмы *l'Intelligenza*, приписываемой не совсѣмъ удачно Dino Compagni:

Qui v'era una donzella c'organava
Ismisurate dolci melodie
Colle squillanti boci che sonava,
Angelicali, dilettose e pie.
Audi' sonar d'un' *arpa*, e smisurava,
Cantand'un lai onde Tristan morie;
D'una dolce *viuola* udi' sonante,
Sonand'una donzella lo' *ndormante* (sic);
Audiui suon di *gighe* e *ciunfonie*.

Udìvi suoni di molto dolci danze
 In *chitarre, curibi* smisurati,
Trombe e cennamelle in concordanze,
 E *cembali* alamanì assai triati,
Cannon, mezzi cannon, e smisuranze,
Sufoli con *tambur* ben accordati:
 Audìvi d'un *leuto* ben sonare,
Ribebe, otricelli, e ceterare
Salteri, ed altri stromenti triati.

Въ «Dialoghi della proporzione di tutti gl'Istrumenti da sonare» Андреа Нацчери, описанныхъ Doni (seconda Libreria), перечисляются слѣдующіе инструменты: citare, viuole, viuole a braccio con i tasti, lire con i tasti, liuti, cornetti, organi, arpicordi, dolcecele, salteri, manacordi, trombe dritte и tr. storte, pifferi, zampogne, canne изъ разныхъ матеріаловъ, dabbudda, stafette, cembali, cembanelle, nacchere, cassette и corno sordo.—Это можетъ служить дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, собраннымъ Амбросомъ изъ старонѣм., старофранц., прованс. и испанскихъ источниковъ. Ambros. Gesch. der Musik, 2 Band стр. 236 и слѣд. и прим. къ стр. 237. См. также Wackernagel Gesch. d. deutsch. Lit. стр. 17, 97, 103; Diez, Poesie d. Troub. стр. 42 и слѣд. и le Roman de Flamenca стр. 584—608 съ примѣчаніями Paul Meyer'a.

104. F. Villani, Vite. Кипрскій Король Петръ Великій былъ въ Венеціи въ 1361 и 1364 годахъ; Lami въ Nov. letter. 1748 г. думаетъ, что вѣнчаніе Франческо происходило, по всей вѣроятности, въ последнемъ году; не смотря на это остается въ силѣ сомнѣніе Тираноски (Stor. letter. V 487), основанное на томъ, «что Петрарка, подробно описывающій эти празднества (въ Венеціи), не упоминаетъ ни однимъ словомъ ни короля Кипрскаго, ни Франческо».

105. «Francesco degli Organi vi pose la note musicali», «Francesco degli Organi dette il suono a quattro voci», «Franciscus sonum dedit» и т. п. Слич. также Ballate, rispetti d'amore и т. д., извлеченныя Антоніемъ Carpellì изъ нотныхъ рукописей моденской (Palat. № 568) и флорентійской (laug № 87); между ними есть нѣсколько стихотвореній съ именемъ Франческо, гдѣ интересно было-бы разыскать—его ли они, или только положены имъ на музыку. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о стихотвореніяхъ изданныхъ Trucchi.

106. Crescimbeni Ist. d. volgar. poesia. Venezia, Baseggio, vol V стр. 5, и Trucchi Poesie ital. ined. v. II.

107. Cod. riccard. 688.

108. Allacci, Poeti antichi, Napoli 1661 стр. 343 и наше 9-е приложение къ итальянскому изд., гдѣ вмѣстѣ съ сонетомъ Франческо напечатаны и сонеты Саккетти, сколько намъ извѣстно, доселѣ не изданный: тотъ и другой по флорентійской рукописи Palat. cl. II ord. I cod. 205.

109. Кн. III стр. 3—4.

110. Сл. Risponsiva di Cino Rinuccini alla invettiva di Antonio Lusco, traslatata и т. д. (изд. Moreni въ приложеніи къ Invettiva Lini Colucci Salutati и т. д. Firenze, Magheri, 1826): «E acciochè nelle arti liberali niuno savio ci manchi, avemo in musica Francesco, cieco del corpo, ma dell'anima illuminato, il quale così la pratica di quell'arte sapea, e nel suo tempo fu migliore

modulatore di dolcissimi canti, d'ogni strumento sonatore, e massimamente d'organi, co' quali con piacevole dolcezza ricreava i stanchi» (стр. 238—9). Откуда слы-
дуть, что *Risponsiva* была написана уже по смерти Франческо въ 1397 году
(запеа; слич. также цитату въ прим. 81, гдѣ о Luigi Marsili говорится какъ
объ умершемъ), но ранѣе 1406 г., т. е. кончины Coluccio Salutati (Сл. цитату
оттуда-же въ прим. 65).

111. Leon Maitre, *Les écoles épiscop. et monast. de l' Occident.* Paris, Dumoulin, 1866 стр. 239.

112. S. Isidorus, *Origines*, III, XVIII.

113. Незданное письмо Salutati, изъ котораго мы перевели отрывки, напечатано нами въ первый разъ въ 10-мъ приложеніи къ итал. изд. этой книги. Въ замѣнъ его приведемъ здѣсь похвалу музыкѣ въ 1-й книгѣ Cortegiano: она покажетъ намъ непрерываемость литературной традиціи. Говоритъ графъ Ludovico da Canossa: «io v'entrarò in un gran pelago di laude della musica: e ricorderò quanto sempre appresso gli antichi sia stata celebrata e tenuta per cosa sacra, e sia stato opinione di sapientissimi filosofi, il mondo esser composto di musica, e i cieli nel moversi far armonia; e l'anima nostra pur con la medesima ragione esser formata, e però destarsi e quasi vivificar le sue virtù per la musica. Per il che si scrive, Alessandro alcuna volta esser stato da quella così ardentemente incitato, che quasi contra sua voglia gli bisognava levarsi dai convivii, e correre all'arme; poi, mutando il musico la sorte del suono, mitigarsi, e tornar dall'arme ai convivii. E diròvvi, il severo Socrate, già vecchissimo, aver imparato a sonare la citara. E ricordomi aver già inteso, che Platone ed Aristotele vogliono che l'uom bene instituito sia ancor musico; e con infinite ragioni mostrano, la forza della musica in noi essere grandissima, e per molte cause, che or saria lungo a dir, doversi necessariamente imparar da puerizia; non tanto per quella superficial melodia che si sente, ma per esser sufficiente ad indur in noi un nuovo abito buono, ed un costume tendente alla virtù, il qual fa l'animo più capace di felicità, secondo che lo esercizio corporale fa il corpo più gagliardo; e non solamente non nuocere alle cose civili e della guerra, ma loro giovar sommamente». Слѣдуютъ указанія на законы Ликурга, примѣры Лакедемонянъ, Критянъ, Эпаминонда, Темистокла и Хирона, обучавшаго музыкѣ Ахилла. «Però non vogliate voi privar il nostro Cortegiano della musica, la qual non solamente gli animi umani indolcisce, ma spesso le fiere fa diventar mansuete; e chi non la gusta, si può tener certo che abbia gli spiriti discordanti l'un dall' altro. Eccovi quanto essa può, che già trasse un pesce a lasciarsi cavalcar da un uomo per mezzo il procelloso mare. Questa veggiamo operarsi ne' sacri templi in rendere laude e grazie a Dio; e credibil cosa è che ella grata a lui sia, ed egli a noi data l'abbia per dolcissimo alleviamento delle fatiche e fastidii nostri. Onde spesso i duri lavoratori de' campi sotto l'ardente sole ingannano la loro noia col rozzo ed agreste cantare. Con questo la incolta contadinella, che inanzi al giorno a filare o a tessere si lieva, dal sonno si difende, e la sua fatica fa piacevole; questo è giocondissimo trastullo dopo le piogge, i venti e le tempeste ai miseri marinari; con questo consolansi i stanchi peregrini di noiosi e lunghi viaggi, e spesso gli afflitti prigionieri delle catene e ceppi. Così, per maggior argomento che d'ogni fatica e molestia umana la modulazione, benchè incolta, sia grandissimo refrigerio, pare che la natura alle nutrici insegnata l'abbia per

rimedio precipuo del pianto continuo de' teneri fanciulli; i quali al suon di tal voce s'inducono a riposato e placido sonno, scordandosi le lacrime così proprie, ed a noi per presagio del rimanente della nostra vita in quella età da natura date». (Il Cortegiano, l. I. c. XLVII, ed. Baudi di Vesme). О колыбельныхъ псньхъ говорить также Franc. da Barberino, Del Regg. p. XIII стр. 231 (ed. Silvestri).

114. Кн. IV стр. 113 «chè cominciato il suono si vidono molti uccelli tacere, e quasi come attoniti faccendosi più d'apresso, per grande spazio udendo passaro; dappoi ripreso il lor canto, radoppiandolo, mostravano inistimabile vaghezza, e singularmente alcuno rusignuolo, intanto che apresso a uno braccio sopra il capo di Francesco e dell' organetto veniva». Изображение такого органа можно найти у Th. Wright'a A hist. of domestic manners and sentiments и т. д. NN. 124 и 125.

115. «Messer Rinaldo Gianfigliazzi, Giovanni de' Ricci e Andrea Betti (al. Minerbetti), cari cittadini di Firenze, andarono per lo comune di Firenze del mese d'ottobre al sire di Cusey, e fu l'andata loro di tanto buona operazione, per la grazia di Dio, la quale si vede bene essere stata in questo fatto, che detti Mess. Rinaldo e Betti (al. Minerbetti) fecero patto e concordia col detto sire de Cusey, il quale aveva Arezzo, eccetto la Rocca, che si teneva per il re Carlo, che egli diede a'di 17 del mese di novembre la città di Arezzo al comune di Firenze». Memorie storiche di ser Naddo, въ Delizie del p. Ildefonso da S. Luigi v. XVIII стр. 72 и Ammirato, откуда заимствованы всѣ тѣ свѣдѣнія о Giov. de' Ricci, гдѣ нѣтъ особой ссылки на источникъ.

116. Посланными были: Giov. de' Ricci, Guido di Messer Tommaso и Francesco Ardinghelli, «i quali ambasciatori andarono a dì 18 di Settembre del detto anno; e questi medesimi ambasciatori andarono a Genova al Papa, innanzi che andassero in Puglia». Mem. stor. di Ser Naddo ibid. стр. 79—80.

117. Ibid. стр. 93.

118. Ammirato Ist. fior. ad annum. Мы съ намѣреніемъ выписали все это мѣсто, чтобы удобнѣе было воспользоваться имъ впоследствии при хронологическомъ опредѣленіи нашего романа.

119. Archiy. centrale di Firenze, Carteggio della Signoria, Regestum litterarum 1391—3 r. fol. 43—44 r. Comiti Virtutum «*Venerabilis pater frater Gratia ordinis heremitarum, sacrae theologiae magister et provincialis minister pisanae provinciae*, vir siquidem multae sapientiae atque virtutis, rediens a sublimitatis vestrae conspectu, magnifice et excelse Domine, frater et amice carissime, jocundissima relatione nobis exposuit quanta cum honorificentia ipsum contemplationi nostri communis, quantaque cum benivolentia recepistis» и т. д. Въ концѣ: «Et quoniam de liberatione egregii legum doctoris domini Iohannis de Ricciis nobis spem non modicam praebeuistis, dulcissimam fraternitatem vestram ab intimis deprecamur quatenus super hoc velit taliter providere (potestis equidem), quod hanc gratiam tanto cum affectu postulatam quamve totus noster populus desiderat et expectat, cogitans ex hoc maxime vestrae bonae intentionis ad pacem occultum habitum apparere, de benignitatis vestrae manibus consequamur. Sit hoc primum observandae pacis, ino augendae dilectionis auspici-um, ut videamus illa quae Roggerius Canis oratoribus nostris pro parte vestra Januae rettulit circa dictam materiam et bonum pacis, quale hoc esse cognoscimus, omnino non negligi sed plane, sicut de vobis spem gerimus, adimpleri.

Multifariam enim multisque modis potestis Iacobum de Apiano, cui quasi mancipium idem Dominus Iohannes traditus est, non solum contentum facere, sed etiam prout ejus necessitas exigit adjuvare. Datum Florentiae die VI Septembris Ind. XV, 1392». Мaэстро Грація упоминается еще въ другомъ письмѣ къ Giov. Galeazzo отъ 10 сентября того-же года, ibid. ff. 148—152.

120. Красоту какой-то Lisabett'ы Bivigliani восхваляетъ Franco Sacchetti въ своей Battaglia delle belle donne di Firenze colle vecchie (cant 1-o st. 45 и 46, ed. Rigoli въ Saggio di Rime и т. д. Firenze, Ronchi 1825)

Più non si dee celar la gran bellezza
D'una che pare un falcon pellegrino,
Sì vien sopra di sè con tanta altezza,
Che fa risplender tutto quel giardino,
Chiamata Lisa di gran gentilezza,
Piena d'ogni virtù più che zaffino,
E più che pietra chiara, e preziosa,
Umil, suave, dolce e vergognosa.

Venne tanto valor da' *Bivigliani* и т. д.

О той-же самой Лизабеттѣ говорить баллада Саккетти *fatta per un giovine che amava Lisa*, начинающаяся стихомъ:

Splendor del ciel, vaga *fioretta Alisa*

(Delle rime di M. Franco Sacchetti и т. д. Lucca, Franchi e Maionchi, 1853, стр. 45). Риголи въ объясненіяхъ къ Battaglia delle belle donne и т. д. цитуетъ къ 1-му стиху 72-й строфы V-й пѣсни (Io son chiamato dal fioretto mio. См. стр. 294 его изданія) этотъ стихъ баллады, читая въ немъ *Fioretta*, какъ имя собственное:

Splendor da ciel, vaga *Fioretta alisa*,

въ которомъ онъ видитъ Фьоретту Кавальканте, замужемъ за Альбертомъ да Кастильонкіо, жившюю около 1350 года. Но это толкованіе опровергается заглавіемъ баллады въ лукскомъ изданіи.

121. Таково наше предположеніе, которое мы считаемъ не лишеннымъ вѣроятности. Канцона Пуччи, на которую мы намекаемъ, издана была G. Arcangeli и G. Carducci: *Incominciu una morale d'Antonio Pucci sopra le bellezze vuole avere la donna*. (Quella di cui io son veracemente). Въ риккардіанской ркп. N. 1091 она читается на fol. 155r.—156v. неполная (in fine: De'quai chi gli ode e chi la vede appaga—недостаеъ 10-ти стиховъ) и безъ имени автора, непосредственно послѣ *Morale di messer Giovanni de' Ricci da Firenze* (fol. 153 v. 155 r.), и помѣчена заглавіемъ: *Bellezza della donna di Mess. Giovanni dei Ricci*. Рукопись относится ко второй половинѣ XV-го столѣтія, и если можно предположить, что писецъ ошибся, приписавши Пуччи намекъ, въ которомъ онъ могъ быть и неповиненъ, то съ другой стороны трудно допустить, чтобы онъ не имѣлъ передъ собою свидѣтельства болѣе старыхъ списковъ, когда отнесъ къ Giovanni de' Ricci, имя котораго вовсе не изъ часто встрѣчающихся въ сборникахъ старинныхъ стихотвореній, ту поучительную канцону, которую мы воспроизвели въ 11 прилож. къ итал. изд. этой книги.—Ту же самую канцону, но безъ имени автора, предлагаетъ риккардіанская рукопись N. 2823, гдѣ ей предшествуетъ такое заглавіе: *Canzona d'uno ch'era innamorato d'una*

gentilissima giovane bella del corpo e non meno dell'anima; accade che spirata da Dio si fece monaca, la qual cagione mosse l'autore per loda di lei alla presente morale (Inc. O seconda Diana al nostro mondo. In fine: Che ngrata esser non puote a cui ti scrivo). Наши предположенія относительно того, что женщина, любимая Риччи, произнесла иноческій объѣтъ, такимъ образомъ подтверждается; въ новой редакціи имя ея измѣнено въ Маргариту.

122. *Memorie storiche di Ser Naddo, Delizie del padre Ildefonso XVIII*, стр. 134.

123. *Priorista Ridolfi* въ *Delizie* ibid. стр. 135; *Ammirato XVI*.

124. *Delizie* и т. д. XVI, стр. 74 и 101.

125. Кн. II, стр. 90.

126. Кн. IV, стр. 156. «Come che la mia professione tutta sia stata ecclesiastica e non in tutto politica»; «impero che la dimanda era tutta politica, e insieme nell'ultimo colla cattolica mescolata».

127. Объ этомъ посольствѣ въ Перуджію говорить А. М. Biscioni въ *Alberi* di diverse famiglie, ркп. мальябекьянской библиотеки cl. XXVI cod. 112 pal. 8 (Della famiglia dell'Antella): «1398, 29 luglio Mess. Bartolommeo dell'Antella con Mess. Cristofano Spini cavaliere a Perugia e a Roma, Lib. di rapporti, al tempo di Messer Coluccio trattorno e conclusero la pace fra Bonifazio IX e i Perugini, et ottennero licenza, che il comune di Firenze potesse per una volta sola imporre una prestanza ai Chierici per cagione delle spese fatte nella guerra passata». Три коммерческихъ письма какого-то Bartolommeo di Filippo dell'Antella, отличнаго отъ нашего, напечаталъ Dazzi въ *Sette lettere inedite del sec. XIV* (Firenze, tip. nazionale 1866); о третьемъ Bartolommeo изъ того-же рода, но болѣе древнемъ чѣмъ оба названные, говоритъ Cinelli, *Scritt. fior.* ркп. въ библ. Мальб.: онъ былъ «prelato domestico di Bonifazio VIII, grandissimo oratore, mandato da sua Santità a più Potentati».

128. См. въ *Carteggio della Signoria*, mss. въ Archivio centr. di Firenze, письма, обращенныя по этому поводу къ *флорентійскому кардиналу*, къ *Domino Galaotto*, *Domino Filippo de Antilla* и *Urbano papa VI*; первое и последнее напечатаны нами въ первый разъ въ 12 прилож. къ итал. изданію.

129. Ibid. «Sanctissime et beatissime in Christo pater et dominus! Forte venerit ad aures vestrae benignissimae sanctitatis infelix captura nostrorum legatorum qui de conspectu vestrae sublimitatis in patriam revertebant.....Fuerunt etenim vestrae beatitudinis devotus orator dominus Bartholomaeus de Antilla equis et rebus omnibus spoliatus, et nobilis miles dominus Philippus de Magalottis, oratores nostri ad sanctissimae vestrae sedis excellentiam destinati, captus cum pluribus sociis» и т. д. Письмо отъ 14 іюня 1392 г.—Другое письмо, отправленное Флорентійцами къ папѣ (data Florentie die XVII Marti VIII indictione MCCCCLXXXV) по дѣлу какого-то Stefano Diedi, кончается слѣдующей рекомендаціей нашего Bartolommeo: «Ceterum venerabili viro Domino Bartolomeo de Antellensibus, plebano sancte Marie de Antilla ac Canonico Florentino, civi et oratori nostro super hac materia credere dignemini, tamquam nobis». Ibid.

130. *Delizie del padre Ildefonso*, XV (Istoria fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani) стр. 20: «Alessandro e Bartolommeo degli Alessandri, che prima erano degli Albizi divisi nel 1373, stavano di casa degli Albizi a san Pier Maggiore nel corso o Borgo detto»; ibid стр. 24; см. XVII т. того-же собранія, стр. 168: ricordi contemporanei dei «secondi arsi e disfatti a di 20 luglio» и т. д.

131. Ibid. т. XVII, стр. 172.

132. Ammirato. Ist. fior. lib. XV.

133. Der Liendel Lautenschleher.

134. Кн. IV. стр. 61; сл. ib. стр. 60—61 неблагоприятный отзыв о шутовскомъ ремеслѣ: «colpa de'tristi artefici isfacciati, iscostumati e ghiottoni che quella seguitono non con quelli costumi, giocondità e solazzi che a quella richiede, ma più tosto con importunità di gaglioffare, mordere e iscostumare con parole e gesti scelerati in esempio d'ogni doloroso modo e isfacciato costume; i quali io giudico più tosto da esser tuffati e mazicati e sterminati, ch'essere uditi e accettati. E costoro con più onesto vocabolo che possono *uomini di corte* si fanno chiamare, ma comunemente più proprio *buffoni* nominati si sono».

135. Сонетто di Marchionne di Matteo Arrighi fecie per uno Bindo che stava in corte di Messer Bernabò e atendea a bere e a buffonare ed era da Fucecchio di Firenze»(Acciò che veggi chiaro il mio Sonetto). Cod. Laur. Red. 184.

136 «fare più *tomì schiavoneschi*» кн. IV, стр. 171. Обращаемъ вниманіе на эту этнографическую подробность. Только по впечатаніи нашей итальянской книги мы встрѣтили еще одно подобное указаніе, которое помѣчаемъ здѣсь для историковъ культуры: оно находится въ одномъ анонимномъ Descrizione del giuoco del calcio начала XV-го вѣка, въ 15-ой строфѣ: «e far le *fe'tomolo schiavonesco*—дѣло идетъ о мячѣ. (Due canzoni politiche di Brusaccacio da Rovezzano.—Descrizione del Giuoco del calcio di anonimo. Firenze, stamperia sulle logge del grano. 1863).—Вотъ, между прочимъ, какъ описывается въ романѣ самое дѣйствіе: «E detto così e'fe' più *tomì* con tanta velocità e prestezza, che non che c'si vedesse che terra toccasse, ma elli parve uno baleno che per l'aiere balenasse, rimanendo ritto senza quasi spirare» (ibid). Это напоминаетъ подобный же разсказъ у Жуанвиля (ed. Francisque Michel, стр. 160—161): «Il (т. е. quatre ménestriers) faisoient trois merveilleux saus; car en leur metoit une touaille desous les piez et tournoient tout en estant, si que leur piez revenoient tout en estant sur la touaille; les deux tournoient les testes arieres, et l'ainsné aussi. Et quant en li fesoit tourner la teste devant, il se seignoit; car il avoit paour que il ne se brisast le col au tourner».

137. Ib. стр. 174. «E fatto venire tavole e'su'cominciò a fare cose che per ciascuno si giudicava, non altrimenti delle sue ossa elli fare torcelle parendo, che delli suoi nervi facesse, come spesso d'una adatta e forte ritorta si fae; dapoi con certe coltella e spade fra loro volgendo il corpo e le reni, per sì fatta forma e maniera, che chi raguardava, giudicava lui parere impossibile questo fare senza operazione di diabolica illusione». Объ искусствѣ, съ которыми римскіе circulatores, funambuli и т. п. ломали свои члены, чтобы сдѣлать ихъ гибкими и подвижными, говоритъ Іоаннъ Златоустъ въ своей гомиліи къ Антиохійцамъ.

138. Histoire maccaronique de Merlin Coccaie, ed. P. L. Jacob (Bibliot. gauloise) liv. XIII, p. 235—7.

139. Обычай дарить шутовъ и потѣшныхъ людей платьемъ, лошадьми и т. п. былъ на столько общій, что не требуетъ особенныхъ примѣровъ. Benvenuto Aliprando разсказываетъ въ своей мантуанской хроникѣ, что на свадьбѣ нѣкоторыхъ членовъ семейства Gonzaga въ 1340 присутствовало до 400 музыкантовъ и скомороховъ, которые всѣ были щедро награждены; точно также при бракосочетаніи Виланты Висконти съ Лилонелемъ въ 1368 г.:

Messer Lionel colla sua compagnia
D'altri Baron, per farsesi onore
Robe cinquecento ai buffon dasia.
Buffoni zigoladri e sonatore
Per Galeazzo assai robe donate
Bernabò lor fe'dar denari ancora—Murat. R. 1. Script.

140. Novella CLXXV.

141. Novella CLXVI.

142. Schifanoja—Бѣги скуки.

143. Вотъ какія свѣдѣнія о немъ мы нашли въ *Delizie del Padre Ildefonso XVII*, стр. 122—3: онъ былъ сыномъ *ser Nello*, и значится въ цехѣ медиковъ, аптекарей и розничныхъ торговцевъ подъ 1353 и 1376 годами; вмѣстѣ съ братьями *Bartolommeo* и *Matteo* упомянутъ въ податномъ спискѣ (*Prestanzone*) 1369 г. и одинъ въ *Prestanzone* 1390. На выборахъ (*squittini*) 1381 и 1391 года онъ является отъ своего квартала *S. Giovanni gonfalone del Lion d'oro*. До насъ дошло нѣсколько его контрактовъ, касающихся купли, продажи и т. п., въ *Gabelle* (1372, 84 и 91 годовъ), точно также въ записяхъ *ser Giovanni Cini da Puliciano* отъ 1371 г. и въ записяхъ *ser Matteo Dato de'Sofferoni*, по поводу владѣній пограничныхъ съ *Coreggi*. Онъ былъ женатъ на *Andrea del Grasso da Monte Buiano* (упоминается подъ 1398 г.); по записямъ серъ Франческо ди серъ Томмазо Мази 6-го мая 1399 г. она вмѣстѣ съ сыновьями вступила во владѣніе наслѣдствомъ мужа, съ 1390 г. написавшаго свою духовную.

144. Кн. II, ст. 89.

145. Ib. стр. 86.

146. Кн. III, стр. 13.

147. Кн. II, стр. 93.

148. Не предположить ли скорѣе въ этомъ *Mattio*—брата *Biagio*, *Matteo Sernelli*, тѣмъ болѣе, что въ романѣ они постоянно являются вмѣстѣ? *Matteo di ser Nello* упоминается подъ 1354, 64, 69, 81 и 89 годами. Въ 1386-мъ онъ значится въ матриколѣ цеха медиковъ и аптекарей; а подъ 1397 годомъ занесенъ въ древнюю книгу братства *Мизерикордіа*. *Colombani* упоминаетъ его въ своемъ сочиненіи *Della nobiltà de'notai*. *Cilia di Corso di Buonamico dei Corsi* была его первою женой (упоминается подъ 1354 г.), второю—*donna Francesca di Giovanni d'Arrigo de'Sassolini* (упоминается подъ 1354 г.). Въ 1390 г., находясь въ Болоньѣ, онъ сдѣлалъ свое завѣщаніе, но неизвѣстно было ли у него потомство. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ *Delizie del padre Ildefonso* т. VIII стр. 122—3.

149. Novella CXCV.

150. Сл. напр. *Novella della Lisetta Levaldini, scritta nel secolo XV, Lucca, Canovetti, 1865, стр. 11 и слѣд.*

151. Nov. CLXXV.

152. Объ одной *Agnola* или *Angiolina Strozzi* говоритъ *Саккетти* въ *canto I, str. 42, 43* и 44 своей *Battaglia delle belle donne di Firenze colle vecchie*:

42. Segue chiamando questa giovinetta (т. е. Giovanna Strozzi)
Per mostrar la biltà di due sorelle:
O fonte di virtù, o *Agnoletta*
Che se'si bella fra l'altre donzelle,
Tu *Agnola* verace e benedetta и т. д.
.
43. L'altra sorella Ginevra piacente
Con *Agnoletta* suo presa per mano
Sì bella giugne, che Tisbe niente
Fu pari a questa coll'aspetto umano и т. д.
.
44. Ancor gli Strozzi degni d'alta fama
Da ciel condusson questi duo smeraldi и т. д.

Единственное мѣсто нашего романа, гдѣ говорится о Ginevr'a degli Alberti, приведено въ прим. 173.

153. Свѣдѣнія о немъ у Р. Pilefonso, *Delizie* XXIV, стр. 127 и 132, и III, стр. LIII; сл. также въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ замѣтки dell'Ancisa DD, 80; JJ 754; NN, 345, 1. Онъ принадлежалъ къ цеху розничныхъ торговцевъ и упоминается подъ 1366, 1381, 1383, 1388, 1391 и 1395 годами (въ послѣднемъ вѣстѣ съ братомъ Андреємъ); въ 1381 и 1391 Bartolo, Andrea и Giorgio di Giovanni Sonaglino помѣчены какъ squittinati per la maggiore. Отецъ его Giovanni di Andrea Sonaglino, квартала S. Spirito, занесенъ въ libri del Monte подъ 1348 г.

154. Кн. II стр. 91. Мы одолжены графу Luigi Passerini свѣдѣніями о двухъ различныхъ Andrea Dandolo, относящихся къ этому времени; къ сожалѣнію ни тотъ ни другой не подходитъ къ юношескому возрасту нашего. *Andreotto di Betto Dandolo* da S. Fantin былъ обложенъ 1500-ми дукатами сбора съ недвижимаго имущества венеціанской коммуны за 1379 годъ.—У другаго *Andreotto Dandolo*, прозваннаго il ricco (богатый), былъ дворецъ въ San Luca, гдѣ въ 1362-мъ году отвѣдена квартира австрійскому герцогу, прибывшему въ Венецію. Въ 1368 г. онъ былъ провіантмейстеромъ (proveditore) венеціанскаго войска, сражавшагося во Фриули противъ Венгерцевъ, а въ 1372—въ той-же должности въ войнѣ противъ Падуанцевъ. Въ 1379 г. ходилъ съ дожемъ Контарини снова добывать Кіуджію, занятую Генуэзцами.

155. Кн. II, стр. 77.

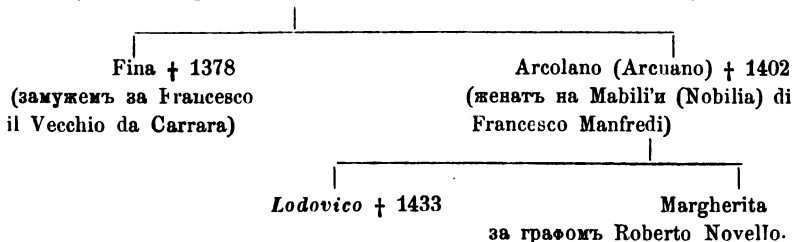
156. Сл. впрочемъ Sommario dell'origine et nobiltà d'alcune famiglie della città di Padova, composto da M. Giacopo Cagna и т. д. In Padova, ristampato per Gaspare Crivellari 1623: Della famiglia de Buzacarini стр. 10—11. «*Lodovico fu capitano generale de Vinitiani in Dalmatia 1408*».

157. Большая часть этихъ свѣдѣній почерпнута нами изъ Illustrazione del Prato della Valle, ossia della piazza delle statue di Padova, autore Antonio Neumayr, dottore socio и т. д. стр. 247. Мы обязаны ими г. Giusto Grion, съ большой готовностью сообщившему намъ извлеченіе изъ книги Neumayr'a, которую мы напрасно искали въ библіотекахъ Флоренціи.

158. Родственные отношенія Buzzacarini съ Сагга и графами Поппи лучше всего будутъ видны изъ слѣдующей генеалогической таблицы

Pataro Buzzacarini

(† 29 сентября 1382, женатый на Fina di Gherardo Vitaliani)

159. Кя. III, стр. 3: «Era stato chiamato e eletto per li maestri e uficiali de nostro studio Maestro Marsilio da Santa Sofia Padovano, uomo fisico di mirabile scienza e dottrina, non solamente nella principale sua medicina, ma in tutte l'arti liberali senza dubbio meritevolmente glorioso e famoso. Similmente ancora per simile modo ci era maestro Biagio da Parma, universal filosofo e metamatico più che altro che quella età si avesse.....Eraci ancora il preclaro e famoso teologo e metamatico maestro Grazia, non meno d'ingegno divino che umano».

160. Въ одной ркп. флорентійской Палатины, содержащей одинъ *Trattato di pratica d'arismetrica*, этотъ маэстро Grazia поименованъ вѣстѣ со многими другими математиками, на 2-мъ листѣ recto: «E acciò che intenda gli autori e quali io chiamo da essere reputati, sono Euclide, Boetio, Iordano; e de'nostri toscani Lionardo Pisano, Massolo da Perugia, frate Lionardo da Pistoia, maestro Pagolo le cui ossa sono in sancta Trinità; maestro Antonio Mazinghi, maestro Giovanni e in alcune cose maestro Luca, non lasciando maestro Grazia frate dell'ordine di sancto Agostino». (Intorno ad alcune opere di Lionardo Pisano matematico del secolo XIII, notizie raccolte da Baldassare Boncompagni и т. д. Roma, tip. d. bell. arti, 1854).

161. 1396, 25 Aprile: «Istruzione data dai Dieci di Balia di Firenze a Grazia de' Castellani e Andrea Bondelmonti, mandati ambasciatori a Sigismondo re d' Ungheria». Archiv. Stor. Ital. 1-e serie, t. IV p. 1, стр. 220.

162. «Ricordanza brevissima a voi, maestro Grazia, ambasciatore al papa, fatta и т. д. die 4. di Febraio MCCCC», въ Archiv. centr. di Firenze.

163. Письмо Generali Heremitarum напечатано нами въ первый разъ въ 13-мъ прилож. къ итал. изд.

164. Сл. прим. 119.

165. Colle, Storia scientifico-letteraria dello studio di Padova (Padova vol. 4, 1824—5, tipogr. della Minerva), vol 3-o стр. 192—197. Источниками слѣдующей біографіи служили кромѣ книгъ Alidosi и Papadopoli: Facciolati, Fasti gymnasii Patavini стр. XLVI; Mazzetti, Repertorio di tutti i professori antichi e moderni della famosa università e del celebre istituto delle scienze di Bologna, стр. 202; Salvatore de Renzi, Storia della medicina in Italia (volumi 5) vol. 2-^o (Napoli 1845) стр. 271—3; и Тирабоски, Stor. d. lett. ital. V стр. 207—9.—Вотъ какъ выражается о Марсilio Bartolommeo Fazio († 1457) въ своей книгѣ о великихъ людяхъ: «*Marsilius Bononiensis in medicina temporibus nostris floruit, vir*

et ingenio et doctrina singulari. Ejus opera multi praestantes medici effecti sunt, nec quiddam est in tota philosophia et medicorum artibus, quod ignorasse existimetur, scientia quidem admirabilis, ceterum in docendo, quam medendo admirabilior habitus. Namque omne prope vitae tempus in docendis adolescentibus posuit, ex eaque re magnam laudem et gloriam adeptus est. Scripsit et ipse multa de hac ipsa facultate, quae doctorum judicio comprobantur» (Bartholomaei Facii De viris illustribus liber, ed. Laurentius Mehus, Florentiae, Paolo Giovannelli 1745, 1 v. стр. 36). О Марсilio упоминает также, хотя и кратко, Domenico di Bandino d' Arezzo въ своемъ неизданномъ сочиненіи, на которое мы укажемъ впоследствии, а Benedetto Accolti цитуетъ въ числѣ философовъ и «Marsilium ex Sanctae Sophiae oppido» (Bened. Accolti Aretini Dialogus и т. д. изд. Galletti стр. 123).

166. «Item sententiamus quod D. Franciscus de Carraria praedictus permittat Nob. D. Alidusium de Monte Merlo, Nobiles de Campo S. Petri, *Mag. Marsilium de S. Sophia et filios...* qui justo titulo possidebant quaecumque bona in Padua, seu ejus districtu, libere gaudeant dictis eorum bonis et juribus и т. д. Quod libere cancellentur et eximantur ab omnibus bannis, processibus et condemnationibus personalibus, quae factae fuissent vel forent contra praedictos, vel aliquem seu aliquos praedictorum» и т. д.

167. «Anno Domini 1405 Marsilius Patavinus philosophus insignis et phisicus famosus, qui libros multos super opera Hippocratis, Galeni et Avicennae composuit, Bononiae moritur». Script. Rer. Ital. vol. XXII. О сочиненіяхъ Марсilio писали Scardeone, Portinari, Papadopoli; Colle присоединилъ ко всему этому свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рукописныхъ его твореніяхъ, хранящихся въ парижской библіотекѣ. Въ каталогѣ туринской библіотеки, составленномъ Rasini (Codices Mss. Bibl. regii Taurinensis Athenaei vol. II стр. 121) встрѣчается нѣсколько его медицинскихъ трактатовъ. Такъ въ cod. lat. DXXX, K, V, 6 (cart. sec. XV) fol. 161 читаемъ: *Magistri Marsilii de Sancta Sophia recepte medicinales ex Mesua*; а въ латинской рукописи DXXXIII, K, V, 10 (cart. sec. XV): *Marsilii de Sancta Sophia Receptae super l. IV Avicennae de febris*. In fine: «Explicunt Recepte magistri Marsilii de Sancta Sophia. Scriptum per Antonium de Longis de Leucho anno Domini 1442». Тѣ же самыя Receptae Marsilii de Sancta Sophia встрѣчаются въ рукописи 854 флорентійской риккардіаны; in fine: «Expletae sunt recepte super p. 4 и т. д. anno Domini MCCCCXLI die octavo mensis Julii, ad laudem summi Dei. Amen. Dolce e amaro». Латинскій трактатъ *De generatione et corruptione* встрѣчается съ его именемъ въ ркп. 746 той же библіотеки, съ слѣдующей хронологической отмѣткой въ концѣ общаго указателя главъ, заключающихся во второй книгѣ: «Et sic est finis istius libri. Et est finitus sub anno Domini MCCCCVII, die XVI mensis Septembris. Et scriptus Perusii per me Henricum Moczendorf teutonicum per egregio artium doctore et medicinae perito Magistro Antonio de Neapoli» и т. д.

168. Последняго мнѣнія держался кажется и Cagna, когда въ своемъ Sommario dell'origine et nobiltà d'alcune famiglie della città di Padova онъ помѣстилъ слѣдующую замѣтку о нашемъ Marsilio: «Marsilio fu medico, il quale scrisse un trattato De sanandis aegritudinibus, compose alcuni commentarii sopra gli aforismi di Hippocrate e lesse nello studio di Bologna 1411» (стр. 51). Семейство Santa Sofia родомъ изъ Константинополя. (id. ibid.).

169. На слѣдующихъ страницахъ мы предлагаемъ только общій результатъ, полученный изъ сличеній различныхъ свидѣтельствъ о маэстро Біаджіо. Поэтому мы обращаемъ читателя къ книгамъ Alidosi (стр. 12), Fantuzzi, Facciolati (стр. 102), Mazzetti (стр. 54—55), и въ особенности къ Ireneo Affò, *Memorie degli scrittori e letterati parmigiani* (Parma, stamperia reale, vv. 4, 1789) vol. 2.º стр. 108—126; F. M. Colle, *Storia scientifico-letteraria dello studio di Padova* (vv. 4, Padova, tip. d. Minerva, 1824—5) и A. Pezzana, *Continuazione delle Memorie degli scrittori e letterati Parmigiani* (также подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: *Memorie degli scrittori e letterati Parmigiani raccolte dal padre Ireneo Affò e continuate da Angelo Pezzana*), tomo VI, parte II, содержащая поправки и дополненія стр. 123—134 (съ критикой Affò и Colle), и tomo VII стр. 319 и 672.

170. Кн. II стр. 76—81 «et mentre che si coll' occhio ghiotto e sommamente voglioso a rimirare soprastava, Ludovico Buzzacherino, generoso sangue della Patavina cittade, trovandosi fra gli altri della dolceissima compagnia così ver me a parlare cominciò: «Che pure consideri e raguardi? kiconosci tu i fertilissimi colli Euganii, dove già infinita consolazione tanto dolcemente àuto si ài? Raguardagli e bene considera quanto per sito graziosi natura gli à fatti e prodotti. Adunche maraviglia non fue, se il prudente Antenore per sua eletta e ultima patria e sepultura gli elesse. In quelli quanto utile necessario e piacevole al bisogno dei viventi è, perfettamente si truova. Adunque certissimo essere ti dee che non senza grandissima e evidente cagione e ragione l'antichissimo popolo padovano il grande e giocondissimo Bacco elettore per Iddio principale nella loro repubblica, sicome il fiero popolo romano il bellicosissimo Marte, il quale per simile ancora dal glorioso popolo fiorentino, seguitando i loro padri, eletto si fue. Dè pensa un poco alla mia dolceissima patria e vedrai in molte e moltissime grazie abundare. Io teco con somma consolazione mi ragiono e ralegro e perchè ti ramenti delli àuti piaceri per essa considerare». Allora prestissimamente una dolcezza il cuore mi prese e riguardatolo un poco così gli risposi: «O dolceissimo amico mio, fisso sempre nella mente si m' è quella dolcezza che buona e santa amicizia produce, la quale in te e nella tua tanto da me amata patria per clemenzia e umanità de' cari tanto a me e a te feci e trovai, e sempre con saldisimo animo si ritenni. Perchè adunque amare nolla deggio e sempre per seconda patria nella mente tenere? E grandissima consolazione sempre si m'è desso commemorare e parlare; ma perchè non sostiene per lo presente lo tempo di dirne a pieno, lascierò e riserbiallo a altra convenevole istagione; chè la magnificenza solamente è tanta del magnifico prencipe Francesco primo nobilissimo da Carrara, che sarebbe mestieri i suoi gesti a scrivere e recitare il gran mare della eloquenzia di Livio tuo Padovano». Et questo a lui detto, prestissimamente uno giocondo e lieto viso mi fece, sugiugnendo al mio dire: «La patria famosissima tua l'essere dato si t'ac principale, ma questa, che seconda nominare ti diletta, il secondo essere eguale al primo t'а dato, quando quivi nell' arti liberali il tuo tempo metesti. Or non in questa, come chiarissimo sai, dal secondo tuo precettore, Biagio Parmense, le cose della maestra natura udisti, e quanto val si aprendesti? In questa il moto de' figliuoli di Latona e delle stelle fisse e erratice tanto ferventemente aparasti; in questa le qualitali dell' aiere dal concavo sotto alla luna alla profondità della terra chiaramente mostrato ti fue, e perchè nella mezza regione i diversi vapori surgendo e esalandо e per molta freddezza ingrossando, la terra da aqua e neve, brina e rugiada e grandine è bagnata e talor

ricreata e percossa; e come i venti, le comete con secchi e caldi vapori iscorrendo, folgori terribili e truoni e incendii balenando, generati si sono colli spaventevoli terremoti pienamente vedesti. Io non deggio più oltre commemorare e ridire. Io lascio stare le potenze dell'anima collo intelletto possibile e agente; io lascio stare quello che la metafisica colle dimostrazioni utili e leggiadre della dilettevole prospettiva dimostra, imperò che tutto chiarissimamente sai, nè il tempo più oltre richiede».

171. Colle loc. cit.

172. Vita Victorini Feltr. ctp. 40, цит. у Tiraboschi Stor. d. lett. Ital. VI, I, ctp. 255.

173. Кн. III ctp. 18—20 «È mestieri adunque, amici carissimi, la condizione più tritamente del Maestro Biagio sapere, acciò che pienamente comprendiate i suoi costumi e modi. È il maestro Biagio uomo di mirabil scienza e dottrina, come in parte di sopra udito avete, e non solamente in filosofia naturale e morale, ma in ogni parte di metamatica arguto, dimostrativo e più ch' altro reale e sofista, secondo che la astuzia nell' argumentazioni richiede. Oltre a questo è sommo teologo, di memoria tenacissima e grande, ch'è maraviglia a pensalla; e è tanto abituato alla lettura, singularmente di filosofia naturale, che senza libro avere innanzi ogni difficilissima lezione improvviso si legge, dilucida e dichiara. Vedete adunque quante sono le sue virtùdi. Per altra parte non credo che trovare si potesse uomo che sano sia di celebros, di minore intendimento di lui intorno alle cose politiche o iconomiche e singularmente circa la eloquenza. Il perchè piauque al maestro Luigi con piacere della compagnia dare al maestro Biagio la risposta alle graziose donne, per prendere di lui piacere. Udirete adunque come la fece e con quanto leggiadra eloquenza.—Veduto il maestro Biagio, dopo molta repugnanza per non fallo, dovere rispondere, non altrimenti che così disse: «O bonae, o bonae, dominae meae», inchinandosi quasi a terra e senza avere in capo alcuna cosa, sendo il suo capo per vecchiezza quasi tutto calvo e picciolo: il perchè, sì per essere ancora piccolo e sparuto di persona, come per lo tempo, uno mentecatto pareva. Le donne, che lui vedieno sì inginocchiato a terra e sì dire nè altro, maravigliavansi. Ma una di quelle con una buona e onesta baldanza, *il cui nome è Ginevra, figliuola del notabile padre messer Nicoluio*, facendosi più innanzi, il prese per mano e su levòllo e in tal maniera parlò: «Molto a ringraziare v'abbiamo di quanto ci à risposto il nostro maestro Biagio che ci chiama sue madonne; noi li vogliamo essere sue buone figliuole, pur che meritiamo essere in vostra compagnia».

174. Кн. III. ctp. 11—13. Не знаемъ, къ нашему-ли Биаджіо слѣдуетъ отнести то неблагоприятное сужденіе о какомъ-то Pelacani, медикѣ, которое Niccolò Niccoli произносить въ одномъ латинскомъ діалогѣ до сихъ поръ неизданномъ, можетъ быть не совсемъ вымышленномъ, написанномъ во второй половинѣ XV-го вѣка, и посвященномъ молодому Lorenzo de' Medici. Разговаривающихъ выведено трое: Niccolò Niccoli, Leonardo Aretino и Carlo Marsuppi. Въ числѣ множества выходокъ противъ невѣжественныхъ врачей есть одна, которую мы выписываемъ: Sed alter (sc. medicus) usque ad superiores dies *Pelacanus suae artis nomine vocatus*, nuperrime tamen quasi fungus post magnos imbres ex acervo corruptae sordis a mundis suis pellibus evulso, quadam proxima nocte medicus evasit. Is enim, ut fertur, daemones cacodaemones magica arte invocat

atque coercet, lubetque ut languentis illius quem vult simulacrum vel formam daemones illi sibi deferant, et eam scindant atque eviscerent, ut de porcis aliisque bestiis consuevere carnifices. Ibi vero cum magno lumine consecratae candelae passim viscera omnia suis manibus revolvit atque oculis diligenter perlustrat, ut aegrotantis illius singulos intueatur langores. Tandem vero de invaletudine ac invaliditudo causa bene conscius factus, illud simulacrum reintegrari atque consui et in suum locum reduci praecipit, post vero languenti, cujus erat simulacrum, medelas adhibet opportunas; si autem de salute illius desperet, id suis affinibus patefacit, ne in vanum pro salute sua laborent. Sed aegrotantis prius ac genetricis ejus proprium nomen solertissime perquirat, de genitoris autem nomine nihil sibi curae est, nam de vero patre incertum nomen esse dicit, matris autem certum: ne sui daemones aliam aegrotantis formam sibi deferrent. Laur. pl. 77, cod. 22.

175. Lettere del beato don Giovanni dalle Celle и т. д. Roma 1845, стр. 37.

176. См. въ 14 № приложеній къ первому тому итал. изд. неизданное письмо don Giovanni и отрывокъ отвѣтнаго посланія Fraticelli. Fraticelli, вышеуказанн., какъ извѣстно, изъ реформы францисканскаго ордена, учили, что у I. Христа не было собственности.

177. Palat. cl. II ord. I cod. 205, стр. 354—5.

178. Ibid. стр. 354—5.

179. Кромѣ историковъ современныхъ событій, вроде ser Naddo, и флорентійской исторіи Ammirato, мы пользовались для біографіи Альберти еще нѣсколькими новѣйшими изданіями болѣе частнаго характера. Такъ напр. изданіемъ его сонетовъ и канцонъ: Sonetti e canzone del clarissimo M. Antonio delli Alberti, poeta del XIV secolo, ora per la prima volta pubblicati, Firenze, Molini, 1863. Anicio Bonucci снабдилъ его предисловіемъ, которое долгое время держало насъ въ заблужденіи относительно времени, къ которому приходится приурочить событія, описанныя въ нашемъ романѣ. Принимаясь толковать о стихотвореніяхъ Антоніо, Bonucci заключаетъ изъ нихъ, что онъ находился въ числѣ изгнанныхъ изъ своей дорогой отчизны Флоренціи и желалъ, чтобы она благословила его возвратиться. Но если вспомнить, что нашъ поэтъ закрылъ глаза вдалекѣ отъ родной земли, столько имъ любимой, намъ остается предположить, что ему не привелось дожить до исполненія его желаній. Въ самомъ дѣлѣ, изгнанный изъ Флоренціи въ 1387 году партией dei grandi какъ потворщикъ народнаго праселенія, Альберти лишь въ 1428 году былъ отчасти освобожденъ отъ лежавшаго на немъ запрещенія, которое снято съ него окончательно только шесть лѣтъ спустя, т. е. въ 1434 году. Вслѣдъ за тѣмъ Bonucci принимается разсказывать о судьбахъ Антоніо въ изгнаніи по тѣмъ немногимъ извѣстіямъ, какія ему удалось собрать: какъ отъ 1389 по 1405 годъ онъ читалъ алгебру въ Болонскомъ университетѣ, и въ слѣдующемъ году медицину, «и такъ продолжалъ можетъ быть до конца своей жизни, оставивъ сочиненія очень замѣчательными для того времени»; какъ наконецъ онъ скончался въ 1415 году. Мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что изъ всего сообщаемого Bonucci нѣтъ ни одного свѣдѣнія, которое бы не грѣшило тою или другою стороною.—Нѣсколько подробностей объ Антоніо и женѣ его Bartolommea встрѣтились намъ на стр. LXXI—LXXX предисловія къ *Regola del governo di cura familiare compilata dal beato Giovanni Dominici fiorentino, dell' ordine*

de' frati predicatori, testo di lingua dato in luce e illustrato con note dal prof. Donato Salvi accademico della Crusca. Firenze, A. Garinei, 1860.—Но болѣ всего послужили намъ жизнеописанія мессера Antonio и Бартоломмеи въ странномъ трудѣ, который о семействѣ Альберти приготовляетъ графъ Luigi Passerini; мы приносимъ ему глубокую благодарность за сообщеніе намъ корректурныхъ листовъ своего великолѣпнаго изданія.

180. Ammirato Ist. fior. XIII.

181. Delizie degli eruditi toscani, tom. XVI, стр. 110.

182. Ammirato, Ist. fior XIV.

183. Ibid. lib. XV; Memorie di ser Naddo: «Nota che a dì 5 ovvero 6 di maggio messer Benedetto e tutti gli Alberti sono stati posti a sedere per cinque anni, eccetto i figliuoli che furono di messer Niccolao di Lasarco (?) ed i figliuoli; ed il figliuolo che fu di messer Jacopo degli Alberti». Delizie del p. Ildefonso, tom. XVIII, стр. 94.

184. Cod. Magliab. cl. VIII cod. 1392, p. 2. Первое изъ указанныхъ писемъ написано на оборотъ: «da Bruggia di XXV decembre, fatta di XXVI di Novembre»; второе «da Bruggia di XX di Giugno 1388» —помѣтки, очевидно относящіяся ко времени полученія того и другаго во Флоренцію. Разстояніе между XXI маемъ и XX іюнемъ, и между XXVI ноябремъ и XXV декабремъ показываетъ, что письма между Брюгге и Флоренціей шли около мѣсяца.

185. Storia delle monete della repubblica fiorentina, data in luce da Ignazio Orsini, accademico fiorentino apatista, e socio colombario. In Firenze 1760, Pietro Gaetano Viviani stampatore, стр. 127—8:

«1389. In Dei Nomine Amen. Anno incarnationis Domini nostri Iesu Christi 1389, indictione duodecima, existentibus pro Comuni Florentie providis viris [nel margine dell' originale vi è la seguente postilla: «Quod sic mutatur tempus initii Officii Dominor. propter deficientiam burse pro arte Kallismale»]:

Domino Antonio Domini Nicolai de Albertis pro arte Kallismale, et Nicolao Michelis Vannis de Castellanis pro arte Campsorum, civibus honorabilibus Florentinis, Dominis et officialibus Zecche dicti communis, et cujuslibet monete que fit et cuditur in dicta Zeccha pro tempore sex mensium init. die XXVIII Maii dicti anni, et existente Camerario dicte Zecche Piero Iohannis de Siminettis pro arte Campsorum,

Romolo Iohannis, et

Luca Martini, sententiatoribus Auri quod mictitur in dicta Zecca.

Piero Gori intagliatore ferrorum cum quibus cuduntur monete,

Andrea Bindi saggiatore argenti quod mictitur in dicta Zeccha,

Ser Gregorio ser Francisci Notario pro arte Kallismale dicte Zecche.

Quorum tempore facti et coniat fuerunt Floreni Auri soliti ponderis, et cum solitis lictis, et Figuris, et cum novo signo unius Liliti.

186. «Nota che a dì 20 di giugno 1389 messer Tommaso, ovvero Maso, di Luca degli Albizzi, il quale si fece, ed era fatto cavaliere nella Magna..... fece a' frati di S. Croce la festa della sua cavalleria, bella ed onorevole, con molti armeggiatori, ed anchè si giostrò, cioè furonvi ritenitori, e niuno andò alla giostra. Detto di messer Antonio di messer Niccolao degli Alberti menò moglie fuori di Firenze, a un suo bel luogo, il quale si chiama Paradiso; e la figliuola di messer

Tommaso degli Obizi fu questa sua donna, la quale ebbe per marito un gran gentiluomo di..... (такъ въ рѣс.); ma stette con lui forse sei mesi». Delizie degli eruditi toscani, tom. XVIII, стр. III.

187. Такъ въ 1395 году онъ помогъ своимъ вкладомъ истощенной флорентийской казнѣ, чтобы дать возможность поддержать войну противъ Gian Galeazzo Visconti.

188. «luogo overo sito grande, bello e molto dilettevole, con loggie, pergole, orti e molte altre gentilezze, onde era detto Paradiso». Leggenda del beato Manno di Svezia, ed. Dazzi, стр. 7. Очень вѣроятно, что къ этой виллѣ Paradiso относятся слова Giannozzo Alberti, когда въ діалогахъ Della Familia, написанныхъ Leon Battista Alberti, онъ принимается толковать о заботахъ, положенныхъ мессеромъ Niccolao, отцемъ нашего Antonio, на украшеніе своей виллы. Приводимъ здѣсь эту длинную цитату, пропущенную по недосмотру въ нашемъ итальянскомъ изданіи. «E di queste possessioni così fatte poste in buono aere, lontane da diluvii, vicino alla Terra, atte a pane e vino, credo io se ne troverebbe assai. E di legne in poco tempo me la farei io fertilissima: imperò che mai resterei di piantarvi così in sulle margini, onde s'auggiasse il vicino campo, non il mio. E vorrei allevare ogni delicato e raro frutto. Farei come solea messer Nicolaio Alberti, uomo dato a tutte le gentilezze, quale volse in le sue ville si trovassino tutti i frutti nobilissimi, quale nascono per tutti i paesi. E quanta fu gentilezza in quell' uomo! Costui mandò in Sicilia per pini, i quali natì, fruttano prima ch'eglino aggiungano al settimo anno: costui ancora negli orti suoi volle pini, de' quali i pinocchi da se nascono fèssi lo scorzo dall' uno de' lati e rotto; costui ancora di Puglia ebbe quelli pini, i quali fruttano pignuoli collo scorzo tenerissimo, da frangelli con le dita: e di questi fece la selva. Sarebbe lunga la storia raccontare, quanta strana e diversa quantità di frutti quell'uomo gentilissimo piantasse negli orti suoi, tutti di sua mano, posti a ordine, a filo, da guardalli e lodarli volentieri». L. B. Alberti Della Familia, lib. 3-о стр. 283—4 второго тома сочиненій Alberti, изданныхъ Bonucci.—О затратахъ, сдѣланныхъ семействомъ Альберти на подгородныя виллы (между прочимъ въ S. Miniato, Paradiso и др.) и зданія, принадлежавшія имъ въ городѣ см. тамъ же стр. 301. Въ другомъ мѣстѣ того-же труда авторъ въ лицѣ Giannozzo Alberti такъ восторгается красотою виллъ, которыя принадлежали Alberti въ окрестностяхъ Флоренціи: «Quanto sì! Ma pure, Leonardo mio, io mi ricordo a Firenze quanti sieno degli altri assai, e ancora quelli nostri luoghi, quelli di mess. Benedetto, quelli altri di messer Nicolaio, quello di messer Cipriano e quelli di mess. Antonio e gli altri de' nostri Alberti, a' quali tu non desidereresti cosa più niuna. Posti in aère cristallina, in paese lieto; per tutto bell' occhio, rarissime nebbie: non cattivi venti: buone acque: sano e puro ogni cosa!». ib. стр. 279.—Интересно сличить со всѣмъ этимъ пейзажъ виллы, какъ онъ изображается въ нашемъ романѣ.

189. Antico libro di Ricordanze, находившаяся прежде въ архивѣ монахинь обители S. Ambrogio, цит. у Moreni, Notizie istoriche dei contorni di Firenze, parte V, lettera VII: Munistero delle monache di S. Brigida, chiamato Paradiso: «dalla bellezza e ornamenti degli edifizj e giardini che ivi erano, e da' dilette corporali che i secolari in essi ci pigliavano».

190. «Messer Antonio ha voluto gustare l'ingegno e l'arte di qualunque ottimo scrittore, e nei suoi onestissimi ozi sempre fu in magnifico esercizio: e già ha

seritto la *Historia illustrium virorum* e quelle *Contentioni amatorie*, ed è, come vedete, in *Astrologia famosissimo*. L. B. Alberti *Trattato della famiglia*, lib. I, изд. Bonucci томъ 2-й стр. 102. Ibid. lib. IV, стр. 387: «sono (т. е. стихотворения Antonio) pieni di soave maturità ed aspersi di gentilezza e leggiadria, e a pari degli altri toscani poeti, degni d'esser letti e molto lodati».

191. О диспутахъ, происходившихъ въ садахъ Альберти, говоритъ Leon Battista въ Proemio къ III-й книгѣ того-же трактата: «Messer Antonio Alberti, uomo letteratissimo, tuo zio, Francesco, quanto nostro padre Lorenzo Alberti a noi spesso riferiva, non raro soleva co' suoi studiosi amici in que' nostri bellissimi orti passeggiando disputare, quale fosse stata perdita maggiore, o quella del antiquo nostro imperio amplissimo, o dell' antiqua nostra gentilissima lingua latina».

192. Ibid. lib. III стр. 287: «Sì, Dio, uno proprio paradiso! E anche quello che più giova, puoi alla villa fuggir questi strepiti, questi tumulti, questa tempesta della terra, della piazza, del Palagio. Puoi in villa nasconderti, per non vedere le ribalderie, le scelleraggini, e la tanta quantità di pessimi uomini, quali pella terra continuo ti farfallano inanti agli occhi, quali mai cessano di cicalarti torno all' orecchio, quali d'ora in ora seguono, stridendo e mugghiando per la terra, bestie furiosissime e orribilissime. Quanto sarà beatissimo lo starsi in villa! felicità non conosciuta!»

193. Кн. III стр. 15: «dove tutti insieme ne girono alla cappella, e quivi apparecchiato un prete, una messa con modesto modo si disse»; Кн. IV стр. 75—6: «piuque a ciascuno girne nella cappella a udire la messa; e apparecchiato uno cappellano, divotissimamente dicendola, quella udiro». Легенда блаженнаго Маяно (ed Dazzi, стр. 7) сообщаетъ извѣстie, что еще отецъ Antonio, благородный и уважаемый мужъ мессеръ Niccolao (lo egregio e onorando uomo messere Niccolao degli Alberti, padre di messer Antonio) устроилъ при своей виллѣ небольшое убѣжище для духовныхъ лицъ, въ которомъ водворилъ монаховъ бенедиктинскаго ордена (uno luogo devoto da religiosi, dove teneva monaci di santo Benedetto).

194. Сл. кн. III стр. 15—16. Слово *dirizzatoio*, не встрѣченное нами ни въ одномъ изъ извѣстныхъ итальянскихъ лексиконовъ, объяснено нами на угадъ въ небольшомъ словарѣ, приложенномъ къ изданному нами тексту романа. Теперь наше объяснение подтвердилось вышедшей съ тѣхъ поръ брошюрой Gaetano Milanesi: I due sontuosissimi conviti fatti a papa Clemente Quinto nel 1308 и т. д. Firenze, Le Monnier 1868. На 17 страницъ этой старинной памяти мы находимъ слѣдующее выражение: E tute e tre queste cucine ebbono *dirizatoio*. Выписываемъ замѣчанiе издателя къ этому мѣсту: «Dirizatoio, che non si trova ne' nostri vocabolarj, era un arnese fatto a modo di credenza o scanzia, dove si tenevano tutte le cose occorrenti al desinare, come piatti, vasi, bicchieri ec. Nel latino barbaro fu chiamato *Dressorium* e nell' antico francesco *Dressoir*. Un altro esempio di questa parola l'abbiamo in quel brano della novella di Torello di Maestro Dino del Garbo scritta da Anonimo, e riferita in fine delle novelle del Sacchetti dell' edizione Le Monnier; dove a pag. 413 si legge: «Ma i porci fediti e crucciati s'attraversarono tra i piè d'un dirizatoio da bicchieri, dove molti vi avea su con mezzine e altre stoviglie che a ciò si richiede». Nella novella LXX del Sacchetti, che narra lo stesso caso avvenuto a Torello del Garbo, in luogo di *dirizzatoio* è *scancieria*».

195. Сл. кн. III. стр. 4, уже приведенное нами въ другомъ мѣстѣ.

196. Delle rime di M. Franco Sacchetti le ballate e canzoni a ballo i madrigali e le cacce. Lucca, Franchi e Majonchi. 1853, стр. 7—8.

197. Представленные нами выписки неизданной еще поэмы сдѣланы по cod. Riccard. 2254: *Incomincia il libro composto pel savio et esimo poeta messere Giovanni da Prato, nominato l'Aquettino*. Мы видимъ ошибку писца въ приписаніи Asquettino этой стихотворной повѣсти, въ которой, какъ мы увидимъ далѣе, о немъ говорится въ такихъ выраженіяхъ, что нѣтъ никакой возможности предположить его ея авторомъ.

198. Прибавляя слѣдующую цитату къ русскому изданію мы не имѣли подъ руками подлинника Folengo и принуждены были довольствоваться его старо-французскимъ переводомъ, перепечатаннымъ Paul Lacroix (Bibliophile Jacob) въ Bibliothèque gauloise (Histoire massaronique de Merlin Coccaie, Paris, Delahays, 1859). Вотъ что читается тамъ на стр. 48—9: «Cependant un jour vint que la ville de Mantoüe estoit toute confite en joye. Ce jour fut le premier de May, auquel dès le matin chacun fait planter devant sa maison de hauts arbres et rameaux, lesquels on nomme May, à cause du mois. Le peuple suit les charrettes par les ruës, chargées de tels rameaux, lesquels sont tirés ça et là par des boeufs couronnez, et ornez de longs festons de roses. Au dessus d'icelles on fait un haut amas de feuilles d'oranges, de myrthe, de laurier, de brins de marjolaine, de rosmarin. On y void toute espee de peupliers, d'ormeaux, de chesnes, de lierre. Du haut pendent mille petits floquets, et autres petites gentilleses faites de papier, qui au vent sont poussées ça et là. Au dessus de ceste mommerie on void Cupidon ailé, qui est un enfant bandé par devant les yeux, lequel detache de son arc plusieurs flesches d'un costé et d'autre. Une troupe de filles suivent après portans leur cheveux tressez et couronnez de fleurs. Icelles portent en des paniers des oeufs, et vont chantant par la ville».

199. «est consuetudinis, ut juventus promiscui sexus laetabunda cal. maji exeat in agros et cantitans inde virides reportet arborum ramos eosque ante domorum fores ponat, et denique unusquisque eo die aliquid viridis ramusculi vel herbae ferat, quod non fecisse poena est, praesertim apud Italos, ut madefiat». De inventoribus rerum 5, 2. Обычай носить на себѣ зеленую вѣтку въ теченіи всего мая еще соблюдается молодежью округовъ Брешии и Бергамо (G. Rosa Dialetti, costumi e tradizioni d. provincie di Bergamo e di Brescia, 2-е изд. стр. 161); въ Лорренѣ молодые люди въ этомъ случаѣ также носятъ на шляпахъ вѣточки лавра или розмарина (Richard, Traditions populaires, croyances superstitieuses, usages et coutumes de l'ancienne Lorraine. стр. 174.)

200. Qui (т. е. зала) n'était ne laide ne sale,
Mais moult bele e nouviau jonchié.
Une table y avoit drécié
D'yvoire à pierres de cristal.
Tout si fait furent li hestel.
Très blanche nape ot desus mise
Ouvrée de diverse guise.
Sor l'un cor de la table avoit
A mangier kan k'il convenoit,
Et sor l'autre coron à destre

Ot vin si bon que vins pot estre,
En pos d'or et hanas autés.

.
De lonc tans ert acoustumé
En ce chastel et establi
Que on, II mois en l'an, ainsi
Le faisoit, et ne plus ne maina.
Mays en estoit li premerains;
Car en ce mois le commença
Cil que cel chose acoustuma
Dès le premier commencement.
Or vous di je certainement
Que li secons estoit gayns
Qu' il fait bon aler es jardins.
Ces II mois, chascune vesprée
Estoit la viande atournée;
Desus la table la metoient
Et puis le vin, lors s'en aloient
Quant fait l'vait beneïr
A leur prestres au departir.
Pour may et gayn honorer
Fist on ceste chose estorer:
Le may pour sa joliveté
Et le gayn pour sa plenté.
Lendemain si tost revenoient
Que leur diex aorez avoient
Selonc le tanz qui lors estoit.
De cele viande menjoit
Carmans ou II morsiaus ou trois,
Et puis si bevoit une fois,
Et puis li autre grant seignour
Faisoient ainsi tout entour;
Et, quant il avoient mengié
Entour la table et soulacié,
Adont leur feste commençoit.
Plenté d'estruments y avoit:
Vièles et salterions,
Harpes et rotes et canons
Et estives de Cornouaille:
N'i falloit estrumens qui vaille;
Car li rois Carmans tant amoit
Menestreus, que de tous avoit.
O lui avoit quintarieurs,
Et si avoit bons leüteurs,
Et des flaüteurs de Béhaigne,
Et des gigueours d'Alemaigne
Et flaüteurs à II dois.
Tabours et cors sarrazinois

Y ot. Mais cil erent as chans
Pour ce que leur noise ert trop grans.
N'estoit manière d'estrumens
Qui ne fust trouvée léens.

Li roumans de Cleomades per Adenès li rois, publ. par
André van Hasselt. Bruxelles, Devaux 1865 — 6, 2 vv.
ст. 2826—94.

201. Франц. *mau*, нѣм. *mai*, старонѣм. *meie*, *meige*—birkenreis; чурв. *maig*—Strausz, Blumenstrausz, славон. *maj*. Въ текстѣ нашего романа слово *maio*, *mai* встрѣчается часто, но только въ смыслѣ зеленой вѣтви, листьвы, безъ всякаго отношенія къ майскому обряду. Напр. кн. I, стр. 30: *vari e fronzutissimi mai* и т. п. Точно также въ *Giucoco d'amore*, небольшой повѣсть Джьованни да Прато: *Chi si tuffa tra mai; che eran nascosi per gli folti mai; isfavillar vedea i santi mai* и т. п.

202. E garzonetti in atto onesto e gujo
A segnale di Amor piantano Majo.
E il Majo un arboscel, che da radice
Tronco, e in alterni ramicei disteso
Piantano innanzi la magion felice
Dell'amorosa, di chi altri è preso.
E come il bel talento a ciascun dice,
Fanno scender dai rami, agevol peso,
Vaghe corone d'erbe e di fioretti,
Simbolo al cor di geniali affetti.
G. Barb. La festa di Majo.

Оттого говорятъ въ Val d'Arno: *cantare il bruscello*, т. е. *arbuscello*, вмѣсто *santar Maggio*. Тотъ-же обычай сохраняется до сихъ поръ въ округахъ Бергамо и Брешиа (G. Rosa, *Dialetti, costumi e tradizioni delle provincie di Bergamo e di Brescia*, 2-е изд. стр. 174), въ Маркахъ и Умбріи, въ окрестностяхъ Contich'a въ Бельгіи (de Reinsberg-Düringsfeld, *Canlendrier belge*. t. I, p. 279). Во Франціи, въ былое время, молодой садилъ у своихъ дверей въ первый день мая жердь, увѣнчанную листьями (*mau*), къ которымъ присоединялись иногда плоды и пироги, какъ символъ плодородія (*Sermon nouveau et fort joyeux des maux de mariage*; Noirot, *Origines des masques ch.* III). О другихъ подобныхъ обычаяхъ, отчасти сохраняющихся во Франціи, легко собрать больше свидѣній; см. между прочимъ Roquefort, *Glossaire*, а. v. *mau*, и Estienne Pasquier, *Les Recherches de la France*, lib. VIII, ch. VII: „Il n'est pas qu'en quelques villes, et notamment en celle de Lagny, on n'ait voulu représenter les jeux Floraux le jour de la Pentecoste: Car alors dès le matin le commun peuple au lieu d'aller à l'Eglise, va aux bois cueillir des rameaux, et l'appresdinée fait une infinité d'exercices de corps plaisans, voire y a certains paysans en chemise qui courent un jeu de prix“. Что насажденіе майской вѣтви, майскаго дерева, извѣстно было въ старой Испаніи и Провансѣ, тому свидѣтельствомъ 604 строка поэмы объ Александрѣ Великомъ и Raynouard, *Lexique roman* а. v. *maia*. Относящіяся сюда свѣдѣнія о Германіи, Голландіи и Англіи можно найти у Гримма D. M. 3-е изд. стр. 737, 738 и 746; о Чехіи у Reinsberg-Düringsfeld, *Fest-*

Kalender aus Böhmen стр. 213; о Славоніи, у Илича, Narodni Slavonske običaji. стр. 132.

203. G. Tigri, Canti popolari toscani, 1-a ediz. стр. LIV—VI предисловія.

204. См. обо всѣхъ этихъ подробностяхъ: Édelestand Du Meril, Des formes du mariage, стр. 77—8, прим. 5 и 1; Reinsberg-Düringsfeld, Fest—Kalender aus Böhmen стр. 205—6; Felix Liebrecht, Gerv. v. Tilbury Otia Imperialia стр. 183 прим. 35; Preller, Römische Mythologie стр. 352, 380—382; Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, 2-е изд. стр. 300—1. G. Nerucci въ своемъ Saggio di uno studio sopra i parlari vernacoli della Toscana (Milano, Fajini 1865) стр. 98 цитуетъ по поводу майскихъ празднествъ, festa del Majo, перешедшихъ изъ языческой Италіи въ христіанскую, конституцію императоровъ Аркадія и Гонорія Cod. Iust. lib. XI, tit. XLV, *de Majuma*; но, какъ извѣстно, это празднество въ честь сарійской Венеры, хотя и совершалось въ мѣсяцѣ маѣ, не имѣло ничего общаго съ чисто-римскими майскими обрядами. Сл. Preller, Römische Mythologie, стр. 746—7.

205. Кн. II, стр. 76: „..... sì che i piacevoli zeffiri tutto l'aier sereno inducendo alla dolcezza d'amore quanto per lo mondo c'è cielo si produce; onde li altissimi colli colle ombrose selve già di novella fronde con infiniti e vari e olorissimi fiori tutti rivestiti vediensi, e per verzicanti e ridenti e diletteissimi prati innumerevoli animali con infiniti ucelletti cantando fralle foltissime frondi sollazzare e ricercando amore si vedieno.“

206. Già rilucea il prence delle stelle
Per lo nostro orizzonte con quel Tauro
Ch'adduce zeffir colle cose belle;
E le suo' chiome che mostran fil d'auro
Già riscaldava Castor e Polluce
Che tiene il cielo il suo ricco tesoro.

Сл. съ этимъ очень сходный мотивъ нашего романа, кн. II, стр. 76: «Ера già il velocissimo carro del comato Apollo trapassato e scorso lo istellato Montone col ricco e bellissimo Toro che la pargoletta Europa si dolcemente ingannò, e i suoi isvariati cavalli già Castore e Polluce incendea.»

207. Сходство этого немного запутаннаго описанія съ подобнымъ-же описаніемъ нашего романа (кн. I стр. 32—34) кажется намъ слишкомъ яснымъ и доказательнымъ, чтобы пройти незамѣченнымъ: они сходятся въ мелочахъ, дополняя и исправляя другъ друга (такъ мы съ трудомъ разобрали бы въ рукописи поэмы стихи: *Che verson aqua giù in quel lavoro*, еслибы не помогло намъ въ этомъ мѣстѣ сличеніе съ текстомъ нашего романа), хотя къ сожалѣнію архитектурная мысль воображаемой постройки не становится оттого яснѣе. Вотъ, между прочимъ, какимъ образомъ авторъ романа описываетъ диковинный фонтанъ—просимъ сличить выраженія, напечатанныя курсивомъ, съ подобными же фразами поэмы: „nel mezzo di quello (т. е. амфитеатра) era edificato uno mirabile fonte, di cui la forma ridire nuovo piacere ne induce. Era adunque la sua circonferenza in convenevole et in ampio ispazio *salendo per tre liggiad-rissimi gradi di finissimo alabastro, dove seguitavan le prime isponde in otto faccie* dentro e di fuori ornate di molti e preziosi lapilli con mirabili iscolture, chѣ quelle mirare dubitare fanno, se da natura o da arte prodotte si fossero

no..... Ancora nel centro di quello una colonna d'uno verdissimo e fine ismeraldo, traendo forma dalle otto misuratissime faccie, con uno ornatissimo capitello di varie e leggiadrissime foglia in molta ricchezza formato. In sul quale uno vaso ampiissimo di fino oro soprastava, del quale il mezzo tenea sopra una leggiadrissima basa d'uno orientale zaffiro la leggiadrissima forma di Venere Cipriana, tutta isculpta d'uno ardente rubino, sì gaia e tanto vaga e bella, che meraviglia grandissima a chi la vede ella induce..... Dove sopra otto colonne uno tabernacolo sopra lei soprastava, con otto leoni sopra di lor capitelli, sì propi d'oro chiarissimo e fine, ch'è meraviglia a pensare; i quali aqua abundantissima nel vaso ricchissimo versano con uno mormorio tanto leggiadro, che genera dolceissima armonia nello animo delli udenti.—Sopra il tabernacolo in otto faccie et intorno era mirabile arte di leggiadria della dotta architettura con ornamenti sculti di diversi e varii animali: eravi di candidissime perle purissime colombe et quasi in ornamento per tutto graziosi uccelli e alla iddea dedicati. Finalmente di sopra al tutto chiaro vedere si potea Cupido nelle isprendenti fiamme, le quali proprie aparere facea uno chiaro e ardente rubino, di che formate con molta arte aparieno. Era in sua forma tutto nudo e alato collo arco e abundante suo turcasso di dorati istrali; coronato di bianche rose e vermiglie, tutto ridente agli nomini si mostrava». Какъ видно, въ томъ и другомъ случаѣ рисунокъ одинъ и тотъ-же, тамъ и здѣсь обличающій въ авторѣ склонность къ архитектурнымъ фантазіямъ; только-что въ прозѣ онъ немного развитъ и къ нему прибавлена еще верхняя надстройка, которой недостаетъ въ стихотворномъ описаніи—можетъ быть потому, что она трудно укладывалась въ стихи, какъ слишкомъ пространная.

208. Сл. въ нашемъ романѣ кн. I, стр. 10: «che diremo de'richissimi e preziosissimi orti d'Asuero».

209. J. Grimm Deutsche Mythologie, 3-e Ausg. стр. 724 слѣд., 729, 735, 739—40; Roquefort, Glossaire: May—espèce de tournoi, selon D. Carpentier. Сл. цитату изъ Pasquier въ прим. 202.

210. Сл. съ этимъ то мѣсто нашего романа, гдѣ Маргарита начинаетъ пѣть, «con dolciissimi accenti nelle piate e leggiadre parole a chi udiemo dimostrando, quanto fa grandissimo male e incomportabile ingiuria chi amato si è non amare» кн. II, стр. 92. А. М. Salvini отиѣтилъ этотъ оборотъ на поляхъ нашей рукописи.

211. Всѣ эти отрывки приведены по cod. magliab. II, II, 40: *Qui comincia un giuoco d'amore, il quale se'messer Giovanni da Prato*. Inc., La grolia di quel sir ch'è tanto altero», fin.: «Le vaghe ciglia sì leggiadre e conte. Finito il giuoco. Amen». Въ оглавленіи статей всего сборника, писанномъ современной рукою, нашъ роemetto приписанъ Giovanni da Prato, по прозвищу Acquetтино. О giuoco d'Amore, вставленномъ Francesco da Barberino въ его аллегорическій трактатъ Del Reggimento и т. д. (изд. Mansi, стр. 120—125) мы предоставляемъ себѣ поговорить подробно при другомъ случаѣ. Онъ составляетъ тамъ часть брачнаго обихода, какъ вообще подобныя игры были въ большомъ употребленіи въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, при свадьбахъ, и т. п.: многія подробности свадебныхъ и майскихъ обрядовъ до сихъ поръ имѣютъ между собою много сходнаго на романскомъ югѣ (Сл. напр. символизмъ лавра, майская вѣтвь, насаждаемая молодымъ и т. п.). — Mansi цитуетъ по этому поводу

VII-ю пѣснь Orlando Furioso (Tolte che fur le mense e le vivande Facean sedendo in cerchio un giuoco lieto и т. д.), Cortegiano и *Dialogo de' Giuochi che nelle vegghie Sanesi si usano di fare, del Materiale Intronato* (Girolamo Bargagli Sanese). Siena, pel Bonetti, 1572 in 4°. Игра, описанная послѣднимъ подъ названіемъ Caccia di Amore, близко напоминаетъ подобныя-же игры у Francesco da Barberino и Giovanni da Prato.

212. Кн. III стр. 5: „imperò che *costumo fiorentino si è in questi tempi così fare*; e a noi conviene questo costume seguire e servare, imperò che buona consuetudine e prescritta sta in luogo di fermissima legge„. Ib. *«secondo che'l tempo chiedeva»*; стр. 7: «più gentili uomini *festegianti* cenano meco».

213. Кн. I стр. 51: „è di nicissità..... prima conoscere, che cosa sia Amore in suo genere; dapoì vedremo le diverse e varie maniere di quello, e quanto è l'uno da essere alle istelle lodato e l'altro in confusione della incontinenzia e malizia da essere difamato e continuo biasimato. E questo conosciuto e veduto, più giocondamente le nostre cause colle piacevoli declamazioni, co'problemi utili e dilettevoli, colle fizioni, favole e istorie i nostri giorni con piacere consumare potremo“ и т. д.

214. „Sonetto d'Antonio detto andando al Paradiso degli Alberti, perchè uno Matteo suo amico l'avea invitato ch'andasse a bere co'lui“. Cod. laurenz. red. 184 fol. 113 recto.

215. См. стр. 115—116.

216. См. стр. 83 прим. 46.

217. terra—земля и въ старопитальянскомъ языкѣ: городъ.

218. Оба сонета заимствованы изъ приведеннаго выше собранія Bonucci, который печатаетъ въ сонетѣ Саккетти слово *paradiso* съ маленькой буквой. Это только затемнило смыслъ стихотворенія. Наша транскрипція основана на извѣстной игрѣ словъ, уже знакомой намъ изъ сонета Антоніо Пуччи и баллады нашего романа. Въ самомъ дѣлѣ, если не принимать *Paradiso* въ смыслѣ виллы Альберти,—какой смыслъ могутъ имѣть слова Саккетти: *Fermato sete star nel paradiso*, вы рѣшились остаться въ раю?

219. Сл. между стихотвореніями Alberti, изд. Bonucci, слѣдующее: *Ancora un altro sonetto molto bello sopra al vizio della simonia ch'ora è entrato nella chiesa*. Inc. „O giustizia di Dio quanto tu peni“.

220. Изъ сонета Саккетти, приведеннаго на стр. 167.

221. См. въ изданіи Bonucci стихотвореніе Alberti: *Qui dice come nella chiesa sieno entrati di molti latdivizi, et essere però da revocarla a'suoi principii a volerla campare da rovina*. Inc. „La donna che già fe'trionfar Roma“.

222. Memorie del senator Carlo Strozzi, cod. X R, стр. 9, цит. у Moreni, Notizie istor. dei contorni di Firenze, parte V, lett. ult.

223. Leggenda del beato Manno di Svezia, ed. Dazzi, стр. 7.

224. Moreni Notizie istor. и т. д. и выше прим. 189.

225. Sic. Moreni вѣроятно повторяетъ ошибку Strozzi, прочитавшаго с вм. t, которыя легко смѣшать въ рукописи. Vastena—швед. Wadstena. Сл. En Wadstena-nunnas Bönbok и т. д. utgifven af Iohan Ernst Rietz. Lund. 1842.

226. Manni въ 1-мъ томѣ своихъ Sigilli цитуетъ Mongia, Istoria dell'origine di tutte le religioni и т. д., изъ книги котораго мы узнаемъ, что св. Бригитта

выпросила у папы «чтобы монастыри съ конгрегациѣ были общіе для мужчинъ и для женщинъ, но со стѣнами, устроенными такимъ образомъ, чтобы однѣ не могли сообщаться съ другими безъ великой необходимости; и церковь была-бы общая, но такъ чтобы мужчины, какъ служители алтаря, находились внизу, а женщины вверху стояли-бы на молитвѣ. При всемъ томъ она желала, чтобы главное управленіе было въ рукахъ аббатиссы, на мужчинахъ лежали заботы о священнодѣйствіи и другихъ вещахъ, относящихся до святаго храма, и между ними былъ бы глава, которому называться пріоромъ или исповѣдникомъ (confessore). По желанію святой королевы они могли имѣть недвижимость и имущества, чѣмъ бы существовать, но попеченія обо всемъ нужномъ для нихъ, относительно какъ пищи такъ и одежды монаховъ и монахинь, предоставляемы были аббатиссѣ. Кромѣ того она запретила какъ женщинамъ такъ и мужчинамъ выходить изъ монастыря безъ очевидной нужды; въ такомъ случаѣ братья и сестры должны были просить позволенія у аббатиссы. Еще она приказала имъ носить одежду сѣрую съ краснымъ крестомъ на груди» и т. п. Больше подробностей можно найти у M. v. Celse, Apparatus ad Historiam Sveo-Goticam, съ которымъ мы впрочемъ знакомы только по выпискамъ у Rietz'a, En Wadstena-nunnas Bönbok и т. д.

227. Leggenda del beato Manno, стр. 9.

228. Аллюзія на имя тогдашней настоятельницы, Марты dei Casali.

229. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь разумѣются обычные у католиковъ пощенія такъ называемыхъ станцій Viae crucis, представляющихъ въ 12 послѣдовательныхъ образахъ земную жизнь Спасителя. Такія изображенія въ церквахъ и на открытыхъ мѣстахъ до сихъ поръ служатъ цѣлью набожныхъ странствій; въ нашей легендѣ все это приняло фантастическій колоритъ какой-то сверхъестественной реальности.

230. Leggenda del beato Manno стр. 14—16.

231. „*Per cagione della guerra grande, che era tra la comunità di Firenze e il Duca di Milano, e per alcuni strani modi e costumi praticati dal fondatore, non conformi nè atti a religione osservante*, Frate Luca assieme con gli altri suoi fratelli abbandonarono il luogo, e ritorno fecero in Svezia, costretti a così fare dalla necessità. Dietro a loro si partì ancora la detta suor Marta Abbadesa, e il fondatore rimesse le suore ne' monasteri, da' quali erano di prima state tratte, e le donne secolari ritornarono alle loro case, perchè non avevano fatto la professione. Rimasto così il monastero abbandonato, cominciò il fondatore a disfarlo con guastare tutte le celle, parte della chiesa, parte delle mura, tagliò le catene delle volte, e quelle in gran parte ismattonò, e non vi rimase nè asse, nè panche, nè uscio, nè tavole..» Ср. съ этими воспоминаніями фра Маттео изложеніе тѣхъ же событій у безыменнаго автора легенды, приведенной нами въ текстѣ.

232. Leggenda del B. Manno, стр. 13, 16 и 17.

233. Авторъ легенды бл. Манно объясняетъ по-своему, почему оба раза пощадили мессера Антоніо: судьи не захотѣли трогать человѣка извѣстнаго своею набожностью. «Vedendo alcuni cittadini savi e discreti tale ruina e sì grande distruzione dissono fra loro: E' non si vuole però spegnere el seme di tanta nobile progenie; serbiamo e conserviamo alquanti di questi giovani e con loro uno uomo antico venerabile. Onde presono e ordinarono sopra quegli messer

Antonio come più virtuoso e spirituale che gli'altri. El quale di nuovo fu avuto a sospetto per lo medesimo stato di Firenze, sicchè preso e menato al Bargello e doppo molte esamine fu spogliato in camiscia e volendolo porre alla colla gli trovarono uno cilicio in sulla carne e dissono: Non si vuole guastarlo con la colla ch'egli è pur buon uomo, ma confiniamolo a qualche luogo". стр. 17.

234. Рѣшеніе состоялось 14 января 1401 г.: 3000 флориновъ должно было выплатить ранѣ 25 января, или 6000 если ранѣ 10 февраля; въ противномъ случаѣ Антоніо еще могъ быть казнень въ тотъ же самый день.

235. Приписать къ числу grandi, знатныхъ, объявить кого-нибудь аристократомъ, было, какъ извѣстно, однимъ изъ тяжкихъ наказаній во флорентійской республикѣ.

236. Scip. Ammirato Ist. fior. lib. 16.

237. Leggenda del b. Manno, стр. 17.

238. Ricordanze fra Matteo, у Морени, loc. cit.

239. Этотъ кардиналъ былъ Мильорати изъ Судьмоны, по смерти Бонифация IX избранный папой съ именемъ Иннокентія VII.

240. Leggenda d. beato Manno стр. 17 и 18.

241. Ricordanze fra Matteo, у Морени, loc. cit.

242. Аничіо Бонуччи, въ предисловіи къ изданнымъ имъ *Sonetti et canzone del clarissimo M. Antonio delli Alberti*, пишетъ о немъ, что отъ 1389 по 1405 годъ онъ читалъ въ Болоньѣ алгебру, и тамъ-же въ слѣдующемъ году медицину. Луджи Пассерини въ книгѣ, посвященной генеалогіи рода Альберти, которой мы пользовались въ корректурѣ, рѣшительно отвергаетъ показаніе Бонуччи, невозможное уже потому, что Антоніо могъ быть въ Болоньѣ не раньше 1401 года. Отрицая въ то же время свѣдѣніе, будто онъ преподавалъ тамъ медицину, такъ какъ ни изъ одного памятника не видно, чтобы онъ ею занимался, Пассерини признаетъ однакожъ за достовѣрное чтеніе имъ алгебры. Въ этомъ случаѣ какъ онъ такъ и Бонуччи ссылаются на Маццетти, *Repertorio dei professori che hanno insegnato nella Università di Bologna*, гдѣ на стр. 27 мы читаемъ слѣдующее: «Antonio изъ Флоренціи. Подъ этимъ именемъ встрѣчается въ книгахъ камеры (ne'libri della camera) преподаватель алгебры (lettore d' Abaco) съ 1389 по 1405 годъ, и медицины въ 1406 г.» И болѣе ничего; что этотъ Антоніо былъ именно Альберти—о томъ ни слова. Намъ кажется яснымъ, что не Антоніо Альберти читалъ алгебру въ Болоньѣ, какъ несомнѣнно онъ не читалъ тамъ и медицины. Съ одной стороны то и другое отнесено у Маццетти къ одному Antonio di Firenze въ 1389—1406 годахъ, стало быть не къ Альберти, по хронологическимъ причинамъ, на которыя указывалъ и Пассерини; съ другой невѣроятно, чтобы Leon Battista, называющій нашего Антоніо знатокомъ астрологіи (in astrologia famosissimo), не упомянулъ ни съ одной изъ двухъ камеръ, еслибы Антоніо ихъ въ самомъ дѣлѣ занималъ. Остается заключить, что тутъ произошло смѣшеніе, и что свѣдѣнія Маццетти должны быть отнесены къ другому лицу. Лицъ, носившихъ имя Антоніо, извѣстныхъ въ литературѣ и въ наукѣ, было довольно много въ это время; но къ кому изъ нихъ относится приведенное у Маццетти—сказать трудно. Знаменитымъ математикомъ и астрологомъ (arismetra e astrologo) считался Антоніо деи Маццинги изъ Перетолы, державшій школу напротивъ церкви Санта Тринити; къ нему перенесена была

съ трубными звуками бібліотека Паоло dell'Abbaco, завѣщавшаго передать еѣ послѣ своей смерти тому, кто окажется ученѣйшимъ математикомъ во Флоренціи. Одно современное извѣстіе говоритъ, что онъ оставилъ много сочиненій, которыя разсылаѣтъ разнымъ маэстро, учившимъ въ то время, въ укоризну ихъ незнанія (Libro di pratica d'arismetricha, cod. ottoniano № 3307 Ватиканской бібліотеки, л. 348—9. цит. у Бонкомпаньи, *Intorno ad alcune opere di Leonardo Pisano matematico del secolo XIII*, Roma, tipogr. delle belle arti 1854); онъ былъ большой пріятель Франко Саккетти, которому писалъ латинскія письма и посылалъ итальянскіе стихи, не остававшіеся безъ отвѣта. И письма и стихи издалъ Бонкомпаньи въ своемъ вышеприведенномъ трудѣ о Фибоначчи, и не такъ давно Оттавіо Джильи (*I sermoni evang. le lettere* и т. д. di F. Sacchetti, Firenze, Le Monnier 1857 стр. 150—2), который стихотворенія Мадцинги приписываетъ Антоніо изъ Феррары, не взявши въ расчетъ, что къ пріятелю Петрарки и поэту по профессіи вовсе не идетъ смиреніе, съ какимъ онъ говорить о себѣ:

Come a l'asel s'avvien sonar la lira
Così a me cantar le rime snelle

(какъ ослу не идетъ играть на лирѣ, такъ и мнѣ складывать легкія рѣзны), и названіе учителя, которое онъ даетъ Саккетти:

Eleggo dunque voi, e mi vi trado,
Degno di posseder lo verde smalto,
Per mio signor maestro, ancor per duca;

(и такъ я избираю васъ своимъ учителемъ и вождемъ, и къ вамъ прибѣгаю, чтобы удостояться зеленого лавра); наконецъ самый родъ сравненій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ своихъ латинскихъ письмахъ, къ несчастію въ высшей степени искаженныхъ. Напр. *Non ita curvum differt a recto, sicut vestro ducamini erunt differentia quae scripta sunt, si placuerit egenus Calliope.....*; *extimo quidem magis vos ad tam parvula entia restringi, quam recturum duarum applicatio, ut ungulum contingenti ne perficiatur* и т. д. Такія реторическія украшенія могли придти въ голову развѣ какому-нибудь математику и астрологу, какимъ былъ Мадцинги.

Какъ-бы то ни было, если Джильи смѣшалъ Мадцинги съ Антоніо да Феррара, то Бонуччи пошелъ еще далѣе въ этомъ отношеніи: у него Антоніо дель Альберти смѣшивается не только съ одноименнымъ лекторомъ болонскаго университета, но еще съ третьимъ Антоніо; потому что стихотворенія, которыя Бонуччи и Андреисъ (*Canzoni inedite di M. Antonio degli Alberti poeta fiorentino del secolo XIV*, publ. per cura di Silvio Andreis. Rovereto. A. Caumo, 1865) печатаютъ съ именемъ Альберти, очевидно не все ему принадлежатъ. То напр., которое носитъ названіе *Querela amatoria* (*Ejusdem magistri Antonii de Florentia viri egregii cantilena incipit*, Бонуччи стр. 70—76, и первое въ изданіи Андреисъ) и извлечено изъ ркп. 1739 бібліотеки болонскаго университета, принадлежитъ какому-то Антоніо ди Гвидо, изъ Флоренціи, учителю музыки и пѣнія, жившему около половины XV-го столѣтія, какъ видно изъ рукописнаго сборника риккардианской бібліотеки подъ № 2729. Тамъ мы читаемъ слѣдующее: *Ad 3 di settembre 1448. Quadernari del maestro Antonio che canta in S. Martino qua presso a Or San Michele, fatto in servizio di una dama ina-*

morata di uno bello e peregrino giovane. Слѣдующее за тѣмъ стихотвореніе начинается стихомъ: *Nel verde tempo della vita nostra*, какъ и соответствующее у Бонуччи и Андреаса, съ которыми оно тождественно; оно даже полнѣе чѣмъ у Бонуччи, гдѣ недостаетъ 2-го стиха 15-й строфы; въ нашей ркп. онъ читается такъ: *E con centuplicato inganno e pena.*—Въ концѣ той-же рукописи помѣщенъ сонетъ къ тому-же маэстро Антонио, съ предисловіемъ и послѣсловіемъ въ прозѣ, которыя поясняютъ замыслъ стихотворенія. Мы печатаемъ здѣсь и то и другое ради хронологическихъ данныхъ, какія они предлагаютъ объ Антонио ди Гвидо:

A dì di Marzo 1449.

Sonetto il quale mandai in dì detto al maestro Antonio che canta in San Martino, perchè il dì detto Piero de'Ricci trovandolo oltr'Arno gli disse com'io avevo fatto uno nesto di uno melarancio e che già aveva messo due vette: cioè di quel fanciullo canta in San Martino. Rispuose ch'egli non farebbe melarancie, e pur farebbe, sarebbon vane. Dove io gli voglio racciardare che anche nel 1437 fu già chi disse: «Di lui non s'appiccherà mai»; e pure prese errore, quantunque no'l dicesse volto in mala parte. Così gli vo'mostrare che le parole che disse del fanciullo non doverono avere alcun tenere et che per questo non s'avea a dirogare la buona amicizia tra lui e me. E dissi così:

Chi già mentito senz'alcun ritegno

Nel 37, s'io l'ò bene a mente,

Avesse, che tu mai esser valente

Atto non fussi in questo canto degno;

E non mosso da'nvidia nè da sdegno

Come sai che si fa per la più gente,

Voglio al giudicio d'ogni intendente:

Chè di quel tale e colonna e sostegno

Tu esser dei, et con tal pazienza

Quanto si de'per uom ch'abbia intelletto,

Nè portargli odio o fargli violenza.

Così per quanto inteso ò ch'abbia detto

Di quel fanciul la tua propria credenza,

In questo giorno vo'sie per non detto;

Chè tal nesto imperfetto

Riuscerà et senza melarancie:

Tegnàn pur d'amistà par le bilancie.

Disse nella soprascritta: Nihil viro Maestro Antonio di Musica e di canto in Firenze, proprio. Nota ch'io se'quella giunta a dire di musica e di canto, perchè avendo detto cantatore solamente, non mi pareva degno titolo, quantunque abbia l'arte somma. Parvemi più onorevole farvi quella giunta, cioè per dire di musica e di canto; e no'l dissi per vilipenderlo in verun modo, chè arei mentito, ma per più onorallo, quantunque della musica non sappia se n'è intendente.

Различныя стихотворенія того-же маэстро находятся въ сборникѣ 1114 риккардіанской библіотеки (a Lodovico marchese di Mantua istrenuo capitano dei Fiorentini; a messer Agnolo da Urbino; a Feo Belcari), и нѣкоторыя другія въ

рп. Magliab. II, II, 40 подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Qui cominciano l'opere di maestro Antonio di Guido che canta a San Martino, nobile uomo fiorentino»; между ними мы встрѣчаемъ еще одну канцону, отнесенную въ изданіяхъ Бонуччи и Андреиса на счетъ Альберти. Сообщаемъ здѣсь заглавія и начальные стихи этихъ стихотвореній.

I. *Canzona morale: parla una donna*. Inc. Nel verde tempo della vita nostra. Мы сказали, что это первая въ изданіи Андреиса и послѣдняя у Бонуччи.

II. *Canzona del detto maestro Antonio mandòlla a Francesco d'Altobianco degli Alberti*. Inc. Dormi Giustiniano e non aprire Gli occhi a veder le tue leggi corrotte.

III. *Sonetto del detto maestro Antonio*. Inc. Fiamma da ciel sopra di te ruini.

IV. *Sonetto del detto maestro Antonio*. Inc. In concave caverne aspri leoni.

V. *Canzona del detto maestro Antonio, fecela per Batista d'Alamanni Salviati, mettendo el nome suo ne'capoversi delle stanze*. Въ начальныхъ стихахъ семи строфъ легко прочесть анаграмму *Batista*:

1. Ben'è felice questa nostra etade
2. Aggiunt'è questa giemma al caston d'oro
3. Tant'alta degnità e tanta pompa
4. Ipolito, Narciso e Ansalone
5. Se la natura ogni suo'ngiegno e arte
6. Tempo è omai a calar nostre vele
7. Andrài canzona al più bel signore.

Если бы Андреисъ сумѣлъ отгадать анаграмму, онъ едва-ли приписать-бы Альберти канцону, обращенную къ лицу, которое быть можетъ ему никогда не пришлось увидѣть.

243. *Canzone nella quale parla dello Imperio*. Inc. O gloriosa Italia, a che vil fine. Бонуччи *ibid*.

244. *Qui dice della ingratitudine di Roma antica inverso di Cesare, et infine ancora di quella di Firenze contra di lui*. Inc. Cesare poi che de le belle braccia. Бонуччи *ibid*.

245. *Canzone nella quale parla a commendazione di Firenze*. Inc. Nel bel giardino, ch'Italia tutta onora. Бонуччи *ibid*.

246. Эта надпись сообщена намъ г. Пассерини; въ книгѣ Бонуччи она читается такимъ образомъ:

Hoc licet Antoni lateant ossa (sic) marmore membra
Mens tamen ipsa Polo vitae ob benefacta relata est
Ast illustre suis longinqua per opida nomen
Artibus et studiis, annuloque insignis equestri,
Quo genus Albertum et Florentia magna triumphat.

MCCCCXV K. Septemb.

247. См. выше стр. 80.

248. См. кн. II стр. 76—80 романа, и стр. 122, прим. 170 этой книги.

249. См. стр. 122—126 этой книги и относящіяся къ нимъ примѣчанія.

250. См. выше стр. 132 и примѣчаніе 183.

251. См. стр. 132—133 и примѣч. 184.
252. См. стр. 133 и примѣч. 185.
253. См. стр. 78, прим. 29.
254. См. стр. 109, прим. 118.
255. См. выше на стр. 119—120 біографію маэстро Марсilio.
256. См. выше на стр. 120—126 біографію Бiаджіо.
257. Archiv. centr. di Firenze, Camarlinghi. del comune: Uscita generale di Condotta, di castella ecc.—«1388, 1 Dicembre—31 gennaio 1388—9. Die XII Decembris Magistro Dominico magistri Bandini de Aretio electo in doctorem et magistrum gramatice et rethorice comunis Florentiae et ad legendum gramaticam et rethoricam omnibus publice audire volentibus in civitate Florentiae pro tempore et termino decem annorum inceptorum die XVIII mensis Ottubris anno domini 1382» и т. д. Онъ упоминается еще два раза въ двухъ различныхъ постановленіяхъ отъ 11-го Декабря и 18 Марта 1389 года.
258. Domenico di Bandini d'Arezzo, Fons Historiarum, De viris claris, подъ словомъ *Iprocras*: «Fuit et Marsilius Pattavinus qui universalitate rerum et scriptis claruit». Cod. Laur. aedil. flor. eccles. CLXXII.
259. Напечатано нами въ 15 приложеніи къ 1-му тому итал. изд.
260. Marini, Degli architetti pontifici. Roma, Pagliarini, 1784, 1° vol. стр. 132—3.
261. См. выше стр. 133 и прим. 186.
262. См. выше стр. 113.
263. См. выше стр. 122.
264. Хотя въ созвѣздіи Близнецовъ (Кастора и Поллукса) солнце находится съ 22 мая по 21 іюня, мы отнесли дѣйствіе романа къ первой половинѣ мая, на основаніи намеговъ Колуччіо Салутати и мессера Антоніо на майскія празднества (въ ихъ разрядъ мы отнесли и собранія въ Парадизо), которыя обыкновенно сосредоточены вокругъ первыхъ чиселъ мѣсяца, Calen di Maggio. Присоединимъ къ этому частое употребленіе слова *maio* въ смыслѣ вѣтви. Не забудемъ, наконецъ, что къ опредѣленію романиста нельзя относиться какъ къ астрономически-точному.
265. Кн. II стр. 98: «Perchè dovete sapere che il vostro tanto egregio e notabile oppido di Prato, detto ab antico Piazzanese, è molto più nuovo che'l vecchio di Casentino.....*Bene veggio tale ch'è qui fra noi, ancora non frondute le guancie, che quanto udito n'avete per zelo di sua patria non me lo ammetterebbe*».
266. Кн. II, стр. 72 «gloriare alle stelle della antica gloriosa e famosissima nostra patria sì per arme e scienza come per riligione virtute e prudenzia insieme colla politica justizia quanto altra essere nobile e gloriosa».
267. Кн. II, стр. 77—81, которыя мы не разъ цитовали на предъидущихъ страницахъ.
268. ibid. стр. 75—6: «narrare.....come nella mia *tenera etade* la ubertosa e piacevolissima alpe del nostro Appenino, dove i santissimi luoghi predetti di Francesco, di Romualdo e di Giovanni Gualberto siti si sono, con somma reverenza, con compagnia a me sommamente graziosa e benigna vidi e visitai, e quanto in collazione di molte gioconde e piene di festa, alte e piacevoli novelle ragionossi

e udisi nel notevole oppido di Poppi, governato e retto dal generoso e nobilissimo sangue oltre a ogni altro italico in somma clemenza dotato, e dove universalmente ogni gentilissimo costume si truova, sì per uso e natura in ogni virtù abituato e nutrito, che grande meraviglia è tanto pensare».

269. О плодородіи Казентино говорятъ Леандро Альберти въ своемъ Descri-
zione di tutta l'Italia: «Egli è Casentino molto ameno e fruttifero paese, abon-
dante di grano, di vino e di altre cose necessarie per l'uso dei mortali. Et vi
sono molto contrade et castelle piene di popolo». Кажется это плодородіе Казен-
тино перешло даже въ поговорку, вызвавъ народную этимологию—Poppi отъ
porra, сосецъ. Такъ напр. въ латинской надписи на porta Portena:

Nomine dulcesco *Puppium*, quasi *puppa* nitesco,
Dulcia do gratis et rebus abundo beatis и т. д.

Это одна изъ тѣхъ этимологій, которыя такъ любили средневѣковые лѣто-
писцы и слагатели житій, какъ напр. Тоскана отъ *thus*, и т. п. Много подобныхъ
«фантазій, обличающихъ не столько народное преданіе, сколько школьную затѣю,
представляеть рукописная Fiorita мессера Armannino di Bologna, отрывки которой
приведены въ нашемъ итальянскомъ изданіи. Здѣсь нѣсколько примѣровъ: «*Marca*
tanto è a dire quanto terra che con *mare* confina»; *Ascolo* «quasi *esca* degli
esuli»; *Pavia* или *Papia* получила свое названіе отъ множества чудесъ, которыя
въ ней находятся: «*Papae* in greco viene a dire meraviglia, però *Papia* per
quello fu chiamata, quasi terra di molte maraviglie»; *Etruria*: «Poi fu chiamata
Etruria dalla gente per gli molti sacrificii che in quella si faceva. *Tus* per lettera
viene a dire incenso, col quale coloro agli loro dii molto sacrificavano, per la
qual cosa fu chiamata Etruria, cioè terra con molti incensi» (Laur. pl. 62 cod.
12). Туже самую этимологию Тосканы встрѣчаемъ и у нашего автора: «la sua
etimologia traendo da *ture*, che in latino *tus* incenso detto si èe, onde *Tuscia*».
Кн. II, стр. 72.

270. Кн. III, стр. 1: «onde o cordialissimi amici miei, di quanto udito avete
da tanti preclarissimi padri detto e ragionato, a me sommamente ingrato suto
essere mi parrebbe, sì per la buona memoria di tanti spettabili uomini, e sì
per avere voi ricreati de'loro magnifici, giocondi e maestrevoli esempli, avendo
sanza con voi comunicargli taciuto».

271. Таково мнѣніе немногихъ вѣрующихъ въ подлинность недавно открытыхъ
сардинскихъ памятниковъ, къ которымъ французская и нѣмецкая критика от-
неслась равно подозрительно, хотя обстоятельной критики они по сію пору не
вызывали ни тамъ ни здѣсь.

272. Сл. предисловіе Муссаѳи къ Monumenti antichi di dialetti italiani.

273. «fue uno filosofo ch'era molto cortese di volgarizare la scienza a signori
per cortesia, e ad altre genti. Una notte li venne in visione che li pareva vedere
le dee de la scienza a guisa di belle donne, e istavano nel male luogo e davansi
a chi le voleva. E egli vedendo questo si maravigliò molto e disse: ke è questo?
Non siete voi le dee de la scienza? Et elle rispuosero: Certo sì.—Com'è ciò
voi siete in questo cativo luogo e vituperoso? Et elle rispuosero: Ben'è vero,
però che tu se'quelli che vi ci fai istare. Risvegliossi e pensossi ke di volgarizare
la scienza si era menomare la deitade. Ritrasesine e pentesi fortemente; et
sappiate tutte le cose non sono lecite a ogne persona». Cod. Palat. ser. Panciat.

138, Viaggio d'Oltremare e libro di novelle e di bel parlar gentile, f. 43 recto: *Qui conta d'uno filosofo il qual era molto cortese di volgarizzare le scienze.*

274. «Angelo Corbinello civi Fiorentino Domni Ioannis de Sancto Miniato Monachi Camaldulensis epistola exhortatoria, ut discedat a lectura poetarum, et sacrae paginae codicibus innitatur.....Haec omnia non solum vanitas, et vanitas vanitatum, sed in ore Christicolae paene blasphemiae sunt, idolorumque ignota cultura, quae velut monstruosa portenta mentem inquinant, mores dissipant, et si quid boni animo possides, huius peste veneni perimetur» и т. д. Laur. plut. 90 sup. cod. 41, стр. 80 и слѣд.

275. Benedicti Accolti Aretini Dialogus de praestantia virorum sui aevi и т. д. Editio quinta, cur. Galletti. Firenze, Mazzoni 1847, стр. 122.

276. «Epistola all'illustrissimo signor Federigo. Gli manda alcune rime di antichi poeti e sue, e tratta brevemente la storia della poesia toscana». См. также небольшой отрывокъ подъ заглавіемъ: «Si difende da chi lo accasusse di avere scritto in lingua volgare», то и другое у G. Carducci, Poesie di Lorenzo de' Medici, Firenze, Barbèra, 1859, стр. 10—19 и 24—34.

277. P. Cortesii de hominibus doctis dialogus и т. д. изд. Galletti (вмѣстѣ съ діалогомъ Аккольти и др.), стр. 223—4: «Nam posteaquam maximarum artium studia jamdiu in sordibus aegra, desertaque jacuerunt, satis constat *Chrysolarum Byzantinum* transmarinam illam disciplinam in Italiam advexisse, quò doctore adhibito primum nostri homines totius exercitationis atque artis ignari, cognitis Graecis litteris vehementer sese ad eloquentiae studia excitaverunt. Et quoniam, sublato usu forensi, illa dicendi laude carebamus, incredibile eorum studium fuit in scribendis, vertendisque ex Graecis in latinum sermonem historiis... Magistro igitur Chrysolara, plerique nostrorum hominum, tanquam ex palestra quadam impulsus, se ad eloquentiae studium contulerunt. Quorum imprimis laudandus est *Leonardus Aretinus*. Hic primus inconditam scribendi consuetudinem ad numerosum quandam sonum inflexit; et attulit hominibus nostris aliquid certe splendidius» и т. д.

278. Ibid. «*Antonius*. Ego vero negare non ausim flagrantissimum in Dante et in Petrarcha studium fuisse priscarum rerum; sed in Dante, tanquam in veteri pictura, detractis coloribus, nonnisi delineamenta delectant. At jure eum honoravit fama. Praeclarum ejus poema plane indicat incredibile ingenii magnitudinem. Mirabile illud certe fuit, quod res tam difficiles, tam abstrusas vulgari sermone auderet explicare. Est enim in sententiis subtilis et argutus, acerbis in reprehendendo, in probando nervosus; sed interdum etiam rebus non satis apertis obscurus. In permovendo autem et incitando non est credibile quantum sit, concitatus et vehemens. Utinam tam bene cogitationes suas latinis litteris mandare potuisset; quam bene patrium sermonem illustravit! Sed ad Petrarcham veniamus; cujus de ingenio industriaque ex tam multis ejus libris existimari potest. Homo enim interpellantium multitudinem fugiens, multa scripsit in ocio. Hujus sermo, nec est latinus, et aliquanto horridior, sententiae autem multae sunt, sed concisae; verba abjecta, res compositae diligentius, quam elegantius. Fuit in illo ingenii atque memoriae tanta magnitudo, ut primus ausus sit eloquentiae studia in lucem revocare; nam hujus ingenii affluentia primum Italia exhilarata, et tanquam ad studia impulsa atque incensa est. Declarant ejus Rhythmi, qui in vulgus feruntur, quantum ille vir consequi potuisset ingenio, si latini sermonis lumen et splendor

affuisset; sed homini in faece omnium saeculorum nato illa scribendi ornamenta defuerunt. Sed ut saluberrimae potiones, non suavitatis, sed sanitatis causa dantur: sic ab eo non est dilectatio petenda, sed transferenda utilitas; quamquam omnia ejus, nescio quo pacto, sic inornata delectant. Huic ob multarum rerum doctrinam et ingenii famam honores amplissimi habiti sunt. Et iisdem temporibus fuit Ioannes Boccaccius, sed decennio fere minor, quam Petrarcha. Hujus etiam praeclarissimi ingenii cursum fatale illud malum oppressit; excurrit enim licenter multis cum salebris ac sine circumscriptione ulla verborum. Totum genus inconditum est, et claudicans, et jejenum; multa tamen videtur conari, multa velle. Ex quo intelligi potest, naturale ejus quoddam bonum inquinatum esse pravissima loquendi consuetudine. Eodemque modo de Ioanne Ravennate et Coluccio Salutato judicare licet, qui nunquam etiam ab orationis asperitate maestitiaque abesse potuerunt.

279. Cod. Riccard. 1091: Morale di messer Piero Dante.

280. Il commento di Giovanni Boccacci sopra la commedia con le annotazioni di A. M. Salvini, preceduto dalla vita di Dante scritta dal medesimo, per cura di G. Milanese, 2 vv. Firenze, Le Monnier 1863. *Vita di Dante: Della differenza che passa tra la poesia e la teologia*, стр. 46—51. Приводимъ отрывки: „Intende la divina scrittura, la quale noi *Teologia* appelliamo, quando con figura di alcuna istoria, quando col senso di alcuna visione, quando coll'intendimento di alcuno lamento, e in altre maniere assai, mostrarci l'alto misterio della incarnazione del Verbo Divino, la vita di quello, le cose occorse nella sua morte, e la resurrezione vittoriosa, e la mirabile ascensione, e ogni altro suo atto, per lo quale noi, ammaestrati, possiamo a quella gloria pervenire, la quale egli e morendo e risurgendo ci aperse, lungamente stata serrata a noi per la colpa del primo parente. Così li poeti nelle loro opere, le quali noi chiamiamo *poesia*, quando con finzioni di varii iddii, quando con trasmutazioni di uomini in varie forme, e quando con leggiadre persuasioni ne mostrano le cagioni delle cose, gli effetti delle virtù e devizii, e che fuggire dobbiamo e che seguire, acciocchè pervenire possiamo, virtuosamente operando, a quel fine, il quale essi, che il vero Iddio debitamente non conoscono, somma salute credevano..... Dico che la teologia e la poesia quasi una cosa si possono dire, dove uno medesimo sia il subietto; anzi dico più, che *la teologia niun'altra cosa è che una poesia d'Iddio*. E che altra cosa è che poetica fizione nella Scrittura dire: Cristo essere ora liono e ora agnello e ora vermine, e quando dragone e quando pietra, e in altre maniere molte, le quali volere tutte raccontare sarebbe lunghissimo? Che altro suonano le parole del Salvatore nello Evangelio, se non uno sermone da'sensi alieno, il quale parlare noi con più usato vocabolo chiamiamo *allegoria*? Dunque bene appare, *non solamente la poesia essere la teologia, ma ancora la teologia essere poesia*. E certo se le mie parole meritano poca fede in sì gran cosa, io non me ne turberò; ma credasi ad Aristotile, dignissimo testimonio ad ogni gran cosa, il quale afferma sì avere trovato li poeti essere stati li primi teologizzanti». Всѣ эти идеи Боккаччо развиты вполне въ письмѣ (pistola) Колуччіо Салутати къ фра Джованни да Санъ Миньято, которое Никколò Кастеллани перевелъ съ латинскаго на итальянскій языкъ: „e consequentemente ti farò chiaro le sacre lettere e la divina Scrittura non che abbino con questa scienza di poesia familiarità e comerzio, ma veramente esse sacre lettere per ugo modo di parlare niente essere altro se

none essa poesia“. стр. 197—8 издания D. C. Stolfi, Bologna, Romagnoli, Scelta di curiosità letterarie, vol. LXXX.

281 „Reverende in Christo pater et Domine mi. Vidi gavisusque sum elegantissimam illam orationem vestram quam mihi dignatus fuistis vestra benignitate transmittere..... Et quum omnia placeant, super omnia gratum erit, quod more fratrum ille sermo rythmica lucubratione non ludit, non est ibi syllabarum aequalitas, quae sine dinumeratione fieri non solet; non sunt ibi clausulae, quae similiter desinant, aut cadant. Quod a Cicerone nostro non aliter reprehenditur, quam puerile quiddam, quod minime deceat in rebus seriis, vel ab hominibus, qui graves sint. adhiberi. Benedictus sit Deus, quod sermonem unum vidimus hoc fermento non contaminatum, et qui legi possit sine concentu et effeminata consonantiae cantilena. Non multum hoc dicendi genere delector, quod ad aures multitudinis accommodatum est“. Lini Colucii Salutati Epistolae, ed. Rigacci, vol. I ep. 80.

282. Въ 17 № приложений къ 2-му тому итал. изд. мы напечатали въ первый разъ вполне, какъ эти Versus, такъ и два другія стихотворенія Франческо Сіесо, къ сожалѣнію полныя ошибокъ, которыя невозможно было исправить при отсутствіи критическаго аппарата. Mehus, Vita Ambros. Camald. напечаталъ только незначительные отрывки этихъ Versus, и тѣ безъ соблюденія послѣдовательности, вслѣдствіе курьознаго недосмотра: въ единственной рукописи Riccard. № 688 листы въ этомъ мѣстѣ перетасованы, Mehus этого не догля-дѣлъ, и цѣльность, а стало быть и самый смыслъ поэмы, для него исчезли.

283. Эти діалоги напечатаны въ Базелѣ (ан. 1536, per Henricum Petri) и Парижѣ (1642), но такъ какъ ихъ трудно было найти, и въ особенности въ библио-текахъ Флоренціи, то мы принуждены были воспользоваться рукописью, которая служила также и Mehus'у (Vita Ambros. Camald. passim). Рукопись находится въ Лауренціанѣ, LII, 3: Leonardi Aretini ad Petrum Histrium liber I (ff. 58 r.—68 v.), liber II (ff. 68 v.—75 v.). Время, когда происходили эти разговоры, опредѣляется изъ сличенія слѣдующаго отрывка съ извѣстнымъ намъ годомъ смерти Луиджи Марсили (1394): «Scio vos omnes tenere memoria (это слова Колуччіо въ 1-й книгѣ), teque magis Nicolae, qui pro summa necessitudine quae tibi cum illo erat domum illius egregie frequentabas, Ludovicum theologum acri hominem ingenio et eloquentia singulari: qui ab hinc annis septem mortuus est» и т. д. Помѣчаемъ здѣсь еще одно хронологическое указаніе, встрѣченное нами во 2-й книгѣ—оно касается одного сочиненія Аретина: «ut saepe mihi veniat in mentem ejus quod est a Leonardo dictum in oratione illa in qua Laudes Florentinae urbis accuratissime congressi». Эта рѣчь въ похвалу Флоренціи, встрѣчающаяся въ рукописи подъ заглавіемъ: «Leonardi Arretini viri doctissimi de Nobilitate Florentinae urbis libellus», написана стало быть ранѣе 1401 года; между тѣмъ Mehus (Leonardi Arretini Epist. libri VIII, vol. I: Leonardi Bruni scripta pp. LXI—II) относитъ ее почему-то къ 1405 г., основываясь на VIII-мъ письмѣ I-й книги, которое Аретинъ написалъ къ Никколи. Вотъ относящійся сюда отрывокъ: „Orationem, in qua laudes Florentinorum congressi, Laudatio Florentinae Urbis inscribi placet, eamque Colucius videat curabis“ (vol. I, стр. 17). Какъ видно, это мѣсто ничего не доказываетъ, и изъ самаго письма не видно, чтобы оно относилось къ 1405 году.

284. Vespasiano da Bisticci, Vita di Nicolao Nicoli.

285. „Nunc vero a te, Roberte, scire velim, mecumne an cum Nicolao sentias,

nam ego de Leonardo non dubito: ita enim video illum in omni sententia cum Nicolao convenire, ut jam arbitrer potius cum illo errare velle, quam mecum recta sequi." Dial. ad. Petrum Histrum, lib. II.

286. Ibid. lib. I: „Ego quidem, Coluci, in hac fece temporum atque in hac tanta librorum desideratione, quam quis facultatem disputandi assequi possit non video. Nam quae bona ars, quae doctrina reperiri potest in hoc tempore, quae non aut loco mota sit aut omnino profligata? Pone tibi ante oculos unamquamque earum quam velis et quid nunc sit quidve olim fuerit considera. Jam intelliges eo deductas esse omnes ut penitus desperandum sit. Vide, quaeso, philosophiam, ut eam potissime consideremus, quae est omnium bonarum artium parens, et cujus ex fontibus haec omnis nostra derivatur humanitas. Fuit philosophia olim ex Graecia in Italiam a Cicerone traducta atque aureo illo eloquentiae flumine irrigata. Erat in ejus libris cum omnis philosophiae exposita ratio, tum singulae philosophorum scholae diligenter explicatae. Quae res ut mihi quidem videtur plurimum valebat ad studia hominum incendenda. Ut enim quisque ad philosophiam accedebat, continuo sibi quos sequeretur proponebat discebatque, non solum sua tueri sed etiam aliena refellere. Hinc stoici, academici, peripatetici, epicurei, hinc omnes inter eos contentiones dissensionesque nascebantur. Qui libri utinam nunc extarent, nec majorum nostrorum tanta fuisset ignavia! *Cassiodorum illi nobis servare et Alcidum et alia hujus modi somnia, quae ne mediocriter quidem eruditus quispiam legere nunquam curavit*; caeterum Ciceronis libros, quibus nihil pulchrius neque suavius Latinae linguae musae unquam peperere, eos neglectos interire passi sunt, quod sine summa ignorantia evenire non potuit. Quippe si illos vel primis ut dicitur labris gustavissent, nunquam profecto neglexissent: erant namque ea facundia praediti, ut facile a lectore non rudi impetare possent, ne se aspernaretur. *Sed cum illorum librorum magna pars interierit, hi vero qui supersunt adeo mendosi sunt ut paulo ab interitu distent, quemadmodum nobis philosophiam hoc tempore descendam putas? At sunt permulti ejus scientiae magistri, qui se illam docturos esse pollicentur.* O praeclaros nostri temporis philosophos! Siquidem ea docent quae ipsi nesciunt; quos ego nequeo satis mirari quo pacto philosophiam didicerunt cum litteras ignorent. Nam plures soloecismos quam verba faciunt cum loquuntur; itaque illos stertentes quam loquentes audire mallet. Hos tamen si quis rogat cujus auctoritate atque praeceptis in hac sua praeclara sapientia vitantur: Philosophi, dicunt. Hoc autem eum dicant, Aristotelis intelligi volunt, atque cum quippiam confirmare opus est, proferunt dicta in his libris quos Aristotelis esse dicunt: verba aspera, inepta, dissona, quae cujusvis aures obtundere ac fastigare possent. Haec dicit, inquiunt, Philosophus, huic contradicere nefas est: idemque apud illos valet et ipse dixit et veritas. Quasi vero aut ille solum philosophus fuerit, aut ejus sententiae ita fixae sunt, quasi eas Pythius Apollo ex sanctissimo adito suo ediderit. Nec ego nunc, mehercule, ista dico ut Aristotelem insecter, nec mihi cum illo sapientissimo homine bellum ullum est, sed cum istorum amentia, qui si tantum ignorantiae vitio obnoxii essent, illi quidem non laudandi sed tamen in hac temporum conditione ferendi; nunc vero cum ignorantiae eorum tanta arrogantia juncta sit ut se sapientes et appellent et existiment, quis eos aequo animo ferre possit? De quibus vide, Coluci, quid ego sentiam. Non puto illos ne minima quidem in re quid Aristoteles senserit recte tenere, habeoque hujus rei gravissimum testem quem tibi adducam. Quis iste? Idem qui linguae Latinae parens est,

M. Tullius Cicero..... Nam cum Trebati^{us} jureconsultus cum quodam summo rhetore egisset, ut sibi eorum locorum qui ab Aristotele expositi sunt rationem explicaret, ille vero haec aristotelica ignorare respondisset, scripsit ad eum Cicero, minime se admirari eum philosophum rethori non esse cognitum, qui ab ipsis philosophis, praeter admodum paucos, ignoraretur. Satisne tibi videtur noster Cicero hoc ignavum a praesepibus arcere? Satisne videtur illis occurrere qui se in Aristotelis familiam tam imprudenter ascribunt?..... Quem igitur philosophum ipsi philosophi, praeter admodum paucos, eo tempore ignorabant, quo omnis ars, omnisque doctrina florebat, quo doctorum hominum magna copia erat, quo omnes non minus graecas litteras quam latinas docti eum in sua sede atque in suo sapore legebant; quem, inquam, tunc, cum ista omnia erant, ipsi philosophi, praeter admodum paucos, ignorabant: eum in hoc tanto doctrinarum omnium naufragio, in hac tanta doctorum hominum penuria isti nihil sapientes homines, quibus nedum graecae sed nec latinae quidem litterae satis cognitae sunt, non ignorabunt? Fieri non potest, mihi credi Coluci, ut illi quicquam recte teneant, praesertim cum hi libri, quos Aristotelis esse dicunt, tam magnam transformationem passi sunt, ut si quis eos ad Aristotelem ipsum diferat, non magis ille suos esse cognoscat, quam Acteonem illum qui ex homine in cervum conversus est canes suae cognoverint. Nam studiosum eloquentiae fuisse Aristotelem atque incredibili quadam cum suavitate scripsisse, Ciceronis sententia est; nunc vero hos Aristotelis libros, si tamen Aristotelis eos esse putandum est, et molestos in legendo et absonos videmus, tantaque obscuritate perplexas, ut praeter Sybillam aut Edipodem nemo intelligat. Quamobrem desinant isti praeclari philosophi hanc suam sapientiam profiteri: neque enim tantum ingenio valent, ut si maxima facultas discendi esset, eam consequi possent; neque si maxime ingenio valerent, facultatem ullam addiscendi hoc tempore video. Sed satis multa de philosophia“.

287. Pistola mandata per lo egregio uomo messere Coluccio de'Salutati, poeta fiorentino, allo Religioso uomo frate Giovanni da Samignato risposta d'una lettera che detto frate Giovanni aveva mandata a Angelo Corbinelli, volendolo ritrarre dallo studio di poesia, ridotta di latino in volgare (da Niccolò Castellani). Ed. D. C. Stolfi, Scelta di curios. letter. vol. LXXX, crp. 267—8.

288. Dial. ad Petrum Histrum, lib. I: „Ut enim a Dante incipiam, cui tu ne Maronem quidem ipsum anteponis, nonne illum plerumque ita errantem videmus ut videatur rerum omnium fuisse ignarum? Qui illa Virgilii verba: «Quid non mortalia pectora cogis auri sacra fames» (quae quidem verba nunquam alicui vel mediocriter quidem docto dubia fuere) quid sentiunt apertissime ignoravit. Nam cum in avaritiam dicta essent, is tamquam prodigalitem detestarentur accepit. M. vero Catonem, eum qui civilibus bellis interfuit, senem admodum barba cana atque proluxa describit ignorans videlicet tempora: ille enim quadragesimo octavo aetatis suae anno, juvenis etiam atque aetate integra supremum diem Utice clausit. Verum hoc leve est: illud autem gravius atque intolerabile, quod M. Brittem, hominem iustitia, modestia, magnitudine animi, omni denique virtutis iau-
de praestantem, ob Caesarem interfectum libertatemque populi R. ex faucibus latronum evulsam, summo supplicio damnavit; Junium vero Brutum ob regem exactum in campis Elysiis posuit. Atqui Tarquinius regnum a majoribus suis acceperat eoque tempore rex fuit, cum esse regem jura permittebant; Caesar autem vix armis R. P. occupaverat, interfectisque bonis civibus patriae suae libertatem sustulerat. Quam ob rem si sceleratus M., accleratiorem esse Junium necesse est;

sin autem Junius laudandus quod regem exegerit, cur non Marcus in celum tollendus quod tyrannum occiderit? Omitto illud quod medius fidius christianum hominem scripsisse me pudet: quod eadem fere pena eum qui mundi vexatorem atque eum qui mundi salvatorem prodidisset, aficiendum putavit. Verum haec quae religionis sunt omittamus; de his loquamur quae ad studia nostra pertinent; quae quidem ab isto ita plerumque ignorata video, ut appareat id quod verissimum est, Dantem quolibet fratrum atque ejusmodi molestias lectitasse, librorum autem gentilium, unde maxime ars sua dependebat, nec eos quidem, qui reliqui sunt, attigisse. Denique, ut alia omnia sibi affuissent, certe latinitas defuit. Nos vero non pudebit eum poetam appellare, et Virgilio etiam antepone, qui latine loqui non possit? Legi nuper quasdam ejus litteras, quas ille videbatur peracurate scripsisse: erant enim propria manu atque ejus sigillo obsignatae. At mehercule nemo est tam rudis, quem tam inepte scripsisse non puderet. Quamobrem, Coluci, ego istum poetam tuum a concilio litteratorum sejungam, atque eum zonariis, pistoriibus atque ejusmodi turbae relinquam. Sic enim locutus est, ut videatur voluisse huic generi hominum esse familiaris. Sed satis multa de Dante.“

289. Ib. «Nullus ejus libellus, nulla fere major epistola reperitur, in qua non istud suum opus decantatum invenies. Quid autem postea? Ex hac tanta professione nonne natus est ridiculus mus? An est quisquam ejus amicus qui non fateatur, satius fuisse aut nunquam illum librum scripsisse, aut scriptum igni damnassee? Quanti igitur hunc poetam facere debemus qui, quod maximum suorum operum esse profitetur, atque in quo vires suas omnes intendit, id omnes consentiant potius ejus famae nocere, quam prodesse? Vide quantum inter hunc et Maronem nostrum intersit: ille homines obscuro carmine suo illustravit, hic Africanum, hominem clarissimum, quantum in se fuit obscuravit. Scripsit praeterea Bucolicon Franciscus, scripsit etiam invectivas, ut non solum poeta sed etiam orator haberetur; verum sic scripsit ut neque in Bucolicis quidquam esset quod aliquid pastorale aut silvestre redoleret, nec quidquam in orationibus quod non artem rhetoricam magnopere desideraret. Possum haec eadem de Johanne Boccaci dicere, qui quantum possit in omni opere suo manifestissimus est. Verum ego etiam pro eo satis dictum esse opinor: nam cum illorum qui tuo atque adeo omnium judicio sibi permultum antecellunt ego multa vitia demonstrarim,—atque etiam plura, si quis in ea re occupatus vellet esse, demonstrari possent—potes existimare si de Johanne dicere vellem, orationem mihi non defuturam. Illud tamen commune eorum vitium est, quod singulari arrogantia fuere nec putaverunt fore quemquam qui de suis rebus judicare posset, tantumque se ab omnibus laturos esse arbitrati sunt, quantum ipsi sibi assumerent. Itaque alter se poetam, alter se laureatum, alter se vatem appellat. Heu miseros quanta caligo obcaecat! Ego, mehercule, unam Ciceronis epistolam atque unum Virgilii carmen omnibus vestris opusculis longissime antepono.“

290. Мы не знаемъ исполнилъ ли Колуччіо свое обѣщаніе, какъ съ другой стороны кажется утраченъ панегирикъ Колуччіо Салутати, который Леонардо Аретино уже началъ писать, какъ видно изъ его письма къ Никколи: „..... Quod atem de Colucii laudatione significari tibi postulas, procedit sane opus satis, ut mihi videtur, luculente.“ Epist. ed. Mehus, lib. II, ep. 1.

291. Dial. ad Petrum Histrum lib. II. «Meminisse poterat (sc. Coluccius) me istos ipsos florentinos vates unice dilexisse. Nam et Dantem ipsum quodam tempore ita memoriae mandavi, ut ne hodie quidem sim oblitus, sed etiam nunc magnam

partem illius praeclari ac luculenti poematis sine ullis libris referre queo; quod facere non possem sine singulari quadam affectione. Franciscum vero Petrarcham tanti semper feci, ut usque in Patavium profectus sum ut ex proprio exemplari libros suos transcriberem. Ego enim primus omnium Africam illam huc adduxi, cujus quidem rei iste Colucius testis est. Johannem autem Boccacium quomodo odisse possum, qui bibliothecam ejus meis sumptibus ornam propter memoriam tanti viri, et frequentissimus omnium in illa sum apud religiosos heremitarum“.

292. Vespasiano da Bisticci Vite ecc, ed. Bartoli; Vita di Nicolao Nicoli, стр. 478.

293. Mehus Vita Ambros. Camald. pp. LXXXI: „Praestanti ac literatissimo viro Nicholao Nicholae velut fratri maiori et amico carissimo salutem plurimam, et novos amicitiae amores“.

294. D. Moreni, Invektiva Lini Colucii Salutati reip. flor. a secretis in Antonium Luschem Vicentinum de eadem republica male sentientem cod. ineditus. Тамъ же на стр. 199—250: „Risponsiva alla invettiva di Messer Antonio Lusco, fatta per Cino di Messer Francesco Rinuccini cittadino Fiorentino e traslatato di grammatica in volgare per.....“ Firenze, Magheri, 1826. Кажется, что инвектива Колуччио написана въ 1403 году, т. е. послѣ диалоговъ, переданныхъ намъ Леонардомъ Аретиномъ.

295. Напечатана нами въ 17 приложеніи къ 2-му тому итал. изд. по рукописямъ: laur. plut. XC sup. cod. 63, и plut. XC sup. cod. 135, 1-о (неполный списокъ); нѣкоторыя поправки представила рукопись, принадлежащая г. Бигацци.

296. Сл. съ этимъ заключительныя строки 1-й книги романа, стр. 68—9, гдѣ авторъ нападаетъ на „gl'isfrenati e bestiali pensieri de'miseri mortali che per le inordinate e fragili concopiscenzie abandonano il sommo fattore iscorrendo in tanta temeraria oppinione, che altro che veghino, o sentino credere non vogliono nè intendere, e così con ogni forza s'ingegnano d'abbattere gl'insensati e istolti ogni giustizia di meritare i buoni e punire i rei delle operazioni fatte in questa misera vita è volatile tempo, conchiudendo e dannando ogni altra vita futura essere dopo la morte dell'uomo“ и т. д.

297. Свѣдѣнія о Чино ди мессеръ Франческо Ринуччини можно найти въ Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460 и т. д. per cura ed opera di G. Aiazzi. Firenze, Piatti, 1840, I v., стр. 126—9 введенія.

298. О литературномъ значеніи Ринуччини отзывались съ большою похвалою Крешимбени, Маріо Эвикола, Сальвино Сальвини и Негри; Трукии напечаталъ одну его балладу въ своихъ Poesie italiane inedite di dugento autori, Prato, Guasti, 1846, vol. 2-о, p. 143, а Сальваторе Бонджи недавно собралъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній въ Rime di M. Cino Rinuccini fiorentino. Lucca, Canovetti, 1858, I v.

299. „Offerasi al mio tempo il maestro mio, e veramente Piero Coluccio figliuolo delle muse“. Moreni, Invektiva, стр. 231.

300. Salv. Bonghi, Rime и т. д. VIII стр. предисловія: „Ebbe costei nome Elena, ma a qual famiglia appartenesse non ci è neppur dato congetturare“.

301. Въ 18 приложеніи къ 2-му тому итал. изд. мы напечатали сонеты Альберто дельи Альбицци къ Салутати, Джованни да Прато и Антонио дельи Альберги, и сонетъ Салутати къ мадоннѣ Еленѣ. Мы извлекли ихъ изъ cod. laur.

renz. 184, гдѣ между прочимъ собраны стихотворенія Albizzi подъ заглавіемъ: „Apresso seguiranno sonetti di messer Alberto degli Albizi fatti per la nobilissima Elena, figliuola di Nicolò di Giovanni Franceschi“. Сонетъ Салутати былъ напечатанъ у Crescimbeni, Coment. intorno all'Istor. della volg. poesia, vol. II pag. II, lib. IV (и позднѣе въ Raccolta di rime antiche toscane vol. IV°, p. 259), гдѣ помѣщено и стихотвореніе Альберто дельи Альбицци къ Франко Саккетти (Con gran ammirazion dolor mi stringe): оба по рукописи бібліотеки Киджи N. 580, въ которой стихотвореніемъ Альбицци предшествуетъ слѣдующая хронологическая отмѣтка: „Cominciai a scriver questi sonetti addì 12 d'Ottobre, Lunedì sera alle due hore nel 1394; i quali sonetti furono fatti da M. Alberto degli Albizi per la nobilissima et honestissima donna sua Madonna Elena, figliuola di Nicc. di G. Franceschi“.

302. О Доменико говорили и предлагали различную оцѣнку его поэтической дѣятельности: Crescimbeni Vol. I dei Comment. intorno all' Ist. della Volgare poesia, lib. 6, по поводу вопроса объ авторахъ Геты и Бирриа (Gieta e Birria), и Casotti, Prose e rime de'due Buonaccorsi da Montemagno (Firenze, Manzi, 1718), напечатавшій въ приложеніи два его сонета. Другія его стихотворенія напечатала Guasti, Bibliografia pratese; Trucchi, Poesie italiane inedite di dugento autori, vol II°, и Fanfani, Il pome del bel fioretto di Domenico da Prato, rimatore del secolo XV, Firenze, 1863.—Но большая часть его стихотвореній и все написанное имъ прозой еще остается неизданнымъ въ ркп.: laurenz. pl. LXI cod. 31, и pl. LXI cod. 40; cod. risscard. 1091; magliab. II, IV, 128 и друг. Они-то главнымъ образомъ и послужили намъ для біографіи Доменико.

303. Не знаемъ откуда взялъ Mehus (Vita Ambros. Camald. pag. CCCLIV), что этотъ другъ былъ Роберто деи Росси, тогда какъ въ предисловіи къ рукописному сборнику (laur. plut. LI, cod. 31) не говорится объ этомъ ни слова.

304 „Et bene che alquante delle infrascritte operette trattanti d'amore *meritino più tosto giovanili vaghezze nelle loro pronunziazioni, che laude senili d'autentiche costruzioni*“ и т. д.; и далѣе онъ называетъ эти стихотворенія „opere mie fanciullesche e nelle miei anni efebi compilate“. Въ 19 приложеніи къ 2-му тому итал. изд. мы напечатали это Посвященіе, во многихъ отношеніяхъ интересное. Mehus, Vita Ambr. Camald. стр. CCCLIV—V сообщаетъ изъ него два отрывка.

305. „Per lo quale conforta Firenze dopo la rotta di Zagonara“. Inc. Eccelsa patria mia però che amore.

306. Inc. Figliuol mio, nel chiamar tu prendi errore.

307. „Si conduole della persecuzione fatta a Gregorio papa XII.“ Inc. Dolgomi et piango, anzi contento rido.

308. „Ad Italia in vice dello imperadore Sigismondo“. Inc. Non prima Febo l'Ariete copre.

309. „Sonetto del magnifico signore Malatesta da Pesaro per lo quale in vice d'Italia chiama lo imperadore Sigismondo“. Inc. Invittissimo re Cesar novello.—Какъ отвѣтный сонетъ Доменико, такъ и его канцона о папѣ Григоріи XII еще не изданы.

310. См. 20-е приложеніе ко 2-му тому итал. изд.

311. „Pistola di ser Domenico da Prato, notaio, mandata a Alessandro di Michele di Ghino Rondinegli“ и т. д.; „Canzone morale del detto ser Domenico

già fatto nato mandata ad ser Nicolao di Berto da San Gimignano. Inc. Nel vago tempo che Febo ritorna.

312. Такъ въ концѣ письма къ Рондинелли: „Di tempo in tempo *da misera bile indigenza sospinto* alla morte la mia vita consumo“; въ посвященіи сборника стихотвореній: „Et scusi la tua discreta prudenzia la mia tardezza, *considerata le pessima cura iconomica che mi oppressa et la quale non posso al postutto obviare*“; въ предисловіи къ Rome del bel Fioretto, опущенномъ въ изд. Fanfani и напечатанномъ нами въ 21 приложеніи ко 2-му тому ит. изд.: „*et veggendo non in me divizie*, non in me reliquie di forza, non in me virtudi, pensa lettore“ и т. д.

313. Это ясно изъ его стихотвореній, которыя онъ шлетъ „Nel castel in Valdelsa tra i due fiumi“ (см. канцону, начинающуюся стихомъ: Gentil donna et amor nel cor mi stanno) или посылаетъ ихъ съѣзжая въ долину Эльзы (ср. другую canzon morale, inc.: Far non dee omai il mio cor che lamentarsi). Онъ гораздо обстоятельнѣе въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ; въ одномъ изъ нихъ (Perduto ò il tempo per non più aspettarne) онъ приходитъ къ рѣкѣ:

Qual batte appiè del Bonizo castello
che sopr'a ogn' altro è bello.

Ivi apportai, dove ò posto mio zelo и т. д.;

въ другомъ (Cantando un giorno d'Isotta là bionda), напечатанномъ у Трукки, онъ видитъ сроку возлюбленную:

Con altre donne al Poggio imperiale
Fuor delle mura del vago castello.
Vidila poi presso a quel fiumicello
Cantar, dove la Staggia batte l'onda.

Cantando un giorno d'Isotta la bionda
Mi ricordai di mia donna gioconda.

Nel castel vago tra due fiumicelli,
Ballata bella, a mia donna dirai:
Novelle di me a le'portan gli augelli.

См. Repetti, Dizionario geografico fisico storico della Toscana, t. IV, подъ словомъ Poggibonsi: «già Poggibonizi e Poggio Marturi (Podium Bonitii et Marturi) in val d'Elsa.....fra il fiume *Elsa* ed il torrente *Staggia*»; послѣ войны между Генрихомъ VII и флорентійской республикой въ 1313 г. «considerando quel monarca all'importante posizione dell'antico Poggibonizi, intraprese a riedificarlo cingendolo di steccata; quindi fattolo chiamare *Poggio Imperiale*, vi lasciò circa mille abitanti con una forte guardia» и т. д. Такимъ образомъ устраняется сомнѣніе Fanfani, который, комментируя одинъ стихъ въ Rome del bel fioretto (Parte seconda, str. 20: Onde io mi mossi, e al Poggio imperiale), написалъ слѣдующее (стр. 41): «О какомъ Poggio Imperiale говорить авторъ, я не сумѣю угадать. Разумѣется не о той мѣстности, которая носитъ это названіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ Флоренціей, потому что она назвалась такъ лишь нѣскольکو столѣтій спустя».

314. Canzone morale, inc. «Far non dee omai il mio cor che lamentarsi»; Capitolo unico del detto ser Domenico, inc. «Nel paese d'Alfea un colle giace»

(Non è costei, non è la tua *Melchionna*); «Canzone morale di Domenico del maestro Andrea da Prato, in essa dicendo essere solamente dalla ricordata fama delli eccellentissimi passati nodrito, e questi famosi in due modi pone: prima racconta quelli che per amore morirono, apresso dice di quelli, li quali nelle magnanime prove d'arme hanno speso il tempo loro; et ancora dicendo de'savii uomini. Et in questa maniera nella detta canzone il nome di sua donna racconta, ciò è raccogliere tutte le prime lettere d'ogni stanza et in quel modo il nome proprio racconta, et così incomincia:

Mossemi Giove a cantar d'amor versi и т. д.;

Sonetto del detto Domenico, inc. «Sostengon la mia vita tre colonne» (т. е. Gaspare et Baldassare e *Melchionne*).

315. Canzone morale, inc. «Il tempo è breve e la mia penna è stanca».

316. Capitolo unico del detto ser Domenico, nel quale, morta la dama sua, incitato in quel di Pisa da nuovo amore, ricordandosi del primo, quello abbandona. Inc. Nel paese d'Alfea un colle giace.

317. Сл. также сонетъ Доменико, начинающийся стихомъ: Mostra suoi raggi in sul bel far del giorno:

Se Omerio o Ovidio, o *Dante o il buon Petrarco*
O qualunque a l'udire di lor conosco,
Vergilio ancor.
O qualunque parlò mai greco o tosko и т. д.

318. Напечатано въ 22 приложеніи ко 2-му тому ит. изд.

319. См. 23 приложеніе ко 2-му тому ит. изд.

320. Il Pome del bel Fioretto, Prefaz. pag. VII.

321. Письмо къ Рондинелли, in fine; Canzon morale «in dispregio della vanità delle femmine». Inc. Tempo fu già che errar mi fece amore.

322. Canzon morale del detto ser Domenico in comandazione del nome di Filosofia. Inc. Nel vano trasparere del fosco centro.

323. Сл. канцону Антонио дельи Альберти «nella quale parla a commendazione di Firenze»: «Nel bel giardin ch'Italia tutta onora».

324. См. у Cesare Guasti, Bibliografia pratese, статьи: *Acquettini Giovanni, Giovanni di Gherardo и Rai Giovanni*, гдѣ приведена вся литература предмета до 1844 года. Не знаемъ былъ-ли впоследствии поднять этотъ вопросъ, который мы пытаемся разрѣшить иными средствами и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ разрѣшался доселѣ.

325. Casotti, Prose e rime de'due Buonaccorsi da Montemagno, ecc. Firenze, Manni 1718, Letter. проем. р. LX. Рукопись Строцци 639, которую видѣлъ Казотти, находится теперь въ национальной флорентійской библіотекѣ, Magl. VII Var. 1009, 3; сонетъ Раи читается тамъ fol. 208 recto; вотъ первые четыре стиха:

S(onectus) I(hoannis) B(artolomei) de R(ais)
Già e'entrato'l Sol nel segno Tauro
E due gradi montat'è sue carole
Quando vidi duo ninfe in bianche stole
Per un verde boschetto pien di lauro и т. д.

Ibid. fol. 206 verso—207 verso: *Confession fatta per Giovanni di Bartolomeo Rai* (?). Inc. Ginochion con man giunte e gl'occhi molli.

326. См. «Dissertazione di Vincenzio Follini sopra i due poemetti esistenti in questo codice dal folgio 129 al folgio 138, intitolati la Buca e lo Studio di Atene. Letta dal medesimo nella Publica adunanza dell'Accademia Fiorentina nella Libreria Magliabechiana il dì 5 Settembre 1805». Ркп. приложенная въ концѣ cod. magliabech. II, II, 40.

327. Sonetti del Burchiello, del Bellincioni e d'altri poeti fiorentini alla burchiellesca. In Londra 1757, стр. 100—1. О *Studio di Atene* см. рукописное разсужденіе Фоллини, цит. въ предыдущемъ примѣчаніи.

328. Въ cod. riccard. 1775: *Giovanni di Gherardo*; Magliabech cl. VII, cod. 702 pal. 6: *Iohannes Gerardi*; въ кадастровыхъ записяхъ 1427 и 1430 годовъ, автографъ находящемся въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ: *Giovanni Gherardi*.

329. Colomb de Batines, Bibliografia Dantesca, tom. 1-^o, parte II-a, p. 576.

330. S. Martino in Vado—приходъ (pievania) въ Коммунѣ Castel San Niccolò, въ Казентино.

331. Sonetti del Burchiello и т. д. стр. 244: Sonetto di Giov. Acquetтини a Fil. Brunellesco (O fronte sorda, o nissa d'ignoranza).

332. Cod. Riccard. 2254; съ содержаніемъ поямы мы уже познакомили читателей въ предыдущей главѣ стр. 137—8 и 264—68; см. также прим. 197.

333. Вотъ хронологія дантовскихъ лекторовъ отъ Боккаччо до Ландино: *Boccaccio*; *Antonio Pievano di Vado* (1381); *Filippo Villani* (1391?—1401; въ 1404 г. онъ снова утвержденъ на 5 лѣтъ); *Giovanni Malpighini* слѣдуетъ за Villani, въ 1412 и 1419 онъ снова назначенъ публично объяснять Божественную Комедію по праздничнымъ днямъ; въ 1417, 1421, 1423 и 1424 г.—*Giovanni di Gherardo da Prato*; въ 1430 миноритъ *Antonio* (padre Antonio del Minori) читаетъ въ S. Maria del Fiore; въ 1431—2 годахъ *Francesco Filelfo*, за которымъ слѣдуетъ *Giovanni da Corella*; *Lorenzo di Giovanni* изъ Пизы, каноникъ въ Санъ Лоренцо, упоминается въ 1431 и 1435 годахъ; въ 1432 г. *Antonio da Castello San Niccolò* читаетъ въ церкви S. Firenze; въ 1432—3 *Antonio* изъ Ареццо; *Cristoforo Landino* въ 1457.

334. Casotti, Prose e rime de'due Buonaccorsi и т. д. стр. 336.

335. Palermo, Assenzio, vol. 4-^o pag. 270.

336. Въ постановленіяхъ (stanziamenti) о художникахъ, участвовавшихъ работою или совѣтомъ въ модели купола флорентійскаго собора, Джьованни ди Герардо названъ *Dominus Iohannes Gherardi da Prato*, а иной разъ просто *Giovanni da Prato*. Объ одномъ серъ Джьованни да Прато разсказываетъ новелла Sermini, недавно изданная Ferrato (Venezia, 1868). Если судить по необычайному уваженію къ Данте, котораго серъ Джьованни любилъ читать (del quale Ser Giovanni molto si diletta di leggere. Novella, pag. 10), и которая собственно составляетъ завязку разсказа; если взять въ расчетъ его показаніе, что онъ былъ во флорентійской студіи (ib. pag. 10: perchè nella città nostra era stato in studio) и можетъ быть объяснялъ тамъ Данте (ib. A me pare che lui sia venuto qui per tenere scola di Dante); его тождественность съ Giovanni di Gherardo и Acquetтино покажется намъ болѣе чѣмъ вѣроятной. На всякій

случай предлагаема здѣсь біографическія свѣдѣнія, какія представляеть о немъ новелла Серминни: серъ Джованни былъ нотариусомъ (*valente notaio* pag. 9)—это объясняетъ почему въ рукописяхъ его стихотвореній онъ постоянно титулуется *ser Giovanni*; у него были дѣла (*per l'arte della notaria*, p. 9) и большая дружба съ серъ Уголино да Губбио, служившимъ при мессерѣ Микеле Раффакани, подестѣ города Прато, въ дочь котораго Бальдину былъ влюбленъ Джованни (*ib.*). Въ концѣ новеллы помѣщено стихотвореніе Серминни: *Dolendosi ser Giovanni da Prato con l'autore del caso intervenutoli qui addietro narrato, esso con questo mesticcio li risponde*. Inc. Che fa bisogno pur che tu ti doglia.—Новелла напечатана въ числѣ 36 экземпляровъ, изъ которыхъ 6 на лучшей бумагѣ.

337. Sonetti del Burchiello и т. д. стр. 244.

338. Ibid. стр. 245.

339. D. Moreni, Vita di Filippo di ser Brunellesco, architetto fiorentino, scritta da Filippo Baldinucci, con altra in fine di anonimo contemporaneo scrittore и т. д. Firenze, Carli, 1812, стр. 47, 51—52 и *passim*.

340. Сл. стр. 85 и прим. 52.

341. Кн. II, стр. 173: «Il perchè, se sia stato l'uomo vinto dal senso della lussuria—dirò divenuto sia coniglio, o leonza, o colombo, o passera; dall'astuzia e malizia—volpe, dallo usurpare e divorare—lupo, dall'iracundia orso, dalla superba—leone».—Trattato: «O come bene dissono i savii che gli uomini si mutavano in bestie; cioè vollono intendere che s'elli era uomo di rapina, diventava simile al lupo; se iroso, all'orso; se pigro e lento, all'asino; se malizioso, alla volpe, se inconstante e vacillante, questo era assomigliato a gli uccelli». Впрочемъ, источникомъ того и другаго разсужденія могъ быть Боэціѣ De consolât. Phil. lib. IV: *Evenit igitur ut, quem transformatum vitiis videas, hominem existimare non possis. Avaritia fervet alienarum opum violentus ereptor? Lupi similem dixeris. Ferox atque iniquis linguam litigiis exercet? Cani comparabis. Insidiator occultis surripuisse fraudibus gaudet? Vulpeculis exaequetur. Irae intemperans fremit? Leonis animum gestare credatur. Pavidus ac fugax non metuenda formidat? Cervis similis habeatur. Segnis ac stupidus torpet? Asinum vivit. Levis atque inconstans studia permutat? Nihil ab avibus differt. Foedis immundisque libidinibus immergitur? Sordidae suis voluptate detinetur. Ita fit ut qui, probitate deserta, homo esse desiderit, cum in divinam conditionem transire non possit, vertatur in belluam*. Интересно, что какъ разсужденіе графа Карла въ романѣ направлено къ тому, чтобы разрѣшить въ нравственную аллегорію басню о превращенныхъ спутникахъ Улисса, такъ стихотвореніе Боэціа, непосредственно слѣдующее за приведеннымъ отрывкомъ (*Vela Neritii ducis*), посвящено подобному-же истолкованію мифа о Церерѣ. Слич. также прим. 70.

342. Слич. стр. 151—2 и прим. 207.

343. Слич. стр. 153 и прим. 208.

344. Слич. стр. 162 и прим. 210.

345. Кн. I стр. 42—3: «Io lascio istare gli adulteri innumerabili de' falsi iddii, in quanto numero Iove rettore dello Olimpo ne perpetro e commise, e non solamente l'oneste e nobili donne e donzelle, ma la sua propia sirocchia, *perchè la sua forma gli piacque*, per isposa si prese, et *leggie fermò* per tutto il suo

regno, che licito fosse per isposa pigliare quanto piacesse e desse sollazzo. Io lascio istare, perchè vergogna e onta ne prendo, il furtivo rapire del genoroso e bellissimo Ganimede, il quale mai da se partire lassò: и т. д. Сл. слѣдующій отрывокъ изъ 10-й пѣсни I-й части поэмы:

A questi (т. е. Iove) non basto tanto rie segno
Che non volesse oltragiar la natura
Nel propio sesso, ch'a pensar ne sdegno:
Ganimede sì bella criatura
Rapi per sodisfare al suo pensiero.

*Po' legge novelò ch'ogni omo il meglio
Che può contenti il carnale appetito,
E di tal legge fe'se primo specchio:
Ch'a sua sorella si diè per marito
Perchè gli piacque la sua bella forma.*

346. Кн. I, стр. 22—3: «Giunone detta è secondo l'errore gentilizio ab antico iddea delle ricchezze e de'regni.....Ora vedere si dee come queste cose sono nimiche dell'uomo a venire a somma virtude e volere Lavina per legittima donna avere e per conseguente lo imperio in eterno durabile aquistare, come per Enea essere fatto si criede. Neuna cosa più chiara si vede aversa a nostra salute, che è la inordinata concupiscenzia delle ricchezze mondane colle pericolose et tremole signorie; chè per quelle aquistare veduto si s'è molti e molti valorosi e altissimi intelletti essere di loro virtuti iscurati e non avere aiuto per donna Lavina, la quale per la somma virtù con laudabile fama s'intende». Поэма:

Ma quello amore, che m'è abitato e fisso
Nella mia fantasia, regge il temone:
Sì costante son'io u'pria m'à misso,

Povertà non temendo: chè Iunone
A tosicati tali intelletti,
Che fur più che fra donne l'Amazzone.

O quanto è rico fra divin diletti
Chi à laudabil povertà in sua vita,
Schifando il servire a van concetti. (часть II, пѣсня 5)

347. Письмо напечатано нами въ 24 приложеніи ко 2-му тому итальянскаго изданія по ркп. Laur. Gadd. reliq. 101 (sec. XV), fol. 32 recto—33 recto: «*Epistola missa Domino Guidoni per Johanne Gerardi*». Оно исполнено ошибокъ, объясняемыхъ не столько оплошностью писца, сколько оригинальными выходами автора, напр. въ употребленіи соединительной частицы *que*, гдѣ возможно только *et: gloriam que potentiam* вм. *gloriam-potentiamque; et sic medicorum ignorantiam que malitiam terra tegit* и т. п.

348. Мы извлекли изъ бумагъ флорентійскаго архива первую изъ этихъ кадастровыхъ записей, какъ болѣе древнюю, и напечатали ее въ 25 N приложеній ко 2-му тому ит. изд.

349. Кн. II, стр. 57.

350. Не знаемъ напѣ-ли Джьованни ди Герардо упомянуть въ Squittino 1381-го года, у р. Ildefonso, Delizie томъ XVI: «Nec est reductio Vexilli Ferze

Quarterii S. Spiritus Artium Majorum et scioperatorum» стр. 132: «*Johannes Gherardi calzajuolus*».

351. Сонетъ этотъ напечатанъ у Allacci, Crescimbeni и въ Raccolta di rime antiche toscane (Palermo, Assenzio, vol 4.º, p. 270), но во всѣхъ трехъ изданіяхъ съ большими ошибками и вездѣ различно, хотя подлинникъ былъ одинъ и тотъ-же, именно рукопись библиотеки Киджи 547 (по старой нумерации, а по новой I, VIII, 300). Чтобы установить нашъ текстъ, мы пользовались не только печатными изданіями и рукописью Киджи (fol. 161: Messer Giovanni di Gherardo da Prato studente in legge et in poesie a Franco), но еще палатинской Cl. II, ord. I, с. 205 (p. 362: Messer Giovanni di Gherardo da Prato studente in legge e in poesie a Franco) и лауренціанской 184, гдѣ нашъ сонетъ—девятнадцатый въ ряду приписанныхъ Джованни да Прато.—Въ примечаніяхъ къ итальянскому изданію мы сообщили варіанты къ выбранному нами тексту сонета, отъ котораго въ настоящемъ изданіи позволили себѣ отступить только въ 11-мъ стихѣ. Чтеніе лауренц. списка *Solo e voglio* мы прежде устраняли, предпочитая ему *Solo soletto* другихъ текстовъ; намъ кажется теперь, что *voglio* описки вм. *veglio*, старонитальян. формы вм. *vecchio*, и въ этомъ видѣ мы приняли лауренціанское разночтеніе.

352. По cod. Palat. cl. II ord. I, с. 205, p. 363, и cod. chigiano 547, fol. 161.

353. По cod. laur. red. 184, sonetto 20.

354. Въ томъ-же сборникѣ.

355. Въ cod. magliab. II, II, 40 помѣщены нѣсколько его сонетовъ, посвященныхъ прославленію Флоренціи, Данте, Петрарки, Боккаччо, Томмазо дель Гарбо и Паоло дель Аббако.—Замѣтимъ, что первая новелла романа передается какъ слышанная когда-то отъ Паоло дель Аббако.

356. См. прим. 88. Извѣстіе относится къ 1399 году.

357. Слич. стр. 210.

358. Къ сожалѣнію у насъ слишкомъ мало мѣста, чтобы познакомить читателя съ параллельными текстами романа и Инвективы и такимъ образомъ дать ему понятіе о ихъ сходствѣ; здѣсь мы поневолѣ принуждены ограничиться указаніемъ на 231—243 страницы V-й книги нашего романа и слѣдующими отрывками изъ Инвективы Колуччіо: кстати они могутъ дать понятіе и объ аргументаціи нашего автора.

«Volo referre quid sentiam de tanta civitatis origine, et his auctoribus, quos adducere potero, confirmare, ut, postquam alio tibi dicendum loco reservasti, quam impudenter praedicemus nos genus esse romanum, et auferam tibi delirandi materiam et occasionem exhibeam rectius sentiendi..... Quod autem haec urbs Romanos habuerit auctores, urgentissimis colligitur conjecturis. Stante siquidem fama, quae sit obscurior annis, urbem Florentiam opus fuisse Romanum: sunt in hac civitate *Capitolium*, et juxta *Capitolium Forum*, et *Parlascium* sive *Circus*, est et locus qui *Terme* dicitur, est et regio *Parionis*, est et locus quem *Capacium* vocant, est et *templum olim Martis insigne*, quem gentilitas romani generis volebat auctorem; et *templum non Graeco non Tusco more factum, sed plane romano*..... *Restant adhuc arcus, aquaeductusque vestigia more parentum nostrorum*, qui talis fabricae machinamentis dulces aquas ad usum omnium deducebant. Quae cum omnia Romanae sint res, Romana nomina, Ro-

manique moris imitatio, quis audeat dicere, tam celebris famae stante presidio, rerum talium auctores alios fuisse quam Romanos? Extant adhuc rotundae turres et portarum monimenta, quae nunc episcopatui connexa sunt, quae, qui Romam viderit, non videbit solum, sed jurabit esse romana; non solum qualia sunt Romanae moenia, latericia coctilique materia, sed et forma. Non mirum ergo si, tot adstipulantibus rebus, constans et inextinguibilis fama est, urbem nostram opificium esse Romanum, oppositum Faesulanis, quos Romanis fuisse contrarios et adversos clarissimum facit quod, *sociali bello legamus Faesulas et alia quaedam oppida fuisse deleta*; ut Romanum opus esse Florentiam plane sit stultissimum dubitare. Legimus enim apud *Sallustium* certissimum veritatis historicum, *L. Catilinam* quemdam L. Manlium praemisisse Faesulas ad exercitum comparandum; qui sollicitans in *Etruria* plebem, egestate simul et dolore injuriae novarum rerum cupidam, quod Syllae dominatione agros bonaque omnia amiserant; praeterea latrones cujusque generis, quorum in ea regione magna copia erat, nonnullos etiam ex sillanis colonis, quibus libido atque luxuria ex magnis rapinis nihil reliqui fecerant, magnum paravit exercitum. Quibus Sallustii verbis *Ciceronis* nostri ditissimum ejusdem rei testimonium si placeat adjiciam, ut his collatis, clarius efficiam quod intendo. *Scribit ergo Tullius oratione secunda* quam ad Populum romanum habuit *contra Catilinam, dum qualitatem exercitus quem habuit hostis ille perditissimus patriae per membra designat*, in haec verba, videlicet: *Tertium genus* est aetate jam affectum, sed tamen exercitatione robustum, quo ex genere ipse Manlius, cui nunc Catilina succedit. Hi sunt homines ex his coloniis, quas Faesulis Sylla constituit, quas ego universas civium esse optimorum et fortissimorum sentio. Respondeat velim nunc vel dementissimus ille qui negat Florentinos esse Romanos, vel quivis alius, cui placuerit ista contendere, negetque, si potest, Faesulanis in finibus Romanas colonias esse deductas, et ubi velint, assignent eas praeter Florentiam Romanis congruentes nominibus, aedificiis atque notis, et Marte praeside, quem iste populus in illo gentilitatis errore religione colebat. Quod cum facere nullo modo valeant, famam sequantur tot vigentem seculis, et rem notissimam, tot fultam adminiculis, oro non negent, nec contra *Ciceronis* sententiam arbitrentur, et dicant, viles illos milites agricolaeque fuisse; sed cum tantus auctor cives illos optimos et fortissimos esse dicat, cum ipso sentiant id, quod decet, et audiant quid sequatur. Subdit, enim, immediate post illa quae proxime retuli: *Sed tamen hi sunt coloni, qui se insperatis ac repentinis pecuniis sumptuosius insolentiusque iactarunt; hi dum aedificant, tamquam beati, dum praedii, lecticis, familiis magnis, conviviis apparatus delectantur, in tantum aes alienum inciderunt, ut, si salvi esse velint, Sylla sit his ab inferis excitandus* (*); qui etiam nonnullos agrestes homines tennes atque egentes in eadem illam spem veterum rapinarum impulerunt. Haec Cicero.....

..... *Verum nomen forte quaeris: fateor id in historiis, quos habemus, me nullis temporibus invenisse; puto tamen, quoniam Florentinus ager suapte natura feracissimus liliorum sit, flores occasionem nominis praebuisse.*

(*) Сл. въ V-й книгѣ нашего романа стр. 237: «poise colonie в т. д. intanto che per edificare e oltra modo facendo, pareva loro beati divenire, e si ancora gloriandosi per le molte possessioni e grande aparato in conviti e famiglia abbondante в т. д., e a volelli salvare convenia provocare Silla dallo inferno acciò ch' un'altra volta ricchi li facesse».

Hujus nominis autem auctor optimus Ptolemaeus Philadelphus qui claruit temporibus Antonini Pii claram facit libro tertio Geographiae suae, qua priorum omnium scripta diligentia et veritate superavit, *hujus, inquam, nominis facit et civitatis Florentiae mentionem*. Inquit, enim, ubi Tuscorum mediterranea enumerat breviloquio, sicut et in ceteris, ut quaedam omittam: «Luca, Lucus Pheronis, Pistoia, Florentia, Pisae, Volaterrae, Faesulae, Perusia, Aretium, Cortona». Ut cum multas urbes alias oppidaque maxima tacuerit, forte quia tunc non forent, aut memoratu digna non essent, Florentiam, quia jam ad dignitatem memoriae subscrevisset, notabiliter nominavit. Forte etiam, cum astrorum peritia, cujus studiosissimus fuit, videret, urbem hanc ad tam nobilem magnitudinem perventuram, noluit, futuri praescius, rem adeo mirabilem subticere.—*Quod autem apud Plinium legitur, cum oras Tusciae diligentissime scribit, in haec verba videlicet: «Fluentini profluenti Arno appositi»*—forte corruptum est, et scribi debuit *Fluentini*; quodque sequitur «profluenti Arno appositi» non minus librariis dare potuit *corrumpendi materiam* quam auctori «profluentis» vocabulo, ei quod «Fluentini» dixerat, alludendi. Nam, cum inter Africum, Munionem et Arnun aliosque torrentes, qui jam extincti sunt, haec civitas sita fuerit, cui mirum si Fluentia forsitan ab initio dicta sit, et quod a *florum copia maluerint eam posteri Florentia appellare?*..... Nec hoc (т. е. название Флоренціи) a romani nominis sono vel institutis abhorret. Habent enim et ipsi non ignobilem urbis partem, quae vulgo dicitur Campus Florae, vel ut hodie dicitur Campus Floris; ut consonum satis sit Romanis rationem illius nominis placuisse. Potuerunt et esse quamplures ex regione Campi Floris, qui tali nomine delectati, causa nominis extiteret. Последнее предположение стоит не совсѣмъ одиноко въ средневѣковыхъ повѣрхяхъ: такъ приведенная въ текстъ латинская эпиграмма говорить о *romani flores*, будто-бы положившихъ основаніе Флоренціи, и отъ Іоанна Лиды (De mensibus, IV, 50) мы знаемъ, что *Flora* было священнымъ (ιερατικόν) вазваніемъ Рима, ἐρως—мистическимъ (телестикόν), а *Roma* политическимъ (πολιτικόν). Вспомнимъ, наконецъ, что въ старофранцузской поэзіи *Pré Noiron*, prata Neronis, было постояннымъ эпитетомъ вѣчнаго города.

Кого интересуеетъ сличить, въ какой мѣрѣ всѣ эти положенія Колуччіо были приняты и распространены въ непосредственно слѣдующемъ за нимъ поколѣніи, того мы обращаемъ къ *Historiarum florentinarum libri XII* его ученика Леонардо Аретино (Argentorati, Zetzner 1610, 1 v. in fol.), гдѣ онъ встрѣтитъ очень поучительныя сходства.

359. Armannino di Bologna, Fiorita, cod. laurenz. plut. 62, cod. 12 (sec. XIV), conto IV.

360. Cod. Magliabech. saec. XIV, съ миниатюрами; поэма написана леонинскими стихами и приписывается учителю Петрарки, Convenevole da Prato.

361. Кн. V, стр. 239: «le molte truffe e balure di alcuni cronichisti poco pratici e dotti, anzi ignorantissimi di queste cose, mostrando per le loro opere non avere litteratura aùta, nè cognizione per consequente d'opere altentiche e notabili».

362. Cod. laur. red. 184, sonetto 5.

363. «Messer Giovanni di Gherardo da Prato de' avere fiorini tre per disegni fatti e sua faticha durata pe' fatti della Chupola grande».

364. «Sono per fare honore di vino ai maestri venono a vedere il disegno à fatto messer Giovanni».

365. «Per loro fatica duraro quando raunono e cittadini richiesti da gli operai e da quelli della Chupola, per vedere e modelli di messer Giovanni da Prato e di Filipo di ser Brunellescho».

366. «Messer Giovanni da Prato de' avere per uno modello di charta pechora, da lui rechaſto per dimostrare la chatena a rafforzamento della Chupola della maggore tribuna, fiorini due d'oro, stanziati per ser Piero di Lorenzo notaio dell' Opera, a uscita di Francesco di Taddeo».

367. «Visis quibusdam modellis factis per quamplures magistros et ingeniosos, et maxime per Filippum ser Brunelleschi, Laurentium Bartolucci aurificem, Iulianum..... alias Pesello pictorem, et dominum Iohannem de Prato, et magistrum Iohannem Aurismi, et per Turam coltellinarium; et Batistam Antonii caputmagistrum dicte Opere» и т. д. Эти свидѣнія, какъ и всѣ касающіяся постройки собора, заимствованы изъ книги Cesare Guasti, *La cupola di Santa Maria del Fiore, illustrata con i documenti dell' Archivio dell' opera secolare* и т. д. Firenze, Barbèra, Bianchi e C^a 1857. См. тамъ же въ указателѣ подъ именемъ Джьованни ди Герардо.

368. См. прим. 88.

369. Приводимъ здѣсь весь сонетъ—последній изъ приписанныхъ Джьованни ди Герардо въ сборникъ Лауренціаны:

Di quel gentile sguardo il grande assalto
 I' non posso fuggir, che più non cresca
 E le piaghe mortali ognor rinfresca
 Questo bel viso ch' à un cor di smalto.

Se'l gran disio l'ò (?), la umilio, esalto,
 I' pur preso mi trovo alla dolce esca;
 E quanto più m'amorta, più m'infresca.
 Divien così chi pone amor tant' alto.

Ome, stassi mia iddea infra' bei colli
 Di due fresche rivere a Monte Paldi,
 Dove talora sospira, or canta o ride.

E io, misero a me, cogli occhi molli
 Vo' disviando i passi lenti e saldi,
 E non veggo il bel viso chi mi ancide.

370. Слич. прим. 347.

371. «Placuit quidem jamdiu studium sapientiae, paupertatem constanti animo non timere, honores turbidos que regimina non curare, fugere et capsare, inducti vulgi innumerabiles derisiones beffare, ventosae gloriae opinionem transire, aliis conjugia filiosque dimittere: acuta nimium sunt venena viventibus. Quid enim salubrius, si recte arbitror, quam dulci silentio nemoribus musis secretissimis contemplari? Ibi equidem nimpharum chori que dearum catervae, ibi limpidae fontes que rivoli murmurantes, atque simplices bestiolae per ridentia prata jocantes, garrulantibus aviculis per viridas frondes et folia: quae haec equidem omnia ad sublimandum spiritum incitant; classes que exercitus et catervas bestialium barbarorum, tubas et timpana civitatum que oppidorum, et furias turbas dimittere». Слич. съ этимъ слѣдующее описаніе въ I-й книгѣ романа, стр. 30: «e quando più l'ardentissimo raggio del principe delle stelle isfavilla, una sì dolce ermonia

in fra le fresche ombre da infiniti, vari e fronzutissimi mai con mille uccelletti, con copia grande di suoni cantando non senza grande parte di beatitudine da me si sentia, con mille rugelletti mormorando; e la fresca gramigna colle minute erbette e i vari e ridentissimi fiori de' giocondissimi prati tutti rugiadosi facieno. Quivi animaletti graziosi e piacevoli sollazzando grande piacere al più rimirare sommamente porgieno» и т. д.

372. Трактатъ этотъ напечатанъ нами въ 26 приложеніи къ 2-му тому итал. изд. Хотя трудъ Джованни ди Герардо, онъ написанъ отъ имени дамы, получающей своихъ милыхъ сестеръ, carissime sorecchie. Послѣ этого, казалось бы, нѣтъ никакого затрудненія приписать мессеру Джованни стихотворную повѣсть риккардыанской рукописи № 2254, въ которой самъ онъ выведенъ третьимъ лицомъ. Но мы уже замѣтили выше (прим. 197), что плачевная роль, которую играть въ ней мессеръ Джованни, не позволяеть намъ согласиться съ заглавіемъ повѣсти, гдѣ онъ показанъ ея авторомъ.—Трактатъ написанъ ранѣе 1426 года, какъ видно изъ замѣтки переписчика на оборотной сторонѣ послѣдняго листа риккардыанскаго списка 1689: „Qui è finito il trattato d'una cosa celestiale mostrata per una divotissima visione. Iscritta per mano del poco avventurato Buono di Marco del Buono Filippi Marchi negli anni Domini 1426 del mese di Gennaio“.

373. Автографъ поэмы Джованни ди Герардо находится въ рукописи Мальябекьяны cl. VII, cod. 702, р. 6. Всего 40 листовъ. На верху перваго листа, котораго оборотная часть не записана, имя прежняго владѣльца рукописи (liber Angeli Zenobii de Gaddis VIII) и слѣдующій советъ, который мы сообщаемъ, замѣтивъ напередъ, что въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рукописяхъ онъ встрѣчается въ числѣ другихъ, приписываемыхъ Петраркѣ:

O monti alpestri, o cespugliosi mai,
O selve, o boschi u'Diana s'asconde,
O campi o valli, o caverne profonde,
O parlare, o giardin belli e sì gai!
O terra, o fuoco, o aer, o dolci lai,
O piani, o prati, o erb'e fiori, o fronde,
O fonti, o rivi, o fiumi, o marine onde,
O celeste fiammelle, o chiari rai!
O fortuna, o destino, o fati, o sterpi,
O spilonche, ermi, piagge, poggi e colli,
O vento impetuoso, o dolce oreggio,
O pesci, o ucelli, o animali, o serpi,
O pietre, o sassi del mio pianto molli:
Ove sono i belli occhi ch'or non veggio?

На лицевой сторонѣ втораго листа должна была начинаться поэма; но автору видно не понравился первый опытъ и онъ его уничтожилъ, буквально затеревъ чернилами всю страницу; только внизу остались слова: *Invocatio ad musas*, служащая рубрикой содержанію оборотной стороны листа, гдѣ начинаются теперь первые стихи поэмы въ новой редакціи автора. Мы пытались прочесть вымаранные строки, хотя чернила до того въѣлись въ бумагу, что буквы мѣстами расплылись и разобрать ихъ невозможно. Кажется, поэтъ хотѣлъ назвать свою поэму Филоменой, но, мѣняя заглавія, одно за другимъ, ни на одномъ не

остановился; такъ его трудъ и остался безъ названія. Въ началѣ онъ предуга-
малъ слѣдующее: *Poematis nomine Philomena, quo sub velamine fictionis osten-*
dentur vitiourum elementa (?), et specialiter veneni dulcissimi letalis carnalitatis,
editi per Iohannem Gerardi de Acignano (? Citisignano, Atignano, Ciciignano ?) ob
reverentiam clarissimi militis nimium moribus (?)... *Blasii de Guasconibus liber*
primus incipit feliciter“. Не понравился-ли ему этотъ титулъ, или по какой
другой причинѣ, у него тотчасъ-же готовъ другой: „*Incipit liber qui dicitur*
Philomena editus per Iohannem Gerardi“.—Но и этотъ зачеркнуть, какъ и все
остальное. Разобраннаго достаточно, чтобы возбудить нѣкоторыя сомнѣнія,
которыя намъ предстоитъ разрѣшить. Поэма, стало быть, по прозванію Фило-
мена, посвящалась Біаджіо деи Гуаскони, рыцарю или кавалеру, потому что
такое значеніе имѣло средневѣковое латинское miles. Мы думаемъ, что это не
кто иной какъ Біаджіо ди Боначчю деи Гуаскони, о которомъ самое раннее
упоминаніе относится къ 1351 году; онъ былъ приоромъ въ 1352—3, 1356—7,
1361—2, 1369—70, 1371—2, 1375—6 и 1386—7 годахъ, и въ послѣднемъ году
избранъ въ Gonfaloniere di Giustizia (Messer Biagio di Bonaccio de'Guasconi
Cavaliere Gonfal. di giust. Quart. S. Giovanni). Будучи въ 1378 году однимъ
изъ предводителей гвельской партіи (capitani di parte) онъ былъ возведенъ
народомъ, со многими другими своими сверстниками, въ званіе рыцаря золотой
шпоры; въ 1379 году его объявляютъ магнатомъ (de'grandi), и такимъ онъ
былъ еще въ 1381 г., когда избранный (squittinato) отъ квартала S. Giovanni,
онъ былъ членомъ балія (balla-временное правительство, чрезвычайная ком-
миссія). Если онъ умеръ въ 1389 году (Dominus Blasius de Guasconibus pop.
S. Laurentii honorifice sepultus cum habitu ante altare S. Lucae Evangelistae—
въ S. Maria Novella), и дѣло идетъ не о какомъ-нибудь другомъ Biagio de'Gua-
sconi (Biagio di Jacopo de'Guasconi упоминается подъ 1420 годомъ), идея поэмы
должна была зародиться въ головѣ нашего автора раньше этого года, или по
меньшей мѣрѣ въ этомъ году, какъ заставляетъ заключать первый опытъ посвя-
щенія. Смерть Біаджіо могла заставить его приостановить начатый трудъ; когда
онъ возвратился къ нему впоследствии, посвященіе оказалось уже неуживчивымъ,
и онъ его вычеркнулъ. Мы покрайней мѣрѣ думаемъ, что между первой и вто-
рой половиной поэмы прошло много лѣтъ: этихъ можно, пожалуй, объяснить,
почему и второе заглавіе, придуманное авторомъ, имъ уничтожено, какъ не
удовлетворявшее его болѣе. Въ самомъ дѣлѣ: вторая книга поэмы, гдѣ упо-
минается смерть Колуччіо (1406), хотя писана тою-же рукою, но какъ будто
ослабѣвшею, старческою; мы очевидно имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, вы-
шедшимъ не сразу изъ головы автора, но слагавшимся по частямъ, въ боль-
шіе промежутки времени. Это отразилось и на неясности общаго плана, и на
сбивчивости подробностей.

Мы, разумеется, выдаемъ наше мнѣніе о Біаджіо за то, что оно есть, т. е. за
простое предположеніе. Въ приведенномъ нами латинскомъ посвященіи предъ
словомъ *Blasii* кое-что выпало, затерто или неразобрано нами. Мы предполага-
емъ, что стояло *domini*; но можетъ быть точно также что стояло собственное
имя лица, которому посвящалась поэма; въ такомъ случаѣ родительный *Blasii*
относилось-бы къ нему (а не къ reverentiam), означая имя отца (какъ напр.
въ латинской формѣ Iohannes Gerardi).

Но вотъ въ чемъ главное затрудненіе. Мы нѣсколько разъ говорили о поэмѣ,
какъ объ автографѣ Джованни ди Герардо да Прато, стараясь какъ литера-

турными, такъ и палеографическимиближеніями съ нашимъ романомъ доказать, что и онъ принадлежитъ тому же автору. Но между тѣмъ въ концѣ первой книги поэмъ авторъ вовсе не указываетъ на свое происхожденіе: «Explicit primus liber editus per Iohannem Gerardi, ubi trattatur de VII virtutibus. Finit», а въ первомъ черновомъ заглавіи всего труда онъ пишется: de Asignano, или Atignano и т. п., или какъ иначе прочесть это неразборчивое слово. Стало быть онъ не былъ изъ Прато? и разрѣшаются въ ничто всѣ наши палеографическія и другія соображенія? Но у насъ есть въ пользу ихъ еще одно, случайное доказательство. Поэма—несомнѣнно автографъ какого-то Джованни ди Герардо, перешедшій въ послѣдствіи въ бібліотеку Анджело деи Гадди, известнаго собирателя рукописей; риккардіанская рукоп. 1176 также принадлежала Джованни ди Герардо и также перешла къ Анджело Гадди. На лицевой сторонѣ перваго листа читается: *Investive domini Francisci Petracche de Florentia*; потомъ въ числѣ другихъ поमारокъ и пробъ пера, вродѣ «Cogito fas, ne facito nefas» и т. п. прописано ясно: «Iohannes sic nomen ejus», что поясняется свидѣтельствомъ послѣдняго листа, fol. 31 verso: «Libellus est Iohannis Gerardi. Explicit. Liber Angeli Zenobii de Gaddis de Florentia CXIII». Очень естественно предположеніе, что Джованни ди Герардо автографа и риккардіанской рукописи—одно и то же лице, что поясняетъ съ другой стороны, почему и автографъ и рукописи попадаютъ въ послѣдствіи въ однѣ и тѣ же руки. Между тѣмъ о Джованни ди Герардо риккардіанской рукописи мы можемъ сказать положительно, что онъ тождественъ съ Джованни ди Герардо да Прато: какъ-же иначе объяснить слова, какъ будто случайно заброшенныя вверху лицевой стороны перваго листа: *Gentille creature di quel ciello*? Мы знаемъ, что этимъ стихомъ начинается послѣдній любовный гимнъ въ *Giucoso d'Amore* (*O gentil creature di quel cielo*), принадлежащаго, какъ известно, Джованни да Прато, и что тѣмъ же стихомъ, нѣсколько измѣненнымъ (*O gentili creature della spera*), онъ началъ 18-й сонетъ лауренціанскаго сборника 184. Прибавимъ къ этому, что почеркъ риккардіанской поэмтѣ представляетъ замѣчательныя черты сходства съ почеркомъ романа и поэмы. Въ виду всего этого мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что и Джованни ди Герардо поэмы тождественъ съ Джованни ди Герардо да Прато: впрочемъ и самый стиль поэмы обличаетъ дантовскаго лектора. Прибавку de Asignano, Citignano и т. п. придется въ такомъ случаѣ принять за названіе какой-нибудь деревушки, мызы или замка въ округѣ Прато, слишкомъ незначительныхъ или теперь несуществующихъ, почему онъ и не вошелъ въ географическій словарь Репетти.

Mehus, имѣвшій въ рукахъ риккардіанскую рукопись 1176 (по старой нумераціи: N. 1, num. XXIX) ставитъ вопросъ: «An Gerardus ille est alter Petracchi filius, poetae nempe germanus, idemque monachus Carthusiensis?» (Vita Ambros. Camald. p. 273). Но во 1-хъ мы ничего не знаемъ о Джованни, сынѣ Герардо ди Петравко; во 2-хъ Герардо принялъ постриженіе въ 1342 году сынъ Джованни родился у него, стало быть, раньше и долженъ былъ имѣть, около 70 лѣтъ отъ роду, когда могъ упоминать въ поэмѣ покойника Колуччіо († 1406); наконецъ специально флорентійскія воспоминанія, которыми наполнена поэма, дѣлаютъ необходимымъ предположеніе, что ея авторъ долгое время жилъ во Флоренціи, или по близости. Обо всемъ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, какъ вообще всю догадку Mehns'a придется отнести къ тѣмъ многимъ некритическимъ, которыми наполненъ его, впрочемъ весьма почтенный, трудъ.

374. Замѣтимъ символизмъ именъ, который самъ авторъ поясняетъ въ стихахъ или глоссахъ на поляхъ рукописи. Иной разъ онъ основанъ на этимологія, чаще всего насильственной: *Costanza*—Fortitudo, Constanzia; *Ginevra*—*gierula*, латинское *gerula* (*Gierula* fin per suo dolce mammella); *Tommasa*—*Deus meus* (*Tomasa* che ci sona *Deus meus*); *Margherita* (? Iusta *Matros Mathesis*, *sprada diva*—стихъ совершенно непонятный; мы подозреваемъ въ немъ этимологическую аллюзію на имя Маргериты). Другія имена заимствованы отъ легенды, напр. *Francesca* для созерцательной жизни, *Caterina* для любви, милосердія; нѣкоторыя отъ мифологіи: *Diana*—для жизни дѣвственной, *Feronia*—для вѣры, можетъ быть слѣдую Варрону, у котораго *Feronia*=*Fidonia*. Имя *Viredia*—надежда указываетъ на народную символику цвѣтовъ; см. le Roman de Fauvel vv. 193—4:

Car la verdure est signiffiance
De foy loial et d'esperance.

Впрочемъ у Готтфрида Страсбургскаго зеленый цвѣтъ есть символъ постоянства, а у Francesco da Barberino, Del Reggim. parte XX—благоразумія, Prudenza:

Ed ha le vesti di verde colore
Perocchè ella è virente e valorosa.

375. Въ первой книгѣ поэмы 13 пѣсень, изъ которыхъ первая и послѣдняя оставлены безъ рубрикъ, остальные снабжены латинскими заглавіями, которые здѣсь сообщаемъ:

Secundus cantus primi libri, ubi ponitur quomodo Ginevra, aliter Prudentia, canit cantilenam suam.

Cantus tertius primi libri in quo continetur cantilena alterius dominae, scilicet Margheritae, quae ponitur pro Iustitia.

Quartus cantus primi libri, ubi ponitur Cantilena alterius dominae quae nominatur Tomasa, quae ponitur pro virtute Temperantiae.

Quintus cantus primi libri, ubi ponitur primo quaedam descriptio diei, posmodum qualiter Costantia VI aliis virtutibus extrahit Autorem de caliginosa silva, incipiendo scandere collem.

Sextus cantus primi libri, ubi ponitur primo continuatio ascentionis et posmodum qualiter autor dubitando interrogat Costantiam quantum distaeorum eminentissimum pratum ab silva, et responsio dubis ejus, declarando ac etiam fine ejus parentelam.

Setimus cantus primi libri, ubi ponitur primo auctoris gementis purgatio peccatorum et qualiter Costantia ad audiendum benivola atque exorat ut perfecte operet et concipiat cantilenas canendas ab tribus virtutibus necessariis.

Octavus cantus primi, libri ubi ponitur qualiter Viredia virtus theologica canit cantilenam suam in qua aliqua dubia philosophica atque etiam theologica canendo declarat.

Nonus cantus primi libri, ubi primo ponuntur solutiones aliquarum dubitationum theologicarum et posmodum qualiter Costantia autorem mittit ad Feroniam ut cito cantet, destinando eidem ut tempus nimium volatile est.

Decimus cantus primi libri, ubi ponitur qualiter Feronia, nos muniendo, cantat ut ab pessima peste idolorum animos avertamus, et ponit vitam

obrobi(os?)am et lascivam maiorum deorum gentilium et obstinatam rebellionem judaeorum.

Undecimus cantus primi libri, ubi scribitur qualiter altor primo aliquam comperationem facit suae attentionis et postmodum ponit continuationem Feroniae, ubi canitur quam necessaria sunt ad salutem humanam d'eternitate atque de divinitate sentire.

Duodecimus cantus primi libri, ubi autor primo ponit aliquam discretionem maneriei Feroniae et postmodum inducit eam canentem veluti Cristus ivit pos mortem ad limbum spoliandam, et quomodo venturus est judicare vivos et mortuos con corporibus suis; et sine hujus cantus inducit Romam declamantem ergo pastores et reges, et Feroniam exortantem in debellatione paganorum et Ierusalem recuperatione.

Въ нашемъ итальянскомъ изданіи мы объяснили слово *maneries* сообразно съ его употребленіемъ у Петра Альфонса, *Disciplina Clericalis*, III, 3 и XXIII, 4 (изд. Валентина Шмидта): «Die Wichtigste Stelle wegen Einführung des Worts scheint bei Ioannes Sarisber. *Metalog.* l. 2, cap. 17: «Nunc enim quum genus audit vel species, res quidem dicit intelligendas universales, nunc *rerum maneries* interpretatur. Hoc autem nomen in quo auctorum invenerit, vel hanc distinctionem incertum habeo; nisi forte in *glossematibus, aut modernorum linguis doctorum*» (В. Шмидтъ въ примѣч. къ III, 3).— Слово *manera*, которое авторъ поэмы употребилъ въ IV-й пѣсни 2-й книги (*Et il cammino è lungo a sua manera*) сюда не относится: это *manieri* Франческо да Барберино, *Del Reggim. parte VII*: «arrivò ad un *Manieri* d'un gran borghese». *Vocab. d. Crusca*: *Maniere, Maniero*—abituro nobile e forte fuori della città.—франц. *manoir, maneir, maner*.

Въ заголовкѣ 13-й пѣсни авторъ повторилъ рубрику предыдущей, но замѣтивъ ошибку, вычеркнулъ написанное, и пѣснь осталась безъ рубрики.

Первая книга кончается словами:

Explicit primus liber editus per
Iohannem Gerardi, ubi trattatur de VII
virtutibus. Finit.

Вторая книга, въ томъ видѣ въ какомъ она дошла до насъ, раздѣлена на 6 пѣсень, безъ заглавныхъ рубрикъ, для которыхъ оставлено мѣсто.

376. Въ рукописи: Taddeo; это, разумѣется, Taddeo Gaddi, скончавшійся по Вазари въ 1350 году, хотя документы, на которыхъ онъ основалъ свое показаніе, не найдены. Бальдинуччи упоминаетъ подъ 1383 г. его вдову, мадонну Франческу, дочь Альбиццо Ормани.

377. Въ повѣсть: Andrea. Andrea Orcagna умеръ въ 1376 году или нѣсколько ранѣе; отъ этого года сохранился документъ, касающійся Кристофано Ристори, опекуна Тессы и Ромолы, дочерей Андрея Оркани.

378. Тисбера или Тиспера упоминаетъ Анджело Полициано въ своей *Praelectio de Dialectica*, вмѣстѣ съ Бёрле, Эрвеемъ, Оккамомъ, Антисперомъ и Стродомъ. «*Philosophical Strode*» (Chaucer, *House of fame*), извѣстный своею схоластическою ученостью, былъ наставникомъ Чосерова сына Льюиса въ *Merton college*, въ Оксфордѣ.

379. Въ повѣсть: Clientone; вѣроятно Climentonus Langlejus, номиналистъ.

380. Въ поэмѣ: Burleo; Walter Bursleigh, послѣдователь философской школы реализма.

381. Это напоминаетъ сходную черту въ Тезейдѣ Боккаччо (см. также Chaucer, Canterb. Tales; The knights tale), гдѣ въ началѣ турнира, который долженъ рѣшить любовную распрю двухъ соперниковъ, Паламонъ молится въ храмъ Венеры, Арцить ублажаетъ Марса, между тѣмъ какъ Эмилиа, руки которой добывается тотъ и другой, приносить умиловительныя жертвы Дианѣ.

ДОКУМЕНТЫ.

I.

Questo dico imperò (chè) quasi per tutti greci come latini poeti è stato favoleggiato di questa famosissima Circe, che i compagni d'Ulisse fe' in diverse fiere trasformare. E questo moralmente intendere si dee che secondo i vizii de' compagni d'Ulisse, guardando allo abbattimento della loro ragione, si trasformavano alla sensualità e seguitando quella: imperò che dove manca la somma ragione, si resta in bruto animale, sendo la differenza tra noi e loro solamente il ragionevole, dando per definizione dell'uomo,—l'uomo è animale ragionevole,—e delli altri animali non ragionevoli ma bruti da sommi filosofi detto è stato..... Et, mentre che queste cose diciensi con più altre ragioni, ma singularmente ch'egli era impossibile l'uomo in fiera trasformarsi, dicendo esser quello fatto alla immagine d'Iddio e che l'anima era cosa incorrutibile e immor-

Al reverendo in Cristo padre e maestro frate Luigi Marsili teologo prestantissimo.

Quantunque volte, eccellentissimo maestro Luigi, mi ha apparecchiata Iddio tal grazia di poter la vostra suavissima facondia e dottrina udire, non ho lasciato alcun benchè breve intervallo trascorrere (così ferma opinione ho io del vostro sapere) senza colla mente considerare quello che per voi è stato detto nelle molteplici e diverse materie, di che io soventi volte hovvi udito eccellentemente favellare. Fra le quali di grandissima consolazione mi fu certamente quella, quando voi in brigata di savissimi uomini sopravveniste, nella quale della famosissima maga Circe, del greco Ulisse e de' compagni di quello ragionavasi, de' quali con bellissime finzioni hanno i poeti cantato quale in un animal bruto, quale in un altro essere trasformato. Intorno al quale subietto essendo voi a dire la sentenza vostra richiesto, e per autoritate di gravissimi autori, e per forza di sottili argomentazioni esponeste, quello che di Circe e d' Ulisse e de' compagni suoi hanno i poeti favoleggiato doversi moralmente intendere, che secondo i vizi di quelli, per l'abbattimento di loro ragione si trasformassero. Conciossiachè dove la retta ragione fievole e fiacca diviene, null' altro che un animal bruto rimane, sendo la differenza fra noi e loro solamente nel ragionevole. Per che da sommi filosofanti è stato detto l'uomo essere un animale ragionevole,

tale..... Dice adunque il padre e dottore Agustino, movendo simile e proprio dubbio, come impossibile è che l'uomo si transmuti in bestia, ma bene à tanta forza la illusione diabolica, che a te pare essere bestia, e eziandio desideri gli atti bestiali di quella spezie; e ancora pare a chi ti considera e raguarda che tu sia una bestia secondo forma e effetto, con tutto che sempre lo intelletto o vuoi anima razionale incommutabile o incorruttibile si stia, la quale anima razionale è unica forma sostanziale dell'uomo. Come si dice d'Apuleo, il quale d'uomo asino divenne, e non istante questa illusione pure stava lo intelletto dell'uomo fermo e non corruttibile o mutabile in altro; perchè mai l'uomo mutare in bestia si puote, ma in apparenza senza dubbio alcuno per illusione diabolica bestia puote divenire..... io m'ingegnerò dire uno caso assai famoso e noto e pubblicamente fatto da tale, che, secondo che certo si crede, non fu in Italia già moltissimi secoli più dotto e famoso mago; e per questo udirete quanta forza abbia la illusione diabolica nella fantasia de'mortali, sendo chiaro e mostrato a lui non esser vero nè possibile quello che credea, e pure pertinace e fermissimo istava in suo proposito, e così mentre vive' tale fantasia mai da lui si partì“.

Il Paradiso degli Alberti, ritrovi e ragionamenti del 1389, romanzo di Giovanni da Prato, dal codice autografo e anonimo della Riccardiana, a cura di Alessandro Weselofsky. Kn. 11, crp. 172—180.

laddove gli altri animali, non ragionevoli ma bruti sono chiamati. E così su tal materia discorrendo, e nulla cosa dubbia agli uditori lasciando, chiaro faceste non potersi per malefici o diaboliche operazioni l'uomo in fiera trasformarsi, come quello che alla immagine di Dio fatto è, e di cui l'anima è cosa incorruttibile ed immortale: ma bensì tanta aver forza la diabolica illusione da far parere ad alcuno d'essere bestia divenuto, ed eziandio da far desiderare gli atti bestiali di quella specie, e fiera apparire, in maniera che chi quello riguardasse e considerasse secondo forma ed effetto, fiera il crederebbe, con tutto che sempre lo intelletto ossia l'anima razionale incommutabile ed incorruttibile si stia; la quale anima razionale è sola forma sostanziale dell'uomo. La qual cosa di Apuleio si dice che d'uomo asino divenisse; e non ostante quella illusione, pure fermo lo intelletto dell'uomo rimanesse, e non corruttibile e mutabile in altro. Del qual vostro lungo e dottissimo ragionamento la sentenza ultima essendo, poter l'uomo in apparenza senza dubbio alcuno per diabolica illusione bestia divenire, e tale da sè e da altri credersi, in mente mi venne una novella scrivere, per me da leggiadro novellatore udita raccontare, la quale a confermare le vostre savissime definizioni acconcia reputai. Imperocchè questo che leggerete è caso assai famoso e conto, e forse a voi noto, e pubblicamente fatti da tale che, secondo che si oredè, non fu in Italia già moltissimi secoli più dotto e prestante mago. Il quale per diabolica illusione con sua arte tanto aoperare seppe nella fantasia di un cavaliere dello'imperatore Federigo, che per quanto fosse a lui chiaro mostrato non essere vero nè possibile quello che egli credeva essere a lui

avvenuto, pure pertinace e fermissimo sempre istette in suo proposito, cosicchè mai da lui finch' e' visse tal frenesia non si partio, E siccome dal vostro parlare in me nacque di tale avvenimento memoria, così a voi ho voluto scritto donarlo, e perchè a voi parmi appartenere, e perchè argomento trarre possiate della mia verso voi devozione. Mi resta solo pregare la somma benignità e dottrina vostra che supplire voglia alle imperizie del mio scrivere, ed al rozzo dir mio; alla quale humili ex corde mi raccomando.

Novelle di Giraldo Giraldi fiorentino, seconda edizione. In Amsterdamo, l'anno 1819, ctp. 179—181.

II.

(Отрывок V-ой новеллы)

«E' fu in questi tempi uno giovane nostro fiorentino assai piacevole, il quale ancora si chiama *Nofri* di..... speciale; e andando per lo mondo in più parti civanzando sua vita, capitò in Osterichi nella Magna a una terra che si chiama Vienna; e qui soggiornando alcuno dì, avea vaghezza di vedere il duca, imperò che l'avea molto sentito nominare a Vinegia e a Padova. E sendogli detto dall'oste suo: «Se tu il vuoi vedere va domane damattina a udire messa in duomo, e lui vedrai, [imperò ch' è suo costume il dì delle feste stare in chiesa all' ufficio divino]: onde prestamente andatovi la mattina vegnente e essendo già in coro il duca solo su alto, e Nofri che lui non conoscea (imperò che elli avea per suo vestire quella mattina uno frusone senza alcuno segno di cavaliere o di signore, quasi come se volesse calvalcare, detto l'ufficio), a lui s'acostava e cominciò così a dire: «O compagnone, quando verrà il duca? non è elli omai l'ora del suo venire, chè è cominciata

NOVELLA SETTIMA

Manca il principio, e il fine della presente novella

. . . . E non ci ha credito se non chi è degli scopatori; il perchè noi siamo addreto e Dio sel sa da chi, che non sono altro che gabbadei; che pure iermattina fu tratto ufficiale di grascia a un tratto e capitano della compagnia d'orto san Michele, Lapo della croce oliandolo che pure ieri vendeva le frittelle al Panico. Or pensa come noi stiamo, Berto mio. Andianne tosto in Ungheria a starci col re, e lasciando questi vituperi. Berto udendo Nofri, e da lui sentito avendo come il paese grasso molto era, e non avendo di che vivere qui molto, di fare ciò che a Nofri piacesse diliberò, avvegnachè faticoso gli fosse il determinarsi di perdere il campanile di veduta, e disse: Nofri, dapoichè tu diliberi di andare a Giovanni tuo in Ungheria, io sono contento di venir teco, ma pure io vorrei prima teco ragionarmi un poco come e'vi si vive. Non diciamo più al presente, dis-

la messa?». A cui il duca così dicea, riguardandolo in viso e parendogli italiano: «Perchè ne domandate voi, gentile uomo?», parlando lombardo, chè assai convenevolmente pratico n'era. Nofri udendo parlarlo in tal forma più prese di sicurtà, stimando quelli essere lombardo, e così li rispuose: «Ioarei vaghezza innanzi che io mi partissi di questa terra vedello, e però ve ne demandava.» A cui il duca dicea: «Voi il vedrete prestamente, e se e' v'è in piacere, ditemi donde siete e se avete novella alcuna e che andate faccendo?». A cui disse Nofri: «Io sono fiorentino nè altre novelle io ò, e voglio-mene tornare a Firenze, ma prima essere a Vinegia e comperare certe mercatanzie del mio mestiero.» «Ora colla buona ventura», dicea il duca, «e che mestieri è il vostro?». A cui presto rispuose: «Compagnone, il mio mestieri è speziale; ma lasciamo stare questo, quando credi tu che costui venga allo ufficio? Io credo che elli verrà a ite missa è: e' mi pare ch'elli debba avere poco il capo all'ufficio di chiesa, forse elli è in istufa a'vinazzarsi con qualche sua femina; perchè tu vedi comunemente che questi tedeschi non vogliono altro fare che bombare e lusingare. Il perchè io credo ch'io potrò troppo aspettare.» Il duca questo udendo cominciò a sorridere e dilli: «Gentile uomo, e' non puote per certo fallire che voi non lo veggiate, imperò mai manca sua venuta.» — «O quando, o quando aerai! per certo delle due cose è l'una: o elli è un dolce puchi-ozzo, o elli de' essere ebro com'un torcifeccio», Nofri a lui rispondea con più altri dirl. I famigli che questo vedieno forte si maravigliavano, imperò che di costume non era del duca così ragionare all'ufficio; e immaginavansi, vegendo lui ralegrare e così piacevolmente parlare, che Nofri fosse un grande maestro; e lui fiso riguardandolo e ragionandone insieme, Nofri si maravigliava questo vegendo e al duca dicea: «Chi

se Nofri; ma poichè desinato noi aremo parlerenne appieno, chè di miglior voglia saremo, e intenderenci insieme. Orsù, disse Berto, e' mi pare il tuo consiglio da farlo. E così finendo loro ragionamenti giunsono a Monbellozza fuori della porta al prato, e quivi fattosi fare il cavoletto, ebbono la cipolletta; e prima mangiando un pezzo d'erbato col marobio, desinarono con buona consolazione, avendo continuamente del suo buon vino. E mangiato ch'egli ebbono se n'andarono un poco al solitio, e cominciarono a ragionare da senno dell' Ungheria, e più e più cose dicendo di non meno avviso che farsi gran maestri, Berto un poco dallo sbavazzare caldetto cominciò a millantare, e a dire: Nofri deh andianne tosto, e più tosto che possiamo, ch'io fo boto a Dio che se mai là veniamo a salvamento, tu in poco tempo me un gran maestro vedrai doventato. Io mi lascerò crescere la barba e sempre porterò meco la'nsegna, e con un bel saio nero sarò in concetto d'un grandissimo dottore tenuto. A cui Nofri rispondea: E' mi piace quanto tu di'. Egli è buono che noi andiamo in borgo san Lorenzo, e faremo motto al Cavallina che trovi modo che noi abbiamo due ronzini i migliori che si trovino per insino a Bologna. Berto allora diceva: Or quando vogliamo noi andare? Alla croce d'Iddio, non sarebbe egli meglio il torgli da Agnolo che gli suole aver migliori? Andiamo a lui. Doh bestia! diceva Nofri interrompendolo: tu non ti intendi di cotali cose. Io voglio che tu sappi che il Cavallina è, fuori del procaccino, il miglior cavalcatore di Firenze, e tu vuoi andare a Agnolo ch'e'pare un gabbadeo? Deh lasciati governare a feci; e siamo mossi il dì dopo di santa Maria della candellaia che è martedì. Orsù, Berto gli rispose, facciamo quello che vuoi. E' mi pare che tu intenda meglio queste cose di

sono coloro colà? o e' deono essere i dolci pescioni, chè pare che mai vedessono persona; credercbbono ellino che noi mettesimo corna? dè vedi ve', che non fanno altro che borbottare. Son eglino de' famigli del duca?.....

(Отрывок VI-ой новеллы)

«ci à credio, se non chi è delli scopatori; il perchè noi siamo adietro, e dio il sa da chi, che non sono altro che gabbadei, chè pure ieri matina fu tratto ufficiale di grascia a un tratto e capitano della compagnia d' Orto Santo Michile *Lapo della Croce* oliandolo, che pure ieri vendea le frittelle al panico. Or pensa come noi stiamo, Berto mio, andianne tosto in Ungheria a starci co' re e lasciamo qui questi vituperi.» Berto udendo More e sentendo da lui che il paese era grasso, e non avendo di che vivere qui molto, diliberò fare ciò che a More piacesse, avenga che faticoso gli fosse il diliberarsi perdere il campanile di veduta. E disse: «More, dappoi che tu diliberi d' andare a Giovanni tuo in Ungheria, io sono contento di venire teco; ma pure io vorrei teco ragionarmi un poco, come e' vi si vive. Non diciamo più al presente, ma desinato che noi aremo parlerenne apieno, chè saremo di migliore voglia e intenderemci insieme». «Or su», disse More, «e' mi piace il tuo consiglio da fallo». E così finendo i loro ragionamenti giunsono a *Monbellozza fuori della porta al Prato*, e quivi fattosi fare il cavoletto e ebbono la cipolletta, e prima mangiando uno pezzo d'erbato col marobio desinarono con buona consolazione, avendo continuamente del suo buono vino. E mangiato che ebbono se ne andarono uu poco al solitio e cominciarono a ragionare da senno d'Ungheria, e più e più cose dicendo di non meno avviso che farsi grandi maestri.

me. Ma che dirà monna Lippa, seguitava Nofri, che si troverà sola senza di te? Procaccisi compagnia, aggiungeva Berto, come io farò; ch'io tengo per fermo esservi in Ungheria le più belle femminaccie: e se Dio m'aiti, io vo' che noi ci troviamo due belle manze fresche e degnevoli che mai più, a ammazzare con loro in santa pace senza duopo d'andar dietro a tante. E dopo queste parole tutti ringazzulliti partironsi da Monbellozza, beendo prima un tratto, e vennono in borgo san Lorenzo e dal Cavallina due ronzini per lo di deputato accattarono, ciascuno di loro il meglio che potè o seppe messosi in punto, portando solamente ciascuno un carnaiolo dentrovi la sua cappellina di notte, con non molta pecunia; e saliti a cavallo verso Bologna presono il cammino. . . Giunti finalmente. . . si fermarono a riposarsi dicendo. . . la ragione con l'oste, la mattina si misono in cammino; ultimamente giungendo a Vinegia, sopra un legno montarono che a Giara poneva; e giunti a Giara assai felicemente, subito brigarono di prendere verso Buda la via, e così feciono. Giunti a Buda furono lietamente da Giovanni, nipote di Nofri ricevuti, di molte cose e di novitadi che vedute avevano con lui, e con altri fiorentini che quivi erano ragionando, disse Berto: Che giova a dire? io non arei mai creduto se veduto non l'avessi, d'un gran fatto più che mai si vedesse, il quale dire per maraviglia non oso. Dissono quei fiorentini: Deh dillo Berto, che quì ogni cosa ci cape. Berto che si consumava di dirlo così rispondeva: Io il dirò poichè voi volete. Dappoi in qua che noi passammo il mare, noi abbiamo trovati fanciulli piccolini di cinque e sei anni e appena o meno, che favellano ungheri che chi gl'intende è una gioia; e i nostrali di quel tempo non sanno appena par-

Berto un poco caldetto cominciò a millantare e a dire: «More, dè, andiamo più tosto che possiamo, ch' i' fo boto a Dio, che se noi vegnamo là a salvamento, che tu in poco tempo mi vedrai uno grande mastro: io mi lascerò crescere la barba e sempre porterò meco l'arco. Andiamo tosto». A cui More rispondea: «E' mi piace quanto di'; egli è buono che noi andiamo in borgo San Lorenzo, e faremo motto al Cavallina che truovi modo che noi abiammo due ronzini, i migliori che si trovano, per infino a Bologna». Berto subito rispondea: «Or quando vogliamo noi andare? non sarebbe meglio a to' gli da Agnolo, che li suole avere migliori? andiamo a lui». — «Do, bestia», More dicea, «tu no t' intendi di queste cose; io voglio che sappi che 'l Cavallina è fuori del procaccino il migliore cavalcatore di Firenze, e tu vuoi andare a Agnolo che pare uno gabbadeo. Dè! lasciati governare a'feci e siamo mossi il dì dopo a Santa Maria Candelaia, ch'è martedì». Berto li rispuose: «Orsù, facciamo quello che vuoi; e'mi pare che tu t' intenda meglio di queste cose di me». E partirosi da Monbellozza, beendo prima un tratto dopo queste parole, e venoro in borgo, e dal Cavallina acattarono due ronzini per lo dì deputato; e messosi in punto ciascuno di loro il meglio potè o seppe, portando ciascuno di loro solamente uno carnaiuolo, dentrovi la sua capellina di notte con non molta pecunia, e saliti a cavallo preson il camino verso Bologna e giunti finalmente.....ono a riposarsi, dicendo..... e accozzandosi insieme con More e Berto, e ciascuno le sue fatiche dicendo, finalmente il vetturale diliberò colloro girne in Ungheria. E riposatosi la notte, fatto la ragione coll'oste, la mattina si misono in cammino; e ultimamente giugnendo a Vinea, montarono in su uno legno che ponea a Giara. E giunti a Giara assai felicemente, brigarono prestamente pren-

lare al modo nostro. E'deono avere troppo buona memoria, ch'io per me mai non credo apparallo che tra le barbe. Eh quello mi pare la festa de' Magi. Nofri prestamente non aspettando che altri dicesse così soggiunse: Egli dice il vero; io per me mai creduto non l'arei. Io mi pensava che la Cosina mia così linguacciuta fosse purè di buona memoria, ma ella non sa se non parlar nostrale, e punto di questo non sa. Giovanni che udiva così dire della goffaggine, e semplicitade loro si maravigliava molto, e guatavagli fiso senza altro dire. Berto, parendogli per questi atti non esser creduto, diceva: Per lo corpo di Dio ch'egli è così, Giovanni mio, non gli hai tu sentiti? Quegli altri fiorentini cominciarono a ridire, e dal ragionar di loro trarne piacere, e così come meritato avieno burlargli non volevano; e in cotali diri continuando, l'ora del sonno venutane, a dormire n'andarono.

..... voi non potete vedere il re così tosto; ch'egli è all' Isola, e non in Buda. Che è l'Isola? diceva Berto: or mi dileggi tu? Deh non motteggiare di cose portino; che io ti ricordo ch'io son qui venuto per vedello. Non sai tu che noi l'abbiamo dipinto in Firenze in mille latora? Deh che potremo noi dire in Firenze tornando, se non avessimo il re veduto, di qua venendo? Maisi che da tutta la vicinanza belli moccioni saremmo tenuti e balordacci vedete che Berto favella : messa in duomo, e il vedrete; imperocchè suo costume è il dì delle feste stare in chiesa all'uffizio divino. Onde la mattina veniente prestamente andatisi, ed essendo già il re solo nel coro, Nofri e Berto quello non conobbero, imperocchè egli aveva per suo vestire quella mattina un frusone senza alcun

dere il cammino verso Buda, e così ferò. Giunti a Buda furono lietamente ricevuti da Giovanni nipote di More, e ragionando di molte cose e di novitadi che avieno vedute co' lui e con altri fiorentini che quivi erano, disse Berto: «Che giova a dire? io nonarei mai creduto, se io no l'avessi veduto, d'un grande fatto più che mai si vedesse, il quale non oso dire per maraviglia». Dissono que' fiorentini: «Dè, dillo, Berto, qui ci cape ogni cosa». Berto, che si consumava dillo, così rispondea: «Io il dirò poichè voi volete. Dapoi in qua che noi passamo il mare, noi abbiamo trovati fanciulli piccolini di sei e cinque anni che favellono ungheri, chè a chi gl'intende è una gioia, e i nostrali di quel tempo non sanno apena parlare al nostro modo. E' deono avere troppo buona memoria, chè io per me mai non credo aparallo che tralle barbe; e quello mi pare la festa de'magi». More prestamente non aspettando ch'altri dicesse così soggiunse: «Elli dice il vero, io per me mai l'arei creduto. Io mi credea che la Cosina mia così linguaciuta fosse pure di buona memoria, ma ella non sa se none parlare nostrale e punto di questo non sa». Giovanni, che udia così dire, si maravigliava della loro ignoranza e semplicitade e guatavagli fiso senza altro dire. Berto, parendogli non essere creduto, dicia: «Per lo corpo d'Iddio che elli è così, Giovanni mio, nolli a'tu sentiti»? Quelli fiorentini (che) v'erano, (cominciarono a (ri)dere e trarre piacere del ragionare loro, e non volieno turballi così da prima come meritato arieno. Onde dando sollazzo, vegnendo l'ora del sonno, andarono a posarsi. Venuto dapoi la mattina disse More al parente suo: «Giovanni mio, noi ci struggiamo di vedere i're; dè, fa che noi il veggiamo—or dove ista egli»? Giovanni presto diceva: «Voi nol potete così tosto vedere, imperò che elli è all'Isola e non è in Buda». — «Che è l'Isola?» diceva Ber-

segno che cavaliere o signore lo palesasse, e quasi come se cavalcare avesse voluto. Detto l'ufficio Nofri a lui s'accostò, e così incominciò a dire. O compagno, quado il re verrà? Non è egli omai l'otta di suo venire, che è cominciata la messa. A cui il re in viso ragguardandolo, perchè italiano parevagli, lombardo parlandogli, che assai convenevolmente pratico ne era, così gli diceva: Perchè ne domandate voi gentiluomo? Nofri udendo costui in tal forma favellare, più prese di sicurezza, stimando lui essere lombardo, e così gli rispose: Io avrei vaghezza, io e il mio compagno qui, innanzi che noi ci partissimo da questa terra di vederlo, e però a voi ne domandava. A cui il re rispondeva: Voi il vedrete prestamente; ma se vi è in piacere ditemi donde siete, e se avete novelle alcune, e che andate facendo. A cui disse Nofri: Io son fiorentino e'l mio compagno è altrettale, nè altre novelle abbiamo, e il mio mestiero è speciale; ma lasciamo questo stare. Quando credi tu che costui vegna all'ufficio? Io credo ch'egli verrà a *ite missa est*. E Berto soggiungeva: E'mi pare ch'egli debba avere poco il capo a questo ufficio di chiesa. Forse egli è in istufa a vinazzarsi con qualche sua femmina; perchè tu vedi comunemente che questi tedeschi non vogliono altro che bombare e lussuriare. Il perchè io credo che noi dovremo troppo aspettare. Il re questo udendo a sorridere incominciò; e i famigli che questo vedeano forte si maravigliavano, avvegna che costume del re non fosse così all'ufficio ragionare; e immaginarono veggendo lui ragionare e così piacevolmente rallegrare, ch'eglino fossero due gran maestri, e fissamente loro ragguardavano, e insieme ne favellavano. Nofri questo vedendo, diceva: Chi sono coloro colà? e'deono essere i dolci creazioni, ch'e' pare che mai vedessono

to; or motteggi tu? Dè non motteggiare di cose che portino, ch'io ti ricordo ch'io sono qui venuto per vedello. Non sai tu che noi l'abbiamo dipinto in Firenze in mille latora? Dè, che potremo noi dire tornando a Firenze che noi non avessimo veduto il re nè vegnendo qua, chè saremo (te)nuti da tutta la vicinanza belli mocciconi? sog (iugne?)ndo il v(etturale?). . . . mio, ben sapete che Berto favella. . . . fra nuove ginee disse l. . . o. . . . troverovvi uno b. . . . l'Isola. . . .

. . . . si volse al veturale dicendo: «Dè, tu favelli come uno sciocco; tornati tu se vuoi a casa, ch'io per me il voglio pure vedere. Non pensi tu che re è questo, ch'elli metterebbe in campo più di sessanta migliaia di cavalli? Non è el vero, o buono uomo? A cui il re rispuose: «Elli gli à bene nel suo reame». E così ragionando di molte e molte cose, stando il re co'molto piacere, valicarono dell'ore cinque, intanto ch' e' baroni tornarono da Buda, ch'avieno desinato; e giugnendo alla porta del giardino picchiarono, trovandola serrata, perchè i paggi si fecero a uno sportellino che nella porta era e dissono come non poteno aprire, imperò ch'era stato loro comandato. L'arcivescovo fe'domandare chi era col re; fugli'risposto da' paggi che credeano che fossero latini. Onde, alquanto soprastando e vegendo che non s'apria, l'arcivescovo disse ch'aprissono, ch'almeno vedessono chi col re era. I paggi apersono un poco, e cacciato dentro il capo videro il re ritto con coloro e andarono più avanti. Il veturale, che vedea l'arcivescovo, cominciò a dire: «O Berto, guarda, guarda al corpo d'Iddio, che quel trugliardo di dianzi è tornato arietro», e cominciò forte a ridere. Berto, raguardato, il simile facea. Il re, che vide dentro al giardino i baroni, l'ebbe forte a male, parendogli dovere perdere il suo piacere; ma,

persona. Crederebbono eglino che noi mettessimo corna? Vedi ve che e'non fanno altro che borbottare. Sono eglino de'famigli del re? Alla fe di Dio che e'non. . . .
manca il fine della presente novella.

Dopo che non poco della semplice e goffa natura di maestro Berto e di Nofri ebbero le donne riso, e della beffa che per quella femmina veneziana fu loro fatta, a continuare il suo novellare messer Biagio, gli altri tutti tacendo, così disse: Per quanto lieta la detta novella sembrata vi sia, pure mi giova il credere, festose donne e carissimi amici miei, che più materia di riso degna sia per darvi un'altra burla che ad uno scimunito e balordo uomo per alcuni sollazzevoli compagni fu ordinata, siccome da quanto sono per narrarvi udirete. Nella quale dire se alcun poco di freno alla lingua libero lasciassi, vi prego non volere me degno di repressione estimare, ma di voi dolervi, che per vostra voluntade a trovare lieta materia di ridere sono costretto. Io avviso anzi che per la vicinanza del tempo che questo avvenimento, di ch'io sono per dire, nella città nostra avvenne ad alcuno di voi sarà conto; ma siccome con tutte le particolarità sue udito hollo raccontare, credo che a voi non sarà discaro l'udirlo tale quale dall'istesso maestro Miglioruccio, che fu della beffa il macchinatore, udito ho. Per lo che la vostra attenzione implorando certe essere potete, savissime donne, che dal mio dire alcuna cosa apparerete.

Ibid. cap. 111—117.

facendosi più apresso a lui l'arcivescovo, More disse: «O che gente è questa? Or noi gli vedemo pure poco è andare a Buda. Che vanno facendo e vengono a voi? Vogliono ellino sapere novelle del re?». E mentre si parlava, l'arcivescovo con li altri baroni faceno le reverenze debite, inginocchiandosi alla presenza del re e a salutallo. A cui il re rispuose: «Voi m'avete tolto la maggiore consolazione ch'io avessi mai, parlando con questi miei fiorentini, e dapoi che voi vi partisti qui sono suto co' loro come con buoni amici». More e' compagni veggiendo le reverenze fare si maravigliaro, e recatosi ritti in piede, chè prima apoggiati stavano, cominciarono a vergognarsi, parendo loro d'essere stati scostumatamente, immaginando quello il re dovere essere; e quasi isbalorditi non sapieno che dire. A' quali il re così dicea: «Buone persone, andate con questo paggio a fare collazione e a desinare, e fate che desinato ch'avete io vi veggia. Ora andate in buona ora». E chiamato il paggio li dicea che li menasse a Luca da Firenze e facesse loro onore. Ellino isbalorditi n'andarono col pagio domandando se quelli era il re. Il pagio, che nolli intendea, dicea loro in unghero: «Or su venite, venite»; e ellino nollo intendendo pensavano ch'elli bestemmiasse, e forte temendo giunsono a Luca, il quale gli avea per buona parte del tempo veduti e cominciò loro a dire: «Do pazzi ismemorati che voi siete, or non avete voi vergogna d'avere fatto quello che avete, villani, bestialacci? Or chi pensavate voi che fosse, or con chi vi pareva essere, quando zampettando parlavate col re? Chè per buona fe'io ebbi voglia di fare una grande pazzia, chè sarebbe stato uno grande bene di torre uno bastone e mazzicatovi a modo d'asini. Andate colla mala ventura; da voi non rimane che ogni fiorentino non sia isvergognato! Or chi diavole credavate voi

che fosse? Dè, ditemelo». A cui More rispondea: «Vedi, Luca, noi nollo avremo mai creduto che fosse stato il re, imperò che non avea nè à la corona in capo, ma noi ci pensavamo che fosse il prete suo». Luca, che questo semplice udia, non potè tenere ch'un poco non ridesse. Poi disse: «Dè, tornatevi a Firenze il più presto che voi potete, e non andate attorno». Poi li menò e fe'aparechiare loro da mangiare; e mangiato ch'elli ebbono, diliberarono tornarsi a Buda prestamente: ma Luca volle che tornassono al re come elli avea detto loro, amastrandoli della reverenza che dovessono fare, come che ellino la dimenticassono. Tornarono al re, e elli vegendoli venire lasciò il ragionare co'baroni e fecesi un passo loro innanzi, dicendo: «Ben vegnate, fiorentini miei!» Ellino chinandosi a terra co'molta vergogna, cominciò More a dire: «Messere perdonateci, chè per buona fe' noi non sapavamo che voi fossi il re: chè se noi l'avessimo saputo, noi non aremo fatto con voi sì dimesticamente». A'quali il re dicea: «Io voglio che voi facciate co meco come voi facevate». Berto soggiunse: «Messere, non piaccia a Dio, nè voglia; noi vi vogliamo per re e per maggiore, chè noi pensavamo allora che voi fossi prete». Il re rise e disse loro: «Non vi partite, istatevi meco». — «Or che direbbe Giovanni, mio nipote», rispuose More, «se io non tornassi istasera a casa? Elli s'adirerebbe. Ma noi ci torneremo un'altra volta e staremoci tutto dì con voi; vogliate per questa volta che noi ce n'andiamo». Il re disse ch'era contento, con questo che tornassono altra volta; e così dal re si partiro e tornarsi a Buda. La novella fu prima a Buda di loro, e furono molto ripresi di quelli modi, ma ellino altra scusa non avieno se non dire: «Buono, buono! o che non tiene elli la corona in capo, e sarà conosciuto?» Vedete adunque quanta

semplicità fu in questi capocchi, onorevoli padri e maggiori. Il perchè mi pare non meno lodare la clemenza di tanto principe, che riprendere la stolzia de'tre compagni poco intendenti e pratici. —E così finì il *Sonaglino* la sua novella con molte risa di chi quella udì.

Ibid. кн. IV-я гл. 96—112.

III.

Regi Bossine.

Serenissime atque christianissime Princeps,

Gloriosissimam victoriam, quam Omnipotentis et Eterni Numinis inenarranda benignitas, ab alto respiciens gregem suum, Serenitati Vestre concessit, vestrarum litterarum serie gratulanter accepimus, et in ipsa cum Majestatis vestre culmine letis animis exultamus. Nam quamvis jam diu triumphum hunc Sublimitati vestre celitus traditum, tum fama, tum multorum scriptionibus nostra devotio percepisset, nobisque notissimum foret diè xv mensis Junij proxime elapsi superbam temeritatem, temerariamque superbiam Maomecthicole Lamoratti, qui Frigum, sive Turchorum imperio violenter adepto christianitatem et Salvatoris Nostri nomen ex orbis facie tollere cogitabat, et si potuisset, de libro viventium abolere, quique stulte fines vestrarum Regnorum invaserat, in loco, qui campus Turdorum dicitur, cum infinitis gentium suarum milibus, cumque duobus filiis, multo cum sanguine cecidisse; nichilominus tamen hoc fuisse humilitati nostre per regales litteras intimatum et gloriosum et gratissimum nobis fuit. Quid enim potuit nobis veris Christi cultoribus pulcrius aut gloriosius nuntiari, quam pugna illa cunctis memoranda temporibus, qua tot Trojanorum, infideliumque milia, cum illo Duce terribili ceciderunt? Felix tante stragis campus, qui cesorum ossa, eternum victoriae munimentum, in etates plurimas reservabit! Felix Bosne Regnum, cui contigit tam gloriosum certare certamen, tantamque in Christi dextera victoriam obtinere! Felix et illa dies ac beati Viti Sanctissimi Martiris celebris et veneranda memoria, qua datum est hostem illum ferocissimum superare! Felices et ter quaterque felices duodecim illa procerum jurata manus, qui turmas hostium perrumpentes, concatenatosque in circuitu camelos, ad Lamoratti tentorium, aperientes viam ferro, vigorosissime pervenerunt! Felix et ille super alios, qui ducem tante potentie, gutturi atque inguini

adacto gladio, fortiter interemit; beatique cuncti, qui glorioso martirii genere, quasi victimæ cesi Ducis, super illud immane cadaver vitam et sanguinem effuderunt! Sed omnium felicissima est Vestra Majestas, quam tam gloriosa victoria nunquam abolende memorie consecravit, Cuique, si veri Christi pugilibus et athletic Regnum Dei, ut pie credendum est, preparavit Omnipotens, vera illa et interminabilis gloria reservatur! Illi ergo cunctarum rerum auctori Deo, cuius pugnam tam feliciter pugnavistis, infinite sint laudes et gloria, Vestreque Majestati talis et tanta gratia sit, qualis et quanta potest verbo promi, aut animo cogitari: que nostram humilitatem dignata fuit tante felicitatis, tam benigne, et tam amicabiliter, nedum facere consciam, sed participem et consortem. Felicitet itaque Deus Majestatem Vestram, cui nos et Commune nostrum devotissime commendamus, ad exaltationem vestri culminis, et totius christianitatis columen et honorem.

Data Florentie die XX mensis Octobris XIII Indictione MCCC LXXXVIII.

Archivio centrale di Firenze, filza 21: Signori Carteggio
Missive Registri 1-a Cancelleria.

ОПЕЧАТКИ И ПРИВЪВЛЕНІЯ.

Стран.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
33	17	микрoкозма	макрoкозма
—	22	Аравію	Аравіи
36	7	andernl	andern
—	8	facke	fackel
72	24	надмѣнный	надменный
81	9	39)	38)
118	22	Андремъ	Андреемъ
169	34	сенегала	сенешала
186	20	1389-мъ	1389-му
189	4	чувствовалъ	чувствовалъ
220	31	ими (лишнее)	
228	5	Dic ea	Dicea
280	26	Аутогверо	Аутогверео
300	31	кв.	di
309	25	villii	vili
312	7	noni	non
—	9	d	di
315	27	la	le
330	40	franceso	francese
340	16	quantuque	quantunque
343	30	uomini	uomini
356	34—5	Epistola	Epistola
365	9	spoliandam	spoliandum

къ стр. 32 Мнѣ о рожденіи Амура отъ Венеры и Марса, вызвавшій аллегорическія объясненія нашего романиста—довольно обычный мотивъ, который не разъ разрабатывали поэты старо-итальянской школы. На немъ основанъ извѣстный стихотворный споръ между Гвидо Кавальканте и Чекко д'Асколи. См. также сонетъ Matteo Frescobaldi: O infelice punto e giorno ed ora.

къ — 295 (новелла IX) Отъ Minuccio d'Arezzo, иначе Mino del Pavesaio, осталось нѣсколько стихотвореній (см. у Zambrini Le opere volgari a stampa). Обращаемъ вниманіе на сонетъ, начинающійся стихомъ: Non conosco, amico, vostro nome (Poeti del primo secolo v. II-о, р. 386). Въ сборникѣ Allacci онъ приписанъ Данте.

Princeton University Library

32101 051671616

